

БЕСѢДЫ НА ПРОРОКА ІЕЗИКІИЛЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА,

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ.

Архимандритомъ Клементіемъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КАЗАНЬ.

Типографія М. Шогина и К.

1863.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

	Листы
1. Предисловіе отъ переводчика	3.
2. Предисловіе Св. Отца нашего Григорія Двоеслова	5.
3. Бесѣда I-я, о временахъ и епособахъ Пророчества	6.
4. Бесѣда II-я, въ которой изъясняются первые пять стиховъ 1-й главы Пророка Іезикиіля, по многообразному смыслу, преимуще- ственно аллегорическому и нравственному.	26.
5. Бесѣда III-я, въ которой изъясняются че- тыре стиха, отъ шестаго до десятаго, 1-й главы Пророка Іезикиіля, и имѣется раз- сужденіе о святыхъ Проповѣдникахъ и двойкѣ ихъ жизни, дѣятельной и созер- цательной	52.

6. Бесѣда IV-я, въ которой объясняются стихи: десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый I-й гл. Пророка Іезикиіа, и предлагаются многія нравственныя правила, преимущественно о непрестанномъ вниманіи къ Богу, и къ самимъ себѣ. 74.
7. Бесѣда V-я, въ которой, при изъясненіи трехъ стиховъ—отъ двѣнадцатаго до пятнадцатаго — I-й гл. Пророка Іезикиіа, ученымъ образомъ разсуждается о Св. Духѣ, и Его побужденіи въ Святыхъ, движеніи и обиганіи. 90.
8. Бесѣда VI-я, въ которой изъясняются стихи: 15, 16, 17 и до половины 18-го, I-й гл. Пророка Іезикиіа, съ направлениемъ рѣчи Пророческой къ похвалѣ Св. Писанія, а преимущественно Евангелія. 108.
9. Бесѣда VII-я, въ которой изъясняется стихъ 18-й съ нѣсколькими другими, за нимъ слѣдующими I-й гл. Пророка Іезикиіа, и разсуждается преимущественно о пользѣ священнаго чтенія, и объ исполненіи обязанностей любви, съ тою осторожностію, чтобы мы особенно были внимательны къ самимъ себѣ чрезъ покаяніе 137.

10. Бесѣда VIII-я, въ которой изъясняются стихи отъ 24-го первой главы до начала второй главы, и представляется разсужденіе о Божествѣ Христовомъ, о воплощеніи Слова, о проповѣданіи, о составленіи Церкви, распространеніи ея, и единствѣ . . . 170.
11. Бесѣда IX-я, въ которой изъясняется вторая глава Пророка Іезикиіля. Въ этомъ изъясненіи не только многое излагается въ нравственномъ смыслѣ, но и не мало обсуживается трактатовъ ученымъ образомъ, именно: о необходимости предшествующей благодати, о согласіи и содѣйствіи ей свободнаго произволенія, о темнотѣ Св. Писанія, и толкованіи его . . . 210.
12. Бесѣда X-я, въ которой, при изъясненіи первыхъ стиховъ третьей главы до пятнадцатаго, рекомендуется преимущественно Св. Писаніе, непрестанное чтеніе его, размышленіе, и проповѣданіе . . . 252.
13. Бесѣда XI-я, въ которой при продолженіи изъясненія третьей главы,—отъ 15 до 20 ст.—Святитель разсуждаетъ: о пастырской обязанности, о грѣхахъ властей и подчиненныхъ, взаимно связанныхъ, и пре-

- и муцественно о слѣпотѣ разума . . . 301.
14. Беседа XII-я, въ которой Святитель объясняетъ остатокъ третьей главы, и объясненіе свое доводитъ до 4-го стиха главы четвертой, наклоня оное къ разнымъ нравственнымъ, или заповѣдямъ, или совѣтамъ, для Проповѣдниковъ и слушателей. 335.
-

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Послѣ Бесѣдъ на Евангелія иже во святыхъ отца нашего Григорія Двоеслова, переведенныхъ мною съ латинскаго языка на русскій, и изданныхъ въ 1860 году, при помощи Божіей я перевелъ еще бесѣды на Пророка Іезиѣиля того же Святителя.

Со стороны переводчика требуется вѣрность перевода и ясность; и я съ своей стороны употребилъ все стараніе о достиженіи той и другой цѣли. Но достигъ ли я ихъ, предоставляю судить другимъ.

Впрочемъ не могу не обратить вниманія судей на то, чтобъ они были безпристрастны; и если замѣтятъ какія либо невѣрности, то должны показать, какъ, по ихъ мнѣнію, было бы вѣрнѣе, съ предоставленіемъ мнѣ права, или согласиться съ ними, или обстоять вѣрность моего перевода въ томъ же самомъ журналѣ, въ которомъ будутъ замѣчены (если будутъ замѣчены) какія либо невѣрности. Голо-

словнымъ отзывомъ—безъ доказательствъ—я не желаю бы ни слушать, ни читать. Что касается ясности, то она, какъ въ латинскомъ подлинникѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ, относительная; потому что Святитель изъяснялъ пророчество Іезикииля, которое, какъ извѣстно, темнѣе всѣхъ пророчествъ.

Читателей предваряю, чтобъ они не ожидали изъясненія на всю книгу Пророка Іезикииля. Святитель изъяснилъ только первыя три главы Пророка съ четырьмя стихами четвертой главы, и главу сороковую, безъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Изъясненіе первыхъ трехъ главъ составляетъ у него первую книгу, а изъясненіе сороковой главы—вторую.

Архимандритъ Кмментъ.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА (ВЕЛИКАГО),

ЕПИСКОПА РИМСКАГО.

ДВѢ КНИГИ

БЕСѢДЪ НА ПРСРСКА ІЕЗЕКІІАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возлюбленнѣйшему брату, Епископу Маріану,
Епископу Григорій, рабъ рабовъ Божіихъ.

За многими настоятельными заботами, а долго оставялъ въ забвеніи бесѣды на святаго Пророка Іезекііа, написанныя такъ, какъ я говорилъ ихъ предъ народомъ. Но послѣ осьми лѣтъ, по прозбѣ братіи, я позаботился отыскать записки нотаріевъ, и пересмотрѣвъ ихъ при помощи Господней, я

исправилъ ихъ на столько, на сколько было можно по тѣснотѣ обстоятельствъ. Поэтому любовь твоя потребовала, чтобы я прислалъ тебѣ эти бесѣды для прочтенія; но я подумалъ, что весьма не прилично черпать достойную презрѣннѣ воду тому, о комъ извѣстно, что онъ непрестанно пьетъ чистыя и свѣтлыя воды изъ источниковъ блаженныхъ отцевъ, Амвросія и Августина. Но съ другой стороны подумавъ, что часто среди ежедневныхъ наслажденій пріятны бываютъ и дешевыя кушанья, послалъ читающему лучшее свое худшее, для того, чтобы онъ, принявъ какъ бы съ отвращеніемъ грубую пищу, съ большею алчностью возвращался къ утонченнымъ наслажденіямъ.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Святый учитель, намѣреваясь изъяснить Пророка, излагаетъ предварительныя понятія о временахъ и о способахъ пророчества.

1. Съ благословенія всемогущаго Бога намѣреваясь говорить о Пророкѣ Іезикилѣ, я считаю своимъ долгомъ предварительно указать на времена и способы пророчества, дабы по указаніи на пріемы его, яснѣе познать силу. Время пророчества

три; именно: прошедшее, настоящее и будущее. Но надобно знать, что въ двухъ временахъ пророчество теряетъ свое значеніе. Такъ какъ пророчество потому и названо пророчествомъ, что прорекаетъ будущее: то, говоря о прошедшемъ или настоящемъ, оно лишается основанія на свое наименованіе, потому что не предсказываетъ, что будетъ, но или припоминаетъ о томъ, что прошло, или говоритъ о томъ, что есть. Впрочемъ объ этихъ трехъ временахъ пророчества мы вѣрнѣе будемъ говорить, когда покажемъ основанія для нихъ изъ свидѣтельствъ Св. Писанія.

Пророчество о будущемъ есть слѣдующее: *се Дѣва во чревь приметъ, и родитъ Сына* (Ис. VII, 14). Пророчество о прошедшемъ: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1. 1). Ибо человѣкъ сказалъ о томъ времени, въ которое не было человѣка. Пророчество о настоящемъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Апостола Павла: *аще вси пророчествуютъ, увидетъ же илькій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми, и истязуется отъ всѣхъ: ѿ снѣ тайная сердца его явлена бывають: и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвъщая, яко воистину Богъ съ вами есть* (1 Кор. XIV, 24—25). Итакъ когда говорится: *тайная сердца его явлена бывають*, тогда ясно открывается, что чрезъ этого

способъ пророчества духъ не открываетъ будущаго, а обнаруживаетъ, что есть въ настоящемъ (времени). По какому же праву называется духомъ пророчества тотъ духъ, который не открываетъ ничего будущаго, а обнаруживаетъ настоящее? Въ этомъ дѣлѣ надобно замѣтить, что это пророчество справедливо называется пророчествомъ, не потому что предсказываетъ будущее, но потому, что обнаруживаетъ сокровенное (настоящее). Потому что, какъ въ будущемъ какой либо предметъ скрываютъ отъ нашихъ взоровъ времена, такъ въ настоящемъ скрываетъ его отъ нашихъ взоровъ причина. Ибо событіе будущее скрывается въ будущемъ времени, а настоящій помысль скрывается въ лукавомъ сердцѣ. Еще есть пророчество настоящее, когда какое либо дѣло скрывается не отъ духа, но по отдаленности мѣста, а духомъ обнаруживается. Духъ пророчествующаго присущъ и тамъ, гдѣ нѣтъ его тѣла. Ибо Гіезій далеко былъ отъ Пророка, когда принималъ дары отъ Неемана Сиріянина, и не смотря на то, этотъ Пророкъ говоритъ ему: *не ходило ли сердце мое съ тобою, и видѣхъ, егда возвращаешься мужъ съ колесницы своей въ сретеніе тебѣ* (4 Цар. V. 26)?

2. Еще надобно знать, что времена пророчества взаимно себя поддерживаютъ, въ доказатель-

ствѣ, такъ что иногда будущимъ доказывается прошедшее, а иногда прошедшимъ будущее. Ибо Моисей сказалъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1). Но кто повѣрилъ бы, что онъ вѣрно говорить о прошедшемъ, если бы онъ не сказалъ чего либо и о будущемъ? Поэтому онъ въ концѣ этой самой книги, въ началѣ которой говорилъ о прошедшемъ, присовокупилъ отъ Іакова одно пророчество о будущемъ, говоря: *не оскудѣетъ Князь отъ Иуды, и вождь отъ чреелъ его, дондеже придутъ отложенная ему* (доколѣ не придетъ Тотъ, Кто будетъ посланъ): *и Той чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). И самъ отъ себя пророчествовалъ руководимому имъ народу о томъ же будущемъ Посланникѣ, говоря: *Пророка отъ братіи твоея, якоже мене возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, Того послушайте. И человекъ той, иже не послушаетъ словесъ его, елика возлагаетъ Пророкъ оный во имя мое, азъ отмишу ему* (Второз. XVIII, 15. 19). Итакъ для чего онъ къ прошедшему присовокупилъ будущее, если не для того, чтобы чрезъ исполненіе предсказанія о будущемъ доказать и то, что ѳнъ истину говорилъ и о прошедшемъ?

3. Итакъ узнавъ, какимъ образомъ прошедшее доказывается пророчествомъ о будущемъ, намъ остается теперь еще показать, какимъ образомъ въ

самомъ духѣ пророчества доказывается будущее изъ прошедшаго. — Извѣстно, что Царь Вавилонскій, увидѣвъ сонъ (Дан. 11, 2), послалъ за волхвами и чародѣями, и созвалъ всѣхъ Вавилонскихъ мудрецовъ, не за тѣмъ только, чтобы вывѣдать отъ нихъ истолкованіе сновидѣній, но и вспомнить о самомъ сновидѣніи, именно для того, чтобъ изъ прошедшаго заключить, вѣрно ли будетъ ихъ предсказаніе о будущемъ. Когда они рѣшительно ничего не могли сказать (о прошедшемъ); тогда выставленъ на середину Данииль, который на вопросъ о сновидѣніи, не только отвѣчалъ на то, о чемъ былъ вопрошаемъ, но и повторилъ самое сновидѣніе, говоря: *помышленія твоя (царю) на ложи твоемъ въздоша, месому подобаетъ быти посихъ* (тамъ же, ст. 29). И нѣсколько послѣ: *ты, царю, видѣлъ еси: и се тѣло едино, велие тѣло оно* (тамъ же, ст. 31) и проч. Разказавъ въ порядкѣ сновидѣніе его, Данииль тотчасъ открылъ и то, что слѣдовало за нимъ въ будущемъ. Итакъ обсудимъ порядокъ пророчества. Отъ помышленій оно переходитъ къ сновидѣнію, а отъ сновидѣнія переходитъ къ будущему. Слѣдовательно разказавшій, такъ сказать, о самомъ корнѣ сновидѣнія рѣшительно доказалъ изъ прошедшаго, сколь истинно было то, что онъ говорилъ о будущемъ. Но пророчество настоящаго времени

не имѣеть надобности въ подтвержденіи какъ прошедшаго, такъ и будущаго; потому что когда сокровенная вещь открывается словами пророчества, тогда за истину его ручается самая вещь открываемая.

4. Итакъ, сказавъ о временахъ пророчества, остается намъ еще нѣчто сказать о способахъ и качествахъ его. Потому что духъ пророчества не всегда, и не однимъ и тѣмъ же способомъ соприкасается къ душѣ Пророка. Ибо иногда духъ пророчества входитъ въ соприкосновеніе съ душею пророчествующаго изъ настоящаго, и отнюдь не касается ея изъ будущаго; иногда же касается ея изъ будущаго, но не касается изъ настоящаго. Иногда касается изъ настоящаго и будущаго; иногда же изъ прошедшаго, настоящаго, равно какъ и изъ будущаго, касается души пророчествующаго. Иногда духъ пророчества касается изъ прошедшаго, и не касается изъ будущаго; иногда же касается изъ будущаго, и не касается изъ прошедшаго. Но иногда въ настоящемъ (времені) частію касается, а частію не касается; иногда въ будущемъ частію касается, а частію не касается. Это самое мы по возможности подтвердимъ свидѣтельствами Св. Писанія въ предположенномъ порядкѣ.

5. Ибо духъ пророчества касается души про-

рочествующаго изъ настоящаго, и не касается изъ будущаго. На примѣръ: Іоаннъ Креститель, видя грядущаго Господа, говоритъ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Но не задолго до своей смерти чрезъ посланныхъ учениковъ спрашивалъ, говоря: *Ты ли еси грядый, или иного чьемъ* (Мат. XI, 3)? Этими словами показывается, что хотя (Іоаннъ) зналъ, что на землѣ явился Искупитель, но сомнѣвался въ томъ, снизойдетъ ли Онъ Самъ Собою въ адъ для отверстія его узилицъ. Ибо изъ настоящаго пришелъ въ соприкосновеніе съ духомъ пророчества тотъ, кто, видя челоуѣчество Ходатая, и разумѣя Божество Его, исповѣдалъ Его Агнцемъ, долженствующимъ уничтожить грѣхи міра; но не былъ въ соприкосновеніи съ Нимъ изъ будущаго, потому что не зналъ о сошествіи Его (Агнца) въ адъ.

6. Но иногда духъ пророчества входитъ въ соприкосновеніе съ душою пророчествующаго изъ будущаго, и не входитъ въ соприкосновеніе изъ настоящаго. На примѣръ: исторія книги Бытія ясно свидѣтельствуетъ, что когда Исаакъ послалъ Исава, сына своего на ловлю (Быт. XXVII, 3 ислѣд.), тогда Реввека подставила ему на благословеніе младшаго сына, который, будучи одѣтымъ въ козлиныя кож. представилъ отеческому осязанію тѣло брат-

нее. Онъ (Исаакъ) этому младшему сыну далъ благословеніе, какъ старшему, и предсказалъ, что эти благословенія исполнятся въ дали будущности, но не могъ знать, кто стоялъ предъ нимъ. Слѣдовательно, духъ пророчества прикасался къ душѣ пророчествовавшаго изъ будущаго, и не прикасался изъ настоящаго, когда отецъ съ закрытыми глазами предсказывалъ будущее, а не зналъ настоящаго сына.

7. Иногда касается (духъ пророчества) души пророчествующаго изъ настоящаго, равно какъ и изъ будущаго; что мы ясно видимъ изъ той же самой книги Бытія (глав. XLVIII). Потому что въ ней написано, что, когда Іаковъ приближался уже къ концу своей жизни, и велѣлъ Іосифу представить къ себѣ двухъ его сыновъ для того, чтобъ они пользовались благословеніемъ его въ далекой будущности, тогда (Іосифъ) представилъ старшаго къ правой, а младшаго къ лѣвой рукѣ (тамъ же, 10) Онъ (Іаковъ), по слѣпотѣ глазъ отъ старости, ни какъ не могъ по человѣческому зрѣнію отличить, кто изъ внуковъ его старшій, и кто младшій, скрестивъ руки, возложилъ правую руку на младшаго, а лѣвую на старшаго. Когда сынъ хотѣлъ было это поправить, говоря: *не тако, отче: сей бо есть первенецъ: тогда услышалъ: вѣмъ, чадо, вѣмъ: и сей будетъ въ люди. и сей вознесетъ: но братъ его меньшій бо-*

лія ея будетъ. (тамъ же, ст. 18. 19). Слѣдовательно, духъ пророчества равно соприкасался къ душѣ пророчествовавшаго, какъ изъ настоящаго, такъ и изъ будущаго, когда Іаковъ и будущее предаказывалъ, и духомъ различалъ поставленныхъ предъ нимъ тѣхъ, которыхъ тѣлесными очами не могъ видѣть. Такъ духъ пророчества дѣлалъ прикосновенія изъ настоящаго и будущаго къ душѣ Пророка Ахін, когда сей при слѣпотѣ глазъ и ту, которая притворялась быть другою, наименовалъ женою Іероваама, и предсказалъ, что съ нею будетъ, говоря: *вниди, жено Іероваамова, почто ты тако странно являешися; азъ бо есмь посланникъ къ тебѣ жестокъ. Шедши рцы Іеровааму: сія глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: излукаствовалъ еси, еже творити наче всѣхъ, елицы быша предъ лицемъ твоимъ, и пошелъ еси, и сотворилъ еси себѣ боги чужды, и сіяны, еже раздражити мя, и отверлъ мя еси назадъ себе. Сего ради се азъ наведу злая на домъ Іероваамовъ* (3 Цар. XIV, 6. 9. 10). Ибо изъ настоящаго, равно какъ и изъ будущаго, была въ соприкосновеніи (къ духу) душа пророчествовавшаго, который могъ и входившую обличить, и предсказать ей будущее.

8. Но иногда душа пророчествующаго имѣеть соприкосновеціе (къ духу) изъ прошлаго, равно

какъ изъ настоящаго и будущаго. На примѣръ: Елисавета, взирая на грядущую къ ней Марію, узнала, что Сія носила во чревѣ воплотившееся Слово, и наименовала Ее уже Матерію Господа своего, говоря: *откуда мнѣ сіе, да прииде Мати Господа моего ко мнѣ* (Лук. 1, 43)? О зачатіи Его и чрезъ Ангела говорится Іосифу: *родившееся бо въ Неи отъ Духа есть Свята* (Матѣ. 1, 20) Это именно сказала Елисавета: *блаженна въровавшая, яко будетъ совершеніе многоланнымъ ей отъ Господа* (Лук. 1, 45). Ибо говоря: *блженна въровавшая*, она ясно показываетъ, что по духу знала о словахъ Ангела, сказанныхъ Маріи; а присовокупляя: *яко будетъ совершеніе многоланнымъ ей отъ Господа*, она предвидѣла, что должно было послѣдовать съ Нею въ будущемъ. Слѣдовательно, въ одно и тоже время была въ соприкосновеніи къ духу пророчества и со стороны прошедшаго, и со стороны настоящаго, и со стороны будущаго, та, которая знала и о вѣрѣ (Маріи) обѣтованіямъ Ангела, и разумѣла, что она носила во чревѣ Искупителя рода человѣческаго, именуя Ее Матерію (Его), и предсказывая, чему должно было быть, предвидѣла, что долженствовало послѣдовать въ будущемъ.

9. Но иногда духъ пророчества прикасается къ душѣ со стороны прошедшаго, и не прикасается

со стороны будущаго; что ясно открывается въ Апостолѣ Павлѣ, который ученикамъ говоритъ: *скажу вамъ, братіе, благовѣствованіе благовѣщен- ное отъ мене, яко нѣсть по челоуьку. Ни бо азъ отъ челоуька пріяхъ е, ниже научихся, но явленіемъ Исусъ Христовымъ* (Гал. 1, 11. 12). Поэтому онъ и другимъ ученикамъ говоритъ: *по откровенію сказася мнѣ тайна* (Ефес. 111, 3). Не смотря на то, объ этомъ самомъ Евангеліи, которое узналъ чрезъ откровеніе, намѣреваясь проповѣдывать въ Іерусалимѣ, говоритъ: *азъ связанъ духомъ, граду во Іерусалимѣ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ невѣдый* (Дѣян. XX, 22). Тайнство Евангелія состоитъ въ томъ, что Единородный Сынъ Отчій воплотился и содѣлался совершеннымъ челоуькомъ, Который, бывъ распятъ, мертвъ и погребенъ, въ третій день воскресъ; а въ сороковый день вознесся на небо, и сидитъ одесную Отца. Слѣдовательно, тотъ, кто по откровенію зналъ Евангеліе, имѣлъ соприкосновеніе къ духу пророчества со стороны прошедшаго; но поелику онъ не зналъ того, что долженъ былъ пострадать за это же самое Евангеліе, то безъ сомнѣнія не имѣлъ соприкосновенія со стороны будущаго. Ибо онъ говоритъ такъ: *точію яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуеть, глаголя, яко узы мене и скорби ждуть* (тамъ же,

ст. 23), ясно показывая, что другимъ открыто, что будетъ съ нимъ, но не ему самому о себѣ, такъ какъ о немъ чрезъ Агава говорится: *мужа, егоче поясъ сей, такъ свяжутъ его во Иерусалимъ Иудеи* (Дѣян. XXI, 11).

10. Иногда же духъ пророчества прикасается (къ душѣ) со стороны будущаго, но не прикасается со стороны прошедшаго. Такъ, на примѣръ, о событіи съ Елисеємъ написано, что когда одинъ изъ сыновъ пророческихъ сѣкъ дерева, тогда у него топоръ спалъ съ топорница, и потонулъ въ водѣ; поэтому онъ возопилъ: *о Господине! и сіе заемное. И рече человекъ Божій: иди паде; и покажи ему мѣсто: и отсѣче древо, и вверже е тамо: и всплыве желѣзо* (4 Цар. VI, 5—6). Въ этомъ именно событіи съ Пророкомъ познается, что отыскивавшій мѣсто, гдѣ упалъ (топоръ), зналъ, что намѣренъ былъ сдѣлать; однако же изъ отыскиванія видно, что онъ не зналъ, гдѣ упалъ топоръ. Следовательно, духъ пророчества прикасался къ душѣ Елисейевой со стороны будущаго, но не прикасался со стороны прошедшаго; потому что онъ (Елисей) могъ знать и желѣзо, потонувшее въ водѣ, имѣя намѣреніе извлечь оное на поверхность, но рѣшительно не зналъ, гдѣ оно упало.

11. Но иногда духъ пророчества частію ка-

сается (души) въ настоящемъ (времени), а частію не касается. Объ этомъ свидѣтельствуесть исторія Апостола Петра, когда ему сказано было духомъ о войнахъ, посланныхъ къ нему отъ Корнилія; потому что написано: *рече ему (Петру) Духъ: се мужіе тріе ищутъ тебе. Сошедъ же Петръ къ мужемъ посланнымъ къ нему отъ Корнилія, рече: се азъ есмь, елиже ищите: кая есть вина, еже ради приидосте* (Дѣян. X, 19 .21)? Изъ этихъ словъ его видно, что онъ отъ Духа не слышалъ о той самой причинѣ, о которой спрашивалъ у воиновъ. Слѣдовательно, Духъ частію коснулся души Петра въ настоящемъ (времени), а частію не касался; потому что онъ сказалъ ему, что пришли воины, а за чѣмъ пришли, объ этомъ умолчалъ.

12. Иногда духъ пророчества частію касается со стороны будущаго, а частію не касается. Такъ, на примѣръ, дѣти пророческія говорятъ къ Елисею о вознесеніи Ілія: *разумѣши ли, яко взимаетъ Господь днесь господина твоего верху главы твоя (отъ тебе)* (4 Цар. 11, 3. 5)? Но по вознесеніи его, разсеваются въ разныя стороны, и ищутъ его по горамъ и холмамъ. Слѣдовательно, со стороны будущаго духъ пророчества частію коснулся души ихъ, а частію не касался, когда они того, о вознесеніи котораго знали, отыскивали не

должествовавшаго обрѣтися. И такъ они частію были въ соприкосновеніи (къ духу), а частію не были; потому что и знали то, что могло быть возпесено, и не знали того, что не могло быть отыскано. И тотъ же самый Іудисей частію былъ въ соприкосновеніи къ духу пророчества со стороны будущаго, а частію не былъ, когда говорилъ Царю Израильскому: *ударя на землю; и ударя Царя трижды, и ста. И оскорбъ человекъ Божій о немъ, и рече: аще бы ударилъ еси пятици, или шестици, тогда бы еси поразилъ Сирію до скончанія, нынѣ же побѣдиши Сирію трици* (4 Цар. XIII, 18. 19). И такъ онъ знаетъ, что (Царь) столько разъ поразить бы Сирію, сколько разъ ударить бы на землю; но когда говорилъ ему: *ударя на землю*, тогда не знаетъ, сколько разъ онъ ударить на нее (потому-то онъ и оскорбился, когда ударено на землю только трижды); ясно, что со стороны будущаго частію былъ въ соприкосновеніи (къ духу), а частію не былъ тотъ, кто предсказалъ поражение Сиріи, но желалъ, чтобы удареній на землю было болѣе. Такъ и Самуилъ, когда былъ посланъ отъ Господа на помазаніе Давида, отвѣчалъ: *како пойду; и услышитъ Саулъ, и убіетъ мя* (1 Цар. XVI, 2)? Онъ помазалъ Давида, но не убилъ Сауломъ. Слѣдова-

тельно, со стороны будущаго дѣла Пророка частию была въ соприкосновеніи (къ духу), а частию не была, потому что онъ и зналъ, что Давида надобно было помазать на царство, и не зналъ, что ему не должно было быть убитымъ отъ Саула.

13. Еще надобно знать, что Пророки иногда становятся въ соприкосновеніе къ духу пророчества близко, и не становятся издали; иные же—издали, а не близко; другіе же какъ издали, такъ и близко. Ибо пѣкоторые становятся въ соприкосновеніе близко, и не становятся издали; такъ на примѣръ: Самуилъ зналъ о пропажѣ словъ, предсказать отысканіе ихъ, и предвозвѣстилъ Саулу будущее царство (1 Цар. IX, 15. 20); предсказываетъ даже, что Давидъ будетъ его преемникомъ, но не предсказываетъ, что сей будетъ отцемъ Царя вѣчнаго (1 Царств. XVI, 12). А пѣкоторые становятся въ соприкосновеніе (съ духомъ) издали, и не становятся близко. Такъ на примѣръ, тотъ же Давидъ зналъ о воплощеніи Единороднаго Сына Божія, говоря о Сіонѣ: *человѣкъ и человекъ родися отъ немъ, и той основа и Вышній* (Псал. 86, 5); разумѣлъ и то, что Онъ возпесется на небеса, и сядетъ одесную Бога Отца, говоря: *рече Господь Господстви моему: сяди одесную Мене* (Псал. 109, 1); и однакоже не предвидѣлъ ближайшихъ событій. Изъ множества ихъ

•

скажу о немпогихъ: онъ не зналъ о замыслѣ слуги Мемфивосеова, Сивы, противъ господина своего (2 Цар. XVI, 3. 4); а Амессаю обѣщая говоритъ: *сія ми да сотворитъ Богъ, и сія да приложитъ, аще не будещи князь силы предо мною во вся дни, вмѣсто Иоава* (тамъ же, XIX, 13), именно по незначію того, что должно было случиться; потому что этотъ Амессай не только не получилъ начальства надъ войскомъ вмѣсто Иоава, но и жизнь свою кончилъ чрезъ нѣсколько времени отъ Иоава (тамъ же XX, 10). А когда хотѣлъ построить храмъ Богу, то не зналъ, что будетъ вблизи, спросилъ о томъ другаго Пророка (тамъ же, VII, 3).

14. Но нѣкоторые (Пророки) становятся въ соприкосновеніе (къ духу) какъ издали, такъ и вблизи. Такъ Исаія пророчествуетъ о далекоемъ событіи въ будущемъ, говоря: *се Дѣва во чрево приметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануиль* (Ис. VII, 14). О Немъже онъ опять говоритъ: *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, Еложе начальство бысть на рамы Ело: и нарицается имя Ело велика совета Ангелъ, Чуденъ, Советникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка, Начальникъ мира. И велие начальство Ело, и мира Ело тѣсть предъми* (Ис. IX, 6). И онъ же (Исаія), близко поставленный въ сопри-

восповеніе съ духомъ пророчества, предсказаль Царю Езекию, что сей выздоровѣеть, и сколько еще дѣтъ проживеть послѣ выздоровленія (Ис. XXXVIII, 5).

15. Иногда же и въ Пророкахъ не бываетъ духа пророчества; сей не всегда присуць душамъ ихъ; потому что, когда они не имѣють его, тогда во время наитія его сознаются, что имѣють его по дару. Поэтому Елисей, когда запрещаль отроку Гіезію отрывать плачущую Соманітяннину отъ ногъ своихъ, сказалъ: *остави ю: яко душа ея болѣзненна въ ней, и Господь укры отъ мене, и не возвѣсти мнѣ* (4 Цар. IV, 27). Еще, когда Иосафатъ вопрошалъ его о будущемъ, а духа пророчества въ немъ не было; тогда онъ велѣлъ привести цѣвца для того, чтобы чрезъ ставу псалмонѣнія нисшелъ на него духъ пророчества, и сказалъ душѣ его о будущемъ (4 Цар. III, 11. 15). Ибо когда псалмонѣніе совершается съ напряженіемъ сердца, тогда чрезъ это готовится нуть къ сердцу всемогущему Богу, для того, чтобъ, или сообщитъ напряженной душѣ тайны пророчества, или благодать сѣкрушенія. Поэтому написано: *жертва хвалы прославитъ мя: и тамо нуть, иже явлю ему спасеніе мое* (Псал. 49, 23). Ибо что на Латинскомъ языкѣ (тоже и на Русскомъ) называется *спасеніемъ*, то на Еврейскомъ называется *Иисусомъ*. Слѣдо-

вательно, въ жертвоприношеніи хвалы устрояется Иисусу путь къ явленію; потому что, когда чрезъ псалмопѣніе вливается умиленіе, тогда устрояется у насъ въ сердцѣ путь, которымъ наконецъ доходить до Иисуса, такъ какъ Самъ Онъ о явленіи Своемъ говоритъ: *любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV, 21). Поэтому же написано: *воспойте Богу, пойте имени Его: путешествуйте возшедемъ на запады. Господь имя Ему* (Псал. 67, 5). Ибо Онъ *возшелъ на запады*, когда понралъ смерть воскресеніемъ. Когда мы воспѣваемъ Его, тогда устрояемъ путь, по которому Онъ пришелъ бы къ нашему сердцу, и воспламенилъ насъ благодатию любви Своей. Но что въ Пророкахъ не всегда присущъ духъ пророчества, это еще доказываетъ чело- вѣкъ Божій, который, бывъ посланъ въ Самарію, возвѣстилъ о бѣдствіяхъ, которыя должны были постигнуть ее (3 Цар. XIII). Впрочемъ онъ, имѣя запрещеніе отъ Господа не ѣсть на пути, обмагуть убѣжденіемъ ложнаго пророка (тамъ же, XVIII, 19). Ложное слово не обмагло бы его, если бы онъ имѣлъ въ себѣ духа пророчества.

16. Еще надобно знать, что иногда святыя Пророки, давая совѣты, по частому употребленію пророчества, произносятъ нѣчто отъ своего духа, и

думаютъ, будто они говорятъ это по духу пророчества; но поелику они святые, то скоро бываютъ исправлены отъ Святаго Духа тѣмъ, что слышать отъ Него истину, и укоряютъ самихъ себя за то, что сказали ложь. Ибо кто не знаетъ, что Пророкъ Навоаъ былъ святой мужъ? Онъ и явно обличилъ Царя Давида въ преступленіи, и предсказалъ, что будетъ ему за это преступленіе; но когда тотъ же Давидъ спросилъ его, желая соорудить храмъ Богу, тогда онъ отвѣчалъ такъ: *вся, елика суть въ сердцѣ твоемъ, иди и твори, яко Господь съ тобою* (2 Цар. VII, 3). Но тамъ же тотчасъ присовокупляется о немъ слѣдующее: *И бысть въ ноци той, и бысть слово Господне къ Навоаму, глаголя: иди, и рчи рабу моему Давиду, сіа глаголетъ Господь: не ты созиждѣши Мнѣ домъ, еже обитати Мнѣ. Яко не обитахъ въ дому, отъ негоже дне изведохъ сыны Израилевы изъ земли Египетскія до дне сего* (тамъ же, ст. 4). И нѣсколько послѣ: *егда исполнятся дніе твои, и уснеши со отцы твоими, и возставлю съмя твое по тебѣ, иже будетъ отъ чрева твоего, и уготовлю царство его: той созиждетъ домъ имени Моому* (тамъ же, ст. 12. 13). Вотъ Пророкъ Навоаъ, который прежде сказалъ Царю: *иди и твори*, самъ послѣ, наставленный духомъ пророчества, возвѣщая, что этого быть не можетъ,

противорѣчилъ и совѣтамъ Царю и словамъ своимъ; потому что призналъ ложнымъ то, что говорилъ по своему духу.

17. Въ этомъ дѣлѣ различіе истинныхъ Пророковъ отъ ложныхъ состоитъ въ томъ, что истинные Пророки, если иногда говорятъ что либо по своему духу, то исправляютъ это въ умахъ слушателей по внушенію Духа Святаго. А ложные пророки и предсказываютъ ложное, и будучи чужды Духа Святаго закоснѣваютъ въ своей лживости.

18. Итакъ, обсудивъ времена и способы пророчества, можно видѣть, какъ всемогущій Богъ распоряжается умѣреніемъ Своего гнѣва для усовершенствованія людей. Израильскій народъ беззаконновалъ противъ своего Создателя, и за это служилъ въ плѣну Царю Вавилонскому; по съ нимъ посылается въ плѣнъ Пророкъ Іезикииль (Іезик. III, 11), котораго благодать Божія сдѣлала благоугоднымъ ей такъ, что чрезъ него предсказывала все будущее, и удостоила чести утѣшать народъ притѣсенный. Итакъ представимъ по возможности высоту любви верховной! Господь прогнѣвался на Свой народъ такъ, что будто бы рѣшительно не гнѣвался на него. Ибо, если бы Онъ не гнѣвался, то не предалъ бы народъ плѣну; а если бы рѣшительно гнѣвался, то не послалъ бы вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ

Своихъ избранныхъ. Но Божественное милосердіе устрояетъ это такъ, что однимъ и тѣмъже событіемъ плотскимъ (людямъ) дать вразумленіе, а духовнымъ предоставляетъ средство къ приращенію добродѣтели. И когда тѣхъ очищаетъ наказаніемъ, тогда этихъ цобуждаетъ къ большимъ заслугамъ чрезъ общеніе съ наказуемыми. И на неправедныхъ Онъ гнѣвается такъ, что утѣшаетъ сердца ихъ общеніемъ съ праведными, для того, чтобъ утѣшать сердца ихъ общеніемъ съ праведными, дабы, при всѣхъ способахъ къ исправленію, никто послѣ виновности не имѣлъ возможности къ извиненію. Слѣдовательно, Онъ удерживая отталкиваетъ, и отталкивая удерживаетъ, когда вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ осуждаетъ, посылаетъ на наказаніе тѣхъ, которыхъ любитъ. Кто можетъ по достоинству оцѣнить эту искренность толикой любви? Господь и преступленія народа не оставляетъ безъ наказанія, и беззаконнующаго народа не отвергаетъ отъ себя рѣшительно. Такъ, когда Моисей послалъ въ обѣтованную землю двѣнадцать соглядатаевъ (Числ. XIII), изъ коихъ десять привели послѣ того народъ въ отчаяніе; тогда этотъ народъ во гнѣвѣ ропота жаловался, что онъ выведенъ Господомъ для того, чтобы положить свои трупы въ пустыни (Числ. XIV). Всемогуцій Богъ прогнѣвавшись на

на него сказать, что ни одинъ изъ нихъ не войдетъ въ землю обѣтованную. Пораженные этимъ страхомъ, они сознались, что они поступили нечестиво, плакали, и вооружившись, тотчасъ начали наступать на непріятелей, чтобы постѣ слезъ войти въ землю обѣтованную (тамъ же, ст. 40). Но Господь чрезъ Моисея говоритъ имъ: *рцы имъ: не восходите, ниже ратуйте, нѣсмь бо съ вами, и да не будете сотрени предъ враги вашими* (Второз. 1, 42). Въ этомъ дѣлѣ надобно обратить вниманіе на то, что если Онъ не былъ съ ними, то почему запрещать имъ *восходить*, чтобъ они не пали? Если же Онъ былъ съ ними, то что значитъ слово Его: *нѣсмь бо съ вами*? Но по дивному распоряженію разуменія и милосердія, Онъ и былъ съ ними, и не былъ съ ними. Не былъ съ ними, чтобъ они не одержали побѣды, но былъ съ ними, чтобъ они не погибли отъ враговъ. О неизреченная любовь! Преступленія наказываетъ, а преступниковъ бережетъ. Показываетъ себя гнѣвнымъ, но отъ враговъ защищаетъ. Такъ большею частію гнѣвается мать на шаловливаго своего малолѣтняго сына. Она обличаетъ его, бранитъ, сѣчетъ: но когда видитъ его идущаго на опасность, угрожающую ему смертію, тогда протягиваетъ руку и удерживаетъ его: и та, которая

какъ бы не любила, когда во гнѣвѣ била, любя удерживаетъ, какъ будто во гнѣвѣ не била.

19. Бесѣдуя объ этомъ въ предисловіи, мы произвели какъ бы опытъ нашего плаванія внутри порта, для того, чтобы послѣ распусить паруса, какъ на безпредѣльномъ морѣ, къ уразумѣнію таинствъ пророчества. Впрочемъ этого мы не предполагаемъ въ своей силѣ, но въ томъ, Кто языки младенцевъ содѣлываетъ краспорѣчивыми; потому что *духъ Господень исполни вселенную, и содержи вся разумъ имать гласа* (Прем. Сол. 1, 7). Ибо всемогущій Богъ есть Слово всемогущаго Отца, и мы, желающіе говорить о Немъ, никакъ не будемъ въ Немъ нѣмы. Намъ даруетъ полезныя слова всемогущее Слово, Которое воплотившись ради насъ живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Изъясняются первые пять стиховъ пророчества Іезикииля, по многообразному смыслу, преимущественно аллегорическому и нравственному.

1). Обыкновенная пророческая рѣчь состоитъ въ томъ, что прежде говорить о нѣмъ (Пророкъ) о лицѣ, времени и мѣстѣ, а потомъ начинаетъ говорить

о таинствахъ пророчества; потому что для прочнаго открытія истины прежде надобно утвердить корень въ Исторіи, а послѣ произвести плодъ духа въ знаменіяхъ и аллегоріяхъ. Поэтому Іезикииль указываетъ на время своего возраста, говоря:

Іезик. I, 1. *И бысть въ тридесятое лѣто, въ четвертый мѣсяцъ, въ пятый день мѣсяца.*

И говоря о мѣстѣ, присовокупляетъ:

И азъ быхъ посредь племениа при рѣцѣ Ховаръ: и отверзошася небеса, и видѣхъ видѣніа Божія.

Упоминаетъ и о времени, присовокупляя:

Ст. 2. *Въ пятый день мѣсяца, сіе лѣто пятое племениа Царя Іоакима.*

Чтобы подробно сказать о лицѣ, онъ повѣствуетъ и о родѣ, продолжая:

Ст. 3. *И бысть слово Господне къ Іезикиилю, сыну Вузіеву, священнику.*

2. Но у насъ рождается первый вопросъ: почему тотъ, кто еще ничего не сказалъ, начинаетъ такъ: *и бысть въ тридесятое лѣто*? Ибо частица *и* есть союзъ соединительный; а мы знаемъ, что послѣдующая рѣчь не иначе соединяется, какъ съ рѣчью предыдущею. Следовательно, тотъ, кто ничего не сказалъ впереди, почему говоритъ: *и бысть*, когда нѣтъ впереди рѣчи, съ которою бы эта со-

единялась? Въ этомъ дѣлѣ надобно обратить вниманіе на то, что какъ мы видимъ тѣлесное, такъ пророческій духъ видитъ духовное; и для нихъ (Пророковъ) кажется видимымъ и то, что для нашего невѣденія кажется невидимымъ. Поэтому въ умѣ Пророковъ внутреннія мысли со внѣшними соединены такъ, что они тѣ и другія видятъ вмѣстѣ, и въ нихъ вмѣстѣ бывають,—и внутреннее слово, которое слышать, и внѣшнее, которое говорить. Поэтому ясно, почему тотъ, кто ничего не сказалъ впередъ, началъ рѣчь свою словами: *и бысть въ тридесятое лѣто*. Потому что онъ эту рѣчь, которую произнесъ словомъ, соединилъ съ тою рѣчью, которую слышалъ внутри. Слѣдовательно, онъ продолжилъ слова внутренняго видѣнія; а потому и началъ, говоря: *и бысть*. Ибо онъ присовокупляетъ то, что начинаетъ внѣшнимъ образомъ говорить, къ тому, что какъ бы внѣшнее было и то, что онъ видитъ внутренно.

3. Но выраженіе, *въ тридесятое лѣто*—получилъ онъ духъ пророчества,—представляетъ намъ нѣчто назидательное; именно то, что по здравому смыслу не слѣдуетъ учить тому, кто не имѣетъ совершеннолѣтія. Поэтому и самъ Господь, имѣя двѣнадцатъ лѣтъ своего возраста, сидя во храмѣ среди учителей, благоизволилъ быть, не учащимъ, но

вопрошающимъ (Лук. 11, 46). Ибо для того, чтобы люди не смѣли проповѣдывать, не имѣя совершеннѣйшаго, на землѣ на двѣнадцатомъ году своего возраста благоволилъ вопрошать людей Тотъ, Кто на небѣ по Божеству Своему всегда училъ Ангеловъ. Такъ какъ Онъ есть Божія премудрость, то Ангели чрезъ видѣніе пріемлютъ отъ Него то, что составляетъ для нихъ вѣчное блаженство. Этому учить и Моисей подъ тайнствомъ иносказанія, говоря: *да не дѣлаши первороднымъ телцомъ твоимъ* (Второз. XV, 19). Ибо за первороднаго телца мы принимаемъ доброе дѣланіе въ слабомъ возрастѣ нашего перваго времени. Въ этомъ возрастѣ орать не надобно; потому что въ первыя лѣта младенчества или юношества нашего намъ не слѣдуетъ проповѣдывать, чтобы сошникъ языка нашего не смѣлъ прорѣзывать земли сердца чужаго. Ибо, доколѣ мы слабы, доколѣ должны держать себя внутри самихъ себя, для того, дабы не лишиться еще не утвердившихся благъ чрезъ посильное обнаруживаніе ихъ; потому что и древесныя растѣнія, если не укоренятся прежде въ землѣ, скоро увядаютъ отъ прикосновенія руки; но если онѣ уже укоренились, тогда рука ихъ касается, и нимало не вредитъ имъ; бушуютъ вѣтры, и онѣ стоятъ невредимо. Равно какъ и вновь устроенныя стѣны отъ бури падаютъ, если праж-

де не будутъ высушены отъ влаги. Итакъ умъ, доколѣ не будетъ рѣшительно высушенъ отъ влаги своей кривизны, не долженъ прикасаться рукою чужаго языка, дабы не потерять своей твердости прежде, нежели вполне пойметъ, дабы не пасть отъ влора, дабы не засохнуть подобно дереву безъ корней, когда сіе послѣднее потрясается болѣе, нежели сколько можетъ вынести. Итакъ въ примѣръ надобно выставлять одно только прочное. Ибо умъ долженъ прежде укрѣпиться, а потомъ уже проявлять себя въ пользу ближнихъ, когда оцъ ни отъ похвалы не можетъ уже надмѣваться, ни отъ укоризны—бросать дѣло. Такъ какъ Тимоѳею хотя и говорится: *застыжавай сія и уши. Никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. IV, 11. 12): однакоже надобно знать, что на священномъ языкѣ *юностию* иногда называется юношество. Поэтому написано: *веселся юноше въ юности твоей* (Еккл. XI, 9). Итакъ Пророкъ, для показанія авторитета его проповѣди, описывается совершенполѣтнимъ, такъ какъ въ немъ все, необходимое для проповѣди, согласуется съ жизнью и духомъ.

4. Противъ этого никто не долженъ возражать, что Іеремія (Іерем. 1, 5) и Даніиль (Дан. XIII, 45) получили духъ пророчества въ юности; потому что чудесъ не должно представлять въ примѣръ дѣятельности. Всемогуцій Богъ и языки мла-

денцевъ творитъ ясными (Прем. Сол. X, 21), и *изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершаетъ хвалу* (Псал. VIII, 3). Но иное значить то, чему мы научаемся въ отношеніи употребленія и способа ученія, а иное—то, что мы знаемъ о чудѣ.

5. Но если уже требуется, чтобы въ самомъ даже обозначеніи возраста его (Пророка) было нѣчто таинственное: то прилично Пророку указать самымъ числомъ лѣтъ своихъ на Господа, о Которомъ проповѣдуетъ словами. На тридцатомъ году Пророка Іезикииля отверзлись ему небеса, и онъ увидѣлъ *видѣнія Божія* при рѣкѣ Ховаръ; потому что около тридцатаго года своего возраста Господь пришелъ на рѣку Іорданъ. Тамъ отверзлись такъ же небеса; потому что Духъ сошелъ въ видѣ голубя, и голось прозвучалъ съ небеси, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъже благоволихъ* (Мат. III, 17).

6. Но и самыя слова Еврейскія много способствуютъ намъ къ истолкованію таинства. Ибо *Ховаръ* значить тяготу, или тяжесть; *Іезикииль* сила Божія; *Вузій*—презрѣнный или отверженный; *Халдеи*—плѣняющіе, или какъ бы демоны. И такъ Іезикииль приходитъ на Ховаръ; посылку же Ховаромъ называется тягота, или тяжесть, то что прилично означается рѣкою Ховаромъ. если не родъ словъ-

ческій? Онъ течетъ отъ начала (своего) къ смерти, и тяжелъ самъ для себя грѣхами, которые и содѣваетъ и посятъ; потому что по Писанію, *неправда есть талантъ оловянъ вземляйся* (Зах. V, 7). Ибо всякій грѣхъ тяжелъ, потому что не дозволяетъ душѣ возвышаться къ горнему. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *сынове чловѣчестіи, доколы тяжкосердіи* (Псал. IV. 3)? Но о Господѣ написано, что Онъ есть *Божія сила, и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 18). Итакъ Іезикииль приходитъ на рѣку Ховаръ; потому что *сила Божія* чрезъ тайнство своего воплощенія благоволила приблизиться къ роду чловѣческому, несущему тяжести грѣховъ своихъ, и отъ начала своего ежедневно текущему къ смерти, такъ какъ о Немъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водъ* (Псал. 1, 3). Онъ насажденъ при исходящихъ водъ, потому что воплотился при паденіи текущихъ народовъ. Но мы сказали, что Іезикииль значитъ силу Божию, а Вузій — презрѣннаго. Но Іезикииль сынъ Вузія, потому что Единородный (Сынъ) Божій благоволилъ воплотиться отъ того народа, который за виновность вѣроломства презрѣлъ отъ Господа. Итакъ сила Божія рождается отъ презрѣнія или отверженія; потому что Искушитель нашъ благоволилъ принять чло-

вѣчество отъ народа вѣроломнаго и презрѣннаго. Но опъ пришелъ въ землю Халдейскую. А Халдеи, какъ сказали мы, озпачаютъ илѣбняющихъ или какъ бы демоновъ. Ибо печестивые, и сами предаваясь печестію, и другихъ чрезъ убѣжденіе склоняя къ печестію, именно суть илѣбняющіе. Они же правильно еще называются какъ бы демонами; потому что и тѣ, которые чрезъ убѣжденіе влекутъ другихъ къ печестію, принимаютъ на себя служеніе демоновъ въ печестіи, хотя по природѣ не демоны. И такъ Сила Божія пришла въ землю Халдейскую; потому что Единородный Божій явился среди тѣхъ, которые и сами были преданы грѣху, и другихъ зловляя влекли ко грѣхамъ. Но пора слово изъясненія обратитъ къ личности Пророка.

Ст. 3. *И бысть на немъ (а) тамъ рука Господня.*

7. Рукою или мышцею Господнею называется Сынъ, потому что Имъ все сотворено. О Немъ и Псалмопѣвецъ говоритъ: *да будетъ рука Твоя еже спасти мя* (Псал, СХVІІІ, 173). Рука Божія по Божеству не сотворена, но рождена, а по человечеству сотворена, чтобы врачевать раны рода чело-

(а) По Вулгатѣ. Поздику на этомъ переводѣ Св. Отецъ основываетъ свои дальнѣйшія соображенія; то и въ переводѣ на русскій языкъ удержалъ смыслъ перевода Вулгаты.

вѣческаго. И такъ Пророкъ позналъ воплощеніе Единороднаго тамъ, гдѣ видѣлъ надъ собою руку Господню. Но объ этомъ здѣсь присовокупляется:

Ст. 4.—*И видѣхъ, и се духъ воздвизаяйся, урядяше отъ сѣвера.*

8. Намъ должно обратить вниманіе на то, какой долженъ быть порядокъ рѣчи въ словахъ Пророка. Ибо онъ впереди о себѣ самомъ сказалъ: *отверзюшася небеса, и видѣхъ видѣнія Божія*; послѣ того, говоря какъ бы о другомъ, присовокупляетъ: *и бысть на немъ тамъ рука Господня*. А за тѣмъ, какъ бы возвращается къ себѣ, и говоритъ: *и видѣхъ, и се духъ воздвизаяйся, урядяше отъ сѣвера*. Что это значитъ, что иногда говоритъ Іезикииль, иногда говорится объ Іезикиилѣ? Если бы онъ вездѣ говорилъ о себѣ самомъ, то вопросъ былъ бы неумѣстенъ (а). Если бы вездѣ говорилъ какъ бы о другомъ, то вопросъ бы такъ же неумѣстенъ. И такъ что значитъ эта разнообразная рѣчь пророческая, въ которой иногда Пророкъ говоритъ о себѣ, а иногда кажется, что о немъ говоритъ другой? Но надобно знать, что тѣ, которые бывають исполнены духа пророчества, тѣмъ самымъ, что иногда ясно говорить о себѣ, а иногда

(а) По переводу 70-ти дѣйствительно неумѣстенъ.

о себѣ же говорить такъ, какъ будто о другихъ, показываютъ, что говорить не Пророкъ, а Духъ Святый чрезъ Пророка. Ибо о томъ, что говорится чрезъ нихъ, они говорятъ сами о себѣ; а о томъ, что они говорятъ по внушенію Духа Святаго, Тотъ же самый Духъ Святый говоритъ о нихъ чрезъ нихъже самихъ, по свидѣтельству Истины, Которая говоритъ: *не вы бо будете глаголющій, но Духъ Отца вашего глаголай въ васъ* (Мат. X, 20). Поэтому и Моисей говоритъ: *человѣкъ Моисей кротокъ злю паче всѣхъ человѣкъ сущихъ на земли* (Числ. XII, 3). Ибо онъ не говоритъ: *азъ бѣхъ*, но *человѣкъ Моисей*, ясно показывая, что Тотъ, Кто чрезъ него говоритъ о немъ, было другое лице. Поэтому Іоаннъ говоритъ: *видѣ ученика, еможе любяше Исусъ* (Іоан. XXI, 20). Поэтому и Павелъ, для показанія того, что не онъ говоритъ, сказать: *помоще искушенія ищите глаголющаго во мнѣ Христа*. (2 Кор. XIII, 3). Итакъ, поелику въ рѣчи пророческой одинъ есть начальствующій, а другой повинующійся: то, когда Пророкъ о себѣ говоритъ, тогда онъ есть лице повинующееся; а когда чрезъ Пророка о Пророкѣ же говоритъ Духъ Святый, тогда показывается верховность Начальствующаго. Итакъ, правильно и какъ бы о другомъ говорится: *и бысть на немъ тамъ рука Господня*; а о себѣ

Пророкъ тотчасъ присовокупляетъ: *и видѣхъ, и се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера*. Итакъ теперь намъ остается рѣшить, что значить выраженіе: *и се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера, и облакъ великій*.

9. Потому, что сѣверный вѣтеръ стѣсняетъ холодомъ, не неприлично именемъ его обозначается оцѣпененіе злаго духа. О чемъ свидѣтельство и Пророкъ Исаія, который возвѣщаетъ, что диаволь сказалъ: *сяду на горъ завѣта на странахъ сѣвера* (Ис. XIV, 13) (а). Ибо злой духъ сидѣлъ на *горъ завѣта*; потому что чрезъ вѣроломство подчинилъ себѣ Иудейскій народъ, который получилъ законъ. Ибо когда диаволь овладѣваетъ сердцами учителей, тогда сидитъ на *горъ завѣта*. Онъ же сидитъ и на *странахъ сѣвера*, потому что овладѣваетъ холодными сердцами людей. Поэтому и голосомъ Жениха въ Пѣсн пѣсеней говорится: *востани сѣвере, и гряди юже, и повый въ вертоградъ мой, и да потекутъ ароматы моя* (Пѣсн. пѣсн. IV, 16). Ибо, когда по повелѣнію Господню холодный духъ отступается, тогда теплый духъ занимаетъ души вѣрующихъ; онъ вѣетъ на садъ Божій,

(а) По Вулгатѣ. Замѣнить этотъ переводъ переводомъ 70-ти признано невозможнымъ потому, что на немъ основаны дальнѣйшія соображенія Св. Отца.

т. е. на святую Церковь, для того, чтобы доносить до свѣденія многихъ понятія о добродѣтеляхъ, какъ ароматы. Ибо по отступленіи сѣвера, т. е. злаго духа, Духъ Святый наполняетъ душу, какъ бы южный вѣтръ. Онъ, когда повѣетъ теплотворомъ, тогда тотчасъ текутъ ароматы добродѣтелей изъ сердецъ вѣрующихъ. Итакъ Пророкъ, предвидя то, что будетъ при кончинѣ (міра), видитъ духъ бурный, грядущій отъ сѣвера; потому что злой духъ при кончинѣ вѣка страшно охватитъ души людей цѣпеніемъ своего холода. Поэтому написано: *горе живущимъ на земли и морѣ, яко сиде діаволъ къ вамъ, имья ярость великую, вѣдѣй, яко время мало имать* (Апок. XII. 12). Потому что древній врагъ съ особеннымъ напряженіемъ усилилъ замыслы своихъ искушеній въ душахъ человѣческихъ. Противъ его возрастающей гордости явилось смиреніе воплощеннаго Бога; и для уврачеванія въ родѣ человѣческомъ его слабости, великое могущество Врача явлено тогда, когда увидичилась слабость больного.

10. Но хорошо посланіе злаго духа называется воздвигающимъ вѣтромъ. Потому что буря, потрясая стрѣпіе, къ которому прикасается; разрушаетъ его. И всякое искушеніе древняго врага, производимое въ душѣ, есть бурный вѣтръ; потому

что потрясая ее пожеланіями, сворачиваетъ съ состоянія прямоты ея. Но мы умалчивая о томъ, что будетъ роду человѣческому отъ хитраго врага при кончинѣ, обратимъ слово къ одной Іудеи, изъ которой произошелъ Пророкъ, и который гибель предвидитъ пророчествуя. Она по воплощеніи Господа тѣмъ важнѣйшій понесла вредъ отъ сѣвернаго бурнаго вѣтра, чѣмъ упорнѣе оставалась по оцѣпненію души въ холодномъ вѣроломствѣ, падая, будучи совращена съ прямоты своей. Итакъ бурный вѣтръ нашель отъ сѣвера, когда злой духъ искушеніемъ потряеъ жизнь Іудейскаго народа. Поэтому справедливо присовокупляется тамъ же: *и облакъ великій.*

11. Потому что чѣмъ болѣе кто предался жестокости, тѣмъ болѣе заслужилъ ослѣпленія мракомъ своего невѣденія. Они (Іудеи), видя того Искупителя рода человѣческаго, Котораго по разумѣнію закона и Пророковъ ожидали, отвергли. Поэтому совершилось то, что умъ ихъ покрылся великимъ облакомъ ихъ невѣжества, дабы послѣ ища не познали Того, о Комъ прежде могли предвозвѣщать, и Котораго любить отказались. Ибо, когда они съ одной стороны смотрѣли на силы и чудеса Его, а съ другой—на страданія: тогда нашель великій облакъ отъ сѣвера на сердца невѣрующихъ; потому

что они въ хладѣ грѣха своего слѣпотствовали въ разборѣ слабости страданія Его и знаменій. А что послѣдовало за этимъ мракомъ великаго облака, присовокупляется, когда (Пророкъ) тотчасъ говорить: *и онь блистайся.*

12. Именемъ огня, когда говорится о значеніи его, иногда означается Духъ Святый, а иногда— злоба души. О благомъ огнѣ написано: *оня приидохъ во вренни на землю, и что хошу, аще уже возгорься* (Лук. XII, 49). Огнь низводится на землю, когда земная душа, навѣваемая жаромъ Св. Духа, выжигается отъ своихъ плотскихъ пожеланій. О зломъ же огнѣ говорится: *и она ревность поести хотящаю сопротивныя* (Евр. X, 27), такъ какъ злое сердце истлѣваетъ отъ своей злости. Но какъ огнь любви возвышаетъ душу, такъ огнь злобы унижаетъ ее; потому что, какъ Духъ Святый воскреситъ наполняемое Имъ сердце къ горнему, такъ и ярость злобы всегда клонитъ его къ присподней. И такъ Иудея, ослѣпленная облакомъ своего невѣденія,— потому что тотчасъ проявилась въ нечестіи преслѣдованія,—была объята своимъ огнемъ, такъ какъ она запутала сама себя въ обязанности нечестія тою самою жестокостію, отъ которой пламенѣла. *Се духъ воздвизайся, грядяше отъ стъвера, и облакъ великій въ немъ, и онь блистайся;* потому

что она (Иудея), холодомъ своего оцѣпененія будучи доведена до мраба невѣденія, рѣшилась на злобу преслѣдованія. Поэтому и къ другому Пророку говорится: *что ты видиши?* Онъ тотчасъ отвѣчалъ: *конобъ поджигаемый (азъ вижу), и лице его отъ лица съвера* (Иер, 1, 13). Потому что Иудеи, ярящіеся въ преслѣдованіи, и въ жестокости злобы проявляющіе волны помышленій, чѣмъ другимъ были, какъ не конобомъ *поджигаемымъ?* Лице его, сказано, *отъ лица съвера*; потому что, если бы они чрезъ безчувственность души не предались противному духу, то не пламенѣли бы толивою злобою противъ добрыхъ. Итакъ за облакомъ слѣдуетъ *огнь блмстаяйся*; потому что за слѣпотою ума въ нихъ послѣдовала жестокость преслѣдованія. *Аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 11, 8). Но этотъ огнь въ одномъ мѣстѣ горѣлъ, а въ другомъ свѣтилъ. Ибо присовокупляется: *и свѣтъ окрестъ его*.

13. Тогда какъ въ Иудеи совершалось преслѣдованіе, святая проповѣдь Апостоловъ распространялась по всему міру, какъ говорятъ они сами: *вамъ бѣ много персть глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки* (Дѣян. XIII, 46). Итакъ отъ жестокости злобы,

которая сожигала сердца Иудеевъ, всемогущи Богъ распространилъ свѣтъ на язычниковъ; потому что, когда тѣ преслѣдовали своего Искупителя и членовъ Его; тогда мы, сидѣвшіе окрестъ Иудей во тьмѣ, чрезъ разсѣяніе святыхъ Апостоловъ по разнымъ странамъ, по дару небесной благодати увидѣли блескъ истиннаго свѣта. Поэтому написано: *живущи во странѣ и сыни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы* (Ис. IX, 2). Итакъ этотъ огонь злобы, который изъ сердець Иудеевъ разливался въ преслѣдованіи, прежде нежели своею яростію ошадилъ святыхъ Апостоловъ, сдѣлалъ пробу надъ Самимъ Вишовникомъ и Искупителемъ рода человѣческаго. Поэтому и присоветуется: *и посредь его яко виднѣе илестра посредь огня* (ст. 5).

14. Что означаетъ виднѣніемъ илестра, если не Иисусъ Христосъ, Ходатай Бога и человѣковъ (1 Тим. 11, 5)? Потому что илестръ состоитъ изъ золота и серебра. Въ илестрѣ, при смѣшеніи золота и серебра, серебро получаетъ болѣе блескъ, а золото тускнѣетъ. Итакъ, поелику въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ съ естествомъ Божества соединено наше естество: то въ этомъ соединеніи человѣчество прославлено, а Божество припаровлено къ виднѣнію человѣческому съ умаленіемъ славы своей. Слѣдовательно, чрезъ это соединеніе естество чело-

вѣческое болѣе прославилось, какъ бы серебро получило большой блескъ отъ золота. А поелику Божество своею славою принаровилось къ нашему видѣнiю, то оно какъ бы потускнѣло, подобно золоту отъ серебра. Ибо то неизмѣняемое естество, которое, прѣбывая неизмѣняемымъ, все обновляетъ, если бы благоволило явиться намъ въ полной своей славѣ: то оно блескомъ своимъ попало бы намъ болѣе, нежели возобновило. Но Богъ принаровилъ славу величiя Своего къ нашему зрѣнiю для того, чтобы, принаровляя славу Свою къ намъ, дать болѣе блеску нашей слабости чрезъ подобiе Ему въ Его славѣ, и чрезъ принятую благодать измѣнить, такъ сказать, цвѣтъ нашего свойства. Итакъ какъ бы илектръ въ огнѣ, Богъ былъ человѣкомъ въ преслѣдованiи. Далѣе слѣдуетъ: *и посреди яко подобiе четырехъ животныхъ.*

15. Что говорится *посреди илектра* или огня, это ни мало не препятствуетъ разумѣть, что четыре этихъ животныхъ означаютъ четырехъ Евангелистовъ, которые воплощенiемъ Того же Господа утверждены въ силѣ вѣры, и въ огнѣ преслѣдованiя претерпѣли много напастей.

16. Если бы кому угодно было разумѣть о второмъ пришествiи Господа то, что мы сказали о первомъ: то онъ скоро долженъ согласиться, что

духъ пророчества часто въ одномъ, о чемъ говорить, видитъ вмѣстѣ многос. Ибо вѣтръ бурный идетъ отъ сѣвера; потому что именно виновность грѣховъ побуждаетъ, чтобы пришествіе Праведнаго Судіи потрясло всѣ стихіи вмѣстѣ. Ибо, какъ говорится, ужасъ послѣдняго смятенія приходитъ откуда, откуда рождается. Но елику же судъ послѣдняго смятенія совершается для пораженія холодныхъ душъ грѣшниковъ; то справедливо онъ называется вѣтромъ бурнымъ, дующимъ отъ сѣвера. Это именно потрясеніе прилично называется вѣтромъ бурнымъ; потому что въ тотъ день потрясутся отъ необычайнаго страха сердца всѣхъ, которые доживутъ до него въ этомъ смертномъ тѣлѣ. Ибо, когда начнетъ приходъ въ исполненіе то, что написано: *солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небеси, и силы небесныя подвижутся* (Мат. XXIV, 29): тогда какое чело-
ловѣческое сердце не вострѣпещетъ отъ ожиданія приговора вѣчнаго Судіи? Ибо тамъ въ это время представляются вмѣстѣ всѣ грѣхи; тамъ съ ужасомъ припомнятся всѣ беззаконія, учиненныя съ утѣшеніемъ; тамъ будетъ мракъ бѣднаго мышленія, производящій отъ страха близкаго осужденія. Поэтому и присовокупляется: *и облакъ великій*. Потому что въ то время мракъ ослѣпленія вытѣснитъ

изъ памяти грѣшниковъ смыслъ ума, когда нечестивымъ не будетъ дозволено видѣть Единороднаго Сына Божіи въ славѣ Божества. Ибо *воззрѣтъ на Нь, Елюже прободоша* (Іоан. XIX, 37. Зах XII, 10). И—*да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. XXVI, 10). Здѣсь и ясно присовокупляется: *и огнь блмстаяся*. Потому что тотъ огонь суда, который смалитъ мѣдяное небо и землю, не допуститъ уже грѣшниковъ къ исправленію ихъ гордости, но ослѣпитъ тѣхъ, которыхъ безъ сомнѣнія будетъ жечь въ состояніи ихъ осужденія.

17. *И свѣтъ окрестъ его.* Потому что, какъ молнія исходитъ отъ востока, и блистаетъ до запада; такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго (Мат. XXIV, 27). Тамъ никому въ это время нельзя будетъ тайтъ что либо въ сердцѣ своемъ, потому что онъ будетъ проникнуть самымъ свѣтомъ Судіи. Объ этомъ тотчасъ присовокупляется: *и посредъ сію яко видѣніе илектра посредъ огня, и свѣтъ въ немъ*. Ибо тогда узрять въ страшномъ величій Самаго Повелителя Ангеловъ и Архангеловъ и всѣхъ Силь, Искупителя нашего, Который какъ бы на подобіе илектра пребылъ Единымъ изъ двухъ и въ двухъ естествахъ, какъ Богъ со Отцемъ, такъ и смертный съ людьми для нашего искупленія, и Ему огонь суда будетъ служить въ отмщеніи

нечестивымъ. Поэтому-то написано: *день явитъ, за-
не огнемъ открывається* (1 Кор. III, 13). Поэтому
Псалмопѣвецъ говоритъ: *Богъ явь приидетъ, Богъ
наиъ, и не премолитъ: огнь предъ Нимъ возгорит-
ся, и окрестъ Его буря злына* (Псал. XLIX, 3).
Поэтому и Апостоль Петръ говоритъ: *приидетъ день
Господень яко тать въ нощи, въ онъже небеса убо
съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжиаемы раз-
орятся* (11 Петр. III 10). А послѣку въ то вре-
мя всѣ Святые, которые рѣшительно отреклісь
отъ міра, придуть судіями: то прилично тотчасъ
присвокупляется:

18. *И посредъ яко подобіе четырехъ живот-
ныхъ.* Ибо что обозначается четырьмя животными,
если не четыре Евангелиста? И справедливо че-
тырьмя Евангелистами выражается число всѣхъ со-
вершенныхъ; потому что всѣ, кто только достигъ
въ Церкви совершенства, научились правильному
вѣдѣнію о своемъ совершенствѣ по ихъ Евангели-
ямъ. *И посредъ яко подобіе четырехъ животных:*
потому что тогда будутъ видимы соединенными съ
Его (Спасителя) тѣломъ и участниками въ Его сла-
вѣ, и вмѣстѣ съ Нимъ судіями тѣ, которые только
творили совершенныя дѣла по заповѣдямъ Еван-
гельскимъ. Поэтому-то самимъ святымъ Апостоламъ
говорится: *вы шедши по Мнѣ въ пакибытіе, сѣда*

сидеть Сынъ человѣческій на престолахъ славы своей, сидете и вы на двюнадесяте престолу, судяще оубманадесате колѣнома Израилеваго (Мат. XIX, 28). Поэтому Исаія говоритъ: Самъ Господь на судъ придетъ со старѣйшими людьми (Ис. III, 14). Поэтому и Соломонъ о Церкви говоритъ: славенъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея: внегда ище сидеть въ сонмищи со старѣйшими жителями земли (Прит. Сол. XXXI, 23). Итакъ, взглянувъ на это кратко, мы, слѣдуя порядку перваго пришествія, какъ начали, обратимся къ личности Евангелистовъ въ разъясненіи. Далѣе слѣдуетъ: *и сіе видѣніе ихъ, яко подобіе чловѣка въ нихъ* (ст. 5).

19. Когда нѣсколько послѣ эти святаы животныя раздѣльно описываются подъ частными подобіями, такъ что одно называется подобнымъ чловѣку, другое—льву, третье—тельцу, четвертое—орлу: то что значить, что въ этомъ мѣстѣ обо всѣхъ вмѣстѣ говорится: *подобіе чловѣка въ нихъ?*—Но кто въ этомъ мѣстѣ описывается чловѣкомъ, если не Тотъ, о Комъ написано: *Иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещова быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба приимъ, въ подобіи чловѣчествѣ бывъ, и образомъ обрѣтесе якоже чловѣкъ* (Филип. II, 6—7)? Итакъ эти животныя, чтобъ имѣть силу къ достиженію святости,

стремятся къ уподобленію этому человѣку. Ибо они не были бы святыми, если бы не имѣли подобія съ этимъ человѣкомъ; потому что все, сколько есть въ нихъ внутренняго благочестія, сколько есть въ нихъ ревности къ правдѣ, сколько есть въ нихъ попеченія о смиреніи, сколько есть въ нихъ пламени любви,—все это они заимствовали отъ самаго источника милосердія, отъ самаго корня смиренія, отъ самой силы правды, т. е. отъ Ходатая Бога и человѣковъ, Господа Бога. Славный Проповѣдникъ показываетъ, что онъ имѣетъ подобіе съ этимъ человѣкомъ, говоря: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Къ уподобленію Ему онъ и насъ побудить желаетъ, говоря: *первый человекъ отъ земли, перстень: второй человекъ Господь съ небесе. И якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небснаго* (1 Кор. XV, 47. 49). Ибо каждый Святой (человѣкъ) на столько возвышается до подобія сему Человѣку, на сколько подражаетъ жизни своего Искупителя. Разногласить съ Его заповѣдями и дѣлами, что другое значить, какъ не далеко уклоняться отъ уподобленія Ему? Но святыя Проповѣдники наказываютъ жизнь нечестивыхъ: а о самой Главѣ нашей написано, что Онъ плакалъ объ Иерусалимѣ (Лук. XIX, 41). Тѣ радуются о добрыхъ дѣлахъ своихъ подчиненныхъ,

и любятъ праведно дѣйствующихъ: но объ Искупителѣ нашемъ написано, что когда нѣкоторый юноша сказалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моя* (Мат. XIX, 20), тогда онъ болѣе возлюбилъ его. Святые Проповѣдники переносятъ нанесенныя имъ оскорбленія, и не воздаютъ взаимными оскорбленіями; но когда Искупителю нашему сказали: *бѣса имали* (Іоан. VIII, 48), тогда Онъ не воздалъ обидою за обиду, но кротко отвѣтствовалъ: *Азъ бѣса не имамъ* (тамъ же, ст. 49). Святые Проповѣдники имѣютъ пламенную ревность къ правдѣ; но Спаситель всѣхъ бичемъ отъ вервий выгналъ изъ храма продающихъ и покупающихъ, опрокинулъ столы продавцевъ голубиныхъ, и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ (Мат. XXI, 12. Іоан. 11, 15). Тѣ во всемъ, что совершаютъ съ усиліемъ, съ полнымъ вниманіемъ хранятъ смиреніе; но Спаситель нашъ говоритъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. XI, 29). Святые Проповѣдники любятъ даже своихъ гонителей; но Самъ Виновникъ всего и Искупитель въ самомъ страданіи ходатайствуетъ за своихъ мучителей, говоря: *Отче, отпусти имъ; не судятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Тѣ за братьевъ не жалѣютъ въ страданіи членовъ своихъ; но за жизнь избранныхъ даже смерти предать себя Виновникъ

жизни. И такъ пусть говорятъ о святыхъ животныхъ, что въ нихъ есть подобіе человѣка; потому что, если есть въ нихъ что либо святаго, что либо дивнаго, все это въ нихъ есть образъ подобія, то есть, усилія въ подражаніи. Потому что глава всѣхъ насъ есть Искушитель нашъ. И чрезъ Соломона говорится: *мудраго очи его во главъ его, а безумный ео тмъ ходитъ* (Еккл. 11, 14). Ибо мы имѣемъ очи свои во главѣ тогда, когда съ внимательнымъ размышленіемъ взираемъ на жизнь нашего Искушителя; когда все наше вниманіе бываетъ направлено на подражаніе Ему, дабы око ума, въ случаѣ пренебреженія со вниманіемъ смотрѣть на пути свѣта, тотчасъ не пало во слѣпотѣ во тьму заблужденія. Къ уподобленію сему человѣку снѣвши воспрянуть Пророкъ, когда говоритъ: *въ заповѣдяхъ Твоихъ поглумлюся, и уразумю пути Твоя* (Псал. СХVIII, 15). Ибо кто молча въ умѣ разсуждаетъ о путяхъ Господа и снѣшитъ упражнять себя въ заповѣдяхъ Его, тотъ что другое начертываетъ въ самомъ себѣ, если не подобіе поваго человѣка? А поелику въ сердцахъ Святыхъ это совершается непрестанно; то справедливо теперь о животныхъ говорится: *подобіе человека въ нихъ*.

20. Но чрезъ это подобіе, которое нынѣ удерживается въ правахъ, со временемъ доходить до

подобія славы. Поэтому-то Иоаннъ говоритъ: *нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Иоан. III, 2). И тотчасъ присовокупляетъ, отъ чего это можетъ быть, говоря: *ибо узримъ Его, якоже есть* (тамъ же). Ибо бытіе Божіе есть вѣчное и неизмѣняемое. Потому что неизмѣняемое перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было; и начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ не было; а бытіе Божіе всегда само себѣ равно. Потому къ Моисею говорится: *Азъ есмь Сый: и рече: тако речеша сыномъ Израилевымъ: Сый посла мя къ вамъ* (Исх. III, 14). И Іаковъ такъ же говоритъ: *у Негоже нѣсть претмыслие, или предложенія стѣнь* (Іак. 1, 17). И такъ чрезъ Іоанна говорится: *подобни Ему будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть*; потому что чрезъ то самое, что мы увидимъ сущность естества Его, мы, освободившись отъ нашей измѣняемости, содѣлаемся сообразными съ вѣчностію. Измѣнимся въ Томъ, Кого узримъ; потому что не будемъ имѣть смерти, пребывая съ жизнію, измѣняемость нашу оставимъ при переходѣ къ сожителству съ Неизмѣняемымъ. Не будемъ имѣть никакого поврежденія, живя съ невредимымъ.

• 21. Въ то время будетъ подобіе человѣка даже въ тѣлахъ нашихъ. Объ этомъ чрезъ Павла го-

ворится: *наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа: Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филипп. III, 20, 21). Итакъ въ то время тѣла избранныхъ будутъ сообразны славѣ тѣла Господня; онѣ, по естеству хотя и не имѣютъ равенства славы его, однако же по благодати будутъ имѣть подобіе преобразования его. Итакъ, поелику нынѣ избранные носятъ подобіе Его въ нравахъ, а въ воскресеніи послѣдуетъ подобіе вѣчности въ умѣ, потому что узримъ Его, якоже сестъ; и послѣду даже тѣла наши получатъ въ преобразованіи подобіе Его (тѣлу): то правильно должно сказать о святыхъ животныхъ: *подобіе челоука въ нихъ.*

Этого въ началѣ изъясненія достаточно для насъ предвкусить, чтобы сила рѣчи, освѣщенная молчаніемъ, болѣе укрѣпилася къ открытію тайнствъ въ томъ, что за сѣмъ слѣдуетъ. Ибо мы увѣрены, что помощникомъ имѣемъ Того Самаго, о Комъ говоримъ, Кто живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи со Св. Духомъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТІЯ.

Изъясняются четыре стиха, отъ шестаго до десятаго, о святыхъ Проповѣдникахъ и двоякой ихъ жизни, дѣятельной и созерцательной.

1. Четыре святыхъ животныхъ, которыя духомъ пророчества предвидятся въ будущемъ, описываются тонкимъ повѣствованіемъ, когда говорится: *четыре лица единому, и четыре крила единому* (Езек. 1, 6).

Что выражается лицомъ, если не вѣденіе, и что крилами, если не лѣтаніе? Потому что по лицу познають всякаго, а посредствомъ крильевъ птичьи тѣла поднимаются вверхъ. Итакъ, лице указываетъ на вѣру, а крилья на созерцаніе. Ибо всемогущій Богъ знаетъ насъ по вѣрѣ, такъ какъ Онъ Самъ о своихъ овцахъ говоритъ: *Азъ есмь пастырь добрый: и знаю Моя, и знаютъ Мя моя* (Іоан. X, 14). И еще: *Азъ овца, иже избрахъ* (Іоан. XIII, 18). А чрезъ созерцаніе мы, возвышаясь выше самихъ себя, какъ бы летаемъ по воздуху. Итакъ, *четыре лица единому*; потому что, если ты хочешь знать, что думаетъ Матсей о воплощеніи Господа, то онъ думаетъ тоже самое, что думаютъ: Маркъ, Лука и Іоаннъ. Если хочешь знать, что ду-

масть Іоаннъ, то безъ сомнѣнія тоже, что Лука, Маркъ и Матѳей. Если хочешь знать, что думаетъ Маркъ, то-тоже, что Матѳей, Іоаннъ и Лука. Если хочешь знать, что думаетъ Лука, то-тоже, что думаютъ: Іоаннъ, Матѳей и Маркъ. Итакъ, *четыре лица единому*; потому что вѣденіе вѣры, по которой знасть ихъ Богъ, тоже самое въ одномъ, которое и въ четырехъ вмѣстѣ. Ибо что ты найдешь въ одномъ, тоже самое вѣрно найдешь и во всѣхъ четырехъ вмѣстѣ.

2. *И четыре крила единому*; потому что они (Евангелисты) все вмѣстѣ согласно проповѣдуютъ о Сынѣ всемогущаго Бога, Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, и, возвышая умственные очи къ Божеству Его, летаютъ на крыльяхъ созерцанія. Итакъ лица Евангелистовъ придерживаются челоуѣчества Господня, а крылья—Божества; потому что они какъ бы обращаютъ лица на Того, на Кого смотрятъ тѣлесно. Но когда возвѣщаютъ, что Онъ по Божеству неописанъ и безтѣлесенъ: тогда они на крыльяхъ созерцанія какъ бы поднимаются на воздухъ. Итакъ, поелику и вѣра въ воплощеніе Его одна во всѣхъ, и созерцаніе Божества Его одинаково въ каждомъ: то теперь правильно говорится: *четыре лица единому, и четыре крила единому*. Но что

была бы за святость, если бы Проповѣдники Его, имѣя и вѣру въ Госнода, и созерцаніе Его, не имѣли святыхъ дѣлъ? Далѣе слѣдуетъ: *и голени ихъ правы* (Тамъ же).

3. Что обозначается голениами, если не шествіе дѣйствій? Итакъ четыре животныхъ описываются имѣющими *голенн правыя* (прямая); потому что дѣла святыхъ Евангелистовъ и всѣхъ совершенныхъ воспящены къ послѣдованію нечестію. Тѣ же имѣють правыхъ голеней (ногъ), которые уклоняются къ порокамъ міра, оставленнымъ ими. Объ этихъ (людахъ) написано: *несъ возвращающа на свою блевотину; и, свинія омывшия, въ калѣ тинный* (Притч. XXVI, 11. 2 Петр. 11, 22). Знаменитый учитель жалѣлъ о нѣкоторыхъ потому, что они правоту ногъ возвратили вснять, и съ негодованіемъ говорилъ имъ; *какъ возвращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ и хотите снова поработить себя имъ? наблюдайте дни, мѣсяцы, времена и годы. Боюсь за васъ, не напрасно ли я у васъ трудился* (Галат. IV, 9—11). Другихъ увѣщеваетъ онъ, говоря: *ослабленныя руки и ослабленныя колѣна исправите; и стези правы сотворите ногами вашими* (Евр. XII, 12, 13). Но для показанія въ тѣхъ же самыхъ святыхъ Проповѣдникахъ важности, мужества и отличія, спра-

ведливо присовокупляется: *ступня ноги ихъ какъ бы ступня нога вола* (Тамъ же) (а).

4. Что святые Проповѣдники называются именемъ воловъ, этому учитъ Апостоль Павелъ, изъясняя свидѣтельство закона: *да не заградимъ устенъ вола молотяща* (1 Кор. IX, 9. Второз. XXV, 4). Следовательно, у святыхъ Проповѣдниковъ ступня ноги есть ступня вола, т. е. твердо ступающая, крѣпкая, и раздвоенная; потому что каждый Проповѣдникъ и благоговѣніе имѣеть твердое, и мужество въ дѣлѣ, и раздвоеніе конята въ разсужденіи. Ибо не удобно принимаютъ проповѣдь его, если онъ кажется легкомысленнымъ въ поведеніи. И ничего не будетъ значить кажущаяся твердость, если не будетъ сопровождаема мужествомъ на дѣлѣ противъ всѣхъ несчастій. Но заслугу добродѣтели мужество на дѣлѣ показываетъ тогда, когда бываетъ разбираемо разсудкомъ. Ибо вотъ мы читаемъ Св. Писаніе. Если все будемъ принимать буквально, то лишаемся добродѣтели разбирательства; и если все возводимъ къ духовной аллегоріи, то

(а) Въ подлинникѣ напечатано такъ: *planta pedis eorum quasi planta pedis vituli*, что и переведено такъ, какъ переведено. Но въ славянскомъ переводѣ этотъ текстъ переведенъ такъ: *и пернаты ноги ихъ*. Объясненіе Св. Отца принаровлено къ смыслу латинскаго подлинника. Потому и въ переводѣ удержанъ тотъ же самый смыслъ.

подобнымъ образомъ связываемъ сами себя глупостию неразбирательства. Ибо святые Проповѣдники читаютъ священные изреченія; и иногда въ исторіи принимаютъ буквальный смыслъ, а иногда по значенію буквальному отыскиваютъ смыслъ духовный. Иногда послѣдуютъ они добрымъ дѣяніямъ предшествовавшихъ отцевъ такъ, какъ разумѣютъ ихъ по буквальному смыслу; а иногда духовно разумѣютъ то, чему исторически нельзя послѣдовать, и стремятся къ совершенству. Слѣовательно, святые Проповѣдники что раздвояютъ въ своемъ дѣланіи, если не коньто на ногѣ?—О нихъ еще справедливо присовокупляется: *и искры яко блистающая мѣдь* (Тамъ же ст. 7).

5. Мѣдный металлъ весьма звонокъ. И справедливо вѣщанія Проповѣдниковъ сравниваются съ мѣдью, потому что *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. XVIII, 5). Но хорошо называются и блистающею мѣдью, потому что жизнь Проповѣдниковъ звучитъ и блеститъ; блеститъ желаніемъ, звучитъ словомъ. Итакъ ревностная проповѣдь есть мѣдь блистающая. По отъ блистающей мѣди сыплются искры, потому что отъ ихъ увѣщаній пламенные слова долѣтаютъ до ушей слушающихъ. Но справедливо слова Проповѣдниковъ названы искрами; потому что воспла-

меняютъ тѣхъ, коихъ сердца касаются. Еще надобно разсудить, что искры весьма тонки и малы; потому что, когда святые Проповѣдники говорятъ о небесномъ отечествѣ, тогда не столько могутъ открыть словомъ, сколько могутъ пламенѣть желаніемъ. Слѣдовательно, изъ языка ихъ долетаютъ до насъ какъ бы нѣкоторыя искры; потому что о небесномъ отечествѣ изъ ихъ языка познается едва слабое нѣчто, что впрочемъ любятъ они не слабо. Ибо они ни славы небесной могутъ видѣть въ такой степени, въ какой она есть, ни столько могутъ говорить, сколько видятъ. Итакъ блистающая мѣди бросаетъ искры, когда Проповѣдникъ едва слабо можетъ говорить о томъ, отъ чего самъ сильно пламенѣетъ. Но Божественная благодать совершаетъ то, что отъ самыхъ этихъ малѣйшихъ искръ воспламеняется душа слушающаго; потому что есть нѣкоторые, которые, слыша малое, исполняются большимъ желаніемъ, и всецѣло горятъ любовію къ Богу отъ того, отъ чего получили едва малѣйшія искры словъ.

6. Слово проповѣди служитъ сѣменемъ въ сердцахъ слушающаго. И добрый слушатель въ послѣдствіи приноситъ великую жатву вѣденія отъ того, отъ чего прежде принялъ малое сѣмя слова. Это хорошо подтверждается чудомъ, которое Пророкъ

Елисей совершилъ для вдовицы, которая, чтобы не лишиться двухъ сыновъ по требованію заимодавца, повинувалась словамъ Пророка, и малое количество оставшагося у ней елея разлила по пустымъ сосудамъ, которые всѣ послѣ наполнились до верха, и ихъ-то полнотою женщина освободилась отъ требованія своего заимодавца (4 Цар. IV, 2* и слѣд.). Эта именно женщина кого другого означаетъ, если не святую Церковь, мать двухъ народовъ, т. е. Иудейскаго и языческаго, какъ бы двухъ сыновъ? Она изъ превратнаго дѣйствія по убѣжденію духовнаго врага взяла у заимодавца какъ бы нѣкоторую сумму грѣха, и страшилась лишиться двухъ сыновъ, которыхъ родила вѣрою. Но повинувась словамъ Пророка, т. е. заповѣдямъ Св. Писанія, разлила малое количество имѣвшагося у пей масла по пустымъ сосудамъ; потому что, когда пустыя умы многихъ слушаютъ изъ устъ одного проповѣдника нѣчто малое о любви Божества, тогда преизбыточествующею благодатию до верха наполняются елеемъ Божественной любви. И нынѣ уже многихъ сердца, которыя прежде были пустыми сердцами, полны помазанія Духа, по видимому только излитаго изъ малаго количества елея. Когда это сообщается тѣмъ и тѣмъ, и слушателями принимается вѣра; тогда Сарептская вдовица, т. е. Святая Церковь,

уже дѣлается свободною отъ долга своему заимо-
двцу. За тѣмъ слѣдуетъ: *и рука человека подъ*
крилами ихъ на четырехъ странахъ ихъ.

7. Въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ четырехъ
странъ можно разумѣть четыре страны свѣта, имен-
но, востокъ, западъ, югъ и сѣверъ; потому что про-
повѣдь святыхъ по распоряженію Божию проникла
во всѣ части міра.

8. Можно разумѣть подъ четырьмя странами
и четыре главныхъ добродѣтели, отъ коихъ произ-
ходятъ и прочія добродѣтели, именно — мудрость,
мужество, справедливость и умѣренность. Эти имен-
но добродѣтели мы истинно стяжеваемъ тогда, ког-
да соблюдаемъ порядокъ ихъ. Потому что первая
добродѣтель есть мудрость, вторая — мужество,
третья — справедливость, четвертая — умѣренность.
Ибо какая польза можетъ быть отъ мудрости, если
не будетъ мужества? Потому что знать кому либо
что нибудь, чего онъ исполнить не можетъ, есть на-
казаніе болѣе, нежели добродѣтель. Но тотъ, кто
мудро разумѣетъ, что надобно дѣлать и мужествен-
но дѣйствуетъ въ томъ, что разумѣетъ, безъ вся-
каго сомнѣнія справедливъ; но его справедливости
должна сопутствовать умѣренность, потому что спра-
ведливость болшею частію прсвращается въ же-
стокость, если не имѣетъ мѣры. Слѣдовательно,

самая справедливость истинно есть справедливость та, которая обуздывается умѣренностію, чтобы въ ревности, которою каждый кинить, быть и умѣреннымъ, дабы въ случаѣ излишества ревности не лишиться справедливости, которую соблюдать не умѣеть умѣренностію.

9. Но у святыхъ Проловѣдниковъ двѣ жизни, именно, дѣятельная и созерцательная; по дѣятельная по времени предшествуетъ созерцательной, потому что изъ добродѣтели стремятся къ созерцанію. А созерцательная болѣе по заслугѣ, нежели дѣятельная; потому что послѣдняя трудится въ настоящемъ дѣланіи, но первая внутреннимъ чутьемъ предвѣщаетъ уже будущее успокоеніе. Итакъ что означается *руками*, если не жизнь дѣятельная, и что *крылами*, если не жизнь созерцательная? Слѣдовательно, руки человѣка *подъ крылами*, т. е. добродѣтель дѣятельности *подъ* летаніемъ созерцанія. Это въ Евангеліи хорошо выражаютъ двѣ женщины, именно—Марѳа и Марія. Ибо Марѳа много заботилась объ угощеніи; а Марія сѣла у ногъ Иисусовыхъ и слушала слово Его (Лук. X, 39. 40). Слѣдовательно, одна была занята дѣятельностію, а другая созерцаніемъ. Одна служила дѣятельной жизни посредствомъ внѣшняго служенія, другая созерцательной посредствомъ углубленія сердца въ слово.

И хотя хороша дѣятельная (жизнь), однакоже созерцательная лучше; потому что та прекращается съ смертною жизнію, а эта въ безсмертной жизни полнѣе возрастаетъ. Поэтому говорится: *Марія благу часть избра, яже не отыметъ отъ нея* (Тамъ же ст. 42). Итакъ, поелику дѣятельная жизнь по заслугѣ менѣе, нежели созерцательная; то справедливо теперь говорится: *рука человека подъ крилами ихъ*. Ибо хотя мы посредствомъ дѣятельной (жизни) и дѣлаемъ что либо хорошее, однакоже къ небесному желанію возлетаемъ посредствомъ созерцательной. Поэтому и у Моисея дѣятельная жизнь называется рабствомъ, а созерцательная свободою.

10. И хотя та и другая жизнь должна быть даромъ благодати, однакоже, доколѣ мы живемъ среди ближнихъ, одна поставляется намъ въ необходимую обязанность, а другая предоставляется на волю. Ибо кто, познавая Бога, входитъ въ царство Его, если прежде не творить добрыхъ дѣлъ? Итакъ безъ созерцательной жизни могутъ входить въ небесное отечество тѣ, которые не пренебрегаютъ добромъ, которое могутъ сдѣлать; но безъ дѣятельной не могутъ входить, если пренебрегаютъ совершеніемъ добра, которое возможно. Следовательно, дѣятельная жизнь поставляется въ необходимость, а созерцательная предоставляется произволу. Та по-

ставляется въ рабствѣ, а сія на свободѣ. Поэтому-то и къ Моисею говорится: *аще стяжеси раба Евреина, шесть лѣтъ да поработаетъ тебѣ: въ седмое же лѣто отпустиши его свободна туне. Аще самъ единъ увидетъ, то единъ и изыдетъ: аще же жена увидетъ съ нимъ, то и жена отыдетъ съ нимъ. Аще же господинъ дастъ ему жену, и родитъ ему сыны или дочери, жена и дѣти да будутъ господину его, самъ же единъ да отыдетъ. Аще же отъщавъ рабъ речетъ: возлюбихъ господина моего, и жену мою и дѣти моя, не отхожду свободенъ: да приведетъ его господинъ предъ судище Божіе, и тогда приведетъ его предъ двери на прагъ, и да повертитъ ему ухо господинъ его шиломъ, и да поработаетъ ему во вѣки* (Исх. XXI, 2—7). Мы представили нѣсколько обширное свидѣтельство для того, чтобы показать различіе рабства и свободы въ той и другой жизни. Но не должно быть отяготительнымъ, если мы это (свидѣтельство) прослѣдимъ изъясненіемъ, которымъ подтвердимъ то самое, что сказали.

11. Ибо Еврей значитъ переходящій. И рабъ Евреинъ покупается тогда, когда каждый, мысленно уже переходящій отъ сего вѣка, предается въ рабство всемогущаго Бога. Ибо служить истинному Богу желаетъ тотъ, кто научился мысленно пе-

реходить отъ вѣка сего. Такъ Моисей перешелъ, чтобы видѣть видѣніе (Исх. III, 3). Такъ Давидъ, когда видѣлъ нечестиваго превозносящагося и высящагося яко кедры ливанскія, перешелъ, и сего не стало (Псал. XXXVI, 35). Потому что мы думаемъ о могуществѣ нечестивыхъ, будто оно есть что либо великое, если не перейдемъ мыслию къ непрестаемому вѣку. По купленію рабу Евреанину заповѣдуются служить шесть лѣтъ, такъ чтобы на седьмомъ году вытти ему на свободу даромъ. Ибо что означается шестеричнымъ числомъ, если не совершенство дѣятельной жизни? Что седмичнымъ выражается, если не (жизнь) созерцательная? И такъ шесть лѣтъ служить, а на седьмомъ (году) выходить на свободу тотъ, кто чрезъ дѣятельную жизнь, которую провелъ въ совершенствѣ, переходитъ въ свободу жизни созерцательной. И надобно замѣтить, что выходить на свободу *туне* (даромъ); потому что тѣ, которые послѣ всего содѣяннаго ими говорятъ, что они рабы исключимые (Лук. XVII, 10), безъ сомнѣнія какъ дѣятельную жизнь получили даромъ, такъ и созерцательную по благодати. Въ какой одеждѣ взонелъ, въ такой долженъ и вытти (а); потому что рѣшительно необходимо, чтобы каж-

а) Этой мысли въ славянскомъ переводѣ нѣтъ, но въ латинскомъ подлинникѣ она въ самомъ текстѣ выражена такъ: *cum quali veste intraverit, cum tali exeat.*

дый изъ насъ продолжалъ то, что началъ, и до конца дѣла не оставлялъ того вниманія, съ которымъ предпринять. Ибо тотъ хорошо переходитъ къ созерцательной (жизни), кто въ дѣятельной жизни одежду своего вниманія не перемѣнилъ на худшую. И есть нѣкоторые, которые любятъ упражняться въ добрыхъ дѣлахъ прежде нежели присоединяются къ святому обществу для служенія Богу. Но есть и другіе, которые учатся добрымъ дѣламъ послѣ того, какъ приступаютъ къ служенію всемогущему Богу. Итакъ кто и прежде, нежели приступилъ къ служенію Богу, домогался онаго, тотъ есть рабъ Евреапимъ, купленный съ женою.

12. И большею частію тотъ, кто таковъ, можетъ переходить къ созерцательной жизни, и не оставлять дѣятельной. Поэтому и присовокупляется тамъ: *аще жена увидетъ съ нимъ, то и жена отыдетъ съ нимъ*. И жена выходитъ на свободу съ нимъ тогда, когда перешедшій къ созерцанію не оставляетъ и во внѣ совершенія добрыхъ дѣлъ, когда можетъ быть полезнымъ для другихъ. *Аще же господинъ дастъ ему жену, и родитъ ему сыны или дщери, жена и дѣти да будутъ господину его, самъ же единъ да отыдетъ*. Купленному рабу господинъ даетъ жену тогда, когда каждый проповѣдникъ соединяетъ съ расположеніемъ къ добру

того, кого приобрѣлъ въ собственность всемогущему Богу. Ибо и проповѣдники называются господами, какъ говорится Пророку Елисею о его проповѣдникѣ: *разумѣеши ли, яко взимаетъ Господь днесь господина твоего верху главы твоея* (4 Цар. II, 3)? А жена купленнаго раба раждаетъ сыновъ и дщерей, когда добродѣтель раждаетъ крѣпкіе и нѣжные плоды. Но жена, данная господиномъ, съ дѣтьми остается у тогоже господина, а самъ рабъ выходитъ на свободу; потому что доброе дѣло, или плоды тогоже добраго дѣла, выѣняются въ награду проповѣднику. Самъ же (рабъ), продолжая напряженіе своего желанія, посредствомъ вышней благодати выходитъ на свободу къ созерцацію. *Аще же отвѣщавъ рабъ речетъ: возлюбихъ господина моего, и жену мою и дѣти моя, не отхожду свободенъ* (Исх. XXI, 5). Рабъ любитъ господина своего, когда тщательно хранитъ въ умѣ слова проповѣдника. И любя жену и дѣтей, отказывается отъ выхода на свободу, когда любя дѣятельную жизнь и плоды ея, не желаетъ переходить къ созерцательной жизни; потому что, разсуждая, что онъ имѣетъ добрыя дѣла въ рабскомъ своемъ служеніи, отказывается отъ перехода къ покою свободы. *Да приведетъ его господинъ его предъ судище Божіе, и тогда приведетъ его предъ двери на правъ, и да провертитъ ему*

ухо господинъ его шиломъ, и да поработаетъ ему во вѣки (Тамже, ст. 6). Ибо тотъ, кто рѣшился продолжать дѣятельную жизнь, приводится господиномъ предъ судилище Божіе, когда отъ проповѣдника своего нацѣвывается изреченіями древнихъ отцевъ, которые для насъ на пути были священниками всемогущаго Бога. Приводится и предъ двери на прагъ, чтобы нѣчто явственнѣе слышалъ о входѣ въ небесное жилище, и основательно зналъ день страшнаго суда, дабы не желать правиться людямъ чрезъ добрыя дѣла, которыя онъ творить. И такимъ образомъ ухо его повертывается шиломъ, когда душа его поражается основательнымъ страхомъ Божіимъ, чтобы, пропзенная остриемъ слова, посредствомъ всего, содѣваемаго ею, всегда умѣла обращать вниманіе на входъ въ царствіе, и посылъ ухо какъ бы приколотое къ двери и косяку храмины.

13. Опъ будетъ рабомъ во вѣки (въ продолженіе всей настоящей жизни), дабы имѣть возможность послѣ вѣковъ (настоящей жизни) быть свободнымъ. Ибо рабъ *во вѣки*, кто рѣшился служить людямъ посредствомъ дѣятельной жизни, чтобы послѣ настоящаго вѣка перейти къ истинной свободѣ. О сей-то свободѣ чрезъ Павла говорится: *яко и сама тварь свободится отъ работы истиннѣи въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. VIII,

21). Ибо истинная свобода будетъ въ насъ тогда, когда наше усыновленіе достигнетъ славы чадъ Божіихъ. Но пытѣ не только дѣятельная жизнь въ рабствѣ, но и самое созерцаніе, чрезъ которое мы восторгаемся выше самихъ себя, не имѣетъ еще полной свободы души, но подражаетъ ей, потому что оное внутреннее спокойствіе кажется загадочнымъ. Впрочемъ, самое созерцаніе, въ какомъ бы стѣсненіи оно ни было, несравненно обширнѣе и выше дѣятельной жизни, потому что оно переходитъ къ нѣкоторой свободѣ души, не цомысля о временномъ, но думая о вѣчномъ. Итакъ, поедіку созерцательная жизнь возлетаетъ къ высшему, и превышаетъ дѣятельную жизнь нѣкоторымъ, такъ сказать, достоинствомъ своей безопасности: то прилично говорится: *и рука человѣка подъ крылами ихъ.*

14. Но если въ этомъ мѣстѣ принять за человека Искунителя нашего: то *рука человѣка подъ крылами ихъ* потому, что если бы Богъ не содѣлался человекомъ, который возвысилъ умы проповѣдниковъ къ небесному, то тѣ животныя, которыя выставляются на видъ, не летали бы. Не безъ основанія говорится, что *рука человѣка подъ крылами ихъ*; потому что о томъже Спасителѣ нашемъ написано: *Иже сый сіяніе славы и образъ истинности*

Гло, нося же всяческая (Евр. 1, 3). Слѣдовательно, Его рука посетитъ сердца наши; Его рука приподнимаетъ пастъ въ созерцаніи. Ибо если бы, какъ сказано, всемогущее Слово не содѣлалось человѣкомъ ради человѣковъ: то человѣческія сердца не возлетали бы къ созерцанію славы Слова. Итакъ души человѣческія содѣлались возвышенными съ того пункта, съ котораго Богъ явился смиреннымъ среди людей. Итакъ пусть говорится о святыхъ животныхъ, пусть говорится: *и рука челоуѣча подѣ крилами ихъ. О нихъ еще присовокупляется: и лица ихъ, и крила ихъ четырехъ держащаяся другъ друга.*

15. Животныя имѣютъ лица и крылья на четыре страны; потому что проповѣдники во всѣхъ частяхъ міра показываютъ но человѣчески то, что они думаютъ о Божествѣ нашего Искупителя. Поэтому что, повсюду проповѣдая воплощеннаго Бога, показываютъ лица въ четырехъ частяхъ міра. И когда возвѣщаютъ, что Онъ едино есть со Отцемъ и Святымъ Духомъ, тогда повсюду летаютъ на крыльяхъ созерцанія. Ихъ крылья соединены одно съ другимъ потому, что вся ихъ добродѣтель, и вся ихъ мудрость, которою превышаютъ другихъ людей по летанію своего созерцанія, взаимно совокупляется въ мирѣ и единодушіи. Поэтому написано: *яже свыше премудрость, первое убо чиста есть, потомъ же*

мирна (Іак. III, 17). Поэтому Истина тѣмъ же самымъ Проповѣдникамъ говорить: *имыйте соль въ себя, и миръ имыйте между собою* (Марк. IX, 50). Итакъ крылья животныхъ соединяются одно съ другимъ потому, что добродѣтель и мудрость святыхъ Проповѣдниковъ имѣютъ взаимное общеніе въ мирѣ любви и согласія. Но крыло одного было бы отдѣлено отъ другаго, если бы каждый отказался имѣть миръ съ другимъ въ томъ, о чемъ онъ мудрствуетъ. Далѣе слѣдуетъ: *лица же ихъ четырехъ не обрацахуся, всегда ходити имъ: коеждо прямо лица своего хождаху.* (ст. 9).

16. Пернатая животныя, т. е. святые Проповѣдники, поступая впередъ, не возвращаются назадъ; потому что переходятъ отъ земныхъ дѣлъ къ духовнымъ такъ, что далѣе рѣшительно не уклоняются въ тому, что оставили. Ибо для нихъ душою идти къ лучшему значить какъ бы ступать впередъ по какомунибудь пути. Напротивъ о печестивыхъ говорится, что они сердцемъ возвращались въ Египетъ (Исх. XIV, 3. 4). И сама Истина говорить: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. IX, 62). Потому что возложить руку на рало значить вскрыть землю своего сердца для пришепкія плодовъ какъ бы нѣкоторымъ сошникомъ сокрушенія. Но назадъ

послѣ вспаханія озирается тотъ, кто послѣ начала добраго дѣла возвращается къ злу, которое оставилъ. Послѣ этого съ избранными Божіими не случается, то правильно теперь чрезъ Пророка говорится: *не обращахуся, внигда ходити имъ.*

17. Почему они не обращаются, Пророкъ показываетъ далѣе, присовокупляя: *каждо прямо лица своего хождашу.* Ибо впереди насъ вѣчное, а позади временное; потому что и то, шествуя постепенно, мы находимъ, и другое отступая оставляемъ какъ бы позади себя. Поэтому-то и великое опое пернатое животное, которое возлетало до тапль третьяго неба, говорило; *едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія* (Филип. III, 13. 14). Простираяся впередъ, онъ забывалъ задняя; потому что, презирая временное, онъ домогался только того, что вѣчно. Итакъ *прямо лица своего* ходятъ святыя животныя; потому что и на то, что оставили, уже рѣшительно не озираются съ желаніемъ, и твердо идутъ къ вѣчному, котораго желаютъ, имѣя опое предъ очами своего созерцанія.

18. Итакъ кто уже рѣшился ходить *прямо лица своего*, тому съ великою разборчивостію надобно обдумывать, что иначе озираются назадъ дѣломъ, и иначе помышленіемъ. Ибо есть люди, ко-

торые основательно разсуждаютъ, и, сознавая грѣхи свои, рѣшаются раздать бѣднымъ многое изъ своего имѣлія, чтобы дѣлами милосердія искупить вину свою предъ очами Божиими. И уже начинаютъ приводить это въ исполненіе: по большую частію страхъ обвинянія тревожитъ духъ ихъ, когда они это дѣлаютъ, и они, страшась обвинянія, дѣлаются скупыми къ бѣднымъ, и прекращаютъ то доброе дѣло, которое начали. Эти-то люди, поступая впередъ, возвратились назадъ; потому что не захотѣли идти *прямо лица своего*. Противъ нихъ правильно чрезъ Соломона говорится: *поносимъ лѣнливый не усрамляется, такжеде и заземляй шеницу въ жатву* (Притч. XX, 4) (а). Ибо кто пынѣ попричишѣ страха и ужаса утвеппаго небрежетъ о добрыхъ дѣлахъ, тотъ, когда какъ бы лѣтомъ возсіяетъ на судѣ солнце правды, нищенски будетъ просить жизни, но не получитъ, потому что ради ся не хотѣтъ творить добрыхъ дѣлъ. Другой, презрѣвъ пожеланія плоти, рѣшается все оставить и предаться въ рабство всемогущаго Бога, и хочетъ стѣснять самаго себя уздою воздержанія

а) Въ латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *propter frigus piger arare noluit, mendicabit ergo aestate, et non dabitur ei*, т. е. по причинѣ холода лѣнивонецъ не хотѣлъ пахать, поэтому лѣтомъ будетъ просить милостыни, и ему не будутъ давать.

и чистоты; но когда видѣть, что другіе пали даже послѣ чистоты, боятся исполнить то самое, на что рѣшались. А потому назадъ обращается помышленіемъ тотъ, кто, смотря впередъ, шелъ уже на высоту шагами ума. О немъ чрезъ Соломона хорошо говорится: *блудный вѣтра, не съетъ, и смотряый во облацыхъ, не пожнетъ* (Еккл. XI, 4). Потому что подъ именемъ вѣтра разумѣется злой духъ, который обуревасть душу искушеніями, а чрезъ облако означаетъ грѣшникъ, который движется по направленію искушенія. Итакъ кто обращаетъ вниманіе на вѣтеръ, тотъ не съетъ, и кто разсматриваетъ облака, тотъ не жнетъ; потому что, кто страшась искушеній отъ злаго духа, и смотря на наденія нечестивыхъ, отчаивается въ самомъ себѣ, тотъ какъ нынѣ не съетъ добрыхъ дѣлъ, такъ и послѣ ничего не получитъ отъ праведнаго воздаянія. Но есть люди, которые хотя и дѣлаютъ добро, которое они знаютъ, и дѣлая это рѣшаются на лучшее; но разсматривая лучшее, на которое рѣшались, перемѣняютъ (намѣреніе); и хотя дѣлаютъ добро, которое начали, но отъ лучшаго, на которое рѣшались, отказываются. Эти именпо (люди) предъ судомъ челоувѣческимъ кажутся постоянными въ дѣлѣ, но предъ очами всемогущаго Бога пали въ размышленіи. Почему ихъ даже доброе дѣло бо́льшею частію быва-

еть неблагоугодно Богу, потому что, когда нога ума дѣлаетъ шагъ къ лучшему въ размысленіи твердо, тогда самое неостоянство въ размысленіи обвиняетъ оное. Но поелику все совершенные смотрятъ на самихъ себя съ самою толкою разборчивостію, дабы никогда не падать въ худшее ни дѣломъ, ни помысленіемъ, непрестанно взвѣшиваютъ, на сколько преуспѣли въ каждый день: то о нихъ справедливо говорится: *не обращахуся, внигда ходити имъ: кождо прямо лица своего хождуху.*

19. Итакъ намъ между симъ можно обсудить то, кто мы, и откуда пришли, и до какихъ изслѣдованій тайнъ священнаго изреченія возвышаемся. Извѣстно, что мы въ древнихъ предкахъ своихъ были читателями идоловъ; но вотъ по дѣху благодати мы уже изслѣдуемъ слова небесныя. Откуда это намъ? Но Спаситель рода человѣческаго исполнилъ то, что предсказалъ чрезъ Пророка: *и пустыни плынныхъ агнцы поядятъ* (Ис. V, 17) (а). Потому что эти изреченія пророческія пустынями были у Іудеевъ, которые не хотѣли воздѣлать ихъ изслѣдованіемъ въ таинственномъ смыслѣ. Но для насъ

а) Этотъ текстъ въ латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *et deserta in ubertatem uersa aduenae comedent*, т. е. и пустыни превращенныя въ изобиліе съядятъ пришельцы. Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

онѣ превратились въ изобиліе, потому что по исторіи видѣнія эти изреченія по милости Божіей для нашего ума имѣютъ духовный смыслъ, и мы уже пришельцы ендасемъ то, чего не хотѣли ѣсть граждане закола. Благодареніе Единородному, хвала вѣчной Премудрости, Которая живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ изъясненіи стиховъ десятаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго предлагаются многія нравственныя правила, преимущественно о непрестанномъ вниманіи къ Богу, и къ самимъ себѣ.

1. Пернатая животныя подробно описываются Святымъ Духомъ пророчества для того, чтобы самая подробность описанія открывала намъ, что ими означаются лица Евангелистовъ, и чтобы слово Божіе не оставляло никакого сомнѣнія для нашего разумѣнія. Ибо вотъ говорится: *и подобіе лицъ ихъ, лице челоуцее, и лице львоу одесную четыремъ, и лице тельцее ошуюю четыремъ, и лице орлеа четыремъ* (ст. 10).

Что четыре этихъ пернатыхъ животныхъ означаютъ четырехъ святыхъ Евангелистовъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя начала каждой книги Еван-

гелія. Ибо, поелику Матосй начинаеть съ рожденія чловѣческаго, то справедливо означаеться чловѣкомъ; поелику Маркъ начинаеть гласомъ въ пустыни, то справедливо означаеться львомъ; поелику Лука начинаеть жертвоприношеніемъ, то хорошо означаеться тельцомъ; но поелику Іоаннъ начинаеть съ Божества Слова, то достойно означаеться орломъ. Сей говоря: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (1, 1), когда обращаетъ вниманіе на самое существо Божества, то по обычаю орла вперяеть глаза въ солнце. Но поелику всѣ избранные суть члены Искупителя нашего, а Самъ Искупитель нашъ есть глава всѣхъ избранныхъ: то чрезъ изображеніе членовъ Его ничто не пренятствуетъ допустить изображеніе во всѣхъ нихъ Его Самаго. Ибо Самъ Онъ, Единородный Сынь Божій, содѣлался истиннымъ чловѣкомъ; Самъ Онъ въ жертвоприношеніи нашего искупленія благоизволилъ умереть, какъ телець; Самъ Онъ силою своего могущества воскресъ, какъ левъ. Говорять еще, что левъ спитъ съ открытыми глазами; подобно сему Искупитель нашъ въ самой смерти, въ которой могъ спать по чловѣчеству, бодрствовалъ по Божеству, пребывая безсмертнымъ. И Самъ Онъ послѣ воскресенія своего возпоселъ на небеса, возлеталъ въ горня, какъ орелъ. Итакъ все вмѣстѣ для насъ

Тотъ, Кто чрезъ рожденіе содѣлался человѣкомъ, чрезъ смерть тельцомъ, чрезъ воскресеніе львомъ, а чрезъ вознесеніе на небеса орломъ. Но поелику мы уже выше сказали, что этими животными означаются четыре Евангелиста, а чрезъ нихъ и всѣ вмѣстѣ избранные (бесѣд. III): то остается показать, какимъ образомъ каждый изъ избранныхъ изображается оными видѣніями животныхъ.

2. Ибо всякій избранный и совершенный на пути Божіемъ есть вмѣстѣ, и человѣкъ, и телець, и левъ, и орель. Ибо человѣкъ есть разумное животное. А телець обыкновенно закалается въ жертвоприношеніи, левъ же есть сильный звѣрь, какъ написано: *скимень львовъ кричае звѣрей, иже не отвращается, ни устрашается скота* (Притч. XXX, 30). Орель возлетаетъ на высоту, и открытыми глазами смотритъ на лучи солнечные. Итакъ всякій, кто совершенъ въ разумѣ, есть человѣкъ. А поелику онъ умерщвляетъ самаго себя для похоти міра сего, то телець. Поелику же самымъ своимъ добровольнымъ умерщвленіемъ онъ пріобрѣтаетъ мужество безопасности отъ всѣхъ несчастій, какъ написано: *праведный яко левъ уповаю* (Притч. XXVIII, 1); то онъ левъ. Но поелику онъ высоко возлетаетъ къ тому, что есть небеснаго и вѣчнаго, то онъ орель. Итакъ, поелику каждый праведникъ по раз-

уму челоуѣкъ, по жертвоприношенію самоумерщвленія—телець, по силѣ безопасности левъ, а по созерцанію орель: то справедливо каждый совершенный можетъ быть означаемъ чрезъ этихъ святыхъ животныхъ. Посему то, что мы говоримъ, приложимъ къ каждому совершенному, какъ сказанное о четырехъ животныхъ.

3. По важный для насъ рождается вопросъ о тѣхъ же самыхъ Евангелистахъ и святыхъ Проповѣдникахъ, почему говорится, что челоуѣкъ и левъ находятся съ правой стороны ихъ четырехъ, а телець съ лѣвой стороны ихъ четырехъ? Ибо дивно, почему говорится, что двое тѣхъ находится съ правой стороны, а этотъ одинъ съ лѣвой. И еще надобно спросить, почему говорится, что орель находится, ни съ правой стороны, ни съ лѣвой, поверху ихъ четырехъ? Итакъ мы предложили себѣ два вопроса, которые надобно рѣшить по откровенію Господню. Итакъ сказано, что челоуѣкъ и левъ находятся съ правой стороны, а телець съ лѣвой. Ибо съ правой стороны мы имѣемъ радостное, а съ лѣвой печальное. Поэтому мы и называемъ лѣвымъ для себя то, что считаемъ неприятнымъ. Но впереди сказали мы, что челоуѣкомъ означается воплощеніе, тельцомъ страданіе, а львомъ воскресеніе нашего Виночника. Воплощенію же Единороднаго Сына,

Которымъ искуплены, обрадовались всѣ избранныя; смертію же Его были опечалены самые первенцы изъ избранныхъ, святые Апостолы, которые опять обрадованы воскресеніемъ Его. Итакъ, поелику и рожденіе, и воскресеніе Его доставили радость ученикамъ, которыхъ опечалило страданіе Его; то человекъ и левъ представлены съ правой стороны, а телець съ лѣвой. Ибо сами святые Евангелисты радовались Его вочеловѣченію, и укрѣпились воскресеніемъ Его, будучи опечалены страданіемъ Его. Итакъ человекъ и левъ съ правой стороны потому, что воплощеніе Искупителя нашего оживило ихъ, а воскресеніе укрѣпило. Но телець съ лѣвой стороны потому, что смерть Его низвергла ихъ на нѣкоторое время до певѣрія. Но мѣсто орлу по описанію назначается не сряду подлѣ, но сверху, или потому, что этимъ означаетъ (Пророкъ) вознесеніе Его, или потому, что проповѣдуетъ Слово Отчее Богомъ у Отца, (Евангелистъ) возвысился надъ прочими Евангелистами силою созерцація; онъ, хотя вмѣстѣ съ ними говоритъ о Божествѣ Его, однако же созерцаетъ оно е утопченіе всѣхъ. Но если орелъ съ тремя другими называется однимъ изъ четырехъ животныхъ: то удивительно, какимъ образомъ онъ возвысился выше спхъ четырехъ, если онъ не возвысился и надъ самимъ собою тѣмъ, что видѣлъ

въ началѣ Слово (Іоан. I, 1). Итакъ, послѣду онъ возвысился даже надъ самимъ собою; то былъ выше не только трехъ, но и, по присоединеніи къ нимъ себя, выше четырехъ.—Далѣе слѣдуетъ: *и лица ихъ, и крила простерты свыше четверемъ* (ст. 11).

4. Лица и крилья описываются простертыми вверхъ; потому что все вниманіе и все созерцаніе святыхъ устремлено выше ихъ, чтобы получить то, чего желаетъ на небѣ. Ибо, бодрствуетъ ли оно надъ добрымъ дѣломъ, или надъ истиннымъ созерцаніемъ, то и другое истинно добро тогда, когда желаетъ благоугодить Тому, отъ Кого происходитъ. Кто по видимому дѣлаетъ добро, и чрезъ это желаетъ благоугодить не Богу, а людямъ, тотъ лице своего вниманія устремляетъ внизъ. И кто въ священномъ изреченіи созерцаетъ Божественное для того, чтобы чрезъ разумѣваемое имъ заниматься вопросами, потому что желаетъ не насыщаться сладостію отысканнаго блаженства, но казаться ученымъ: тотъ именно крилья своего разума не простираетъ вверхъ; но послѣду бдительность смысла своего устремляетъ къ земному пожеланію, то тѣ крилья, которыя онъ могъ простерть вверхъ, и на которыхъ самъ могъ подняться, опускаетъ внизъ. Въ этомъ дѣлѣ надобно смотрѣть, чтобы всякое доброе дѣло, содѣваемое нами, по вниманію всегда возвышалось къ небес-

ному. Ибо тотъ, кто за добрыя дѣла желаетъ земной славы, опускаетъ крылья свои и лице свое внизъ. Поэтому-то чрезъ Пророка говорится о нѣкоторыхъ: *жертвы въ бездну стяли* (Ос. V, 2) (а). Ибо что другое суть наши молитвенныя слезы, если не жертвы нашего возношенія, какъ написано: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19)? И есть люди, которые изнуряютъ самихъ себя рыданіями на молитвѣ для того, чтобъ или приобрѣсть земныя выгоды, или казаться предъ людьми святыми. Что они дѣлаютъ, если не сѣютъ жертвы въ бездну? Они жертву молитвы своей опускаютъ внизъ тѣмъ самымъ, что искомое ими внизу. Но избранные, которые и добрыми дѣлами желаютъ благоугодить всемогущему Богу, и благодатию созерцанія усиливаются уже вкушать вѣчное блаженство, простираютъ вверхъ и лица, и крылья.—Далѣе слѣдуетъ: *коемуждо два (крыла) сопряжена другъ ко другу, и два покрываху верху тѣлесе ихъ* (ст. 11).

5. Сказано было: *и лица ихъ, и крыла ихъ простерты свыше* (вверхъ), и тотчасъ присовокуплено то, что мы прочтали, что *коемуждо два (крыла) сопряжена другъ ко другу*. Здѣсь ясно, что крылья и вверхъ простирались, и соединялись, а два

а) Въ латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *victimae in profundum deserebant.*

крыла прикрывали тѣла ихъ. Что же называется перьями животныхъ, если не крылья? Въ этомъ дѣлѣ намъ тщательно должно изслѣдывать, что за четыре крыла Святыхъ, изъ коихъ два простертыя вверху соединяются, а два прикрываютъ тѣла ихъ. Ибо если мы внимательно смотримъ, то находимъ четыре добродѣтели, которыя возвышаютъ всякое пернатое животное отъ земныхъ дѣлъ, именно: въ будущемъ любовь и надежда, а въ прошедшемъ страхъ и покаяніе. Итакъ крылья, соединенныя одно съ другимъ, простираются вверху; потому что, любовь и надежда святыхъ возвышаютъ умъ ихъ въ горняя. Онѣ хорошо еще называются соединенными; потому что избранные безъ сомнѣнія и любятъ небесное, котораго надѣются, и надѣются того, что любятъ. Но два крыла прикрываютъ тѣла; потому что страхъ и покаяніе скрываютъ прошедшіе грѣхи ихъ отъ очей всемогущаго Бога. Итакъ два крыла, какъ сказано, соединяются вверху, когда любовь и надежда возвышаютъ сердца избранныхъ въ горняя, прилепляють въ небесному. А два крыла прикрываютъ тѣла, когда страхъ и покаяніе скрываютъ прошедшіе грѣхи ихъ отъ взора вѣчнаго Судии. Ибо тѣмъ самымъ, что они, воспоминаая о грѣхахъ своихъ, боятся и плачуть, что другое совершаютъ, какъ не прикрываютъ тѣло? Они плотскія дѣянія

скрываютъ отъ строгаго испытанія новыми добрыми дѣлами. Потому что написано: *блажени, ихъже оставишася беззаконія, и ихъже прикрываея грѣси* (Псал. XXXI, 1). Ибо мы прикрываемъ грѣхи, когда добрыя дѣла владемъ на верхъ злыхъ дѣлъ. Все прикрываемое владутъ внизъ; а то, чѣмъ прикрываютъ, возлагаютъ на верхъ. Итакъ, когда мы отказываемся отъ злыхъ дѣлъ, которыя учили, и рѣшаемся на добродѣтели, которыя должны дѣлать; тогда накидываемъ какъ бы нѣкоторое покрывало на то, отъ чего со стыда краснѣли.

6. Хотя и въ сей еще жизни есть святые мужи, однако же и они имѣютъ, что должны скрывать предъ очами Божиими; потому что рѣшительно невозможно, чтобъ они никогда не грѣшили, или дѣломъ, или словомъ, или помысленіемъ. Поэтому-то и блаженный Іовъ, который предъ людьми выставилъ свои совершенства, слушая гласъ Божій, и укоряя самаго себя за самыя совершенства свои, говорилъ: *руку положу на устѣхъ моихъ* (Іов. XXXIX, 34). Потому что въ рукѣ дѣятельность, а въ устахъ слово. Поэтому положить руку на уста значить, грѣхи слова прикрыть дѣятельною добродѣтелію. Угодно ли, возлюблениѣйшіе братіе, представить во свидѣтели этого дѣла Учителя языковъ, и посмотрѣть, какъ святое оное животное опирается

на четыре крила, изъ коихъ на двухъ возлетаетъ къ горнему, а двумя крилами прикрываетъ тѣло, потому что скрываетъ прошедшя дѣянiя. Итакъ посмотримъ, великая любовь возвышаетъ его къ небесному: *мнѣ еже жити, Христосъ: и еже умерети, приобретение есть* (Филип. 1, 21). Познаемъ, съ какою надеждою стремится онъ къ горнему: *наше житiе на небесныхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Исуса Христа* (Филип. III, 20). Взглянемъ, не страшится ли онъ еще и съ такими добродѣтелями: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како мнѣмъ проповѣдуя, самъ исключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). Дознаемъ; жалѣеть ли онъ о злыхъ дѣлахъ: *азъ есмь мнѣ Апостолъ: иже нѣсмь достоинъ нарецися Апостолъ, зане гонихъ церковь Божию* (1 Кор. XV, 9). Его словами что другое обвиняется, если не жестокость нашего сердца? Потому что онъ оплакиваетъ то, что сдѣлано имъ прежде крещенiя, а мы много зла учили даже послѣ крещенiя, и однакожь не хотимъ оплакивать этого. Итакъ святыя животныя имѣють четыре крила; потому что любовью и надеждою возлетаютъ къ небесному, а страхомъ и покаянiемъ оплакиваютъ свои нецозволительныя дѣла.

7. Но поелику сказано: *каждо два сопряжени другъ ко другу*; то. можетъ быть, это надобно

разумѣть такъ, что онѣ соединяють не собственно возвышающія ихъ крылья, но крылья одного соприкосновены къ другому такъ, что простертыя вверхъ крылья взаимно находятся въ соединеніи. Поэтому рождается вопросъ: если два крила, простертыя вверхъ, означаютъ любовь и надежду, а два, прикрывающія тѣла, страхъ и покаяніе: то почему два, простертыя вверхъ, называются соединенными, а два прикрывающія тѣлю, не называются? Но на это, по милости Господней, причина та, что два соединенныя крила святыхъ суть любовь и надежда, а два, прикрывающія тѣла, и не соприкасающіяся взаимно одно къ другому, — страхъ и покаяніе. Ибо Давидъ, страшась и раскаяваясь, сокрушается о плотскомъ паденіи (2. Цар. XII, 13). Петръ горько плакалъ о случаѣ отреченія отъ Господа (Мат. XXVI, 75). Павелъ оплакиваетъ свою жестокость въ прошедшемъ гоненіи (1 Кор. XV, 9). Впрочемъ всѣ жслаютъ единого отечества, всѣ спѣшатъ притти къ единому Виновнику всяческихъ. И такъ два крила каждаго соединены, а два не соединены; потому что по любви и надеждѣ у нихъ одно, чего они жслаютъ, а по страху и покаянію различно, что они оплакиваютъ. Далѣе стѣдуетъ: *и каждое прямо лицу своему идите* (I, 11).

8. Впередѣ было сказано: *каждо прямо лица*

своего хождѣху, а теперь говорится: *кожедо прямо лицу своему идѣше*. И такъ самая мысль кажется повторенною. Но поелику *прямо* (предѣ) мы говоримъ въ настоящемъ (т. е. имѣетъ значеніе настоящаго времени); то мы, изслѣдывая до тонкости, можемъ различать, что иное значитъ прямо лица ходить, а иное въ присутствіи. Потому что прямо лица ходить значитъ желать того, что впереди; а въ присутствіи ходить значитъ не быть въ отсутствіи отъ самаго себя. Ибо всякій праведникъ, который тщательно наблюдаетъ за своею жизнію, и прилежно разсматриваетъ, на сколько онъ каждодневно возрастаетъ въ добрѣ, или, быть можетъ, на сколько уклоняется отъ добра,—этотъ праведникъ, поелику поставляетъ себя предѣ собою, ходить предѣ собою, потому что онъ бдительно смотритъ, востаетъ ли онъ, или упадетъ. Но кто пренебрегаетъ стражею надъ своею жизнію, или не хочетъ, или не умѣетъ обсуживать то, что онъ дѣлаетъ, что говорить, что мыслить; тотъ не ходитъ предѣ собою, потому что не знаетъ, каковъ онъ въ своихъ правахъ, или въ дѣлахъ. И не присуць самому себѣ тотъ, кто не заботится ежедневно обслѣдывать и познавать самаго себя. Но тотъ истинно поставляетъ себя предѣ собою, и присуць самому себѣ, кто въ своихъ дѣлахъ разсматриваетъ себя, какъ другаго.

9. Ибо много грѣховъ, въ которые мы впадаемъ, на они не кажутся намъ важными потому, что мы, любя себя пристрастно, съ закрытыми своими глазами обольщаемся своимъ обманомъ. Отъ этого происходитъ, что мы легко судимъ о своихъ важныхъ грѣхахъ, и строго о маловажныхъ грѣхахъ ближнихъ. Потому что написано: *будутъ человецы самоубицы* (2 Тим. III, 2). И мы знаемъ, что пристрастіе крѣпко закрываетъ глазъ сердца. Отъ этого происходитъ, что дѣлаемое нами мы не почитаемъ за важное, а дѣлаемое ближнимъ болшею частію намъ кажется чрезвычайно отвратительнымъ. Но почему то, что въ насъ казалось маловажнымъ, въ ближнемъ кажется важнымъ, если не потому, что мы ни на себя не смотримъ, какъ на ближняго, ни на ближняго, какъ на себя? Ибо, если бы мы смотрѣли на себя, какъ на ближняго, то вѣрно видѣли бы свои укоризненные дѣла. И на оборотъ, если бы мы смотрѣли на ближняго, какъ на себя, то никогда не казалось бы его дѣйствіе несноснымъ для насъ, которые, быть можетъ, часто дѣлали тоже, и не смотря на то, думали, что мы ничего несознаго не сдѣлали для ближняго. Это худо раздѣленное сужденіе нашего ума Моисей старался исправить заповѣдію закона, когда сказалъ, что мѣра должна быть праведна, и вѣсы праведны (Левит. XIX, 36). По-

этому Соломонъ говоритъ: *вьсѣ великъ и малъ, и мѣра сууба, нечиста предъ Господемъ обоя* (Притч. XX. 10). Мы знаемъ, что въ двоякомъ вѣсѣ торговцевъ, одинъ большии, другой меншии. Ибо одинъ вѣсъ имѣють они, которымъ взвѣшиваютъ для себя, а другой, которымъ взвѣшиваютъ для ближняго. Для продажи у нихъ готовы вѣсы легкіе, а для покупки тяжелые. Итакъ всякой чловѣкъ, который иначе судить о поступкахъ ближняго, а иначе о своихъ дѣлахъ, имѣеть *вьсѣ великъ и малъ*. Но *нечиста предъ Господемъ обоя*; потому что, если бы онъ (всякой чловѣкъ) любилъ ближняго, какъ самаго себя, то любилъ бы его за добрыя дѣла, какъ самаго себя. И если бы на себя смотрѣлъ такъ же, какъ смотритъ на ближняго, то осуждалъ бы себя за злыя дѣла такъ же, какъ осуждаетъ ближняго. Итакъ мы должны внимательно смотрѣть на самихъ себя, какъ на другихъ, и поставлять еамихъ себя, какъ сказано, предъ собою, чтобы непрестанно подражая перпатымъ животнымъ, знали то, что мы дѣлаемъ, всегда ходили предъ лицомъ нашимъ. Но развращенные (люди), какъ нѣсколько выше было сказано, не ходятъ предъ лицомъ своимъ; потому что никогда не разсуждаютъ о томъ, что дѣлають, стремятся къ погибелю, забавляются дѣлами печестивыми. О нихъ написано, что они веселятся о злыхъ, и радуются

о развращеніи злѣмъ (Притч. II, 14). Но часто праведникъ, который ихъ видитъ, плачетъ о нихъ, но сами они, подобно сумасшедшимъ, плачутъ и смѣются.

10. Другіе много даютъ нуждающимся изъ собственнаго имущества, но когда отыщутъ случай, притѣсняютъ бѣдныхъ, и тѣхъ, которыхъ могутъ, разоряютъ хищеніями. Они представляютъ предъ взоръ свой добрыя дѣла, которыя совершаютъ, и не представляютъ самыхъ гнусныхъ дѣлъ, которыя себѣ дозволяютъ. Они именно не ходятъ предъ лицемъ своимъ; потому что, если бы они были присущи самимъ себѣ; то ясно видѣли бы все, что они дѣлаютъ, знали бы, какъ они теряютъ добрыя дѣла въ злыхъ дѣлахъ, какъ написано: *собирайи мзды, собира во влагалище дираво* (Агг. I, 6); потому что изъ дираваго влагалища выпадаетъ съ одной стороны то, что съ другой вкладется въ него, такъ какъ безразсудные умы не видятъ того, какъ теряется отъ худаго дѣла та награда, которая заслуживается добрымъ дѣломъ. Другой сохраняетъ цѣломудріе тѣлесное, бодренно смотритъ за самимъ собою, чтобы не допустить чего либо совѣ укоризненнаго, доволецъ тѣмъ, что у него есть, не похищаетъ чужаго; но можетъ быть, таитъ въ сердцѣ ненависть противъ ближняго. И когда написано: *всякъ нена-*

видяи брата своего, челоукоубійца есть (1 Иоан. III, 15), тогда онъ разсуждаетъ, какъ онъ чистъ совнѣ, въ дѣлѣ, а не думаетъ о томъ, какъ онъ жестокъ въ сердцѣ. Не отсутствующій ли отъ самаго себя тотъ, кто ходитъ во тмѣ сердца своего и не сознаетъ этого? Иной и чужаго не похищаетъ, и тѣло хранитъ въ чистотѣ, и чистосердечно любитъ ближняго, и сознавая прежніе грѣхи, молитвенными слезами очищаетъ себя; но по окончаніи молитвы, ищетъ веселости, которая обрадовала бы его въ мірѣ сѣмѣ, и нерадивую душу допускаетъ до временныхъ радостей, не заботясь о томъ, чтобы неумѣренная радость не превысила въ немъ мѣру слезъ; и бываетъ то, что онъ чрезмѣрнымъ смѣхомъ теряетъ то благо, которое приобрѣлъ плачемъ. Итакъ онъ не ходитъ предъ лицемъ своимъ, потому что не хочетъ видѣть вреда, который претерпѣваетъ. Ибо написано: *сердце мудрыхъ въ дому плача, а сердце безумныхъ въ дому веселія* (Еккл. VII, 5). Итакъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ мы прилежно должны осматривать самихъ себя со внутренней и видѣнной стороны, дабы, послѣдуя пернатымъ животнымъ, быть присутствующими при самихъ себѣ, и всегда ходить предъ лицемъ своимъ, имѣя помощникомъ единого со Отцемъ Господа нашего Иисуса Христа, Который съ Нимъ живетъ и царствуетъ въ единеніи Святаго Духа, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

Въ изъясненіи трехъ стиховъ,—отъ двѣнадцатаго до пятнадцатаго,—ученымъ образомъ разсуждается о Святомъ Духѣ, и Его побужденіи въ Святыхъ, движеніи и обитаніи.

1. О какъ дивна глубина глаголовъ Божіихъ! Стоитъ того, чтобы внимать имъ, стоитъ того, чтобы при руководствѣ благодати проникать во внутренность ея. Изслѣдывая ее разумѣніемъ нѣсколько разъ, что другое мы дѣлаемъ, какъ не входимъ въ тѣнь роцсѣй, чтобы въ ихъ прохладѣ укрыться отъ жаровъ вѣка сего? Тамъ чрезъ чтеніе мы срываемъ самыя зеленныя травы мыслей, а чрезъ обсужденіе ихъ пережевываемъ. Въ той бесѣдѣ, которая третьяго дня произпсена къ вамъ, возобленнѣйшіе братіе, сказано, какимъ образомъ показанныя животныя означаютъ, или Искупителя нашего, или четырехъ Евангелистовъ Его, и всѣхъ совершенныхъ. Этыхъ-то именно животныхъ еще топѣе выражается добродѣтель, чтобы мы, даже слабые и презрѣнныя, на сколько по милости Божіей можемъ, стремились къ подражанію имъ. Ибо вотъ говорится: *идѣже аще бѣше духъ шествуяй, идяху* (ст. 12) (а).

а) Въ латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *ubi erat impetus spiritus, illic gradiebantur*, т. е. куда было устремленіе духа, туда и плп. Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя,

2. Въ избранныхъ и нечестивыхъ различны устремленія. Именно, въ избранныхъ устремленіе духа, въ нечестивыхъ устремленіе плоти. Потому что устремленіе плоти побуждастъ душу къ ненависти, возвышенію, нечистотѣ, хищничеству, къ вѣшной славѣ, къ жестокости, вѣроломству, отчаянію, гнѣву, распрямъ, къ удовольствіямъ. Но устремленіе духа увлекаетъ душу къ любви, челоѣколюбію, воздержанію, щедродательству, внутреннему возвышенію, къ дѣламъ благочестія, къ вѣрѣ вѣчному, къ надеждѣ будущей радости, къ терпѣнію, миру, къ обсужденію смертной жизни, къ слезамъ. Поэтому намъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ необходимо разсуждать, какое устремленіе увлекаетъ насъ; увлекается ли наше помышленіе устремленіемъ плоти, или устремленіемъ духа. Ибо любить земное, временное предпочитать вѣчному, вѣшній блага имѣть не для необходимаго употребленія, но желать ихъ для удовольствія, желать мщенія врагу, радоваться паденію совѣстника, значитъ увлекаться устремленіемъ плоти. А напротивъ, любить небесное, презирать земное, желать преходящихъ благъ, не для удовольствія, но для удовлетворенія необходимости, жалѣть о смерти врага, значитъ увлекаться устремленіемъ духа. Но поелику всѣ совершенные всегда исполняютъ эти добродѣтели; то теперь о святыхъ

животныхъ правильно говорится: *куда было устремленіе духа, туда и ш.м.*

3. Но намъ надобно знать, что часто плотское устремленіе прикрывається одеждою духовнаго, и то, что дѣлаетъ по плоти, самое помысленіе наше представляетъ совершающимся по духу. Ибо часто кто либо, побѣжденный внушеніями сердитости, воспламеняется противъ нечестующихъ ревностію мщенія правосудія болѣе, нежели сколько необходимо, и преступая въ отмщеніи предѣлъ правосудія дѣйствуетъ жестоко, думая, будто онъ дѣйствуетъ правосудно. Итакъ устремленіе плоти прикрито бываетъ видомъ устремленія духовнаго, когда то, что признается дѣломъ правосуднымъ, не удерживается умѣренностію разсужденія. А что другой, желая быть чрезмѣрно кроткимъ, оставляетъ безъ вниманія пороки подчиненныхъ, и отказывается ревностно исправлять ихъ, умножая неисправленіемъ число ихъ до чрезмѣрности; и потому его кротость вредна, какъ для него самаго, такъ и для подчиненныхъ; онъ, почитая цененѣе сердца своего за терпѣніе, устремленіемъ плоти удаляется отъ устремленія духа. Итакъ первая мысль должна располагать насъ къ тщательному осмотрѣнію нашего сердца, дабы къ чему либо, совершаемому нами не увлечься явнымъ устремленіемъ плоти, дабы душа, обольщенная не-

честивыми наслаждениями, знала вло, и не дѣлала его. А вторая работа должна содѣлывать насъ бдительными, чтобы устремленіе плоти тайно не представляло себя подѣ видомъ устремленія духа, и совершаемыхъ нами преступленій не облекало видомъ добродѣтелей.

4. Но надобно знать, что преступленія, прикрытыя видомъ добродѣтелей, важнѣе другихъ; потому что эти послѣднія, ясно сознаваемые, располагаютъ сердце къ сокрушенію, и побуждаютъ къ покаянію, а тѣ, не только не располагаютъ къ покаянію, но и надмѣваются сердце, будучи признаваемы за добродѣтели. Но то, что выше было сказано о святыхъ животныхъ, для большаго подтвержденія, опять повторяется: *идяху, и не обращахуса.*

5. Ибо всѣ избранные такъ стремятся къ добру, что къ содѣланію зла уже не возвращаются: *ибо претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мат. X, 22). И какъ чрезъ Соломона говорится: *путіе праведныхъ подобно свѣту свѣтятся: предходятъ и просвѣщаютъ, дондеже исправится день* (Притч. IV, 18). Ибо въ душахъ ихъ доброе расположеніе и разумѣніе внутренняго свѣта составляютъ уже часть дня; но послѣду они подвизаются въ добродѣтели до конца жизни, то къ полному дню приходятъ тогда, когда, достигши царства небеснаго,

уже не будутъ имѣть ни малѣйшаго недостатка въ томъ свѣтѣ, котораго домогаются. Далѣе слѣдуетъ: *и посредь животныхъ видѣніе, яко угля огня горящаго, яко видѣніе свѣща* (ст. 13).

6. Видѣ животныхъ уподобляется углямъ горящаго огня и свѣщамъ (а). Ибо кто прикасается къ углю, тотъ загорается; потому что кто имѣетъ частое общеніе съ святымъ мужемъ, тотъ отъ частаго свиданія съ нимъ, отъ собесѣдованія съ нимъ, отъ примѣра дѣятельности начинаеть воспламениться къ любви истины, къ удаленію отъ мрака грѣховъ своихъ, къ сильному желанію свѣта, и къ пламенной истинной любви, тогда какъ прежде сего столько былъ мертвъ по нечестію, сколько былъ холоденъ. Но свѣчи распространяють свѣтъ свой далѣе, и стоя на одномъ мѣстѣ, проливають свѣтъ на другое. Ибо кто силою духомъ пророчества, словомъ ученія, благодатию чудесъ, того мнѣніе далеко и обширно свѣтитъ, какъ свѣча; и слушающіе сго благія наставленія, возставая чрезъ нихъ къ любви небеснаго, тѣмъ самымъ, что въ себѣ отражають добрыя дѣла, какъ бы освѣщаются свѣтомъ отъ свѣчи.

а) Въ латинскомъ подлинникѣ предыдущій текстъ читается такъ; *et similitudo animalium, et aspectus eorum quasi carbonum ignis ardentium, et quasi aspectus lampadarum*; т. е. и подобіе животныхъ, и видѣ ихъ, какъ горящихъ уголь-евъ огня, и какъ видѣ свѣщъ. Къ этому смыслу припаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

Итакъ, поелику святые мужи воспаменяютъ нѣкоторыхъ, находящихся въ близи ихъ, къ любви небснаго отечества какъ бы чрезъ соприкосновеніе; то они угли. Но поелику нѣкоторымъ, вдали находящимся, свѣтять, указуя имъ путь, чтобъ они не падали во тму грѣха: то они свѣчи. Различіе между углями и свѣчами состоитъ въ томъ, что угли хотя и горять, но не прогоняютъ тмы въ томъ мѣстѣ, на которомъ лежатъ; а свѣчи, издавая пламенный свѣтъ, проіоняютъ облегающую вокругъ нихъ тму.

7. Здѣсь подобно замѣтить, что есть много святыхъ, столь простыхъ и сокровенныхъ, и скрывающихся въ безмолвіи въ мѣстахъ уединенныхъ, что жизнь ихъ едва можетъ быть извѣстна другимъ. Итакъ чтожь они, если не угли? Они хотя по горячности духа имѣютъ жаръ, но не имѣютъ пламени для примѣра. Они не разгоняютъ грѣховной тмы въ сердцахъ другихъ, потому что рѣшительно не хотятъ, чтобъ ихъ жизнь была извѣстна. Для самихъ себя они разжены, но другимъ не свѣтятъ своимъ примѣромъ. Но тѣ, которые и примѣры добродѣтелей являютъ, и показываютъ свѣтъ доброй дѣятельности идущимъ своею жизнью и ученіемъ, по справедливости называются свѣчами; потому что и горячію желаніи, и пламенемъ слова, разгоняютъ тму заблужденія въ сердцахъ грѣшниковъ.

Итакъ кто въ сокровенности живетъ хорошо, но не содѣйствуетъ преспѣванію другихъ, тотъ уголь. А кто, будучи поставленъ для показанія другимъ примѣра святости, показываетъ свѣтъ праведности другимъ отъ себя самаго, тотъ свѣча, потому что и самъ въ себѣ горячъ, и другимъ свѣтитъ. Далѣе слѣдуетъ: *видѣннѣ свѣщъ соображающихся посреда животныхъ, и свѣтъ огня, и отъ огня исхождаше яко молнія* (ст. 13).

8. Среди животныхъ видѣнъ распространяющійся огонь; потому что, если бы тѣ пернатые животныя не принимали жара отъ огня истины, то онѣ не горѣли бы на подобіе углей и свѣчъ. Ибо именованіе огня обыкновенно означаетъ Духъ Святой. О Немъ въ Евангеліи Господь говоритъ: *огня приидохъ воорещи на землю, и что хочу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49)? Ибо, когда плотская душа принимаетъ Святаго Духа, тогда, будучи воспламенена духовною любовію, плачетъ о злѣ, которое содѣлала. И окружность горитъ, когда сердце грѣшника, будучи обвиняемо его совѣстію, загорается и пламенѣетъ отъ скорби покаянія. Поэтому еще написано: *Богъ твой, огонь потребляяи естъ* (Второз. IV, 24). Поелію Создатель нашъ ту душу, которую наполняетъ, очищаетъ отъ ржавчины грѣховъ, то и называется и огнемъ, и потребляющимъ. Итакъ Свя-

тый Духъ называется свѣтомъ огня среди животныхъ, и отъ огня исходящимъ, яко молнія; потому что, наполняя всю Церковь, Онъ бросаетъ изъ себя пламя любви въ сердца избранныхъ, чтобы, подобно молніи, поразить ихъ страхомъ, и воспламеняющія сердца воспламенить къ любви Его.

9. Но поелику Духъ святой есть Богъ, совѣчный прежде вѣковъ Отцу и Сыну; то надобно изслѣдовать, почему Онъ называется *разбѣгающимся* (*discurrens*)? Ибо всякій разбѣгающійся приходитъ на мѣсто, на которомъ его не было, и оставляетъ то, на которомъ былъ. Итакъ какимъ образомъ назовемъ мы Духа *разбѣгающимся*, когда все въ немъ, и нѣтъ мѣста, гдѣ бы Его не было? Какъ написано: *Духъ Господень исполни вселенную* (Премудр. I, 7). И еще, когда описывается похвала Премудрости, присовокупляется: *есть бо въ той Духъ разума святъ, едиnorodный, многочастный, тонкій, благодвижный* (Тамъ-же, VII, 22). И нѣсколько послѣ: *человѣколюбивъ* (ст. 23).

10. Отъ этихъ словъ опять рождается для насъ важный вопросъ: почему тотъ Духъ, который наполняетъ все, называется еще движимымъ и постояннымъ? Но если мы обратимся къ быту человѣческому, то скоро откроемъ смыслъ говорящаго. Потому что человѣкъ, который повсюду ходитъ въ

той странѣ, въ которой находится, безъ сомнѣнія повсюду находитъ встрѣчи, и вдругъ является тамъ, гдѣ о немъ и не думаютъ. Итакъ *В*семогущій Духъ, для обозначенія вездѣприсутствія называется и движимымъ, и вмѣстѣ недвижимымъ. Недвижимымъ потому, что по естеству все содержитъ, а движимымъ потому, что повсюду является даже не вѣдающимъ *Е*го. Итакъ, содержа все, Онъ называется недвижимымъ, а являя себя присутствующимъ при всѣхъ, называется движимымъ. Итакъ *б*лескъ огня, и отъ огня исходящая молнія разбѣгается между пернатыми животными; потому что *Д*ухъ Святый присуецъ всѣмъ вообще и каждому порознь, и воспламеняетъ тѣхъ, которыхъ касается, и освѣщаетъ тѣхъ, которыхъ воспламеняетъ, чтобъ они послѣ прежняго холода будучи зажжены горѣли, и огнемъ любви, который получили, показывали пламя примѣровъ. Потому что молнія, исходящая отъ этого огня, потрясаетъ заколебывающія души, и потрясеніемъ возбуждаетъ ихъ и воспламеняетъ, чтобъ послѣ любви они горѣли и свѣтили. Поэтому въ другомъ мѣстѣ написано: *престола Е*го пламень отенный, *колеса Е*го отъ палачъ (Дав. VII, 9). Ибо тѣмъ, которые охраняютъ души, и приняти тяжелыя обязанности быть пастырями стада, не дозволяется перемѣнять мѣста. Но послыку они, пребывая въ

одномъ мѣстѣ, носятъ на себѣ присутствующее Божество и пламенѣютъ; то престолю Божію называютъ пламенемъ огненнымъ. А тѣ, которые по любви къ Господу расходятся на проповѣдь, суть колеса этого палящаго огня; потому что, по желанію Его расходясь по различнымъ мѣстамъ, они какъ сами горятъ, такъ и другихъ воспламеняютъ.

11. Впрочемъ разлитіе и подвижность Духа можно разумѣть и иначе. Потому что Онъ въ сердцахъ Святыхъ по нѣкоторымъ добродѣтелямъ всегда пребываетъ, а по нѣкоторымъ отходя приходитъ, и приходя отходитъ. Ибо въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, и въ другихъ благахъ, безъ которыхъ нельзя достигнуть небснаго отечества, напримѣръ, въ смиреніи, чистотѣ, правдѣ и милосердіи, Онъ не оставляетъ сердець совершенныхъ. Но въ дарѣ пророчества, плодовитости ученія, творенія чудесъ, Онъ иногда присутствуетъ въ своихъ избранныхъ, а иногда отступаетъ отъ нихъ. Присутствуетъ для того, чтобы возвысить ихъ, а отступаетъ для того, чтобы смирить. Присутствуетъ, чтобы прославить ихъ проявленною силою; отступаетъ, чтобъ они, по отнятіи этой силы Его, познали самихъ себя. Присутствуетъ для показанія, что они чрезъ Него; отступаетъ, для явленія того, кѣмъ или каковыми они остаются безъ Него. И такъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ,

безъ которыхъ нельзя достигнуть жизни, Святой Духъ постоянно пребываетъ въ сердцахъ своихъ избранныхъ; почему правильно называется неподвижнымъ. А въ тѣхъ, которыми показывается сила святости, иногда милосердо присутствуетъ, а иногда милосердо отступаетъ; почему правильно называется движимымъ. Итакъ Духъ называется разбѣгающимся и движимымъ потому, что не постоянно пребываетъ въ знаменіяхъ и чудесахъ по желанію каждаго. Но хорошо Онъ представляется разбѣгающимся между святыми животными. Потому что бѣганіе туда и сюда принадлежитъ скорости. Но между совершенными разбѣгается Духъ потому, что хотя отъ сердца ихъ отступаетъ на нѣкоторое время, однакоже скоро возвращается.— Далѣе слѣдуетъ: *и животныя течаху, и обращахуся, яко видѣніе везеково* (блистанія) (ст. 14) (а).

12. Когда впереди сказано: *идяху, и не обращахуся*; то какъ же теперь говорится: *животныя течаху, и обращахуся*? Это кажется чрезвычайнымъ противорѣчіемъ: *идяху, и не обращахуся, и теча-*

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *et animalia ibant, et reuertebantur in similitudinem fulguris coruscantis*, т. е. животныя ходили и возвращались на подобіе блистающей молніи. Къ этому смыслу текста приравнено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

ху, и обращахуся. Но какъ это надобно разумѣть, мы скоро узнаемъ, если тщательно различаемъ двѣ жизни, именно, дѣятельную и созерцательную. Ибо держась первой, мы можемъ быть постоянными, но въ другой никакъ не можемъ держать напряженной души. Ибо, оставляя свое нерадѣніе, и возбуждая самихъ себя къ ревности доброй дѣятельности, куда мы идемъ, если не къ дѣятельной жизни?—Отъ этой жизни мы послѣ никакъ не должны возвращаться назадъ; потому что тотъ, кто послѣ опой возвращается къ цепенѣнію нерадѣнія, къ дѣламъ нечестія, которыя оставилъ, безъ сомнѣнія не умѣетъ быть небеснымъ животнымъ. Но когда мы отъ дѣятельной жизни возвышаемся къ созерцательной: то, поелику умъ не можетъ долго стоять въ созерцаніи, но все, что онъ видитъ въ вѣчности чрезъ зеркало и загадочно, видитъ это украдкою и мимоходомъ, самъ духъ, отраженный своею слабостію и безпредѣльностію толикой высоты, возвращается въ самага себя. И по необходимости возвращается къ жизни дѣятельной, чтобы не отказаться отъ возможныхъ добрыхъ дѣлъ, когда умъ не имѣетъ силы возвышаться къ созерцанію небеснаго. И такимъ образомъ бываетъ, что сей, получивъ помощь отъ самыхъ своихъ добрыхъ дѣлъ, опять чрезъ созерцаніе воспаряетъ къ горнему, и пріемлетъ питаніе

любви отъ нищн созерцательной истины. Но поелику самая слабость поврежденія не можетъ долго держаться въ этомъ состоянн; то онъ опять возвращаясь къ добрымъ дѣламъ, услаждается памятію о сладости Божіей, и внѣшними дѣлами благочестія, а внутренно питается святыми желаніями. По этому-то о совершенныхъ мужахъ, возвращающихся въ себя послѣ созерцанія, говорится: *память множества благодн твоя отрыгнуть* (Псал. СXLIV, 7). Потому что они, предвкушая сладость внутренней прнятности чрезъ сопркосновеніе къ пей, гдѣ только могутъ, стараются всегда возобновлять памятованіе о пей, и отрыгать въ собесѣдованн. Поэтому и Псалмопѣвецъ справедливо увѣщеваетъ насъ, говоря: *спѣтъ возсіа праведнику, и правымъ сердцемъ веселіе. Веселитесь праведнн о Господь, и исповѣдайте память святнн Его* (Псал. XCVI, 11. 12). Онъ же еще говоритъ: *коль многое множество благодн Твоя, Господи* (Псал. XXX, 20)! Этой именно благодн, сколь она велика, никакъ нельзя было бы дознать, если бы онъ (Псалмопѣвецъ) по временамъ не вкушалъ ее созерцаніемъ. Поэтому онъ еще говоритъ: *азъ рыхъ во изступленн моемъ: отверженъ есмъ отъ лица очю Твоею* (Псал. XXX, 23). Ибо, еслибъ онъ, возвышенный въ восторгѣ души, не зпалъ сла-

дости вѣчной жизни; то, испустившись опять въ этотъ міръ, не стали бы разбирать, какъ далеко лежать онъ отверженнымъ.

Итакъ означенныя животныя идутъ, и не обращаются, и—идутъ, и обращаются; потому что святые мужи отъ дѣятельной жизни, на которую рѣшились, не обращаются къ печестію, а отъ созерцательной, которой по тяжести выносить не могутъ, возвращаются къ дѣятельной. Ибо, какъ сказано, они, будучи побѣждаемы самою тяжестію своей слабости, отраженные возвращаются въ самихъ себя, чтобъ иди научались, чего желать должны, а возвращаясь знали, гдѣ они лежатъ. Иди должны разумѣвать, гдѣ ихъ пѣтъ еще, а возвращаясь должны понимать, что они. . •

13. Но какъ эти святые животныя возвращаются, показывается далѣе, когда присовокупляется: *на подобіе блистающей молніи*. Благотворѣйныя животныя хорошо сравниваются съ блистающею молніею; потому что святые мужи, когда возвышаются къ созерцанію горняго, когда начатки своего духа прицѣпляютъ любовію къ небесному отечеству, но будучи отягчены тяжестію чловѣческаго общенія возвращаются въ самихъ себя: тогда они пересказываютъ братѣмъ о небесныхъ благахъ, которыя по крайней мѣрѣ чрезъ стекло мог-

ли видѣть, и располагають души ихъ къ любви внутренней славы, которой ни видѣть не могутъ, какова она есть, ни пересказать то, что они видѣли. Но говоря, они своими словами и поражаютъ сердца слушающихъ, и воспаляютъ ихъ. Слѣдовательно, какъ блистающія молнія возвращаются тѣ, которые, говоря о небесномъ и сія пренебеснымъ свѣтомъ, воспаляютъ сердца слушателей къ любви небеснаго отечества. И такъ подобно блистающей молніи, они говоря поражаютъ, разбрасываютъ огонь небеснаго желанія.

14. И другимъ еще образомъ святые животныя *идутъ и возвращаются*. Ибо *идутъ*, когда посылаются на проповѣдь для внутренняго благодати небеснаго дара, и для •привлеченія къ вѣрѣ, творять дивныя дѣла предъ невѣрующими; но *возвращаются*, потому что, приписывая это силѣ всемогущаго Бога, не приписываютъ самимъ себѣ того, что совершили. Ибо, когда они совершаютъ чудеса, тогда бываютъ молніею, потому что потрясають сердца зрителей, устрашаютъ, освѣщаютъ и воспаляютъ. Поэтому написано: *во свѣтъ стрѣлы твоя пойдутъ, въ блистаніи молній оружіи твоихъ*. (Аввак. III, 11). Стрѣлы Господни суть слова святыхъ, которыя поражаютъ сердца грѣшниковъ. По эти стрѣлы имѣють оружія. Ибо вы,

братіе, знаете, что ратные мужи стрѣлы бросаютъ, а оружіемъ защищаются. И такъ, когда они (святые мужи) къ словамъ присовокупляютъ чудеса, тогда какъ бы оружіемъ защищаются, чтобы самимъ не быть пораженными: *во съють стрѣлы твоя пойдутъ*, потому что слова Божіи дѣлаются явными. Но поелику ученіе святыхъ учителей должно сопровождаться чудесами; то справедливо присовокупляется: *въ блистаниі молній оружіи твоихъ*; потому что, когда присовокупишь къ нимъ (словамъ) оружіе чудесъ, тогда умы преслѣдователей осіяваются такъ, что они не рѣшаются преслѣдовать ихъ (Проповѣдниковъ). И такъ тѣ животныя идутъ и возвращаются, на подобіе блистающей молніи; потому что послѣ того, какъ святые совершаютъ чудеса среди людѣй, послѣ того, какъ распространяемымъ свѣтомъ просвѣщаютъ сердца слушающихъ, они возвращаются къ прославленію своего Виновника, чтобы воздать хвалу Тому, чрезъ Кого они могли совершить такіа дѣла.

15 Такъ Петръ, когда изцѣленіемъ человѣка, хрсамаго отъ утробы матерней, совершилъ чудо, которому всѣ знающіе весьма удивлялись, сказали: *что чудитесь о семъ? или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити? Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Иаковъ,*

*Богъ отецъ нашихъ, прослави отрока своего Иису-
са* (Дѣян. III, 12. 13). И нѣсколько послѣ: *о вѣрь
имене Его сего, елиже видите и знаете, утвер-
ди имя Его* (ст. 16). Потому что совершеніемъ
чуда, опъ свѣтомъ его поразиль взоры видѣвшихъ,
но сохраняя смиреніе, и воздавая хвалу Виновни-
ку, опъ какъ бы возвращается туда, откуда при-
шелъ, потому что свѣтъ молніи показываесть, отку-
да она произошла. И такъ святые животныя, ког-
да идутъ на совершеніе чудесъ, и когда возвра-
щаются въ себя самихъ для отдачи славы своему
Виновнику, суть молнія; потому что, какъ явле-
ніемъ чудесъ, такъ и представленіемъ примѣровъ сми-
ренія, поражаютъ души видящихъ и воспламе-
няютъ.

16. Во всемъ, что они дѣлають, всегда воз-
вращаются къ прославленію Творца для того, что-
бы навсегда устоять въ той силѣ, которую полу-
чаютъ. Ибо, если бы они приписали что либо са-
мимъ себѣ, то не могли бы устоять въ томъ, что
получили. Поэтому хорошо еще чрезъ Соломона
говорится: *на мѣсто, а може потоцы идуць, тамъ
тѣи возвращаются ити* (Еккл. 1, 7). Ибо какъ
по добродѣтелямъ, такъ и по ученію, что суть свя-
тые мужи, какъ не потоки, которые увлаживаютъ
сухую землю сердца плотскихъ людей? Но они ско-

ро пересохли бы, если бы, какъ по дѣламъ, которыя совершаютъ, или по ученію, не возвращались тщательнымъ и непрестаннымъ вниманіемъ сердца къ тому мѣсту, изъ котораго вытекаютъ. Ибо, если они не возвращаются внутрь къ сердцу, и не привязываютъ себя узами желаній къ любви Создателя; то и рука ихъ бываетъ слаба для того, что совершала, и языкъ дѣлается сухимъ для того, что говорилъ. Но они всегда любовію возвращаются внутрь себя, и то, что основываютъ публично дѣлами и словами, втайнѣ черпаютъ изъ источника любви. Ибо они любовію научаются тому, что произносятся въ ученіи. Итакъ потоки возвращаются къ тому мѣсту, изъ котораго вытекаютъ, дабы опять продолжать теченіе; потому что они всегда почерпаютъ воду премудрости оттуда, откуда течетъ она, дабы отъ безвозвратнаго теченія не иссохнутъ. Итакъ чрезъ все, что мы дѣлаемъ, со тщаніемъ будемъ возвращаться къ источнику истиннаго свѣта. Воздадимъ Создателю нашему благодареніе за тѣ блага, которыя получаемъ, и въ простотѣ сердца скажемъ съ пророкомъ Исаіею: *вся воздасть еси намъ* (Ис. XXVI, 12) Ибо наши добрыя дѣла суть дѣла Того, для любви Коего не достаточно возбудить насъ, если Онъ и Самъ не снизойдетъ къ намъ. Ибо, если бы совѣщный Отцу Богъ прежде вѣковъ

не содѣлался человѣкомъ во времени, то когда человѣкъ временный сталъ бы мудрствовать о вѣчномъ? Итакъ снисхожденіе истины содѣлалось возвышеніемъ нашего смиренія. Дадимъ славу, дадимъ хвалу Тому, Кто живетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Изъясняются стихи 15, 16, 17 до половины 18-го, съ направлениемъ смысла рѣчи пророческой въ похвалѣ Св. Писанія, а преимущественно Евангелія.

1. *Темна вода во облацехъ воздушныхъ* (Псал. XVII, 12); потому что темно знаніе въ Пророкахъ. Но по свидѣтельству Соломона мы знаемъ, что *слава Царей скрываетъ слово, а слава Божія находитъ рѣчь, потому что и честь людей скрываетъ ихъ тайны, а слава Божія состоитъ въ открытіи таинствъ слова Его* (Прит. XXV, 2) (а). И сама Истина лично говоритъ ученикамъ: *еже гла-*

а) Это переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *gloria regum celare uerbum, et gloria dei est inuestigare sermonem, quia et honor est hominum eorum secreta abscondere, et gloria Dei est mysteria sermonis ejus aperire.*

яко вамъ во тмѣ, рыцѣ во свѣтѣ (Мат. X, 27); т. е. ясно излагайте то, что слышите въ темнотахъ иносказаній. Но самая темнота глаголовъ Божіихъ очень полезна; потому что упражняетъ смыслъ, для расширенія его усталостію, и для того, чтобы ревностный получалъ то, чего не могъ получить лѣнливый. Она (темнота) имѣетъ и еще пѣчто большее, потому что разумѣніе Священнаго Писанія, которое было бы малоцѣнно отъ того, если бы во всемъ было просто, въ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ тѣмъ большую доставляетъ пріятность по отысканіи, чѣмъ большимъ трудомъ утомляетъ при отысканіи.

Ибо вотъ теперь голосомъ святаго Іезекіиля говорится: *и видѣхъ, и ее коло едино на земли* (ст. 15) (а).

2. Но что значить колесо, если не Св. Писаніе, которое всякою частію обращается къ умамъ слушающихъ, и не задерживается на пути своего проповѣданія никакимъ угломъ заблужденія? Но обращается всякою частію, потому что среди пріятностей и непріятностей поступаетъ впередъ правильно и тихо. Потому что кругъ заповѣдей его

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *cumque aspiceret animalia, apparuit rota una super terram.* т. е. когда я взиралъ на животныхъ, тогда явилось одно колесо надъ землею.

иногда поднимается вверхъ, иногда опускается внизъ; что для совершенныхъ говорится духовно, то для слабыхъ сообразуется съ буквою; и то самое, что младенцы разумѣютъ по буквѣ, ученые мужи чрезъ духовное разумѣніе возводятъ вверхъ. Ибо кто изъ младенцевъ видитъ что либо, кромѣ исторіи свѣщеннаго чтенія, въ томъ событіи съ Исавомъ и Иаковомъ, что одинъ посылается на ловлю для полученія благословенія, а другой чрезъ подлогъ матери получаетъ благословеніе отца (Быт. XXVII, 3. 28)? Въ этой именно исторіи, когда разумѣніемъ нѣсколько топче обезживаютъ ее, видятъ, что Иаковъ не обманомъ похитилъ благословеніе первороднаго, но получилъ должное себѣ, такъ какъ по уступкѣ брата купилъ оное за давшую чечвицу.

3. Но если кто, разумѣя выше, хочетъ рассмотретьъ дѣла того и другаго чрезъ тайны аллегоріи, тотъ тотчасъ отъ исторіи возвышается въ таинственность. Ибо что значить, что Исаакъ желаетъ кушать отъ ловли старшаго своего сына, если не то, что всемогущій Богъ желаетъ питаться добрыми дѣлами Иудейскаго народа? Но когда тотъ замедлитъ, Реввека подставила младшаго; потому что, когда Иудейскій народъ искалъ добрыхъ дѣлъ въѣ, тогда мать благодать научила языческій народъ, чтобъ онъ представилъ всемогущему отцу ивицу доб-

раго дѣланія, и получилъ благословіе старшаго брата. Онъ эту самую пищу представилъ изъ домашнихъ животныхъ; потому что языческій народъ, не желая благоугождать Богу внѣшними жертвоприношеніями, словами Пророка говоритъ: *во мнѣ Боже молитвы, яже воздамъ хвалы Твоя* (Псал. LV, 13). Что значить, что тотъ же Іаковъ прикрывъ руки, и плеча и шею козлиными кожами, если не то, что козель обыкновенно приносимъ былъ въ жертву за грѣхъ? И языческій народъ, хотя и заклалъ въ себѣ грѣхи плоти, однако же не красивья признавался, что онъ покрытъ плотскими грѣхами. Что значить, что онъ надѣваетъ одежды старшаго брата, если не то, что онъ въ доброй дѣятельности одѣлся въ заповѣди Св. Писанія, которыя были даны старшему народу? И меньшій дома пользуется тѣмъ, что старшій, выходя вонъ, оставилъ внутри; потому что языческій народъ содержитъ въ сердцѣ тѣ заповѣди, которыхъ Іудейскій народъ не могъ содержать, когда обратилъ вниманіе на одну только букву въ нихъ. И что значить, что Исаакъ не знаетъ того сына, котораго благословляетъ, если не то, что о языческомъ народѣ Господь сказалъ чрезъ Псалмопѣвца: *людіе, ихже не видѣхъ, работаша ми; въ слухъ уха послышаша мя* (Псал. XVII. 44, 45)? Что значить,

что онъ предстоящаго не видитъ, и однако же видитъ то, что случится съ нимъ въ будущемъ, если не то, что всемогущій Богъ, когда чрезъ Пророковъ своихъ предсказывалъ язычеству жасасную благодать, въ то время не видѣлъ его по благодати, потому что оставилъ его въ заблужденіи, и не смотря на то, предвидѣлъ благодатию благословенія, что онъ нѣкогда соберетъ его къ себѣ? Поэтому тому же Іакову, представляющему образъ языческаго народа, въ благословеніи говорится: *се воля сына моего, яко воля нивы исполнены, юже бжтослови Господь* (Быт. XXVII, 27). Ибо какъ Истинна въ Евангеліи говоритъ: *село есть міръ* (Мат. XIII, 38), и какъ языческій народъ, обращенный къ вѣрѣ, чрезъ избранныхъ своихъ благоухаетъ добродѣтелями въ семь мірѣ; то воля сына есть воля нивы исполненны.

4. Ибо иначе пахнетъ виноградный цвѣтъ, потому что велика сила и важно ученіе Проновѣдниковъ, которое папаетъ души слушающихъ; иначе цвѣтъ оливковаго дерева, потому что приятно дѣло милосердія, которое, подобно оливѣ, подкрѣпляетъ и дѣлаетъ свѣтлымъ; иначе розовый цвѣтъ, потому что дивно благоуханіе, которое краспѣетъ и исходитъ отъ крови мучениковъ; иначе цвѣтъ лиліи, потому что красна жизнь плоти безъ нарушенія

дѣвства; иначе цвѣтъ фіялки, потому что велика добродѣтель смиренныхъ, которые, занимая мѣста послѣднія, не возвышаются по смиренію отъ земли на верхъ, и въ сердцѣ хранятъ порфиру царства небеснаго; иначе нахпеть колосъ, когда созрѣваетъ, потому что совершеніе добрыхъ дѣлъ готовится къ насыщенію тѣхъ, которые алчутъ правды. Итакъ, посліку языческій народъ въ избранныхъ своихъ разсѣянъ повсюду въ мірѣ, и тѣми добродѣтелями, которыя совершаютъ, издаетъ запахъ добраго мнѣнія для всѣхъ, которые понимаютъ: то справедливо говорится: *се воля сына моего, яко воля нивы исполнены*. Но посліку эти добродѣтели онъ имѣетъ не самъ отъ себя, то присовокупляется: *юже благослови Господь*.

5. А поеліку тотъ же народъ избранныхъ чрезъ нѣкоторыхъ возвышается даже къ созерцанію, а чрезъ пѣкоторыхъ тучнѣетъ дѣлами только дѣятельной жизни; то справедливо тамъ присовокупляется: *са дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесныя, и отъ тука земли* (Быт. XXVII, 28). Ибо роса падаетъ сверху и тонко. И мы отъ росы небесной получаемъ столько, сколько чрезъ вліяніе внутренняго созерцанія тонко видимъ что либо изъ пре небеснаго. Поеліку же добрыя дѣла мы совершаемъ даже чрезъ тѣло, то обогащаемся отъ тука земли.

*

6. Но что значить, что Исавъ медленно возвращается къ отцу, если не то, что Иудейскій народъ поздно возвращается къ благоугожденію Богу? Ему и это говорится въ благословініи: *будетъ же (время), егда низложими и отрѣшиши время отъ выи твоя* (Быт. XXVII, 40). Потому что Иудейскій народъ освободится отъ рабства грѣховнаго на кончинѣ (міра), какъ написано: *дондеже исполненіе языковъ увидетъ. И тако весь Израиль спасетъся* (Рим. XI, 25—26).

7. Кого изъ дѣтей не займетъ самая Евангельская исторія о совершеніи чуда, когда Господь повелѣваетъ наполнить пустые сосуды водою, и эту самую воду тотчасъ претворяетъ въ вино (Іоан. 11, 7)? Но когда объ этомъ слышатъ люди болѣе наблюдательные, тогда они и священную исторію чтутъ вѣрою, и отыскиваютъ то, что она внушаетъ внутреннимъ смысломъ. Ибо кто могъ претворить воду въ вино, тотъ могъ и непосредственно наполнить пустые сосуды виномъ. Но Онъ повелѣваетъ наполнить сосуды водою; потому что сердца наши должны быть прежде наполнены исторіею священнаго чтенія. И воду Онъ претворяетъ для насъ въ вино, когда самая исторія премѣняется для насъ въ духовное разумѣніе чрезъ таинственность иносказанія. Итакъ колесо какъ бы по землѣ катится;

потому что простою рѣчью принаровняется къ дѣтямъ, а возрастнымъ внушая духовное (разумѣніе), какъ бы кругъ поднимаетъ ихъ вверхъ; и поднимается вверхъ, оттуда, гдѣ за нѣсколько прежде казалось касающимся земли.

8. Но поелику оно (Писаніе) повсюду назидаетъ, то какъ бы колесо катится кругомъ. Почему и въ законѣ написано: *да сотвориши свѣтильникъ отъ золота чиста, изваявъ да сотвориши свѣтильникъ: стебель его, и вѣтви, и чаши, и кружи, и крѣпы отъ него да будутъ* (Исх. XXV, 31. XXXVI, 17). Кто означается свѣтильникомъ, если не Искупитель рода человѣческаго? Онъ въ сестествѣ человѣческомъ сіялъ свѣтомъ. Божества для того, чтобы быть свѣтильникомъ міра, поелику во свѣтѣ Бго каждый грѣшникъ долженъ былъ видѣть, въ какой тмѣ онъ лежалъ. За то, что Онъ принялъ естество наше, кромѣ грѣха, заповѣдуются сдѣлать свѣтильникъ для скиніи изъ чистаго золота. Но ковчимъ отъ біенія онъ дѣлается потому, что и Искупитель нашъ, который со времени зачатія и рождества былъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, понесъ болѣзни страданій, и такимъ образомъ достигъ славы воскресенія. Итакъ ковчій свѣтильникъ сдѣланъ былъ изъ самаго чистаго золота; потому что, хотя Онъ и не имѣлъ грѣха, однако же тѣло

свое довелъ до безсмертія чрезъ поруганія въ страданіи. Ибо Онъ по добродѣтелямъ души рѣшительно не имѣлъ того, за что могъ бы восходить къ совершенству чрезъ страданія. Но въ членахъ своихъ, т. е. въ насъ, Онъ ежедневно восходитъ къ совершенству; потому что, когда насъ бьютъ и оскорбляютъ, тогда Самъ Онъ преуспѣваетъ. О тѣлѣ Его написано: *изъ неяже (главы) все тѣло составы и союзы подиемо и снемлемо, раститъ возвращеніе Божіе* (Колос. II, 19). Потому что тѣло Его всѣ мц. Но тѣло связуется составами и связями; потому что, когда грудь соединена съ головою, мышцы съ грудью, съ мышцами руки, съ руками пальцы, и прочіе члены соединены съ другими членами; тогда все тѣло совершенно. А святые Апостолы, потому что были близки къ Искушителю нашему, соедины съ Нимъ, какъ бы грудь съ головою. Мученики, послѣдовавшіе имъ, были соединены съ нимъ, какъ бы мышцы съ грудью. Къ этимъ, когда присоединились добрыми дѣлами Пастыри и Учители, то приросли къ нимъ, какъ бы руки къ мышцамъ. Но все это тѣло нашего Искушителя ежедневно получаетъ помощь съ неба чрезъ составы и связи; потому что, когда избранная души приводится къ Нему туда, то присовокупляются къ Его членамъ. Объ этомъ хорошо го-

ворится: *подаемо и снемлемо, растетъ возвраще-
 ніе Божіе*; потому что всемогущій Богъ, Искупитель нашъ, Который не имѣетъ въ Себѣ ничего, что можно было бы усовершенать, доселѣ еще ежедневно имѣетъ приращеніе чрезъ своихъ членовъ. Поэтому еще написано: *дотдеже достигнемъ вси въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV, 13). Но цодъ стѣблемъ тогоже самага свѣтильника должно разумѣть самую Церковь, которая есть тѣло Егю, цотому что среди всѣхъ превратностей свободна. Вѣтви же, исходящія отъ стебля, суть проповѣдники, которые прозвѣли въ мѣрѣ пріятный звукъ, т. е. прозвѣли пѣснь довую. Но чаши обыкновенно наливаются виномъ. И такъ что суть умы слушателей, если не чаши, которые отъ святыхъ Проповѣдниковъ наполняются виномъ вѣденія? Но что другое означаетъ кругъ, если не быстрое круговращеніе проповѣди? Ибо кругъ распространяется во все стороны. И проповѣдь, которая ни неспрѣятностію не можетъ быть удержана, ни отъ счастья гордиться, есть кругъ; потому что, и среди несчастій мужественна, и среди счастья смиренна, не имѣя угла ни страха, ни гордости. И такъ она въ теченіи своемъ не можетъ зацѣпляться, потому что катится по всему съ быстрою круговращательностію.

9. Но чтобъ изслѣдывать то, что представимы для примѣра, послѣ вѣтвей, чашъ и круговъ (сферъ), хорошо описываются на свѣтильникѣ *кріны* (лиліи); потому что за тою благодатию и быстрою вращательностію проповѣди, слѣдуетъ то зелѣнющее отечество, которое вѣчно зелѣнетъ святыми душами, т. е. вѣчными цвѣтами. Ибо круги (шары) относятся къ труду, а *кріны* къ воздаянію. Какъ у Моисея кругъ (шаръ) принимается за ученіе проповѣди; такъ здѣсь колесомъ означается самое Св. Писаніе. Итакъ Пророкъ, когда смотрѣлъ на святыхъ животныхъ, присовокупилъ: *тогда явилось одно колесо надъ землею.*

10. Здѣсь надобно замѣтить, когда ниже описываются колеса, то почему о явленіи одного колеса говорится прежде, если не потому, что древнему народу данъ только Ветхій Завѣтъ, который для наученія его вертѣлся подобно колесу? И хорошо говорится, что это самое колесо явилось надъ землею. Ибо согрѣшившему человѣку сказано: *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. III, 19). Итакъ колесо явилось надъ землею; потому что всемогущій Богъ далъ законъ для сердець грѣшниковъ. Но поелію эти пернатые животныя означаютъ, какъ сказано прежде, святыхъ Евангелистовъ; то какимъ образомъ прежде являютя животныя, а потомъ од-

но колесо, тогда какъ Ветхій Завѣтъ былъ прежде, а за нимъ послѣдовали святые Евангелисты? Но здѣсь можно разумѣть такъ, что Пророкомъ были видимы прежде тѣ, которые по заслугамъ стоятъ выше. Ибо, на сколько святое Евангеніе выше Ветхаго Завѣта, на столько и проповѣдники его должны были быть предпочтены въ описаніи Пророческомъ.

11. Хотя должно быть еще нѣчто другое, на что въ этомъ описаніи надобно обратить вниманіе; потому что духъ пророчества соединяетъ въ самомъ себѣ вмѣстѣ и предшествующее и послѣдующее такъ, что языкъ Пророка не можетъ этого высказать послѣдовательно. Но видимос имъ пообъявленное онъ изчерпываетъ раздѣльными рѣчами, и иногда говорить о послѣднемъ послѣ перваго, а иногда о первомъ послѣ послѣдняго. Поэтому Пророкъ Іезикииль видитъ, подъ образомъ святой вселенской Церкви, и славу Евангелистовъ чрезъ подобіе четверемъ животнымъ, и однакоже неожиданно присовокупляетъ и то, что совершилось въ предшествующія времена, чтобы ясно показать, что онъ въ совокупности видѣлъ то, чего языкъ плоти высказать въ послѣдовательности былъ не достаточно. Но послѣку мы сказали, что чрезъ четырехъ животныхъ означаются еще всѣ совершенные; то надоб-

по думать, что и прежде закона были нѣкоторые изъ святыхъ, которые проводили строгую жизнь по закону естественному, и благоугождали всемогущему Господу. Итакъ послѣ животныхъ описывается колесо; потому что многіе изъ избранныхъ были совершенны предъ всемогущимъ Господомъ даже прежде закона. Но если животныхъ вриимать, какъ сказали мы, за однихъ только Евангелистовъ, то и въ этомъ случаѣ есть нѣчто, на что мы должны обратить вниманіе. Ибо святой Пророкъ видѣлъ, что эти самыя слова, которыя онъ произносилъ подъ прикрытіемъ темноты, ясны будутъ, не для Іудейскаго народа, а для язычниковъ. А говоря къ намъ, онъ долженъ былъ описать прежде животныхъ, а послѣ колесо; потому что мы, по милости Господней, приходя къ вѣрѣ, не чрезъ законъ учились Евангелію; а чрезъ святое Евангеліе закону. Но гдѣ, или какое колесо явилось, онъ присовокупляетъ, говоря: *на земли держащееся животныхъ четырехъ* (стр. 15). Гдѣ еще присовокупляется: *и видныя колеса, и сотвореніе ихъ, яко видныя сарсиса, и подобіе едино четверемъ: и дѣло ихъ бѣше, якоже аще бы было коло въ колеси* (стр. 16) (а).

а) Эти тексты въ Латинскомъ подлинникѣ читаются такъ. *juxta animalia habens quatuor facies*, т. е. *подъ жи-*

12. Что это значить, что впереди было сказано объ одномъ колесѣ, а послѣ присовокупляется: *яко аще бы было коло въ колеси, если не то, что Новый Заѡтъ скрывается подъ иносказаніемъ въ буквѣ Ветхаго Заѡта? Поэтому тоже самое колесо, явившеся подлѣ животныхъ, описывается имѣющимъ четыре лица; потому что Св. Писаніе раздѣлено на четыре части по обѣимъ Заѡтамъ. Ибо Ветхій Заѡтъ состоитъ изъ закона и Пророковъ, а Новый изъ Евангелій и дѣяній и ученія Апостольскихъ. Но мы знаемъ, что куда мы обращаемъ лице, тамъ и видимъ то, что необходимо. Итакъ колесо имѣетъ четыре лица; потому что видитъ пресѣкаемос въ парадахъ зю закономъ, потомъ видитъ тоже дѣлаемос чрезъ Пророковъ, далѣе чрезъ Евангеліе, и наконецъ прозрѣло то, что должно было быть чрезъ Апостоловъ истреблемо въ дѣлахъ человѣческихъ. Еще можно разумѣть четыре лица у колеса такъ, что Св. Писаніе богатію про-*

отныхъ и имѣющая четыре лица; и: aspectus rotarum et opus earum quasi visio maris; et una similitudo ipsarum quatuor, et aspectus earum et opera, quasi si sit rota in medio rotar; т. е. видъ колесъ, и дѣла ихъ какъ бы видъ моря, и одно подобіе у нихъ четырехъ; и видъ ихъ и дѣла, какъ бы было колесо въ колесѣ. Къ этому смыслу текста прицаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

повѣди сдѣлалось извѣстнымъ въ четырехъ частяхъ міра. Поэтому и хорошо описывается тоже колесо сперва явившимся подлѣ животныхъ, а юслѣ имѣющимъ четыре лица; потому что если бы законъ не былъ согласенъ съ Евангеліемъ, то не былъ бы извѣстенъ въ четырехъ частяхъ міра.

13. За тѣмъ слѣдуетъ: *и видъ колесъ, и дѣло ихъ, какъ бы видъ моря.* Священныя изреченія справедливо уподобляются видѣнію моря; потому что въ нихъ великія книги мнѣній, кучи смысловъ. Священное Писаніе справедливо называется подобнымъ морю, потому что въ немъ мысли слова утверждаются таинствомъ Крещенія.) Или навѣрное надобно думать, что мы на корабляхъ плывемъ по морю, когда стремимся къ вождѣлѣнной землѣ. Но чего мы желаемъ, если не той земли, о которой написано: *часть моя еси на земли живыхъ* (Псал. СХЛІ, 6)? Но какъ я сказалъ, тотъ на деревѣ носится, кто переплываетъ море. И мы знаемъ, что Св. Писаніе чрезъ законъ предсказываетъ намъ о деревѣ креста, когда говоритъ: *проклятъ есть отъ Бога всякъ висѣй на деревѣ* (Второз. XXI, 23). Это Павелъ относитъ къ Искупителю нашему, говоря: *бывъ по насъ клятва* (Галат. III, 13). И чрезъ Пророковъ возвѣщается древо, когда говорится:

Господь воцарися (отъ древа) (Исал. ХСV, 10) (а). И еще: *вложимъ древо въ хлѣбъ его* (Иерем. XI, 19). А чрезъ Евангеліе ясно указывается на древо креста тамъ, гдѣ объясняется самое страданіе Господа, о которомъ были пророчества. Чрезъ Апостоловъ же этотъ самый крестъ обнѣсится и въ словахъ и дѣлахъ, когда Павелъ говоритъ: *мнѣ мръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14). И еще: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа* (Тамъ же). И такъ для насъ, стремящихся къ вѣчному отчеству, Св. Писаніе четырьмя своими лицами есть море. Оно проповѣдуетъ о крестѣ, потому что несетъ насъ на древѣ къ землѣ живыхъ. Если бы Пророкъ не взиралъ на Св. Писаніе, какъ на подобіе морю, то не сталъ бы говорить: *наполнися вся земля виденія Господня, аки вода многа покры море* (Ис. XI, 9). Далѣе слѣдуетъ: *и подобіе едино чешыремъ: (и видѣ ихъ) и дѣло бѣже, якоже аще бы было коло въ колѣси* (ст. 16).

14. Одно подобіе въ этихъ самыхъ четырехъ; потому что проповѣданное закономъ проповѣдано

а) Въ Славянскомъ переводѣ выраженія *отъ древа* нѣтъ. Но въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *Dominus regnabit a ligno* т. е. *Господь воцарится отъ древа*. Это чтеніе въ связи рѣчи Святителя умѣстнѣе, нежели переводъ Славянскій. Мы соединили тотъ и другой переводъ вмѣстѣ.

и Пророками; проповѣданное Пророками исполнено въ Евангеліи; что исполнено въ Евангеліи, о томъ въ міръ проповѣдали Апостолы. Итакъ одно подобіе въ этихъ самыхъ четырехъ; потому что Божественныя изреченія, хотя и раздѣлены по временамъ, однако же соединены по смыслу.

15. (*И видѣ ихъ*) и дѣло бѣше, якоже аще бы было коло въ колеси. Колесо въ колесѣ, какъ сказали мы, есть Новый Завѣтъ въ Ветхомъ Завѣтѣ; потому что предобразованное въ Ветхомъ Завѣтѣ исполнено въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо, чтобъ изъ многого сказать о немномомъ, что значить, что отъ соннаго Адама творится Ева (Быт. II, 21, 22), если не то, что во время смерти Христа образуется Церковь? Что значить, что Исаакъ ведется на жертвоприношеніе, и несетъ дрова, возлагается на жертвенникъ, и остается живымъ (Быт. XXII, 6), если не то, что Искупитель нашъ, ведомый на распятіе, Самъ несетъ на себѣ древо креста? И такимъ образомъ Онъ умеръ за насъ на жертвенникѣ по человѣчеству, пребывая впрочемъ безсмертнымъ по Божеству. Что значить, что убійца по смерти Первосвященника возвращается въ свою землю (Числ. XXXV, 25; Исус. Пав. XX, 6), если не то, что родъ человеческій, нанесшій самъ себѣ смерть грѣхомъ, послѣ смерти истиннаго Священника, т. е. Искупителя

нашего, разрѣшается отъ узъ грѣховъ своихъ, и опять готовится къ владѣнію въ раю? Что значить, что надъ очистилищемъ заповѣдуются устроить покровъ (Исх. XXV, 17), надъ которымъ поставляются два Херувима, одинъ на верху съ одной стороны, а другой на верху съ другой стороны, изъ чистаго золота, съ распростертыми крыльями, и прикрывающіе очистилище (прорицалице), которые взаимно смотрятъ на очистилище обращенными лицами, если не то, что оба Завѣта согласуются на Ходатаѣ Бога и человѣковъ такъ, что означаемое въ одномъ проявляется въ другомъ? Объ этомъ чрезъ Павла говорится: *Егоже предположи Богъ очищеніе тѣлою въ крови Ею* (Рим. III, 25). Но что означено двумя Херувимами, которые называются полнотою вѣдѣнія, если не два Завѣта? Изъ нихъ одинъ стоитъ на верху очистилища съ одной стороны, а другой на верху же съ другой; потому что начатое пророчествомъ обътованіе о воплощеніи Искушителя нашего въ Ветхомъ Завѣтѣ, вполне исполнено въ Новомъ Завѣтѣ. Но два Херувима сдѣланы изъ самаго чистаго золота; потому что тотъ и другой Завѣтъ содержатъ въ себѣ чистую и простую истину. Но они (Херувимы) распростираютъ крылья, и прикрываютъ очистилище; потому что мы, составляя очистилище всемогущаго Бога,

прикрываемся отъ угрожающихъ наказаній пазида-
ніемъ Св. Писанія. Когда мы внимательно смотримъ
на мысли его, тогда на крыльяхъ его возлетаемъ отъ
заблужденія въ невѣденіи. И такъ два Херувима взаим-
но смотрятъ на себя лицами обращенными къ очи-
стилищу; потому что оба Завѣта ничѣмъ не про-
тиворѣчатъ другъ другу. И они какъ бы взаимно
обращаютъ лица одинъ къ другому; потому что обѣ-
щанное однимъ исполнено въ другомъ, когда они
видятъ среди себя Ходатая Бога и человѣковъ. Хе-
рувими отвратили бы лица другъ отъ друга, если
бы въ томъ, что обѣщаль одинъ Завѣтъ, другой
отказывалъ. Но поелику они согласно говорятъ о
Ходатаѣ Бога и человѣковъ, то Херувими прис-
тально смотрятъ на очистилище, чтобы взаимно визи-
реть другъ на друга. И такъ *колесо въ колесо*, по-
тому что въ Ветхомъ Завѣтѣ вмѣщается Завѣтъ Но-
вый. И, какъ мы уже часто говорили,—что Ветхій
Завѣтъ обѣтоваль, то Новый исполнилъ; и что тотъ
прикровенно предвозвѣщаетъ, этотъ ясно гласитъ
объ исполненіи. И такъ Ветхій Завѣтъ есть проро-
чество о Новомъ Завѣтѣ, а Новый Завѣтъ есть
изъявленіе Ветхаго Завѣта. Далѣе слѣдуетъ: *на
четыре стороны ихъ шествоваху: не обращахуся*
(ст. 17).

16. Божественныя изреченія куда ипаче шествуютъ, если не къ сердцамъ человѣческимъ? Но онѣ шествовали на четыре страны; потому что **Св.** Писаніе чрезъ закопъ шествуетъ къ сердцамъ человѣческимъ, предъизображая таинство. Чрезъ Пророковъ шествуетъ нѣсколько ясіѣе, пророчествуя о Господѣ. Чрезъ Евангеліе шествуетъ, представляя Того, о Комъ пророчествовало. Чрезъ Апостоловъ шествуетъ, проповѣдая Того, Кого послалъ Отець для искушенія нашего. И такъ колеса имѣютъ лица и пути; потому что священные изреченія открываютъ вѣденіе заповѣдей съ выраженіемъ на дѣлахъ. И шествуютъ онѣ на четыре стороны; потому что по раздѣленію времени, какъ сказали мы, говорятъ, или вѣриѣ потому, что во всѣхъ странахъ міра проповѣдуютъ о воплотившемся Господѣ. О чемъ ясно тотчасъ присовокупляется: *не обращахуся, всегда шествовати имъ.*

17. Это выше было сказано о животныхъ; но не тоже самое можно разумѣть о колесахъ, что и о животныхъ. Потому что мы сказали, что колеса означаютъ Заветы. И Ветхій Заветъ хотя и ходилъ, потому что чрезъ проповѣдь достигалъ до сердець человѣческихъ; но послѣ возвратился въ себя самаго, потому что по буквѣ въ своихъ заповѣдяхъ и жертвоприношеніяхъ не могъ быть испол-

нѣ исполняемъ. Ибо онъ не безъ измѣненія оставался, когда не доставало въ немъ духовнаго разумѣнія. Но когда пришелъ въ міръ Искушитель нашъ, тогда Онъ заставилъ разумѣть духовно то, что нашелъ неудобноисполнимымъ по буквѣ. Итакъ когда буква его разумѣется духовно, тогда всякое въ немъ буквальное выраженіе оживотворяется. А Новый Завѣтъ названъ Завѣтомъ вѣчнымъ на страницахъ даже Ветхаго Завѣта, потому что смыслъ его никогда не измѣняется. Итакъ хорошо говорится, что колеса шли, и не обращались, когда шли впродъ; потому что, когда Новый Завѣтъ неизмѣняемъ, когда и Ветхій исполняется по духовному разумѣнію, то они не возвращаются, пребывая неизмѣняемыми до кончины міра. Итакъ они идутъ, но не обращаются; потому что духовнымъ образомъ приходятъ къ сердцу нашему такъ, что ихъ заповѣди, или ученіе, болѣе уже не измѣняются. Далѣе слѣдуетъ: *и стояніе было въ колесахъ, и высота, и ужасающій видъ* (ст. 18) (а).

а) Это буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *statura quoque erat rotis, et altitudo, et horribilis aspectus*. Удержать въ переводѣ смыслъ этого текста признано необходимымъ потому, что къ нему вполне примѣнено дальнѣйшее объясненіе Святителя. Славянскій же переводъ того же текста признавъ крайне не-

18. Что значить, что въ повѣствованіи объ изреченіяхъ Св. Писанія говорится, что въ немъ заключаются эти три свойства, такъ что упоминается, что онѣ имѣютъ *стояніе, высоту, и страшный видъ, т. е. ужасающій?* Намъ чрезвычайно нужно розыскать, что называется *стояніемъ* Божественнаго Писанія, что *высотой*, и что *ужасающимъ видомъ*. Итакъ надобно знать, что *стоятъ* свойственно жизни человѣка добродѣтельнаго. Поэтому чрезъ Павла говорится: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12). Онѣ и ученикамъ говоритъ: *такое стойте о Господь, возлюбленній* (Филип. IV, 1). И Пророкъ, который видѣлъ, что онѣ жизнью и нравами стоитъ предъ Господомъ, говоритъ: *живъ Господь силъ, Емуже предстою* (4 Цар. III, 14). Но *высота* означаетъ обѣтованіе небснаго царства. До него достигаютъ тогда, когда уже всякое поврежденіе смертной жизни истребляется. Но *ужасающій видъ* есть страхъ геены, которалъ безконечно мучитъ печестивыхъ, и всегда сохраняетъ ихъ въ мученіи. Итакъ *стояніе* состоитъ въ прямотѣ проповѣди, *высота* въ возвышенности горняго обѣтованія, а *ужасающій видъ* въ угрозахъ

удобнымъ въ примѣненіи къ объясненію Святителя. Онѣ читается такъ: *ниже хребты ихъ, и высота бже имъ, и видъ ихъ* *тс.*

и страхахъ будущаго наказанія. Итакъ Св. Писаніе имѣеть *стояніе*, потому что направляетъ нравы къ стоянію, чтобы сердца слушателей не кривились къ земному пожеланію. Имѣеть *высоту*, потому что обѣщаетъ радости вѣчной жизни въ небесномъ отечествѣ. Имѣеть и *устрашающій видъ*, потому что всемъ нечестивымъ угрожаетъ наказаніями въ гесніѣ. Итакъ оно показываетъ *стояніе* свое въ назиданіи правотъ; показываетъ *высоту* въ обѣтованіи награды; показываетъ *ужасающій видъ* въ страхахъ наказаній. Нбо оно прямо въ заповѣдяхъ, высоко въ обѣтованіяхъ, страшно въ угрозахъ. Оно имѣеть *стояніе*, когда чрезъ Пророка говоритъ: *престаните отъ лукавствъ вашихъ. Научитесь добро творити, възвѣстите суда, избавите обидимаго, судите сироту, и оправдате вдовицу* (Ис. I, 16. 17). И еще: *раздробляй амуцимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой; аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственниковъ племени твоего не презри* (Ис. LVIII, 7). Имѣеть *высоту*, когда чрезъ тогоже Пророка говоритъ: *не будетъ тебѣ ктому солнце во свѣтъ дне, ниже восходъ луны просвѣтитъ твою ночь, но будетъ тебѣ Господь свѣтъ вѣчный, и Богъ слава твоя* (Ис. LX, 19). Имѣеть *ужасающій видъ*, когда, описывая пренеподнюю, говоритъ: *день суда Господ-*

ня, и льто воздаянія суда Сіоня. И обратятся дѣбри его въ смолу, и земля его въ журуль. И будетъ земля его горящи яко смола днемъ и нощію, и не утаснетъ въ вѣчное время (Ис. XXXIV, 8—10). Эту преисподнюю описывая, и блаженный Іовъ говоритъ: въ землю темну и мрачну. Въ землю тмы пынныя, идъже нѣсть свѣта, ниже видѣти живота человѣческаго (Іов. X, 21—22). Оно имѣеть стояніе, когда чрезъ него Господь обѣщаетъ свою близость, говоря: якоже небо ново, и земля нова, яже Азъ творю, пребываютъ предо Мною, глаголетъ Господь: тако станетъ стѣмя ваше, и имя ваше (Ис. LXVI, 22). Ибо тѣ истинно стоятъ предъ Господомъ, которые не разсѣваютъ своей жизни въ нечестіи. Оно имѣеть высоту, когда тотчасъ присовокупляется: и будетъ мѣсяць отъ мѣсяца, и суббота отъ субботы, пріидетъ всяка плоть поклонитися предо Мною во Іерусалимъ, рече Господь (Ис. LXVI, 23). Ибо что значить мѣсяць, если не совершеніе дѣей? И что значить суббота, если не покой, въ продолженіе котораго не дозволяется дѣлать рабскаго дѣла? Итакъ мѣсяць отъ мѣсяца значить то, что живущіе здѣсь совершенно переводятся туда къ совершенству славы. А суббота отъ субботы значить то, что престающіе здѣсь предаваться развращенію успокоиваются тамъ

въ небесномъ воздаяніи. Оно (Писаніе) имѣетъ и *ужасающій видъ*, когда тотчасъ присовокупляетъ: и *изыдутъ, и узрятъ трупы чловѣковъ преступившихъ Мнѣ: червь бо ихъ не скончається, и огнь ихъ не уяснеть* (Ис. LXVI, 24). Ибо что страшнѣе можно сказать, что помыслить, какъ принимать раны осужденія, и никогда не имѣть конца болѣзнямъ отъ ранъ! Объ этомъ *ужасающемъ видѣ* колесъ хорошо говорится чрезъ Софонію, когда жестокимъ сердцамъ предсказывається о приближеніи дня суднаго: *близъ день Господень великій, близъ и скорь зъло: гласъ дне Господня горекъ и жестокъ учинися. Силенъ день гнѣва, день той, день скорби и нужды, день безодія и исчезновенія, день тмы и мрака, день облака и млы, день трубы и вопля* (Софон. I, 14—16).

19. Но поелику мы представили изреченія о ви́шнемъ колесѣ, то теперь мы должны еще сказать о *стояніи, высотѣ и ужасающемъ видѣ* внутренняго. Потому что внутреннее колесо имѣетъ свое *стояніе*, когда чрезъ Святое Евангеліе запрещаетъ намъ кривиться на земныя пожеланія, говоря словами нашего Искупителя: *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и нїлствомъ и печальми житейскими* (Лук. XXI, 34). Оно имѣетъ *высоту*, когда о томъ же Искупителѣ

дасть обѣтованіе, говоря: *слици же пріяша Ею, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Пбо что можетъ быть выше этого права, что можно сказать выше этой высоты, на которой всякій сотворенный содѣлывается чадомъ Творца? Оно имѣеть *ужасающій видъ*, когда о печестивыхъ говоритъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную* (Мат. XXV, 46). Оно имѣеть *стояніе*, когда Истина увѣщсваетъ учениковъ, говоря: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню. Сотворите себѣ вѣлалица неветшающа* (Луқ. XII, 33). Оно имѣеть *высоту обѣтованія*, когда говоритъ: *мнози отъ востокъ и западъ приидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, въ царствіи небеснѣхъ* (Мат. VIII, 11). Имѣеть *ужасающій видъ*, когда присовокупляетъ: *сынове же царствія изнани будутъ во тму кромьшную: ту будетъ плачь, и скрежетъ зубомъ* (ст. 12). Этимъ еще Истина говоритъ: *умрете во грѣснѣхъ вашихъ* (Іоан. VIII, 21, 24). Оно имѣеть *стояніе*, когда словами верховнаго пастыря говоритъ: *подадите въ вѣръ вашей добродѣтель, въ добродѣтель же разумъ, въ разумъ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, во благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь* (2 Цстр. I, 5. 6). Имѣеть *высоту*, когда нѣсколько послѣ говоритъ: *сиче бо обильно приподается вамъ*

входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа (ст. 11). Оно же еще даетъ обѣтованіе добрымъ пастырямъ, говоря: явлюся Пастырначальнику, примете неувыдаемый славы вѣнецъ (1 Петр. V, 4). Оно имѣетъ ужасающій видъ, когда говоритъ: придетъ же день Господень, яко тамъ въ нощи, въ онъже небеса убо съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся (2 Петр. III, 10). Если же все такимъ образомъ разрушится; то какими должны быть вамъ въ святомъ житіи и благочестіи, въ ожиданіи скорого пришествія дна Божія, въ которой воспламененыя небеса разрушатся, и раскалившіяся стихіи растаютъ? Оно имѣетъ стояніе, когда чрезъ Павла отвращаетъ пась отъ земныхъ пожеланій, говоря: умертвите уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту, стратъ, похоть злюю, и михоманіе, еже есть идолослуженіе (Колос. III, 5). Имѣетъ высоту, когда даетъ обѣтованіе, говоря: животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозь. Игда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь въ славу (ст. 3). Имѣетъ ужасающій видъ, когда угрожаетъ, говоря: въ откровеніи Господа Иисуса съ небесе, со Ангелы силы своея, во огни пламенны, дающаго отмщеніе невѣдующимъ Бога и не слушающимъ благовѣствованія Гос-

пода нашего *Иисуса Христа*: иже муку приимутъ, пошибель вѣчную отъ лица Господня, и отъ славы крѣпости *Его* (2 Сол. II, 7—9). Оно имѣеть стояніе, когда увѣщаетъ насъ, говоря: *блюдите, да никтоже зла за зло кому воздастъ: но всегда доброе пошлите и другъ ко другу, и ко всѣмъ* (I Сол. V, 15. 16). Оно имѣеть высоту, когда произноситъ обѣтованіе, говоря: *еще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ: еще тертимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 11. 12). И еще: *не достойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18). Оно имѣеть ужасающій видъ, когда произноситъ угрозы, говоря: *страшно нѣкое чяніе суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27). И еще: *страшно есть еже власти въ руку Бога живаго* (ст. 31). Все это оно выражаетъ и въ краткой мысли, говоря: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долота и глубина и высота* (Ефес. III, 18). Такъ какъ любовь широка, потому что вмѣщаетъ въ себѣ и любовь къ врагамъ, и по той любви, которою всемогущій Богъ широко насъ любитъ, она великодушно терпитъ. Итакъ мы должны дѣлать для ближнихъ то, что, по нашему усмотрѣнію, дѣлаетъ Творецъ нашъ для насъ недостойныхъ. Итакъ *широта и долота*

относятся къ *стоянію*; потому что любовію расширяетъ нравы, чтобы братская любовь великодушно переносила обиды. А *высота* означаетъ то воздаяніе вѣчныхъ наградъ, о неизмѣримости котораго говорится: *иже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не озыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (I. Кор. II, 9). Итакъ оно имѣетъ на *высотѣ высоту*; потому что теперь вѣчныя радости святыхъ не могутъ быть постижимы никакимъ представленіемъ. *Глубина* же означаетъ то невыразимое осужденіе грѣшниковъ, по которому низвергаются въ преисподнюю тѣ, на которыхъ оно простирается. Въ этихъ мѣстахъ священныя изреченія имѣютъ *ужасающій видъ*; потому что наводятъ невыразимый страхъ на слушающихъ, когда говорятъ объ адскихъ мученіяхъ. Итакъ хорошо говорится: *и стояніе было въ колесахъ, и высота и ужасающіи видъ*; потому что Св. Писаніе въ обоихъ Завѣтахъ, какъ въ увѣщаніяхъ прямо, такъ и въ обѣтованіяхъ высоко, и въ угрозахъ страшно.

Этого для насъ, возлюбленнѣйшіе братіе, достаточно для собесѣдованія въ нынѣшній день по милосердію Божію, чтобы, приготовившись на досугъ, возвратиться къ разсмотрѣнію дальнѣйшаго, при содѣйствіи Виновника всяческихъ и Господа нашего Іисуса Христа. Который живетъ и царству-

еть со Отцемъ, въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕДЬМАЯ.

Изъясняется стихъ 18 съ пятью за нимъ слѣдующими, преимущественно о пользѣ священнаго чтенія и объ исполненіи обязанностей любви, съ тою осторожностію, чтобы мы особенно были внимательны къ самимъ себѣ чрезъ покаяніе.

1. Вы знаете, возлюбленнѣйшіе братіе, что пророчество обыкновенно видитъ, то то, то другое, и вдругъ переноситъ слова съ одного на другое; такъ, на примѣръ, Давидъ, говоря о Господѣ: *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпливъ, и не имѣвъ наводяй на всякъ день. Аще не обратится, оружіе свое очиститъ, лукъ свой напряже, и уготова и, въ немъ уготова сосуды смертныя, стрѣлы своя стараемымъ содѣла* (Псал. VII, 12—14), вдругъ присовокупляетъ: *зачатъ болѣзнь, и роди беззаконіе. Ровъ изры, и ископа и, и падетъ въ яму, юже содѣла* (ст. 15. 16). Вотъ опъ, говоря о правосудіи Господа, какъ бы не измѣняя рѣчи, вдругъ началъ говорить о виновности грѣшника. Этого одного для примѣра достаточно; потому

что, кто занимается чтеніемъ Пророковъ, тотъ знаетъ, что они дѣлають это часто. Поэтому и теперь Пророкъ Іезикииль, сказавъ о колесахъ, присовоуишь: *и все тѣло исполнено очесъ окрестъ самихъ четырехъ* (ст. 18). (а).

2. Пбо кто сказать, не *самыхъ*, но *самихъ* (б), тотъ ясно показываетъ, что рѣчь его вдругъ возвратилась отъ колесъ къ животнымъ. Чрезъ этихъ животныхъ означаются, какъ впереди было сказано, именно всѣ совершенныя. И такъ тѣла животныхъ описываются *исполненными очесъ* потому, что дѣйствіе святыхъ осмотрѣно со всѣхъ сторонъ сильнымъ желаніемъ добра, и осторожностію отъ зла. И это бываетъ очень трудно, чтобы умъ святыхъ бдительно наблюдалъ, дабы предъ очами ихъ зло не скрывалось подъ видомъ добра. И такъ жизнь святыхъ есть жизнь осмотрительная, дабы не быть ей ни такъ свободною, чтобы гордиться, потому что часто гордость проявляется въ словахъ, и свобода

а) Онять это переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *et totum corpus plenum oculis in circuitu ipsorum quatuor*. Но въ Славянскомъ переводѣ этотъ текстъ читается такъ: *и плещи ихъ исполнены очесъ окрестъ чтыремъ*. На смыслъ этого перевода Святитель обращаетъ вниманіе въ 7 пунктѣ этой же VII бесѣды.

б) Въ подлинникѣ: *non ipsarum, т. е. rotarum, sed ipsorum*. Т. е. *animalium*.

чистоты желаетъ быть видимою; нѣ такъ смиренною, чтобы доходить до робости, потому что страхъ иногда стѣсняетъ духъ, и сеѣ не рѣшается говорить правды, однакоже притворяется, будто онъ имѣетъ смиреніе въ самомъ робкомъ своемъ помысленіи. Она (жизнь святыхъ) не должна быть такъ бережливою, чтобы простираться до скуности; потому что скуность болышею частію желаетъ считаться бережливостію, чтобы казаться по справедливости и необходимости удерживающею то, чего по милосердію не хочетъ издержать на бѣднаго ближняго. Не должна быть и такъ милосердою, чтобы простираться до расточительности; потому что иногда расточительность считается милосердіемъ. Ибо иное значитъ-подавать ближнимъ необходимое по ревности къ благочестію, а иное — расточать имѣніе безъ ожиданія награды. И такъ что дѣлается, то надобно обсуживать потому корню намѣренія, по которому оно обсуживается на судѣ Творца. • Поэтому тотъ же Творецъ и говоритъ: *егда око твое просто будетъ, все тѣло твое свѣтло будетъ* (Лук. XI, 34). *Окомъ* называетъ Онъ именно намѣреніе, а *тѣломъ* дѣйствіе. Потому что, если намѣреніе наше будетъ предъ Богомъ просто, то наше дѣйствіе на судѣ Его не будетъ темнымъ. И такъ, поеліку святые мужи неусынно бдѣтъ, чтобы со всѣхъ сторонъ осма-

тривать себя, и вездѣ оберегать, чтобъ или не пожелать зла ради его самаго, или не учипить его подѣ видомъ добра, то есть, дабы обманчиво не допустить въ себя пороковъ, какъ добродѣтелей: то они имѣютъ все *тѣло исполненное очесъ* вокругъ; потому что всякое ихъ дѣйствіе и наполняется и окружаетъ предусмотрительностію заботливости.

3. Поэтому-то Апостоль Павелъ, когда желалъ, чтобы Коринѳяне сжалились надъ нѣкоторымъ кающимся о содѣянномъ преступленіи, говоритъ: *ему же аще что даруете, и азъ: ибо азъ аще что даровахъ, васъ ради, о мѣнь Іисусъ Христовъ, да не обидимы будемъ отъ сатаны; не не разумѣваемъ бо умышлений его* (2 Кор. II, 10. 11). Если нужно было пощадить, то почему знаменитый учитель по толикому смиренію соглашается съ волею учениковъ такъ, чтобы не казаться раздѣленными, ни ему съ учениками, ни ученикамъ съ нимъ, въ дѣлѣ состраданія, если не потому, что онъ заботливымъ объёмъ предусмотрительности обращаетъ вниманіе на то, что большею частію, когда одинъ дарить, другой гнѣвается. И какая уже та жертва милосердія, которая приносится съ разногласіемъ ближняго? Поэтому (Апостоль) правильно говоритъ: *да не обидимы будемъ отъ сатаны, не не разумѣваемъ бо умышлений его*. Потому что онъ (сатана)

обыкновенно насылаеть зло на вздорное сердце другаго именно оттуда, откуда усматриваетъ, что другою исполнить обязанность благочестія. Ибо не совершенно то добро, которое совершается такъ, что не обращается вниманіе на то, дабы въ него не вкралось съ другой стороны какое нибудь зло, если нѣтъ вины не дѣлать того, что не можетъ быть сдѣлано безъ соблазна для кого либо.

4. Но это мы говоримъ для того, чтобы довести до свѣденія любви вашей, что въ добромъ нашемъ дѣлѣ иногда надобно остерегаться соблазна ближняго, а иногда презирать его. Этому мы научились изъ примѣра Виповника нашего, Который, когда требовали съ Петра вывѣдываніемъ пошпины, прежде предложимъ притчу, чрезъ которую отвѣчалъ, что Онъ ничѣмъ не обязанъ, говоря: *Царіе земстїи отъ кїихъ прїемлютъ дани или кинсонъ; отъ своихъ ли сыновъ, или отъ чужихъ* (Мат. XVII, 25)? Когда ему отвѣтили: *отъ чужихъ*, Онъ тотчасъ присовокупилъ: *убо свободни суть сынове* (ст. 26). Но послѣ того, какъ доказалъ, что Онъ свободенъ (отъ пошпины), дабы не подать кому либо соблазна; присовокупилъ: *но да не соблазимъ ихъ, шедъ на море, верзи удицу, и, юже прежде имейи рыбу, возми: и отверзъ уста ей, обрящещи статуръ: той вземъ даждь имъ за мя и за*

ся (ст. 27). Но когда Онъ говорилъ, что *не входящее во уста сквернитъ человека: исходящее изъ устъ, то сквернитъ человека: тогда приступльше ученицы Его, рша Ему: вси ли, яко фарисее слышавше слово соблазнишася* (Мат. XV, 11. 12)? Онъ же отвѣщавъ рече: *всякъ садъ, екоже не насади Отецъ мой небесный, изкоренится. Оставьте ихъ: вожди суть слѣти слѣтцемъ* (ст. 13. 14). Вотъ поучительная Истина выдала пошлину, которой выдавать была не обязана, для того, чтобы не породить соблазна въ сердцахъ; и опять, когда видѣла, что рождается соблазнъ въ сердцахъ нѣкоторыхъ противъ истины, тогда дозволила имъ оставаться въ своемъ соблазнѣ.

5. Изъ этого примѣра намъ должно заключить, что мы должны избѣгать соблазна ближнихъ, на сколько мы можемъ это дѣлать безъ грѣха. Но если соблазнъ замѣствуется отъ истины; то полезнѣе позволять рождаться соблазну, нежели оставлять истину.—Итакъ тѣла животныхъ *исполнены очесъ*, такъ какъ онѣ со всѣхъ сторонъ осматриваютъ себя.

6. Но намъ надобно знать, что часто мы, обращая вниманіе на одни предметы, оставляемъ безъ вниманія другіе; и куда мы не обращаемъ вниманія, тамъ безъ сомнѣнія не имѣемъ глаза. Ибо, по

свидѣтельству Евангелія, мы знаемъ, что говорилъ тотъ фарисей, который взошелъ въ храмъ помолиться. Ибо онъ говоритъ: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю* (Лук. XVIII, 11). И опять правильно благодарилъ Бога, отъ Котораго получилъ тѣ блага, которыя сотворилъ. Но опять еще присовокупляетъ: *яко нѣсмь якоже прочіи чловѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Пошуся два краты въ субботу, десятину даю всего, елико притяну* (ст. 11. 12). Вотъ фарисей имѣлъ око для воздержанія, для милосердія, для прославленія Бога, но не имѣлъ ока для стражи смиренія. И что пользы въ томъ, что почти весь городъ бдительно охраняется отъ нападешій враговъ, если оставляется одинъ открытый проходъ, чрезъ которой можно войти въ него врагамъ? Что пользы въ стражѣ, которая почти повсюду ставится, когда врагамъ открытъ цѣлый городъ небреженіемъ объ одномъ мѣстѣ? Фарисей же, который выполнялъ посты, отдавалъ десятины, возсылалъ хвалы Богу, бодрствовалъ на стражѣ своего города, какъ бы почти со всѣхъ сторонъ. Но посліуку онъ оставилъ безъ вниманія одинъ въ него проходъ гордости; то и пропустилъ врага тамъ, гдѣ небреженіемъ закрылъ око. Игакъ, посліуку сердца святыхъ повсюду бодрствуютъ, осматривая вокругъ самихъ

себя, и во всякомъ своемъ дѣлѣ вращаютъ взоръ страха и опасенія, дабы, или не учинить зла, или не опустить заповѣданнаго добра, или по совершеніи добрыхъ дѣлъ не возгордиться въ своихъ помысленіяхъ, и не учинить тѣмъ болѣе тяжкаго грѣха, чѣмъ болѣе совнѣ кажутся праведниками, и не согрѣшать въ тайнѣ: то справедливо говорится: *все тѣло ихъ исполнено очесъ вокругъ.*

7. Еще надобно знать, что въ древнемъ переводѣ не говорится: *все тѣло ихъ исполнено очесъ вокругъ*, но говорится: *плечи ихъ исполнены очесъ.* Эта именно мысль не разногласитъ съ разумомъ назиданія. Ибо то, что предъ лицомъ, часто имѣютъ обыкновеніе сохранять даже грѣшныя люди. Но о праведныхъ мужахъ говорится, что они имѣютъ глаза на плечахъ; потому что блюдутъ себя даже отъ того, чего не видно по прямому направленію и предъ лицомъ. Слѣдовательно тѣ, которые усматриваютъ и то, что сокровенно, и оберегаютъ себя отъ того, чего нельзя видѣть, дѣйствительно имѣютъ глаза на плечахъ. Впрочемъ это можно разумѣть и иначе; потому что находящеся предъ лицомъ нашимъ мы видимъ, а плечъ своихъ, видимыхъ у насъ другимъ, мы сами видѣть не можемъ. Но поелику святые мужи тщательно осматриваютъ себя въ томъ, въ чемъ могутъ быть осуждаемы другими, и вѣрно

видятъ себя, какъ часто бываютъ видимы отъ другихъ, которые въ себѣ не знаютъ даже того, что могли скрыть: то они на плечѣ носятъ свѣтъ. Далѣе слѣдуетъ: *и внигда шествовати животнымъ, шествоваху и колеса, держащяся ихъ: и внигда воздвизатися животнымъ отъ земли, воздвизахуся и колеса.*

8. Шествуютъ животныя, когда святые мужи уразумѣваютъ изъ Св. Писанія, какъ надобно жить нравственно. Но воздвизаются животныя отъ земли, когда святые мужи возвышаются въ созерцаніи. И послѣднѣй каждый изъ святыхъ, на сколько самъ сдѣлаетъ успѣха въ Св. Писаніи, на столько же это Св. Писаніе произведетъ успѣха на него самаго: то справедливо говорится: *внигда шествовати животнымъ, шествоваху и колеса, держащяся ихъ: и внигда воздвизатися животнымъ отъ земли, воздвизахуся и колеса*; потому что Божественныя изреченія растутъ вмѣстѣ съ читающимъ; ибо каждый столь высоко разумѣетъ ихъ, сколь высокое обращаетъ на нихъ вниманіе. Поэтому колеса не возвышаются, если не возвышаются животныя; потому что, если умы читающихъ не поднимутся на высоту, то Божественныя изреченія какъ бы на землѣ лежатъ, безъ разумѣнія. Ибо, когда для кого либо изъ читающихъ рѣчь Св. Писанія кажется холодною (ес-

ли смыслъ Божественнаго изреченія кажется холоднымъ), и не возбуждаетъ ума его, и онъ въ помысленіи своемъ не озаряется никакимъ свѣтомъ разумѣнія: тогда колесо праздно и остается на землѣ, потому что животное не воздвигается отъ земли. Но если животное пойдетъ, т. е. будетъ отыскивать порядокъ добродѣтельной жизни, и шестви́емъ сердца найдетъ, какъ положить начало шестви́ю добраго дѣла: то пойдутъ равномѣрно и колеса; потому что ты въ священномъ изреченіи находишь пресвѣтлѣе столько, сколько самъ у него преусиѣешь. Но если пернатое животное въ созерцаніи устремится въ горняя, то и колеса тотчасъ воздвигаются отъ земли; потому что ты не признаешь земнымъ то, что прежде, по твоей увѣренности, въ священномъ изреченіи казавось сказаннымъ по земному обыкновенію. И бываетъ то, что слова Св. Писанія суть слова небесныя, по твоему чувству, если, возженный благодатию созерцанія, ты возвышаешься къ небесному. И познается дивная и неслыханная сила священнаго изреченія, когда духъ читающаго бываетъ проникнутъ горнею любовію. И такъ колесо взлетаетъ на верхъ потому, что животное поднимается вверхъ. Далѣе слѣдуетъ: *куда шель духъ, туда при шестви́и духа равно поднимаются и колеса, послѣдую за нимъ* (ст. 20). (а).

а) Опять это переводъ съ Латинскаго подлинника, въ ко-

9. Ибо куда стремится духъ читающаго, туда возвышаются и Божественныя изреченія; потому что, если ты будешь видѣнiемъ и чувствованiемъ отыскивать въ нихъ что либо высокое, то эти самыя священныя изреченія возвышаются вмѣстѣ съ тобою; съ тобою поднимаются вверхъ. Но хорошо о гѣхъ же: колесахъ говорится: *послѣдуя за нимъ*. Ибо, если духъ читающаго желаетъ знать въ нихъ правственное, или историческое, то за нимъ послѣдуетъ смыслъ правственно — историческiй. Если (желаетъ знать) смыслъ типическiй, то тотчасъ узнается образное выраженiе. Если (желаетъ знать) что либо созерцательное, и колеса тотчасъ получаютъ какъ бы крылья, и возносятся на воздухъ; потому что въ словахъ священнаго изреченія открывается разумѣнiе небесное. Итакъ, *куда шель духъ, туда при шествiи духа равно поднимаются и колеса, послѣдуя за нимъ*. Ибо колеса слѣдуютъ за нимъ. Ибо колеса слѣдуютъ за духомъ, потому что слова священнаго изреченія, какъ часто уже говорено было,

второмъ текстѣ читается такъ: *quocumque ibat spiritus, illuc eunte spiritu et rotae pariter leuabantur, sequentes eum*. Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненiе Святителя. Славянскiй же переводъ этого текста читается такъ: *идеть же тамъ бже облакъ, тамо бжитъ и духъ, сже шествовати, шествовати и животныя, и колеса воздвизахуся съ ними*.

возрастаютъ чрезъ разумѣніе по смыслу читающаго.

10 Ибо въ одной и тойже мысли Писанія одинъ доволствуется только исторіею, другой отыскиваетъ типическое значеніе, а третій чрезъ типъ ищетъ разумѣнія созерцательнаго. И большею частію бываетъ такъ, что въ одной и тойже мысли, какъ сказано, можно пайти всѣ три вмѣстѣ. Ибо Моисей, когда замѣтилъ горящую купину (Исх. III, 3), подошелъ къ ней ближе, чтобы видѣть зрѣлище; и вотъ купина горѣла, а не старала. Это есть великое чудо. Если ты въ немъ останавливаешься на одной только исторіи, то и въ ней есть лица для души читающаго, чтобы тебѣ видѣть, что въ деревѣ огонь горитъ, а дерева не сожигаетъ. Но если ты ищешь разумѣнія типическаго: то что означало пламя, если не законъ, о которомъ написано: *въ деснице Его огненный законъ* (Второз. XXXIII, 2)? И что купина, если не народъ Іудейскій, окруженный колючками грѣховъ своихъ. Но горящая купина не могла сгорѣть; потому что Іудейскій народъ хотя и получилъ огонь закона, однакожь и колючекъ грѣховъ своихъ не опалилъ, и пороковъ не пожегъ пламенемъ Божественнаго Слова. Иной, быть можетъ, въ этомъ событіи чрезъ типъ желаетъ созерцать большее. Послѣднѣе смыслъ его возрастаетъ, то поднимаются и колеса. Ибо среди людей содѣлался совер-

шпшнымъ челоуѣкомъ Единородный Сынъ Божій, Который не имѣлъ своихъ грѣховъ, но принятью ключки нашего нечестія, и благоволилъ за насъ смириться даже до страданія, и принять на Самаго Себя огонь нашего несечастія. Но горѣлъ, и не сгоралъ; потому что хотя и умеръ до челоуѣчеству, одако же пребылъ безсмертнымъ по Божеству. Онъ заимствовалъ отъ насъ то, что нужно было для жертвы за насъ, и одако пребылъ нестрадаемымъ и неизмѣняемымъ въ собственныхъ свойствахъ, чтобъ измѣнить насъ въ нашихъ свойствахъ. Иной, быть можетъ, чрезъ исторію отыскиваетъ нравственнаго смысла, а другой чрезъ уразумѣніе иносказанія стремится къ созерцанію. По исторіи всѣмъ извѣстно то, что написано въ законѣ, чтобъ у голубя, приносимаго въ жертву за грѣхъ, отрывается голова до перушковъ такъ, чтобы оставалась на шею, а не совсѣмъ была отторгасма (Лев. 1, 15. V, 8). Въ этихъ словахъ для читающихъ несомнѣненъ смыслъ историческій. Но если ты желашь это разумѣть въ нравственномъ смыслѣ, то колесо приводится въ дѣйствіе, когда мысль священнаго слова возводится къ нравственному разумѣнію. Ибо сами мы въ жертвопринощеніи всемогущему Богу должны быть голубями, такъ чтобы голова наша была отрывасма до перушковъ, т. е. душа до добродѣтелей. Ибо не безъ

основанія мы разумѣемъ подъ головою душу; потому что, какъ голова управляетъ тѣломъ, такъ душа дѣйствіями. Но голову отрывать заповѣдуются до перушковъ, чтобы ты исполнялъ то, что говоришь, и уста соединялъ съ дѣлами. Но голову надобно было отрывать такъ, чтобъ она отъ тѣла была отдѣляема; но частию оторванную заповѣдуются оставлять ее при своемъ тѣлѣ, именно потому, что душа должна быть оторвана отъ плотскаго усажденія, но не должна быть оторвана отъ понечснаго необходимаго. Ибо поэтому написано: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14). Итакъ, что запрещается дѣлать *въ похоти*, то безъ сомнѣнія дозволяется въ необходимости. Итакъ голова голубя частию оторвана, а частию не оторвана, чтобы, какъ сказано, душа наша была оторвана отъ похоти плоти, и однако же не оторвана отъ необходимости. Что, если кто либо этотъ родъ жертвоприношенія подъ типическимъ смысломъ нашего Испытателя возведетъ къ созерцанію? Итакъ, пусть смѣло возвышается духъ, пусть поднимаются животныя, чтобы вмѣстѣ съ ними поднимались колеса. Ибо кто наша глава, если не Испытатель рода человѣческаго? О Немъ написано: *Того даде главу выше всехъ Церкви, яже есть тѣло Его* (Еф. 1, 22—23). Когда Иудеи преслѣдовали Его, тогда усп-

ливались истребить на землѣ имя Его. И когда увидѣли распятымъ и погребеннымъ, тогда подумали, будто Онъ оторванъ отъ любви всѣхъ людей. Но глава голубя и оторвана была, и однако же отъ тѣла своего не отдѣлена; потому что тѣмъ, что претерпѣлъ за насъ смерть, Онъ всѣхъ тѣснѣе соединилъ съ Собою чрезъ самую смерть свою; и чрезъ то, что Онъ видимо отвлекъ Себя отъ очей нашихъ, невидимо укоренилъ Себя въ душахъ нашихъ. Итакъ оторванная голова голубя соединилась съ тѣломъ; потому что, хотя Искушитель нашъ пострадалъ за насъ, но отъ насъ не отдѣлился чрезъ страданіе. Итакъ, поелику изреченія Св. Писанія возвышаются съ духомъ читающихъ: то правильно теперь говорится: *куда шель духъ, туда при шествіи духа равно поднимаются и колеса, постыдуя за нимъ.* И еще присовокушляется: *эже духъ жизни бляше въ колесахъ* (ст. 20).

11. Ибо духъ жизни въ колесахъ находится потому, что мы чрезъ священныя изреченія оживотворяемся дарованіемъ духа, для отраженія отъ себя дѣлъ смертоносныхъ. Еще можно разумѣть и такъ, что духъ шествуетъ, когда Богъ соприкасается къ духу читающаго разными способами и распоряженіями, когда словами священнаго изреченія, то возбуждая ревность, побуждастъ къ отпущенію, то рас-

полагасть къ терпѣнію, то внушаетъ расположеніе къ проковѣданію, то сокрушаетъ до слезъ покаянія. Но прослѣдимъ кратко тѣ самыя слова, которыя мы высказали, и посмотримъ, какимъ образомъ колеса послѣдуютъ духу, называемому духомъ жизни, и находящемуся въ колесахъ.

Извѣстно, что если духъ жизни коснулся духа читающаго пламенемъ ревности, то сей тотчасъ въ священныя изреченія видить, что Моисей, возвращаясь въ полкъ, и узпавъ, что народъ впалъ въ грѣхъ идолопоклонства, но пламенной ревности духа избилъ его мечами (Исх. XXXII, 27); что Финеесъ, преслѣдуя нечистоту, мечемъ умилоствилъ грѣвъ Господень (Числ. XXV, 8); что Петръ лжецовъ поразилъ и убилъ словомъ (Дѣян V, 5. 10); что Павелъ негоднымъ ученикамъ угрожаетъ палкою (1 Кор. IV, 21).

12. Если духъ жизни располагаетъ духъ читающаго къ сохраненію терпѣнія, то за нимъ тотчасъ послѣдуютъ и колеса; потому что въ священныхъ изреченіяхъ онъ находитъ, что Моисей и Ааронъ, когда за справедливость подверглись преслѣдованію народа, притекли къ Скинии съ молитвою о томъ самомъ народѣ, отъ котораго убѣжали (Числ. XX, 6). Святыя души ихъ и негодованіе гордыхъ перенесли, и не увлеклись ненавистію противъ нихъ.

Ибо истинное терпѣніе есть то, которое любить даже того, отъ кого переносить. Ибо переносить, и ненавидѣть, не есть добродѣтель кротости, но прикрытіе неистовства. Въ томъ же самомъ Писаніи (1 Цар. VIII, 22) онъ (духъ читающаго) находитъ, что Самуиль, лишаемый власти, признается, что онъ молился даже за лишающихъ; что никто изъ святыхъ иначе не достигаетъ небесной славы, какъ сохраненіемъ терпѣнія; что самъ Виновникъ рода человеческого претерпѣлъ ошлеванія, заушенія, терновый вѣнецъ, крестъ, копіе, и не смотря на то, молился за преслѣдователей.

13. Если духъ жизни побуждаетъ духъ читающаго къ ревности проповѣданія; то за нимъ тотчасъ слѣдуютъ и колеса; потому что онъ въ Св. Писаніи находитъ Моисея, по повелѣнію Господню явившагося къ Царю Египетскому, и свободно предъ нимъ проповѣдавашаго (Исх. V — X); что Стефанъ вѣроломнымъ Іудеямъ говорилъ: *вы присно Духу Святому противитесь* (Дѣян. VII, 51), даже ноуъ камнями не имѣлъ страха (ст. 59. 60); что Петръ, высѣченный батогами, чтобы не говорилъ во имя Іисуса, съ великою свободою отвѣчалъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели челоукомъ* (Дѣян. V, 29); что Павелъ, заключается въ узы (Филип. 1, 14), но для Слова Божія пѣтъ узы (2 Тим. II, 9).

14. Если духъ жизни располагаетъ (духъ читающаго) къ слезамъ покаянія; то за нимъ тотчасъ слѣдуютъ и колеса, когда слова Св. Писанія указываютъ на кающагося Давида; что опъ, обличенный Пророкомъ, не устыдился признаться въ преступленіи предъ обличающимъ подданнымъ, потому что отвергъ подданство Царю небесному (2 Цар. XII, 13); что мытарь, который призналъ себя виноватымъ въ своемъ печестіи, хотя пришелъ во храмъ неправеднымъ, однакожь изъ храма вышелъ оправданнымъ (Лук. XVIII, 13. 14); что Петръ пятна отреченія омылъ слезами (Мат. XXVI, 75); что разбойникъ, сознавшійся на крестѣ въ виновности, въ самой уже смерти получилъ прощенье (Лук. XXIII, 43). Объ этихъ колесахъ Пророкъ еще повторяетъ тоже самое, и присовокупляетъ: *всегда идяху сія, идяху (и колеса), и всегда стояти имъ, стояху (и колеса съ ними): и егда воздвизахуся отъ земли, воздвизахуся съ ними (и колеса), яко духъ жизни бляше въ колесяхъ*, (ст. 21).

15. Это, какъ вы, возлюблѣннѣйшіе братіе, знаете, болысю частію было уже сказано, но въ повѣствованіи описаніе повторяется. Не обленимся же и мы кратко повторить тоже въ объясненіи, что Духъ благоизвоилъ чрезъ Пророка повторить въ повѣствованіи. Ибо въ этихъ словахъ новая при-

бавка состоитъ только въ томъ, что сказано: *всегда стояти имъ, стояху (и колеса съ ними)*. Есть иѣкоторые, которые достигаютъ такого совершенства, что умѣютъ хорошо распорядиться земными благами, имъ принадлежащими. усердно записываются дѣлами милосердія, помогаютъ угнетеннымъ. Они **именно идутъ** тѣмъ, что стремятся къ пользѣ ближняго. Поэтому и колеса идутъ съ ними; потому что священныя изреченія распорядятся устройствомъ шествія ихъ по пути. И **есть** другіе, которые такъ тверды въ содержаніи принятой ими вѣры, что могутъ противустоять всѣмъ нападѣніямъ на нее, и не только сами не увлекаются къ развращенію вѣроломства, но и пресобѣждаютъ говорящихъ развращенное, и привлекаютъ ихъ къ правовѣрію. Съ этими стоящими стоятъ такъ же и колеса; потому что слова Св. Писанія утверждаютъ ихъ въ правовѣрїи, когда тѣ слышатъ въ нихъ *стойте, и держите преданія, имъ же научитесь* (2. Сол. II, 15). И еще: *супостатъ ваиъ діаволь яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити: ему же противитеся тверди въ вѣрь* (1 Петр. V, 8. 9). И есть еще другіе, которые презираютъ все земное, отвергаютъ все преходящее, и углубляются, какъ сказано, въ созерцанія Бога. Поэтому съ ними, возвышающимися, возвышаются равномерно и колеса; потому что

каждый преуспѣваетъ въ горнемъ на столько, на сколько говорятъ ему о горнемъ священныя изреченія. Итакъ шествуютъ животныя къ пользѣ ближняго, стоятъ на стражѣ самихъ себя, воздвизаются къ созерцанію Бога.

16. Но и колеса равнымъ образомъ идутъ, стоять, воздвизаются; потому что искомое священное чтеніе находится таковымъ, каковъ и тотъ, къмъ отыскивается. Ибо, если ты отправился къ дѣятельной жизни, то оно (колесо) идетъ съ тобою. Ты сосредоточилъ вниманіе на неподвижности и постоянствѣ духа, оно стоитъ съ тобою. Ты по благодати Божіей воспарилъ къ созерцанію, оно возлетаетъ съ тобою. И опять присовокупляется: *яко духъ жизни быше въ колесѣхъ*. Во второй разъ говорится, что духъ жизни былъ въ колесахъ потому, что въ Св. Писаніи два Завѣта, которые оба благоволили написать Духъ Божій для того, чтобъ освободить насъ отъ смерти душевной. Или потому, что двѣ заповѣди о любви, именно, о любви къ Богу; и любви къ ближнему, чрезъ которыя обѣ изреченія Св. Писанія оживотворяютъ насъ. Итакъ во второй разъ говорится, что духъ жизни былъ въ колесахъ потому, что мы къ любви Бога и ближняго располагаемся Божественными изреченіями. Ибо посредствомъ заповѣдей Св. Писанія оживотворяемъ

ся мы, которые лежали мертвыми въ грѣховности. Поэтому Псалмопѣвецъ говоритъ всемогущему Богу: *во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси* (Псал. СХVIII, 93). Ибо оправданіями называются заповѣди Господа, которыми Онъ исправляя, оправдываетъ насъ. О нихъ Псалмопѣвецъ яснѣе говоритъ: *во оправданіихъ твоихъ научуся: не забуду словесъ твоихъ* (Тамъ же, ст. 16). Итакъ Онъ оживотворяетъ насъ ими, потому что чрезъ нихъ показываетъ намъ духовную жизнь, и вливаетъ ее въ наши души чрезъ дуновение Духа. Поелику это по дару благодати совершается въ душахъ избранныхъ каждодневно, то справедливо говорится: *духъ жизни бже въ колесяхъ*.

17. Это Писаніе для насъ во мракѣ настоящей жизни есть свѣтъ на пути. Поэтому-то Петръ говоритъ: *вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ* (2 Петр. 1, 19). Поэтому-то и Псалмопѣвецъ говоритъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. СХVIII, 105). Впрочемъ мы знаемъ, что и самый нашъ свѣтильникъ для насъ темень, если не освѣщаетъ его для нашихъ душъ истина. Поэтому Псалмопѣвецъ опять говоритъ: *яко Ты просвѣтиши свѣтильникъ мой, Господи; Боже мой, просвѣтиши тму мою*

(Псал. XVII, 29). Ибо что такое горящій свѣтиль-никъ, если не свѣтъ? Но сотворенный свѣтъ для насъ не свѣтитъ, если самъ не освѣщается отъ свѣта несотвореннаго. Итакъ, поелику всемогущій Богъ для нашего спасенія Самъ и сотворилъ изреченія Священныхъ Завѣтовъ, Самъ и открылъ: то духъ жизни былъ въ колесахъ. Далѣе слѣдуетъ: *и подобіе надъ главою животныхъ яко твердь, яко видѣніе кристалла; простертое надъ крилами ихъ свыше* (ст. 22).

18. Это, по милосердію Божію, мы объяснимъ двоякимъ образомъ, дабы предоставить суду читателя, что ему выбрать. Ибо подъ именемъ *тверди* можно разумѣть небесныя власти. Это *твердь* справедливо называется *яко видѣніе кристалла*; потому что твердый кристаллъ хотя и составляетъ рѣдкость, однакожь плотнымъ дѣлается отъ воды. И бѣстество Ангельское, по сотвореніи его, получило свободную волю, хочетъ ли оно устоять въ смиреніи, и пребывать въ лицезрѣній всемогущаго Бога, или пасть въ гордость, и лишиться блаженства; но оно поставило себѣ въ обязанность, чтобъ уже рѣшительно не имѣть возможности къ паденію;) поэтому въ естествѣ своемъ превратилось какъ бы въ вѣщественный кристаллъ, потому что не можетъ быть уже измѣняемымъ. Этотъ кристаллъ называется

страшнымъ (а) и простёртымъ надъ крыльями (б) животныхъ; потому что тѣ Ангельскія власти, которыя предстоятъ лицу всемогущаго Бога, для насъ, находящихся еще въ этомъ поврежденномъ состояніи, страшны и ужасны. Ихъ радости нынѣ представляются надъ главами животныхъ; потому что пресыщаютъ понятія нашихъ умовъ. Ибо кто можетъ въ поврежденномъ тѣлѣ постигнуть, какова должна быть та неизреченная и безконечная радость Ангеловъ? Какое блаженство, непрестанно видѣть лице Создателя, и въ наслажденіи его пребывать безъ измѣняемости?

19. Но можно подъ именемъ тверди образно разумѣть и Самого нашего Искупителя, истиннаго Бога надъ всѣми, и содѣлавшагося посреди всего истиннымъ человѣкомъ, въ Которомъ наше естество укрѣплено у Отца. О Немъ даже чрезъ Псалмопѣвца пророчесвенно говорится: *да будетъ рука Твоя на мужа десницы Твоя, и на сына ч-*

а) Понятіе, опущенное въ Славянскомъ переводѣ, но помѣщенное въ Латинскомъ подлинникѣ, съ котораго переведены бесѣды.

б) Въ Латинскомъ подлинникѣ сказано: *надъ главами (super capita)* и весь текстъ читается такъ: *et similitudo super capita animalium firmamenti, quasi aspectus crystalli horribilis, extenti super capita eorum desuper.*

ловъческаго, егоче укрьтилъ еси себѣ (Псал. LXXIX, 18). Ибо чловѣческое естество, прежде неже и оно было принято Создателемъ всяческихъ, было землею; потому что не было *твердію*. Согрѣшившему чловѣку сказано: *земля еси, и въ землю отыдеши*. Но послѣ того, какъ оно принято Виновникомъ всяческихъ, вознесено на небо, и поставлено выше Ангеловъ, содѣлалось твердію, которое было землею. Но чему подобна видимая твердь, далѣе присовокупляется, когда говорится; *яко видиміе кристаллы страшиши*. Кристаллъ, какъ сказано, огуствѣваетъ изъ воды, и дѣлается твердымъ. Но мы знаемъ, какаѣ подвижность воды. Тѣло же Искушителя нашего, подвергавшееся до самой смерти страданіямъ, въ нѣкоторомъ отношеніи было подобно водѣ; потому что чрезъ рожденіе, возрастаніе, усталость, алчбу, жажду, умраніе, оно до страданія его подвижно протекало чрезъ моменты времени. Взвирая на теченіе его, Пророкъ говоритъ: *возрадуется яко исполнилъ теци путь* (Псал. XVIII, 6). Но поелику оно чрезъ славу воскресенія своего изъ самаго своего поврежденія укрьнилось силою невредимости: то, подобно кристаллу, изъ воды содѣлалось твердымъ, такъ что въ немъ и тоже самое естество осталось, и не осталось измѣняемости поврежденія, которая была въ немъ. Итакъ вода превратилась въ кристаллъ, ког-

да слабость поврежденія его чрезъ воскресеніе измѣнилась въ твердость невредимости.

20. Но надобно замѣтить, что этотъ *кристаллъ* называется *страшнымъ*, т. е. ужасающимъ. Но кто не знаетъ, какъ красивъ кристаллъ? И дивно, какимъ образомъ въ этомъ кристаллѣ соединяется красота со страхомъ. Но всѣмъ знающимъ истину извѣстно, что когда Искушитель рода человѣческаго явится Судією, тогда Онъ будетъ и красивъ для праведныхъ и страшенъ для неправедныхъ. Ибо Кого видятъ кроткимъ избранные, Того же самаго видятъ ужасающимъ и страшнымъ нечестивые. Но избранные не увидятъ Его страшнымъ тогда потому, что нынѣ непрестанно разсуждаютъ о страхѣ Его. Ибо тщательно обсуживаютъ, коль страшнымъ придетъ Онъ на судъ; оплакиваютъ прежде содѣянные ими беззаконія, настоящихъ избѣгаютъ, страхъ Его ежедневно обносятъ предъ очами души, и непрестанно обсуживаютъ, коль страшнымъ Онъ явится, и страшась, ежедневно поступаютъ такъ, чтобы не страшиться Его, когда придетъ. И такъ подобно надъ главами животныхъ, яко твердь, яко виднѣе кристалла страшнаго. А поелію самый страхъ Того, Кого обдержатъ въ своихъ помысленіяхъ (избранные), прикрываетъ души ихъ: то справедливо прпсовокупляется: *простертое надъ главами ихъ*

свише. Эта твердь, которая, какъ бы видѣніе кристалла, является надъ главами тѣхъ животныхъ, и страшною и простертою, потому что она страшишь души праведныхъ оттуда, откуда прикрываетъ. Ибо, если бы Онь (Искупитель) не былъ страшнымъ въ сердцахъ ихъ; то не былъ бы защитникомъ, какъ отъ грѣховъ, такъ и отъ наказаній. Но послыку они всегда помышляютъ о качествѣ страха суднаго; то и сохраняютъ крылья добродѣтелей въ прямотѣ. Поэтому хорошо тотчасъ присовокупляется: *и подъ твердію крыла ихъ простерта, паряще другъ ко другу* (ст. 23).

21. Крылья добродѣтелей бываютъ простертыми подъ твердію тогда, когда благо, которое имѣеть одинъ, употребляетъ для другаго, такъ что, кто получилъ земное богатство, помогаетъ въ недостаткѣ нуждающемуся ближнему; кто исполнилъ благодати ученія, тотъ словомъ проповѣди своей разсѣваетъ мракъ въ невѣжествующемъ ближнемъ; кто облеченъ временною властію, тотъ защищаетъ притѣсненныхъ отъ притѣснителей; кто исполнилъ духа пророчества, тотъ, убѣждая къ добру, предотвращаетъ отъ жизни ближняго угрожающія несчастія; кто получилъ благодать врачеванія, тотъ благочестиво и смиренно употребляетъ свое противодѣйствіе на врачеваніе больныхъ; кто, будучи свобо-

день отъ земныхъ дѣлъ, рѣшился служить единому Богу, тотъ молился за беззаконующихъ ближнихъ.) И часто бываетъ, что привязанный къ земному богатству не столько бодрствуетъ на молитвѣ, сколько долженъ. А большюю частію бываетъ то, что отрѣшившійся отъ всѣхъ тягостей міра употребляетъ все время на молитву ко Господу, но не имѣетъ средствъ къ поддержанію жизни. Но когда богатый доставляетъ пищу и одежду бѣдному, и когда бѣдный употребляетъ молитву свою на спасеніе души богатаго; тогда крылья животныхъ простираются, *наряще другъ ко другу.* Ибо, когда тотъ мнѣ говоритъ слово назиданія, и свѣтомъ истины изгоняетъ изъ сердца моего мракъ невѣднія; и когда я ему, — такъ какъ онъ, быть можетъ, терпитъ притѣсненіе отъ сильнаго міра сего, — даю утѣшеніе моимъ заступничествомъ, и вырываю его изъ рукъ насилующаго: то мы простираемъ крылья свои взаимно другъ къ другу, такъ что мы душевнымъ расположеніемъ и взаимною помощію касаемся другъ друга изъ того блага, которое мы получили. Поэтому хорошо увѣщаетъ первоверховный Пастырь, говоря: *близокъ конецъ всему. Итакъ поетунайте благоразумнѣе, и бодрствуйте въ молитвахъ. Паче же всего усердную любовь имѣйте другъ ко другу; ибо любовь покрываетъ множество грѣховъ.*

Будьте страннопріимны одинъ для другаго безъ роптанія. Служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ (1 Петр. IV, 7—10). И такъ, что у Іезекиіля крило, то у Апостола Петра называется *полученнымъ даромъ*. И что выражаетъ тѣтъ словами: *крила ихъ простерта, паряще другъ ко другу*, то Па́стырь Церкви выражаетъ такъ: *служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ*. Ибо наши крилья уже не бывають простертыми, если онѣ наклоняются къ одной только нашей пользѣ. Но простертыми онѣ бывають тогда, когда мы употребляемъ на пользу ближняго то, что имѣемъ. Такъ какъ наши блага не отъ насъ, но мы получили ихъ отъ Того, Кто даровать намъ бытіе: то тѣмъ болѣе не должны мы удерживать ихъ частно у себя, чѣмъ яспѣе видимъ, что онѣ даны намъ отъ Виновника нашего на общую пользу. Почему Апостоль Петръ въ увѣщаніи къ этому дѣлу справедливо присовокупляетъ, говоря: *какъ вѣрные дѣлайте многоразличной благодати Божіей* (1 Петр. IV, 10). И еще: *говоритъ ли кто, говори по слову Божію; служитъ ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ* (ст. 11). Исно говоритъ онъ какъ бы такъ: смиренно употребляйте благо для ближнихъ, потому что находящееся у васъ не отъ васъ. Ибо каждое крило до-

бродѣтели, когда простирается дарованіемъ къ ближ-
нему, не будетъ распрямлено, если не будетъ имѣть
смиренія.—Далѣе слѣдуетъ: *каждое двумя крила-
ми покрывало тѣло свое, и другое подобно покрыва-
валось* (а).

22. Что чрезъ тѣло дѣйствіе, а чрезъ крылья
означаются добродѣтели, объ этомъ сказали мы вы-
ше (Бессѣд. IV, пунктъ 2). И когда (Пророкъ) го-
воритъ: *подъ твердію крила ихъ простерта, наря-
ще другъ ко другу*: то спрашивается, для чего при-
совокупляется: *каждое двумя крилами покрывало
тѣло свое?* Въ этомъ дѣлѣ ясно показывается, что
онѣ (животныя) и простирали крылья одинъ къ дру-
гому, и однакоже покрывали собственное тѣло дву-
мя крилами. Что это значитъ, если не то, что мы
должны употреблять для другихъ полученныя нами
дарованія такъ, чтобы не преставать осторожно по-
мышлять о томъ, въ чемъ мы согрѣшили, и свою
виновность каждодневно ошлякивать со страхомъ и

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается
такъ: *unumquodque duabus alis uelabat corpus suum, et alte-
rum similiter uelabatur*. Въ Славянскомъ переводѣ такъ: *ко-
муждо два спряжена, прикрывающе тѣлеса ихъ*. Мысль почти
одна и таже; но на Латинскомъ языкѣ она выражена яснѣе,
нежели на Славянскомъ. Поэтому она и переведена съ Латин-
скаго языка.

раскаяніемъ? Ибо выше мы сказали, что два крила, которыми покрывается тѣло, означаютъ страхъ и покаяніе. Итакъ мы должны возрастать въ любви такъ, чтобы крилья простиратъ на ближнихъ, и никогда не оставлять помышленія и сокрущенія о самихъ себѣ. Крилья простираются около насъ, и крилья прикрываютъ тѣла, для того, чтобы мы и въ добрыхъ дѣлахъ представляли примѣры, и чтобы страхъ и покаяніе прикрывали предъ судомъ тѣ грѣхи, которые мы содѣлали. Но въ древнемъ переводѣ объ этихъ крильяхъ говорится: *комуждо два спряжена, прикрывающе тѣлеса ихъ* (а). Изъ этихъ словъ видно, что и самыя крилья, которыя соединялись, были направлены одно къ другому, и тѣ, которыя прикрывали тѣла ихъ. Это образно хорошо означаетъ, что добродѣтели, совершаемыя нами по любви къ ближнимъ, и прикрываютъ насъ предъ всемогущимъ Богомъ, и соединяютъ. Когда мы согласно живемъ съ ближними, тогда прикрываемъ грѣхи, содѣянные нами. Итакъ подъ этими двумя крильями могутъ еще быть разумѣваемы двѣ заповѣди о любви, то есть, любовь къ Богу и ближнему. Ибо любя Бога, мы преслѣдуемъ въ самихъ себѣ грѣхи наши, то есть, прикрываемъ тѣло. А любя ближняго, мы спѣшимъ быть полезными ему,

а) Снеси примѣчаніе на 21 пунктъ этойже VII бесѣды.

чѣмъ только можемъ, то есть, простираемъ крылья къ другому.

23. По присовокупленія: *и другое подобно прикрывалось*, въ древнемъ переводѣ нѣтъ. И можно спросить: почему, послѣ того, какъ сказано: *каждое двумя крылами покрывало тѣло свое*, присовокупляется: *и другое подобно прикрывалось*? Тщательно перечитывая переводы—Семидесяти Толковниковъ, Аквилы, Θεοδοῦσιος и Симмаха, мы этихъ словъ въ нихъ не находимъ. Но читая сочиненія блаженнаго Иеронима, узнаемъ, что эту мысль въ Еврейскомъ текстѣ, хотя не буквально, по крайней мѣрѣ по смыслу онъ находилъ. Ибо можно спросить: почему, послѣ изреченія: *каждое покрывало тѣло свое*, тотчасъ присовокупляется: *и другое подобно прикрывалось*? Ибо, если бы сказано было *одно и другое*; то образъ рѣчи былъ бы правильнѣй. Но послѣ того, какъ сказано: *каждое*, для чего присовокуплять: *и другое*, тогда какъ въ словѣ—*каждое* заключаются всѣ? Но если мы различаемъ жизнь совершенныхъ отъ заслугъ начинающихъ усовершеншаться: то видимъ, что и слова—*каждое* и *другое*—употреблены не безъ основанія. Тѣ, которые и свои грѣхи оплакиваютъ, и крылья добродѣтелей простираютъ на ближнихъ для примѣра, безъ сомнѣнія (люди) совершенные. Но есть много дѣтей,

которыя взирають на слезы ихъ и подражаютъ имъ. И тѣ, которые могли бы оставаться пагими въ своихъ грѣхахъ, разсуждаютъ о бдительныхъ падъ собою мужахъ, возбуждаются къ плачу, и воссламеняются къ покаянію. Но такъ какъ они видятъ, что святые прикрываютъ тѣла свои, то и сами прикрываются крыльями слезъ своихъ. Ибо они сами себя поносятъ жестокими укоризнами за то, почему они не оплакиваютъ грѣховъ своихъ, не имѣя добродѣтелей, тогда какъ не престають плакать даже тѣ, которые уже простираютъ крылья добродѣтелей въ примѣръ для ближнихъ.

24. Поэтому необходимо намъ, еще младенчествующимъ, всегда имѣть въ виду нашей души и добродѣтели, и слезы совершенныхъ. Будемъ подражать тому, что видимъ въ нихъ, для того, чтобы, начавъ постепенное возрастаніе, достигнуть возможности прикрыть отъ онаго праведнаго испытанія то зло, которое мы учинили. Ибо въ непрестанныхъ слезахъ, въ ежедневномъ нашемъ покаяніи, мы имѣемъ на небесахъ Священника, Который ходатайствуетъ за насъ. Объ этомъ Іоаннъ говоритъ: *еще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Исуса Христа, Праведника* (1 Іоан. II, 1). Вотъ нашъ духъ ободряется, когда мы слышимъ о могуществѣ нашего Ходатая. Но ободреніе наше опять

тревожишься **отъ страха**; потому что Тотъ, Кто Ходатай нашъ, **называется праведнымъ**. Ибо мы имѣемъ неправды; **а праведный Ходатай** отнюдь не принимаетъ на Себя ходатайства по дѣламъ неправеднымъ, и не соглашается даже говорить въ пользу неправды. Итакъ что намъ дѣлать, возлюбленнѣйшіе мои братіе? Но вотъ вдругъ пришла мнѣ на мысль, что намъ дѣлать. Осудить тѣ грѣхи, которые учинены нами, и которые желаемъ продолжать. Папиеяно: *праведный себе самое олюлюмникъ въ первоословіи* (Прит. Сол. XVIII, 17). Ибо каждый обратившійся грѣшникъ начинаетъ быть праведникомъ въ слезахъ, когда началъ обвинять то, что онъ сдѣлалъ. Ибо почему не долженъ быть праведникомъ тотъ, кто уже въ слезахъ крѣпко вооружается противъ своей неправды? Итакъ праведный нашъ Ходатай будетъ защищать насъ, какъ праведныхъ, на судѣ; потому что мы и признаемъ, и осуждаемъ самихъ себя, какъ неправедныхъ. Итакъ мы должны надѣяться, не на слезы, не на дѣла свои, но на заступничество нашего Ходатая, Который живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единствѣ Святаго Духа, Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь,

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

Изъясняются стихи—отъ 24-го первой главы до начала второй главы,—и представляется разсужденіе для многихъ, о Божествѣ Христовомъ, о воплощеніи Слова, о проповѣданіи, о составленіи Церкви, о распріостраненіи ея, и единствѣ.

Что чрезъ примѣры праведныхъ многіе начинаютъ усовершенствоваться, объ этомъ сказано въ концѣ предыдущей бесѣды. Но это же самое Пророкъ яспѣе открываетъ намъ, когда къ тому, что онъ сказалъ, еще присовокупляетъ: *и слышахъ гласъ криль ихъ, внигда паряху, яко гласъ водъ многихъ* (I, 24).

1. Въ Св. Писаніи водами обыкновенно означаются народы. Поэтому чрезъ Юанпа говорится: *воды людіе и народи суть* (Апок. XVII, 15). Но народъ означается водами потому, что и въ жизни имѣетъ гласъ отъ возмущенія плоти, и сжедневно течетъ по направленію смертности. Крылья же животныхъ, какъ мы уже часто говорили, суть добродѣтели Святыхъ. Итакъ что значитъ, что Пророкъ *смышитъ гласъ криль, яко гласъ водъ многихъ*, если не то, что по благодати всемогущаго Бога, тѣ крылья добродѣтелей, которыя прежде издавали звукъ въ немногихъ Святыхъ, нынѣ, по распріостраненіи про-

повѣди, отзываются въ жизни многихъ народовъ? Ибо по воплощеніи, страданіи и воскресеніи Господа, не много было пернатыхъ животныхъ; потому что очень рѣдки были тѣ, которые желали бы небснаго, и на крыльяхъ добродѣтелей парили бы въ горня. Но послѣ того, какъ распространилась въ мірѣ проповѣдь о Божествѣ Его, кто можетъ удовлетворительно высказать и оцѣнить, сколько уже младенцевъ, сколько зрѣлыхъ возрастомъ, сколько бодрыхъ юношей, сколько слабыхъ, сколько обратившихся грѣшницъ, сколько старицъ — дѣвственницъ, чрезъ вѣру, надежду и любовь стремятся къ небспому? Вотъ *гласъ криль*, прежде бывшій въ немногихъ животныхъ, нынѣ отзывается уже въ пародахъ; нынѣ крылья добродѣтелей возвыniają уже сонмы міра къ желанію небснаго. Итакъ хорошо говорится: *и слышахъ гласъ криль, яко гласъ водъ многихъ*; потому что, какъ сказали мы выше, тотъ гласъ добродѣтелей, который прежде доходилъ до слуха Божія отъ не многихъ Святыхъ, послѣ сталъ слышимъ *отъ водъ многихъ*, то есть, отъ безчисленныхъ народовъ. Объ этомъ гласѣ и еще хорошо присовокупляется: *яко гласъ Бога Саддаі* (вышняго Бога):

2. Что значить, что *гласъ криль* у святыхъ животныхъ пазывается какъ бы *гласомъ Бога Саддаі*

(вышняго), если не то, что всемогущій Богъ Самъ и наполняетъ сердца Святыхъ желаніемъ небеснаго, Самъ и выслушиваетъ наполненныя? Ибо Самъ Онъ и производитъ любовь въ сердцахъ Святыхъ, Самъ и пріемлетъ молитву отъ любящихъ сердець. Петръ горько плабалъ о своемъ отреченіи, но впереди сказано, что Господь, обратясь, взглянулъ на Петра (Лук. XXII, 61 62). Марія Магдалина, по содѣяніи многихъ грѣховъ, со слезами приходитъ къ ногамъ Искупителя нашего (Лук. VII, 38); по кто настроитъ внутреннее ея расположеніе, если не Тотъ, Кто благосклонно принялъ совиѣ? Кто располагалъ ее къ слезамъ духомъ сокрушенія, если не Тотъ, Кто совиѣ принималъ ее для прощенія при возлежащихъ съ Нимъ? Итакъ Искупитель нашъ привлекалъ сердце грѣшной женщины, когда располагалъ ее къ сокрушенію о виновности, и принималъ ее, чтобъ освободить отъ виновности. Слѣдовательно, тотъ гласъ крилъ хорошо называется какъ бы гласомъ Бога вышняго; потому что совершаемое въ сердцахъ святыхъ есть дѣлю благодати Того, Кто награждаетъ заслуги.

3. Онъ справедливо чрезъ Пророка называется *Богомъ вышнимъ*. Ибо въ Св. Писаніи иногда Богъ называется *наименовательно* (nuncupative), иногда *существенно* (essentialiter). *Наименователь-*

но Онъ называется, когда написано: *се дахъ ты Бога Фараону* (Исх. VII, 1). И какъ Моисей говорить: *Боговъ да не злословити* (Исх. XXII, 28), т. е. Священниковъ. И Псалмонѣвецъ говоритъ: *Богъ ста въ сонмъ боговъ, посредь же бои разсудитъ* (Псал. LXXXI, 1). А *существенно* называется Богомъ, когда Самъ Онъ говоритъ у Моисея: *Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковъ* (Исх. III, 6). Поэтому Апостоль Павелъ, желая различить *наименовательное* имя Божіе отъ *существеннаго*, объ Икупителѣ нашемъ сказалъ, говоря: *ихже отцы, и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 5). Ибо кто называется Богомъ *наименовательно*, тотъ *среди всѣхъ*; а кто *существенно*, тотъ *надъ всеми*. Итакъ, чтобы показать Христа по естеству Богомъ, сказалъ, что Онъ не только Богъ, но и Богъ *надъ всеми*; потому что и каждый избранный, какъ замѣтили мы выше, или постановленный для показанія примѣра правды, можетъ быть наименованъ богомъ, но *среди всѣхъ*, потому что онъ Богъ *наименовательно*; и: Христосъ есть Богъ *надъ всеми*, потому что Онъ Богъ по естеству. Итакъ, Кого Павелъ называетъ Богомъ *надъ всеми*, Того Пророкъ Іезіакинъ называетъ Богомъ *вышнимъ* (*Саддаи*). Но поелику пос-

лѣ того, какъ сказано: *и слышашъ гласъ крилъ ихъ, яко гласъ водъ многихъ*, еще присовокупляется: *яко гласъ Бога вышняго*: то мы еще можемъ разумѣть то, что знаемъ о будущемъ для всѣхъ избранныхъ. Ибо гласъ крилъ, какъ сказали мы, былъ въ Проповѣдникахъ святыхъ; гласъ водъ — въ обращенныхъ и послѣдующихъ народахъ. Но тотъ же самый гласъ будетъ нѣкогда гласомъ Бога вышняго; потому что множество, которое нынѣ привлекается къ вѣрѣ святыми учителями, нѣкогда соберется въ небесное отечество, чтобы тамъ безконечно славословить, когда непрерывно будутъ видѣть Того, Кого должны славословить. И послѣду тогда совершенно тѣломъ Искупителя содѣлывается все множество святыхъ, по слову Павла, который говоритъ: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. VIII, 21); и съ Нимъ тогда соединится такъ, что имъ въ святой любви ихъ ничто не будетъ противорѣчить отъ тлѣнія, которое уничтожается воскресеніемъ, но (все множество) будетъ едино въ славѣ своего Искупителя; то справедливо говорится: *яко гласъ Бога вышняго*.

4. Замѣчательенъ порядокъ описывающаго; потому что прежде говорится о звукѣ отъ крилъ животныхъ, потомъ о звукѣ, какъ бы водъ многихъ,

и наконецъ о звукѣ, какъ бы Бога вышняго. Ибо что прежде святыя проповѣдали, тому послѣ увѣровали, и то удержали обращенные къ вѣрѣ народы, которые наконецъ, возвысившись къ небесному, воздадутъ хвалу Освободителю всѣхъ. Итакъ гласъ животныхъ дѣлается какъ бы гласомъ водъ, а гласъ водъ дѣлается какъ бы гласомъ Бога вышняго; потому что хвалу всемогущему Богу, которую прежде воздавали немногіе въ мірѣ, послѣ воздали многіе. И ту, которую нынѣ воспѣваютъ многіе, когда еще поврежденіе ихъ противорѣчитъ имъ въ нихъ самихъ, будутъ воспѣвать въ небесномъ отечествѣ всѣ избранныя, соединившись уже съ главою своею.—Но дѣла и добродѣтели святыхъ животныхъ еще описываются, когда присовокупляется: *всегда ходити имъ, гласъ слова яко гласъ пѣска* (а).

б. Если гласомъ Бога вышняго означается хвала нашему Создателю въ небесномъ отечествѣ; то не удивительно, что слово пророческое возвращается назадъ, опять къ дѣламъ святыхъ, живущихъ еще въ этойъ жизни; потому что Духъ Святой не совокупно высказываетъ вѣщанимъ образомъ чрезъ

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *cum ambularent, quasi sonus erat multitudinis, ut sonitus castrorum* т. е. когда они ходили, тогда былъ звукъ какъ бы множества, какъ шумъ лагерей.

языкъ то, что совокушо показывается внутри, въ сердцахъ пророческихъ. Вода вѣденія, которою наполняется духъ пророчествующаго, въ созерцаніи чрезвычайно обильна. По поеліку тѣсны для духа всякія уста человѣческія, то есть, отвергіе плоти; то языкъ, при высказываніи къ исполненію опой пензмѣримости, которая бываетъ видима, разнообразится. Игакъ Пророкъ, послѣ того какъ узрѣлъ, что на небесахъ гласъ кригъ, какъ гласъ Бога вышняго, опять возвращается на землю, и говоритъ, что дѣлаютъ здѣсь пернатія животныя для того, чтобы тамъ на небѣ имѣть заслуги, говоря: *когда ходимъ оны, тогда былъ звукъ какъ бы множества, какъ шумъ лагерей*. Когда святые проповѣдники обходятъ міръ съ проповѣдію и убѣжденіемъ, тогда животныя ходятъ. А поеліку и тѣ даже, которыхъ они собираютъ, тотчасъ, какъ только увѣруютъ, встаютъ на прославленіе нашего Создателя; то происходитъ звукъ, какъ бы звукъ множества. Поеліку же они по тойже самой проповѣди предиринимаютъ войну противъ властей воздушныхъ; то справедливо присовокупляется: *какъ шумъ лагерей*. Ибо, когда вѣрные народы соединяются съ святыми Проповѣдниками; тогда содѣлываются лагерными опочепіями въ готовности къ сраженію за вѣру противъ злыхъ духовъ. А такъ какъ всеѣ

вѣрующіе ежедневно пламенѣють желаніями небесными, презирають земное, рѣшаются на трудные для нихъ подвиги по любви къ горнему отечеству; то дѣлаются лагерями противъ властей воздушныхъ, потому что, вооруженные вѣрою и укрѣленные добрыми дѣлами, они готовы къ походу. Ибо, какъ бы пѣкоторымъ лагерямъ духовнаго воинства, чрезъ Павла говорится: *облацимыя азъ ася оружія Божія, яко возмоуши вамъ стати противу кознемъ диавольскимъ; яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ начальмъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы века сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 11. 12).

6. Игакъ множества святыхъ суть лагеря, которые предприняли войну противъ властей воздушныхъ. Поэтому и святая вселенская Церковь такъ описывается подъ видомъ цѣлѣсты, что говорится: *добра еси ближняя моя, яко благоволеніе, красна яко Іерусалимъ, ужасъ яко воинены* (ополченны) (Иѣсн. иѣсн. VI, 3) (а). Такъ какъ Іерусалимъ

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *pulchra es, amica mea, suavis et decora sicut Ierusalem, terribilis ut castrorum acies ordinata*; т. е. красива ты, дружина моя, приятна и красна какъ Іерусалимъ, страшна какъ построенные въ боевой строй лагери. Дальнѣйшее объясненіе Святителя прииспособлено къ этой мысли Латинскаго текста.

значитъ *видѣніе мира*, косяго именемъ выражается небесное отечество; то святая Церковь называется пріятною и красною какъ Іерусалимъ, потому что ея жизнь и стремленіе уже сравнивается съ видѣніемъ внутренняго мира, чтобы въ томъ, что она любитъ своего Виповника, что желаетъ видѣть лице Его, о чемъ написано: *въ няже жслаютъ Ангели приикнути* (1 Петр. I, 12), но самымъ уже желаніямъ любви своей называлась подобною Ангеламъ. Чѣмъ болѣе дѣлается она вознобленною Богу, тѣмъ усиленнѣе дѣйствуетъ, чтобы быть страшною для злыхъ духовъ. А какъ она должна быть страшна, это показывается присовокупленнымъ сравненіемъ т. е. *какъ построеныя въ боевой строй лагери*. Что это значитъ, что святая Церковь должна быть страшна для враговъ своихъ, *какъ построенныя въ боевой строй лагери*? Ибо это сравненіе имѣетъ глубокой смыслъ, и потому тонко и подобно разумѣвать его. Ибо мы знаемъ, и каждому извѣстно, что боевой строй лагерей тогда является страшнымъ для враговъ, когда бываетъ такъ сжать и плотеть, что ни въ одпомъ мѣстѣ не кажется прерванымъ. Ибо, если онъ устрояется такъ, что остается пустопорожнее мѣсто, чрезъ которое можетъ войти въ него непріятель; то онъ уже рѣшительно не страшенъ для враговъ его. Слѣдовательно и мы,

когда устанавливаемъ боевой порядокъ сраженія духовнаго противъ злыхъ духовъ, имѣемъ крайнюю необходимость всегда быть соединенными и крѣпко связанными любовію, и никогда не быть разединенными разногласіемъ; потому что, какія бы ни были въ насъ добрыя дѣла, при неизмѣннй любви, зломъ разногласія открывается въ строю мѣсто, чрезъ которое можетъ войти врагъ для пораженія насъ.

7. Но древній врагъ не страшится въ насъ чистоты, если она будетъ безъ любви; потому что самъ не тяготится плотію, чтобы растасвать въ похоти ея. Не страшится воздержанія; потому что самъ не употребляетъ пищи, не будучи къ тому понуждаемъ необходимостію тѣла. Не страшится раздаянія земныхъ вещей, если при этомъ самомъ дѣлѣ по достаетъ любви; потому что самъ не имѣетъ нужды въ цособіяхъ отъ богатства. Но чрезвычайно страшится истинной любви въ насъ, т. е. любви смиренной, которую мы взаимно выражаемъ другъ къ другу, и крайне ненавидитъ наше согласіе; потому что мы удерживаемъ опос на землѣ, тогда какъ самъ онъ, не желая удержать, потерялъ на небѣ. Итакъ хорошо говорится: *страшна какъ построенные въ боевой строй лагери* (Иѣсн. пѣсн. VI, 3); потому что злые думп страшатся множе-

ства избранныхъ отъ того, что видятъ или соединенныхъ противъ нихъ согласіемъ любви, и собирающихъ во одно.

8. Какова же должна быть добродѣтель согласія, это открывается изъ того, когда доказывается, что безъ нея прочія добродѣтели не добродѣтели. Ибо велика добродѣтель воздержанія: но если кто воздерживается отъ яствъ такъ, что другихъ осуждаетъ за пищу, и осуждаетъ ту самую пищу, которую Богъ сотворилъ для вѣрующихъ съ благодареніемъ (Рим. XIV, 3. 6); то чѣмъ стала для него добродѣтель воздержанія, если не петлею грѣха? Поэтому и Псалмопѣвецъ, означая, что нѣтъ воздержанія безъ согласія, говоритъ: *хвалите Его въ тимпанъ и миль* (Псал. CL, 4). Ибо въ *тимпанъ* издастъ звукъ сухая кожа, но въ *милъ* согласно поютъ голоса. Что же означается тимпаномъ, если не воздержаніе, и что ликомъ, если не согласіе любви? Итакъ воздержанный безъ имѣнія согласія, хотя и хвалитъ (Господа) *въ тимпанъ*, но не хвалитъ *въ миль*. И есть нѣкоторые, которые, желая умертвить бодѣе необходимаго, оставляютъ миръ съ ближними, презираютъ ихъ, какъ людей турыхъ и глухихъ. Поэтому Истина лично увѣщеваетъ, говоря, *имайте соль въ себѣ, миръ имайте между собою* (Марк. IX, 50), чтобы тотъ, кто старается имѣть соль премудрости, по

необходимости старался о томъ, чтобы никогда и ни какимъ образомъ не отпадать отъ мира и согласія. Что сказано мы объ этихъ двухъ добродѣтеляхъ, тоже должно разумѣть и о всѣхъ прочихъ. Поэтому Навелъ сильно увѣщаетъ, говоря: *миръ имайте и сълннню съ вѣтми, иже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14).

9. А что безъ согласія ничто не благоугодно Богу, объ этомъ лично говоритъ Истина: *аще принесши даръ твой къ олтарю, и ту помянешь, яко братъ твой имать тыто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братьемъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мат. V, 23. 24). Вотъ отъ немирныхъ (Господь) не хочетъ принимать жертвы, отказываетъ въ принятіи всесожженія. Итакъ поэтому судите, сколь велико зло въ несогласіи; изъ за него отвергается даже то, чѣмъ уменьшается виновность. Но посланку избранные всегда соединены въ любви, и эта самая любовь ихъ воздастъ гласъ хвалы Виновнику, а на злыхъ духовъ, т. е. на древнихъ своихъ враговъ, паводитъ страхъ наказанія: то теперь о пернатыхъ жывотныхъ правильно говорится: *когда ходили оны, тогда былъ звукъ какъ бы множества, какъ шумъ лагерей.*

10. Но можно окомъ вѣры обозрѣть святую

Церковь съ самаго начала ея до конца міра, и видѣть, какое движеніе имѣютъ эти самыя лагеря. Ибо лагерьми называются множества войскъ, когда онѣ въ готовности къ сраженію дѣлаютъ походъ, или на пути останавливаются въ извѣстномъ какомъ либо мѣстѣ. Итакъ путь для лагерей есть жизнь постояннаго вѣка для всѣхъ святыхъ, согласно живущихъ. Но иные лагеря продовѣдниковъ, которые туда и сюда шествуютъ съ готовностію на святое дѣло приобрѣтенія душъ. Другіе лагеря постниковъ, и отшельниковъ отъ міра сего, которые ежедневно бывають готовы на брань противъ злыхъ духовъ. Другіе лагеря добрыхъ супруговъ, которые, живя согласно въ любви ко всемогущему Богу, взаимно удовлетворяють требованію плоти такъ, что отнюдь не забываютъ о добрыхъ дѣлахъ въ отношеніи къ Богу. А если въ чемъ либо согрѣшаютъ, какъ люди, то непрестанно искупають (грѣхи) благочестивыми дѣлами. Итакъ, поелику различныя состоянія вѣрующихъ, согласно живущихъ отъ начала святой Церкви даже до конца міра, сражаются противъ властей воздушныхъ: то лагеря ходятъ, и бывають шумъ и бѣгъ какъ бы шумъ лагерей; потому что въ нихъ звучать мечи добродѣтелей и оружія чудесъ для славы всемогущаго Бога. -- Но о святыхъ животныхъ

еще присовокупляется: *онгда стояти имъ, почиваху крила ихъ.*

11. Стоять святыя животныя, когда съ напряженнымъ вниманіемъ обсуживаютъ Божественное. Но крилья ихъ *почиваютъ*, потому что, когда они взираютъ на высокіе суды Божественныя, тогда ничтожными представляются ихъ добродѣтели. Это ясно отърывается, когда тотчасъ присовокупляется: *и се гласъ превыше тверди суція надъ главою ихъ, онгда стояти имъ, низпускахуся крила ихъ* (гл. I, ст. 25) (а).

12. Вышнюю твердь мы разсудили объяснить двоякимъ разумѣніемъ. Ибо, какъ сказано (Бесѣд. I. ч. 18..19), подъ именемъ тверди могутъ быть разумѣваемы небесныя власти. И подъ именемъ же тверди можетъ быть разумѣваемъ воплощенный Единородный, потому что въ Немъ естество наше утвердилось для вѣчности. Поэтому мы прежде скажемъ, что чувствуемъ, объ Ангелахъ, а потомъ о Господѣ Ангеловъ. Ибо вотъ говорится: *когда былъ*

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *nam cum fieret uox super firmamentum, quod erat super caput eorum, stabant et submittebant alas suas.* т. е. Ибо, когда былъ гласъ надъ твердію, которая была надъ главою ихъ, тогда они стояли и опускали крилья свои. Эту самую мысль Святитель объясняетъ далѣе.

голосъ надъ твердію, которая была надъ главою ихъ, тогда онъ стояли и опускали крылья свои. Въ этомъ мѣстѣ напередъ надобно знать, что *опустити* значитъ, не съ низу вверхъ простерть, но сверху внизъ положить; потому впереди сказано: *когда стояли, опускали крылья свои.* Итакъ намъ должно отыскать, что за голосъ надъ твердію. По этотъ самый голосъ мы лучше уразумѣемъ, ес.и. восходя снизу вверхъ, будемъ идти, какъ бы шагъ за шагомъ. Какъ тѣлесный слухъ возбуждается голосомъ, такъ смыслъ ума возбуждается разумніемъ, которое производится внутри. Итакъ голосъ въ умѣ есть какъ бы нѣкій звукъ разумнія. Но надобно знать, что на нани чувства дѣлствуетъ иногда голосъ плоти, иногда голосъ души, иногда голосъ тверди, иногда голосъ, который превыше тверди.

13. Ибо представимъ себѣ, что кто либо, оскорбленный отъ ближняго, замышляетъ по человѣческому разуму взаимно, воздать оскорбленіемъ, воздать зломъ за зло. Это говоритъ ему въ умѣ голосъ плоти; потому что, когда Божественныя заповѣди повелѣваютъ намъ благотворить тѣмъ, которые ненавидятъ насъ (Мат. V, 44), то замышляющій дѣлать зло ненавидящимъ его слышитъ въ душѣ голосъ плоти. Мы ежедневно дѣлаемъ много земнаго, и постѣ этого возвращаемся къ молитвѣ.

Душа воспаляется къ сокрушенію сердечному. но въ умѣ представляются образы тѣхъ дѣлъ, которыя мы содѣлали, и на молитвѣ пренятствуютъ напряженію сердечнаго сокрушенія; и что мы свободно дѣлали внѣ, то чуждо терпимъ внутри, такъ что нѣкоторыя фантазіи помысловъ разсѣиваютъ умъ по тѣлеснымъ образамъ, дабы онъ не имѣлъ полной самособранности на молитвѣ. И это есть голосъ плоти.

14. Но когда мы и это препобѣждаемъ, и устрояемъ отъ умственныхъ очей всѣ тѣлесные образы; тогда, обуживая въ самихъ себѣ самое естество души, какова должна быть та, которая можетъ оживотворять плоть, но не можетъ удерживать саму себя въ добрыхъ помысленіяхъ, какъ бы ей хотѣлось, находимъ нѣкоторый разумный духъ, живущій могуществомъ Создателя, оживляющій поддерживаемое имъ тѣло, однако же подверженный забвенію, измѣняемый, котораго часто страхъ поражаетъ, а радость воскресляетъ. Итакъ самый разумъ души есть голосъ ея, потому что звучитъ тѣмъ, что есть; и этотъ голосъ еще подъ твердію.

15. Но превышая душу, мы желаемъ гласа отъ тверди, когда находимъ, каково должно быть то безчисленное множество святыхъ Ангеловъ, которое предстаетъ предъ лицомъ всемогущаго Бога;

какое должно быть у нихъ торжество безконечное отъ видѣннй Господа; какая полная радость, какой жаръ любви, не мучительный, но сладостный; какое должно быть въ нихъ желаніе видѣннй Бога съ удовлетвореніемъ, и какое удовлетвореніе съ желаніемъ. Въ этомъ дѣлѣ ни желаніе не бываетъ мучительно, ни удовлетвореніе ему не производитъ отвращенія. Какимъ образомъ они, соединившись съ блаженствомъ, должны быть блаженны, какъ должны быть вѣчны отъ всегдашняго созерцанія вѣчности, какъ должны дѣлаться свѣтомъ, соединившись съ истиннымъ свѣтомъ, какъ должны перемѣнить измѣняемость на неизмѣняемость, всегда взирая на неизмѣняемость. Но когда мы это думаемъ объ Ангелахъ, то это еще голосъ *отъ тверди*, а не *надъ твердію*.

16. Итакъ пусть духъ сдѣласть еще шагъ вверху, и возвысится надъ всемъ сотвореннымъ. Пусть во единомъ свѣтѣ Создателя своего устремить очи вѣры на то, что единый Богъ оживотворяетъ все, сотворенное Имъ; что Онъ повсюду есть, и повсюду цѣлый; что Онъ можетъ быть чувствуемъ неописаннымъ и непостижимымъ, и не можетъ быть видимъ; что Онъ вездѣ, и однако же отъ помысловъ печестивыхъ далече; что Онъ и тамъ, гдѣ далече, потому что гдѣ нѣтъ Его съ благоволеніемъ,

тамъ Онъ присуць отмщеніемъ; что ко всему Онъ прикосновененъ, однакоже не всего касается равно-мѣрно. Ибо пѣкоторыхъ вещей Онъ касается такъ, чтобъ онѣ имѣли бытіе, но не такъ, чтобъ онѣ жи-ли и чувствовали, каковы, къ примѣръ, всѣ вещи чувственные. Пѣкоторыхъ существъ касается такъ, чтобъ онѣ имѣли бытіе, жили и чувствова-ли, но не умствовали, какъ, на примѣръ, безсло-весныхъ животныхъ. Пѣкоторыхъ существъ касае-ся такъ, чтобъ онѣ имѣли бытіе, жили, чувствова-ли и разсуждали, какъ, на примѣръ, естества чело-вѣческаго и Ангельскаго. И хотя Онъ никогда не бываеъ неравнымъ Самому Себѣ, однако же не равнаго касается неравно. Что Онъ вездѣ присуць, и едва можетъ быть обрѣтаемъ; что мы послѣдуемъ стоящему, и не можемъ схватить Его. И такъ пред-ставимъ предъ взоръ ума, каково должно быть то естество, которое все содержитъ, все наполняетъ, все объемлетъ, надъ всемъ возвышается, все под-держиваеъ. Не отчасти иное поддерживаеъ, а надъ инымъ возвышается; и не отчасти иное наполняетъ, а иное объемлетъ: по объема наполняетъ, напол-няя объемлетъ, поддерживая возвышается, возвы-шаясь поддерживаеъ. Когда духъ, слегка коснув-шійся могущества этого естества, углубляется въ него чрезъ размышленіе; тогда бываеъ гласъ *надъ*

твердію, потому что сообщать понятіе о Томъ, Кто по своей пеностижимости превышаетъ даже Ангельское разумѣніе.

17. Итакъ, когда бываетъ гласъ *надъ твердію*, тогда животныя стоятъ и опускаютъ крылья свои; потому что, когда умы святыхъ съ напряженнымъ вниманіемъ созерцая разсуждаютъ о могуществѣ Создателя своего, тогда для духа ихъ кажутся ничтожными тѣ добродѣтели, которыя они имѣютъ, и они тѣмъ болѣе дѣлаются смиренными предъ самими собою, чѣмъ выше то, что звучитъ надъ Ангелами. Ибо можетъ быть, есть учителя; но когда они начнутъ безмолвно размышлять, какова должна быть неизреченная премудрость Божія, которая безъ шума учить умы человѣческіе; и какъ эта же самая премудрость дѣлаетъ тщетнымъ трудъ проповѣдующихъ, если не сама она располагаетъ умы слушающихъ: тогда ихъ ученіе тотчасъ представляется имъ ничтожнымъ; потому что *ни насаждая есть что, ни напаяя, но возвращая Богъ* (1 Кор. III, 7). Быть можетъ, есть Пророки; но когда они въ безмолвіи разсуждаютъ, что окомъ своего пророчества не могутъ вмѣстѣ проникнуть во все тайны Божества, потому что, какъ говоритъ Апостолъ: *мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ* (1 Кор. XIII, 9): тогда въ этой неизмѣримости

тайны видятъ, что мало все то, что они видятъ, и изъ самой неизмѣримой высоты свѣта заключаютъ, что ничтожно то, что они напряженнымъ окомъ, какъ бы чрезъ скважины, видѣли. Итакъ они опускаютъ крылья свои, когда бываетъ слышимъ гласъ *надъ твердію*, т. е. смиряются въ томъ, что разумѣваютъ, усматривая вышнее, котораго они разумѣть не могутъ.

18. Часто такъ же въ помыслахъ святыхъ обольщаютъ тѣ самыя добродѣтели, которыя они имѣютъ, такъ что души ихъ возвышаются въ пѣкоторой самонадѣянности: но они тотчасъ прибѣгаютъ къ сокровеннымъ судьбамъ Божиимъ, какъ иные по гордости изъ добродѣтелей падаютъ въ бездну, а другіе по смиренію, исправившись отъ пороковъ, возвышаются къ небу. Поэтому Пророкъ, призывая насъ къ смиренію, устрашаетъ и увѣщаетъ, говоря: *приидите и видите дѣла Божія, коль страшенъ въ советѣхъ наеъ словъъ человеческихъ* (Псал. LXV, 5). Ибо кто можетъ достоюльнымъ образомъ обсудить, какой надъ нами долженъ быть страхъ судебъ Божіихъ, когда одинъ изъ добродѣтелей наконецъ устремляется къ порокамъ, а другой изъ пороковъ заключаетъ конецъ добродѣтелями? Потому что, по слову Соломона: *есть праведніи и мудріи, и дѣланія ихъ въ руки Божіей, любве же и не-*

нависти нѣсть видѣй чловѣкъ: вся предѣ лицемъ ихъ, суета во всѣхъ (Екклес. IX, 1) (а), *н: есть путь, иже мнится чловѣкомъ правѣ быти, послѣдняя же его приходятъ во дно ада* (Притч. Сол. XIV, 12). Итакъ размышлять объ этой глубинѣ сокровеннаго суда что другое значить, если не *опустить крылья*, т. е. не надѣяться уже ни на какую добродѣтель, но трепетать отъ великаго страха? Ибо, стануть ли разсуждать о естествѣ всемогущаго Бога, или обсуживать судьбы Его, всѣ трепещутъ и ужасаются. Итакъ для нихъ значить, какъ бы опустить крылья, смирить добродѣтели, которыя имѣють.

19. Такъ Авраамъ опустилъ крылья, когда въ бесѣдѣ съ Богомъ началъ называть себя землею и пепломъ, говоря: *нынѣ начахъ глаголати ко Господу моему: азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Такъ опустилъ крылья Моисей, который, бывъ наученъ всею Египетскою мудрости (Дѣян.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *sunt justi atque sapientes, et opera eorum in manu Dei, Nec tamen scit homo, utrum amore uel odio dignus sit, sed omnia in futuro seruantur incerta*. Т. е. *есть праведные и мудрые, и дѣла ихъ въ рукѣ Божіей. Впрочемъ не знаетъ чловѣкъ, любви ли онъ достоинъ, или ненависти, но все хранится въ будущемъ поодъ неизвѣстностію.*

VII, 22), по выслушаніи словъ Господнихъ, тотчасъ укоряетъ себя, что онъ не имѣетъ словъ, говоря: *молюся ти, Господи: не добродѣчивъ есмь прежде вчерашняго и третіяго дне, ниже отне-мѣже началъ еси глаголати рабу твоему: худомласенъ и косоязыченъ азъ есмь* (Исх. IV, 10). Испо онъ говорилъ какъ бы такъ: послѣ того, какъ я слышу отъ Тебя слова жизни, признаю себя сконфуженнымъ въ прежнихъ словахъ. Такъ Исаія, котораго жизнь благоугодна была Господу для проповѣди, когда, созерцая Тогоже Самаго Господа, прикоснувшись устами къ урну отъ олтаря, говорить: *о, окаянный азъ, яко умилихся, яко человекъ съи, и нечисты устны и мый, посредь людей, нечистыя устны и мущихъ, азъ живу* (Ис. VI, 3). Вотъ возвышенный къ горнему не правится самому себѣ по сквернотѣ устъ. Ибо, если бы онъ не видѣлъ высокой чистоты небесной, то не находилъ бы, за что осуждать себя. Такъ Иеремія при глаголаніи Господнемъ взываетъ: *о сый Владыко Господи, се не вѣмъ глаголати, яко отрокъ азъ есмь* (Иерем. I, 6). Ибо послѣ тѣхъ словъ, которыя услышалъ, онъ сознается, что не имѣетъ словъ. Такъ Даніилъ, послѣ видѣнія небеснаго, зацемогъ и сдѣлался больнымъ (Дан. VIII, 27); потому что тѣ, которые сильны въ подвигахъ, когда усматриваютъ

превыспреннее Божіе, дѣлаются слабыми и безсильными по собственной оцѣнкѣ самихъ себя. Такъ блаженный Іовъ, о которомъ Госнодь друзьямъ его сказалъ: *не глаголасте предо Мною ничтоже истинно, якоже рабъ Мой Іовъ* (Іов. XLII, 7), когда выслушалъ слова бесѣдовавшаго съ нимъ Бога, тогда отвѣтствовалъ, говоря: *кто возыститъ ми, ихже не вѣдѣхъ, велия и дивная, ихже не знахъ* (Тамъ же, ст. 3); и нѣсколько послѣ: *тѣмже укорихъ себе самъ, и истаяхъ: и мно себе землю и пепелъ* (Тамъ же, ст. 6). Ибо тогъ, кто сколь мудро говорилъ къ людямъ, слушая говорящаго къ нему Бога, укоряетъ себя за то, что онъ говорилъ неразумно, потому что въ созерцаніи истинной премудрости его премудрость оказалась для него ничтожною. И такъ предъ голосомъ нисходящимъ свыше животныя опускаютъ крылья; потому что, будемъ ли мы обсуждать могущество Божіе въ природѣ его, или вздумаемъ отыскивать его въ сокровенныхъ судьбахъ, нани добрыя дѣла, если мы думаемъ имѣть въ себѣ какія либо изъ нихъ, представляются ничтожными противъ того, что есть горѣ непостижимаго для насъ. И мы, которые думали возпоси́ться, какимъ бы то ни было, вѣдѣніемъ, разсуждая о невидимомъ надъ нами ествѣ, и о непостижимыхъ судьбахъ его, смиренно стаповимъ

ся безмольными, опустивъ крылья. Далѣе слѣдуетъ: *и надъ твердію, яже надъ главою ихъ, яко видѣніе камене сапфіра, подобіе престола на немъ, и на подобіи престола подобіе якоже видѣ чловѣчь верху* (Іезк. I, 26).

20. Что означается престоломъ, если не тѣ силы. Ангельскія, которыя по достоинству высшаго мѣста превышаютъ даже самыхъ Ангеловъ? Такъ какъ Ангелы называются вѣстниками, и часто Ангелы посылаются для возвѣщенія чего либо людямъ: то престолы никогда не посылаются на служеніе вѣстника, потому что на нихъ въ превысрпенней высотѣ почиваетъ Создатель всяческихъ. Поэтому Апостоль Павелъ, описывая чины небесныхъ воинствъ, которые онъ видѣлъ во время восхищенія до третьяго неба, говоритъ: *аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тъмъ и о Земъ создашася* (Колос. I, 16). Итакъ о престолахъ онъ сказалъ прежде тѣхъ чиновъ Ангельскихъ, надъ которыми видѣлъ тѣхъ превознесенными.) Но хорошо престоль сравнивается съ камнемъ сапфиромъ, потому что камень сапфиръ имѣетъ цвѣтъ воздушный. Итакъ силы небесныя означаются камнемъ сапфиромъ; потому что эти духи, на которыхъ превыше почиваетъ всемогущій Богъ, имѣютъ достоинство высшаго мѣста на небесахъ.

Но надъ престоломъ подобіе человѣка; потому что слава нашего Искупителя стоитъ выше даже тѣхъ силъ, которыя превосходятъ и самыхъ Ангеловъ. Итакъ надобно замѣтить, какой соблюдается порядокъ. Ибо надъ животными твердь, надъ твердію престолъ, на престолѣ описывается человѣкъ; потому что выше даже святыхъ людей, живущихъ еще въ этомъ поврежденіи тѣла, суть Ангелы, а выше Ангеловъ верховныя ихъ Богу ближашія Ангельскія власти, но превъше даже властей, ближайшихъ къ Богу, возвышенъ Ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Иисусъ.

21. Но если, какъ мы впереди сказали, подъ именемъ тверди должно разумѣть Ходатая Бога и человѣковъ по принятому Имъ человѣчеству, потому что по духу пророчества подъ значеніемъ одного наименованія обыкновенно означается многое: то чрезъ твердь былъ голосъ, который съ неба прозвучалъ надъ крестившимся Господомъ, говоря: *Ты еси Сынъ Мой возлюбленный, о Тебѣ благоволихъ* (Лук. III, 22). Или, какъ чрезъ другаго Евангелиста говорится: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мат. III, 17). Итакъ пошлемъ, какимъ образомъ животныя слышать этотъ голосъ, и опускаютъ крылья. Пророкъ Аввакумъ, предусмотрѣвъ его, говоритъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой,*

и убоихся; Господи, разумѣхъ дѣла Твоя, и ужа-
сохся (Аввак. III, 1. 2). Что же значать слова От-
ца о Сынѣ: *въ Немже благоволихъ*? Пбо всякій,
кто раскаивался исправляетъ сдѣланное имъ, тѣмъ
самымъ, что раскаивается, показываетъ, что онъ не
понравился самъ себѣ, потому что поправляетъ сдѣ-
ланное. А такъ какъ всемогущій Отецъ, для воз-
можной понятности для людей, почеловѣчески о
грѣшникахъ сказалъ: *раскаиваюсь, что сотворилъ
человѣка на землѣ* (Быт. VI, 6) (а): то Онъ какъ
бы Самъ Себѣ не понравился въ грѣшникахъ, кото-
рыхъ Онъ сотворилъ. Но на единомъ только Еди-
нородномъ, Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, Онъ
проявилъ все Свое благоволеніе; потому что не рас-
каивался въ томъ, что среди челоѣковъ сотворилъ
человѣкомъ Того, въ Комъ не находилъ рѣшительно
никакого грѣха, какъ о Немъ чрезъ Псалмопѣв-
ца говорится: *клятея Господь и не раскается: Ты
Церей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX,
4). Слѣдовательно, въ одномъ только Искунителѣ
нашемъ Отецъ умилюствовалъ Себя; потому что въ
Немъ одномъ не обрѣлъ вины, въ которой можно
было бы уворять Себя какъ бы чрезъ раскаяніе.

а) Это переводъ текста съ Латинскаго подлинника, ко-
торый читается такъ: *poenitet me fecisse hominem super ter-
ram*.

22. Итакъ святые животныя должны слушать голосъ *надъ твердію*, и благоговѣть; потому что, если Онъ одинъ безъ грѣха, то въ невинности Его усматриваютъ, сколько сами онѣ грѣшатъ на каждый день, что по необходимости надобно непрестанно оплакивать. Еще должны онѣ размысливать и о томъ, что и Самый Виновникъ жизни не вышелъ изъ этой жизни безъ болѣзни страданія. Слѣдовательно и объ этомъ былъ голосъ *надъ твердію*, потому что высказывалось опредѣленіе всемогущаго Отца о смерти и воскресеніи Единороднаго. Но когда бываетъ голосъ *надъ твердію*, тогда животныя стоятъ, и опускаютъ крылья свои; потому что всѣ святые, взирая на Единороднаго, замученнаго въ этомъ мірѣ, опускаютъ внизъ то, если они что либо думаютъ о своихъ заслугахъ. Ибо, если отсель не вышелъ безъ страданія Тотъ, Кто явился сюда безъ грѣха; то какихъ страданій не будутъ достойны тѣ, которые пришли сюда съ грѣхомъ? Итакъ самая твердь, которая надъ главою животныхъ, т. е. то, что превышаетъ умы святыхъ, имѣетъ надъ ними голосъ; потому что Искушитель нашъ во плоти исполнилъ то опредѣленіе, которое по Божеству изречеъ вмѣстѣ со Отцемъ; слыша это опредѣленіе, праведники странастя, и оставляютъ всякое самолюбіе о своихъ силахъ. Ибо, какими бы добродѣте-

лями ни отличалась жизнь грѣшниковъ, чего она достойна, если уже подверглась за насъ страданію и Его жизнь, которая не была подвержена никакому грѣху?

23. Но вотъ рождается важный для насъ вопросъ, когда говорится, что *надъ твердію, яже надъ главою ихъ, яко видѣніе камене сапфіра, подобіе престола*. Ибо, если твердію предобразуется Господь, а камнемъ сапфіромъ и подобіемъ престола изображаются оныя Ангельскія власти: то какимъ образомъ онѣ должны быть поставлены *надъ твердію*, т. е. выше Господа, когда тотчасъ же присовокупляется: *и на подобіи престола подобіе якоже видѣ чловечь верху?* Ибо, если, какъ сказано, подъ твердію разумѣется Господь, и опять чловѣкомъ означается Господь же: то какимъ образомъ Онъ можетъ быть и превыше престола, и ниже престола? Но запутанные узлы сего вопроса распутываетъ Самъ Тотъ, о Комъ мы говоримъ, Который дуновеніемъ Святаго Духа открываетъ то, что закрыто. Ибо воплощенный Единородный (Сынъ) Отца, чрезъ то самое, что содѣлался чловѣкомъ, былъ ниже Ангеловъ, какъ о Немъ написано: *умалъ еси Его малымъ чинъ отъ Ангель* (Исаи. VIII, 6) Но по воскресеніи и вознесеніи на небо Онъ поставленъ выше всѣхъ властей Ангельскихъ, какъ о Немъ

тамъ же опять написано: *вся покорилъ еси подъ нозю Ею* (ст. 7). И какъ Онъ Самъ говоритъ: *дадешя Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мат. XXVIII, 18). И такъ твердь подъ престоломъ, а человекъ на престолѣ; потому что Онъ, рожденный по принятіи человѣческаго естества, ниже Ангеловъ, а по превознесеніи выше Ангеловъ. Хотя по Божеству былъ Онъ выше Ангеловъ и прежде, нежели прославленъ чрезъ воскресеніе; однакожъ, какъ сказано, по человѣчеству былъ умаленъ предъ Ангелами, и по нему подвергся смерти. Но послѣ того, какъ воскресеніемъ попрасть смерть, самое человѣчество Свое поставилъ выше властей Архангельскихъ. И такъ прежде представляется престолъ надъ твердію, а послѣ видѣнъ человекъ на престолѣ; потому что Испытатель рода человѣческаго, спусходя, приять человѣчество ниже Ангеловъ, а превозносясь возвысилъ оное надъ Ангелами. Но мы говоримъ, что Онъ содѣлался ниже Ангеловъ, потому что отъ Апостольской проповѣди слышали, что Онъ былъ даже подъ закономъ (Гал. IV, 4). Слѣдовательно принимаемъ принятое Имъ человѣчество ниже Ангеловъ за то униженіе, въ которомъ Онъ благоизволилъ явиться.

24. Ибо какъ только Слово содѣлалось плотію, тотчасъ Богочеловѣкъ по власти былъ выше Анге-

ловъ. Потому что о Немъ до страданія написано: *се Ангели приступиша, и служаху Ему* (Мат. IV, 11). Но для того, чтобы показать слабость чело-вѣчества Его, опять о Немъ написано: *явился Ему Ангелъ съ небесе, укрѣпляя Его* (Лук. XXII, 43). Итакъ въ доказательство того и другаго естества, и служатъ Ему Ангелы, и укрѣпляютъ Его Ангель. Такъ какъ Онъ единъ въ двухъ естествахъ; пото-му что Тотъ, Кто былъ Богомъ прежде вѣковъ, содѣ-лался челоуѣкомъ на концѣ вѣковъ. Впрочемъ Ему прежде страданія Его и служатъ Ангелы, и Ан-гель укрѣпляетъ Его. Но послѣ страданія и вос-кресенія Его, Ангелы могутъ служить Ему, но ук-рѣплять Его уже не могутъ; потому что, какъ вне-реди сказано, хотя прежде твердь явилась подъ престоломъ, однако же челоуѣкъ выше престола. Для показанія того, что Пророкъ видѣлъ въ лицѣ Его соединеніе того и другаго естества, опъ тот-часъ присовокупилъ: *и видныхъ яко видныіе илек-тра* (Іезик. I, 27).

25. Что это значитъ, что видъ челоуѣка на престолѣ кажется, какъ бы видъ илектра (янтаря), если не то, что въ илектрѣ, какъ сказали мы да-леко выше (Бесѣд. II, ч. 14), золото смѣшивается съ серебромъ, чтобы одна вещь состояла изъ двухъ металловъ? — Въ немъ и блескъ золота умѣряется

серебромъ, и отъ блеска золота блистательнѣйшимъ дѣлается видъ серебра. Но въ Испытаніи нашемъ то и другое естество, т. е. Божественное и человѣческое, неслитно и нераздѣльно соединены одно съ другимъ и совокуплены такъ, что и слава Божества Его умѣряется для нашего взора человѣчествомъ, и человѣческое въ Немъ естество дѣлается болѣе славнымъ отъ Божества, и по возвышеніи имѣеть болѣе славы, нежели та, съ которою сотворена была. Но Пророкъ, описывая еще видъ чловѣка надъ престоломъ, и видѣнный имъ видъ плектра, каковымъ опъ ему явился, присовокупляетъ: *яко видѣніе огня внутри его окрестъ отъ видѣнія чреслъ и выше, и отъ видѣнія чреслъ даже до долу видѣхъ видѣніе огня, и свѣтъ его окрестъ* (Тамъ же, ст. 27).

26. Что это значить, что Ходатай Бога и чловѣковъ, чловѣкъ Христосъ Іисусъ, описывается имѣющимъ *отъ чреслъ и выше видѣніе огня внутри и окрестъ, и отъ чреслъ даже до долу видъ огня, блестящаго въ окружности?* Ибо надобно отыскать, почему повѣствуется, что Онъ имѣеть отъ чреслъ и выше огонь внутри, но не огонь блистающій; а отъ чреслъ даже до долу имѣеть видъ огня, однако же не упоминается, чтобъ огонь имѣлъ его внутри, потому что, по описанію, Онъ имѣеть его и блистающимъ,

и окрестъ? Ибо что выражается наименованіемъ чреслъ, если не родъ поколѣнія смертности? Поэтому-то и о Левіи говорится, что онъ былъ еще въ чреслахъ отца, когда Мелхиседекъ встрѣтилъ Авраама (Евр. VII, 10). Но отъ чреслъ Авраама произошла Дѣва Марія, во чревѣ которой благоволилъ воплотиться Единородный (Сынъ) Отца чрезъ Духа Святаго. Отъ этого воплощенія Богъ содѣлался вѣдомымъ для всего міра, какъ говорится чрезъ Псалмопѣвца: *препоями мечь твоею по бедра твоея, Сильне* (Псал. XLIV, 4). Ибо Сильный препоясалъ мечь по бедрѣ потому, что слово проповѣди Его съ воплощенія усилилось. Что же значить тотъ огонь, если не жаръ Святаго Духа, который воспламеняетъ сердца, наполняемый Имъ? Объ этомъ сама Истина говоритъ: *огня приидохъ воверещи на землю* (Лук. XII, 49). Итакъ что же значить, что въ этомъ видѣніи чловѣка, который явился Пророку, *отъ чреслъ и выше* пылаетъ огонь внутри кругообразно, но *отъ чреслъ даже до долу* блистаетъ огонь, не *внутри*, а *окрестъ*, если не то, что прежде воплощенія Единороднаго Искушителя нашего одна только Иудея имѣла внутри себя жаръ любви къ Нему; а послѣ воплощенія Его огонь заблесталъ *окрестъ*, потому что разлилъ свѣтъ Духа Святаго на всѣ народы въ цѣлой вселенной? Итакъ прежде былъ

огнь внутренній, но не было ейнія; потому что Духъ Святый, хотя и изливался на Иудею чрезъ многихъ отцовъ, но не возсіявалъ еще свѣта своего къ просвѣщенію язычниковъ. Но *отъ чрезъ Ею даже до дому* огнь блеститъ *окрестъ*; потому что послѣ того, какъ Онъ принялъ плоть отъ Дѣвы, далеко и обширно въ родѣ человѣческомъ распространилъ дары Святаго Духа. И надобно замѣтить, что тотъ огнь *отъ чрезъ и выше* описывается круговращательнымъ, не вышнимъ, но внутреннимъ; потому что пламя любви, какъ сказано, повсюду наполнило Иудею въ предѣлахъ ея чрезъ избранныхъ и духовныхъ мужей. Но не выходило вовнѣ, потому что не распространялось на множество язычниковъ. Это пламя жара послѣ было видимо блистающимъ *окрестъ*, потому что любовь всемогущаго Бога начала распространяться по всеѣмъ климатамъ міра, во всеѣхъ народахъ.

27. Итакъ прежде былъ *огнь внутри*, когда Іаковъ говоритъ: *спасенія Твоего буду ожидать, Господи* (Быт. XLIX, 18) (а). Ибо что на Латин-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *salutare tuum expectabo, Domine* а въ Славянскомъ переводѣ: *спасенія ждѣю Господи*. Мысль почти одна и таже. Но съ Латинскимъ текстомъ сообразовалъ свое объясненіе Святитель, и оны въ связи рѣчи умѣстилъ.

вверхъ; потому что тамъ небесные духи видятъ Его въ Божествѣ Его, и воспламеняются огнемъ любви Его. Но мы, которые любимъ Его въ принятомъ чловѣчествѣ, находясь еще въ этой поврежденной жизни, имѣемъ отъ нѣ блескъ огня Его. Итакъ одинъ выше престола Тотъ, Кто *отъ чреслъ и выше* имѣетъ *огнь внутри* — въ Ангелахъ, и подь чреслами имѣетъ *огнь окрестъ* — въ людяхъ; потому что во всемъ, что любить Ангелы, чрезъ все, чего желаютъ люди, одинъ есть Тотъ, Кто горитъ въ сердцахъ любящихъ. Поэтому-то высокія Ангельскія власти называются Серафимами, т. е. огненнымъ пламенемъ. Поэтому и о самомъ Создателѣ всего написано: *Богъ нашъ огнь подалъ съ* (Евр. XII, 29). **Огнемъ** называется Богъ потому, что пламенемъ любви Своей воспламеняетъ тѣ души, которыя наполняетъ. И Серафимы называются пламенемъ огненнымъ потому, что ближайшіи къ Нему на небесахъ власти воспламенены неизреченнымъ огнемъ любви къ Нему. Этимъ же огнемъ горятъ на землѣ воспламененныя сердца праведныхъ. Этимъ же **огнемъ** согрѣтыя обращаются къ покаянію сердца грѣшниковъ, которыя сильно разгорѣвшись, превращаютъ страхъ въ любовь.) Ибо тѣ, которые начали тлѣть отъ страха, послѣ пламенѣютъ огнемъ любви. А посліку чистины Его суть избранные Ангелы на небѣ, и члены

же Кто суть обратившіеся люди на землѣ: то одинъ есть человекъ Тотъ, Кто и *отъ чреслъ и выше* горитъ *внутрь*, и подъ чреслами *даже до долу* распространяетъ блескъ огня своего *окрестъ*; потому что Онъ и Ангеловъ удержалъ въ любви къ Пему Божествомъ, и людей воззвалъ къ желанію святаго жара своего человекствомъ. Далѣе слѣдуетъ: *яко видѣніе дуги, егда ссть на облацяхъ въ день дождя* (ст. 28).

29. Дугу всемогущій Богъ положилъ знаменіемъ между Нимъ и людьми, что Онъ болѣе уже не будетъ истреблять міра потопомъ, говоря: *дугу мою полагаю во облацъ, и будетъ въ знаменіе Завета (въчало) между Мною и землею. И будетъ егда наведу облаки на землю, явится дуга Моя во облацъ: и помяну заветъ Мой, иже есть между Мною и вами* (Быт. IX, 13 — 15). Поэтому-то и цвѣтъ въ той же самой дугѣ показывается и цвѣтомъ воды, и цвѣтомъ огня; потому что онъ частию лазуревый, а частию красный, чтобы быть свидѣтелемъ того и другаго суда, т. е. одного, имѣющаго быть, а другаго, уже совершившагося, — такъ какъ міръ хотя и сгоритъ отъ огня суда, но не будетъ уже истребленъ водою потопа (2 Петр. III, 7). Но что значить, по видѣнію Пророка, блистающій огонь отъ чреслъ человека, сѣдящаго на престолѣ, какъ

бы видѣніе дуги въ облакахъ въ день дождя? Поелику чрезъ огонь, какъ сказано, означается жаръ Святаго Духа; то какое сходство и дуги съ Духомъ, чтобы можно было сказать, что явившійся огонь явился какъ видъ дуги?—Но если мы, какъ сказали впереди, обратимъ вниманіе на видѣніе дуги, то увидимъ, какимъ образомъ дуга означаетъ Духа. Потому что въ дугѣ, какъ я сказать, являются вода и огонь. А послѣ пришествія Ходатая спла Духа Святаго проявилась въ родѣ человѣческомъ тѣмъ, что по омыла избранныхъ Божиихъ водою Крещенія, и воспламенила ихъ огнемъ Божественной любви. Ибо для умиловительной жертвы поставляется какъ бы иная дуга въ облакѣ изъ смѣшенія водянаго и огненнаго цвѣта, когда Истина говоритъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Онъ (Духъ) есть дуга въ облакѣ въ день дождя; потому что является въ воплощеніи Господнемъ, и въ изліяніи проповѣданія, для того, чтобы сердца вѣрующихъ обратились къ покаянію во время милосердія Божія. Ибо за облако мы не безъ основанія принимаемъ плоть Искупителя, о которой чрезъ Псалмопѣвца сказано: *полагая облаки на восхожденіе свое* (Псал. CIII, 3). Такъ какъ Онъ положилъ облако на восхожденіе Своё, когда бу-

дучи вездѣсущимъ по Божеству, вознесся на небеса плотию. Но по описаніи всего таинственнаго видѣнія, Пророкъ присовокупляетъ: *это было видѣніе свѣта вокругъ, и сіе видѣніе подобія славы Господней* (Іезик. I, 28. II, 1) (а).

30. Ибо предвидя, что должна совершитъ благодать Святаго Духа во всемъ мѣрѣ, онъ говоритъ: *это было видѣніе свѣта вокругъ*. Но желая видѣть внутреннюю славу Тогоже Самаго Духа, но не имѣя къ тому возможности, онъ присовокупляетъ: *и сіе видѣніе подобія славы Господни*. Ибо не говоритъ: *видѣніе славы*, но, *подобія славы*, для того, чтобы показать, что какое бы ни было напряженіе ума человѣческаго, хотя бы онъ обуздаль въ размышленіи всѣ фантастическіе образы тѣлесныя, хотя бы удалилъ отъ очей сердечныхъ уже всѣхъ описанныхъ духовъ: но все-таки, пахотясь въ смертномъ тѣлѣ, не можетъ видѣть славы Бо-

а) Это есть буквальный переводъ текста съ Латинскаго языка, который читается такъ: *hic erat aspectus splendoris per gyrum, et haec visio similitudinis gloriae Domini*. Но въ Славянскомъ переводѣ тотъ же текстъ читается такъ: *тако стояше свѣта окрестъ. Сіе видѣніе подобіе славы Господни*. Объясненіе Святителя принаровлено къ смыслу Латинскаго текста. Поэтому и сдѣланъ буквальный переводъ съ того же текста.

жіей, какова она есть. Но что представляется о ней въ умѣ, то есть подобіе, а не сама она. Поэтому-то и тотъ Проповѣдникъ, который былъ восхищенъ до третьяго неба, говорилъ: *теперь мы видимъ, какъ сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. XIII, 12).

31. Въ этомъ разсужденіи рождается не маловажный для насъ вопросъ: какъ же Евангелистъ Іоаннъ, описывая словами пророческими невѣріе Іудеевъ въ чудеса Искупителя нашего, присовокупляетъ, говоря: *сія рече Исаія, егда видѣ славу Его, и глагола о Немъ* (Іоан. XII, 41)? И если Іезикииль видѣлъ, не славу, но подобіе славы; то что значить, что одинъ (Пророкъ) описывается видѣвшимъ подобіе славы, а другой-славу Его? Но поскольку Евангелистъ Іоаннъ прежде изложилъ повѣствованіе о чудесахъ Искупителя нашего, а потомъ присовокупилъ о невѣрїи Іудеевъ; то показываетъ, что Исаія видѣлъ ту славу Искупителя нашего, которая проявлена въ этомъ мірѣ. Ибо все, что Божественно дивнаго совершается на землѣ, есть слава всемогущаго Бога, и слава Его видна во всѣхъ дѣлахъ. Слѣдовательно Исаія видѣлъ славу на землѣ, а Іезикииль славы Его на небѣ не могъ видѣть, какова она есть; потому что инакова слава Его въ вещахъ сотворенныхъ, и инакова сама въ себѣ. Поэтому эта слава, которая въ

дѣлахъ, можетъ быть видима; но та, которая въ Немъ Самомъ, никакъ не можетъ быть видима, развѣ только чрезъ подобіе. Но и этого самаго подобія славы Пророкъ, даже въ восторженномъ состояніи, не могъ вынести. За тѣмъ слѣдуетъ; *и видѣхъ, и падохъ ницъ* (Іезик. II, 1).

32. Итакъ, что было бы съ этимъ мужемъ, если бы онъ увидѣлъ славу Его такъ, какъ она есть, когда и при видѣніи подобія славы Его, онъ, не имѣя силъ вынести, упалъ? Поэтому съ великою скорбію мы должны помышлять и со слезами разсуждать, въ какое несчастіе и какую слабость мы пали, когда не можемъ даже выносить того самаго блага, къ видѣнію котораго сотворены. Впрочемъ есть и еще нѣчто, о чемъ мы, на основаніи соштія съ Пророкомъ, должны помыслить въ самихъ себѣ. Ибо Пророкъ тотчасъ, какъ только увидѣлъ подобіе славы Господней, упалъ на лице свое. По велику мы духомъ пророчества не можемъ видѣть подобія этой славы; то должны непрестанно познавать ее и тщательно созерцать въ Священномъ Писаніи, въ небесныхъ увѣщаніяхъ, въ духовныхъ заповѣдяхъ. Когда мы взираемъ какъ нибудъ на Бога, тогда падаемъ на лице свое; потому что стыдимся беззаконій, которыя по воспоминаію нами содѣланы. Ибо человекъ падаетъ

тамъ, гдѣ конфузится. Поэтому-то и Павелъ какъ бы падающимъ на лице говорилъ нѣкоторымъ: *кѣи убо тогда имѣете плодъ, о нихже нынѣ стыдитесь* (Рим. VI, 21)?

33. Итакъ по дару небесной благодати, мы раскрыли покрытое таинствами начало книги Пророка Іезикиіля, и нравственно обсуживая таинственные изреченія, мы высокую теорію пророчества привлекли къ землѣ, для того, чтобы преслѣдующее надъ умами дѣтей и подобныхъ миѣ, но не возвышающее ихъ, нынѣ уже было читаемо ими, и познаваемо, и летало, и возвышалось. Итакъ возблагодаримъ Искупителя нашего, Который всегда обновляетъ насъ духовною пищею, Который есть хлѣбъ Божій, сходящій съ небеси, и дающій жизнь міру (Іоан. VI, 33). Опъ живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕВЯТАЯ.

Изъясняется вторая глава Іезикиіля. Въ этомъ изъясненіи не только многое излагается въ нравственномъ смыслѣ, но и не мало обсуждается уче-

нымъ образомъ трактатовъ: о необходимости предшествующей благодати, о согласіи и содѣйствіи ей свободнаго произволенія, о темпотѣ Св. Писанія, и толкованіи его.

1. По милосердію Господа нашего Иисуса Христа, мы въ осми бесѣдахъ объяснили начало книги Пророка Іезекииля, содержащее въ себѣ много темныхъ мѣстъ, и нѣкоторыхъ таинствъ. Теперь уже слѣдуютъ мѣста, болѣе ясныя, и менѣе темныя. Итакъ съ благодареніемъ Тому же всемогущему Богу мы говоримъ любви вашей, что послѣ столькихъ лѣсистыхъ темпотъ мы радостно вышли на долины, по которымъ смѣло можемъ идти съ нашимъ собесѣдованіемъ. Ибо вотъ, послѣ того, какъ Пророкъ увидавъ подобіе славы Господней палъ на лице свое, онъ присовокуцляетъ: *и слышахъ гласъ глаголющаго; и рече ко мнѣ: сыне чловѣкъ, стани на ноги твоя, и возлагаю тебѣ* (Іезик. II, 1). За тѣмъ еще присовокуцляется: *и прииде на мя дѣхъ, и взя мя, и воздвѣже мя, и постави мя на ногахъ моихъ* (ст. 2).

2. Вотъ Божественный голосъ повелѣваетъ встать лежащему Пророку. Но онъ рѣшительно не могъ бы встать, если бы не вошелъ въ него духъ всемогущаго Бога; потому что мы, хотя и можемъ по благодати Божіей дѣлать усиліе къ добрымъ дѣ-

ламъ, но не можемъ ихъ творить, если не помога-
 сть намъ Тотъ, Кто ихъ заповѣдуетъ. Такъ Па-
 вель, когда увѣщевалъ учениковъ, говоря: *со стра-
 хомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Филип.
 II, 12), тамъже присовокунилъ и о Томъ, Кто со-
 вершаетъ въ нихъ эти самыя добродѣтели, говоря:
Богъ бо есть дѣйствующій въ васъ, и еже хотѣти, и
еже дѣяти о благоволеніи (ст. 13). Поэтому-то и Са-
 ма Истина говоритъ ученикамъ: *безъ Мене не мо-
 жете творити ничевоже* (Іоан. XV, 5). Но въ
 этомъ дѣлѣ надобно обсудить, что если наши доб-
 рыя дѣла суть дары всемогущаго Бога, такъ что
 въ нихъ есть нѣчто не наше; то почему мы же-
 лаемъ вѣчнаго воздаянія, какъ бы за заслуги? А
 если онѣ такъ наши, что уже не суть дары все-
 могущаго Бога; то почему мы благодаримъ за нихъ
 всемогущаго Бога? Но надобно знать, что злыя дѣ-
 ла суть только наши; а добрыя — и наши, и все-
 могущаго Бога; — наши потому, что Онъ вдохнове-
 ніемъ предваряетъ насъ, чтобы мы желали, вспомо-
 ществуя преслѣдуемъ, чтобы мы желали не напрас-
 но, но могли исполнить то, чего желали. И такъ
 предваряющею благодатию и повиноющею доб-
 рою волею, то, что есть даръ всемогущаго Бога,
 содѣлывается нашею заслугою. Это хорошо и крат-
 ко изъясняетъ Павель, говоря: *паче всѣхъ ихъ по-*

трудился (1 Кор. XV, 10). Но чтобы не показалось, будто онъ приписываетъ своей силѣ то, что совершилъ, онъ присовокупилъ: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (тамже). Поелику онъ предвареть небеснымъ дарованіемъ, то призналъ себя какъ бы чуждымъ своего добраго дѣла, говоря: *не азъ же*: Поелику же предваряющая благодать произвела въ немъ свободное расположеніе къ добру, и этимъ свободнымъ расположеніемъ онъ послѣдовалъ тойже благодати на самомъ дѣлѣ, то присовокупилъ: *но благодать Божія, яже со мною*. Онъ говорилъ какъ бы такъ: въ добромъ дѣлѣ потрудился не я, но и я. Ибо не я предшествовалъ въ немъ дарованію Господню; но я добровольно повиновался дарованію. Итакъ кратко оказавъ объ этомъ противъ Пелагія и Келестина, мы возвратимся къ порядку изъясненій. *Сыне чловѣчь, стани на ноги твоя, и возлагаю тебѣ* (Іезик. II, 1).

3. Для насъ замѣчательнъ порядокъ слова и дѣла; потому что прежде является слава Господня, чтобы заставить упасть на землю; за тѣмъ голосъ, чтобы (Пророкъ) всталъ; послѣ посылается духъ преизбыточествующей благодати, и возставляетъ, и ставитъ на ноги. Ибо, если бы мы не видѣли чего либо изъ вѣчности, то никогда не падали бы на лице свое во время покаянія. Но уже лежащіе,

мы слышимъ утѣшительный гласъ Господа о томъ, чтобы мы встали на дѣланіе, чего впрочемъ мы не можемъ сдѣлать собственною силою. Слѣдовательно, Его же духъ наполняетъ насъ, возстановляетъ и ставитъ насъ на ноги, чтобы мы, которые въ сознаніи виновности своей повергались въ прахъ во время покаянія, послѣ прямо стояли въ добромъ дѣланіи. Но что Пророкъ услышалъ стоя, онъ при-совокупляетъ, говоря: *и слышахъ его глаголющаго ко мнѣ, и рече (Господь) ко мнѣ: сѣде челоувѣчь, послю тя къ дому Израилеву, огорчающимъ Мя, иже огорчиша Мя* (Гезик. II, 2, 3).

4. Такъ Пророкъ описываетъ свое, чтобъ обозначить наше. Ибо что значить, что ему, лежащему, говорится: *стани на ноги твоя, и возлагаю тебѣ?* Тотъ, Кто говоритъ лежащему, почему обѣщаетъ говорить не иначе, какъ стоящему? Но надобно знать, что иное мы должны слушать въ лежащемъ положеніи, а иное—въ стоячемъ. Ибо лежащему говорится, чтобъ онъ всталъ, а стоящему повелѣвается, чтобъ онъ шелъ на проповѣдь. Лежащему въ сознаніи своей слабости нельзя еще предписывать важности проповѣднической. Но когда мы уже востанемъ на доброе дѣланіе, когда начнемъ стоять прямо; тогда мы становимся достойными того, чтобы насъ посылать на проповѣдь для

обращенія другихъ. Итакъ Пророкъ стоя увидѣлъ видѣніе, и унאלъ; но унавши услышалъ слово увѣщанія — встать; а вставши выслушалъ повелѣніе итти на проповѣдь. Ибо мы, которые стоимъ еще на вершинѣ гордости, стоимъ того, чтобы повергнуться въ прахъ во время покаянія, когда уже начинаемъ чувствовать нѣчто о страхѣ вѣчности. И когда мы, вѣрно сознавая слабость свою, смиренно лежимъ на землѣ; тогда получаемъ повелѣніе чрезъ утѣщительное Слово Божіе встать для совершенія дѣлъ, требующихъ подвига. И когда мы уже твердо установились въ добрыхъ дѣлахъ; тогда необходимо для насъ, чтобы мы помогли другимъ проповѣдью о томъ, отъ чего исправились сами. Итакъ лежащему не дается повелѣнія, чтобъ онъ шелъ на проповѣдь, для того, дабы каждый слабый дѣломъ не разстроивалъ того, что можетъ устроить словомъ. Поэтому-то и справедливо говорится чрезъ Псалмопѣвца: *возведе мя отъ рова страстей, съ отъ брежня тины, и постави на камени нозь мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста мои пѣснь нову, тѣніе Богу нашему* (Псал. XXXIX, 3—4). Ибо сначала онъ выводится изъ грязи нечестія, чтобъ утвердился чрезъ вѣру ноги его на камени. Но поелику **правая вѣра** должна сопровождаться **правою дѣятельностію**; то шаги его правы для того,

чтобы послѣ направленія шествія, т. е. послѣ усовершенствованія въ доброй дѣятельности, получить ему въ уста и новую пѣснь проповѣди. Такъ Савль, когда съ гордостію шель въ Дамаскъ (Дѣян. IX, 6), пораженный гласомъ Искушителя лежалъ простертымъ на землѣ. И тотъ, кто былъ будущимъ Проповѣдникомъ, не тотчасъ слышалъ, чтобъ онъ шель проповѣдывать о томъ, что видѣлъ: по ему, еще лежащему, сказано: *востани, и види во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (Дѣян. IX, 7). И такъ лежа могъ онъ слышать только то, чтобы вставши учился тому, что услышитъ; а вставши научился тому, чтобы проповѣдывать о томъ, что узналъ.

5. Но надобно спросить намъ: почему Іезикииль и Павелъ падаютъ на лице, а о всадникѣ, т. е. о томъ, кто превознесенъ славою міра сего, говорится: *и падетъ конникъ вспять* (Быт. XLIX, 18)? И опять о преслѣдователяхъ Господа написано: *идоша вспять, и падоша на земли* (Іоан. XVIII, 6). Что это значить, что избранные падаютъ на лице, а нечестивые падаютъ *вспять*, если не то, что всякій, падающій *вспять* (назадъ), безъ сомнѣнія падаетъ тамъ, гдѣ не видить; а кто упалъ на лице, тотъ упалъ тамъ, гдѣ видѣлъ? Слѣдовательно, послѣду нечестивые падаютъ въ невидимомъ, то и па-

зываются падающими назадъ; потому что падаютъ тамъ, гдѣ не могутъ видѣть ничего, что съ ними послѣдуетъ. Но праведники, поелику добровольно повергаются предъ тѣмъ, что видятъ, дабы выпрямиться въ невидимомъ, падаютъ какъ бы на лице; потому что, пораженные страхомъ, они видя смиряются.

6. Но замѣчательно то, что говорится: *посютя Азъ къ дому Израилеву, огорчающимъ Мя, иже огорчиша Мя* (а). Какъ двумя способами дѣлается отступленіе отъ Бога, такъ двумя же способами люди дѣлаются отступниками отъ Бога. Ибо **каждый отстываетъ отъ Создателя своего, или вѣрою, или дѣятельностію.** Слѣдовательно, какъ тотъ, кто отстываетъ отъ вѣры, есть отступникъ, такъ безъ всякаго сомнѣнія считается отступникомъ отъ всемогущаго Бога и тотъ, кто возвращается къ развратной жизни, которую онъ оставилъ, хотя бы и казался содержащимъ вѣру. Ибо одно безъ другаго рѣшительно бесполезно; потому что ни вѣра безъ дѣлъ, ни дѣла безъ вѣры, не помогаютъ, если сн

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *mitto ego te ad filios Israel, ad gentes apostatricas, quae recesserunt a Me.* Т. е. *посылаю я тебя къ сынамъ Израиля, къ народамъ отступившимъ, которые отступили отъ Меня.* Къ этому смыслу текста прицаровлено объясненіе Святителя.

не пачаты прежде вѣры; такъ какъ Корнелій, прежде нежели содѣлался вѣрующимъ, добрыми дѣлами заслужилъ быть услышаннымъ (Дѣян. X, 4). Изъ этого выхсдитъ заключеніе, что онъ творилъ добрыя дѣла прежде принятія вѣры. Ибо кому отъ Ангела возвѣщается: *молтвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога*, и тотчасъ за этимъ восхожденіемъ дастся повелѣніе послать къ Симону, который пришедъ къ нему, должспъ проповѣдать; тотъ безъ сомнѣнія молился о томъ, чѣмъ заслужилъ услышанія. Далѣе слѣдуетъ: *отцы ихъ отвергшася Мене до днешняго дне. И сынове жестокоумни, и твердосердечни: Азъ посто тя къ тѣмъ* (Езек. II, 3. 4).

7. Вотъ одна вина гордости, что *отвергошася*. Вотъ другая—упорства, потому что *до днешняго дне*. Вотъ въ нечестіи сыновъ важная вина безстыдства; потому что они *жестокоумни*, такъ какъ они уже не краснѣютъ отъ зла, которое дѣлаютъ, и никогда уже послѣ преступленій не возвращаются къ покаянію, такъ какъ они *твердосердечни*. Если же такъ нечестивы, и такъ упорны тѣ, къ которымъ Пророкъ посылается: то кто не видитъ, что личность Пророка можетъ быть презираема столь развращенными людьми? Но вотъ сообщается авторитетъ личности, когда присовокупляется: *и речеши*

*къ нимъ: тако глаголетъ Адогаі Господь (ст. 4). Ясно какъ бы сказано было такъ: поелику ты лично подвергнешься презрѣнію, то тебѣ необходимо говорить Моимъ голосомъ. Чтобы не подвергаться презрѣнію тебѣ посылаемому, покажи, Кто тебя послалъ, произнося Мои слова. За тѣмъ слѣдуетъ: *аще убо (авось либо) услышатъ или убоятся: за не домъ огорчеваяя есть (ст. 5).**

8. Поелику извѣстно, что всемогущій Богъ знаетъ все, то весьма удивительно, почему говорится: *аще убо услышатъ или убоятся.* Поэтому надобно знать, что сомнѣніе въ выраженіи Божіемъ происходитъ не отъ невѣденія, а отъ другой причины. Ибо кто не знаетъ, что сотворившій и видящій все знаетъ все? И лично Сама Истина о проповѣдникахъ Антихриста въ Евангеліи говоритъ: *дадутъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя (Мат. XXIV, 24).* Почему жъ это говорится подъ сомнѣніемъ, когда Господь напередъ знаетъ, что будетъ? Но одно изъ двухъ,—что если они избранные, то этого быть не можетъ; а если можетъ быть, то они не избранные. И однако же говорится: *якоже прельстити, аще возможно, и избранныя.* Итакъ оное сомнѣніе въ рѣчи Господней было означеніемъ искушенія для сердець избранныхъ; потому что тѣ, которые избраны къ твердому стоя-

нію, знаменіями проповѣдниковъ Антихриста будутъ искушаемы къ паденію. Слѣдовательно тѣмъ, что говорится: *аще возможно*, выражается только то, что избранные будутъ искушаемы въ сердцахъ. Ибо они колеблются, но не падаютъ. Итакъ говорится: *аще возможно* потому, что они будутъ въ страхѣ; и однако же пазываются *избранными* потому, что не падутъ. Поэтому сомнѣніе въ рѣчи Господней объ избранныхъ выражаетъ трепеть души ихъ. Онъ называетъ ихъ и избранными потому, что предвидитъ ихъ стойкость въ вѣрѣ и добродѣтели. Поэтому-то и здѣсь говорится: *аще убо услышатъ или убоятся*. Ибо словами: *аще убо* показывается, что изъ великаго множества не многіе будутъ слушать. Итакъ чрезъ сомнѣніе въ рѣчахъ Божіихъ что другое означается, если не малочисленность слушателей?

9. Но замѣчательно, что послѣ того, какъ сказавъ о злѣ умершихъ отцевъ, Посылающій Пророка къ сынамъ говоритъ: *аще убо услышатъ или убоятся*. Что значитъ сказать: *аще убо*, если не то, что отцы ихъ, которые перемерли виновными, не хотѣли слушать? Прошу обсудить, какая сила должна быть въ этой слабости рѣчи Господней: *аще убо услышатъ*. Это къ намъ говорится, именно къ намъ, которые въ притѣсненіи, осадѣ, въ заперти

лишились всѣхъ благъ, которые имѣли въ мѣрѣ семь. Мы видимъ города разрушенными, укрѣпленія уничтоженными, поля опустошенными, Церкви подкопанными; и несмотря на то, доселѣ еще слѣдуемъ нечестію отцевъ нашихъ, не перемѣняемъ той ихъ величавости, которую видѣли. Но они грѣшили, по крайней мѣрѣ, среди радостей; но мы, что тягчае, грѣшимъ подъ розгами. Но вотъ всемогущій Богъ, осуждающій беззаконія, уже истребилъ нашихъ предковъ, уже позвалъ ихъ на судъ. А насъ еще ожидаетъ къ покаянію, еще поддерживаетъ для обращенія. И Тотъ, Кто совершилъ уже судъ надъ ними, намъ предлагаетъ великость Своего Долготерпѣнія, дабы не погубить насъ вмѣстѣ съ нашими предками, говоря: *еще убо услышатъ или убоятся: зане домъ огорчеванъ есть.*

10. И каждая душа по принятіи вѣры, или остающаяся въ своемъ развращеніи, или возвращающаяся къ нему, называется домомъ огорчевающимъ; потому что нечестивыми нравами удаляетъ отъ себя Того обитателя Бога, Котораго приняла вѣрою. Ибо домъ занимается господиномъ (его). И такъ, если она домъ, то почему огорчевающій? А если огорчевающій, то почему домъ, который какъ бы уже необитаемъ? Но она домъ, потому что въ ней чрезъ вѣру началъ обитать Богъ; однако же домъ

огорчевающій, потому что изъ нея Онъ вышелъ, будучи отверженъ нечестивыми ея правами, чтобы ей, которую прежде наполнялъ небесный Обитатель, оставаться въ заустѣніи. А за тѣмъ еще, какъ мы знаемъ изъ словъ Истины, нечистый духъ, возвращающійся съ семью другими, находитъ этотъ домъ выметеннымъ (Мат. XII, 45), потому что наполняетъ душу, чуждую добродѣтелей.—За тѣмъ слѣдуетъ: *и познаютъ, яко Пророкъ еси ты посредь ихъ* (Іезик. II, 5).

11. Злые обыкновенно знаютъ добрыхъ, или при вспоможени въ успѣхѣ спасенія, или при свидѣтельствѣ осужденія. Итакъ пусть они знаютъ, что посреди ихъ будетъ Пророкъ, для того, чтобы отъ выслушанной проповѣди, или получить вспоможеніе къ востанію, или такое осужденіе, чтобы не имѣть извиненія. Далѣе слѣдуетъ: *и ты сыне чловѣчь, да не убоишия ихъ, ни ужасайся отъ лица ихъ: зане разсвирѣпнютъ, и обыдутъ тя окрестъ, посреди бо скортіевъ ты живееши: словеса ихъ не убойся, и отъ лица ихъ не ужасайся, зане домъ огорчеваяя есть* (Іезик. II, 6).

12. Очевидно, къ какимъ развратникамъ посылается на проповѣдь тотъ, котораго увѣщиваютъ, чтобъ онъ не боялся. И поелику всѣ нечестивые и непріятности дѣлаютъ говорящимъ для нихъ доб-

рое, и еще другими угрожаютъ: то противъ дѣлаемыхъ говорится: *да не убоишиа ихъ*; а противъ угрозъ присовокупляется: *словеса ихъ не убойся*. Или въ рѣчи; поелику нечестивые и злодѣйствуютъ противъ добрыхъ, и всегда унижаютъ цѣну добрымъ ихъ дѣламъ: то посланному Пророку дается наставленіе, чтобъ онъ ни жестокости ихъ не боялся, ни словъ не страшился. И такъ выраженіемъ — *да не убоишиа* — дается Пророку авторитетъ проповѣданія. А поелику всѣ мы, живущіе въ Богѣ, органы истины, такъ что часто чрезъ другаго мнѣ она сообщается, а часто чрезъ меня другимъ: то въ насъ долженъ быть авторитетъ на доброе слово, такъ чтобы и тотъ, кто начальствуетъ, свободно говорилъ истину, и тотъ, кто состоитъ подъ начальствомъ, не отказывался смиренно высказывать ту же истину. Ибо добро, предлагаемое отъ низшаго высшему, бываетъ истиннымъ добромъ тогда, когда высказывается смиренно. Но если правота чувствованія теряетъ смиреніе въ рѣчи, то корень чувства опочень будетъ въ вѣтви языка. Этотъ именно порокъ происходитъ уже не изъ вѣтви, но изъ корня; потому что, если бы сердце не было надмѣнно, то языкъ не выражалъ бы гордости. И такъ въ первомъ долженъ быть авторитетъ смиренія для того, чтобы говорить, а во второмъ — свободное смиреніе. Но

среди людей часто разстроивается самый порядокъ собесѣдованія, какъ сказали мы выше. Ибо иногда говоритъ кто либо чрезъ надутость гордости, и думаетъ, будто онъ говоритъ съ авторитетомъ свободы; а другой молчитъ иногда по глупому страху, и думаетъ, будто онъ молчитъ по смиренію. Тотъ, занимаясь мѣстомъ своего папальствованія, не умѣряетъ чувства надутости; тотъ, разсуждая о мѣстѣ своего подчиненія, боится говорить о благѣ, которое чувствуетъ, и не замѣчаетъ того, на сколько онъ дѣлается виновнымъ предъ любовію молчаніемъ.

13. Но гордость авторитетомъ, и человѣческій страхъ смиреніемъ, прикрываются такъ, что часто ни тотъ не можетъ обсудить, чѣмъ онъ обязанъ Богу, ни этотъ, чѣмъ онъ обязанъ ближнему. Ибо тотъ, взирая на подчиненныхъ себѣ, и не обращая вниманія на Того, Кому все подчинены, предается гордости, и своею гордостію славится какъ бы авторитетомъ. А этотъ иногда, боясь лишиться благоволенія со стороны вышшаго, и чрезъ то потерпѣть нѣкоторый временный вредъ, скрываетъ правду, которую знаетъ, и молча про себя самый страхъ, которымъ стѣсняется, называетъ смиреніемъ. Но молча въ помысленіи осуждаетъ того, кому ничего не хочетъ сказывать; а потому онъ ужасно гордъ по-

тому именно, почему считаетъ себя смиреннымъ. Поэтому всегда надобно различать свободу отъ гордости, и смиреніе отъ страха, для того, чтобы ни страхъ не прикрывался смиреніемъ, ни гордость свободою. Итакъ, поелику Іезикииль посылается на проповѣдь не только народу, но и старѣйшинамъ его: то, чтобъ онъ не считалъ неумѣстнаго страха за смиреніе, ему дается наставленіе, чтобъ онъ не боялся, когда говорится: *да не убоишия*. А чтобъ онъ не страшился и словъ поношенія ихъ, присовокупляется: *словесъ ихъ не убойся*,

14. Но почему онъ не долженъ бояться словъ поносителей, присовокупляется и причина, когда тамъ же говорится: *зане разсвирѣплютъ, и обыдутъ тя окрестъ, посреди бо окорнѣвъ ты живещи*. Ибо тѣ, въ которыхъ посылаемъ были Пророкъ, не были бы страшны, если бы вѣрою и дѣлами благоугождали всемогущему Богу. Но поелику они невѣрующіе и развратники, въ словахъ своихъ поносители; то ихъ страшиться нечего, потому что весьма глупо, если мы желаемъ нравиться тѣмъ, о которыхъ знаемъ, что они противны Богу. Но суды праведныхъ должны быть принимаемы со страхомъ и благоговѣніемъ; потому что они суть члены всемогущаго Бога, и порицають на землѣ то, что съ неба обличаетъ Богъ. Ибо поношеніе нечести-

выхъ есть одобреніе нашей жизни; потому что уже открывается, что мы имѣемъ нѣсколько праведности, если начинаемъ не нравиться тѣмъ, которые не правятся Богу. Ибо никто въ одномъ и томъ же дѣлѣ не можетъ быть пріятнымъ всемогущему Богу и врагамъ Его. Такъ какъ отказывается быть другомъ Богу тотъ, кто угождаетъ врагу Его. И тотъ будетъ противенъ врагамъ истины, кто будетъ сердечно подчиняться тойже истинѣ. Поэтому святые мужи, воспламененные обличеніемъ свободнаго слова, не боятся возбуждать ненависть къ себѣ тѣхъ, о которыхъ знаютъ, что они не любятъ Бога. Пламенно выражая это Пророкъ, считалъ какъ бы обязанностію къ Создателью всяческихъ, говоря: *не ненавидящія ми Тя, Господи, возненавидѣхъ; и о врагъ твоихъ истаяхъ* (Псал. СXXXVIII, 21)? *Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (ст. 22). Ясно говоритъ онъ какъ бы такъ: суди, (Господи), сколько люблю Тебя я, который не страшусь возбуждать противъ себя вражду враговъ Твоихъ. Поэтому-то онъ еще говоритъ: *воздающимъ ми злая возблагая, зане чюняхъ благостынню* (Псал. XXXVII, 21). Весьма доброе дѣло дѣлаетъ праведникъ, когда свободно противорѣчить неправеднымъ. Но неправедные люди воздаютъ за добро зломъ, когда безславятъ праведниковъ за то, что сіи за-

щищаются противъ нихъ правдою. Ибо праведники не взираютъ на сужденія чловѣческія, но взираютъ на судъ вѣчнаго Суди, а потому и презираютъ слова безславящихъ. Ибо поэтому Павелъ безславящимъ Коринтянамъ говоритъ: *для меня очень мало значитъ, какъ судите обо мнѣ вы, или другіе люди* (1 Кор. IV, 3). Онъ, не находя ничего даже въ своей совѣсти, за что могъ бы укорить себя, присовокупляетъ: *я и самъ не сужу о себѣ*. Но видя, что ему для совершенства въ святости не достаточно было своего сужденія, присовокупилъ: *судя мой Господь* (Тамъже, ст. 4). Ясно онъ говоритъ къъ бы такъ: я думаю, что даже собственному моему сужденію о мнѣ не должно вѣрить; потому что меня судить Тотъ, суда Котораго я не постигаю. Поэтому блаженный Іовъ, когда среди болѣзней отъ рапъ терпѣлъ еще раны отъ словъ, приносимыхъ языками уничижающихъ его друзей, тотчасъ мыслію обратился къ совѣсти, и чтобы гдѣ либо имѣть опору для души, воззрѣлъ на небо, говоря: *и цынть се на небесныхъ послухъ* (свидѣтель) *мой, свидѣтель же ми во вышнихъ* (Іов. XVI, 19). Онъ и еще присовокупилъ: *да придетъ моя моляба ко Господу, предъ Нимже да каплетъ око мое* (ст. 20).

15. Ибо во всемъ, что говорятъ о насъ, мы должны всегда молча обращаться къ душѣ, прибѣ-

гать къ внутреннему свидѣтелю и судіи. Ибо что пользы въ томъ, если всѣ хвалятъ, но совѣсть обвиняетъ? Или какой вредъ можетъ быть отъ того, что всѣ поносятъ насъ, и одна только совѣсть защищаетъ насъ? Поэтому-то блаженный Іовъ, пребывая въ душѣ непоколебимымъ среди рѣчей обличителей, цѣлику видѣлъ, что онъ препирается на землѣ съ ложными мыслями, искалъ свидѣтеля на небѣ. Поэтому-то и Исаія говорить: *людіе мои, блаженіи васъ лежатъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. III, 12). Дабы эти именно люди не обращали вниманія на слова похвалы себѣ, и не гибли во грѣхахъ, тотчасъ говорится, что они должны взирать на Того, Котораго суда должно страшиться, когда присовокупляется: *на нынѣ устранился Господь на судъ, и поставитъ на судъ люди своя* (ст. 13). Ясно онъ говорилъ какъ бы такъ: почему послѣдуешь мнѣніямъ человѣческимъ ты, который знаешь, что надъ тобою стоитъ небесный Судія?

16. Поэтому-то Истина утверждаетъ, что Іоаннъ Креститель не былъ подобенъ трости, колеблемой отъ вѣтра, говоря: *чеса изыдоше въ пустыню видѣти; трость ли вѣтромъ колеблему* (Мат. X, 7)? Что это оказалъ Онь отрицательно, а не утвердительно, о томъ свидѣлствуютъ слѣдующія за

тѣмъ слова. Ибо говорятъ: *но чесо изыдоште видѣти; челоуька ми въ мяки ризы облеченна; се, иже мякая носяции, въ домѣхъ царскихъ суть* (Тамъ же, ст. 8). Трость же, колеблемая вѣтромъ, то вверху поднимается отъ дуновеній, то внизъ приклоняется отъ нихъ же. Но всякая слабая душа, которая или отъ поношеній приходитъ въ уныніе, или отъ похвалъ надмѣвается, есть трость, колеблемая вѣтромъ. Иоаннъ не былъ таковымъ; потому что среди похвалъ челоуѣческихъ и поношеній былъ непоколебимъ душею.

17. Но этотъ предметъ требуетъ тщательнаго обсужденія. Когда мы ведемъ жизнь неукоризненную; то всегда ли мы должны презирать слова безславящихъ насъ, или въ извѣстныхъ случаяхъ должны обуздывать ихъ? Объ этомъ надобно знать, что какъ съ намѣреніемъ не должны мы раздражать языки злословящихъ, дабы они не погибли, такъ равнодушно должны мы переносить злорѣчіе, возбужденное собственною ихъ злостію, чтобы наша заслуга возрастала; но иногда должны мы и обуздывать ихъ, для того, чтобы они, разсѣвая о насъ худую молву, не вредили псвиннымъ сердцамъ тѣхъ, которые съ пользою для себя могли насъ слушать. Поэтому-то Иоаннъ обуздываетъ языкъ своего порицателя; говоря: *первенствою обещахъ ихъ Діот-*

ревъ не пріемлетъ насъ. Сею ради аще пріиду, воспользую его дѣла, яже творитъ, словеса лукавыми укоряя насъ (3 Иоан. IX, 10). Такъ и Павелъ о Коринѣскихъ порицателяхъ разсуждаетъ, говоря: такъ какъ нѣкто говоритъ: онъ въ письмахъ строгъ и силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ, и рѣчь его низка; таковой пусть знаетъ, что каковы мы на словахъ въ письмахъ заочно, таковы и на дѣлѣ лично (2 Кор. X, 10).

18. Ибо тѣ, коихъ жизнь представлена въ примѣръ для подражанія, должны, если могутъ, обуздывать языкъ своихъ порицателей, дабы мнѣнія сихъ послѣднихъ не слушали тѣ, которые могли слушать, и оставаясь въ нечестіи, не призирали добродѣтельной жизни. Но въ этомъ дѣлѣ необходимо тщательно испытывать самаго себя, дабы не искать славы въ похвалѣ себѣ, и не притворяться въ нашемъ мышленіи, будто оно заботится о пользѣ душъ. Ибо часто душа усаждается хвалою своего имени, и какъ бы подъ предлогомъ духовной пользы радуется, когда узнаетъ, что о ней говорятъ хорошо. И часто при защищеніи своей славы гнѣвается на поносителей, и воображаетъ себѣ, будто она это дѣлаетъ по ревности къ тѣмъ, коихъ сердца смущаетъ рѣчь поносителя на ихъ добромъ пути. И такъ о томъ, чтобы противъ ихъ мнѣнія не имѣ-

ли перевѣса слова порицателей, чрезвычайно должны заботиться тѣ, которые, тонко испытавъ свою совѣсть, находятъ, что они въ ней не имѣютъ никакого пристрастія къ личной славѣ.

19. Поэтому-то праведные и совершенные (люди) иногда проповѣдуютъ о своихъ добродѣтеляхъ, рассказываютъ о благахъ, полученныхъ свыше, не для того, чтобъ имъ имѣть успѣхъ въ прославленіи себя предъ людьми, но для того, чтобы примѣромъ своимъ привлечь въ жизни тѣхъ, которымъ они проповѣдуютъ. Поэтому-то Апостоль Павелъ повѣствуетъ Коринтянамъ, сколько разъ били его палками, сколько разъ побивали его камнями, сколько разъ претерпѣвалъ онъ кораблекрушенія, сколько претерпѣлъ за истину, что онъ восхищенъ былъ даже до третьяго неба, восхищенъ былъ въ рай (2 Кор. XI, 25. сн. XII, 2. 4), — для того, чтобъ отвратить мысль ихъ отъ ложныхъ проповѣдниковъ, чтобы, давъ знать о себѣ, кто онъ, унижить предъ ними цѣну тѣхъ, о которыхъ знали, что они несправедливо пользуются уваженіемъ. Когда совершенные (люди) это дѣлаютъ, т. е. когда говорятъ о своихъ добродѣтеляхъ; тогда они даже въ этомъ подражаютъ всемогущему Богу, Который говоритъ людямъ о славѣ своей для того, чтобы люди познали Его. Ибо, если Онъ чрезъ Писаніе заповѣдуетъ, говоря: *да хвалитъ тя искрен-*

ний, а не твоя уста (Притч. XXVII, 2); то почему Самъ Онъ дѣлаетъ то, что запрещаетъ? Но если бы всемогущій Богъ молчалъ о силахъ своихъ, то никто не зналъ бы Его; если никто не зналъ бы Его, то никто не любилъ бы; если бы никто не любилъ Его, то никто не возвращался бы къ жизни. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца о Немъ говорится: *крѣпость дѣлъ Своихъ возвѣсти людемъ Своимъ, да ти имъ достояніе лѣтъ* (Псал. CX, 6). Слѣдовательно, Онъ возвѣщаетъ о силахъ Своихъ, не для того, чтобы Самому преуслѣвать въ хвалахъ Своихъ, но для того, чтобы познавшіе Его достигали наслѣдія вѣчнаго. Итакъ праведные и совершенные (люди) неукоризнены, не только тогда, когда опровергаютъ бранныя слова на нихъ, но и тогда, когда говорятъ слабымъ о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя имѣютъ; потому что своєю жизнію, о которой повѣдаютъ, приобрѣтаютъ къ жизни души другихъ.

20. Впрочемъ надобно знать, что они никогда не открываютъ своихъ добрыхъ дѣлъ, если не приуждастъ ихъ къ тому, какъ я сказалъ, или польза ближнихъ, или рѣшительная необходимость. Поэтому Апостоль Павель, перечисливъ свои добродѣтели Коринтянамъ, присовокупилъ: *быхъ несмысленъ хваляся: вы мя понудисте* (2 Кор. XII, 11).

Но иногда бывасть такъ, что они, вынужденные необходимостію, въ добрыхъ дѣлахъ, которыя повѣдаютъ о себѣ, ищутъ пользы не другихъ, а своей, какъ блаженный Іовъ изчисляетъ свои добродѣтели, говоря: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ быхъ отецъ немощнымъ, распрю же, еяже не отдахъ, изслѣдохъ* (Іов. XXIX, 15. 16). И многое другое, что сдѣлалъ онъ хорошаго, воспоминасть. Но это потому, что святой мужъ, находясь въ болѣзненныхъ ранахъ, и терпя обличенія друзей, которые говорили, будто онъ жилъ печестиво, обижалъ ближнихъ, притѣснялъ бѣдныхъ, видѣлъ, что душа его сильно потрясена и близка къ равну отчаянія; онъ тотчасъ могъ пасть, если бы не возобновилъ въ памяти своихъ добрыхъ дѣлъ, чтобы возвратить душу къ надеждѣ, дабы отъ мучительныхъ словъ и ранъ не погибнуть въ отчаяніи. Итакъ, что онъ исчисляетъ свои добрыя дѣла, этимъ не желаетъ какъ бы изъ тщеславія одѣлаться извѣстнымъ для другихъ, но возвращаетъ душу къ надеждѣ. Итакъ праведники, какъ безъ гордости говорятъ иногда о добрыхъ дѣлахъ, которыя они совершаютъ, такъ безъ ревности къ личной славѣ обуздываютъ языки своихъ поносителей, потому что сіи говорятъ вредное. Когда же языки поносителей не могутъ быть исправлены, тогда они во всемъ равнодушно должны быть

терпимы. Поносительныхъ словъ бояться не должно, дабы, страшась поношенія нечестивыхъ, не оставить пути праваго. Поэтому-то теперь Пророку Іезикиілю говорится: *словеса ихъ не убойся, зане домъ огорчеваяй есть* (а).

21. Но они менѣе были бы злы, если бы тѣ, которые суть невѣрующіе, менѣе были разорителями. Но они какъ сами не вѣрують, ни въ награды царства небснаго, ни въ наказанія гѣнны, будучи погружены въ нечестіе: такъ и другихъ отклоняють отъ вѣры и добродѣтели такъ, чтобъ и другіе не достигали того царства, котораго сами они не желаютъ. Ибо они, какъ только узнають, что нѣкоторые чувствительные люди начинаютъ прилѣпляться къ добру и уклоняться зла, то осмѣяніемъ того, что обѣщается на небѣ, то презрѣніемъ того, чѣмъ угрожаетъ всемогущій Богъ въ наказаніяхъ ада, то хвалою временныхъ благъ, то обѣщаніемъ наслажденій настоящаго вѣка, хитро убѣждая, сбиваютъ съ толку сердца невинныхъ, и пре-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ мысль: *зане домъ огорчеваяй есть*, читается такъ: *quia increduli et subversores sunt testis*, т. е. потому что невѣрующіе и разорители съ тобою. Эта мысль развивается въ дальнѣйшемъ объясненіи Святого.

вращаютъ пути ихъ. Радуются, если кого смогутъ уклонить отъ жизни, и привлечь къ смерти; радуются въ своемъ нечестіи, торжествуютъ и о нечестіи другихъ. Наказанія за себя недостаточно для тѣхъ, которые дѣйствуютъ такъ, чтобы не однимъ погибать. Но если они найдутъ какого либо праведника съ такою силою, что уже не рѣшаются и говорить ему противное: то, не имѣя возможности быть разорителями, тотчасъ превращаются въ скорпіоновъ. Ибо скорпіонъ ласково-наступаетъ, но жалитъ хвостомъ; не угрызаетъ съ лица, на вредитъ сзади. Итакъ скорпіоны суть всѣ льстивые и злые (люди), которые, хотя и не противятся добрымъ прямо въ лице, но тотчасъ, какъ только отойдутъ отъ нихъ, злословятъ ихъ, воспаменяютъ противъ нихъ другихъ, которыхъ могутъ, всѣми возможными средствами вредять имъ, и тайно не перестаютъ наносить имъ смертельныя раны. Итакъ скорпіоны суть тѣ, которые на видъ кажутся ласковыми и невинными, но за спиною носятъ нѣчто такое, изъ чего изливаютъ ядъ. Ибо тѣ, которые лзвятъ скрыто, скрыто какъ бы тащатъ за собою смерть. Поэтому-то и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *обыдоша мя яко пчелы сотъ, и разорышася, яко огнь въ терніи* (Псал. СХVІІ, 12). Ибо пчелы въ устахъ имѣютъ медь, но въ хвостѣ ядовитое жало. И всѣ

тѣ, которые языкомъ ласкательствуютъ, а тайно по злости лзвятъ, суть пчелы; потому что словами предлагаютъ сладость меда, но скрытно уязвляя паносятъ рану. Но поступающіе такимъ образомъ разгораются *яко огнь съ терніи*; потому что пламенемъ поношающихъ не сожигается жизнь праведниковъ, но выжигаются тернія грѣховъ, если какіе либо могли быть въ нихъ. Итакъ говорится: *неструющіе и разорители съ тобою, посреди бо скорпіевъ ты живещи*. Они невѣрующіе, т. е. Богу, разорители же для слабыхъ ближнихъ, а скорпіоны даже для мужественныхъ и сильныхъ. Хотя послѣднимъ они не рѣшаются противорѣчить въ лице, однако же тайно наносятъ имъ рану безславія. Поэтому они вмѣстѣ суть и невѣрующіе, и разорители, и скорпіоны; потому что, и не вѣруютъ тому, что слышали о Богѣ, и развращаютъ добрые нравы въ тѣхъ, которыхъ пересиливаютъ, и сокровенными средствами уязвляютъ тѣхъ, которыхъ совратить съ пути не имѣютъ силы.

22. Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно еще то, что когда Пророку говорится: *неструющіе и разорители съ тобою, посреди бо скорпіевъ ты живещи*, тогда предлагается врачество утѣшенія памъ, которымъ часто бываетъ скучно жить, если мы не хотимъ жить вмѣстѣ съ злыми людьми. Ибо мы жа-

луемся, почему не все́ добры тѣ, которые живутъ вмѣстѣ съ нами. Мы не хотимъ терпѣть зла ближнихъ, рѣшаемъ, что уже все́ должны быть святыми, когда не хотимъ, чтобъ было то, что должны мы переносить отъ ближнихъ. Но въ этомъ дѣлѣ яснѣе солнца открывается, что когда мы отказываемся терпѣть злыхъ, тогда еще очень много добраго не имѣемъ сами. Ибо тотъ не совершенно добръ, если кто не останется добрымъ даже среди злыхъ. Поэтому блаженный Іовъ утверждаетъ о себѣ самомъ, говоря: *братъ быхъ сіринамъ, другъ же птичій* (Іов. XXX, 29) (а). Поэтому Апостоль Павелъ говоритъ ученикамъ: *посредь рода строптива и развращена, въ нихъже является якоже свѣтила въ мѣрѣ* (Филип. II, 15). Поэтому Петръ, пастырь стада Господня, говоритъ: *праведнаго Лота обидима отъ беззаконныхъ въ нечистотъ сожитія избави* (2 Петр. II, 7). *Видѣнемъ бо и слухомъ праведныйъ живый въ нихъ, день отъ дне души праведну беззаконными дѣлы мучаше* (ст. 8). Но мы часто, жалуясь на жизнь ближнихъ, стараемся перемѣнить мѣсто, избрать уединеніе отшельни-

а) Этотъ текстъ въ Латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *frater sui draconum, et socius struthionum*, т. е. я былъ братомъ драконовъ, и товарищемъ струсамъ.

ческой жизни; не зная того, что если нѣтъ духа, мѣсто не помогаетъ. Ибо тотъ же самый Лотъ, о которомъ говоримъ, въ Содомѣ пребылъ святымъ, а на горѣ согрѣшилъ (Быт. XIX, 2. 30 и слѣд.). А что мѣста не укрѣпляютъ души, тому свидѣтель первый родоначальникъ человѣческаго рода, который и въ раю палъ. Но все, что мы говоримъ о землѣ, ничтожно. Ибо, если бы мѣсто могло спасать; то сатана не палъ бы съ неба. Поэтому Псалмопѣвецъ, видя вездѣ въ этомъ мірѣ искушенія, искалъ мѣста, куда могъ бы убѣжать, но безъ Бога не могъ найти укрѣпленія. Почему и просилъ быть для него мѣстомъ Того Самаго, ради Котораго отыскиваль мѣста, говоря: *буди ми въ Бога защитителя, и въ домъ приближища, еже спасти мя* (Псал. XXX, 3). Итакъ вездѣ должны быть терпимы ближніе, потому что Авель не можетъ быть сильнымъ, если его не упражняетъ злобою Каинъ.

23. Но есть одно исключеніе, по которому должно убѣгать сожителства съ злыми, дабы они не привлекли къ себѣ, если сами не могутъ уже исправиться; и чтобъ они не развратили тѣхъ, которые живутъ вмѣстѣ съ ними, когда сами не перемѣняются въ своей злобѣ. Поэтому Павелъ говоритъ: *тлѣтъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33). И какъ чрезъ Соломона говорится: *не бывай*

друзь мужу инъвалву, и со другомъ жестокосердымъ не соводворяйся: да не когда научишися путемъ его, и приимеши тенега души твоей (Прит. XXII, 24. 25). Посему, какъ совершенные мужи не должны убѣгать отъ развращенныхъ ближнихъ; потому что они и сихъ послѣднихъ привлекають къ добродѣтельной жизни, и сами всегда безопасны отъ развращенія: такъ всѣ слабые должны уклоняться отъ сожителства съ печестивыми, дабы не соблазниться къ подражанію тому злу, которое часто видятъ, а исправить не имѣють силы. Ибо мы чрезъ слухъ принимаемъ душою ежедневно слова ближнихъ такъ, какъ вдыхая и выдыхая принимаемъ воздухъ тѣломъ. И какъ вредный воздухъ, втягиваемый непрестаннымъ дыханіемъ, разстроиваетъ тѣло; такъ печестивыя слова, непрестанно слышимыя, разстроиваютъ душу слабыхъ, такъ что она начинаетъ чахнуть отъ услажденія печестіемъ. — Затѣмъ слѣдуетъ: *словесъ ихъ не убойся, и отъ лица ихъ не ужасайся, зане домъ огорчеваяй есть* (Тамъ же, ст. 6).

24. Добрые (люди) должны бояться того, чтобъ имъ не оскорбляться, дабы чрезъ нихъ не вызванъ былъ къ гнѣву Тотъ, Кто всегда обитаетъ въ сердцахъ ихъ. Ибо если мы, какъ выше сказано, оскорбляемъ злыхъ людей, то не должны бояться,

потому что наша дѣятельность не правится тѣмъ, которымъ не правится даже правосудіе Создателя. Итакъ чего бояться, если къ намъ неблагодарны тѣ, которыхъ Богъ не любитъ? Поэтому теперь справедливо говорится: *словесъ ихъ не убойся, и отъ лица ихъ не ужасайся, зане домъ огорчеваяй есть.* Ясно какъ бы такъ было сказано: ихъ должно было бы бояться, если бы они не преогорчевали Меня въ своихъ дѣлахъ. О нихъ еще присовокупляется: *и возмалоушии словеса Мои къ нимъ, аще убо услышатъ, или убоятся, зане домъ прогнѣваяй есть* (Іезик. II, 7).

25. Всякій, кто грѣшитъ, что другое дѣлаетъ, если не прогнѣваетъ Создателя своего? И мы знаемъ, что сколько разъ мы грѣшимъ дѣломъ, словомъ, помыслиеніемъ; столько разъ прогнѣваемъ противъ себя Бога. Однакожь Онъ терпитъ, и милостиво ожидаетъ, чрезъ Себя предлагаетъ намъ терпѣніе, а чрезъ Провѣдниковъ Своихъ—слово увѣщанія. Но всякой Провѣдникъ правды, если его слушаютъ, утоляетъ гнѣвъ раздраженнаго Создателя на непокорный народъ. Поэтому необходимо, чтобы самъ онъ не дѣлалъ зла, которое обыкновенно возбуждаетъ въ народѣ ярость Создателя его. Для сего и присовокупляется: *и ты сыне чловѣкъ, послушай*

глаголющаго къ тебѣ, не буди огорчеваяй, якоже домъ преогорчеваяй (Езек. II, ст. 8).

26. То есть, зла, которое ты видишь содѣваемымъ, самъ не твори, чтобы самому не дѣлать того, къ запрещенію чего ты посылаешься. Ибо всякой Проповѣдникъ всегда долженъ съ напряженнымъ вниманіемъ думать о томъ, чтобы посланный на исправленіе падшихъ, самъ не падалъ въ нечестіе съ падшими, и твердо сохранялъ въ памяти мысль Павла, который говоритъ: *имже судомъ судилии друга, себе осуждаеш* (Рим. II, 1). Поэтому Валаамъ, исполненный Духа Божія для того, чтобы говорить, но удержанный своимъ духомъ въ плотской жизни, самъ о себѣ говоритъ: *слышай словеса Божія, умъ умъиѣ Вышняго, и видѣиѣ Божіе видѣвиѣ во снѣ, отверсты очи его* (Числ. XXIV, 16) (а). Падая имѣлъ отверзтыя очи тотъ, кто видѣлъ, что долженъ былъ говорить правду, но презрѣлъ жизнь праведную. Онъ былъ падающимъ въ беззаконіе, и имѣющимъ открытые глаза въ святомъ проповѣданіи.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ послѣдняя мысль *отверсты очи его*, читается такъ: *qui cadens apertos habet oculos*, т. е. *который падая имѣетъ открытые глаза*. На эту-то мысль Святитель обращаетъ вниманіе.

27. Впрочемъ есть и другое, что можно разумѣть, почему блаженному Іезикиилю, посылаемому на проповѣдь, запрещается быть *преогорчевающимъ*. Ибо, если бы Пророкъ не повиновался, когда былъ посылаемъ на проповѣдь: то онъ своимъ молчаніемъ такъ же *преогорчилъ бы* всемогущаго Бога, какъ и народъ своимъ печестіемъ. Потому что, какъ злые люди потому *преогорчаютъ* Бога, что говорятъ или дѣлаютъ злое: такъ иногда *преогорчаютъ* Его и добрые люди своимъ молчаніемъ о добрѣ. И такъ тѣмъ ставятся въ вину беззаконныя дѣла, а этимъ—молчаніе въ правдѣ. Слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ злыми и добрые *преогорчаютъ* Бога; потому что, когда они не обличаютъ разврата, тогда своимъ молчаніемъ попускаютъ ихъ своеволю итти далѣе и далѣе. Затѣмъ слѣдуетъ: *отверзи уста твоя, и съѣдь, яже Азъ даю тебѣ* (тамъ же).

28. Мы отверзаемъ уста наши, когда говоримъ правду; и съѣдаемъ то, что пріемлемъ отъ Бога, потому что и приписывается намъ и умножается въ нашихъ чувствахъ пища жизни, когда начинаемъ проповѣдывать. Поэтому другой Пророкъ говоритъ: *уста моя отверзохъ, и привлекохъ духъ* (Псал. СХVІІІ, 131). Ибо онъ не привлекъ бы духа, если бы не отверзъ устъ, потому что, если бы не трудился въ проповѣди ближнимъ, то не возраста-

ла бы въ немъ благодать духовнаго ученія. Далѣе слѣдуютъ: *и видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И разви его предо мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя* (Іезик. III, 9. 10).

29. Какъ чрезъ Пророка означается рядъ проповѣдниковъ, такъ чрезъ свитокъ, который онъ получилъ, означаются страницы Св. Писанія. Но свитокъ свернутый есть темное изреченіе Св. Писанія, которое заворачивается глубиною мыслей такъ, что не удобно бываетъ проицаемо общимъ смысломъ. Но предъ Пророкомъ свитокъ развивается; потому что предъ проповѣдниками темнота священнаго изреченія проясняется. Свитокъ книжный рука Божія предложила, когда было говорено Апостоламъ: *уподобися царствіе небесное человеку съяшу доброе съмя на сѣль своемъ: епящимъ же человекомъ, прииде врагъ его, и вся плевелы посреди тиеницы, и отыде. Егда же прозябе трава, и млодъ сотвори, тогда явиася и плевелы* (Мат. XIII, 24—26), и прочее, что любовь ваша воспоминаетъ даже безъ моего напоминанія. Но свитокъ, который она показывала свернутымъ, развида, когда сказанное загадочно изъяснила, говоря: *сыявий доброе съмя есть Сынъ человѣчскій: а сего есть мръ: доброе же*

сымя, сіи суть сынове царствія: а плевелы суть сынове непріязненніи: а врагъ всѣявый ихъ, есть діаволь: а жатва, кошица въка есть: а жатели, Ангели суть. Якоже убо собираютъ плевелы, и огнемъ сожигаютъ: тако будетъ въ скончаніе въка сего (Мат. XIII, 37—40). Итакъ книжній свитокъ развивается тогда, когда темное изреченіе объясняется пространнѣмъ разумѣніемъ. Этотъ книжній свитокъ Истина развила, когда совершила падъ учениками то дѣйствіе, о которомъ написано: *тогда отверзе имъ умъ, разумѣти Писанія* (Лук. XXIV, 45).

30. Объ этомъ свиткѣ еще присовокупляется: *въ томъ писана быша предняя и задняя* (внутри и снаружи). Ибо книга священнаго Писанія внутри написана аллегорією, а снаружи исторією. Внутри духовнымъ разумѣніемъ, а снаружи простымъ буквальнымъ смысломъ, приравнительнымъ къ слабымъ. Внутри, потому что обѣщаетъ невидимое; снаружи, потому что располагаетъ видимое по правотѣ своихъ заповѣдей. Внутри, потому что обѣщаетъ небесное, а снаружи, потому что заповѣдуетъ, или какъ употребить земныя презираемая блага, каковы онѣ есть, или какъ удалиться отъ нихъ по желанію. Ибо янос говоритъ о таин-

ствахъ небесныхъ, а иное заповѣдуетъ о дѣйствіяхъ виѣшнихъ. И то, что заповѣдуетъ вовнѣ, ясно, но то, что повѣствуетъ о внутреннемъ, вполне понятнымъ быть не можетъ. Поэтому написано: *простирайя небо яко кожу, покрываяя водами превыспренняя своя* (Псал. СІІІ, 2—3). Ибо что означается именемъ неба, если не Св. Писаніе? Отъ него сіяютъ для насъ—и солнце премудрости, и луна вѣденія, и звѣзды примѣровъ и добродѣтелей древнихъ отцевъ. Оно простирается, яко кожа, потому что, будучи образовано чрезъ своихъ Писателей языкомъ плоти, развертывается при изъясненіи предъ очами нашими чрезъ слова учителей. Но что означается именемъ водъ, если не святѣйшіе лики Ангеловъ? О нихъ написано: *и вода, яже превыше небесъ, да восхвалять имя Господне* (Псал. СХLVIII, 4—5). Превыспренняя этого неба Господь покрываетъ водами; потому что высокое въ Св. Писаніи, именно то, что оно повѣствуетъ о природѣ Божества, или о вѣчныхъ радостяхъ, чего мы еще не знаемъ, тайно извѣстно однимъ только Ангеламъ. Итакъ это небо простирается и предъ нами, и однакоже превыспренняя его покрываются водами; потому что и ясно для насъ по откровенію духа нѣчто изъ Св. Писанія, и остается еще для насъ сокрытымъ пѣчто,

что можетъ быть открыто однимъ только Ангеламъ. Впрочемъ чрезъ духовное разумѣніе мы уже чувствуемъ часть изъ этого сокровеннаго, уже имѣемъ залогъ Духа Святаго; потому что, хотя вполнѣ и не знаемъ того, однако же сердечно любимъ, и во многихъ духовныхъ смыслахъ, которые уже знаемъ, цитася нищею истины.

31. Итакъ пусть говоритъ (Пророкъ): *въ томъ писана быша предняя и задняя; потому что въ Св. Писаніи и сокровеннѣйшими и высокими изреченіями насыщаются сильныя, и ясными заповѣдями питаемъ мы малые. Поэтому написано: горы высокія еленемъ, камень же приближище зайцемъ* (Псал. СШ, 18). Ибо пусть имѣютъ горы разумѣнія тѣ, которые успѣли возвыситься до созерцанія. Но пусть будетъ и камень приближищемъ для зайцевъ; потому что мы, малые и покрытые терніями грѣховъ нашихъ, хотя не можемъ разумѣть высокаго, спасаемъ въ убѣжищѣ нашего камня, т. е. вѣрою во Христа. Поэтому и говорится нѣкоторымъ: *не судихъ видѣти что въ васъ, точію Исуса Христа, и сего распята* (1 Кор. II, 2). Онъ какъ бы такъ говорилъ: посліку я знаю, что вы не можете понять тайнствъ Божества Его, то говорилъ вамъ только о слабости Его челоуѣчества. — Далѣе слѣдуетъ: и

описано ближе въ немъ рыданіе, и жалость (пѣснь), и горе. (Іезик. II, 10) (а).

32. НѢТЬ сомнѣній, что слово *пѣснь* употребляется иногда въ хорошемъ значеніи, а иногда въ худомъ; потому что можно говорить: и *радостная пѣснь*, и *печальная пѣснь*. Но мы, слѣдуя употребленію Св. Писанія, которое обыкновенно употребляетъ слово *пѣснь* въ хорошемъ значеніи, принимаемъ слово *пѣснь* въ этомъ мѣстѣ въ хорошемъ значеніи. Ибо когда всемогущій Богъ перевелъ народъ свой чрезъ чермное море, то написано: *тогда востъ Моисей, и сынове Израилевы пѣснь сію Господеву* (Исх. XIV, 32). И когда Давидъ одержалъ побѣду надъ врагами, то написано: *и глагола Давидъ ко Господу словеса пѣсни сея* (2 Цар. XXII, 1). И Соломонъ говоритъ: *уксусъ въ селитрѣ, и поющій пѣсни сердцу развращенному* (Притч. XXV. 20) (б). Поеліеу уксусъ, вливаемый въ селитру, тотчасъ заставляеть селитру кипѣть и пѣниться. И развращенная душа, когда подвергается выговору, или пріятностію проповѣди убѣждается къ добру, отъ ис-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ въ этомъ текстѣ, вмѣсто Славянскаго *жалость* употреблено слово *carmen*, что значить: стихъ, стихотвореніе, пѣснь. Святитель объясняетъ это слово *carmen*, и даетъ ему значеніе радостной пѣсни.

б) Съ латинскаго подлинника. въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *acetum in nitro, et qui cantat carmina cordi pessimo.*

правленія дѣлается худшею, и воспоминается несправедливостію негодованія оттуда, откуда должна была получить обузданіе въ несправедливости. И чрезъ Еліуса о неблагодарномъ и отчаевающемся говорится: *и не рече: гдѣ есть Богъ сотворившій мя; устрояяи стражибы ноцныя* (Іов. XXXV, 10) (а). Потому что пѣснь въ ночи есть утѣшеніе въ скорби. Мы принимаемъ пѣснь въ ночи, когда въ тѣснотахъ настоящихъ утѣшаемъ себя радостями будущими. Пѣснь въ ночи указалъ намъ Апостоль, когда говорилъ: *упованіемъ радующеся, скорби терпяще* (Рим. XII, 12). Пѣснь въ ночи имѣлъ Давидъ, который говорилъ: *Ты еси прибѣжище мое отъ скорби обдержашія мя, радости моя, избави мя отъ обидѣвшихъ мя* (Псал. XXXI, 7). Ибо кто говоритъ, что окруженъ несчастіями, и однако же Бога называетъ своею радостію; тотъ безъ сомнѣнія поетъ пѣснь въ ночи. Итакъ, почти всегда Священное Писаніе обыкновенно употребляло слово — пѣснь — въ хорошемъ значеніи; то и намъ въ этомъ мѣстѣ должно разумѣть оное въ томъ же значеніи.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ мысль: *устрояяи стражибы ноцныя*, выражается такъ: *qui dedit carmina in nocte* т. е. который далъ пѣсни въ ночи. На этой-то мысли Святитель оставиваетъ свое и наше вниманіе.

33. Но горе въ Св. Писаніи чаще выражаетъ вѣчный плачь, нежели настоящій. ; Такъ написано: *горе беззаконному: лукавая бо приключатся ему по долгомъ рукъ его* (Ис. III, 11). И блаженный Іовъ говоритъ: *аще нечестивъ буду, лютъ (горе) мнѣ: аще же буду праведенъ, не могу возникнуть; исполненъ бо есмь безчестія* (Іов. X, 15). Ибо несчастіе праведныхъ есть временное. Слѣдовательно, лютъ (горе), о которомъ онъ сказалъ, различать отъ временнаго несчастія тотъ, кто утверждалъ, что и праведникъ имѣеть скорбь, и нечестивый горе. И лично сама Истина говоритъ: *горе міру отъ сѣлазновъ* (Мат. XVIII, 7), и, *горе вамъ смятущимся нынѣ: яко возрыдаете* (Лук. VI, 25); и, *горе имущимъ во чрево и доящимъ въ тѣя дни* (Лук. XXI, 23). И такъ намъ надобно обсудить, какимъ образомъ въ Св. Книгѣ написаны эти три: рыданіе, пѣснь и горе.

34. Рыданіе написано потому, что въ ней написано покаяніе грѣшниковъ. Но пѣснь потому, что въ ней предвозвѣщаются радости Праведныхъ. Горе же потому, что въ ней выражено осужденіе нечестивыхъ. И такъ, чтобъ очистить грѣхи, читай въ этой книгѣ то, что написано о сокрушеніи: *расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Іовл. II, 13). И еще: *постраждите и слезите и плачьтеся: смѣхъ*

вишь въ плачь да обратится, и радость въ сътованіе (Іак. IV, 9). А чтобъ имѣть радость въ обѣтованіи будущей радости, познай, какія въ этой книгѣ написаны пѣсни хвалы вѣчной: *блаженн живущи въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхваляютъ Тя* (Псал. LXXXIII, 5). И какъ чрезъ нѣкотораго мудраго о небесномъ Іерусалимѣ говорится: *стоны Іерусалимскія вырлюмъ и анораксомъ, и каменіемъ отъ суфіра устелются. И рекутъ вся стоны его, аллилуіа, и восхвалятъ* (Товит. XIII, 1—18). Объ этой пѣсни небснаго отечества приходили возвѣщать намъ граждане его, которые согласно зывали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во челоуцныхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Но если ты еще привязанъ душею къ настоящему вѣку, если еще улаждаешься земными удовольствіями; то ты не можешь любить вѣчныхъ радостей, о которыхъ слышишь. Итакъ познай въ этой книгѣ горе, которое въ ней написано, и страхомъ прогоня отъ души то, что ты любишь, чтобы тебѣ имѣть возможность со времени суда любить пѣснь, которую ты читаешь. Потому что тамъ подъ видомъ одного осужденнаго выражается все множество нечестивыхъ, когда голосомъ Истипы говорится: *связавше ему руки и нозы, возмите его, и оверзите во тму кромльшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мат.

XXII, 13). Ибо тогда нечестивые попадутъ во тму кромѣшную за то, что ни вѣроу, ни дѣлами, не ходили во свѣтѣ Истины. Въ нее низвергаются они связанными по рукамъ и по ногамъ за то, что нынѣ, имѣя время дѣйствовать и ходить, не хотятъ имѣть руки и ноги свободными на добрыя дѣла; Тамъ горе нечестивымъ написано: *червь ихъ не скончается, и огнь ихъ не угаснетъ* (Ис. LXVI, 24). Тамъ осужденнымъ и отверженнымъ говорится: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мат. XXV, 41). Итакъ въ этой книгѣ содержится все, что назидаетъ, все, что научаетъ. Ибо, если ты согрѣшилъ, и уже началъ сожалѣть о томъ, что учинилъ не дозволенное; то, для наученія себя совершенію покаянія, тамъ находишь *рыданіе*. Желая облегчить душу надеждоу небесныхъ радостей, тамъ къ утѣшенію твоему находишь *тѣнь*. Но если ты и зло сотворилъ, и не сожалѣешь о томъ, что сотворилъ его, но поднимаешь выю души, не приклоняешь ее ни къ какимъ рыданіямъ покаянія, не исправляешься ни отъ какого ожиданія небесныхъ радостей: то, хочешь или не хочешь, тамъ услышишь написанное *горе*, такъ что, кого ни страхъ не располагаетъ къ смиренному покаянію, ни надежда горнихъ награды не возстановляетъ, тотъ уже нынѣ предвидитъ наказаніе

своей вповности, и безъ извиненія подвергается вѣчному наказанію.)

35. Итакъ что, братіе, что должно дѣлать намъ несчастнымъ, если не то, чтобы постоянно быть внимательными къ словамъ книги сей, и грѣхи, содѣянные нами, омывая слезами, чтобы чрезъ рыданіе покаянія достигнуть пѣсни жизни? Дабы, въ случаѣ нашего нехотѣнія удручать себя покаяніемъ, послѣ не чувствовать безконечнаго горя. Да не доводитъ насъ до отчаянія множество ранъ нашихъ, потому что мѳгущество Врача выше, нежели великость нашего разслабленія. Ибо чего не можетъ возвратитъ ко спасенію Тотъ, Кто могъ все сотворитъ изъ ничего? Потому что Единородный (Сынъ) совѣченъ всемогущему Отцу, Который съ Нимъ живетъ и царствуетъ, въ единеніи со Св. Духомъ, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕСЯТАЯ.

Въ изъясненіи первыхъ стиховъ третьей главы до пятнадцатаго рекомѳдуетъ преимущественно Священное Писаніе, непрѣстанное чтеніе его, размысленіе, и проповѣданіе.

1. Нѣкоторые, читая писанія священнаго языка, когда проникають въ высокія его мысли, меньшія заповѣди, данныя для слабыхъ, обыкновенно съ надмѣннымъ чувствомъ оставляютъ безъ вниманія, и хотятъ дать имъ другой смыслъ. Если бы правильно разумѣли въ немъ высокое, то не стали бы оставлять безъ вниманія и меньшихъ заповѣдей; потому что Божественныя заповѣди въ нѣкоторыхъ (мѣстахъ) такъ внушаются великимъ, что въ другихъ приравняются и къ малымъ, которые чрезъ приращенія вѣденія какъ бы нѣкоторою поступью ума возрастають, и достигаютъ высшаго разумѣнія. Поэтому теперь святому Пророку говорится: *сынъ челоувѣкъ, съждь* (език. III, 1).

2. Ибо, что есть въ священномъ Писаніи, надобно съѣдать; потому что и малое его составляетъ простую жизнь, и великое его созидаетъ тонкое разумѣніе. — За тѣмъ слѣдуетъ: *съждь свитокъ сей, и иди, и рчи сыномъ Израилевымъ. И отверзохъ уста моя, и напита мя свиткомъ симъ* (език. III, 1—2).

3. Св. Писаніе есть пища наша и питіе. Поэтому-то и Господь чрезъ другаго Пророка угрожаетъ: *посю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія Слова Господня* (Амос. VIII, 11). Итакъ, Кто, по собственному сво-

ему изреченію, грозить истощить насъ голодомъ и жаждою, Тотъ показывасть, что слова Его суть пища и питіе.) Но надобно замѣтить, что онѣ иногда суть пища, а иногда питіе. Ибо въ мѣстахъ темныхъ, которыхъ безъ объясненія понять нельзя, Св. Писаніе есть пища; такъ какъ то, что объясняется для того, чтобъ было понятно, какъ бы разжевывается для того, чтобы было проглочено. А въ мѣстахъ ясныхъ — питіе. Итакъ ясныя заповѣди мы пьемъ; потому что и безъ объясненія разумѣть ихъ можемъ. Поэтому же о томъ, что Пророкъ Іезикииль долженъ былъ услышать темно и загадочно, не говорится ему о священномъ свиткѣ, *пей, но, смѣждь*. Ясно говорилось какъ бы такъ: обсуди и разумѣй, т. е. разжуй и проглоти. Но въ словахъ священнаго изреченія долженъ быть соблюдаемъ такой порядокъ нашего занятія, чтобы мы разумѣли ихъ для того, чтобы мы, какъ сокрушающіеся о нашемъ беззаконіи, сознавая грѣхи, содѣланные нами, избѣгали другихъ.

4. И когда отъ великаго употребленія слезъ объ отпущеніи грѣховъ начнутъ уже являться упованіе, тогда словами Божиими, которыя разумѣемъ, должны мы и другихъ привлекать къ жизни. Ибо онѣ для того и должны быть разумѣваемы, чтобъ и намъ были полезны, и другимъ были сообщаемы съ

духовнымъ намѣреніемъ. Поэтому теперь хорошо говорится: *снѣжь свитокъ сей, и иди, и рчи сыномъ Израилевымъ*. Ясно о святой пищѣ сказано было какъ бы такъ: съешь и напитай, насыщайся и отрыгай, принимай и раздавай, ободряйся и трудись.

Б. И замѣчательно, что Пророкъ присовокупляетъ, говоря: *и отверзохъ уста моя, и напиташа мя свиткомъ симъ*. Другой Пророкъ свидѣтельствуесть, что уста въ сердце, говоря: *устны лѣстивыя въ сердце: и въ сердце глаголаша злая* (Псал. XI, 3). Итакъ мы отверзаемъ уста, когда приготовляемъ смыслъ къ разумѣнію священнаго слова. Поэтому Пророкъ отверзъ уста для гласа Господня; такъ какъ желанія сердца нашего направляются къ дыханію заповѣди Господней, чтобы принять что либо отъ пищи жизни. Но принятіе этой самой пищи не зависить отъ нашихъ силъ, если не напитаетъ Самъ Тотъ, Кто повелѣлъ отверсть уста. Ибо питають того, кто самъ по себѣ ѣсть не можетъ. А послѣку наша слабость неспособна къ принятію словъ небесныхъ: то насъ питаетъ Самъ Тотъ, Кто во времени отсыпаетъ намъ мѣру пшеницы, такъ какъ мы по благодати Божественнаго распоряженія напитываемся ежедневною пищею, сего дня разумѣя въ Св. Писаніи то, чего вчера не знали, а завтра поймемъ то, чего не знаемъ сего дня. Ибо всемогущій

Богъ какъ бы столько разъ простираетъ руку къ устамъ нашего сердца, сколько разъ открываетъ намъ разумѣніе, и посылаетъ пищу священнаго слова въ наши смыслы. Итакъ Онъ напитываетъ насъ свиткомъ, когда по мѣрному раздаянію открываетъ намъ смыслъ Св. Писанія, и пріятностію его наполняетъ наши помышленія. Поэтому и присовокупляется: *и рече ко мнѣ: сыне чловѣчь, чрево твое снѣдѣтъ, и внутренности твои наполнятся свиткомъ симъ, который Я даю тебѣ* (Іезик. III, 3) (а).

6. Въ древнемъ переводѣ нѣтъ словъ: *чрево твое снѣдѣтъ, но уста твоя снѣдятъ, и чрево твое насытится*. Ибо уста наши снѣдаютъ, когда мы читасмъ слово Божіе; но чрево наше насыщается, когда мы разумѣваемъ и исполняемъ то, о чемъ читая трудимся. Но въ позднѣйшемъ переводѣ, который мы признаемъ вѣрнѣйшимъ, написано: *чрево твое снѣдѣтъ, и внутренности твоя наполнятся*.

а) Съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *Et dicit ad me: fili hominis, uenter tua comedet, et uiscera tua replebuntur uo'umine isto, quod ego do tibi*. Въ Славянскомъ же переводѣ читается такъ: *и рече ко мнѣ: сыне чловѣчь, уста твоя снѣдятъ, и чрево твое насытится свитка сего, дашаго тебѣ*. Въ обонхъ переводахъ мысль одна и таже: но объясненіе Святителя приспособлено къ первому, но не безъ вниманія и ко второму.

Но въ Св. Писаніи иногда чревомъ выражается понятіе о душѣ. Поэтому чрезъ Іеремію говорится: *чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ* (Іерем. IV, 19). Поелику онъ это говорилъ о духовномъ, а не о тѣлесномъ чревѣ, то присовокупилъ: *и чувства сердца моего, смущается душа моя* (Тамъ же). Ибо не было бы ни какого отношенія къ спасенію народа, если бы Пророкъ сталъ проповѣдывать, что онъ боленъ чревомъ тѣлеснымъ. Но чревомъ былъ боленъ тотъ, кто чувствовалъ оскорбленіе души. Но для чего намъ представлять примѣръ Пророка, когда мы имѣемъ ясное свидѣтельство Господа? И когда говоритъ лично сама Истина, тогда по необходимости Пророкъ долженъ молчать; потому что при солнцѣ свѣтильникъ не имѣетъ свѣта. Но она говоритъ: *вѣруй въ Мя, какъ же рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. IV, 38). Ибо отъ души вѣрующихъ текутъ святѣя проповѣданія, какъ бы отъ чрева ихъ текли рѣки живой воды. Но что значать внутренности чрева, если не внутреннее настроеніе души, то есть, справедливое намѣреніе, святое желаніе, воля, смиренная предъ Богомъ и благорасположенная къ ближнимъ? Поэтому теперь правильно говорится: *чрево твое смѣтз; и внутренности твои напомятз; потому что, когда душа наша принимаетъ пищу исти-*

ны, тогда наши внутренности уже не остаются пустыми, а бывают насыщенными пищею жизни.

7. Помыслимъ, возлюбленнѣйшіе мои братіе, сколь любвеобильно обѣщаніе, въ которомъ говорится: *чрево твое съестъ, и внутренности твои наполнятся съиткомъ симъ, который Я даю тебѣ*. Ибо многіе читаютъ, и отъ самаго чтенія бываютъ голодны. Многіе слушаютъ голосъ проповѣданія, но послѣ выслушанія отходятъ пустыми. Хотя чрево тѣхъ спѣдасть, но внутренности не наполняются; потому что они, хотя и понимаютъ умомъ смыслъ священнаго изреченія, но забывая и не соблюдая того, что услышатъ, не перелагаютъ во внутренности сердца. Поэтому-то Господь укоряетъ нѣкоторыхъ чрезъ другаго Пророка, говоря: *устройте сердца ваша въ пути ваша. Съясте много, и возьмете мало; ядoste, и не въ сытость, исте, и не въ пїянство* (Агг. I, 5. 6). Много для сердца своего сѣетъ, но мало взимаетъ тотъ, кто чрезъ чтеніе или слушаніе многое знаетъ о небесныхъ заповѣдяхъ, но по небрежной дѣятельности мало приноситъ плодовъ. Ъсть и не насыщается тотъ, кто, слушая слова Божіи, желаетъ прибыли или славы вѣка сего. Пьетъ и не пїянетъ тотъ, кто ухо направляетъ къ голосу проповѣданія, но не измѣняетъ сердца. Ибо отъ пїянства пїющихъ

смысль обыкновенно перемѣняется. Итакъ, кто расположенъ къ познанію Слова Божія, но желаетъ приобрести, что принадлежитъ вѣку сему, тотъ пьетъ, и не пьянѣетъ. Если бы онъ пьянѣлъ, то безъ сомнѣнія перемѣнилъ бы настроеніе души такъ, что уже не сталъ бы желать земнаго, уже пересталъ бы любить суетное и преходящее, которое любилъ дотолѣ. Ибо о избранныхъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *упіются отъ тука дому твоего* (Псал. XXXV, 9). Потому что они исполнены такою любовью ко всемогущему Богу, что по перемѣнѣ душевнаго настроенія кажутся сами для себя чужими, исполняя то, что написано: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ* (Мат. XXVI, 24). Отвергается самого себя тотъ, кто перемѣняется къ лучшему, и начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ не былъ, и перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ.

8. Но часто мы видимъ нѣкоторыхъ, что они, по гласу проповѣди какъ бы рѣшившись на перемѣну, перемѣнили состояніе, а не душу, такъ что приняли религіозную одежду, но не отвергли прежней жизни; во гнѣвѣ чрезвычайно раздражаются, въ припадкѣ злобы съ неистовствомъ бросаются на оскорбленіе ближняго, гордятся нѣкоторыми добрыми дѣлами, выказанными предъ глазами человѣческими, съ жадностію домогаются мірею прибыль,

и имѣють увѣренность въ своей святости на основаніи одного только ви́шняго состоянія, въ которое вступили. Этимъ людямъ что другое надобно внушать, если не то, что знаменитый учитель говоритъ нѣкоторымъ исполнителямъ ви́шняго закона; говоря: *О Христѣ бо Иисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь* (Гал. VI, 15). Ибо не велика заслуга, если что либо совершается нами ви́шнимъ образомъ, въ тѣлѣ, но крайне надобно обращать вниманіе на то, что совершается въ душѣ.

9. Ибо презирать настоящій міръ, не любить преходящаго, искренно смирать душу предъ Богомъ и ближнимъ, хранить смиреніе противъ нанесенныхъ оскорбленій, и сохраняя терпѣніе, удалять отъ сердца печаль злости, раздавать бѣднымъ свою собственность, не желать чужаго, любить друга въ Богѣ, ради Бога любить и тѣхъ, которые суть враги, плакать о оскорбленіи ближняго, не радоваться смерти врага, — вотъ что значитъ быть новою тварію, которой тотъ же учитель языковъ бдительно отыскиваетъ въ другихъ ученикахъ, говоря: *аще кто во Христѣ, нова тварь: древоѣя мимо идоша, се быша вся нова* (2 Кор. V, 17).)

10. Потому что ветхому человѣку свойственно любить настоящій міръ. быть пристрастнымъ

къ преходящему, гордиться, не имѣть терпѣнія, въ принадлежѣ злобы помышлять объ оскорбленіи ближняго, не давать нуждающимся своего, и для приумноженія желать чужаго, никого чисто, ради Бога, не любить, воздавать врагамъ зломъ за зло, наслаждаться притѣсненіемъ ближняго. Все это свойственно ветхому человѣку, что мы имѣемъ по преемству отъ корня поврежденія. Но кто стоитъ выше всего этого, и по заповѣдямъ Господнимъ превращаетъ душу въ благость, о томъ правильно говорится: *древняя мимо идеши, се быша вся лова.*

11. Итакъ въ нашихъ душахъ все бываетъ новымъ тогда, когда удаляются отъ насъ пороки ветхаго человѣка; а пороки ветхаго человѣка удаляются отъ насъ тогда, когда чрево снѣдаетъ заповѣдь священнаго слова, и волюнѣ наполняются внутренности. Ибо мы часто видимъ нѣкоторыхъ, что они всею душою прилѣпились къ занятію священнаго чтенія, и познавая, по словамъ Господнимъ, сколь они грѣшны, заколаютъ сами себя въ сѣзгахъ, удручаютъ непрестаемымъ сокрушеніемъ, не находятъ утѣшенія ни въ какихъ пріятностяхъ міра сего, такъ что для нихъ настоящая жизнь тягостна, и самый свѣтъ противень; что они едва допускаютъ въ собесѣдованіи что либо общежитейское, и съ трудомъ облегчаютъ душу отъ строгости покаянія.

по любви къ Создателю находятъ утѣшеніе въ сокрушеніи и безмолвіи. Ихъ-то чрево снѣдаетъ священный свитокъ, и внутренности наполняются; потому что заповѣдей жизни, которыя могъ понять смыслъ, память не потеряла, но самособранная въ Богѣ душа сохранила ихъ во всегдашнемъ сокрушеніи и воспоминаніи.

12. Часто бываетъ, что таковыя люди по дару небесной благодати и понимаютъ слово ученія, и отъ пищи истины, которую сами внутри съ пріятностію пережевываютъ, съ удовольствіемъ питаютъ и ближнихъ. Проповѣданіе изъ устъ ихъ потому наиболѣе пріятно для слушающихъ, что дѣла ихъ не противорѣчатъ ихъ проповѣдямъ, такъ какъ они заимствуютъ изъ собственной жизни то, что языкомъ передаютъ ближнимъ. Поэтому и здѣсь Пророкъ правильно присовокупляетъ: *и сладокъ его, и бысть во устѣхъ моихъ яко медъ, сладокъ* (Иезик. III, 3).

13. Свитокъ, который наполнить внутренности, былъ сладокъ въ устахъ, какъ медъ; потому что о всемогущемъ Богѣ умѣютъ пріятно говорить тѣ, которые научились истинно любить Его во внутренностяхъ своего сердца. Потому что Св. Писаніе сладко въ устахъ того, whose внутренности жизни наполняются заповѣдями его, такъ какъ оно пріят-

но для собесѣдованія тому, у кого внутри оно отпечатлѣно для жизни. Ибо слово того не имѣеть сладости, кого нечестивая жизнь угрызаетъ внутри совѣсти. Поэтому необходимо, чтобы тотъ, кто проповѣдуетъ Слово Божіе, прежде самъ научился, какъ жить, чтобы послѣ изъ жизни заимствовать то, что и какъ говорить. Ибо въ проповѣданіи болѣе назидаетъ сознаніе святой любви, нежели упражненіе въ словѣ; такъ какъ, любя небесное, проповѣдникъ внутри самаго себя читаетъ то, какъ должно убѣждать, что должны быть презираемы земныя блага. Ибо тотъ, кто обсуживаетъ свою внутреннюю жизнь; и своимъ примѣромъ увѣщевая во внѣ назидаетъ другихъ, какъ бы въ сердцѣ языка, омокаетъ трость въ томъ, что внѣшнимъ образомъ посредствомъ слова пишетъ для ближнихъ. Поэтому дивный проповѣдникъ, когда увѣщевая многое сказалъ ученикамъ, такъ какъ внутри самаго себя не имѣлъ никакого противорѣчія съ совѣстію, безопасно призовоуциль: *аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте. Имже научистеся, и пріятствѣ, и слышасте, и видѣсте во мнѣ, сія творите: и Богъ мира будетъ съ вами* (Филип. IV, 8. 9). Далѣе слѣдуетъ: *и рече ко мнѣ: сыне челоувѣчь, иди, и види въ домъ Израилевъ, и мною словеса Мои къ нимъ* (Іезик. III, 4).

14. Тѣмъ, что Господь говоритъ Пророку: *глаголю словеса Мои къ нимъ, что другое Онъ дѣлаетъ, если не обуздываетъ уста его умѣренностію, дабы онъ не рѣшился во внѣ говорить то, чего прежде не услышитъ внутри себя? Ибо ложные пророки говорили свои слова, а не Божіи. О нихъ написано: не слушайте словесъ пророковъ, иже пророчествуютъ вамъ и прельщаютъ васъ: видѣніе отъ сердца своего глаголютъ, а не отъ устъ Господнихъ* (Иерем. XXIII, 16). И еще: *не глаголахъ къ нимъ, и тѣи пророчествоваху* (Тамъ же, ст. 21). Изъ этого надобно заключить, что и каждый толкователь въ изъясненіи Св. Писанія, быть можетъ для того, чтобы понравиться слушателямъ, слагаетъ нѣчто ложное, говорить свои слова, а не Господни, если увлекается желаніемъ понравиться или соблазнить. Ибо ища силы въ словахъ Господнихъ, самъ онъ иначе разумѣетъ ихъ, нежели Тотъ, Кѣмъ онѣ произнесены, хотя подъ другимъ разумѣніемъ находитъ назиданіе въ любви. Слова—то, произносимыя имъ, Господни; потому что Богъ чрезъ все Св. Писаніе говоритъ намъ для того, чтобы привлечь насъ къ любви Его и ближнихъ. Далѣе слѣдуетъ: *яко не къ людямъ глубокоръчивымъ, и косоязычнымъ посылаемъ еси, къ дому Израилеву: ни же къ людямъ многимъ иноязычнымъ, и коръчивымъ,*

ни тяжкимъ языкомъ сущимъ, ихже не разумѣлъ бы еси словеса; аще же и къ тацѣмъ послалъ быхъ тя, то и тѣмъ послушати быша тебе; а домъ Израилевъ не восхоцетъ послушати тебе, понеже не хотятъ слушати Мене (Іезик. III, 5—7).

15. Въ самомъ приступѣ повелѣнія, куда посылается Пророкъ на проповѣдь, ясно означаются,—и призваніе язычниковъ, и отверженіе Израильтянъ. Ибо, когда говорится: *не къ людямъ многимъ многоязыкимъ, инорчивымъ, ни тяжкимъ языкомъ сущимъ, ихже не разумѣлъ бы еси словеса, и тотчасъ присовокупляется: аще же и къ тацѣмъ послалъ быхъ тя, то и тѣмъ послушати быша тебе*: то ясно открывается послушаніе язычниковъ, которые, какъ только услышали бы голоса проповѣдниковъ, немедленно послѣдовали бы имъ. А когда присовокупляется: *а домъ Израилевъ не восхоцетъ послушати тебе, понеже не хотятъ слушати Мене*; то означается упорство Іудей, которая хотя и знала слова проповѣдниковъ, но не хотѣла имъ послѣдовать. Но неизвѣстный языкъ народовъ языческихъ не былъ остановкою къ послушанію, хотя былъ чуждымъ языку закона. И хорошо говорится: *не восхоцетъ послушати тебе, понеже не хотятъ слушати Мене*; потому что написано: *отметаяйся васъ, Мене отчается* (Іук.

X, 16). И причина, по которой не слушаютъ Израильтяне, представляется, когда говорится: *яко весь домъ Израилевъ непокоривъ суть, и жестоко-серди* (Лезик. III, 7).

16. Если домъ Израилевъ называется непокоривымъ, то что другое надобно чувствовать, и что другое думать, если не то, что частое преступленіе притираетъ сердце до безстыдства, такъ что чѣмъ чаще оно повторяется, тѣмъ менѣе стыдится его душа повторяющаго? И потому грѣшникъ доходитъ иногда до толикаго ожесточенія сердца, что бываетъ уже не чувствителенъ къ исправленію; потому что, кто закоспѣлъ во грѣхѣ, тотъ рѣшительно не чувствуетъ слова исправителя, т. е. руки толкущаго, какъ и Іудей, часто беззаконнующей, говорится: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко асплмъ* (Іер. III, 3). Или непокоривость есть привычка къ дѣламъ міра сего; потому что, какъ есть нѣкоторые, которые предпочитаютъ спокойствіе всѣмъ наградамъ и почестямъ міра, такъ другіе, чтобы казаться, будто они нѣчто значатъ въ этомъ мірѣ, проливаютъ потъ въ земныхъ трудахъ, разбираютъ дѣла, мѣщаются въ ссоры. И хотя чувствуютъ, что они среди трудовъ утомились тѣломъ, однакоже, побѣждаемые пристрастіемъ къ земнымъ вещамъ, съ пріятностію утом-

ляются. Имъ чрезъ Пророка говорится: *Ефремъ юница наученая: еже любити прънїе (молотьбу)* (Ос. X, 11). Ибо юница, привыкшая на току къ молотьбѣ, даже тогда, когда получаетъ отдыхъ отъ труда, сама собою туда возвращается. Такъ для нѣкоторыхъ нечестивыхъ душъ нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ заповѣдь о томъ, чтобъ они не трудились въ дѣлахъ міра сего. Ибо часто нѣкоторые, будучи удалены отъ дѣла земнаго, умоляютъ, чтобъ ихъ возвратили къ нему, просятъ, чтобъ ихъ стѣсняли, покой считаютъ для себя важною опасностію. И такъ непокоривы тѣ, которые не только не избѣгаютъ трудовъ, но и не стыдятся казаться неблаговременными въ трудахъ, которые имъ запрещаютъ. Далѣе слѣдуетъ: *и се дахъ лице твое сильно противу лица ихъ, и прю твою (чело твое) укрѣплю противу при ихъ (чела ихъ)* (Гезик. III, 8).

17. Какъ во злѣ стыдливость похвальна, такъ въ добрѣ укоризненна. Ибо стыдиться зла свойственно мудрости; а стыдиться добра свойственно глупости. Поэтому написано: *есть стыдъ навдѣя грѣхъ, и есть стыдъ слава и благодать* (Прит. XXVI, 11). Ибо кто раскаеваясь стыдится зла, которое онъ сдѣлалъ, тотъ достигаетъ свободы жизни. А кто стыдится дѣлать добро, тотъ падаетъ изъ состоянія праведности. и стремится къ осуж-

денію, такъ какъ Спаситель говоритъ: *уже аще постыдится Мне и Моихъ словесъ, сего Сынъ человеческій постыдится, егда приидетъ во славу своей* (Лук. IX, 26). И есть пѣкоторые, которые въ умѣ уже понимаютъ добро, но явно еще не противятся злу. Эти именно (люди) хотя въ умѣ добры, но не имѣютъ твердости въ рѣчи, не способны къ защищенію истины. Ибо защитникомъ истины долженъ быть тотъ, кто не боится, не стыдится говорить о томъ, что онъ вѣрно знаетъ. Поэтому-то теперь въ важной должности Пророка дается обѣщаніе: *и се дахъ лице твое сильно противу лица ихъ, и чело твое укрѣплю противу чела ихъ*. Но что есть грѣшникъ, если не рапсый? И что проповѣдникъ, если не врачъ? И такъ, если грѣшникъ, лежащій въ рапахъ, не стыдится, то чего стыдиться врачу, который предвидитъ спасеніе отъ врачества? Но часто случается, что проповѣдника слушаютъ съ благоговѣніемъ; а иногда нечестивые презираютъ его такъ, какъ будто бы онъ не говоритъ имъ ничего полезнаго. Поэтому-то правильно теперь говорится: *какъ алмазъ, и какъ кремль я далъ лице твое* (Іезик. III, 9). (а).

а) Это буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *ut adamantem et ut silecem dedi faciem tuam*. Въ Славянскомъ переводѣ тотъ же

18. Алмазь и кремень—оба крѣпки; но первый изъ нихъ драгоцѣненъ, а второй дешевъ. Алмазь употребляется на украшеніе, а кремень валяется по дорогамъ. И часто случается, что мы видимъ тѣхъ, которые съ чрезвычайнымъ смиреніемъ слушаютъ о своемъ исправленіи, но стыдима сказать имъ что либо. Иногда же случается и то, что мы видимъ тѣхъ, которые не терпятъ выговора себѣ, и презираютъ его, а страшимся произнестъ имъ слово проповѣданія. Но если мы правильно мудствуемъ; то принимаемъ дерзновеніе увѣщанія или обличенія, какъ тѣмъ, которыхъ видимъ уважающими насъ, такъ и тѣмъ, которыхъ видимъ презирающими насъ, такъ что мы не должны ни стыдиться смиренія первыхъ, ни страшиться гордости послѣднихъ. И такъ да пребудетъ глаголъ сей: *я далъ лице твое какъ алмазь*, т. е. если слушатели тебя почитаютъ; *далъ лице твое, какъ кремень*, если слушатели небрегутъ и презираютъ тебя, дабы ни отъ воздаваемой чести языкъ не пренинался стыдливостію, ни отъ презрѣнія не молчалъ по слабости. Далѣе слѣдуетъ: *не бойся ихъ, не ужасайся лица ихъ, зане домъ разнѣваяя есть* (Пезнь. III. 9).

текстъ читается такъ: *и будешь, всегда кричае камне далъ имя твою*. Мы придержались Латинскаго текста потому, что Святитель на немъ основываетъ свое дальнѣйшее обьясненіе.

19. Объ этомъ уже сказано выше. Но надобно замѣтить, сколь упорнымъ считается этотъ домъ, коего упорство такъ часто повторяется. И такъ обличать должно грѣшника, а не бояться его, такъ какъ онъ есть *домъ разнѣваяя*. Ибо человекъ долженъ былъ бы страшнымъ быть, если бы самъ онъ, какъ человекъ, боялся Впловника всяческихъ. Ибо кто не имѣлъ разумнаго смысла о страхѣ Божиемъ, тотъ ни въ чемъ не долженъ быть страшнымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть. За тѣмъ слѣдуетъ: *и рече ко мнѣ: сыне человекъ, вся словеса, яже глаголахъ съ тобою, возми въ сердце твое, и ушима твоима послушай: и иди, вниди въ плъкъ къ сыномъ людей твоихъ* (Лезик. III, 10. 11).

20. Внимательно надобно смотрѣть на то, что голосомъ Господа повелѣвается Пророку, прежде выслушать слова Его, а потомъ говорить. Мы слушаемъ слова Божіи, если исполняемъ ихъ. И тогда вѣрно передаемъ ихъ ближнимъ, когда прежде сами исполнимъ. Это подтверждаетъ Евангелистъ Маркъ, когда повѣствуетъ о чудѣ Господнемъ, говоря: *и приведоша къ Нему слуха и глухива, и моллаху Его, да возложитъ на нѣ руку* (Марк. VII, 32). О порядкѣ этого изцѣленія онъ говоритъ слѣдующее: *вложи персты своя во уши его, и плю-*

нувъ, коснуса языка его: и възрѣвъ на небо, въздохну, и глагола ему: едѣфаа. еже есть, разверзися. И абіе разверзостася слуха его, и разрѣшися уза языка его, и глаголаше право (ст. 33 — 35) Ибо что значить, что Творецъ всяческихъ, Богъ, когда благоволилъ изцѣлить глухаго и косноязычнаго, вложилъ персты свои въ уши его, и плюнувъ, коснулся языка его? Что означается перстами Искупителя, если не дары Святаго Духа? Поэтому-то, когда въ другомъ мѣстѣ изгналъ бѣса, Онъ сказалъ: *аще о персты Божіи изгону бѣсы: убо постиже на васъ царствіе Божіе* (Лук. XI, 20). Объ этомъ же событіи, по сказанію другаго Евангелиста. Онъ сказалъ: *аще Азъ о Дусть Божіи изгону бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе* (Мат. XII, 28). Изъ того и другаго мѣста выходитъ заключеніе, что перстомъ Божіимъ называется Духъ. Итакъ вложить персты въ уши, значить, дарами Святаго Духа отверсть душу глухаго къ повиновенію. Но что значить, что Онъ, плюнувъ, коснулся языка его? Слюна для насъ есть изъ устъ Искупителя принятая мудрость въ Божественномъ проповѣданіи. Потому что слюна вытекаетъ въ уста изъ головы. Итакъ, когда эта премудрость, которая есть Самъ Онъ, касается нашего языка, тогда сей тотчасъ дѣлается способнымъ

къ словамъ проповѣданія. *Возрѣвъ на небо, воздохну*; не потому, будто бы имѣлъ необходимую надобность во вздохѣ Самъ Тотъ, Кто даровалъ то, чего просилъ, но насъ училъ воздыхать къ Тому, Кто обитаетъ на небѣ, чтобъ Онъ и уши наши отверзалъ дарами Святаго Духа, и чтобы языкъ слюною устъ, т. е. вѣденіемъ Божественнаго слова, разрѣшался для словъ проповѣданія. Ему (глухонѣмому) тотчасъ говорится: *еффава, еше сетъ, разверзися. И абіе разверзостася слуха его, и разръшися уза языка его.* Въ этомъ дѣлѣ надобно замѣтить, что по причинѣ закрытыхъ ушей сказано: *разверзися.* Но у кого отверзаются уши сердца къ послушанію, у того въ послѣдствіи безъ сомнѣнія разрѣшаются и узы языка его, такъ что онъ можетъ и другимъ предлагать для исполненія тѣ добродѣтели, которыя самъ исполняетъ. Поэтому вѣрно присовокупляется: *и глаголаше право.* Ибо право глаголетъ тотъ, кто прежде самъ изъ послушанія исполняетъ то, къ чему словомъ увѣщеваетъ другихъ.

21. Но что Пророкъ посылается на проповѣдь въ плѣнъ народа, то подъ этимъ плѣномъ должно разумѣть, не только тотъ плѣнъ, который терпѣлъ народъ его по гѣлу, но и тотъ, въ которомъ онъ былъ по душѣ. Потому что онъ изъ Іерусалима пере-

шелъ въ Вавилонъ. Но что называется Иерусалимомъ, если не видѣніе мира; что — Вавилономъ, если не смѣшеніе? Но кто ни падаетъ съ праведныхъ дѣлъ въ дѣла развращенныя, тотъ, какъ уклоняющійся отъ добродѣтели къ порокамъ, какъ бы изъ Иерусалима переходитъ въ граждаство Вавилонское. Потому что онъ оставляетъ вершину добраго созерцанія, и ложится въ плѣну смѣшенія. Что обыкновенно часто случается съ тѣми, которые, дѣлая добро, тщеславятся своею добродѣтелію. Поэтому Псалмопѣвецъ, дабы изъ видѣнія мира, т. е. отъ добрыхъ дѣлъ, не попасть въ плѣнъ въ Вавилонъ, взывая ко Господу, говоритъ: *заступникъ мой: не преселюся* (Псал. LXI, 7). Ибо, если бы онъ на себя надѣялся, то чрезъ паденіе переселился бы отъ дѣлъ праведности.

22. Но и тѣ, которые изъ состоянія праведности пали въ беззаконіе, не должны отчаяваться: потому что вотъ Пророкъ посылается въ плѣненіе Вавилонское. А чрезъ другаго Пророка Господь говоритъ: *и дойдемъ Вавилона: оттуду изгиметъ тя* (Мих. IV, 10). Ибо часто тотъ, кто попался въ плѣнъ пороковъ, послѣ, стыдясь зла, которое учинилъ, возвращается къ покаянію, и отъ своихъ паденій исправляется добродѣтельною жизнію. Слѣдовательно, чтожь онъ такое, если не дошедшій до

Вавилона, и оттуду изъятый? Опъ, послѣ того, какъ бывъ плѣнень душою, совершилъ беззаконія, стыдясь того самаго зла, которое учинилъ, исправляетъ себя противъ самаго себя, и чрезъ доброе дѣланіе возвращается въ состояніе праведности. Итакъ онъ изъять изъ Вавилона, такъ какъ и отъ плѣна является благодатию Божіею освобожденнымъ. Поэтому Пророкъ говоритъ къ плѣннымъ, когда обличаетъ тѣхъ, которые изъ состоянія праведности перешли къ порокамъ заблужденія.— Далѣе слѣдуетъ: *и речеши къ нимъ, и возлаголеши къ нимъ: тако глаголетъ Адонаі Господь: аще убо послушаютъ, и аще убо повинутся* (Іезик. III, 11).

23. Поелику столько разъ повторяется словами Божественными о сомнѣніи въ послушаніи, такъ что говорится: *аще убо послушаютъ*: то что другое означается, какъ не ожесточеніе плѣннаго народа? Въ этихъ словахъ заключается великое для насъ утѣшеніе; потому что, если всемогущій Богъ, посылая Пророка, съ сомнѣніемъ ожидаетъ отъ развращеннаго народа послушанія словамъ Его, то почему мы слабые сокрушаемся, когда часто подвергаемся презрѣнію отъ братій за наше увѣщаніе ихъ? Ибо часто мы говоримъ погрѣшая, часто шумимъ, часто дѣйствуемъ на нихъ словами ласкательными, и не смотря на то, если одинъ слушаетъ, то

другой пренебрегаетъ слушаніемъ; одинъ отчасти принимаетъ слово увѣщанія, а отчасти отказывается припимать его; такъ что ежедневно мы видимъ исполняющимся то, что Господь чрезъ другаго Пророка повѣствуетъ о томъ, что Онъ совершилъ во гнѣвѣ, когда говоритъ: *надождоу на единъ градъ, а на другій (единъ) не надождоу: часть едина надождится, и часть, на нюже не надождоу, изсохнетъ* (Амос. IV, 7). Ибо, когда слова святаго увѣщанія одна душа принимаетъ, а другая отказывается припимать; то Господь на одинъ градъ дождитъ, а на другой не дождитъ. А когда и самъ ближній, который слушаетъ, отъ однихъ пороковъ исправляется, а исправленіе другихъ оставляетъ безъ вниманія: то одинъ и тотъ же городъ съ одной стороны одождяется, а съ другой, въ которой отклоняетъ отъ себя дождь проповѣди, остается сухимъ. Ибо есть нѣкоторые, которые рѣшительно не слушаютъ словъ увѣщанія; эти (люди) рѣшительно не хотятъ принимать одожденія. И есть другіе, которые слушаютъ, но сердечно не послѣдуютъ слушаемому; нѣтому что нѣкоторые пороки уничтожаютъ въ себѣ, но въ другихъ остаются упорными. Ибо мы часто видимъ нѣкоторыхъ, которые по слову проповѣди истребляютъ въ самихъ себѣ еклонность къ скупости, и не только не похищаютъ

уже чужаго, но и свою собственность раздають нуждающимся; но не смотря на то, не обуздываютъ гнѣва, и не сохраняють въ спокойствіи души должнаго терпѣнія. А другіе часто по слову увѣщанія прецобѣждаютъ въ самихъ себѣ нечистоту плоти, сохраняють тѣло въ чистотѣ: но не смотря на то, не расположены еще къ ближнимъ такъ, какъ должны быть расположены, но по гордости высятся помысломъ надъ ними.) Въ этихъ (людяхъ) одна часть одождена, потому что принесла плодъ; а другая, которая не одождена, засохла, потому что, не исполнѣ принимая слово увѣщанія, осталась безплодною для добраго дѣланія. — Далѣе слѣдуетъ: *и взя мя духъ, и слышахъ гласъ за собою труса велика, глаголющихъ: благословенна слава Господня отъ мѣста сего* (Іезек. III, 12).

24. Что это значитъ, что Пророкъ, послѣ того, какъ посылается въ плѣнъ сыновъ народа, слышитъ позади себя голосъ великаго труса, глаголющій: *благословенна слава Господня отъ мѣста сего*? Потому что онъ направленъ былъ къ грѣшникамъ Вавилонскаго царства, а голосъ о славѣ Господней отъ мѣста сего слышалъ позади себя. Ибо мѣста Божіе есть Іерусалимъ, т. е. видѣніе мира, потому что видятъ Божественное именно тѣ сердца, которые не переходили въ переселеніе Вав-

лонское, т. е. къ порокамъ смѣшенія. Ибо тамъ обитаетъ Богъ, гдѣ желаютъ истиннаго мира, гдѣ любятъ славу внутренняго созерцанія. Такъ какъ тѣ, которые уклоняются къ разврату, не обращаютъ вниманія на мѣсто Божіе. Итакъ мѣсто славы Божіей есть, или каждая святая душа, или каждый, пребывающій на небѣ, Ангельскій духъ. А слава Господня отъ мѣста сего благословляется, когда, или отъ избранныхъ людей, или отъ святыхъ Ангеловъ, воспѣвается вѣчная хвала Виновику всяческихъ. Слѣдовательно, чрезъ то, что праведники помышляютъ объ обращеніи грѣшниковъ, поелику, размышляя о порокахъ ихъ, обращаютъ взоръ на плотскія дѣйствія, направляются какъ бы къ Вавилону. Впрочемъ въ отношеніи къ состоянію своей праведности они какъ бы позади себя слышатъ голосъ славы Господней отъ Иерусалима, т. е. отъ мѣста своего; потому что никогда не перестаютъ размышлять о добродѣтеляхъ святыхъ во славу Божію, хотя помыщеніемъ и направляются къ иному.

25. Но зачѣмъ мы долго останавливаемся на этомъ, когда по милости Господней можемъ въ другомъ смыслѣ и точнѣе разумѣть эти слова Пророка, и яснѣе говорить? Ибо онъ говоритъ: *и взя мя духъ.* Духъ взимаетъ Провѣдника тогда, когда душу его, возвышенную къ любви всемогущаго Бо-

га, отлучаетъ отъ земныхъ пожеланій такъ, что ей уже ничего не хочется дѣлать, кромѣ того, чѣмъ она можетъ приумножать блага духовныя, и приносить плодъ ежедневной своей дѣятельности въ царство небесное. Поэтому и намъ проповѣдникамъ дается повеленіе: *дѣлайте не брашно мѣлкое, но брашно пребывающее въ животѣ вѣчный* (Іоан. VI, 27).

26. Но хорошо присовокупляется: *и слышахъ за собою гласъ труса велика*. Пророкъ, исполненный Духа Святаго, повѣствуетъ, какъ бы о совершившемся, о томъ, что предвидитъ въ будущемъ; потому что и въ предопредѣленіи уже совершилось то, чему слѣдуетъ еще быть на дѣлѣ. Поэтому и въ древнемъ переводѣ чрезъ Исаію говорится: *сотворившій грядущая* (Ис. XLV, 11). Итакъ что значить, что Пророкъ позади себя услышалъ гласъ труса великаго, если не то, что за словомъ проповѣди, направленнымъ къ сердцамъ грѣшниковъ, слѣдуютъ рыданія кающихся?

27. Ибо всѣ нечестивые, когда творятъ беззаконія, и не слушаютъ вразумленій отъ праведниковъ, не знаютъ, сколь важно содѣваемое ими, и по самому своему незнанію бываютъ безопасны въ своемъ заблужденіи; и лежатъ во грѣхахъ, какъ бы нѣжатся, какъ о нѣкоторомъ грѣшникѣ и о безо-

пасномъ народѣ говорится: *почиваше на дрождахъ своихъ, потому что безопасно лежалъ во грѣхахъ* (Пер. XLVIII, 11). (а).

28. Но когда развращенные (люди) начнутъ слушать слово проповѣди, познавать, какія должны быть вѣчныя мученія, какой страхъ суда, какое тонкое разбирательство грѣховъ каждаго въ частности: тотчасъ приходятъ въ трепетъ, начинаютъ рыдать, мучатся не понятными воздыханіями, и, потрясенные великимъ страхомъ, выражаются въ плачѣ и слезахъ. Ибо тѣ, которые прежде спокойно лежали въ ранахъ, послѣ, при соприкосновеніи къ рукѣ врача, съ болѣзнію возвращаются къ здравію. Объ этомъ движеніи кающихся чрезъ другаго Пророка говорится: *ноги его остановились, и подвиглась земля* (Зах. XIV, 4) (б); потому что, когда слѣды истины отпечатлѣваются въ душѣ слушающихъ, тогда самая душа, возмущенная размышленіемъ о себѣ, приходитъ въ движеніе. Поэтому Псалмопѣвецъ молится за грѣшниковъ, говоря: *судяй на Херувимъхъ: да подвижнется земля* (Псал. XCVIII, 1).

а) Это буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *requiescit in foecibus suis, quia securus jacuit in peccatis.*

б) Примѣчаніе тоже; а текстъ читается такъ: *pedes ejus steterunt, et commota est terra.*

Поэтому, умоляя за сокрушенныхъ и кающихся, онъ говоритъ: *стрясъ еси землю, и смутилъ еси ю; изцѣли сокрушеніе ея, яко подвижесея* (Псал. LIX, 4). Потому что потрясенная и смущенная земля есть грѣшникъ, скорбящій о сознаніи своей виновности, и доведенный до слезъ покаянія. Ибо грѣшному челоѣку сказано; *земля еси, и въ землю отидеши* (Быт. III, 19) Итакъ (Пророкъ) молится, чтобы изцѣлено было сокрушеніе земли, потому что она подвиглась; поколику грѣшникъ, сокрушающійся о грѣхахъ своихъ, утѣщается упованіемъ на небесное милосердіе. Итакъ вотъ что значить гласъ труса великаго, когда каждый, обсуживая дѣла свои, потрясается отъ сокрушенія въ покаянія.

29. Но послушаемъ, что говоритъ самый голосъ: *благословенна слава Господня отъ мѣста сего*. Ибо сердца грѣшниковъ были мѣстомъ злаго духа; но когда они, разгнѣванные сами на себя, чрезъ покаяніе возвращаются въ жизни, тогда содѣлываются мѣстомъ славы Господней. Такъ какъ они исправляютъ уже себя противъ себя, уже омывають слезами покаянія тѣ беззаконія, которыя учинили. Итакъ благословеніе славы въ хвалѣ Господа бываетъ слышимо оттуда, откуда прежде было слышимо оскорбленіе Творца отъ пристрастія къ настоящему вѣку. И сердца кающихся дѣлаютъ

ся для Господа уже своимъ мѣстомъ, тогда какъ прежде онѣ, преданныя грѣхамъ, были мѣстомъ чужимъ. Сами же тѣ, которые отъ грѣховъ своихъ обращаются къ Богу, не только омывають слезами содѣянные ими беззаконія, но и воспаряютъ горѣ дивными дѣлами, такъ что содѣдываются святыми животными всемогущаго Бога, знаменіями и силами возлетаютъ вверхъ, рѣшительно оставляютъ землю, и принятыми дарованіями высятся по желанію къ небесному. О нихъ еще присовокупляется: *и видѣхъ гласъ криль животныхъ, скривляющихся другъ къ другу* (Іезек. III, 13),

30. Пророкъ слышитъ позади себя гласъ труса великаго, потому что, какъ сказано, за словомъ проповѣди слѣдуетъ плачь покаянія. Слышитъ позади себя гласъ криль животныхъ, потому что отъ самаго плача вающихся рождаются добродѣтели святыхъ, такъ что они тѣмъ болѣе успѣваютъ въ святости жизни, чѣмъ болѣе, по воспоминанію, нечестовали прежде познанію жизни. Но въ этихъ словахъ встрѣчается не малое сомнѣніе, потому что не ясно чрезъ Пророка говорится, каждое ли животное скривляетъ свои крилья на себѣ самомъ, или—вѣрнѣе—эти самыя святыя животныя соприкасаются своими крильями взаимно одно къ другому, такъ что крило одного животного касается

крыла другаго, и крыло другаго касается крыла третьяго.

31. Но поелику въ Св. Писаніи большею частію темно говорится для того, чтобы по дивному распоряженію Божию многообразно было объяснимо; то мы по милости Господней должны объяснить любви вашей то и другое. Уже часто говорили мы, что крылья животныхъ суть добродѣтели святыхъ (Бесѣд. IV, ч. 5. Бесѣд. VII, ч. 22. Бесѣд. VIII, ч. 1). Итакъ какимъ образомъ каждое животное, потрясая своими крыльями, приражаетъ ихъ одно къ другому, если не такимъ, какимъ одна добродѣтель побуждаетъ насъ, если мы содѣлываемся святыми животными, о чемъ ясно дается разумѣть, къ другой добродѣтели, побуждая одну къ другой? Ибо вотъ, ^{кто} кто имѣетъ уже свѣденіе о Словѣ Божіемъ, тотъ научается имѣть и милосердіе. Потому что, зная слово Божіе, онъ читаетъ въ немъ: *дадите милостыню: и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. XI, 41). И когда онъ уже началъ быть милосерднымъ въ милостыни, и читаетъ слова священной важности: тогда по опыту разумѣваетъ далѣе и то, что въ нихъ говорится о милосердіи; Потому что тамъ написано: *азъ быхъ отецъ немощнымъ* (Іов. XXIX, 16). Быть можетъ, онъ и прежде читалъ это, но оставлялъ безъ вниманія. Но

когда въ сердцѣ его милосердіе начало уже раздражать природѣ, тогда онъ читаетъ и размышляетъ, что значитъ быть отцемъ немощнымъ, потому что, возвращаясь внутрь, онъ въ самомъ себѣ разумѣваетъ то, что слышитъ совнѣ. Ибо иное значитъ дать милостыню по заповѣди, а иное—по любви. Дѣлать добро по заповѣди свойственно начинающимъ; а дѣлать добро по любви свойственно совершеннымъ, которые не потому только дѣлаютъ, что имѣютъ повелѣніе, но и любятъ дѣлать то, что повелѣвается. Поэтому-то чрезъ Псалмопѣвца съ особенною силою говорится: *виждь, яко заповѣди твоя возлюбихъ: Господи, по милости Твоей живи мя* (Псал. СХVІІІ, 159). Ибо исполнять заповѣди Божіи по повелѣнію свойственно служащему и повинующемуся, а исполнять по любви свойственно повинующемуся и любящему. Итакъ, поелику и чрезъ знаніе познается любовь милосердія, и чрезъ любовь милосердія приумножается знаніе въ сердцѣ сокрушенномъ: то крило въ насъ ударяетъ въ крило, потому что добродѣтель возбуждаетъ добродѣтель. Такъ хранящій въ своемъ тѣлѣ благо чистоты воспламеняется ревностію противъ похотливыхъ, чтобъ они очищали себя отъ пятенъ нечистоты. И часто, находя нѣкоторыхъ падшими, укрощаетъ, журить. и понуждаетъ къ храненію чистоты. Если

паче чаянія душа его будетъ искупаема нечистою похоти; то онъ по самой той ревности, съ которою исправлялъ другихъ, исправляетъ самаго себя, и стыдится имѣть тѣ нечистые помыслы, которые искоренялъ въ другихъ. Итакъ въ этомъ подвигѣ онъ криломъ ударяетъ въ крило, когда одною добродѣтелию понуждаетъ себя къ другой, и хранить себя отъ нечистоты.

32. Если же, какъ сказали мы впереди, животныя взаимно сцѣпляють себя крильями, и крило одного касается крила другаго: то и на это описаніе, по милости Господней, разумѣніе готово. Итакъ, что значить, что эти пернатыя животныя взаимно совокушляють крилья; одно съ другими, если не то, что всѣ святые взаимно другъ друга касаются своими добродѣтелями, и возбуждаютъ другъ друга къ преслѣванію въ совершенствѣ размышленіемъ о добродѣтели другаго? Ибо не все дается одному, дабы онъ не возгордился, но сему дается то, что не дается тебѣ, а тебѣ дается то, въ чемъ отказано тому, для того, чтобы тотъ, размышляя о благѣ, которое ты имѣешь, а онъ не имѣетъ, отдавалъ въ размышленіи преимущество тебѣ предъ собою; и наоборотъ, чтобы ты, видя, что онъ имѣетъ то, чего ты не имѣешь, ставилъ въ своемъ размышленіи себя ниже его. и чтобъ исполнялось то,

что написано: *друг друга честію божиа себя творяще* (Филип. II, 3). Чтобы для примѣра сказать изъ многого не многое, — тому-то дается добродѣтель дивнаго воздержанія, и однакоже онъ не имѣетъ дара вѣденія. Другому дается даръ вѣденія; и онъ усиливается достигнуть добродѣтели совершеннаго воздержанія, а не можетъ. Этому дается даръ краснорѣчія, для того, чтобы онъ, проливая утѣшенія заступничества на нѣкоторыхъ притѣсненныхъ, свободно могъ говорить въ защиту правды; но не смотря на то, онъ, обладая еще въ этомъ мірѣ многими, хочетъ все оставить, а не можетъ. Другому же дано, оставить все земное, такъ что онъ не желаетъ ничего имѣть въ этомъ мірѣ; но не смотря на то, онъ еще не рѣшается употреблять авторитетъ голоса противъ всѣхъ согрѣшающихъ. И тотъ, кто долженъ былъ свободно говорить болѣе потому, что не имѣетъ уже никакого препятствія, которое могло бы удерживать его въ мірѣ семъ, отказывается свободно говорить противъ другихъ, дабы не потерять самага спокойствія своей жизни. — Третьему данъ даръ пророчества; онъ много уже предвидитъ будущаго; но, видя въ настоящее время болѣзнь ближняго, и сочувствуя ему, изцѣлить его не можетъ. Иному дана благодать врачеванія, и онъ молитвами изцѣляетъ тѣло ближняго отъ обдержа-

щей его болѣзни, но не знаетъ, что будетъ съ нимъ самимъ чрезъ нѣсколько времени послѣ. Итакъ всемогущій Богъ, по дивному распоряженію, раздаетъ свои дары избраннымъ своимъ, такъ что и тому даетъ то, въ чемъ другому отказываетъ, и другому сообщаетъ болѣе, и третьему менѣе, поколику, когда или тотъ усматриваетъ, что другой имѣетъ то, чего онъ не имѣетъ, или сей разсуждаетъ, что тотъ получилъ болѣе того, что въ меньшей мѣрѣ есть, по его мнѣнію, и у него, всѣ удивляются дарамъ Божиимъ, одинъ въ другомъ, т. е. взаимно, и по этому самому удивленію одинъ передъ другимъ смиряется, и того, кого видятъ имѣющимъ то, чего онъ не имѣетъ, считаетъ поставленнымъ выше себя по суду Божественному. Итакъ животныя взаимно скривляются, когда святые души касаются по порядку взаимно одна другой, а касаясь возбуждаютъ одна другую, а возбуждая одна другую воспаряютъ къ совершенству.

33. Посмотримъ на Павла, какъ онъ, прикоснувшись къ крильямъ Апостоловъ, и возбужденный къ покаянію, разсуждая о прошедшемъ своемъ гоненіи и невинной жизни Апостоловъ, говоритъ: *Азъ бо есмь мній Апостоловъ: иже нѣсмь достоинъ нарецися Апостолъ, зане гонихъ Церковь Божию* (1 Кор. XV. 9). Потому что онъ раз-

суждать о невинности Апостоловъ, и въ глазахъ его по причинѣ предшествовавшей злобы, представлялась ничтожною вся забота его о Церкви, которую онъ проявилъ, и онъ не обращалъ вниманія на то, сколько былъ онъ выше многихъ по принятому разумѣнiю, потому что, занятый ихъ невинностию, онъ скорбѣлъ о томъ, что нѣкогда былъ гонителемъ. Но посмотримъ, какъ одинъ изъ Апостоловъ удивляется тому разумѣнiю, которое было даровано Павлу. Мы останавливаемся на первоверховномъ Апостолѣ, который, увѣщевая учениковъ, говорить: *якоже и возлюбленный нашъ братъ Павелъ по данный ему премудрости написа вамъ, якоже и во всѣхъ своихъ посланiихъ, глаголя въ нихъ о сикъ: въ нихже суть неудобъ разумна ткая, яже ненаучени и неутверждени развращаютъ* (2 Петр. III, 15). Итакъ Павелъ удивляется невинности во всѣхъ Апостолахъ, а первоверховный Апостолъ удивляется премудрости въ Павлѣ. Слѣдовательно, крильями касаются взаимно одинъ другаго тѣ, которые взаимно возбуждаютъ одинъ другаго оттуда, откуда начинаютъ полеть.

34. Итакъ всемогущій Богъ совершаетъ въ сердцахъ людей то, что Онъ творитъ въ земныхъ царствахъ. Ибо Онъ могъ даровать каждому царству всѣ плоды; но если бы одна какая либо стра-

на не имѣла нужды въ плодахъ другой страны, то не имѣла бы общенія съ этою другою страпою. Поэтому - то и бываетъ, что одной странѣ Онъ даруетъ изобиліе вина, а другой — масла; эту дѣлаетъ изобильною скотомъ, а другую — плодами, для того, чтобъ эта, изобилуя въ томъ, чего та не имѣетъ, и та, оплачивая тѣмъ, въ чемъ эта нуждается, имѣли общеніе благодати единенія между собою даже различныя земли. Слѣдовательно, въ какомъ отношеніи между собою страны земли, въ такомъ и святыя души, которыя, сообщая одна другой взаимно то, что онѣ получили, передаютъ, какъ бы страны страпамъ, плоды свои, чтобы всѣмъ имѣть единеніе въ одной любви.

35. Но между тѣмъ надобно знать, что какъ всѣ избранныя обращаютъ вниманіе на то, что лучшаго получили отъ Бога другіе, нежели они сами, дабы въ помышленіи предпочитать ихъ себѣ самимъ, и со смиреніемъ преклоняться предъ ними: такъ души нечестивыхъ никогда не разсуждаютъ о томъ, что другой имѣетъ болѣе добра, нежели онѣ, но думаютъ, будто онѣ имѣютъ болѣе, нежели другой. Ибо они не цѣнятъ того, какія блага получила другая душа, и какихъ нѣтъ у нихъ; но останавливаются на томъ, какія блага имѣютъ онѣ сами, и какое зло есть въ другомъ. И когда всемогущій

Богъ раздѣляетъ добродѣтели для того, чтобы сми-
рять въ помышленіи одного предъ другимъ; тогда
нечестивые употребляютъ полученное ими благо для
того, чтобъ отъ него гибнуть въ гордости, всегда ду-
мая только о тѣхъ благахъ, которыя они имѣютъ, и
которыхъ другіе не имѣютъ, рѣшительно не обраща-
вша вниманія на то, коликія блага имѣютъ другіе, и кото-
рыхъ они не имѣютъ. Итакъ, что Божественная любовь
раздаетъ для приращенія смиренія, то нечестивыя души
обращаютъ въ приращеніе гордости; и по превраще-
ніи обязанностей удаляются отъ добра тамъ, откуда
должны были возрастать въ добръ смиренія.

36. Поэтому-то, возлюбленнѣйшіе братіе, не-
обходимо, чтобы вы всегда смотрѣли въ самихъ се-
бѣ на то, чего имѣете менѣе, а въ ближнихъ на
то, чего они получили болѣе васъ, для того, чтобы,
смотря на высшихъ себя по благу, которое они
имѣютъ, а вы не имѣете, и сами вы чрезъ смире-
ніе возвышались къ приобрѣтенію тогоже. Ибо, ес-
ли и вы цѣните въ нихъ полученные блага, и они
цѣнятъ въ васъ дарованія, которыя имѣете: то вы
взаимно скриваетесь, чтобы возбужденнымъ вамъ
всегда возлетать къ небесному. Далѣе слѣдуетъ: *и
гласъ колесъ держаційся ихъ, и гласъ труса вели-
ка* (Гезнк. III, 13).

37. Выше мы сказали (бесѣд. VI, ч. 2 и далѣе), что колесами означаются Завѣты Св. Писанія. Поэтому гласъ колесъ есть слово Завѣтовъ. И такъ послѣ гласа криль животныхъ, слышанъ бываетъ еще гласъ колесъ; потому что, по принятіи слова Проповѣдниковъ, когда добродѣтели святыхъ возвышаютъ ихъ къ высшему дѣланію, и они взаимно поощряютъ другъ друга къ совершенству, тогда состояніе святой Церкви улучшается такъ, что страницы Завѣтовъ Св. Писанія читаются по всему міру. Ибо повсюду звучать уже Святое Евангеліе, изреченія Апостоловъ, повсюду читаютъ законъ и Пророковъ. И такъ за гласомъ криль слѣдуетъ гласъ колесъ; такъ какъ послѣ чудесъ святыхъ свободно и охотно выслушиваются въ Св. Церкви слова Св. Писанія. Эти колеса придерживаются животныхъ; потому что, какъ сказано выше, послѣ того, какъ входитъ въ почтеніе жизнь святыхъ, досточтимыми являются предъ людьми и слова Завѣтовъ.

38. Или, вѣриѣе, колеса придерживаются животныхъ потому, что мы въ жизни Святыхъ Отцовъ познаемъ то, что должны понимать въ книгѣ Св. Писанія. Потому что жизнь ихъ проясняетъ для насъ то, о чемъ говорятъ писанія Завѣтовъ въ своихъ наставленіяхъ. Но у насъ рождается вопросъ:

почему послѣ того, какъ выше сказано: *и слышалъ гласъ за собою труса велика*, послѣ гласа—и криль и колесъ еще присовокупляется: *и гласъ труса велика?* Если мы внимательно будемъ смотрѣть на это, то можемъ открыть, что не напрасно дѣлается это повтореніе.

39. Потому что два великихъ труса, которыми сотрясаются сердца наши. Одинъ трусъ происходитъ отъ страха, другой отъ любви; одинъ—отъ сокрушенія кающихся, другой отъ горячности любящихъ. Итакъ послѣ слова проповѣди бываетъ первый трусъ, когда мы плачемъ о грѣхахъ, которые содѣлали; а послѣ гласа криль и колесъ бываетъ второй трусъ, когда мы съ великими слезами домогаемся тѣхъ небесныхъ благъ, о которыхъ слышимъ. Ибо вотъ, поелику мы внутри святой Церкви узнаемъ примѣры добродѣтелей во многихъ отцахъ, то ежедневно слышимъ какъ бы звукъ криль; а поелику повсюду слышны святые изреченія, то мы возбуждаемся, какъ бы звукомъ колесъ. А поелику чрезъ тѣ же самыя священныя изреченія мы воспламеняемся къ любви нашего Создателя, сгарая огнемъ великой горячности: то плачемъ о томъ, что мы далеки еще отъ лица всемогущаго Бога. Итакъ послѣ перваго гласа труса великаго, наконецъ бываетъ и еще гласъ труса великаго; потому что, познавая Бога, мы на-

чинаемъ плакать о грѣхахъ, а любя уже Того, Кого познали, мы не перестаемъ желать Его съ дыханіями. Итакъ за звукомъ колесъ слѣдуетъ гласъ великаго труса; потому что, когда Завѣты Божіи начнутъ звучать въ слухѣ сердца, тогда духъ слушающихъ, тронутый любовію, побуждается къ слезамъ. Поэтому-то слова Св. Писанія бываютъ въ сердцѣ читающихъ сладостны; поэтому-то любящими онѣ большею частію читаются въ уединеніи, какъ бы украдкою и молча. Поэтому чрезъ другаго Пророка говорится: *разсѣклъ еси во изступленіи главы сильныхъ, сотрясутся въ ней: разверзутъ узды (уста) своя яко снѣдаяя нищій тай* (Аввак. III, 14). (а). Ибо всемогущій Богъ разсѣклъ главы сильныхъ въ отчужденіи, потому что отвергъ чрезъ отчужденіе отъ Себя гордость Іудеевъ. Въ этомъ отчужденіи подвиглись язычники; потому что, когда Іудеи отпали отъ вѣры, тогда сердца язычниковъ устремились къ познанію вѣры. Эти именно

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *praecidisti in alienatione capita potentium, movebuntur in ea gentes, aperient ora sua sicut pauper edens in occulto*, т. е. *отрубилъ еси въ отчужденіи главы сильныхъ, подвинулись въ немъ народы, отверзутъ уста свои, какъ нищій, ядущій въ сокровенности*. Къ этому смыслу принаровлено объясненіе Святытеля.

язычники отверзаютъ уста сердца для питанія священнымъ чтеніемъ, и снѣдаютъ, какъ нищій, въ сокровенности; потому что принимаются за чтеніе словъ жизни съ посибшностію и молчаніемъ.

40. Но надобно знать, что чѣмъ болѣе слушатели преуспѣваютъ въ любви и разумѣніи, тѣмъ большая благодать духа дается святымъ Проповѣдникамъ. Поэтому-то Пророкъ, сказавъ прежде: *и взя мя духъ, и слышахъ гласъ за собою труса велика, послѣ гласа труса великаго, криль и колесь, и опять труса великаго, тотчасъ присовокупляетъ: и духъ воздвиже мя, и взя мя.*

41. Почему тотъ, кто уже сказалъ, что онъ взять духомъ, опять говоритъ, что онъ воздвиженъ и взять (духомъ)? Но душа проповѣдниковъ воснаряетъ выше и выше, когда чрезъ нихъ подвигается впередъ разумѣніе слушателей къ желанію всемогущаго Бога. Эти именно святые Проповѣдники возвышаются до такого совершенства, что чрезъ ихъ служеніе умножаются въ святой Церкви дары благодати, какъ о той же самой святой Церкви написано: *бразды (водопроводы) ея уной, умножи жита ея: въ капляхъ (стокахъ) ея возвеселится возсіюущи (прозябающи) (Псал. LXIV, 11).* Потому что водопроводы Церковные суть святыя Проповѣдники, которые увлаживаютъ землю нашего сердца. Но когда до

преизбытка наполняются водопроводы, тогда умножаются жита Церкви; потому что, когда Проповѣдники получаютъ обильнѣйшую благодать духа, тогда умножается число вѣрующихъ. Эта святая Церковь радуется о своихъ стокахъ. Ибо чрезъ стокъ падаетъ съ кровли на землю та самая вода, которая на кровлю проливается съ неба. Кровлю же для Церкви служатъ святые Проповѣдники, которые покрываютъ насъ посредничествомъ и увѣщаніями. Но поелику сердце свыше напоется проповѣданіемъ, то какъ бы вода течетъ съ неба на кровлю. А такъ какъ словами ихъ мы напоаемся, то какъ бы вода стекаетъ съ кровли на землю. Итакъ святая Церковь устраиваясь веселится въ стокахъ своихъ; потому что, когда она рождается въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, тогда обсуживаетъ тѣ дары, которые получила, и радуется словамъ проповѣдующихъ. Поелику же съ преспѣніемъ слушателей къ лучшему умножается благодать и Проповѣдникамъ ихъ; то Пророкъ говоритъ: *и духъ воздвиже мя, и взя мя*. Ибо Проповѣдникъ болѣе и болѣе возвышается и взимается оттуда, откуда слушатель начинаетъ перемѣну къ лучшей жизни.

42. Но спрашивается: такъ какъ духъ не воздвигаетъ души, если не взимаетъ ее, то почему прежде говорится—*воздвиже*, а послѣ — *взя*? Но здѣсь слово—

взя—значить, постоянно держалъ. Ибо есть иѣкоторые, которыхъ духъ возвышаетъ, но не вѣзимаетъ, коихъ разумъ хотя и способенъ къ видѣнію духовнаго, но жизнь, оставаясь въ плотскихъ дѣлахъ, не сообразуется съ разумомъ. Ибо Валаамъ духомъ пророчества былъ воздвигенъ, но не былъ взятъ; потому что, хотя онъ истинно могъ прозрѣвать далеко въ будущее, но не смотря на то, не хотѣлъ отрѣшиться души отъ земныхъ пожеланій (Числ. XXIV, 4. 5). Но поелику святой Пророкъ, и по вѣденію былъ возвышенъ, и по жизни равно взятъ; то послушаемъ, каковъ онъ въ продолженіи проповѣди. *И я отошелъ горестный въ негодованіи духа моего* (а).

43. Помыслите, возлюбленнѣйшіе братіе, почему съ горестію отходилъ тотъ, въ которомъ умножались дары Св. Духа? Ужели всякое сердце, которое вѣзимаетъ тотъ же Духъ, огорчается въ негодованіи своего духа? Поэтому надобно знать, что для кого настоящая жизнь еще пріятна, тотъ, хотябъ и

а) Это буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника, въ которомъ читается такъ: *et abii amarus in indignatione spiritus mei*. Въ Славянскомъ же переводѣ тотъ же текстъ читается такъ: *и поидохъ вознесенъ во устремленіи духа моего*. Объясненіе Святителѣ согласовано со смысломъ текста по Латинскому подлиннику; а потому и въ переводѣ удержанъ тотъ же самый смыслъ.

говорилъ слово Божіе, *не возвышенный и не взятый* Проповѣдникъ. Ибо ту душу, которую наполняютъ Духъ святой, Онъ располагаетъ къ огорченію временнымъ, и услажденію вѣчнымъ. Пріятно, конечно, наслаждаться благами чѣловѣческими, но только для того, кто еще не вкусилъ никакихъ небесныхъ радостей; потому что, чѣмъ менѣе онъ разумѣетъ вѣчное, тѣмъ пріятнѣе успокоивается на временномъ. Но кто уже вкусилъ устами сердца, какова должна быть та сладость небесныхъ наградъ, каковы тѣ хоры Ангеловъ, которые воспѣваютъ гимны, каково непостижимое видѣніе святой Троицы; для того, чѣмъ пріятнѣе должно быть то, что онъ видитъ внутри, тѣмъ въ большую превращается горечь все то, что поддерживаетъ совнѣ. Онъ ссорится самъ съ собою за то, что онъ по воспоминанію сдѣлалъ худога, и не нравится самъ себѣ, когда ему началъ уже нравиться Тотъ, Кто все сотворилъ. Онъ укоряетъ самъ себя за помыслы, бранить за слова, и плачемъ наказываетъ за дѣла. Онъ воздыхаетъ о горнемъ, земное уже все цѣнитъ по презрѣнію душевному. И доколѣ онъ еще не имѣетъ хотя частицу того, чего желаетъ, до толѣ считаетъ пріятностію плакать, и наказывать самаго себя непрерываемыми слезами. И послѣду онъ видитъ себя еще не въ отечествѣ, для кото-

раго сотворенъ; то въ этой ссылкѣ настоящей жизни ему ничего болѣе не правится, какъ сокрушеніе его. Ибо онъ презираетъ подчиненіе себя временному, и пламенно желаетъ вѣчнаго. Поэтому и чрезъ Соломона справедливо говорится: *яко во множествѣ мудрости множество разума (а), и приложивый разумъ, приложитъ бользнь* (Еккл. I, 18). Ибо тѣ, которые познають небесное, негодуютъ на то, что подчиняютъ душу земному. И когда мы начинаемъ болѣе мудрствовать о томъ, что худаго мы сдѣлали, тогда сердимся сами на себя, и во многой мудрости бываетъ многое негодованіе; потому что, чѣмъ болѣе мы преусиѣваемъ въ познаніи, тѣмъ сильнѣе негодуемъ сами на себя за развратную жизнь. А съ познаніемъ умножается скорбь; потому что, чѣмъ яснѣе познаемъ мы вѣчное, тѣмъ болѣе скорбимъ о томъ, что мы находимся въ несчастіи настоящей ссылки. Или, какъ въ другомъ

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *Et quod in multa sapientia multa sit indignatio, et qui apponit scientiam, apponit dolorem*, т. е. потому что во многой премудрости мною должно быть негодованіа, и кто приумножаетъ виденіе, приумножаетъ скорбь. Мысль почти одна и таже, какая заключается и въ Славянскомъ переводѣ, но слово *разумъ* замѣнено словомъ *негодованія*, которое у Святителя въ объясненіи имѣетъ важное значеніе.

переводѣ говорится: *и приложивый разумъ приложитъ трудъ*. Ибо, чѣмъ яснѣе мы начинаемъ познавать, что такое небесныя радости, тѣмъ болѣе со слезами трудимся, чтобъ имѣть возможность избѣгать сѣтей нашихъ заблужденій. Итакъ *во множествѣ мудрости множество негодованія*; потому что, если мы уже мудрствуемъ о вѣчномъ, то негодуемъ на то, что желаемъ временнаго. Если мы уже мудрствуемъ о вѣчномъ, то презираемъ сами себя за то, что мы содѣлали то, что могло удалить насъ отъ любви вѣчности. Совѣсть укоряетъ саму себя, обвиняетъ за то, что содѣлала, обвиняемое осуждаетъ чрезъ покаяніе, въ душѣ происходитъ брань, раждающая миръ съ Богомъ.

44. Такъ Ахаавъ, печетливый Царь, обличенный Пророкомъ, когда услышалъ о Божественномъ противъ него опредѣленіи, утратилъ, и былъ стѣсненъ великою скорбію, такъ что Господь сказалъ Пророку своему: *видѣлъ ли еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица Моего; сего ради не наведу зла во днехъ его* (3 Цар. XXI, 29). При этихъ словахъ надобно подумать о томъ, какъ благоугодна предъ Нимъ горькая скорбь въ Его избранныхъ, которые страшатся оставить Его, если Ему такъ было благоугодно раскаяніе даже нечестиваго, который страшился потерять настоящую жизнь! Или, какъ для Него

должно быть пріятно добровольное сокрушеніе о грѣхахъ въ тѣхъ, которые благоугождаютъ Ему, если оно на время было пріятно даже въ томъ, который былъ противенъ Ему? Но надобно знать, что этого по любви ко всемогущему Богу отъ полноты сердца никто не можетъ сдѣлать, какъ только тотъ, коего душу объялъ Духъ Святой. Ибо когда человѣкъ своею силою достигнетъ того, чтобы презирать земное, любить небесное, желать мира съ Богомъ, вести брань съ собою, укорять самаго себя въ помышленіи, и наказывать слезами? Никто этого не можетъ сдѣлать, если кого не подкрѣпить благодатью Божіею. Поэтому-то и присовокупляется: *и рука Господня бысть на мнѣ крѣпкая* (Іезик. III, 14). (а).

45. Потому что мы рѣшительно не можемъ возвыситься до добрыхъ дѣлъ, если насъ Духъ и предварительно не возвыситъ, и въ продолженіи не подкрѣпитъ. Но надобно спросить: если выше о свиткѣ, который получилъ (Пророкъ), написано: *бысть во устѣхъ моихъ яко медъ, сладокъ*; то какъ же послѣ того говорится: я отошелъ горестный въ

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *manus enim Domini erat mecum, confortans me*, т. е. ибо рука Господня была со мною, укрѣпляющая меня.

негодованіи духа моего? Потому что весьма удивительно, если сладость и горечь соединяются вмѣстѣ. Но по высшему разумѣнію надобно знать, что для кого Слово Божіе въ устахъ сердца начало быть сладкимъ, того духъ безъ сомнѣнія огорчается противъ самаго себя. Ибо чѣмъ вѣрнѣе познаетъ изъ него, чѣмъ долженъ быть, тѣмъ строже наказываетъ себя горечью покаянія тотъ, кто тѣмъ болѣе не правится самъ себѣ, чѣмъ обширнѣе по священному Писанію усматриваетъ во всемогущемъ Богѣ то, что должно любить. Но поелику человѣкъ своею силою не можетъ достигнуть этого; то теперь правильно говорится: *рука Господня была со мною, укрѣпляющая меня*. Ибо рукою Господнею въ Св. Писаніи называется иногда и Единородный Сынъ, потому что *вся Тѣль быша* (Іоан. I, 3). А о вознесеніи Его всемогущій Отецъ говоритъ чрезъ Моисея: *воздвигну на небо руку Мою* (Второз. XXXII, 40). Эта рука, которая подкрѣпляетъ сердца Своихъ избранныхъ, говорила ученикамъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV, 5). Слѣдовательно, въ всемъ, что мыслимъ, во всемъ, что дѣлаемъ, всегда надобно молиться, чтобъ и мыслить намъ подъ вдохновеніемъ, и дѣйствовать при помощи Того, Кто живетъ и цар-

твуетъ со Отцемъ въ единствѣ со Святымъ Духомъ, Богъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЕДА ОДИНАДЦАТАЯ.

(Святитель) продолжаетъ изъясненіе III главы, отъ 15 до 20 стиха; гдѣ разсуждаетъ: о пастырской обязанности, о грѣхахъ, взаимно связанныхъ, властей и подчиненныхъ, и преимущественно о слѣпотѣ разума.

Среди чудесъ пророчества книги Пророковъ имѣютъ и то диво, что въ нихъ, какъ вещи объясняются словами, такъ иногда и слова вещами, такъ что, не только изреченія, но и дѣла должны быть пророчествомъ. Поэтому теперь говорится: *я пришелъ къ племению, къ множеству новыхъ плодовъ, къ тѣмъ, которые обитали подлѣ рѣки Ховаръ* (Език. III, 15) (а).

а) Это буквальный переводъ Латинскаго подлинника, которой читается такъ: *veni ad transmigrationem ad aceruum novarum frugum, ad eos, qui habitabant iuxta flumen Chobar.* Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя. А потому Славянскій переводъ, читаемый такъ: *и внидохъ въ плыиники вознесенъ, и обыдохъ живущія на рѣцѣ Ховаръ*, признанъ несогласнымъ съ объясненіемъ Святителя.

1. Когда надобно было указать, что (Пророкъ) пришелъ къ плѣненію, то что была за необходимость обозначать мѣсто плодами, въ словахъ: *къ множеству новыхъ плодовъ*, если не та, что часто и мѣста обозначаются вещами? Такъ какъ до времени пророчества Іезикиіля протекло уже много лѣтъ плѣненія, и изъ тѣхъ, которые были отведены въ плѣнъ, многіе уже померли: то Пророкъ приходилъ съ проновѣдію къ дѣтямъ ихъ. Поэтому и выше ему говорится: *сыне человекъ, послю ты къ дому Израилеву, огорчающимъ Мя, иже огорчиша Мя, сами и отцы ихъ отвергошася Мене до днешняго дне. И сынове жестокоумнии, и твердо-сердечнии: Азъ послю ты къ тѣмъ* (Іезик. II, 3. 4). Такъ какъ многіе изъ нихъ были расположены къ вѣрѣ, и чрезъ послушаніе къ приношенію плодовъ добродѣтели; то называются множествомъ плодовъ. А что добрыя души называются плодами Божиими, объ этомъ свидѣтельствуетъ другой Пророкъ, говоря: *святъ Израиль Господеви, начатокъ плодовъ Его* (Іерем. II, 3). Ибо плодами Господними впослѣдствіи содѣлались и язычники, обратившіеся къ вѣрѣ. Но такъ какъ Израиль прежде увѣровалъ въ Господа; то Пророкъ справедливо наименовалъ его начаткомъ плодовъ Его. Итакъ, посланъ былъ не къ прежнему народу, но при-

несѣ слово дѣтямъ этого самаго народа: то онъ пришелъ ко множеству новыхъ плодовъ. Но что обозначается рѣкою *Ховаръ*, объ этомъ мы уже сказали выше (бесѣд. II, ч. 6); чего здѣсь не повторяемъ, дабы чрезъ повтореніе не произвести отвращенія. Далѣе слѣдуетъ: *и я съѣлъ тамъ, гдѣ они сидѣли, и пребылъ тамъ семь дней, торюя въ средѣ ихъ* (Гезик. III, 15) (а).

2. Замѣчательно, какимъ сочувствіемъ святыи Пророкъ связуетъ себя съ плѣннымъ народомъ, и съ горестями его своимъ сіребываніемъ и горѣмъ; потому что корень слова есть сила дѣла. И отъ слушающихъ охотно принимается то слово, которое произносится проповѣдникомъ съ сочувствіемъ душевнымъ. Такъ, когда желѣзо сваривается съ желѣзомъ, то прежде размягчается, чтобы послѣ одно поддерживать другое. Ибо, если бы оно предварительно не было размягчено, то не могло бы быть крѣпко связано

а) Опитъ буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника, въ которомъ онъ читается такъ: *et sedi ubi illi sedebant, et mansi ibi septem diebus morrens in medio eorum*. Но въ Славянскомъ переводѣ этотъ текстъ читается такъ: *и съдохъ ту седмъ дней, ходя посреди ихъ*. Причина, почему признано необходимымъ замѣнить славянскій переводъ буквальнымъ переводомъ съ Латинскаго подлинника, таже, которая представлена и въ предыдущемъ примѣчаніи:

одно съ другимъ. Такъ и Пророкъ сѣлъ вмѣстѣ съ плѣннымъ народомъ, и пребылъ горюющимъ въ срединѣ его, для того, чтобы, благодатію любви смягчить его до сочувствія къ себѣ, и тотчасъ поддерживать его силою слова. Но если Израильскій народъ, который называется *домомъ преогорчевающимъ*, потому что не признавалъ виновности своей даже подъ розгами, никакою скорбію не сокрушалъ души своей; то Пророкъ сѣдѣлъ среди горюющимъ среди радующихся, дабы молча показать то, о чемъ онъ пришелъ говорить для вразумленія. И прежде нежели началъ говорить, онъ образовалъ форму словъ съ того, о чемъ горюя молчалъ. Далѣе слѣдуетъ: *и бысть по седмихъ днехъ слово Господне ко мнѣ, и молча.*

3. Тѣмъ, что (Пророкъ) горюя просидѣлъ семь дней, и послѣ седьмаго дня получилъ слова Божественнаго повелѣнія, что онъ долженъ былъ говорить, онъ ясно показываетъ, что въ эти самые дни онъ въ горести молчалъ. Посланъ былъ проповѣдывать, и семь дней сидя промолчалъ. Что святыи Пророкъ внушаетъ намъ своимъ молчаніемъ, если не то, что умѣющій говорить истину прежде долженъ научиться благовременному молчанію? Ибо молчаливое обезуживаніе есть какъ бы пища слова. И справедливо чрезъ избыточествующую благодать

получаетъ слово тотъ, кто прежде по смиренію благовременно молчитъ. Поэтому-то Соломонъ говоритъ: *время молчати, и время глаголати* (Еккл. III, 7). Ибо не говорить: время глаголати, и время молчати, но прежде поставляетъ время молчать, а послѣ—говорить; потому что мы должны учиться не чрезъ глаголаніе молчанію, но чрезъ молчаніе глаголанію. Итакъ, если святой Пророкъ, посланный на проповѣдь, прежде долго молчалъ, чтобы послѣ вѣрно говорить: то намъ должно обсудить, какова виновность не молчать тому, кого никакая необходимость не заставляетъ говорить.—Далѣе слѣдуетъ: *сыне чловѣчь, стража (соглядатая) дагь ты дому Израилеву* (Іезик. III, 17).

4. Надобно замѣтить, что Господь называетъ стражемъ того, кого посылаетъ на проповѣдь. Ибо кому ввѣряется попеченіе о другихъ, тотъ называется стражемъ, чтобы онъ сидѣлъ на высотѣ ума, и свое наименованіе оправдывалъ силою дѣятельности. Ибо тотъ не сторожъ, кто сидитъ внизу. Потому что сторожъ всегда стоитъ на высотѣ, чтобы издали видѣть то, что находить. И кто бы ни поставляемъ былъ на стражѣ народа, долженъ стоять на высотѣ по жизни, чтобы имѣть возможность быть полезнымъ по прозорливости. Поэтому другой Пророкъ увѣщеваетъ стража, говоря: *на гору вы-*

соку азыди, благовѣствующій Сіону (Ис. XL, 9). Именно потому, чтобы вступающій на мѣсто проповѣдника восходилъ на высоту добродѣтели; чтобы переходилъ на высоту, и превyšшалъ на дѣлѣ тѣхъ, которые ввѣрены ему; такъ какъ онъ тѣмъ проницательнѣе можетъ видѣть жизнь подчиненныхъ, чѣмъ менѣе будетъ подчинять душу (свою) земнымъ благамъ, которыя онъ презираетъ.

5. О, какъ тяжело для меня то, что я говорю, потому что говоря быю самаго себя, у котораго ни языкъ не соотвѣтствуетъ достоинству проповѣди, ни жизнь не сообразна языку, какъ слѣдуетъ! Я часто занутываюсь въ словахъ праздныхъ, и перестаю увѣщевать и навидать ближнихъ по лѣности и нерадѣнію. Предъ Богомъ я содѣлался нѣмымъ и говорливымъ, — шѣмымъ для необходимаго, говорливымъ для празднаго. Но вотъ Слово Божіе о жизни стража побуждаетъ меня говорить. Молчать не могу, и однако же боюсь словами бить себя самаго. Буду, буду говорить для того, чтобы мечъ слова Божіи, хотя даже чрезъ меня самаго, проходилъ для пронзенія сердца ближняго. Буду, буду говорить, чтобы слово Божіе гремѣло чрезъ меня даже противъ меня. Я не заираюсь въ своей виновности, вижу свою лѣность и нерадѣніе. Быть можетъ, самое сознаніе въ виновности у мило-

сердаго Судіи будетъ принято за прошеніе поми-
лованія.

6. Въ монастырѣ я могъ и языкъ удерживать
отъ празднословія, и умъ почти непрерывно держать
въ молитвенномъ напряженіи. Но послѣ того, какъ
я подставилъ плечо сердца подъ тяжесть пастыр-
скую, духъ мой не можетъ постоянно быть само-
собраннымъ, потому что разсѣвается по многому.
Ибо я принужденъ бываю рѣшать дѣла иногда Цер-
квей, иногда Монастырей, часто размысливать о жиз-
ни и дѣлахъ частныхъ людей; иногда поддерживать
обязанности гражданъ, иногда плакать о погибшихъ
отъ мечей варваровъ, и страшиться вождювъ, напа-
дающихъ на ввѣренное мнѣ стадо; иногда забо-
титься о томъ, дабы не истощились пособія для
тѣхъ самыхъ, которыми держится порядокъ, иногда
равнодушно терпѣть нѣкоторыхъ хищниковъ, иногда
выходить къ нимъ на встрѣчу по желанію соблюденія
любви. Итакъ, если умъ, развлеченный и разъединен-
ный, занимается столькими и толиками помысла-
ніями: то когда ему возвращаться къ самому себѣ,
чтобы исполнѣ обратиться на проповѣдь, и не от-
ступать отъ служенія проповѣданію слова? После-
ку же по необходимости мѣста я часто имѣю об-
щеніе съ мужами вѣка сего, то для себя иногда
смягчаю строгость языка. Ибо, если я держу себя

въ непрестанной строгости моего наблюденія, то знаю, что слабѣйшіе отъ меня бѣгають, и я никогда не привлекаю ихъ къ тому, къ чему хочу. Поэтому — то часто приходится выслушивать и ихъ празднословіе. Но посліку я и самъ слабъ; то завлеченный мало по малу въ празднословіе, уже охотно начинаю говорить то, что по неволѣ начиналъ слушать; и гдѣ скучно было падать, тамъ правится лежать. Итакъ что я, и какой стражъ, когда не стою на горѣ дѣланія, а еще лежу въ долинѣ слабости? Но есть Творецъ и Искунитель рода человѣческаго, Который можетъ даровать мнѣ недостойному и высоту жизни, и силу языка; ради любви къ Нему я не щажу себя въ проповѣди Его.

7. Итакъ жизнь стража всегда должна быть и высока, и осмотрительна. Ибо для того, чтобъ онъ не подвергался пристрастію къ земнымъ вѣщамъ, она должна быть высока; а для того, чтобы не быть уязвленною стрѣлами скрытаго врага, должна быть со всѣхъ сторонъ осмотрительна. Для стража не достаточно еще того, чтобъ онъ жилъ высоко, если онъ непрестаннымъ собесѣдованіемъ не привлекаетъ на высоту и слушателей своихъ, и языкомъ не воспаляетъ сердце ихъ къ любви небеснаго отечества. Но это онъ на вѣрное совер-

нить тогда, когда языкъ его будетъ воспламеняться отъ жизни. Ибо свѣтильникъ, не горящій самъ, не зажигаетъ той вещи, подъ которую подставляется, Поэтому - то Истина объ Иоаннѣ говоритъ: *онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя* (Иоан. V, 35), — горя, т. е. небеснымъ желаніемъ, свѣтя словомъ. Итакъ для того, чтобы сохраняема была истина проповѣди, необходимо должна быть удерживаема высота жизни. Поэтому и голосомъ жениха святой Церкви въ Пѣсни пѣсней-справедливо говорится: *носъ твой, яко столпъ Ливанскій* (VII, 4). Что за похвала, брагіе мои, что носъ невесты удобляется столпу (башнѣ)? Но поелику мы носомъ всегда различаемъ благовоиія отъ зловоній; то что означается носомъ, если не разборчивость стражей? Стражь именно называется носомъ, и какъ бы столпомъ, и Ливанскимъ; потому что всегда долженъ быть разборчивъ въ предположеніяхъ, и крѣпокъ и осмотрителенъ, и стоять на высотѣ жизни, т. е. не лежать въ долинѣ слабой дѣятельности. Ибо, какъ башня устроится на горѣ для наблюденія съ тѣмъ, чтобы вдали были видимы находящіе враги: такъ жизнь проповѣдника всегда должна быть крѣпко устроена на высотѣ, чтобы, подобно органамъ обонянія, различать зловонія пороковъ и благоуханія добродѣтелей; чтобы вдали видѣть пашествія злыхъ

духовъ, и своєю предусмотрительностію дѣлать оговорочными вѣренныя ему души.— Далѣе слѣдуетъ: *да слышите слово отъ устъ Моихъ, и воспретите имъ отъ Мене* (Іезек. III, 17).

8. Вотъ опять Пророкъ получаетъ наставленіе, не говорить того, чего не услышитъ, но прежде открывать ухо сердца для гласа Создателя, а послѣ открывать уста своего тѣла для слуха народнаго. Поэтому другой Пророкъ говоритъ: *приклоню въ причину ухо мое, отверзу во псалтыри гаданіе (загадку) мое* (Псал. XLVІІІ, 5). Ибо православно проповѣдующій прежде, какъ показано, приклоняетъ ухо сердца ко внутреннему глаголу, чтобы послѣ открывать тѣлесныя уста для предложенія увѣщанія.— Далѣе слѣдуетъ: *оногда глагола ти Ми беззаконнику, смертію умрешь; и не возвѣстужи ему, ни согласиши, еже останется беззаконнику, и обратится отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ тойъ въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его оцѣ руки твоя възвѣстужу* (Іезек. III, 18).

9. При этихъ словахъ что намъ должно замѣтить, о чемъ внимательно подумать, если не о томъ, что ни подчиненный не умираетъ по вѣдѣ начальствующаго, ни начальствующій не остается безъ вины, когда, не слушая словъ жизни, подчи-

ленный умираеть по своей винѣ? Ибо нечестиво-
му смерти есть должное воздаяніе; но стража обя-
занъ возвѣстить ему о пути къ жизни, и облечить
его нечестіе. Но если стража промолчитъ, то самъ
нечестивый умретъ въ своемъ нечестіи, потому что
онъ своимъ нечестіемъ заслужилъ того, чтобы не
быть достойнымъ рѣчи стража. Но крови его Го-
сподь взыскуеть отъ руки стража, потому что этотъ
убилъ того тѣмъ, что молчаніемъ предалъ его смер-
ти. Въ этихъ обонхъ случаяхъ надобно подумать о
томъ, какъ взаимно связаны между собою грѣхи
подчиненныхъ и начальствующихъ; потому что тамъ,
гдѣ умираеть по своей винѣ подчиненный, стоитъ
виновнымъ въ смерти начальствующій, потому что
молчалъ. Итакъ помыслите, возлюбленнѣйшіе братіе,
помыслите, что и мы пастыри бываемъ недостойными
тоже по виновности васъ, надъ которыми поставлены
такowymi. А если вы когда предастесь нечестію, то
виновны и мы, которые не противостоимъ и не при-
цаемъ вашихъ преступныхъ пожеланій. Поэтому вы
падите себя и насъ, когда перестаете беззаконни-
чать. И мы падимъ васъ и себя, когда не молчимъ
о томъ, что преступно. О, какъ былъ чистъ отъ кро-
ви вѣранныхъ тотъ славный Проповѣдникъ, кото-
рый говорилъ: *чистъ азъ отъ крове всѣхъ. Не обви-
нужся бо сказати вамъ всю волю Божию* (Дѣян.

XX, 26—27)! Ибо, если бы онъ не *сказалъ*, то не былъ бы чистъ отъ крови. Но онъ позаботился *сказать всю волю Божию* тѣмъ, отъ крови которыхъ былъ чистъ. Этимъ выраженіемъ трогаемся, стѣсняемся, становимся виновными мы, называющіеся Священниками, которые, кромѣ собственныхъ своихъ грѣховъ, подвергаемся отвѣтственности за смерть другихъ; потому что убиваемъ столько, сколько ежедневно видимъ идущихъ на смерть по нашему равнодушію и молчанію.

10. Но когда говорится: *крове же его отъ руки твоя взыщу*: то, если въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ крови разумѣется смерть тѣлесная, ужасъ для насъ за наше молчаніе увеличивается; потому что, если поставленный стражемъ надъ подчиненными ему столь тяжело дѣлается виновнымъ даже въ смерти тѣла, рано или поздно долженствующаго умереть, то какой виновности подвергается онъ за смерть души подчиненныхъ, которая могла бы вѣчно жить, если бы слышала слова исправленія? Но лучше подъ именемъ крови могутъ быть разумѣваемы грѣхи. Поэтому иѣже, оплакивая грѣхи плоти, *сказалъ: избави мя отъ кровей Божие, Божие спасенія моего* (Псал. L, 16). Итакъ кровь умирающаго взыскивается отъ руки стража потому, что грѣхъ подчиненнаго ставится въ вину началь-

•

ствующему, если сей будетъ молчать. Слѣдовательно, есть средство быть свободнымъ отъ вины, когда даже умираеть подчиненный. Пусть воспрянетъ (стражъ), станеть бдительно на стражѣ, пусть противостоить злымъ дѣяніямъ, какъ написано: *буди не ослабывая; поощряй же и твоего друга, егже испоручилъ еси. Не даждь сна твоима очима, ни же да не воздремлеми твоима въждома* (Притч. Сол. VI, 3 — 4). Поэтому и здѣсь тоже присовокупляется: *и ты аще възвѣстиии беззаконнику, и не обратится отъ беззаконія своего, и отъ пути своего (беззаконна): той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а ты душу твою избавиши* (Езек. III, 19).

11. Ибо подчиненный безъ тебя умираеть тогда, когда въ причинѣ смерти останея упорно противорѣчащимъ тебѣ. Ибо ты участвуешь въ смерти, которой не прекословишь. И замѣчательно, что должно быть проповѣдуемо стражемъ, именно—вѣра и дѣла. Ибо (Господь) говоритъ: *и ты аще възвѣстиии беззаконнику, и не обратится отъ беззаконія своего, и отъ пути своего (беззаконна)*. Беззаконіе служить выраженіемъ невѣрія, а путь беззаконный — беззаконной дѣятельности. И каждый стражъ долженъ имѣть стараніе о томъ, чтобы прежде привлекать къ православію вѣры, а послѣ къ

благочестивой жизни, т. е. въ доброй дѣятельности.

12. Но поелику рѣчь зашла объ увѣщаніи; то мы должны кратко замѣтить, какой долженъ быть порядокъ въ устахъ пастыря, и какая обдуманность въ рѣчи. Ибо учитель долженъ обдумывать, что говорить, кому говорить, когда говорить, какъ говорить, и сколько говорить. Ибо если одного изъ этихъ не будетъ доставать, то рѣчь будетъ неудачна. Поэтому-то написано: *аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси, не сокрышиши ли еси* (Быт. IV, 7). Но мы правильно приносимъ, когда съ добрымъ расположеніемъ совершаемъ доброе дѣло по неправильно раздѣляемъ, если пренебрегаемъ разборчивостію въ добромъ дѣлѣ. Ибо мы должны обсуживать то, что намъ говорить, дабы по слову Павла, *слово наше было всегда во благодати, салию растворено* (Колос. IV, 6).

13. Но намъ надобно обсуживать, кому говорить; потому что часто слово порицанія, принимаемое однимъ лицомъ, не принимается другимъ. А часто одно и то же лице по обстоятельствамъ дѣлается другимъ. Поэтому Пророкъ Наѳанъ сильнымъ словомъ обличенія поразилъ Давида послѣ прелюбодѣянія. Когда сей произнесъ судъ на помитителя овцы: *сынъ смерти есть мужъ сотворившій*

сѣ, тогда тотъ немедленно отвѣчалъ: *ты еси мужъ, сотворившій сѣ* (2 Цар. XII, 5. 7). Но ему же (Давиду), говоря о царствѣ Соломона, такъ какъ за нимъ не было вины, онъ (Наванъ) смиренно поклонился. Итакъ, послѣлику въ одномъ и томъ же лицѣ была причина различна, то и рѣчь пророческая была не одинакова.

14. Надобно обсуживать и то, когда мы должны говорить; потому что часто хотя и не правится укоризна, но послѣ принимается благосклонно. А иногда становится слабымъ то, что произойдетъ по упущеніи времени, въ которое должно было быть произнесено. Ибо и женщина умная, риди Навала пьянымъ, не захотѣла обличать въ виновности упорства того, кого по изтрезвленіи отъ вина съ пользою поразила словами своего обличенія (1 Цар. XV, 36. 37). И Пророкъ возвѣщаетъ, что обличенія рѣчей льстецовъ не надобно отлагать до будущаго времени, говоря: *да возвратятся абіе стыдящіяся глаголющии ми, благоже, благоже* (Псал. LXIX, 4). Ибо леть, если она терпѣливо до времени принимается, умножается, и мало по малу услаждаетъ душу до того, что она разслабѣваетъ отъ услажденія рѣчи для строгости своей правоты. Но чтобъ она не возрастала, се тотчасъ и безъ промедленія должно отталкивать.

15. Надобно еще обсуживать и то, какъ мы должны говорить. Ибо часто слова, которыя одно-го возвращаютъ на путь спасенія, наносятъ раны другому. Поэтому и Апостоль Павель, который, давая наставленія Титу, говоритъ: *обличай со осякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 15), а давая наставленія Тимоою, говоритъ: *обличи, запрети, умоли со осякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV, 2). Что это значить, что одному предписываетъ власть, а другому долготерпѣніе, если не то, что онъ одного зналъ кроткимъ по духу, а другаго горячимъ? Кроткому пужна была по важности начальствованія строгость слова, а тотъ, кто по духу горячился, долженъ былъ умѣрять быть терпѣніемъ для того, чтобы онъ, разгорячившись болѣе надлежащаго, вмѣсто уврачеванія рапъ, не ранилъ здоровыхъ мѣсть. }

16. Надобно заботиться и о томъ, сколько мы должны говорить, дабы не доводить нашего слушателя до отвращенія, когда мы будемъ дѣлать слово или увѣщанія, или обличенія, тому, кто не можетъ выносить многаго. Поэтому тотъ же славный Проповѣдникъ Евреямъ говоритъ: *молю вы, братіе, примите слово утѣшенія: ибо вмашь написавъ послахъ вамъ* (Евр. XIII, 22). Впрочемъ это приличествуетъ преимущественно слабымъ, чтобы сіи

слушали то, что хотя и мало, но для нихъ удобно-понятно, и можетъ побуждать душу ихъ къ сокрушенію покаянія. Ибо, если имъ въ одно время будетъ говорима многосложная рѣчь увѣщанія; то они, не имѣя возможности удержать многое, теряютъ все. Поэтому и врачи тѣлесные, хотя и намазываютъ пригоднымъ лѣкарствомъ тѣ повязки, которыя они прилагаютъ къ слабымъ желудкамъ, по тонкимъ слоемъ, для того, чтобъ онѣ, намазанныя толстымъ слоемъ, вмѣсто укрѣпленія слабости желудка, не отягчали его.

17. [Впрочемъ надобно знать, что хотя бы обильное слово и перешло за свой предѣлъ, для слушателей это не опасно. Но если безъ особеннаго тщанія обсуживается то, какъ, что и кому должно говорить, то это весьма опасно. Ибо стыдливыя души, въ случаѣ какихъ либо преступленій, должны быть обличены кротко; потому что онѣ, въ случаѣ жестокаго обличенія, болѣе теряются, нежели вразумляются. Напротивъ того души жестокия и безстыдныя, въ случаѣ кроткаго обличенія, самую кротостію побуждаются къ большимъ преступленіямъ.]

18. Этому мы удобно научаемся отъ того же славнаго проповѣдника, который узпавъ, что Коринѣяне по приверженности къ лицамъ впали въ рас-

ко́ль, давая вразумленіе ихъ стѣдливости, начина-
еть рѣчь свою благодарностію и похвалами, говоря:
благодарю Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей
данной вамъ о Христѣ Иисусѣ! яко во всемъ обо-
гатитесь о немъ, во всякомъ словѣ и всякомъ рѣзу-
мъ. Яко же свидѣтельство Христово извѣстнѣе въ
васъ (1 Кор. I, 4—6). Далѣе онъ еще присовокупляетъ
и говоритъ: *яко вамъ не мнѣется ни во единомъ да-*
рованіи, ищущимъ откровенія Господа нашего Иисуса
Христа (ст. 7). Спрашиваю тебя, Павле: если уже нѣтъ
никакого недостатка, то почему ты трудишься въ
писаніи къ нимъ? Почему ты, находясь вдали, бе-
сѣдуешь съ ними? Итакъ обсудимъ, возлюбленнѣй-
шіе братіе, на сколько онъ ихъ хвалить. Вотъ онъ
утверждаетъ, что имъ дарована благодать Божія,
говоритъ, что они обогащены всемъ, всякимъ сло-
вомъ и всякимъ познаніемъ, подтверждаетъ, что сви-
дѣтельство Христово, т. е. то, что онъ свидѣтель-
ствовалъ о смерти и воскресеніи Христа, утверди-
лось въ жизни ихъ, и свидѣтельствуешь, что они
не лишены ни единого дарованія. Кто, спрашиваю
я, повѣритъ, что онъ нѣсколько послѣ будетъ бра-
нить тѣхъ, которыхъ такъ хвалить? Ибо послѣ про-
чаго онъ присовокупляетъ: *молю же вы, братіе,*
именемъ Господа нашего Иисуса Христа, да мож-
де многолетѣ вси, и да не будутъ въ васъ распри

(Тамъ же, ст. 10). Ибо какая распря могла вкратиться въ среду людей столь совершенныхъ и столь хвалимыхъ? *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, посланнымъ отъ Хлоиса, яко рвенія въ васъ суть. Глаголю же се, яко кійжедо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифринъ, азъ же Христовъ* (Тамъ же, ст. 11—12). Вотъ опъ тѣхъ, которыхъ хвалили за всякое слово и всякое познаніе, о которыхъ сказалъ, что они не лишены ни единого дарованія, продолжая не много рѣчь, и пристуная къ кроткому обличенію, укорлетъ за раздѣленіе между собою; и у тѣхъ, о здравіи которыхъ свидѣтельствовалъ, послѣ открылъ раны. Ибо некусный врачъ, видя, что рану надобно вскрыть, но замѣчая страхъ больнаго, долго гладить ея рукою, и вдругъ прорѣзалъ. Прежде паложилъ привѣтливую руку похвалы, а послѣ возилъ желѣзо укоризны. Ибо, если бы стыдливыя души были укорены безъ привѣтливости, такъ что онѣ должны были бы при другихъ обстоятельствахъ выслушать то, что должно служить къ утѣшенію: то онѣ отъ укоризны тотчасъ впади бы въ отчаяніе.

19. Но не ужели Павелъ солгалъ, когда прежде сказалъ, что не лишены ни единого дарованія тѣ, которымъ послѣ намѣренъ былъ сказать, что у нихъ нѣтъ единства?—Нѣтъ; кто этому повѣритъ о

немъ, кромѣ безумнаго? Но поелику среди Коринѳянъ были нѣкоторые исполнены всякаго дарованія, и были нѣкоторые впадшіе въ пристрастіе къ лицамъ: то онъ началъ съ похвалы совершенныхъ, чтобы кроткою укоризною коснуться обличенія несовершенныхъ. Даже и въ этомъ онъ къ уврачеванію сердца занимствовалъ способъ отъ врачеванія тѣла. Ибо врачъ, видя рану, которую должно вскрыть, сперва гладитъ рукою тѣ здоровые члены, которые около рапы, чтобы послѣ, тихонько поглаживая перейти къ тѣмъ, которые ранены. Итакъ, когда Павелъ хвалилъ совершенныхъ въ Коринѳѣ, тогда онъ прикасался къ здоровымъ членамъ подлѣ рапы; а когда укорялъ слабыхъ за раздѣленіе, тогда вскрывалъ рану на тѣлѣ.

20. Впрочемъ посмотримъ на того же самаго, который съ такою тихостію и кротостію поступаетъ при исправленіи Коринѳянъ, какъ онъ вооружается противъ Галатянъ, отступившихъ отъ вѣры. Ибо безъ всякаго предварительнаго терпѣнія по скромности, безъ всякаго предпосланія пріятнаго слова, онъ въ самомъ началѣ своего посланія укоризненно обличаетъ тѣхъ, которые, какъ ему сдѣлалось извѣстнымъ, отпали отъ вѣры. Послѣ привѣтствія онъ начинаетъ такъ: *чуждуюся, яко тако скоро прелазаетеся отъ зващаго вы благодатию Христовою*

(Гал. I, 6). Имъ же опъ съ явною бранью послѣ прочаго присовокушаетъ: *о несмысленнѣи Галате, кто вы прельстивъ естѣ* (Тамъ же, III, 1). Ибо жестокия души отнюдь не сознались бы въ содѣянномъ ими злѣ, если бы не были поражены открытою укоризною. Ибо тѣ, которые доходятъ до безстыдства, часто сознаютъ свои грѣхи на столько, на сколько ихъ бранятъ за содѣянные грѣхи, такъ что меньшими считаютъ тѣ свои преступленія, за которыя постигаетъ меньшая брань, а за которыя сильнѣе бранятъ, тѣ признаютъ большими. Поэтому необходимо всегда приспособлять рѣчь проповѣдующаго къ качествамъ слушателей, для того, чтобы ни стыдливымъ не говорить жестокаго, ни безстыднымъ кроткаго. И что удивительнаго, если это будетъ дѣлать сѣятель слова Божія, когда и земледѣлецъ, бросающій семена на землю, прежде разсматриваетъ качество земли, для какихъ семянъ она окажется пригодною, а послѣ разсмотрѣнія качества, разсѣиваетъ сѣмена? Но послѣ мы долго проговорили о качествѣ ученія: то надобно возвратиться къ тому порядку изъясненія, который мы начали. *Игда совратится праведникъ отъ правды своихъ, и сотворитъ согрѣшеніе, и дамъ муку предъ нимъ, той умретъ, яко ты не воспретивъ еси ему: и во грѣсѣхъ своихъ умретъ, зане не помянутся*

правды его, яже сотвори: крове же его отъ руки твоея възыщу (Гезик. III, 20).

21. Поелику проповѣдникъ молчалъ предъ праведникомъ, который палъ въ грѣхъ, то становится виноватымъ въ крови его. И тотъ, кто не старался быть тщательнымъ въ проповѣданіи, содѣлался участникомъ въ виновности. Но когда говорится: *во грѣсѣхъ своихъ умретъ, зане не помянутся правды его, яже сотвори*: тогда намъ особенно надобно помыслить о томъ, что, предаваясь грѣхамъ, мы напрасно вспоминаемъ о своихъ прежнихъ добродѣтеляхъ; потому что въ содѣяніи грѣховъ не должно быть никакой опоры на прошедшія добрыя дѣла. Но можно спросить: надобно ли праведнику проповѣдывать прежде, нежели онъ надетъ, или же и послѣ того, какъ онъ надетъ?—Поелику проповѣдникъ долженъ наблюдать, чтобъ онъ (праведникъ) не доходилъ до паденія, то безъ сомнѣнія (надобно проповѣдывать) прежде, нежели онъ надетъ. Ибо далѣе слѣдуетъ: *ты же аще возвѣстиии праведному, еже не согрѣшати, и той не согрѣшитъ, праведный жизнью поживетъ, яко воспретилъ еси ему, и ты твою душу избавиши* (Гезик. III, 21).

22. Итакъ, если проповѣдникъ избавляетъ душу свою потому, что говоритъ праведнику, чтобы сеи не грѣшили: то когда праведникъ по молчанію

проповѣдника впадаетъ въ грѣхъ, тогда проповѣдникъ становится виновнымъ въ томъ, что молчитъ. Но кто изъ насъ, спрашиваю, достаточно къ тому, чтобы не только ревностно обличать грѣшниковъ, но и за праведниками наблюдать, дабы они не падали? Ибо мы, сознавая свою слабость, когда видимъ мужей праведныхъ, не рѣшаемся на увѣщаніе ихъ къ тому, чтобы они держались пути праведнаго, котораго они, какъ мы видимъ, держатся; а между тѣмъ на проповѣдникѣ лежитъ обязанность увѣщевать даже праведниковъ. Поэтому славный проповѣдникъ говорилъ: *мудрымъ же и неразумнымъ долженъ ссмы* (Рим. I, 14).

23. Но во всемъ этомъ, что сказано о праведникѣ, уклонившемся къ нечестию, трудное для объясненія и весьма страшное есть то, что Господь говоритъ: *дамъ муку предъ нимъ* (а). Ибо говоритъ: *егда совершится праведникъ отъ правды своихъ, и сотворитъ согрѣшеніе, и дамъ муку предъ нимъ*. Ибо мы говоримъ, что если кто учинилъ беззаконіе, то онъ спотыкнулся, и рѣшительно вѣрно то, что мы говоримъ. Для чегожь еще всемогущій Богъ по-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *ponam mendicium coram eo*, т. е. положу преткание предъ нимъ.

лагасть претыканіе тому, кого видитъ преткнувшимся и упавшимъ чрезъ учиненное имъ беззаконіе? Но праведны судьбы всемогущаго Бога; и Тотъ, Кто долго ожидаетъ грѣшника, чтобы сей обратился, не обращающемуся и презирающему полагаетъ еще претыканіе, чтобъ онъ еще тяжелѣе ударился лбомъ.

24. Потому что грѣхъ, по очищаемый вскорѣ покаяніемъ, становится, или грѣхомъ и причиною грѣха, или грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ, или грѣхомъ вмѣстѣ и причиною грѣха и наказаніемъ за него. Ибо все то, что дѣлается прежде (вопреки закону), есть грѣхъ. Но если (этотъ грѣхъ) вскорѣ не очищается покаяніемъ; то всемогущій Богъ по праведному суду попускаетъ связанной души грѣшника падать въ другое преступленіе, такъ что она, которая не хотѣла плачемъ и сокрушеніемъ загладить то, что сдѣлала, начинаетъ приумножать грѣхъ на грѣхъ.) Поэтому грѣхъ, не омытый слезами покаянія, есть грѣхъ и вмѣстѣ причина грѣха; потому что отъ него происходитъ то, отъ чего душа грѣшника упадетъ еще глубже. Но грѣхъ, рождаемый отъ грѣха, есть грѣхъ и вмѣстѣ наказаніе за грѣхъ; потому что онъ, при возрастающемъ ослѣпленіи, рождается отъ воздаянія за прежнюю вину, такъ что самыя нарощенія пороковъ суть уже

какъ бы нѣкоторыя казни на грѣшникѣ. Впрочемъ бываетъ иногда и то, что одинъ и тотъ же грѣхъ, есть и грѣхъ, и наказаніе за грѣхъ, и вмѣстѣ причина грѣха. Представимъ себѣ, что кто либо пожелать вещи ближняго; послѣдуя онъ вещи открыто взять не могъ, то украсть ее; но при обвиненіи въ воровствѣ онъ клятвою подтвердить, что не красть ее. Поэтому ему ставится въ грѣхъ пожеланіе и причина грѣха, потому что чрезъ него дошелъ онъ до воровства. Но самое воровство, которымъ онъ похитилъ желанную вещь, содѣлалось для него, и грѣхомъ, и наказаніемъ за грѣхъ; потому что отъ воздаянія не стѣсненнаго пожеланія произошло то, что оно превратилось въ воровство, и виновность сердца выразилась на дѣлѣ отъ отщепенія за слѣдоту. Но поелику онъ воровство постарался прикрыть ложною клятвою, то опять отъ грѣха родился грѣхъ. Поэтому воровство, произшедшее отъ пожеланія, и произведшее ложную клятву, содѣлалось грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ въ отношеніи къ преступленію предшествовавшему,—грѣхомъ и причиною грѣха въ отношеніи (къ преступленію) послѣдовавшему, такъ какъ оно отъ перваго родилось, а второе породило. Это хорошо Павелъ высказалъ о нѣкоторыхъ, разумѣющихъ Бога и не чтущихъ, говоря: *послику они, познавъ*

•

*Бога, не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились умствованиями своими (Рим. I, 21). Вотъ грѣхъ и причина грѣха. Что происходитъ отъ этой причины, онъ присовокупляетъ: и омрачилось безмысленное ихъ сердце: называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу невидимаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человеку, и птицамъ, и четвероногимъ и гадамъ (Тамъ же, ст. 21—23). Вотъ грѣхъ, и наказаніе за грѣхъ. Но онъ такъ и оставался бы грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ, если бы изъ этого грѣха не рождалось еще нѣчто другое. Ибо послѣ невѣрія ихъ присовокупляется: *А потому Богъ и предалъ ихъ, по похотямъ сердецъ ихъ, нечистотѣ, чтобы сквернили собственныя тѣла* (тамъ же, ст. 24). И такъ тѣ, которые познавъ Бога, не прославили Его какъ Бога, отъ этого грѣха и причины грѣха дошли даже до того, что пали даже въ почитаніе гадъ и птицъ. Но поеленку чрезъ это самое ослѣпленіе они дошли даже до нечистоты и оскверненій плоти: то самая слѣгота ихъ невѣрія въ отношеній къ будущему разумѣнію есть и грѣхъ, и наказаніе за грѣхъ, а въ отношеніи къ послѣдующей нечистотѣ грѣхъ содѣлался и причиною грѣха. Но такъ какъ объ этомъ долго было разсуждаемо въ книгахъ нравственныхъ (книг. XXV, глав. IX, ч. 23. 24):*

•

то намъ теперь нѣтъ надобности долго на этомъ останавливаться (а).

25. Но намъ со страхомъ надобно помышлять о томъ, какимъ образомъ праведный и всемогущій Богъ, гнѣваясь на предшествующіе грѣхи, попускаетъ слѣпотящей душѣ падать и въ другіе. Поэтому Моисей говоритъ: *не бо исполнишася грѣси Аммореевъ до нынѣ* (Быт. XV, 16). И Давидъ говоритъ: *приложи беззаконіе къ беззаконію ихъ, и да не увидутъ въ правду твою* (Псал. LXVIII, 28). Другой Пророкъ еще говоритъ: *клятва, и лжа, и убійство, и татѣба, и лободьянія разлися по земи, и кровь съ кровми мѣшаютъ* (Ос. IV, 2). Ибо кровь мѣшается съ кровью, когда ко грѣху прибавляется грѣхъ, такъ что предъ очами Божиими дунна является въ крови отъ множества беззаконій. Апостоль Павелъ говоритъ: *ва еже исполнити имъ грѣхи своя всегда* (1 Сол. II, 16). А Иоанну чрезъ Ангела говорится: *обидѣй, да обидитъ еще: и скаерный, да осквернится еще* (Апок.

а) Эти нравственныя книги, на которыя ссылается Святитель, доселѣ еще не переведены на русскій языкъ. Онѣ суть нравственныя объясненія на книгу Іова. Частная ссылка, указанная здѣсь, относится къ нравственному объясненію Святителя на 25 стихъ XXXIV главы книги Іова.

XXII, 11). Поэтому теперь и Господь говоритъ: *егда совершится праведникъ отъ правдъ своихъ, и сотворитъ согрѣшеніе, и дамъ мужу предъ нимъ* (положу претыканіе предъ нимъ). Ясно Онъ говоритъ какъ бы такъ: послѣку онъ чрезъ покаяніе не хотѣлъ видѣть того, обо что уже ударился лбомъ, то, по праведному суду оставляя его, положу ему и еще то, обо что онъ ударится. Впрочемъ Господне—положить—отнюдь не значитъ—понуждать къ грѣху, но не хотѣтъ освобождать отъ грѣха; такъ какъ о Фараонѣ говорится: *Азъ ожесточу сердце ею* (Исх. VII, 3). Ибо Господь не ожесточаетъ сердца грѣшника, но называется ожесточающимъ потому, что не освобождаетъ отъ ожесточенія. Такъ какъ милосердый Богъ даетъ намъ продолжительное время для покаянія; но когда мы долготерпѣніе благодати Его употребляемъ на приумноженіе виновности, тогда Онъ это самое время, которое съ любовію предположилъ для щадя, строго превращаетъ (во время) къ наказанію, такъ что кто не захочетъ обратиться въ продолженіе даннаго ему времени, тотъ приумножаетъ грѣхи свои для виновности чрезъ то, чѣмъ могъ очистить ихъ, если бы захотѣлъ обратиться. Поэтому написано: *не отъды, яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ; но жестокости же твоѣи и непокаянному сердцу,*

собираетъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровеніи праведнаго суда Божіа (Рим. II, 4. 5). Итакъ нечестивый собираетъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва отъ благодати всемогущаго Бога потому, что, получая время на покаяніе, и употребляя оное на беззаконія, онъ самое врачевство благодати употребляетъ на приумноженіе виновности. Поэтому и всемогущій Богъ, видя, что дарованныя отъ Него средства къ исправленію употребляются на приумноженіе виновности, самую благодать, которую выказалъ, превращаетъ въ строгость суда, такъ что послѣ сильнѣе бьетъ оттуда, откуда болѣе ожидаетъ. А поелнку человекъ не хочетъ оставить зла для того, чтобы жить, то приумножаетъ средства къ тому, чтобы умереть. Но праведный ли впадаетъ въ преступленіе, или грѣшникъ подвергается смерти, стражъ долженъ опасаться, дабы ему по своему молчанію равно не быть въ отвѣтственности за согрѣшающихъ.

26. Но между тѣмъ, какъ я говорю, хочу от-
вратить взоръ отъ себя самаго, и вотъ слово Бо-
жіе опять направляетъ его на меня самаго, чтобъ
я видѣлъ свое нерадѣніе, и страшился сказать се-
бѣ то, что слышу. Ибо, какъ сказалъ я выше, чье
сердце, простертое на безчисленныя заботы, можетъ
быть собрано въ себѣ самомъ? Могу ли я когда

либо, и тщательно смотрѣть за всемъ, меня окружающимъ, и съ самособранностію осматривать себя самаго? Когда могу я исправлять беззаконія нечестивыхъ преслѣдованіемъ, беречь дѣла добрыхъ похвалою и увѣщаніемъ, однимъ являть страхъ, а другимъ ласковость? Когда достанеть у меня сила, и на то, чтобы помышлять о необходимомъ для братіи, и на то, чтобы содержать бдительную городскую стражу противъ мечей вражескихъ, предусматривать, чтобы не гибли граждане отъ внезапнаго нападенія, и среди всего этого удовлетворительно и сильно употреблять слово увѣщанія на стражѣ душъ? Ибо говорить о Богѣ свойственно весьма спокойному и свободному уму. Потому что языкъ стройно направляется въ рѣчи тогда, когда чувства рѣшительно успокоены, такъ какъ и взволнованная вода не отражаетъ вида смотрящаго въ нее, но лице смотрящаго въ нее отражается тогда, когда она бываетъ недвижима. Поэтому, возлюблѣннѣйшіе братіе, какое увѣщаніе можетъ предложить вамъ вашъ стражъ, котораго возмущаетъ безпокойство о столькихъ предметахъ? Вѣрю тотъ Пророкъ, о которомъ говоримъ, видя въ послѣднемъ откровеніи храмъ, повѣствуетъ о томъ, что онъ въ этомъ самомъ храмѣ, между прочимъ видѣлъ, говоря: *земля до оконъ, и окна закрыты* (Езек. XII,

16) (а). И Апостоль Павель говоритъ: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III, 17. 2 Кор. VI, 16). Но въ этомъ храмѣ окнами служатъ священники и стражи, которые въ народѣ вѣрующихъ проливаютъ свѣтъ святой проповѣди. Но когда *земля до оконъ, и окна заперты* бываютъ; потому что, когда земное помысленіе возрастаетъ въ сердцахъ священниковъ, тогда огна не проливаютъ свѣта, потому что Священники отказываются отъ обязанности проповѣданія.

27. Есть въ числѣ священниковъ и еще нѣчто, очень важно; потому что они не могутъ постоянно пребывать въ размысленіи о себѣ, какъ тѣ, которые ведутъ жизнь спокойную и уединенную. Ибо эти (люди), какъ сказали мы выше, которые удалены отъ мѣста правительственнаго, могутъ, и слезами омыть пятна грѣховъ своихъ, и послѣ слезъ оставаться въ томъ же сокрушеніи духа, какъ и написано объ одной доброй женщинѣ, которая молилась при Скнипи, и по вниманію своему не измѣняла души даже послѣ благодати сокрушенія,

а) По буквальному переводу съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *terra usque ad fenestras, et fenestrae clausae.*

когда говорится: *и лице ея не испадде ктому* (1 Цар. I, 18). Поэтому (случаю) намъ должно подумать о томъ, что если такъ плакала женщина, которая желала сына, то какъ должна плакать душа, которая желаетъ Бога? Но священникъ даже послѣ сокрушенія и слезъ имѣеть обязанность знать о нуждахъ сыновъ своихъ, и терпѣливо выслушивать то, отъ чего отвращается душа, и послѣ воздыханій о небесномъ нести тяжести нѣкоторыхъ плотскихъ людей, а часто вдругъ настроить сердце къ различнымъ расположеніямъ. Ибо оно иногда радуется о приращеніяхъ духовныхъ, но когда кто либо вдругъ придетъ плачущій, тогда оно, если не приметъ участія въ плачѣ его, не сочувствуетъ его несчастію. А иногда оно скорбитъ о паденіяхъ душевныхъ, но вдругъ являются радующіеся о своемъ какомъ либо счастіи. Если священникъ не приметъ участія въ ихъ радости, то подумаютъ, что онъ не любитъ тѣхъ дѣтей, которымъ не сорадуется, особенно когда Павелъ говоритъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. XII, 15).

28. Итакъ я не вижу ничего столь тягостнаго для сана священниковъ, какъ преклонять строгость души къ состраданію, и вдругъ измѣнять настроеніе ея приравнительно къ лицамъ, possibili-

данно являющимся; и не смотря на то, это крайне необходимо. Ибо когда грѣшникъ возвращается по проповѣди его къ благодати добродѣтели, если самъ проповѣдникъ кажется не имѣющимъ благодати? Поэтому чрезъ того же самаго Пророка въ послѣдней части говорится: *и будетъ всегда входить имъ (священникамъ) во врата двора внутренняго; да не облечутся въ (ризъ) волняны (Іезик. XLIV, 17).* Далѣе о нихъ же присовокупляется: *и егда исходятъ къ людямъ во вѣншній дворъ, да совлекутся ризъ своихъ, въ нихже тѣмъ служатъ: и да положатъ я въ предградахъ святыхъ (Исх. XXVII, 43. Іезик. XLIV, 19).* Потому что шерстяныя одежды грубы. Но когда священникъ приступаетъ къ священподѣйствию, когда чрезъ сокрушеніе входитъ внутрь себя; тогда ему необходимо облачиться въ тончайшее размысленіе, какъ бы въ ризу льняную. Но когда онъ выходитъ на дворъ къ народу; тогда ему надобно скидать тѣ одежды, въ которыхъ совершалъ службу внутри, и явиться народу одѣтымъ въ иныя одежды; потому что, если онъ останется въ строгости сокрушенія о себѣ, если продолжитъ оставаться въ той скорби, которую имѣть на молитвѣ, то не будетъ внимателенъ къ словамъ о предметахъ вѣншнихъ. И что будетъ дѣлать ста-

до по необходимости, если пастырь отказывается выслушать и обсудить даже то, чего требует настоящее время? Итакъ священникъ, скидая грубыя одежды, предъ народомъ долженъ надѣвать ихъ, чтобы расположеніе души своей приравливать къ терпѣнію земнаго ради пользы дѣтей. Подумайте, прошу, возлюбленнѣйшіе братіе, каковъ долженъ быть трудъ для стража, и устремлять сердце къ горнему, и вдругъ изводитъ оное внизъ, и утопчать умъ на высотѣ внутренняго познанія, и по виѣшнимъ причинамъ ближнихъ, такъ сказать, вдругъ дѣлать его грубымъ въ помысленіи.

29. И такъ миѣ необходимо, не только изъяснить слова Пророка, но и оплакивать предъ вами свое несчастіе. Поэтому я прошу, чтобы ваша молитва содѣлала меня таковымъ, каковъ я и для себя имѣю бы силу, и для васъ могъ бы быть полезенъ. По вашему ходатайству можетъ и миѣ недостойному и слабому это даровать Тотъ, Кто по Своей любви ради насъ благоволилъ быть слабымъ. Такъ какъ Божія есть та сила и премудрость (1 Кор. I, 24), которая приняла нашу слабость для того, чтобы своею слабостію содѣлать насъ сильными, — Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Который живетъ и царствуетъ съ Богомъ Отцемъ въ един-

ствѣ со Святымъ Духомъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ.
Аминь.

БЕСѢДА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(Святитель) прослѣживаеъ остатокъ третьей главы, и объясненіе свое доводитъ до 4 стиха главы четвертой, наклоня оное къ разнымъ правственнымъ или заповѣдямъ, или совѣтамъ, для Проповѣдниковъ и слушателей.

1. Сохраняя истину исторіи, Божественныя изреченія тѣ причины, которыхъ не показываютъ въ открытой рѣчи, означаютъ иногда временемъ, иногда мѣстомъ. Временемъ; какъ говорится у Евангелиста о Господней проповѣди Иудеямъ: *зима бы* (Іоан. X, 22). Ибо среди тѣхъ таинствъ, о которыхъ говорила Истина, что была за причина при-совокуплять наименованіе зимы, если не та, чтобы качествомъ времени указать на холодъ сердца. Потому что сердца Иудеевъ оставались холодными даже тогда, когда они выслушивали слова истины. А иногда мѣстомъ; такъ плотскому народу Израильскому, по сошествіи Моисея съ горы, законъ дасть на равнинахъ (Исх. XX, и слѣд.); а святымъ Апостоламъ

Господь говоритъ о высшихъ и духовныхъ заповѣдяхъ сидя на горѣ (Мат. V, 1), для того, чтобъ изъ самыхъ мѣстъ было видно, что какъ тѣмъ плотскимъ даваемы были меньшія заповѣди на земныхъ равнинахъ, такъ и этимъ, духовнымъ и святымъ, надобно было выслушать небесныя заповѣди на горѣ, дабы ясно было показано, что восходящіе сердцемъ къ небесному должны оставить низость міра и стоять на вершинѣ ума. Поэтому теперь Пророкъ Іезикииль описываетъ, что онъ сдѣлалъ по повелѣнію Божию на мѣстахъ, чтобы чрезъ качества мѣстъ показать, что въ будущемъ должно послѣдовать по тайнамъ пророчества. Ибо вотъ онъ говоритъ: *бысть на мнѣ рука Господня: и рече ко мнѣ: востани, и изыди на поле, и тамо возмалоглется къ тебѣ* (Іезик. III, 22).

2. Что это значитъ, что прежде Господь говорилъ къ Пророку Своему въ средивѣ Израильтянъ, а послѣ говоритъ: *изыди на поле, и тамо возмалоглется къ тебѣ*, если не то, что онъ благоволилъ прежде излить благодать пророчества Своего на Іудею, а послѣ явить ее въ пространствѣ языковъ? Ибо не перипишно полемъ озпачается язычество, которое простирается въ длину и широту, т. е. на весь міръ. Поэтому и присовокупляется: *и востахъ, и изыдохъ на поле: и се тамо слава Го-*

сподня стояше якоже видѣніе, и якоже слава Господня, юже видѣхъ на рѣцѣ Ховаръ (ст. 23).

3. На полѣ увидѣлъ Пророкъ ту славу Господню, которую видѣлъ въ срединѣ Израильтянъ на рѣкѣ Ховаръ; потому что язычникамъ открыта та самая слава Господа, которая прежде по откровенію Духа являлась избраннымъ въ народѣ Иудейскомъ. Далѣе слѣдуетъ: *и падохъ на лица мвелъ.*

4. Увидѣвъ славу Господню, Пророкъ палъ на лице свое; потому что, хотя челоуѣкъ и возвышается до разумѣнія небеснаго, однакожь отъ созерцанія величія Божія сознаетъ слабость своего состоянія; и какъ бы не можетъ стоять тотъ, кто предъ очами Божиими признаетъ себя пеломъ и прахомъ. Далѣе слѣдуетъ: *и приде на мя духъ, и постави мя на ногу мою (ст. 24).*

5. Когда мы смиренно повергаемся предъ Богомъ, когда сознаемъ, что мы прахъ и пепель, когда, обсуживая слабость своего состоянія, не имѣемъ состоянія жестокости и гордости: тогда всемогущій Богъ возстановляетъ насъ духомъ своимъ, и поставляетъ насъ на ноги наши, для того, чтобы мы, которые по признанію нашей слабости смиренцо пали предъ собою и лежимъ, послѣ какъ бы на погахъ стояли прямо въ добродѣтели. Для чего

*

это совершается надъ Пророкомъ въ полѣ, если не для обозначенія того именно, что и избраннымъ изъ язычниковъ долженъ быть дарованъ Духъ Святой, Который тѣхъ, коихъ объметъ, прежде повергнетъ изъ состоянія ихъ гордости, а послѣ твердо поставитъ на ноги, т. е. на добрыя дѣла? Такъ какъ чрезъ Павла говорится: *ослабленныя руки и ослабленныя колѣна исправите: и стези правы сотворите ногами вашими* (Евр. XII, 12). Далѣе слѣдуетъ: *и глагола ко мнѣ, и рече ми: види, и затворися средѣ дому твоего* (ст. 24).

6. Что это значить, что Пророкъ изъ среды Израильскаго народа выводится на поле, а послѣ опять посылается въ домъ, если не то, что благодать проповѣдничества, отнятая у Иудейскаго народа, простерта на пространство язычества? Впрочемъ на кончинѣ міра, когда Іудеи возвратятся къ вѣрѣ, Пророкъ какъ бы въ домъ возвращается, чтобы опять было въ своемъ домѣ то проповѣдничество, которое нынѣ такъ сіяетъ для различныхъ народовъ, какъ бы въ полѣ. Потому что написано: *доидеже исполненіе языковъ увидетъ. И тако весь Израиль спасетя* (Рим. XII, 25—26). И чрезъ другаго Пророка говорится: *аще будутъ люди Израилевы яко песокъ морской, останокъ ихъ спасетя* (Ис. X, 22). Итакъ Пророкъ изъ среды народа

выходить на поле, а съ поля возвращается въ домъ для того, чтобъ означить проновѣдничество, вышедшимъ изъ Іудей, которое было дано къ язычникамъ, и по наполненіи вѣрою язычниковъ опять принятымъ Іудеею, которая снова приметъ тѣ дары духовнаго ученія, которыхъ была лишена. *Затвориться же среди дома своего* повелѣвается Пророку потому, что во время антихриста обращенный народъ Іудейскій подвергнетъ жестокии преслѣдованіямъ отъ тѣхъ язычниковъ, которые останутся въ невѣріи. Поэтому написано: *внѣшній дворъ храма оставь, и не измѣрай его; ибо онъ данъ язычникамъ; они святыи градъ будутъ попираетъ сорокъ два тысяща* (Апок. XI, 2).

И ты, сыне челоувѣкъ, се дашася на тѣ узы, и свяжутъ тѣ ими, и не изыдеши отъ среды ихъ. И языкъ твои привяжу къ чортани твоему, и отымеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разитваляи есть (Іезик. III, 25 — 26).

7. Если мы послѣдуемъ порядку типическаго изъясненія этихъ словъ: то Пророкъ въ домѣ своемъ принимаетъ узы и связывается потому, что въ послѣдніи времена, когда увѣруетъ Іудей, почувствуетъ самыя тяжкія гоненія во время антихриста, такъ что управляющіе ею проновѣдсей нечестія не при-

мутъ, но за противодѣйствіе имъ будутъ подвергаемы узамъ скорбей. *А не изыдетъ отъ среды ихъ* потому, что проповѣдь не достигаетъ сердець нечестивыхъ, когда молчитъ языкъ праведныхъ, связанный скорбями. Ибо тогда будетъ много изъ Іудеевъ невѣрующихъ, которые будутъ преслѣдовать тѣхъ самыхъ изъ Іудеевъ, которые увѣруютъ. Поэтому надобно замѣтить, что здѣсь говорится еще о томъ, что Пророкъ подвергнется узамъ въ домѣ своемъ, для обозначенія того, что Іудея, когда увѣруетъ, будетъ терпѣть скорбь гоненія отъ собственнаго своего народа. Ибо, когда не вѣруютъ въ воплотившагося Единороднаго Сына верховнаго Отца, умершаго, воскресшаго, и вознесшагося на небеса, какъ проповѣдуется на страницахъ Св. Писанія; тогда пророчество именно у Іудеевъ связано. Если же оно такъ, какъ сказано, опять возвращается къ ихъ разумѣнію, то имѣетъ какъ бы свободный ходъ для своего проповѣданія.

8. Итакъ вѣденіе проповѣдниковъ въ то время припуждено бываетъ къ молчанію предъ нечестивыми. Поэтому и здѣсь ирисовокупляется: *и языкъ твой привяжу къ гортани твоему, и отмлъши, и не будши изъ въ мужа обличенія, понеже домъ разитваай есть.* Но посліуку во время проповѣди Еноха и Иліи многіе изъ тѣхъ, которые останутся

въ свѣрши, возвратятся къ познанію истины, какъ о томъ же самомъ Иліи говорится: *Илія убо приидетъ прежде, и устроитъ ася* (Мат. XVII, 11; Марк. IX, 12; Малах. IV, 5); которые—оба у Захаріи называются двумя маслинами (Захар. IV, 3), а у Іоанна двумя свѣтильниками (Апок. XI, 4): то справедливо здѣсь еще присовокупляется: *и онегда глаголати Ми къ тебѣ, отверзу уста твоя, и речеши къ нимъ: сія глаголетъ Адоуаі Господь* (Іезек. III, 27).

9. Ибо тогда какъ бы въ послѣдній разъ отверзаются уста Пророка, когда по проповѣди Еноха и Иліи Іудеи, обращающіеся къ вѣрѣ, познають, что пророчества Св. Писанія были о Христѣ.—Но поелику это мы сказали въ типическомъ смыслѣ: то теперь тѣже самыя слова объяснимъ любви вашей въ смыслѣ нравственномъ.

10. Ибо что значить, что Пророку дается повелѣніе выйти въ поле, если не то, что каждый проповѣдникъ ради тѣхъ, которыхъ исправляетъ и отвращаетъ отъ нечестія, находящихся вѣкъ его, словомъ своимъ выходитъ на поле? И тамъ онъ видитъ славу Господню; потому что тѣмъ обильнѣе пріемлетъ благодать ученія, чѣмъ болѣе имѣетъ напряженія въ трудѣ проповѣданія по любви къ ближнимъ. Итакъ онъ, выходя вопъ, возводимъ бываетъ

къ высшему видѣнію; потому что откуда онъ служеніемъ слова своего просвѣщаетъ слѣпоту невѣденія въ сердцахъ другихъ, оттуда вышняя благодать возвышаетъ его къ вышнему разумѣнію. Но поелику проповѣдникъ всегда долженъ возвращаться къ душѣ своей, блюсти въ ней внутреннее смиреніе и чистоту: то ему необходимо съ поля возвращаться въ домъ, дабы по тому, что онъ проповѣдуетъ, дознать, каковъ онъ самъ внутри своей совѣсти. Ибо, если онъ, или не исполняетъ того, что внушаетъ другимъ, или домогается земной славы за то, что проповѣдуетъ: то, хотя онъ чрезъ проповѣдь и выходитъ на поле, но не помышляя о себѣ самомъ, презираетъ возвращеніе въ домъ. Ибо по принятіи духа, мы заключаемся въ домъ, когда благодатію его призываемся къ разсмотрѣнію тайнъ души нашей, чтобы душа сама въ себѣ успокоивалась въ Богѣ, и уже не разбѣвадась движимостію по внѣшнимъ пожеланіямъ славы и похвалы

11. Объ этомъ домѣ сердца каждому выздоровѣвшему Истина лично говоритъ: *возми одръ твой, и иди въ домъ твой* (Іоан. V, 8. Марк. II, 9). Потому что чрезъ одръ, на которомъ покоится плоть, начинается самая плоть, а чрезъ домъ означается совѣсть. И когда мы, будучи мертвыми по духу, лежимъ въ порокахъ, нѣжимся въ улажденіи плоти,

тогда мы, будучи разслабленными, носимся на одрѣ; а когда выздоровѣемъ духомъ такъ, что уже можемъ противиться порочнымъ побужденіямъ плоти, тогда необходимо намъ переносить и скорби искушеній отъ нашей плоти. Итакъ изцѣленному больному повелѣвается: *возми одръ твой*, т. е. неси постель, на которой ты былъ носимъ, потому что необходимо, чтобъ и каждый выздоровѣвшій переносилъ оскорбленіе плоти, на которой прежде лежалъ больнымъ. Что же значитъ выраженіе: *возми одръ твой, и иди въ домъ твой*, если не слѣдующее: переноси искушенія плоти, на которыхъ доселѣ ты лежалъ, и возвратись къ своей совѣсти, чтобы видѣть, что ты надѣлалъ? Итакъ Пророку дается повелѣніе, чтобъ онъ послѣ поля заключился въ домѣ, для того, чтобы проповѣдникъ, послѣ того, какъ сообщить благодать ученія ближнимъ, всегда возвращался къ совѣсти, дабы самому не желать внутренно чего либо изъ внѣшней похвалы за то, что проповѣдуетъ ровнѣ.

12. Поэтому и чрезъ Соломона говорится: *ниѣ воды отъ своихъ сосудовъ, и отъ твоихъ кладенецъ источника: да произмиваются тебѣ воды отъ твоего источника, во твои же пути да происходятъ твоя воды: да будутъ тебѣ единому импнія, и да никтоже чуждѣ причастится тебѣ* (Притч. V,

15—17). а). По видимому, чрезвычайно противорѣчающимъ кажется то, что говорится: *да преизм-
ваются тебѣ воды отъ твоего источника, во твои
же пути да происходятъ твои воды,* — и тотчасъ
присовокупляется: *да будушь тебѣ единому имъ-
нiя, и да никтоже чуждѣ да причастится тебѣ.*
Ибо какимъ образомъ можетъ одинъ имѣть воду
вѣдѣнiя тотъ, если онъ разливаетъ ее по площа-
дямъ? Какимъ образомъ постороннiе не могутъ уча-
ствовать въ водѣ его, если источники его текутъ
вонъ? Но когда мы проповѣдуемъ народу, тогда
именно разливаемъ воды на площадяхъ, потому что
простираемъ слова вѣденiя на множество слуша-
телей. А когда при помощи Божественной благо-
дати хранимъ ихъ внутри, и съ особенною тща-
тельностью наблюдаемъ, дабы злые духи, которые
по справедливости для насъ чуждые, потому что

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ этотъ переводъ, текстъ читается такъ: *bibe aquam de cisterna tua, et fluentes putei tui. Deriventur fontes tui foras, et in plateis aquas divide; habeto eas solus, nec sint alieni participes tui.* Т. е. пей воду изъ твоего водоема, и ключей твоею колодезя. Да проповолятся твои источники вонъ, и на площадяхъ раздѣляй воды; имъй ихъ одинъ, дабы чуждые не были твоими участни-
ками.

потеряли участіе въ блаженствѣ, не успѣли возбудить въ насъ гордости: тогда мы одни имѣемъ тѣ воды, которыя разлили по площадямъ, такъ что чуждые въ нихъ не участвуютъ. Эти (чуждые) именно тѣ, о которыхъ написано: *чуждіи восташа на мя, и крѣпцыи взыскаша душу мою* (Псал. LIII, 5). Слѣдовательно, и по площадямъ разливаетъ воды, и одинъ имѣетъ ихъ тотъ, кто и въ помыслѣ своемъ не имѣетъ временной славы за то, что онъ многимъ проповѣдуетъ. Ибо тогда человекъ владѣетъ тѣмъ, чему учитъ, когда не радуется тому, что онъ приходитъ въ извѣстность, но (радуется тому), что полезенъ. Итакъ Пророкъ съ поля возвращается домой для того, чтобы тотъ, кто говоритъ отъ Бога, послѣ того, какъ ради пользы ближнихъ видѣтъ вонъ для проповѣди, всегда смиренно возвращается къ себѣ для развѣданія сокровенныхъ тайнъ сердца своего. Поэтому-то и присовокупляется: *и ты сынъ человекъ, се дашася на тя узы, и свяжутъ тя ими, и не изыдеши отъ среды ихъ* (Іезик. III, 25).

13. Ибо, когда каждый проповѣдникъ возвращается къ совѣсти дома своего, тогда налагаются на него узы, и онъ связывается ими; потому что, чѣмъ болѣе будетъ разбирать себя въ размышленіи, тѣмъ болѣе будетъ познавать душа безпристрастна-

го, какими слабостями своей смертности она связана. Ибо, если бы Павелъ не видѣлъ себя связаннымъ, то не сталъ бы говорить: *желаніе имый разрѣшиться, и со Христомъ быти* (Филипп. I, 23). Поэтому чрезъ Псалмопѣвца говорится: *услышати воздыханіе окованныхъ, разрѣшати сыны умерщвленныхъ* (Псал. СІ. 21). И еще: *да увидеть предъ Тя воздыханіе окованныхъ* (Псал. LXXVIII, 11). Но часто душа, желая уже вытти на созерцаніе образа своего Искупителя, нетерпѣливо желая предаться небеснымъ радостямъ, видитъ себя связанною узами своей смертности, которыми еще связана въ настоящемъ мірѣ, и тоскуетъ. Поэтому-то Іеремія, тонко разсматривая судъ всемогущаго Бога, говоритъ: *согради на мя, и не изыду, отяготи оковы моя* (Плач. Іерем. III, 7). Ибо для насъ служить оковами самая слабость и поврежденіе нашей смертности; но когда къ нимъ присовокупляется еще скорбь и степеніе, то наши оковы отягощаются. И хотя праведникъ, доколѣ терпѣть замедленіе въ этой жизни, счѣщитъ быть полезнымъ для другихъ проповѣдію о добрѣ; но когда видитъ жестокія сердца и думаетъ заняться съ ними состязаніями, тогда воздерживается отъ проповѣди. И въ средину ихъ не выходитъ, потому что безмолвствуетъ отъ добра, которое могъ говорить, но сло-

ву Павла: *не дѣлайте ничего по ревности* (Филипп. II, 3); и еще: *аще ли кто мнитъ спорливъ быти, мы такового обычая не имамы* (1 Кор. XI, 16). Поэтому-то. и здѣсь присовокупляется: *и языкъ твой привяжу къ гортанн твоему, и ошьмьши, и не будешь имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разнѣваяй есть* (Езек. III, 26).

14. Но иногда Господь воспаляетъ сердца проповѣдниковъ ревностію по Немъ противъ языковъ упорствующихъ, дабы тѣ не молчали, но высказанную ложь обуздывали словами истины. Поэтому здѣсь присовокупляется: *и внигда глаголати Ми къ тебѣ, отверзу уста твоя, и рещи къ нимъ: сія глаголетъ Адонаі Господь* (Езек. III, 27).

15. Но что мы кратко разъяснили подъ двоякимъ разумѣніемъ, то можно прѣслѣдить по буквальному смыслу чрезъ легкое къ нему сопряженію. Ибо что преимущественно рекомендуется намъ чрезъ самыя слова исторіи, если не добродѣтель послушанія, когда дастся повелѣніе Пророку, то продолжать странствованіе на рѣку Ховаръ, то вытти въ поле, то съ поля возвратиться домой? Это для того, чтобы странствующій прежде по повелѣнію, а чрезъ нѣсколько послѣ выходящій (въ поле), и опять возвращающійся домой, и заключающійся

въ немъ, всегда подчинять произволъ своей воли заповѣди Божественнаго слова, такъ какъ онъ, повинаясь Божественному повелѣнiю, долженъ исполнить не свою волю, по Создателя своего. Ему то говорится: *и ты сынъ человекъ, се дашася на тя узы, и свяжутъ тя ими, и не изыдеши отъ среды ихъ.* Въ этомъ событiи надобно замѣтить, что Пророкъ нанередъ знаетъ несчастiя, чтобы на все быть готовымъ. Ибо тѣ несчастiя, которыя постигаютъ не неожиданно, мепѣе преодолеваютъ духъ: но не смотря на то, когда несчастiя дѣлаются извѣстными напередъ, то какая сила послушанiя проявляется въ томъ, кто хотя и знаетъ, что будетъ терпѣть несчастiя, однако же не выстунаеть изъ послушанiя гласу Господню! Но особеннаго вниманiя заслуживаютъ тѣ слова, которыя непосредственно за тѣмъ присовокупляются: *и языкъ твой привяжу къ юртану твоему, и онъмъеши, и не будеши имъ въ мужа обличенiя, понеже домъ разитъваяя естъ.* Потому что намъ надобно различать, по неисправимости ли только слушателей, или иногда и за преступленiе проповѣдующаго, отъемлется слово проповѣданiя.

16. Ибо при обсужденiи этотъ предметъ открываетъ четыре качества. Потому что иногда отнимается слово у добрыхъ учителей по неисправимо-

сти слушателей. Иногда же ради добрыхъ слушателей дается слово учителямъ, даже недобрымъ. А иногда дается слово добрымъ учителямъ за праведность учащихъ и слушающихъ, чтобы какъ тѣ вышались заслугою, такъ и слушатели ихъ преуспѣвали въ разумѣ и жизни. Иногда же, послику ни эти, которымъ предлагается слово ученія, недостойны, ни тѣ, которые занимаютъ мѣсто учителей, недостойны произносить слово ученія: то отнимается слово ученія для того, чтобы та и другая сторона была судима по правдѣ. **Вотъ по причинѣ не-исправимости слушателей отнимается у добрыхъ учителей слово, какъ теперь говорится Иезикиилю:** *языкъ твой привяжу къ горстани твоему, и оплътеши, и не будещи имъ въ мужа обличеня, понеже домъ разиваяй есть.* И какъ Павлу говорится: *потщися и изыди скоро изъ Иерусалима, зане не примутъ свидетельства твоего, сже о Мънь* (Дѣян. XXII, 18). И какъ объ Апостолахъ, желавшихъ проповѣдывать въ Азіи, написано, что они *возбранени быша отъ Святаго Духа* (Дѣян. XVI, 6). Ради добрыхъ слушателей дается слово учителямъ, даже не добрымъ, какъ говоритъ Господь о фарисеяхъ: *вся, елика аще рекуть вамъ блгости, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: малоютъ бо, и не творятъ* (Мат. XXIII,

3). — Дается слово ученія ради заслуги учащихъ и праведности слушающихъ, какъ говорится Апостоламъ: *идите научите вся языки* (Мат. XXVIII, 19). Но по причинѣ неисправимыхъ слушателей и недостойной жизни тѣхъ, которые были обязаны проповѣдывать, отнимается слово ученія; какъ, на примѣръ, Илій не имѣлъ слова строгаго вразумленія для исправленія сыновъ своихъ (1 Царст. II, 29. III, 13); потому что и его нерадѣніе, и жизнь дѣтей настоятельно требовали, чтобы съ ними и народъ палъ, и ковчегъ Господень попался въ плѣнъ къ иноплеменикамъ (1 Цар. IV, 11 и д.). Ибо великая милость всемогущаго Бога проявляется въ томъ, когда учителей произносятъ жестокое слово обличенія предающимся нечестію. Напротивъ того теперь говорится: *и отымьши, и не будещи имъ въ мужа обличенія.* ^(Исх. 3, 26) Ибо онъ сталъ бы обличать нечестующихъ, если бы сн достойны были этой милости обличенія.

17. Но послѣку въ ученіи и въ молчаніи должно быть такое различіе заслугъ, что рѣшительно нельзя знать, по винѣ ли слушателя, или по нестойнству того, кто по видимому занимаетъ мѣсто учителя, отнимается слово ученія: то этимъ что другое заповѣдуются намъ, если не всегданпес храненіе смиренія въ вещахъ сомнительныхъ? Поэтому,

какъ тогда, когда мы можемъ говорить, не должны гордиться, дабы случайно эта самая благодать нашего проповѣданія не была приписана намъ, тогда какъ она дарована нашимъ слушателямъ; и наоборотъ, когда мы не можемъ говорить, то подчиненные намъ не должны осуждать за это насъ, дабы не ошибиться, что, быть можетъ, не отъ нашего грѣха, но отъ грѣха слушающихъ зависитъ то, что мы не можемъ говорить. Итакъ намъ все неизвѣстно о нашихъ заслугахъ для того, чтобы мы имѣли благодать—смиреніе; такъ какъ и тогда, когда мы говоримъ, мы должны думать, что ваша заслуга была причиною этого дара всемогущаго Бога; и когда мы нѣмѣемъ въ словѣ ученія, тогда, хотя бы это была и наша вина, вы однакоже считайте ее вашою собственною, для того, чтобы взаимно приписывая зло себѣ, а добро другимъ, самую эту благодать смиренія возвратить намъ слово ученія, которое было отнято.—За тѣмъ слѣдуетъ: и *всегда глаголати Ми къ тебѣ, отверзу уста твоя, и речеши къ нимъ: сія глаголетъ Адонаі Господь: слышай да слышишь, и не покоряйся да не покоряется: зане домъ преогорчевая есть* (Ісзк. III, 27).

18. Нѣкоторые часто желаютъ слушать слово Божіе, но видя, что другіе отвращаютъ отъ него слухъ, и сами уклоняются отъ слушанія о спасе-

ни; а большею частію многіе желаютъ успокоиться, не предаваться уже никакимъ земнымъ пожеланіямъ, по видя, что другіе преуспѣваютъ отъ безпобойной дѣятельности, и отличаются въ этомъ мірѣ богатствомъ и почестями, вдаются по примѣру другихъ въ дѣла печестивыя, такъ какъ они еще слабы на пути къ совершенству. Поэтому-то Псаломнѣвецъ въ образѣ слабыхъ говоритъ: *мой же въ малѣ не подвижастся нозь: въ малѣ не проліяшася стопы моя. Яко возресовахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря* (Псал. LXXII, 2. 3). Поэтому-то онъ и еще говоритъ: *всегда гордится печестивому, возгараетъ нищій* (Псал. IX, 23). Поэтому-то къ Пророку Іеремію голосомъ Господнимъ говорится объ Іудѣ и Израилѣ: *видѣлъ ли еси, яже сотвори Ми домъ Израилевъ; поидоша на всяку гору високу, и подѣ всяко древо листяно, и соблюдиша тамо. И рекохъ: по всегда прелюбодныйствовати ему во всякъ сихъ, ко Мнѣ обратися, и не обратися* (Іер. III, 6. 7). Здѣсь тотчасъ присовокупляется, какъ изъ подражанія ему нагъ и Іуда, который по видимому стоялъ. Пбо сказано: *и видѣхъ преступленіе ея преступница Іудея сестра ея. И видѣхъ, яко о всякъ изобличенъ естъ, въ нихже ятъ бысть, въ нихже любодныйствова домъ Израилевъ: сего ради отпустихъ и, и дахъ*

ему книгу распустную въ руку его: обаче не убо-
яся преступница *Тудея* (сестра его), но иде, и
соблудила есть и та (Тамъ же, ст. 8). Вотъ ми-
лосердый Богъ подвергается презрѣнію, и призы-
ваетъ, отвергающимся отъ Него являетъ знакъ ми-
лосердія, потому что говоритъ согрѣшающему: *ко
Мнѣ обратися, и не обратися* (Тамъ же, ст. 7).
Но поелику народъ Израильскій оставилъ всемогу-
щаго Бога, не желая къ Нему возвратиться, то по-
лучилъ книгу распустную. Опъ оставилъ Бога безъ
законіями, но распустную книгу получилъ безъ на-
казанія за свои беззаконія. Ибо та душа, которая
грѣшитъ, отступаетъ отъ Бога. Но если за нею
носѣ грѣха слѣдуетъ счастье: то никакое ученіе,
никакое строгое обличеніе не обращаетъ ее къ по-
каянію; въ раздѣленіи, которе она учинила между
собою и Господомъ, она получила и распустную
книгу, чтобъ она, какъ уже отчужденная, дѣлала
преступленія, которыя ей правятся, не чувствовала
наказанія ревности Божіей, такъ какъ она глубоко
низвергается къ наказаніямъ вѣчнымъ. Но сестра
ея—*Тудея*, видя, что Израильскій народъ отпущенъ
на свои плотоугодія, и сама рѣшилась на печисто-
ту прелюбодѣянія. Потому что она, видя, что пре-
любодѣйца процвѣтаетъ въ своемъ несчастіи, и са-
ма не страшилась грѣшить болѣе и болѣе, и уда-

ляться отъ союза съ Господомъ, какъ бы законнымъ своимъ мужемъ. Поэтому намъ необходимо смотрѣть на всѣхъ грѣшниковъ, какъ чрезвычайно несчастныхъ, тогда, когда видимъ ихъ оставленныхъ безъ наказанія за ихъ нечестіе. Поэтому чрезъ Соломона говорится: *сворачивеніе младенцевъ убьетъ ихъ, и счастье глупыхъ погубитъ ихъ* (Притч. I, 32) (а). Ибо тотъ, кто сворачивается съ пути Божія и пользуется счастіемъ, тѣмъ ближе бываетъ къ погибели, чѣмъ далѣе находится отъ ревности къ ученію. Итакъ должно быть сказано: *слушай да слышишь, и не покаряйся да не покаряется: зане долъ преогорчеваѣи есть*. Ясно какъ бы такъ, было сказано: вы, которые начали уже и слушать слово истины, и отвращаться отъ дѣлъ печестивыхъ, не послѣдуйте тѣмъ, которыхъ видите ожесточенными во нравахъ противъ Меня.

19. Впрочемъ это мы можемъ разумѣть и иначе. Ибо нѣкоторые, слушая слово не слышатъ, по-

а) Это буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника. въ которомъ текстъ читается такъ: *aversio parvulorum interficiet eos, et prosperitas stultorum perdet illos*. Но въ славянскомъ переводѣ этотъ текстъ читается такъ: *зане обидѣшиа младенцевъ, убѣени будутъ, и истязаніе нечестивыи погубитъ.*

тому что, хотя и приклоняють ухо къ священному слову, но не отторгають сердца отъ земныхъ пожеланій. И есть другіе, которые покоряясь не покаряются, потому что, хотя тѣлесно отстають отъ дѣлъ нечестивыхъ, но нечестія дѣла съ услажденіемъ обносятся въ умѣ. Поэтому-то объ Иудеѣ, переходящей въ плѣнь, написано: *видѣли се враги, и посмѣялись надъ субботама ея* (Плач. Іер. I, 7). (а). Потому что враги смѣются надъ субботама, когда злые духи влагають въ праздную душу нечестивые помыслы, для того, чтобъ и тотъ, кто успокоевается отъ дѣлъ, не успокоевался отъ услажденія злыми дѣлами. Итакъ вѣрно теперь говорится: *слышай да услышишь*, такъ какъ слово должно такъ ударять на слухъ тѣлесный, чтобъ отзывался и въ слухѣ сердечномъ. А кто покоится, тотъ пусть успокоевается такъ, чтобы и отъ помысла были отражаемы пожеланія нечестія, если сии повидимому отражены отъ самаго дѣла. А для того, чтобы мы не слѣдовали примѣрамъ нечестивыхъ, какъ мы сказали, присовокуцается: *зане домъ*

а) Опять переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *widerunt eam hostes, et deriserunt sabbatu eius.*

преогорчеваяй естъ. Но злые, хотя и долго бывают терпимы, однакоже вдругъ упадаютъ, а на ихъ наказанія смотрятъ слабые, дабы не подражать тѣмъ, коихъ виновность считаютъ не наказанною. Поэтому и здѣсь присовокупляется опустошеніе тойже Иудей, которая называется домомъ преогорчевающимъ, когда тотчасъ Господь говоритъ Пророку Своему: *и ты сыне человѣчь, возми себѣ плинѣу (кирпичь), и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишѣши на ней градъ Иерусалимъ, и да даси окрестъ его оуражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его полки, и да учиниши поставленія стѣпльнищъ окрестъ. Ты же возми себѣ сковраду жельзну, и да положиши ю въ стѣну жельзну между тобою, и между градомъ, и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворъ, и затвориши и: знаменіе сіе естъ сыномъ Израилевымъ (Іезик. IV, 1—3).*

20. Въ этихъ словахъ что другое означается по исторіи, если не осада и разрушеніе города Иерусалима, и выражается несчастіе грѣшнаго народа? Онъ называется домомъ преогорчевающимъ, когда ясно говорится: *и даси окрестъ его оуражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его*

пакъ, и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ. Но поелику слова пророчества большею частію рассказываютъ объ историческихъ событіяхъ такъ, что чрезъ нихъ описываются и таинственные предметы: то надобно, чтобъ эти же самыя слова, которыя мы произнесли, обсудить въ духовномъ смыслѣ, преимущественно потому, что въ среду ихъ вкладывается то, чего, кажется, нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, когда говорится: *ты же возми себѣ сковраду желѣзную, и да положиши ю въ стѣну желѣзную между тобою, и между градомъ, и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворѣ.* Ибо, если бы съ событіями историческими не были смѣшиваемы таинственные: то для чего была нужна Пророку сковрада желѣзная, чтобы онъ положилъ ее между собою и городомъ такъ, чтобы себя отдалить отъ осады сего послѣдняго? Ибо когда говорится: *возми себѣ сковраду желѣзную, и да положиши ю въ стѣну желѣзную между тобою, и между градомъ:* то ясно высказывается, что этою самою сковрадою Пророкъ освобождается отъ осады города. Поэтому присовокупляется и то, что онъ предсказалъ: *и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворѣ.* Изъ чего отерывается, что Пророкъ не будетъ въ этомъ затворѣ, если онъ сковраду желѣзную полагаетъ въ

стѣну желѣзную между собою и городомъ. И дѣйствительно, какъ во время того плѣненія, которое постигло Израильскій народъ послѣ, никто не былъ свободенъ отъ опасности того и другаго плѣненія. Итакъ что можно по буквѣ разумѣть въ томъ, что Пророкъ полагаетъ желѣзную сковраду между собою и городомъ, который долженъ быть въ осадѣ? Но хотя все то, что читается въ описаніи цѣномы, образующей городъ Іерусалимъ, буквально исполнилось, однако же надобно знать, что сковрадою изображается нѣчто таинственное, и осада Іерусалима описывается истиная.

21. Изъ этого мы научаемся держаться того и другаго смысла въ священномъ Писаніи, когда знаемъ, что одно исполнилось исторически, а другое по исторіи не имѣетъ смысла, такъ какъ мы должны вѣровать, что въ словахъ и дѣлахъ Пророка предъизображены и осада Іерусалима, которая въ послѣдствіи совершилась по буквѣ, и однако же тою же самою осадюю предъизображена другая осада, т. е. внутренняя. Въ послѣдней мы справедливо отыскиваемъ, что можетъ быть означено желѣзною сковрадою, которая называется желѣзною стѣною. Итакъ о совершеніи той осады, чрезъ которую городъ Іерусалимъ былъ разрушенъ, мы уже знаемъ; но теперь обсудимъ ту внутреннюю осаду,

.

которая ежедневно совершается. О ней образно говорится: *и ты сыне человекъ, возми себѣ плинѣу, и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишешъ на ней градъ Иерусалимъ.*

22. Но прежде намъ надобно рѣшить вопросъ: почему Пророкъ Іезикииль, какъ тогда, когда видитъ высокос, такъ и тогда, когда повелѣвается ему дѣлать нѣчто таинственное, прежде называется сыномъ человѣческимъ? Ибо онъ часто возвышается къ небесному, и душа его питается предметами сокровенными и невидимыми. Слѣдовательно, и среди таинствъ, которыя онъ проникаетъ, ему необходимо называться сыномъ человѣческимъ для того, чтобъ онъ всегда сознавать, что онъ есть, и никогда не гордился тѣмъ, къ чему возводится. Ибо что значить всегда говорить Пророку, возвышенному къ духовному: *сыне человекъ*, если не то, чтобы всегда напоминать ему о слабости его? Сознавая слабость состоянія, онъ не долженъ гордиться въ помыслѣ о величинъ своего созерцанія.

23. Но послѣку тотъ же Пророкъ, какъ уже сказали мы выше, служить образомъ проповѣдниковъ или учителей: то справедливо теперь говорится: *возми себѣ плинѣу, и положи ю предъ лицемъ твоимъ.* Ибо всякій проповѣдникъ, принимая какого либо земнаго слушателя для наученія слову

небесному, беретъ плипоу. Когда начнетъ говорить ему о воздаяніи въ небесномъ отечествѣ, о видѣніи горняго мира, тогда пишываетъ на плипоу городъ Іерусалимъ. Эту плипоу онъ полагаетъ предъ лицемъ своимъ; потому что съ напряженнымъ вниманіемъ обсуживааетъ качество слушагеля, т. е. смотритъ на успѣхъ или безуспѣшность, и къ разумѣнію его приморавлиаетъ слова своєї проповѣди, чтобы на сердцѣ слушающаго имѣть возможность написать городъ Іерусалимъ, т. е. видѣніе мира. И такъ да будетъ сказано: *возми себѣ плипоу*, т. е. земное сердце ближняго. *И положи ю предъ мцемъ твоимъ*, для того, чтобъ съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдать за жизнію и разумѣніемъ его. *И да напишеша на ней градъ Іерусалимъ*, чтобы сообщить ему свѣдѣніе о томъ, какія суть вышнія радости о видѣніи мира. Ибо Іерусалимъ какъ бы уже написанъ бываетъ на плипоу, когда земная душа начнетъ познавать тѣ истинныя радости внутренняго мира, и стремиться къ созерцанію славы небснаго отечества. Какъ бы на землѣ пишывается видѣніе мира, когда умъ, который прежде мудрствовалъ о земномъ, возвышается любовію уже къ созерцанію славы небснаго царства.

24. Но тотчасъ, какъ только душа начнетъ любить небесное, тотчасъ, какъ только она всецѣлю

соберется вниманіемъ къ видѣнію внутренняго мира, тотъ древній врагъ, который спалъ съ неба, завидуетъ ей, и начинаеть строить большіе ковы, и употребляетъ жесточайшія противъ обычныхъ искушеній, такъ что большею частію искушаетъ противящуюся душу такъ, какъ прежде никогда не искушалъ, когда овладѣвалъ ею. Поэтому написано: *чадо, аще приступаси работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе* (Прем. Сир. II, 1). (а). Поэтому-то и бѣсноватый, котораго исцѣлилъ Господь, сильно потрясается изгнаннымъ бѣсомъ, какъ написано: *и возопивъ, и много пружався, изыде* (Марк. IX, 25). Ибо почему древній врагъ, оставляя обладаемаго имъ человѣка, сильно потрясаетъ его, тогда какъ во время обладанія не потрясалъ, если не потому, что онъ большею частію при изгнаніи изъ сердца возбуждаеть въ немъ жесточайшія искушенія, нежели какія возбуждалъ прежде, когда спокойно владѣлъ имъ? По-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *Fili, accedens ad servitutem Dei, sta in justitia et timore, et praeparata animam tuam ad tentationem*, т. е. чадо, приступая къ служенію Богу, стой въ правдѣ и страхѣ, и иредуготовляй душу твою къ искушенію.

этому-то и Израильтяне къ Моисею и Аарону говорятъ: *да видима Богъ и судитъ вамъ, яко огнусте духъ вашъ предъ Фараономъ, и предъ рабы его, дати мечъ въ руки его, убити насъ* (Исх. V, 21). Ибо въ Моисей и Ааронъ предобразованы законъ и Пророки. И часто слабый самъ по себѣ духъ какъ бы ропщетъ противъ священныхъ повелѣній; потому что послѣ того, какъ онъ начнетъ слушать слова небесныя и послѣдовать имъ, возрастаетъ жестокость Царя Египетскаго, т. е. искушеніе злаго духа.

25. Итакъ учитель тщательно долженъ знакомить ведомую къ совершенству душу съ тѣми искушеніями, которыя постигнуть ее, для того, чтобъ она могла напередъ быть готовою къ избѣжанію ковъ злаго духа. Поэтому теперь, послѣ написанія на плпнѣ города Иерусалима, хорошо Пророку говорится: *и да даси окрестъ его огражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ*. Ибо той (душѣ), на которой пишется видѣніе мира, необходимо напередъ сказать и о бореніяхъ съ искушеніями. Ибо для того, чтобъ она могла достигнуть тѣхъ вѣчныхъ радостей мира, ей безъ сомнѣнія надобно здѣсь выдержать много боренія съ бѣдствіями. О ней хорошо говорится: *и да даси окрестъ ея огражденіе*. Поэтому-то

{ проповѣдникъ устрояетъ около научаемой души огражденіе тогда, когда чрезъ предварительное наставленіе показываетъ, какими способами она должна противопоставлять добродѣтели порокамъ, какъ похоть бьетъ чистоту, какъ гнѣвъ возмущаетъ спокойствіе души, какъ чрезмѣрная радость расслабляетъ душевную силу, какъ многорѣчіе разстроиваетъ укрѣпленіе сердца, какъ ненависть умерщвляетъ любовь, какъ гордость подкапываетъ замокъ смиренія, какъ живость, повредивъ въ рѣчи истинѣ, вредитъ ей и въ познаніи, такъ что тотъ, кто не хотѣлъ говорить истины, которую знаетъ, уже не знаетъ, что онъ можетъ говорить. Итакъ проповѣдникомъ устроится *огражденіе*, когда словами священнаго увѣщанія показывается, какимъ именно частнымъ добродѣтелямъ какіе, или какими способами, пороки строятъ засады. А противъ Иерусалима, который начертываетъ на плинѣ, проповѣдникъ строитъ укрѣпленія, когда показываетъ все пороки, которыя идутъ противъ души, какъ бы укрѣпленная войска; потому что, какъ уже часто мы говорили, необузданный гнѣвъ хочетъ казаться справедливостію, а слабость въ управленіи желаетъ казаться кротостію, скупость именуется бережливостію, а расточительность называется щедростію. Ибо противъ души бываютъ устроены какъ

бы укрѣпленія, когда пороки возрастаютъ подъ видомъ добродѣтелей, и чрезъ подобіе являются на высотѣ, тогда какъ на дѣлѣ они всегда лежатъ внизу.

26. Далѣе присовокупляется: *и обложими его острогомъ*. Ибо чѣмъ сильнѣе душа начинаетъ желать небеснаго, тѣмъ сильнѣе злые духи своими искушеніями наводятъ на нее земные помыслы. Итакъ Пророкъ облагаетъ ее (душу) острогомъ, когда святой проповѣдникъ напередъ предсказываетъ добрымъ душамъ, какъ обыкновенно подкрываются земныя пожеланія. И еще присовокупляется: *и да поставиши окрестъ его полки, и да уличиши поставленія стрѣльницъ окрестъ*. Учитель ставитъ окрестъ души какъ бы полки, когда указываетъ ей на собраныя и соединенныя натишки на нее злыхъ духовъ, такъ, что сіи искушаютъ ее иногда не только однимъ, но и многими пороками.

27. Ибо есть нѣкоторые пороки какъ бы по нѣкоторому средству близкіе между собою; на примѣръ, низость души, обжорство, и плотская нечистота, или, многословіе, ложь и клятвенное преступленіе. Потому что отъ низости душа переходитъ къ пресмыщенію чрева, а когда чрево переполняется яствами, тогда плоть, плѣсненная гордостію, увлекается

къ похоти. Такъ же, отъ многорѣчія рождается лживость, потому что весьма трудно не лгать тому, кто много говоритъ; и часто ложь прикрывается клятвою, для прикрытія себя предъ человѣческими сужденіями. И гордость безъ зависти и тщеславія никакъ обойтись не можетъ. Ибо всякой гордецъ завидуетъ другимъ въ той почести, которой домогается самъ. И когда случайно достигнетъ ея, превозносится временною славою, и думаетъ, будто другіе не могли получить того, чему онъ радуется по суетному тщеславію, какъ преимуществу предъ прочими, ему только принадлежащему.

• 28. Еще надобно знать, что нѣкоторые пороки не вдругъ являютъ къ душѣ, но предполагаются, такъ что въ искушеніи одинъ слѣдуетъ за другимъ. И одинъ становится предъ лицомъ, а другой привходитъ въ искушеніе со стороны, чтобы душа, противящаяся одному, обманомъ была плѣнена отъ другаго. Ибо самые пороки, о которыхъ сказали мы выше, воровски большею частію представляются одинъ вмѣсто другаго, такъ какъ иногда, стараясь пренобѣдить въ самихъ себѣ гнѣвъ, душею нашею овладѣваетъ не пужная кротость, такъ что она не можетъ являть должной строгости къ согрѣшающимъ. А часто, когда намъ не нравятся пресмотрительная кротость, тогда ревность

увлекается до неистовства, и плѣняетъ душу въ предѣла терифнїа. Итакъ, послыку на душу наступаютъ смѣшенные между собою и соединенные пороки: то справедливо въ устахъ проповѣдника поставляются окрестъ написаннаго Іерусалима, полки. А послыку отдѣльные (пороки) бьютъ его оттуда и отсюда, то ставовятся *стрѣльницами окрестъ*. Слѣдовательно, проповѣдникъ *учиняетъ стрѣльницы окрестъ*, когда для предосторожности предсказываетъ, какъ оболѣстительно поражаетъ похоть, какъ жестоко убиваетъ петерифлнвость, какъ заботливо воспаляетъ и истребляетъ жадность къ богатству, какъ надуту уничтожаетъ гордость. Слѣдовательно, *становитъ стрѣльницы окрестъ* значитъ проповѣданїемъ предсказывать, какія острія пороковъ обыкновенно уязвляютъ душу со всѣхъ сторонъ.

29. Далѣе слѣдуетъ: *ты же возми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою, и между градомъ*. Послыку желѣзо есть металлъ твердый, а на сковрадѣ жарятъ пицу, то что означается желѣзною сковрадою, если не духовная горячность твердой ревности? Потому что всякая духовная ревность разгорячаетъ душу учителя, такъ какъ онъ сильно скорбитъ, когда видитъ нѣкоторыхъ слабыхъ, оставляющими небесное и усаждающимися временными благами.

Эту желѣзную сковраду хорошо брать Павелъ, когда мучимый ревностію о душахъ говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазнется, и азъ не разжизнюся* (2 Кор. XI, 29)? Самое сердце свое, которое раскаляеть ревностію о душахъ, чѣмъ другимъ онъ содѣлывать, если не сковрадою, на которой горѣть любовію къ добродѣтелямъ противъ пороковъ? Ибо то, что жгю, было сковрадою. Она раскалялась и готовила пищу; потому что воспламенялась отъ горести, по приготовляла пищу добродѣтелей изъ своего скорбнаго размышленія.

30. Но что значить положеніе Пророкомъ той-же самой сковрады въ стѣну желѣзную между нимъ и городомъ, если не то, что эта самая крѣпкая ревность, которая ницѣ возбуждается въ сердцѣ учителя, въ послѣдній день суда будетъ свидѣтелемъ между нимъ и тою душою, которую онъ сильно желаетъ избавить отъ пороковъ? Хотя бы тотъ, кого вразумляютъ, и не захотѣлъ слушать, однако же учитель за ту ревность, которую проявляетъ, не будетъ виновнымъ въ небреженіи слушателя. Слѣдовательно, проповѣдникъ полагаетъ желѣзную стѣну между собою и городомъ по томъ, что во время отмыщенія онъ защищается отъ опасности осужденія оттуда, откуда ницѣ терпитъ раскаленіе сердца по ревности къ обязанности стража. Потому что для

всемогущаго Бога и́тъ таковаго жертвоприноше-
 нія, каково—ревность о душахъ. Поэтому-то Псал-
 монѣвецъ говоритъ: *ревность дому Твоего сиде-
 мя* (Псал. LXVIII, 10). Но сколько пламенность
 сердца, возбуждаемая ревностію по духу, благогод-
 па всемогущему Господу Богу, это ясно открывает-
 ся, когда закономъ повелѣвается приносить въ жер-
 тву крупичатую муку, самую чистую. Объ ней на-
 писано: *на сковрадѣ въ елеи да сотворится, спря-
 жмену да принесетъ ю виную жертву отъ укруз-
 ховъ, жертву въ вопю благовоія Господу. Жрецъ
 помазанный, иже вмѣсто его отъ сыновъ его, да
 сотворитъ ю; законно вѣчно, все да совершится*
 (Левит. VI, 21. 22). Ибо крупичатая мука, самая
 чистая, жарится на сковрадѣ тогда, когда чистая
 душа проповѣдника сожигается огнемъ святой рев-
 ности. Ес повелѣвается смѣшивать съ елеемъ, т. е.
 примѣшивать къ свѣтлости милосердія, которое предъ
 взоромъ всемогущаго Господа горитъ и свѣтитъ.
 Итакъ пусть смѣшивается съ елеемъ душа, сожиг-
 гаемая на сковрадѣ; потому что стремленію свя-
 той ревности необходимо и горѣть и свѣтитъ добро-
 дѣтелию милосердія. Ибо она любитъ того самого,
 на кого повидимому нападаетъ. Поэтому-то и за-
 повѣдуются приносить ее въ вопю благовоія Гос-
 поду горячею, потому что, если ревность не имѣ-

еть любви, то та самая чистая крупчатая мука, которая приносится со сковрады, теряет горячность. И надобно замѣтить, кому заповѣдуются приносить ее; именно жрецу, который по праву наследовать отцу. Ибо по праву наследуетъ отцу тотъ священникъ, который правами доказываетъ, что онъ сынъ всемогущаго Господа, и внутреннему благодарству не противорѣчитъ неблагодарствомъ дѣлъ своихъ. Ее заповѣдуются сожечь на олтареѣ всю безъ остатка, дабы она была именно бессожженіемъ. Такъ какъ мы называемъ бессожженіемъ то, что сожигается все безъ остатка. Поэтому и въ другомъ переносномъ значеніи въ этомъ мѣстѣ таже самая крупчатая чистая мука, которая сожигается на сковрадѣ, по заповѣди должна быть бессожженіемъ. А между бессожженіемъ и жертвою различіе состоитъ въ томъ, что хотя всякое бессожженіе есть жертва, но не всякая жертва есть бессожженіе. Ибо есть много добрыхъ дѣлъ, которыя совершаются какъ жертвы, но не бессожженія, потому что не всецѣло воспаляютъ душу къ любви духовной. Ибо тѣ, которыя совершаютъ дѣла Божіи такъ, что не оставляютъ впрочемъ и нѣкоторыхъ дѣлъ вѣка сего, именно приносятъ жертву, но не бессожженіе. А тѣ, которые все мірское оставили, и всецѣло воспаляютъ ду-

*

шу огнемъ любви Божественной, именно сами дѣлаются для всемогущаго Бога жертвою и всеожженіемъ. Итакъ крушчатая чистая мука на сковрадѣ есть чистая душа праведника въ сокрушеніи духовной ревности; она сожигается попеченіемъ о душахъ, и считается не только жертвою Господу, но и всеожженіемъ. Поэтому мы возьмемъ желѣзную сковраду, и положимъ ее въ стѣну желѣзную между нами и городомъ, т. е. рѣшимся на крѣпкую ревность, такъ чтобы намъ въ послѣдствіи найти въ ней крѣпкую преграду между нами и душою нашего слушателя. Ибо эту стѣну желѣзную мы найдемъ тогда, когда нынѣ мы крѣпко поддерживаемъ ее именно: наученіемъ, бережливостію, убѣжденіемъ, выговорами, ласками, страхомъ, дѣйствуя иногда кротко, а иногда и строго. Объ этой строгости справедливо присовокупляется: *и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ заговоръ.*

31. Что значитъ *уготовиши* (утвердитъ) *лице* на Иерусалимъ, написанный на плипоѣ, если не то, чтобы учитель не показывалъ себя ни спесиходительнымъ, ни милостивымъ къ той душѣ, которой онъ возвѣщаетъ видѣніе небснаго мира, докогѣ видитъ ее еще слабою въ своихъ дѣйствіяхъ? Поэтому написано: *суть ли ти дщери, внимаи тѣлу ихъ, и не являй веселаго къ нимъ лица твоего* (Сирах. VII,

26). Потому что слабыя души и преданныя пожеланію міра, иногда лучше сохраняются строгостію, такъ что *утвержденное лице*, т. е. не допускающее никакого снисхожденія къ бездѣлицѣ, по соблюденію строгости, должно устрашать непостоянную душу, и силою надзора удерживать отъ услажденія пороками. Когда учитель это употребляетъ, тогда ему необходимо всегда содержать въ сердцѣ *ласковость и кротость*, такъ какъ онъ и много долженъ любить, и никогда не долженъ гордиться предъ тѣмъ, кому впрочемъ отказываетъ въ любви своей и кротости для пользы его.

32. Далѣе слѣдуетъ: *и затвориши и* (окружишь его). Учитель окружаетъ душу слушателя, когда предсказываетъ, что ко всему, что дѣлается въ мірѣ, могутъ быть привязываемы петли искушеній, такъ что, когда душа бываетъ вездѣ робка, вездѣ осмотрительна, тогда чѣмъ она боязливѣе, тѣмъ бдительнѣе живетъ.

33. За тѣмъ слѣдуетъ: *знаменіе сіе есть знаменіе Израилевымъ*. По исторіи осады, которая совершилась по буквѣ, знаменіе сынамъ Израилевымъ есть то, которое показалъ Пророкъ; а по танцству, которое ежедневно совершаетъ учитель въ отношеніи къ душѣ каждаго, знаменіемъ сынамъ Израилевымъ служить, какъ то, что онъ сдѣлалъ, такъ и то, что

опъ заповѣдалъ дѣлать. Потому что, какъ домъ Израилевъ вѣщественно претерпѣлъ осаду: такъ и каждая душа, которая уже начинаетъ служить всемогущему Богу, чувствуетъ облежанія се осады злыхъ духовъ. Если она желаетъ рѣшительно высвободиться отъ нихъ: то должна знать, что своею силою она не можетъ высвободиться; но ей необходимо надѣяться на того Помощника, Который можетъ насъ, живущихъ еще въ тѣнномъ тѣлѣ, чрезъ таинство своего искупленія, содѣлать сильнѣйшими даже безплотныхъ духовъ, Которыи есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, живущи и царствующи съ Отцемъ, въ единствѣ Святаго Духа, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

**БЕСѢДЫ НА ПРОРОКА
ІЕЗИКІИЛЯ,**

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА,

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ,

Архимандритомъ Климентомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Б А З А Н Ъ.

Типографія Фонъ-Глена и К^о.
1863.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

	Листы
1. Предисловіе	373.
2. Беседа I-я, въ которой, при изъясненіи первыхъ трехъ стиховъ и пачала четвер- таго сороковой главы Пророка Іезикиіиля, Святитель разсуждаетъ преимущественно о Христѣ и Церкви, объ избранныхъ и со- кропешныхъ въ отношеніи къ нимъ судь- бахъ Божіихъ.	374.
3. Беседа II-я, въ которой, при объясненіи четвертаго и пятаго стиховъ сороковой гла- вы Пророка Іезикиіиля, Святитель обширно разсуждаетъ о дѣятельной и созерцатель- ной жизни, и по обычаю своему привно- ситъ многіи нравственныя наставленія. .	408.
4. Беседа III-я, въ которой, при объясненіи	

- 6-го, 7-го и 8-го стиховъ сороковой главы Пророка Іезікііля, описывается зданіе Церкви, устроенное изъ всѣхъ Праведниковъ обоихъ Заѣтовъ 432.
5. Беседа IV-я, заключающая въ себѣ четыре стиха—отъ 9-го до 12-го тойже главы, объясненныхъ аллегорически или нравственно 468.
6. Беседа V-я, въ которой Святитель продолжаетъ пзясненіе съ послѣдней части 12-го, стиха до стиха 17-го сороковой главы Пророка Іезікііля, и преимущественно разсуждаетъ о созерцаніи 497.
7. Беседа VI-я, въ которой Святитель объясняетъ только три стиха—17-й, 18-й и 19-й,—сороковой главы Пророка Іезікііля, и показываетъ, какое проявлено совершенство въ Христіанахъ, особенно же въ Апостолахъ 531.
8. Беседа VII-я, въ которой Святитель изъясняетъ семь стиховъ—отъ 20-го до 27-го, сороковой главы Пророка Іезікііля, и вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ многія правила нравственныя, о дарахъ Св. Духа, о ведущихъ къ нимъ степеняхъ, объ истинномъ

- совершенствѣ и необходимости добрыхъ дѣлъ. 565.
9. Бесѣда VIII-я, въ которой Святитель изъясняетъ стихи отъ 27-го до 38-го сороковой главы Пророка Іезікііля, многіе кратко, а другіе подробно, и преимущественно обосновываетъ догматъ о воскресеніи. . . 603.
10. Бесѣда IX-я, въ которой Святитель изъясняетъ пять стиховъ—отъ 39-го до 43-го сороковой главы Пророка Іезікііля, и едва коснувшись буквального смысла, предлагаетъ духовный и нравственный, а преимущественно разсуждаетъ объ обязанности Пастыря 637.
11. Бесѣда X-я, въ которой Святитель изъясняетъ четыре стиха—отъ 44-го до 48-го—сороковой главы Пророка Іезікііля, распространяясь о вѣрѣ, надеждѣ и любви, и тѣмъ заканчиваетъ трудъ свой 678.
-

КНИГА ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣку, по многимъ не требующимъ отлагательства дѣламъ, мнѣ нельзя было объяснить предъ вашею любезною по порядку всей книги Пророка Іезикииля: то добрымъ ваимъ желаніямъ угодно было просить, чтобы я изъяснилъ по крайней мѣрѣ послѣднее видѣніе его, которое было ему о зданіи, поставленномъ на горѣ, и которое темнѣе всѣхъ видѣній его. И хотя мнѣ необходимо повиноваться вашему желанію: но есть два обстоятельства, которыя возмущаютъ духъ мой. Первое то, что это самое видѣніе закрыто облаками такой темноты, что едва ли въ немъ можно видѣть что либо при свѣтѣ разума. Второе то, что по дошедшимъ до насъ свѣденіямъ Агилульфъ, Царь Лонгобардскій, чрезмѣрно поспѣшавшій на осаду насъ, перешелъ чрезъ По. Поэтому подумайте, возлюбленнѣйшіе братіе, можетъ ли бѣдный умъ, занятый смущеніями страха за себя, проникать въ темные и таинственные смыслы. Ибо чѣмъ болѣе опъ стѣ-

сняется земнымъ, тѣмъ менѣе видитъ въ небесномъ; и за то, что онъ своими заботами выводится вовнѣ себя, весьма умаляется внутри, потому что, какъ написано: *земное жилище обременяетъ умъ многопечителемъ* (Прем. Солом. IX, 15). Тотъ, который не можетъ проникать въ высшее даже въ самособранности, что можетъ сдѣлать, подумайте, въ разбѣянности? Но мы знаемъ, все знаемъ, что и потокъ, раздѣляемый на многіе ручьи, выхлестъ въ своемъ водопроводѣ. Впрочемъ между тѣмъ есть вышняя благодать. И если умъ мой бременятъ тяжести моихъ помысловъ, то крылья вашихъ желаній облегчаютъ его. Хотя весьма темно то дѣло, къ которому мы приступаемъ: но представимъ, что мы путешествуемъ ночью. Слѣдовательно остается идти ощуяю.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Въ изъясненіи трехъ первыхъ стиховъ сороковой главы Іезикиіа, и началѣ четвертаго, преимущественно разсуждается о Христѣ и Церкви,

объ избранныхъ и сокровенныхъ въ отношеніи къ нимъ судьбахъ Божіихъ.

И бысть въ двадцать пятое мѣто плъмения нашего перваго мѣсяца, въ десятый день мѣсяца, въ четвертое надесять мѣто, по плъмению града, въ той день бысть на мнѣ руки Господня, и веде мя тамо.

1. Намѣреваясь говорить о таинственномъ, (Пророкъ) напередъ предлагаетъ историческое повѣствованіе для того, чтобъ основать на времени то, чему должно вѣровать по откровенію. Но замѣчательно, что въ началѣ этой книги онъ показываетъ, въ которомъ году началъ онъ пророчествовать, а въ концѣ присовокупить, въ которомъ видѣлъ онъ послѣднее видѣніе, такъ что можно знать, сколько лѣтъ продолжалъ онъ книгу своего пророчества. Ибо время, съ котораго началъ пророчествовать, опредѣлить онъ въ началѣ рѣчи своей, говоря: *отверзюся небеса, и видяхъ видѣнія Божія въ пятый день мѣсяца, еіс мѣто пятое плъмения царя Иоакима* (езнн. 1, 1 — 2). А теперь утверждаетъ, говоря: *въ двадцать пятое мѣто плъмения нашего*. Такъ какъ этотъ Пророкъ во время перваго плъпенія былъ отведенъ въ Вавилонъ съ царемъ Иоакимомъ (4 Цар. XXIV). Ибо о второмъ плъпеніи Вавилонскомъ онъ присовокупляетъ:

въ четвертое надесять мѣто, по павиеніи града. Потому что одиннадцать лѣтъ послѣ перваго плѣненія, въ которое Пророкъ Іезикииль отведенъ былъ съ царемъ Іоакимомъ, въ городъ Іерусалимъ царствовалъ Седекія. А послѣ плѣненія этого Седекія, которое было уже вторымъ плѣненіемъ города, въ четырнадцатомъ году Пророкъ видѣлъ послѣднее видѣніе. Итакъ одиннадцать и четырнадцать въ сложности составляютъ двадцать пять. Следовательно, если онъ (Пророкъ) первое видѣніе видѣлъ въ пятомъ году перваго плѣненія, а это послѣднее по его сказанію было ему въ двадцать пятомъ году: то нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе двадцати лѣтъ своей проповѣди онъ говорилъ свои пророчества до послѣдняго видѣнія. То, что въ срединѣ книги своего пророчества онъ, говоря о царѣ Вавилонскомъ, упоминаетъ о двадцать седьмомъ годѣ, никого не должно приводить въ сомнѣніе. Послѣ къ въ этомъ мѣстѣ онъ ничего не говоритъ о времени своего плѣненія, то ясно показывается, что онъ описываетъ времена того царя, при которомъ началъ пророчествовать. Но что онъ говоритъ: *перваго мѣсяца, въ десятый день мѣсяца*, то указываетъ въ точности на время, для того, чтобы самымъ даже временемъ по буквѣ слова насадить въ сердца слушающихъ тотъ корень, отъ котораго

впослѣдствіи можно было бы пронести духовные плоды.

2. Но замѣчательно выраженіе: *въ четвертое надесять мѣсто, по плъненіи града, въ той день.* Ибо что значить, что чрезъ это послѣднее видѣніе всемогущій Богъ благоизволилъ проявить милосердіе своего обѣтованія въ тотъ самый день, въ который проявилъ гнѣвъ правосудія чрезъ пораженіе города, если не то, что та сила Божества, которая въ преврагпостяхъ неизмѣнима, оживляетъ несчастныхъ и кающихся тѣмъ же свѣтомъ правосудія, которымъ поражаетъ гордыхъ и пераскаянныхъ?—Итакъ, сказавъ напередъ о времени своего видѣнія, Пророкъ присовокупляетъ: *бысть на мнѣ рука Господня, и веде Мя тамо, въ видѣніи Божіи веде Мя на землю Израилеву, и постави Мя на горъ висоцъ зѣло, на нейже яко согражденіе града прямо полудне* (Іезкк. XI, 1—2).

3. Построеніе этого града никакъ нельзя разумѣть въ буквальному смыслѣ. Потому что нѣсколько послѣ Пророкъ присовокупляетъ, что это самое построеніе измѣряется тростію въ шесть локтей и пяденью, а ворота того же строенія сороками локтей, верхи же падъ этими воротами шестидесятью локтими. Всего этого буквально согласить никакъ нельзя. Ибо какимъ образомъ все зда-

ше имѣть мѣру трости, т. о. шесть лакоть съ пя-
дью, а ворота въ это зданіе сорокъ лакоть, вер-
хи же надъ воротами простираются на шестьдесятъ
лакоть? Пбо ворота находятся въ городѣ, а верхи
на воротахъ. И никакой разумъ не дозволяетъ до-
пустить, чтобы менѣе было то, что содержитъ, не-
жели то, что содержится. Но въ священномъ Писа-
ніи и то, что можно допустить по Исторіи, боль-
шею частію надобно разумѣть въ духовномъ смы-
слѣ, дабы и вѣра основывалась на исторической
истинѣ, и духовное разумѣніе заимствовалося отъ
таинственныхъ иносказаній. Такъ, напримѣръ, мы
знаемъ, что Псамонѣвецъ говоритъ: *яко узрю не-
беса, дѣла перстъ Твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты
основалъ еси* (Псал. VIII, 4). Вотъ во виѣншемъ
описаніи слово разума состоитъ въ томъ, что и не-
беса суть дѣла Божіи, и луна и звѣзды Богомъ же
созданы и основаны. Но если Псамонѣвецъ утверж-
даетъ это въ отношеніи только ко виѣншимъ дѣ-
ламъ, а не подразумеваетъ таинственного смысла:
то онъ признавъ небеса дѣлами Божіими, намѣре-
ваясь говорить о лунѣ и звѣздахъ, почему не упо-
мянуть о солнцѣ, которое такъ же, какъ извѣстно,
есть произведеніе Божіе (1, 16)? Если онъ говоритъ
по одному только буквальному смыслу: то, намѣ-
реваясь сказать о меньшихъ свѣтилахъ, долженъ

быть напередъ сказать о большемъ свѣтилѣ, такъ чтобы по рѣчи выходило, что прежде солнце, а послѣ луна и звѣзды основаны. Но поелнку онъ говорилъ по смыслу таинственному, для того, чтобы мы подъ луною разумѣли Святую Церковь, а подъ звѣздами всѣхъ святыхъ: то не хотѣлъ упоминать о солнцѣ потому, что говорилъ именно самому вѣчному Солнцу, о которомъ написано: *возсіяетъ вамъ боищимся мене моею солнце правды* (Малах. IV, 2). Объ этомъ-то Солнцѣ печестивые наконецъ будутъ говорить: *солнце правды не возсія намъ* (Прем. Сол. V, 6). — Итакъ говоря: *луну и звѣзды, яже ты основалъ еси*, и умалчивая впрочемъ о сотворенномъ солнцѣ, онъ (Псалмопѣвецъ) показалъ, что онъ говорилъ тому Солнцу, которое не только тѣлесно сотворило солнце, луну и звѣзды, но и духовно луну — Церковь и звѣзды — всѣхъ святыхъ. Итакъ когда не достаетъ чего либо въ исторіи, то это очевидно ведетъ насъ къ разумѣнію аллегоріи; тѣмъ болѣе надобно разумѣть въ духовномъ смыслѣ то, въ чемъ по буквальному разумѣнію ничего нѣтъ историческаго. — *Бысть на мнѣ рука Господня, и веде мя тамо, въ видѣннѣи Господи веде мя на землю Израилеву.* Выраженіе: *веде мя тамо*; дополняетъ (Пророкъ) присовокупленіемъ: *веде мя на землю Израилеву.* Пбо говорить: *бысть на мнѣ*

рука Господня, и веде мя тамо въ видѣнїи Божїи. Такъ какъ рука означаетъ силу власти, а видѣнїе самое то откровенїе, которое онъ получилъ. Следовательно, рука въ видѣнїи есть сила въ созерцанїи. Этими словами что онъ ясно показываетъ, если не то, что о городѣ, который онъ видѣлъ, ничего не скажетъ буквально историческаго? Ибо онъ духовнымъ образомъ говоритъ о томъ, который духовно созерцаетъ.

4. *И постави мя на гору висоцѣхъ зѣмо.* Итакъ кого означаетъ высокая гора, если не Посредника Бога и челоуѣковъ, челоуѣка Христа Иисуса? Сей хотя и отъ земли, но выше земли; потому что плоть того же Искушителя нашего имѣетъ вещество отъ земли, но власть свою простираетъ на небо. О Немъ мало было бы сказано: *высокій*, если не было бы присовокуплено — *зѣмо*; потому что Онъ не только челоуѣкъ, но и по зачатїю того же челоуѣчества, которое Имъ принято, есть Бого-челоуѣкъ, содѣлавшїи не только челоуѣкомъ выше челоуѣковъ, но и выше Ангеловъ. Поэтому-то о Немъ чрезъ Исаїю говорится: *въ день оныйъ будетъ плодъ земли высокій* (Исаїи IV, 2) (а). Ибо Создатель нашъ содѣ-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *in die illa erit fructus terrae sublimis.*

дался плодомъ земли для насъ, потому что вочеловѣчился ради насъ. Но этотъ плодъ земли уже высокъ; потому что родившись человекомъ на землѣ, на небѣ царствуетъ надъ Ангелами, по словамъ Давида и Павла: *вся покорилъ сеи и дѣ възъ Гло* (Иса. VIII, 8. Евр. II, 8). Ибо изъ того, что (Богъ Отецъ) покорилъ Ему все, ничего не оставилъ непокореннымъ Ему. Слѣдовательно, эта гора и *высока*, и *злая*; потому что, хотя Онъ (Спаситель) по человѣческому существу отъ земли, однако же не постижимъ по высотѣ Божества. Поэтому-то Пророкъ Исаія, провидя тогоже Господа, имѣвшаго пріити во плоти, возвысившись духомъ пророчества, говоритъ: *и будетъ въ послѣднія дни явлена гора Господня, и домъ Божій на вершъ горъ* (Ис. II, 2). Ибо домомъ Божиимъ былъ народъ Израильскій. Слѣдовательно, горою дома Божія наименованъ Тотъ, Кто благоволилъ воплотиться отъ народа Израильскаго. Но въ этомъ же самомъ народѣ были святые мужи, которые по справедливости могли называться горами, потому что заслугою жизни приблизились къ небесному. Но воплощенный Гдинородный (Сынъ) не былъ равенъ тѣмъ горамаъ, потому что естествомъ, жизнью, своимъ Божествомъ превзошелъ заслуги всѣхъ. Поэтому-то справедливо называется горою на вершинѣ горъ; потому что Онъ

явился возвышеннымъ по Божеству Своему даже надъ вершинами Святыхъ, такъ что тѣ, которые много усовершились въ Богѣ, едва вершиною помысленія могли прикасаться къ слѣдамъ Его. Итакъ Тотъ, Кто тамъ называется горою надъ вершиною горъ, здѣсь Самъ называется горою *высокою зыло*. За тѣмъ слѣдуетъ:

5. *На нейже яко согражденіе града прямо (полудне)*. Надобно замѣтить, что не говорится: на нейже было сограженіе, но *яко согражденіе*, для того, чтобъ именно показать, что все говорилось не о построеніи города вещественнаго, но духовнаго. Ибо тотъ, кто повѣствуетъ о себѣ, что онъ видѣлъ не сограженіе, но *яко согражденіе*, отсылаетъ сердца слушающихъ къ духовному согражденію, такъ какъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *Иерусалимъ зиждемый яко градъ* (Псал. СXXI, 3). Такъ какъ видѣніе внутренняго мира устроится изъ собранія святыхъ гражданъ, то небесный Иерусалимъ устроится *яко градъ*. Впрочемъ, поелнику онъ на этой землѣ странствованія поражается напастями, отбѣсывается бѣдами; то камни его ежедневно дѣлаются квадратными. И самое населеніе города, т. е. святая Церковь, долженствующая царствовать на небѣ, подвизается еще на землѣ. Гражданамъ ся говорятъ Петръ: *и сами яко каменіе*

живо зиждителя (1 Петр. II, 5). И Павелъ вѣщаетъ: *Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. III, 9). Это именно градопоселеніе имѣеть здѣсь уже великое зданіе въ нравахъ святыхъ. Потому что въ зданіи камень поддерживаетъ камень, полагаясь одинъ на другой, и тотъ, который поддерживаетъ другой, самъ поддерживается третьимъ. Такъ, именно такъ въ святой Церкви каждый и поддерживаетъ другаго, и самъ поддерживается другимъ. Ибо ближніе взаимно несутъ другъ друга, такъ что чрезъ нихъ возвышается зданіе любви. Поэтому Павелъ увѣщаетъ, говоря: *другъ друга тяжести носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI, 2). Возвѣщая о силѣ сего закона, онъ говоритъ: *исполненіе закона любви есть* (Рим. XIII, 10). Ибо, если я не могу терпѣть васъ за ваши нравы, а вы не хотите терпѣть меня за мои нравы: то откуда будетъ воздвизасмо строеніе любви среди насъ, когда взаимная любовь не будетъ соединять насъ чрезъ терпѣніе? Но въ зданіи, какъ сказали мы, камень поддерживающій поддерживается (другимъ); потому что, какъ я буду уже терпѣть нравы тѣхъ, которые еще грубы въ отношеніи къ добродѣтели, такъ и самъ буду терпимъ отъ тѣхъ, которые предварили меня и поддержали въ страхѣ Божіемъ, дабы я носимый научился носить. Впро-

чемъ и сами они были посимы отъ предковъ. Но камни, которые кладутся на верху и концѣ зданія, хотя сами отъ другихъ поддерживаются, но другихъ рѣшительно не поддерживаютъ; потому что и тѣ, которые народятся въ концѣ Церкви, т. е. въ концѣ міра, хотя сами будутъ посимы отъ предковъ, чтобъ ихъ правы согласовались съ добрыми дѣлами, но, послѣдству за ними не будетъ послѣдующихъ, которые были бы чрезъ нихъ ведомы къ совершенству, то они уже не будутъ собою поддерживать никакихъ камней въ зданіи вѣры. Итакъ нынѣ мы поддерживаемъ другихъ, а другіе поддерживали насъ. Но всю тяжесть зданія держитъ основаніе; потому что вообще правы всѣхъ поддерживаетъ только единый Искупитель нашъ. О Немъ Павелъ говоритъ: *основаніе бо много никтоже можетъ положить наже лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11). Основаніе поддерживаетъ камни, но отъ камней не поддерживается; потому что Искупитель нашъ все наше терпитъ, но въ Самомъ себѣ не имѣетъ зла, которое должно было бы быть терпимо. Поэтому теперь хорошо говорится: *постави мя на горуъ висоуъ зъло, на нейже яко согражденіе града*; потому что правы и недостатки наши терпитъ одинъ только Тотъ, Кто держитъ все зданіе святой Церкви. Онь голосомъ Пророка

о живущихъ еще въ развратѣ говорить: *я утру-*
дился поддерживая (Іерем. VI, 11) (а). Впрочемъ
не отъ поддержки утруждается Господь, для Бо-
жественнаго могущества Коего нѣтъ утружденія; но,
говоря словами человѣческими, Онъ самое свое
тѣлесное въ отношеніи къ намъ называетъ утруж-
деніемъ.

6. И надобно замѣтить, что этотъ самый го-
родъ, который онъ (Пророкъ) видѣлъ, видѣлъ обра-
щеннымъ къ югу. Ибо тѣ, которые занимаются свя-
щеннымъ выраженіями, знаютъ, что южный вѣтръ
обыкновенно полагается въ образъ Святаго Духа;
такъ какъ напротивъ сѣвернымъ вѣтромъ часто
означается діаволь; потому что, какъ тотъ прох-
лаждаетъ въ жару, такъ этотъ оцѣснѣваетъ въ
холодѣ. А Истина говоритъ: *за умноженіе безза-*
конія, изсякнетъ любви многихъ (Мат. XXIV, 12).
Пророкъ такъ же разсуждаетъ объ Іудеѣ, говоря:
яко же студену творитъ кладязь воду свою, та-
ко студену творитъ ю злоба ея (Іер. VI, 7). По-
этому-то діаволь, по свидѣтельству Пророка, пред-
ставляется сказавшимъ: *сяду на горъ висоцъ, на*

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ
которомъ текстъ читается такъ: *laboravi sustinens*. Въ Сла-
вянскомъ значитъ такъ: *терпѣхъ и не скончахъ ихъ*.

горахъ высокихъ, яже къ сѣверу (Ис. XIV, 13) (а). Но напротивъ того городъ обращенъ къ южной сторонѣ, потому что цѣлсиѣніе души разогрѣваетъ благодать Духа Святаго. Поэтому Псалмонѣвецъ говоритъ: *возврати Господи плъненіе наше: яко потоки югомъ* (Псал. СХХV, 4). Ибо плъненіе наше, которое по тѣлесной холодности пребывало лѣнивымъ къ послѣдованію Богу, разогрѣвается теплою Святаго Духа для того, чтобы бѣжать къ любви Бога. Поэтому и теперь говорится, что городъ, устроенный на горѣ, обращенъ къ югу; потому что Церковь избранныхъ обращаетъ помышленія свои къ дуповенію Святаго Духа, и нисходитъ со всякой вершины своей гордости, принимаетъ теплоту любви въ Бога, Которому вѣруетъ, такъ что ей ничего не нужно, какъ только подчиниться благодати Его, согрѣваться любовію, всегда наполняться даромъ Его дыханія. Поэтому-то созерцатель, воспламененный сильною любовію, говоритъ: *душа моя возрадуется о Господь, возвеселится о спасеніи Его* (Псал. XXXIV, 9). Ибо Тотъ, Кто по Латыни называется спасеніемъ, Тотъ по Еврей-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *sedebo in monte testamenti, in lateribus aquilonis*, т. е. саду на горѣ Завета, на сторонахъ сѣвера.

ски называется самимъ Иисусомъ. Итакъ, послѣ Иеророкъ духомъ пророчества созерцать пути Его, и чудеса, и даже таинство нашего искупленія: то повѣдасть, что онъ возрадовался о Господѣ, и возвеселился о Иисусѣ; потому что онъ ощутилъ въ душѣ радость съ той стороны, съ которой сильно горѣлъ любовью. Итакъ помыслимъ: если души духовныхъ отцовъ радовались о Томъ, Кто еще не приходилъ, но былъ предвидимъ; то какова должна быть вина—не любить путей Его, примѣровъ, увѣщаній Его, послѣ того, какъ Онъ пришелъ и совершилъ искупленіе!—Итакъ этотъ городъ, по сказанію, обращенъ къ югу; ясно какъ бы сказано было такъ: первый городъ, т. е. Синагога, стоялъ въ своихъ псевѣрующихъ къ сѣверу, и остался въ холодѣ вѣроломства. Но святая Церковь, принявъ любовь вѣры, теплою склонилась къ югу, и поддерживается какъ бы темнымъ вѣтромъ, потому что радуется не своей падежности, но дару духовной благодати. — Далѣе слѣдуетъ: *и введе мя тамо* (ст. 3).

7. Въ зданіе небснаго града входитъ тотъ, кто въ святой Церкви обсуживасть пути людей добрыхъ, послѣдую имъ. Потому что входитъ въ зданіе на горѣ значить—съ любовью размышлять объ избранныхъ святой Церкви, поставленныхъ на вер-

шипѣ добродѣтелей, какъ они преусиѣваютъ въ Господѣ. Ибо тотъ ведетъ жизнь супружескую, довольствуется своєю собственностію, чужаго не похищаетъ, изъ своего по возможности удѣляетъ нуждающимся, не пренебрегаетъ плачемъ о грѣхахъ, безъ которыхъ ежедневная супружеская жизнь обойтись не можетъ. Ибо тѣмъ самымъ, что семейная забота возмущаетъ духъ, онъ побуждаетъ самого себя къ слезамъ. Но другой оставилъ уже все мірское, не желаетъ ничего имѣть въ немъ, питается упражненіемъ въ созерцаніи единого, со слезами радуется надеждѣ наградъ небесныхъ, отвергаетъ даже то самое, что позволительно имѣть, желаетъ имѣть ежедневное тайное собесѣдованіе съ Господомъ; его духъ не возмущаетъ никакая забота о преходящемъ мірѣ; онъ всегда наполняетъ душу ожиданіемъ радостей небесныхъ. Иной же оставилъ уже все въ этомъ мірѣ, и духъ его возвышастся до созерцанія небеснаго: но ради устроения многихъ занимая правительственное мѣсто, хотя желаніемъ не подчиняется вещамъ преходящимъ, однако же по состраданію къ ближнимъ иногда приклоняется къ нимъ, чтобъ изъ поощенія о нихъ оказать милосердіе бѣднымъ; онъ проповѣдуетъ слушателямъ слово жизни, распоряжается необходимымъ для душъ и тѣлъ. И тотъ, кто самъ по се-

•

бѣ чрезъ созерцаніе возвышается уже къ желанію небесному, ради успѣха и пользы ближнихъ занимается вещами временными. И такъ кто въ святой Церкви старается тщательно обскуживать, чтобы совершеннымъ быть, или въ жизни добрыхъ супруговъ, или въ убѣжищѣ постниковъ, и оставляющихъ все въ этомъ мірѣ, или на возвышенности проповѣдниковъ: тотъ уже вошелъ въ зданіе города, устроеннаго на горѣ. Ибо тотъ, кто пренебрегаетъ размышленіемъ о жизни лучшихъ себя, для достиженія совершенства, тотъ стоитъ еще внѣ зданія. И если онъ удивляется той славѣ, которую имѣетъ въ мірѣ святая Церковь; то онъ какъ бы совнѣ осматриваетъ зданіе и удивляется. — Далѣе слѣдуетъ: *и се мужъ, и зракъ его баше, яко виднѣе миди блестящійся* (ст. 3).

8. Въ этомъ мужѣ образно показывается Тотъ, Кто образно представляется горою. Но объ этомъ Мужѣ говорится, что Онъ измѣряетъ зданіе. И справедливо Господь означается и чрезъ мужа и чрезъ гору; потому что Самъ Онъ и устроитъ все по суду своему внутри святой Церкви, и возвышаетъ ее къ небесному поддерживаніемъ. Такъ и въ святомъ Евангеліи одинъ и тотъ же Искушитель нашъ говоритъ: *входай десрми, пастыръ естъ овцамъ* (Іоан. X, 2). А чрезъ нѣсколько послѣ: *азъ есмь*

дверь (Тамъ же, ст. 7). И опять чрезъ нѣсколько (стиховъ) присовокупляетъ: *Азъ есмь пастырь добрый* (Тамъ же, ст. 11). Игакъ, если самъ Онъ и пастырь, и дверь, тогда какъ пастырь входитъ чрезъ дверь: то почему въ этомъ мѣстѣ не разумѣть Его Самаго, и подъ именемъ горы, и подъ именемъ мужа, который измѣряетъ зданіе на горѣ?

9. Но намъ надобно спроеить: почему объ этомъ мужѣ говорится: *зракъ Его бже, яко видѣніе мѣди блестящая?* Но всѣ мы знаемъ, братіе, что металлъ мѣди весьма крѣпокъ и чрезвычайно звопокъ. Слѣдовательно, что значить, что видъ Ходатая Бога и человѣковъ сравнивается съ видомъ мѣди, если не то, что намъ рѣшительно извѣстно, что Единородный Сынь, принявъ видъ раба, превратилъ въ вѣчную тлѣнность плоти человеческой—славою своего воскресенія; потому что въ Немъ плоть содѣлалась уже безъ конца нетлѣнною? Ибо *возставшій отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: смерть Имъ ктому не обладаетъ* (Рим. VI, 9). Но что значить, что самое воплощеніе Его сравнивается съ звучнымъ металломъ, если не то, что чрезъ самое это воспріятіе нашего человѣчества слава величія Его стала звучною для всѣхъ? И какъ бы видъ мѣди имѣлъ Онъ въ тѣлѣ, потому что Богъ содѣлался извѣстнымъ изъ плоти. Поэто-

му и чрезъ Іоанпа говорится: *имать на ризѣ и на стегнѣ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ* (Апок. XIX, 16). Ибо что значить одежда Его, еели не плоть, которую принять Опъ отъ Дѣвы? Впрочемъ одежда Его не есть что либо другое, а другое Онъ Самъ. Ибо плоть называется и пашею одеждою, однакоже мы сами плоть, которую одѣваемся. Но эту одежду Его Исаія провидя издалеча обогрешною кровію чрезъ крестъ страданія, сказалъ: *почто червлены ризы твоя, и одежды твоя яко отъ истоптанія точила* (Ис. LXIII, 2). Ему Самъ Онъ отвѣтствуетъ: *истопленъ истоптанія, и отъ языкъ нѣсть мужа со Мною* (Тамъ же, ст. 3). Итакъ одинъ истопталъ точило, въ которомъ былъ топтанъ, Тотъ, Кто своею силою побѣдилъ то страданіе, которое претерпѣлъ. Ибо пострадавшій даже до смерти крестной со славою воскресъ отъ смерти. Но хорошо сказано: *и отъ языкъ нѣсть мужа со Мною*. Послику тѣ, за которыхъ Онъ пришелъ страдать, должны были быть участниками въ Его страданіи, но они еще не вѣровали въ то время: то жалоба въ страданіи простирается на тѣхъ, коихъ жизнь была отыскиваема въ ономъ страданіи. Но чрезъ стегно выражается разумноженіе плоти. Итакъ, поелику чрезъ распространеніе рода человѣческаго, какъ показы-

вають родословныя таблицы, по повѣствованію Мат-
ея (I, 1 и слѣд.) и Луки (II, 7. III, 23 и далѣе),
Онъ пришелъ въ міръ сей отъ Дѣвы, и чрезъ таин-
ство своего воплощенія показалъ, что Онъ долженъ
быть Царемъ и Господомъ рѣшительно для всѣхъ
народовъ: то на ризѣ и на стегнѣ имѣлъ надписи:
Царь царемъ и Господь господемъ (Апок. XIX,
16). Ибо откуда Онъ сдѣлался извѣстнымъ въ мі-
рѣ, оттуда положилъ прочное вѣденіе чтенія о се-
бѣ. Слѣдовательно, проповѣдь Его изъ плоти есть
какъ бы нѣкоторый звукъ изъ мѣди. Итакъ пусть
правильно глаголетъ Пророкъ: *зракъ Ею баше, яко
виднѣніе мѣди.* — Далѣе слѣдуетъ: *и снурокъ льня-
ный въ рукѣ Ею* (а).

10. У семидесяти толковниковъ пѣтъ выраже-
нія: *снурокъ льняной*, по есть выраженіе: *вервь
зжждуущихъ* (каменьщиковъ). Если мы при изъясне-
ніи удержимъ въ этомъ стихѣ ихъ переводъ: то ко-
го должны принять за каменьщиковъ, если не свя-
тыхъ учителей, которые, говоря о духовномъ, при-
поравливаютъ живые камни, т. е. души избранныхъ,

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ
которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et funiculus lineus in ma-
nu ejus.* Но въ Славянскомъ переводѣ тотъ же текстъ читается
такъ: *и въ руцѣ Ею баше вервь зжждуущихъ.*

къ духовному зданію? Пбо все, что ин говорили древніе отцы, Пророки, Апостолы, преемники Апостоловъ, чѣмъ было другимъ, если не укладкою камней въ этомъ, ежедневно продолжающемся строителствѣ зданіи святыхъ? А *вервь зиждущихъ* обыкновенно употребляется для того, чтобъ опредѣлять ровность или прямогу воздвигаемой стѣны; и если камень выдается внутрь, его должно подвинуть къ внѣшней сторонѣ, а если онъ выдается совнѣ, его должно вдвинуть ~~внутрь~~ **внутрь**. И дѣйствительно проповѣдь учителей совершаетъ это ежедневно, такъ что каждая душа, для которой быть можетъ неудобно принять бремя правленія, хотя бъ и желала проявиться вовнѣ, должна быть отзывается внутрь; и на оборотъ, та, которая желаетъ скрываться и имѣть попеченіе только о самой себѣ, если можетъ быть полезна для себя и для многихъ, выставляется наружу—на показъ, хотябъ и желала скрываться. И такимъ образомъ бываетъ, что порядокъ святыхъ камней соблюдается, когда часто и желающій итти къ почести попячивается назадъ, и бѣгающій почести въ сокровенномъ мѣстѣ выдвигается впередъ. Но поелику, какъ мы научились отъ нашего переводчика, исторія Евреевъ не имѣеть *зиждущихъ*, но *суроокъ мянныиъ въ руки ея*: то мы должны изъяснить то, что считается у насъ болѣе вѣр-

•

нимъ. Но мы знаемъ, что льнянойъ снурокъ тонѣе тѣхъ снурковъ, которые дѣлаются изъ чего либо другаго. И что мы должны разумѣть подь льнянымъ снуркомъ, если не тончайшее проповѣданіе, т. е. духовное? Ибо обсуживаніе закона было снуркомъ, но не было льнянымъ; потому что занимало грубый народъ не тонкимъ проповѣданіемъ, въ которомъ чрезъ свѣденіе о наказаніи не возвышалось до грѣховъ помысленія, но ограничивалось грѣхами на самомъ дѣлѣ. Но послѣ того, какъ Господь, лично проповѣдуя, воссоединилъ и помысленія людей, и далъ знать, что и содѣянное въ сердцѣ есть такъ же грѣхъ, Онъ держалъ въ рукѣ снурокъ льняной. Ибо онъ говоритъ: *слышасте, яко рече-но бысть древнимъ: не прелюбы сотворили. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мат. V, 27. сн. Исх. XX, 14). Слѣдовательно, *льняной снурокъ* есть проповѣдь тонкая, которая связываетъ душу слушающаго такъ, чтобъ не разсѣвалась даже въ несчастномъ помыслѣ. И надобно замѣтить, что по сказанію *снурокъ въ руки Его*, т. е. проповѣдь въ исполненіи. Ибо Онъ въ себѣ показалъ все то, чему училъ, какъ написано: *яже начатъ Иисусъ творити же и учити* (Дѣян. I, 1). А поелику Онъ

то самое, что говорить, передать и писанию, дабы оно было заповѣдію для потомковъ: то справедливо присовокупляется: *и трость мртительная въ руки Его* (Гезик. XL, 3).

11. Господь чрезъ другаго Пророка произносить обѣтованіе о святой Церкви, говоря: *возидеть на ней зелень трости и тростника* (Ис. XXXV, 7) (а). Это я, помнится, изъяснилъ въ другомъ мѣстѣ (Книг. XXIX, Прав. число 51), что чрезъ трость надобно разумѣть писателей, а чрезъ тростникъ—слушателей. По поелку и тростникъ и трость обыкновенно рождаются при водѣ, и тотъ и другая усовершенствуются одною и тою же водою, по трость употребляется для письма, тогда какъ тростникомъ пельзя писать: то что мы должны разумѣть подъ тростникомъ и тростию, если не то, что одно есть ученіе истины, которое орошаетъ многихъ слушателей? Но орошаемые имъ одни могутъ достигать въ словѣ Божіемъ до такого совершенства, что и сами дѣлаются писателями, т. е. какъ бы тростями; а другіе слушаютъ слово жизни, имѣють

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго языка, на которомъ этотъ текстъ читается такъ: *oriatur in ea uiror calami et juncei*. Въ Славянскомъ переводѣ темна мысль: *и (будеть) селитва трости, и лузи*.

зелень доброй надежды и правыхъ дѣлъ, но никакъ не могутъ усовершиться до того, чтобы писать. Эти на водѣ Божіей что суть другое, если не нѣкій, такъ сказать, тростникъ? Они именно въ зелени преуспеваютъ, но рѣшительно не могутъ этого выразить въ письмени. Итакъ Искупитель нашъ, потому что благоизволилъ, чтобы тѣ слова, которыя Онъ произнесъ, были написаны ревностію учителей, трость въ рукѣ держалъ. Эта трость называется *мѣрительною*, потому что въ самой ревности учителей по нѣкоторому сокровенному судебному распоряженію опредѣляется такъ, что они для однихъ читателей полезны, а для другихъ не могутъ быть полезными. Поэтому-то святые Апостолы, когда спросили Учителя истины, ясенѣ говорящаго имъ, почему Онъ говорилъ народу въ притчахъ, услышали: *яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онымъ же не дано есть* (Мат. XIII, 11). Или върнѣе, трость мѣрительная состоитъ въ томъ, что въ самыхъ Его священныхъ словахъ, которыя для насъ написаны, мы познаемъ, что распоряженія Его сокровенны. Ибо по непостижимому суду Его, какъ одинъ подходитъ подъ мѣру избранныхъ, такъ другой оставляется внѣ, такъ что никакъ не можетъ заслужить того, чтобы принадлежать къ числу избранныхъ. Итакъ Онъ имѣетъ сну-

рокъ, имѣть въ рукѣ трость мѣрительную. Ибо тотъ, кто спуркомъ размѣряетъ мѣсто, индѣ тащитъ спурокъ, а отынуды оттаскиваетъ, и привлекаетъ сюда того, кого отынуды отвлекаетъ. Такъ, именно такъ поступаетъ Искушитель нашъ въ собраніи людей, когда однихъ извлекаетъ изъ ихъ нечестія, а другихъ оставляетъ въ ихъ нечестіи. Такъ какъ Онъ къ тѣмъ, которыхъ удостоилъ избранія, приложилъ спурокъ сокровенной мѣры; а отъ тѣхъ, которыхъ судить оставить, отдернулъ спурокъ, для того, чтобъ и добрые держались внутри мѣры небеснаго строснія, и злые, въ которыхъ нѣтъ той доброты, которая имѣетъ цѣнность, оставались какъ бы безъ измѣренія внѣ зданія.

12. Этотъ спурокъ и эту мѣрительную трость Искушитель нашъ держалъ въ рукѣ своей, когда благоволилъ увѣщать Апостола Павла чрезъ мужа Македонянина такъ, что этотъ же самый мужъ Македонянинъ говорилъ: *пришедъ въ Македонію, помози намъ* (Дѣян. XVI, 9). Но Апостоламъ, желающимъ итти на проповѣдь въ Азію, не дозволилъ Духъ Исуса. Что это значитъ, что святые Апостолы призываются и туда, куда быть можетъ и не думали итти, и получаютъ запрещеніе итти туда, куда желали, если не то, что въ рукѣ держится спурокъ сокровеннаго суда и мѣрительная

трость, чтобъ одни слышали слова жи́зни, а другіе отнюдь не заслуживали слышанія? Итакъ снурокъ мѣры къ одному приложенъ, а отъ иного отдернуть.

13. И по свидѣтельству святаго Евангелія мы знаемъ, что пришелъ одинъ, который говорилъ: *уничтожу, иду по Тебѣ, а може еще идеши* (Мат. VIII, 19). Ему отвѣчено: *Лиси язвны имуть, и птицы небесныя тьзда: Сынь же человѣскій не имать гды главы подклонити* (тамъ же, ст. 20). Пришелъ другой, который говорилъ: *Господи, повели мнѣ прежде ити, и погребсти отца моего*. Ему отвѣчено: *гряди по Мнѣ, и остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Тамъ же ст. 21. 22). Что значить, что тотъ обѣщается ити, и остается; этоть желаетъ воротиться домой, и однако же ему дается повелѣніе слѣдовать?—Тотъ не принимается, этоть не получаетъ увольненія отъ послѣдованія даже на вѣремя. И такъ по внутреннему распоряженію сокровеннаго суда проводится снурокъ и мѣрительная трость, по которому и сеѣ привлекается, и тотъ оставляется, чтобы небесное зданіе было устроено не безъ благовоительнаго и праведнаго испытанія.

14. Еще подъ мѣрительною тростію можно разумѣть Св. Писаніе, потому что кто читаетъ оно,

тотъ по нему мѣряеть самъ себя, или на сколько онъ имѣеть совершенства въ духовной добродѣтели, или на сколько далеко онъ отсталъ отъ мѣры благихъ заповѣдей; на сколько онъ возвышается въ дѣланіи добра, на сколько еще погружаетъ въ дѣлахъ нечестія.—Далѣе слѣдуетъ: *тойже стояше у вратъ* (Іезик. XI, 3) (во вратахъ).

15. Кто стоитъ во вратахъ, тотъ нѣкоторою частію внутри, а нѣкоторою наружи; потому что одна часть его бываетъ видима совнѣ, а другая скрывается внутри. Итакъ Искушитель нашъ, по милосердію воплотившійся ради насъ, стоялъ предъ человѣческимъ взоромъ какъ бы въ воротахъ; потому что и видимымъ явился чрезъ человечество, и оставался невидимымъ по Божеству. Поэтому-то Іудеи, которые поддерживали Его на основаніи обѣтованія Пророковъ, смутились отъ замѣнательства вѣроломства своего, такъ какъ они видѣли смертнымъ Того, Кого считали пришедшимъ для искупленія ихъ. Итакъ стоящій во вратахъ, какъ сказано выше, нѣкоторою частію видѣнь бываетъ совнѣ, а нѣкоторою частію пзнутри. Поэтому-то и самое вѣроломство Іудеевъ не оставлено безъ показанія ему Божественнаго могущества. Ибо видѣвшіе чудеса Его влекомы были къ вѣрѣ, но размышляя о страданіяхъ Его сомнѣвались въ призна-

ни за Бога Того, Кого видѣли смертнымъ по плоти; отъ чего произошло то, что они усумнились въ познаніи Его. Ибо они видѣли Его алчущимъ, жаждущимъ, ядущимъ, спяющимъ, устающимъ, сияющимъ, и считали Его за чистаго человѣка. Они видѣли Его воскрешающимъ мертвыхъ, очищающимъ прокаженныхъ, дающимъ прозрѣніе слѣпымъ, изгоняющимъ бѣсовъ, и сознавали, что Онъ выше людей. Но представляемое въ сердцѣ ихъ человѣчество смущало ихъ при самыхъ чудесахъ Его. Поэтому-то святая Церковь, подъ голосомъ невѣсты желая видѣть Его уже ясно, говорить: *се Сей стоитъ за стѣною нашею* (Пѣсн. пѣсн. II, 9). Ибо Тотъ, Кто показалъ человѣческимъ взорамъ то, что принялъ Онъ отъ естества смертнаго, а Самъ въ себѣ остался невидимымъ, сталъ какъ бы за стѣною для желающихъ видѣть Его ясно; потому что не далъ видѣть себя въ открытомъ величіи. Ибо какъ бы за стѣною сталъ Тотъ, Кто являлъ принятое Имъ естество человѣчества, и сокрылъ отъ взоровъ человѣческихъ естество Божества. Поэтому-то и тамъ присовокупляется: *проглядая оконцами, принимаая сквозь мрежи* (рѣшетку) (Тамъ же). Ибо кто смотритъ чрезъ окна, или рѣшетки, тотъ не весь сокрытъ, и не весь видѣнъ. Таковымъ, именно таковымъ содѣлался Искушитель нашъ предъ взорами

сомнѣвающихся; потому что, если бы Опъ, творя чудеса, ничего не переносилъ какъ человѣкъ, то явился бы имъ рѣшительно Богомъ; и наоборотъ, если бы Опъ, терия человѣческое, ничего не творилъ, какъ Богъ, то Его считали бы чисто за человека. Но поелику Опъ и Божественное творилъ, и человѣческое переносилъ: то какъ бы чрезъ окна, или рѣшетки, проглядывалъ къ людямъ, для того, чтобъ и Богомъ явиться изъ чудесъ, и скрыться за страданіями, и человекомъ быть видимымъ изъ страданій, однако же такъ, чтобъ изъ чудесъ знали, что Опъ выше человека. Поелику же сказано, что мужъ тотъ стоялъ во вратахъ, то намъ надобно спросить: лицомъ ли Опъ стоялъ внутри, а задомъ ко внѣшней сторонѣ? При этомъ вопросѣ если мы смотримъ на то, что обѣтовано и присовокуплено, то скоро находимъ, какъ Опъ стоялъ. Ибо прежде говорится: *на неизе (на горѣ) яко отраженіе града прямо (полудне, и введе мя тамо)*. А чрезъ нѣсколько послѣ о томъ же мужѣ присовокупляется: *тойже стоише у вратъ* (во вратахъ). И тотчасъ же присовокупляется: *и рече ко мнѣ* (тотъ же мужъ).

16. Ибо кто говоритъ Пророку, введенному внутрь зданія, тотъ безъ всякаго сомнѣнія стоялъ лицомъ внутрь, а задомъ ко внѣшней сторонѣ. Но

введенный Пророкъ, которому говорить мужъ стоящій во вратахъ, безъ сомнѣнн былъ обращенъ лицомъ къ воротамъ, изъ которыхъ слышалъ слова горящаго. Итакъ что это значить, что мужъ смотритъ внутрь, а Пророкъ вовнѣ? Что значить, что лице тогоже самаго мужа обращено къ здацню, а взоръ Пророка обращенъ къ воротамъ, если не то, что Едипородный (Сынъ) Отца воплотился для того, чтобы ввести насъ въ духовное зданн, т. е. въ вѣру святой Церкви? Очи Его всегда взираютъ на зданн Его, потому что непрестасмо смотрятъ, сколько кто успѣваетъ въ добродѣтеляхъ. Но Пророкъ смотритъ къ воротамъ; потому что тотъ, кто слышаетъ слова Божн, всегда долженъ устремлять очи сердца на исходъ, и непрестанно помышлять, когда должно вытн изъ настоящей жизни, и достигнуть вѣчныхъ радостей. Такъ какъ для того и воплотился Богъ, чтобы ввести насъ въ вѣру, и возвести до видѣнн лица Его. Поэтому-то и въ святомъ Евангелн Истина утверждаетъ, говоря: *мною аще кто увидетъ, спасется: и увидетъ и изыдетъ, и нажитъ обрящетъ* (Юан. X, 9). *Видетъ* именно въ вѣру, но *изыдетъ* къ видѣнню, а *нажитъ обрящетъ* въ вѣчномъ блаженствѣ. Поэтому-то Псалмопвецъ говоритъ: *Господь сохранитъ вхожденн твое и исходненн твое* (Псал. СХХ, 8). Ибо

Господь хранить всякой души *вхожденіе*, которымъ она вступаетъ въ вѣру, и *исхожденіе*, которымъ она выступаетъ къ видѣнію, такъ что она ни вступая въ Церковь не спотыкается въ заблужденіи, ни исходя изъ этой временной (жизни) въ вѣчную, не похищается отъ врага древняго. Но ради этого-то исхожденія нашего, о которомъ мы должны ежедневно помышлять, Апостоль утверждаетъ объ Искупителѣ нацемъ, говоря: *да осаятима люди Своєю кровію, вни врата пострадати изволимъ. Тъмже убо да исходимъ къ Нему вни стана, поношеніе Его носяще: не имамы бо здѣ пребывающую града, но градуцаю взыскуемъ* (Евр. XIII, 12 — 14). Итакъ явившійся мужъ стоялъ въ воротахъ, и говорилъ въ этомъ положеніи; потому что Посредникъ Бога и человѣковъ Христосъ Исусъ въ самое время даже страданія своего давалъ ученикамъ заповѣди жизни, чтобы тѣ, которые вѣруютъ въ Него, всегда обращали взоры къ воротамъ, и, оцѣнивая тщательнымъ размышленіемъ страданіе Его, не отвращали взоровъ сердца и отъ своего исхода. И мы, когда уже начали презирать преграды плоти, переходить тѣспины нашей смертности стремленіемъ къ безсмертію, стремиться къ свободѣ вышняго свѣта, вздыхать о радостяхъ небеснаго отечества, устремляемъ взоры къ воротамъ; потому что, желая

перейти отъ временныхъ таинствъ къ вѣчнымъ, мы какъ бы спиною обратились уже къ постоянной жизни, и въ своемъ желаніи направили взоръ сердца къ выходу (изъ нея). Поэтому написано: *тѣло тѣмное тягочаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ многопечителенъ* (Прем. Сол. IX, 15). Такимъ образомъ чрезъ созерцаніе мыслию мы уже стремимся во вѣ тѣснотъ плоти, но въ познаваемыхъ таинствахъ мы самую тѣснотою плоти удерживаемся внутри воротъ.

17. Ибо часто душа до того возвышается въ Божественномъ созерцаніи, что она начинаетъ уже радоваться тому, что понимаетъ нѣчто чрезъ нѣкоторое подобіе о той вѣчной свободѣ, которой глазъ не видалъ, и о которой ухо не слыхало (1 Кор. II, 9): но тяжестью своей смертности возвращенная назадъ падаетъ внизъ, и связанная нѣкоторыми узамъ своего наказанія остается на прежнемъ мѣстѣ. Итакъ къ воротамъ стремится тотъ, кто прозрѣваетъ радости своей истинной свободы, желаетъ уже выйти, но еще не можетъ. Поэтому-то Еврейскій народъ, освобожденный отъ Египетскаго рабства, видя гнагопцаго Бога чрезъ столпъ облачный, стоялъ каждый при дверяхъ своей кущи и молился (Исход. XXXIII, 10). О немъ нѣсколько выше говоритъ: *егда вхождаше Моисей въ скинію*

они покая, стояху вси люди смотряще кийждо предъ дверми кущи своя (Тамъ же, ст 8). Ибо мы стоимъ тамъ, гдѣ сосредоточиваемъ взоръ ума. Поэтому Ицѣя говоритъ: *живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, Емуже предстою предъ Нимъ* (3 Цар. XVII, 1). Ибо онъ стоялъ тамъ, гдѣ сосредоточилъ сердце. Что же значить—видѣть народу облачный столпъ, стоять въ дверяхъ своей кущи и молиться, если не то, что человѣческій духъ, когда видитъ какъ нибудь въ гадаціи то высшее и небесное, выходитъ уже чрезъ возвышенное помысленіе за предѣлы тѣлеснаго обитанія, и смиренно молится Тому, Котораго сущности хотя и не можетъ видѣть, однако же дивится чрезъ озареніе Духа могуществу Его? И когда Моисей входитъ въ скинію, тогда народъ видитъ задъ его, и стоитъ при дверяхъ своихъ кущей; потому что, когда какой нибудь святой проповѣдникъ высоко говоритъ о Богѣ, тогда онъ входитъ уже нѣкоторымъ образомъ въ скинію жилища вышняго. Всѣ слабые хотя и не могутъ вполне понять силы его проповѣди, однакоже смотрятъ на него какъ бы сзади, потому что разсудкомъ послѣдуютъ за послѣднимъ изъ того, что выше ихъ разумѣнія. Но и въ самомъ даже маломъ, что они могутъ понять, они уже какъ бы выходятъ изъ кущей своихъ, и становятся въ дверяхъ, но-

тому что усиливается и жилища плоти оставить и достигнуть тѣхъ радостей вѣчной жизни, о которыхъ слышать. Поэтому-то и Илія, когда слушалъ голосъ говорящаго съ нимъ Господа (3 Цар. XIX, 9), представляется стоявшимъ во входѣ своей пещеры, и скрывшимъ лице; потому что, когда благодатію созерцанія слышимъ бываетъ въ умѣ голосъ вышшаго разумѣнія, тогда весь человѣкъ не остается уже внутри пещеры; такъ какъ забота о плоти не преобладаетъ душею, но онъ стоитъ во входѣ, потому что думаетъ выйти изъ тѣспотъ смертности.

18. Но кто уже сталъ во входѣ пещеры, и слухомъ сердца понимаетъ слова Божіи, тому необходимо покрыть лице; потому что, когда мы внешнею благодатію возводимся къ вышнему разумѣнію, тогда чѣмъ выше мы возвышаемся, тѣмъ всегда болѣе должны по смиренію стѣспять самихъ себя въ понятіи о себѣ, дабы не думать о себѣ болѣе, нежели должно думать, но дѣумать о себѣ скромно (Рим. XII, 3); дабы не ошибаться въ то время, когда съ напряженіемъ обещиваемъ невидимое, дабы въ этомъ естествѣ безтѣлесномъ не искать намъ какого либо свѣта тѣлеснаго. Ибо напрячь ухо и покрыть лице значить—слушать умомъ голосъ внутренняго существа, и не смотря на то отвращать взоры сердца отъ всякаго тѣлеснаго вида, дабы душа

не представляла въ томъ чего либо тѣлеснаго, тогда какъ оно вездѣ цѣло и вездѣ неописанно. Итакъ, возлюблѣннѣйшіе братіе, мы, которые уже знаемъ о вѣчныхъ радостяхъ чрѣзъ смерть и воскресеніе нашего Искушителя, и вознесеніе на небо, которые увѣрены, что для свидѣтельства о Божествѣ Его, виѣннимъ образомъ являлись наши сограждане—Его Ангелы, обратимъ сердце наше къ Царю, устремимъ желаніе къ знакомымъ намъ гражданамъ, и стоя въ этомъ зданіи святой Церкви, устремимъ взоры на ворота; станемъ задомъ ума къ этому поврежденію жизни временной; устремимъ лице сердца къ свободѣ небеснаго отечества. Но вотъ есть еще много такого, что принуждастъ насъ заботиться о жизни переходящей. Посляку же рѣшительно вытти не можемъ: то по крайней мѣрѣ станемъ во входѣ нашей пещеры, имѣя намѣреніе нѣбогда благополучно вытти изъ нея благодатию Искушителя нашего, Который живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единеніи со Святымъ Духомъ Богъ, чрѣзъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Въ объясненіи двухъ стиховъ XL главы, именно четвертаго и пятаго, святой учитель обширно разсуждаетъ о дѣятельной и созерцательной жизни, и по обычаю своему привноситъ многія нравственныя наставленія.

1. Дабы кто либо быть можетъ въ тайномъ помыслѣ не укорилъ меня за то, что я рѣшаюсь изъяснять столь глубокія таинства Пророка Іезикииля, раскрытыя великими толкователями, тому надобно знать, съ какимъ намѣреніемъ я это дѣлаю. Ибо я приступаю къ этому не по безразсудству, но по смиренію. Такъ какъ я знаю что по большей части многаго въ священномъ Писаніи одинъ я не могъ понять, а поставленный предъ братіями моими цоялъ. Изъ этого разумѣнія я постарался понять и то, что знаю, за чьи заслуги даровалось мнѣ разумѣніе. Ибо очевидно, что оно дается мнѣ ради тѣхъ, въ присутствіи которыхъ дается. Изъ этого по милости Божіей происходитъ то, что и смыслъ увеличивается, и гордость уменьшается, когда ради васъ я научаюсь тому, чему учу среди васъ; потому что (чистосердечно признаюсь) большею частію я съ вами слушаю то, что говорю. Слѣдовательно,

чего я не пойму въ этомъ Пророкѣ, то будетъ зависѣть отъ моей слѣпоты; а если что могу вѣрно понять, то это будетъ Божественнымъ даромъ вашему благоговѣнію. Но часто по благодати всемогущаго Господа лучше въ словѣ Его разумѣваются нѣкоторыя мѣста, когда слово Божіе читается втайнѣ, и душа, сознающая вины свои, переобсуживая то, что слышитъ, поражается копіемъ скорби, и пронизывается мечомъ сокрушенія, такъ что ей ничто такъ не нравится, какъ плакать, и ручьями слезъ омыывать пятна. Въ эти времена она иногда восхищается къ созерцанію вышнихъ благъ, и по желанію ихъ мучитъ себя пріятнымъ плачемъ. Душа скорбитъ, что остается здѣсь, гдѣ она еще лежитъ поверженная слабостію, а не тамъ еще, гдѣ она озаренная свѣтомъ будетъ имѣть неустающую силу, и уже не будетъ обращать умственнаго взора на мракъ смертности. Отсюда-то, отсюда рождается въ душѣ горячесть, а плачь является отъ горячести. А послѣду она не имѣетъ еще силы прилепиться къ небесному, то утомленная своею горячестію успокоивается въ слезахъ. Но иное значитъ, когда дѣло идетъ объ успѣхѣ одного, иное, — когда оно идетъ объ устройствіи многихъ. Итакъ по слову ученія надобно сказать о томъ, что устраиваетъ жизнь слушающихъ и правы. Итакъ теперь мы въ словахъ

Пророка, какъ началъ, обслѣдуемъ то, что даетъ назиданіе къ изученію доброй дѣятельности.—*Сыне челоавъ, виждь очима твоима, и ушима твоима слыши* (Иезк. XI, 4),

2. Что значитъ, что Пророку, приведенному къ свидѣтельству предметовъ духовныхъ, говорится: *виждь очима*, и присовокупляется—*твоима*, и когда присовокупляется: *ушима слыши*, тогда присовокупляется—*твоима*? Но надобно знать, что глаза и уши тѣлесные есть и у плотскихъ (людей), которые пользуются ими въ употребленіи вещей, видимыхъ тѣлесно. Но очи и уши сердца есть только у (людей) духовныхъ, которые невидимое видятъ чрезъ разумѣніе, и безъ звука слышать хвалу Божию. Этихъ-то ушей всемогущій Господь требовалъ, когда говорилъ: *имъай уши слышати, да слышати* (Лук. VIII, 8). Ибо кто въ ономъ народѣ могъ быть въ то время такой, который не имѣлъ бы ушей тѣлесныхъ? Но послѣду говорится: *имъай уши слышати, да слышати*, то ясно показывается, что Онъ искалъ тѣхъ ушей, которыхъ все не имѣли. Итакъ пусть будетъ сказано: *сыне челоавъ, виждь очима твоима, и ушима слыши*. Но въ первой части нашихъ бесѣдъ мы уже сказали (смотри бесѣд. XII, ч. 21), почему Пророкъ, сколько разъ ни приводится къ видѣнію духовныхъ предметовъ, всегда

называется сыномъ человѣческимъ. Но чтобъ это не выходило изъ памяти, я кратко повторяю, что этимъ названіемъ всегда напоминается ему о слабости, дабы онъ не гордился величіемъ видѣнія. И надобно замѣтить, что выраженія различны — *виждь очима твоима, и ушима твоима слыши*, — и однакожь онъ называется сыномъ человѣческимъ. Но этими словами что ясно внушается ему, если не то, чтобъ онъ на духовное смотрѣть духовно, и, не смотря на то, памятовать о своихъ тѣлесныхъ слабостяхъ.

3. Отъ этого-то зависитъ то, что по большей части кто болѣе возвышается въ созерцаніи, тотъ подвергается и большому искушенію; такъ часто обыкновенно случается съ нѣкоторыми, усѣбно стремящимися къ совершенству, что когда ихъ душу, или объмасть сокрушенію, или созерцанію возвышаетъ выше се самой, тогда тотчасъ слѣдуетъ и искушеніе, дабы она не превозносилась тѣмъ, до чего возвышена. Ибо сокрушеніемъ или созерцаніемъ она возвышается къ Богу, но тяжестью своего искушенія отражается къ самой себѣ, такъ какъ искушеніе должно осаживать, чтобы созерцаніе не надмевало; и взаимно созерцаніе должно возвышать, чтобъ искушеніе не погружало. Ибо, если бы созерцаніе возвышало такъ, что рѣшительно не бы-

ло бы искушенія, то душа могла бы падать въ гордость. И если бы искушеніе тяготило такъ, что созерцаніе не могло бы возвышать, то она могла бы падать въ преступленіе. Но по дивному распорядженію душа держится въ равновѣсіи на нѣкоторой срединѣ, такъ что она ни добрыми дѣлами не можетъ гордиться, ни падать въ злѣя. Поэтому и чрезъ блаженнаго Іова о Господѣ говорится: *воду мѣру сотворилъ* (Іов. XXVIII, 25). Потому что Богу опредѣлить мѣрою воды значить блюсти въ смиреніи сознаніе души между счастіемъ, и несчастіемъ, между дарованіями и искушеніями, между высокою и низомъ. Такъ Ілія призвалъ огонь съ неба, пролилъ воды съ неба, и не смотря на то, устрашенный неистовствомъ одной женщины бѣгалъ по пустынямъ (3 Цар. XVIII, 38. XVII, 1. XIX, 3). Бѣгающему является Ангель, доставляетъ пищу, потому что предсказываетъ, что останется еще долгій путь, и не смотря на то, не истребляетъ въ сердцѣ страха (3 Цар. XIX, 7, 8), потому что въ душѣ Пророка эта слабость страха была великою стражею мужества.—Далѣе слѣдуетъ: *учини въ сердце твоемъ вся, елика Азъ показую тебѣ, зане того ради вшелъ еси сѣмо, да покажу тебѣ, и покажеша ты вся, елика видими, дому Израилеву* (Іезик. XI, 4).

4. *Учини въ сердцѣ твоёмъ.* Какъ бы сказано было такъ — размысли. *Зане того ради вшелъ еси сѣмо, да покажу тебѣ, и покажесии ты вся.* То есть, ты введенъ сюда для того, чтобы видѣть, а видишь для того, чтобы возвѣстить; потому что кто чрезъ видѣніе усиѣваетъ въ духовныхъ дѣлахъ, тотъ обязывается словомъ проповѣдывать о нихъ и другимъ. Потому что видить для того, чтобы проповѣдывать, тотъ, кто заботится чрезъ проповѣдь спосиѣнствовать ближнему преусиѣвать въ томъ, въ чемъ преусиѣваетъ самъ. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ написано: *слышай да глаголетъ: прииди* (Апок. XXII, 17). Ибо кому уже гласить въ сердцѣ голюсь призывающаго Бога, тому необходимо въ голосѣ выразить обязанность проповѣданія ближнимъ; и другаго призывать онъ обязанъ потому, что самъ уже призванъ. Поэтому и женихъ въ пѣсни пѣсеней желаетъ, говоря: *судяй (судница) въ вертоградѣхъ, и друзи внемлющии гласу твоему: гласъ твой оуши мнѣ* (Пѣсп. пѣсп. VIII, 13). Ибо въ вертоградахъ обитаетъ святая Церковь, въ вертоградахъ живетъ и каждая душа, которая уже зеленѣетъ надеждою, и полна любовію добрыхъ дѣлъ. Потому что суха надежда вѣка сего, такъ какъ все, что бываетъ здѣсь любимо, скоро засыхаетъ; и Апостоль Петръ увѣщаетъ насъ поспѣшать, говоря:

въ наглядіе неслышно и нескверно и неуязвимо (1 Петр. I, 4). Итакъ обитающая въ вертоградѣхъ обязана дѣлать слышимымъ свой голосъ жениху своему, т. е. пѣть пѣснь добраго проповѣданія, которою улаждается Тотъ, Кого она желаетъ; потому что ея (пѣсню) улаждаются други, именно все избранцы, которые желаютъ слышать слова жизни, чтобъ получить новую жизнь для небеснаго отечества. Но пусть уже Пророкъ откроетъ намъ то, что видитъ. Далѣе слѣдуетъ: *и се ограда вѣнуду окрестъ храма* (Іезик. XL, 5).

Б. Въ священномъ Писаніи большею частію стѣною (оградою) обыкновенно называется самъ воюющій Господь по причинѣ крѣпости своей защиты, такъ какъ о святой Церкви чрезъ Пророка говорится: *спасеніе положитъ намъ стѣну, и огражденіе* (Ис. XXVI, 1). Ибо стѣною для насъ служить Самъ Опъ, Который со всехъ сторонъ окружаетъ насъ храненіемъ. А огражденіемъ (валомъ) стѣны нашей были Пророки, которые прежде нежели Господь явился во плоти, были посланы на устроеніе вѣры пророчествомъ. Итакъ въ святой Церкви Господь для насъ стѣна, а Пророки Его—огражденіе (валъ); потому что до насъ, которыхъ рѣшительно оградилъ Опъ Самъ, доходили и слова Пророковъ въ устроеніи вѣры. Поэтому и

хорошо упоминается прежде о стѣпѣ, а послѣ объ огражденіи. Потому что мы, призванные изъ язычниковъ, если бы прежде не признали Господа, не приняли бы изреченій Пророковъ Его. И замѣчательно, что Онъ называется виѣшнею стѣною духовнаго зданія. Потому что стѣна, устрояемая для укрѣпленія зданія, обыкновенно устроится не внутри, но внѣ его. Итакъ что была за необходимость говорить *въ уду* (совнѣ), — когда обыкновенно стѣна никогда не строится внутри? Потому что необходимо, чтобъ она, устроенная совнѣ, защищала то, что внутри ея. Но въ этомъ словѣ что ясно открывается, если не самое Господне воплощеніе? Ибо внутреннею стѣною служить для насъ Богъ, а стѣною виѣшнею—Бого-человѣкъ. Поэтому чрезъ нѣкотораго Пророка Ему говорится: *изшелъ еси во спасеніе людей Твоихъ, спасти помазанныя твоя* (Аввак. III, 13). Ибо та воплощенная стѣна,—именно Господь, — не была бы для насъ стѣною, если бы не была виѣшнею; потому что изнутри Онъ не сталъ бы защищать насъ, если бы не явился вовнѣ. Но не надобно оставлять безъ вниманія и того, что объ этой же стѣнѣ говорится, что она устроена *окрестъ храма* (кругомъ со всѣхъ сторонъ зданія). Потому что храмъ Божій (зданіе Божіе) составляютъ не только Ангелы Божіи, о которыхъ

Псалмопѣвецъ говоритъ: *Господи, возлюбихъ благо-
любїе дому твоего, и мѣсто селенїя славы твоея*
(Псал. XXV, 8), по и мы, которыхъ души Онъ удо-
стоиваетъ вселенїя (Своего). И эта стѣна со всѣхъ
сторонъ вокругъ дома (зданїя), потому что Едино-
родный (Сынъ) Отца, Который горѣ есть крѣпость
Ангеловъ, Самъ содѣлался внизу искупленїемъ лю-
дей. Для тѣхъ служить Онъ сплю, чтобъ они не
падали, для насъ—помощю, чтобы мы вставали
послѣ паденїя.

6. Если же въ этомъ мѣстѣ здапемъ Божиимъ
означается только множество искупленныхъ людей: то
Господь для насъ служить стѣною кругомъ со всѣхъ
сторонъ; потому что для совершеннаго храненїя
насъ Онъ все то исполнить, чему научить, какъ
написано: *начатъ Иисусъ творити же и учити*
(Дѣян. I, 1). Послѣ же Онъ пришелъ призвать
насъ къ небесному отечеству: то именно научилъ
насъ презирать блага преходящїя, и не страшиться
временныхъ несчастїй. Поэтому Онъ не отвращался
отъ поношенїй, терпѣлъ обиды, не страшился
смерти, не бѣгалъ отъ крестной висѣлицы; а когда
хотѣли было взять Его, и поставить Царемъ, тог-
да тотчасъ скрылся (Іоан. VI, 15). Этими примѣ-
рами что другое внушалъ Онъ намъ, если не то,
что мы не должны ни бояться несчастїй сего мїра,

ни домогаться счастья? Потому что большею частию блага его болѣе безнокоятъ душу, пещели возмущаютъ несчастія. Предъ страданіемъ же своимъ Онъ слышалъ поношенія, однако же не отвѣчалъ на нихъ поношеніями; долго молча терпѣлъ своего предателя, и не отвратилъ отъ него ланины для льстиваго лобзанія; принялъ смерть, чтобы мы не боялись смерти; явилъ воскресеніе, чтобы мы вѣровали возможности нашего воскресенія. И послѣ страданія своего Онъ призвалъ къ благодати вѣры избѣхъ, которые распяли Его, воздалъ дарованіемъ за печестіе. Итакъ кто примѣромъ своимъ научилъ насъ всему, Тотъ содѣлался для насъ стѣною, окружающею со всѣхъ сторонъ. — Далѣе слѣдуетъ: *и въ руку мужа мѣры тростяна шести лакотъ въ лакотъ шестодланнѣй* (а).

7. Въ предыдущей бесѣдѣ (подъ числ. 14) мы уже сказали, что тростию означается св. Писаніе. Она называется тростию мѣры; потому что имъ (Писаніемъ) мы измѣряемъ всякое дѣйствіе нашей жизни, чтобъ именно видѣть или то, на сколько мы

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *et in manu viri calamus mensurae sex cubitorum et palmo*, т. е. *и въ руку мужа трость мѣры въ шесть лакотъ и пядю*. Къ этому смыслу приспособлено объясненіе Святителя.

преуспѣваемъ въ совершенствѣ, или то, на сколько мы отстоимъ отъ совершенства. Ибо часто мы, дѣлая что либо, думаемъ, будто имѣемъ нѣкоторую заслугу; но обращаясь къ словамъ Божиимъ, мы слышимъ вышнія заповѣди, изъ которыхъ познаемъ, сколько недостатка мы имѣемъ для совершенства. Итакъ трость служитъ мѣрою; потому что рукою пишущихъ измѣряется жизнь слушателей. Объ этой трости говорится, что она въ рукѣ мужа, или потому, что священное Писаніе находится во власти Посредника Бога и человѣковъ, человѣка Христа Иисуса, или вѣрше потому, что Онъ на дѣлѣ исполнилъ то, чему благовоилъ быть написаннымъ. Но эта самая трость шести локотъ съ пядію. Ибо двѣ жизни, въ которыхъ всемогущій Богъ учить людей чрезъ священное Писаніе, именно—дѣятельная и созерцательная. И чрезъ шесть локотъ что другое выражается, если не жизнь дѣятельная? Ибо въ шестой день Богъ окончилъ все дѣла свои (Быт. II, 1). А пядень, о которой говорится сверхъ шести локотъ, переходитъ уже на седьмой, но однако же не составляетъ локти. Итакъ дѣятельная жизнь означается шестью локтями, а созерцательная — пядію; потому что ту мы на дѣлѣ провоздаемъ, а этой даже тогда, когда успиваемся, едва нѣкоторую малость можемъ достигнуть.

8. Ибо дѣятельная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы дать хлѣбъ алчущему, научить незнающаго слову премудрости, исправить согрѣшающаго, обратитъ гордящагося ближняго къ жизни смиренія, понести о слабомъ. Все это должно дѣлать каждому порознь, и предусматривать, какъ можно тоже дѣлать намъ сообща. Но жизнь созерцательная состоитъ въ томъ, чтобы хотя всю душою удерживать Божественную любовь къ ближнему, но отъ внѣшней дѣятельности уснокосваться, прилепиться къ одному желанію Создателя такъ, чтобы уже ничего не дѣлать, но, отвергнувъ все заботы, душа должна горѣть желаніемъ видѣнія лица своего Создателя такъ, что уже умѣла бы со скорбію носить тяжесть поврежденной плоти, всесильно желать присутвія среди опыхъ цѣлнословящихъ ликовъ Ангельскихъ, присоединиться къ небеснымъ гражданамъ, радоваться небесному цетлѣнію въ лицезрѣніи Бога. И такъ въ плѣдени протягиваются рука и пальцы. Но мало нѣчто изъ мѣры локтя достается на пядень; потому что, какою бы любовію ни пламенѣла душа, съ какою бы сплюю въ помысленіи ни стремилась къ Богу, она еще не можетъ совершенно видѣть то, что любить, но только начинать видѣть любимое, такъ какъ мужественнѣйшій проповѣдникъ говоритъ: *видимъ нынѣ якоже зер-*

цаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12), и — нынѣ разумью отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ (тамъ же). Итакъ седьмого локтя мы касаемся видію; потому что, находясь въ этой жизни, мы предвкушаемъ только начала внутренняго созерцанія. Ибо трость имѣетъ шесть локтей потому, что дѣятельная жизнь можетъ быть проводима въ полномъ совершенствѣ, и потому, что въ шестой день созданъ человекъ (Быт. I, 27), который долженъ творить добрыя дѣла.

9. Ту и другую изъ этихъ жизней хорошо выразили извѣстныя двѣ женщины, т. е. Марѳа и Марія (Лук. X, 40), изъ коихъ одна много заботилась объ угощеніи, а другая спѣла у ногъ Господа, и слушала слова изъ устъ Его. И когда Марѳа стала жаловаться на сестру, что она не хочетъ помочь, тогда Господь отвѣчалъ, говоря: *Марѳа, ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно. Марія же избрала благу (а) часть, которая не отнимется у ней* (Тамъ же, ст. 41.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ слова-*благу часть* читаются такъ: *optimam partem*, т. е. самую лучшую часть. Это выраженіе у Святителя имѣетъ особенное значеніе въ его изъясненіи.

42). Вотъ часть Маромъ не охуждается, но часть Маріи одобряется. Ибо Онъ не говоритъ, что Маріи избрала *благую, но самую лучшую часть*, дабы показать, что и часть Маромъ есть благая. Но почему часть Маріи есть самая лучшая присовокупляется даѣе, когда говорится: *которая не отнимается у ней*. Ибо дѣятельная жизнь прекращается съ тѣломъ. Кто можетъ даровать хлѣбъ алчущему въ вѣчномъ отечествѣ, гдѣ нѣтъ никого алчущаго? Кто подастъ пить жаждущему, гдѣ никто не жаждетъ? Кто похоронитъ мертваго, гдѣ никто не умираетъ? Итакъ жизнь дѣятельная отнимается съ настоящимъ мѣкомъ; но созерцательная здѣсь начинается, чтобы восходить къ совершенству въ небесномъ отечествѣ; потому что огонь любви, который начинаетъ горѣть здѣсь, когда будетъ видѣнъ Тотъ, Кого любить, еще болѣе разгорится въ любви къ Нему. Итакъ созерцательная жизнь не отнимается, потому что по уничтоженіи свѣта настоящаго вѣка усовершается.

10. Эти обѣ жизни, какъ и прежде насъ сказапо (а), предобразовали двѣ жены блаженнаго Іакова, именно Лія и Рахиль (Быт. XXIX, 16). Потому что Лія значить многотрудная, а Рахиль—овца, или видѣнное начало. Но дѣятельная жизнь

а) *Augustin. lib. XXII, contra Faustum c. 53. 55.*

многотрудна, потому что продииваетъ ночь на дѣлѣ; а созерцательная просто домогается видѣнія начала, именно Того, Кто говоритъ: *Я нахметокъ, яко и малою вамъ* (Иоан. VIII, 25). Но блаженный Иаковъ хотя желалъ Рахили, но ночью получилъ .Лію; потому что всякой, обращающійся къ Господу, желаетъ жизни созерцательной, домогается покоя вѣчнаго отечества; но прежде ему необходимо потрудиться въ почи настоящей жизни въ дѣланіи добра, которое можетъ, попотѣть въ трудѣ, т. е. взять .Лію, чтобы постѣ для видѣнія начала успокоиться въ объятіяхъ Рахили. Но Рахиль была видящая, а безплодная; .Лія же гнойноглазая, но плодовитая; Рахиль красавица и безплодна, потому что созерцательная жизнь въ душѣ красива, но, желая покоиться въ молчаніи, не раждаетъ дѣтей проновѣдію. Видитъ и нераждаетъ; потому что, любя занятіе своимъ носомъ, не воспламеняется къ собранію другихъ; и сколько видитъ внутри, не можетъ чрезъ проновѣдь открыть другимъ. Но .Лія гнойноглазая и плодовитая; потому что дѣятельная жизнь, занимаясь дѣланіемъ, менѣе видитъ, но воспламеняя ближнихъ къ подражанію ея то словомъ, то примѣромъ, раждаетъ много дѣтей въ добромъ дѣланіи. И хотя не можетъ напрягать ума въ созерцаніи, однако же чрезъ вышнее дѣланіе можетъ

раждать послѣдователей. Итакъ справедливо въ мѣрѣ трости сперва говорится о шести локтяхъ, а послѣ о пядени; потому что прежде проводится дѣятельная, чтобы послѣ достигнуть созерцательной.

11. Но надобно знать, что какъ добрый порядокъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы стремиться отъ дѣятельной жизни къ созерцательной, такъ болѣею частію съ пользою душа возвращается отъ созерцательной къ дѣятельной, чтобы чрезъ то, чѣмъ воспламенить умъ созерцательная, совершеннѣе была проводима дѣятельная. Итакъ дѣятельная жизнь должна преносыть насъ къ созерцательной, а иногда изъ того, что умомъ узрѣли мы внутри, созерцательная должна возвращать къ дѣятельной. Почему тотъ же Иаковъ послѣ объятій Рахили возвратился къ Лиз, потому что и послѣ видѣннаго начала не должна быть рѣшительно оставляема много трудная жизнь добраго дѣланія.

12. Но въ созерцательной жизни есть великое напряженіе ума, когда онъ возвышается къ небесному, когда душа напрягается къ предметамъ духовнымъ, когда успивается стать выше всего, что кажется тѣлеснымъ, когда стѣсняется для того, чтобы расширяться. И хотя иногда пренобѣждаетъ она, и становится выше борющагося съ нею мра-

ка слѣпоты ея такъ, что украдкою и тонко касает-
ся нѣкоторымъ образомъ неописаннаго свѣта: но
тотчасъ отраженная возвращается къ самой себѣ,
и отъ того свѣта, къ которому перешла пенуская
дыханіе, возвращается къ мраку слѣпоты своей вби-
рая дыханіе. Это хорошо объявляетъ священная
исторія, которая повѣствуетъ о борьбѣ блаженна-
го Иакова съ Ангеломъ. Ибо когда оцъ возвращался
къ своимъ родителямъ, тогда на пути встрѣтился съ
Ангеломъ, съ которымъ имѣлъ великое препиратель-
ство въ борьбѣ (Быт. XXXII, 24). Ибо тотъ, кто
борется, иногда преодолеваетъ, а иногда бываетъ
преодолеваемъ тѣмъ, съ кѣмъ препирается. Итакъ
Ангель означаетъ Господа, а Иаковъ во время борь-
бы съ Ангеломъ изображаетъ душу каждаго совер-
шеннаго мужа и находящагося въ созерцаніи. Эта
именно душа, когда усиливается созерцать Бога, бу-
дучи поставлена какъ бы въ нѣкоторую борьбу,
иногда какъ бы преодолеваетъ, потому что разумѣ-
ніемъ и чувствованіемъ вкушаетъ нѣчто отъ не-
описаннаго свѣта, а иногда падаетъ, потому что и
отъ привкушенія опять устааетъ. Итакъ какъ бы
препобѣждаемъ бываетъ Ангель, когда внутреннимъ
разумѣніемъ постигается Богъ.

13. Но надобно замѣтить, что тотъ же побѣ-
жденный Ангель прикоснулся къ нерву стегна Иако-

ва, и тотчасъ сдѣлать его изсохшимъ, и съ этого времени Іаковъ хромаѣтъ на одну ногу; потому что всемогущій Богъ, когда бываетъ познаваемъ желаніемъ и разумомъ, изсушаетъ въ насъ всякую похоть плоти. И мы, которые прежде, опираясь какъ бы на двѣ ноги, казались и стремящимися къ Богу, и придерживающимся міра, послѣ познанія сладости Божественной остаемся съ одною ногою здоровою, а другою хромающею; потому что необходимо по ослабленіи любви къ міру должна усилиться въ насъ одна любовь къ Богу. Итакъ, если мы удерживаемъ Ангела, то одною ногою храмлемъ; потому что, когда возрастаетъ въ насъ сила любви вутрепней, тогда безъ сомнѣнія ослабѣваетъ сила плоти. Потому что всякой, кто храмлетъ на одну ногу, опирается на ту ногу, которая здорова; подобно сему, у кого земное пожеланіе будетъ уже изсушено, тотъ всею силою будетъ опираться на одну ногу любви къ Богу. И на ней онъ стоитъ, потому что ногу любви къ міру, которую обыкновенно ставилъ на землю, держитъ уже вислицею надъ землею. Такъ и мы, если возвращаемся къ своимъ родителямъ, т. е. къ духовнымъ отцамъ, на пути должны удерживать Ангела, чтобы со внутреннею пріятностію имѣть понятіе о Богѣ. Ибо весьма пріятна сладость со-

зерцательной жизни, которая восхищает душу выше ея самой, открываетъ небесное, земное же представляетъ стоящимъ презрѣнiя, и взорамъ ума открываетъ духовное, сокрывая отъ нихъ тѣлесное. Поэтому хорошо Церковь въ Иѣсени пѣсней говоритъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Иѣсн. пѣсн. V, 2). Ибо спать съ бдительнымъ сердцемъ потому, что чрезъ внутреннiй уснѣхъ созерцанiя усноковывается отъ безнокойнаго внѣшняго дѣлапiя.

14. Но между тѣмъ надобно знать, что доколѣ живутъ (люди) въ этой смертной плоти, доколѣ никто (изъ нихъ) не усовершенается въ добродѣтели созерцанiя такъ, чтобы могъ пристально смотрѣть умомъ уже на самый неописанный лучъ свѣта. Ибо всемогущiй Богъ не бываетъ видѣнъ уже въ славѣ своей, но душа видитъ нѣчто подъ нею (славою); освѣщенная этимъ (видѣнiемъ) дѣлаетъ дальнѣйшее преспѣянiе, и послѣ достигаетъ славы видѣнiя Его. Ибо такъ Исаиа, когда признавался, что онъ видѣлъ Господа, говоря: *бысть въ мѣсто, въ неже умре Озiа Царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, тотчасъ присовокупилъ: и то, что было подъ нимъ, наполняло храмъ* (Ис. VI, 1) (а). Когда умираетъ Озiа, царь гордый

а) Последняя половина текста есть буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ она читается такъ:

и тщеславій, тогда дѣлается видимымъ Господь; потому что когда желаніемъ души умерщвляется гордость міра сего, тогда самая душа созерцаетъ славу Божию. И замѣчательно, что Господь сидитъ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ (возвышенномъ). Ибо что значитъ престолъ Его, если не природа Ангельская и человѣческая, на которой Онъ присутствуетъ чрезъ дарованный Имъ разумъ? Онъ называется престоломъ именно высокимъ и превознесеннымъ; потому что и природа человѣческая, возвышенная до славы небесной, преусиѣваетъ, и природа Ангельская, когда при паденіи многихъ духовъ уже утверждена такъ на небѣ, чтобы не падать, оттуда возвышена, откуда и укрѣплена. Но храмъ Его тоже значитъ, что и престолъ; потому что вѣчный Царь обитаетъ тамъ, гдѣ сидитъ. Итакъ мы храмъ Его, въ душахъ которыхъ благоволитъ Онъ обитать. Но храмъ наполняло то, что было подъ Нимъ; потому что, что только бываетъ видимо отъ Него, не есть Онъ Самъ, но то, что подъ Нимъ. Такъ Іаковъ видѣлъ Ангела, и повѣдалъ, что онъ видѣлъ Господа (Быт. XXXII, 30); потому что когда мы видимъ служителей Его, тогда уже

et ea, quae sub eo erant, implebant templum. Его необходимо требуетъ дальнѣйшее объясненіе Святителя.

много значить то, что возвышаемся выше самихъ себя. Но надобно замѣтить, что говорится: *наполняю храмъ*; потому что, хотя является Ангель, однако же вполне удовлетворить желанію слабой души, такъ что, если она не можетъ еще (достигнуть) большого, то двинется уже меньшему, которое видить. И такъ то, что подъ Нимъ, наполняетъ храмъ; потому что, какъ сказано, когда душа и преуслѣвуетъ въ созерцаціи, созерцаетъ не то еще, что Онъ есть; но то, что подъ Нимъ. Въ этомъ именно созерцаціи достигается сладость внутренняго покоя. Поелику этого покоя достигается какъ бы часть нѣкая, а совершеннаго покоя въ настоящее время достигнуть нельзя: то справедливо въ Апокалипсисѣ написано: *бысть безмолвіе на небеси яко полъ часа* (Апок. VIII, 1). Небо есть душа Пророка, какъ говоритъ Господь чрезъ Пророка: *небо престоль Мой* (Ис. LXVI, 1). II: *небеса повѣдаютъ славу Божию* (Псал. XVIII, 1). И такъ когда въ душѣ водворяется покой созерцательной жизни, тогда бываетъ на небѣ безмолвіе; потому что шумъ земныхъ дѣлъ затихаетъ отъ помысленія такъ, что душа прилагаетъ ухо ко внутренней тайнѣ. Но поелику сей покой души въ настоящей жизни не можетъ быть совершеннымъ; то не говорится, что безмолвіе на небѣ продолжалось цѣлый часъ, но

яко полъ часа, такъ что и полчаса, кажется, не полные, когда впереди поставлено *яко*; потому что тотчасъ какъ только душа начнетъ возвышаться, и озаряться свѣтомъ внутренняго покоя, при скоро возвращающемся шумѣ помысловъ она конфузится сама въ себѣ, и сконфуженная лишается свѣта. Итакъ созерцательная жизнь, которая тамъ (въ Апокалипсисѣ) называется какъ бы полчаса, у Пророка Іезикииля называется не локтемъ, но пядью. Вотъ, возлюбленнѣише братіе, желая уяснить причины той и другой жизни, мы черезъ чуръ обширно побесѣдовали. Но для добрыхъ душъ, которымъ любезна для проведенія та и другая жизнь, не должно быть утомительно объ этомъ слушать. — Далѣе слѣдуетъ: *и измѣри предстѣніе ширину равно трости, и высоту его равно трости* (Іезик. XL, 5).

15. Всемогущій Богъ, Который ни отъ великаго не расширяется, ни малымъ не стѣсняется, говоритъ о всей въ совокупности Церкви такъ, какъ бы говорить объ одной душѣ. И часто, что Имъ говорится объ одной душѣ, то безпрятственно можно разумѣть о всей Церкви въ совокупности. Итакъ широта зданія относится къ любви, о которой Псалмопѣвецъ говоритъ: *широка заповѣдь твоя зѣло* (Псал. СХVIII, 96). Но нѣтъ ничего обширнѣе, какъ принять всѣхъ на лоно любви, и не имѣть

никакихъ тѣспотъ непаивсти. Потому что любовь такъ широка, что въ широту своего расположенія можетъ принимать даже враговъ. Поэтому и запо-вѣдуются: *любите враги вашихъ, добро творите ненавидящимъ васъ* (Лук. VI, 27). Но памъ надобно размыслить и о томъ, что широта простирается по равности, а высота вверхъ. Итакъ широта относится къ любви ближняго, а высота къ благоговенію предъ Создателемъ. Но широта и высота зданія измѣряется одною тростию, потому именно, что каждая душа, сколько будетъ широка въ любви къ ближнему, столько и высока будетъ въ познаніи Бога. Ибо когда она распространяется вокругъ себя любовію, тогда поднимается вверхъ познаниемъ; и бывасть возвышена выше самой себя на столько, на сколько простирается около себя любовію къ ближнему. А поелику зданіе, обитаемое Богомъ, устрояется изъ Ангельской и вмѣстѣ человѣческой природы: то потому, что Ангельская природа вверху, а человѣческая еще на низу, можно разумѣть подъ широтою и высотой ту и другую природу; потому что эта (последняя) живетъ еще на низу, а та пребываетъ въ горнихъ (селеніяхъ). Но та и другая измѣряется одною тростию; потому что уничиженіе людей ведется къ равенству съ Ангелами. Поэтому написано: *ни желятся, ни посяаютъ,*

но яко Ангели Божіи на небеси суть (Мат. XXII, 30). И поэтому чрезъ Іоанна говорится: *въ міру чело-вѣческу, яже естъ Ангела* (Апок. XXI, 17). Потому что человекъ возводится даже на ту высоту славы, на которой только Ангелы радуются. Итакъ широта зданія такая же, какаѣ и высота; потому что все избранныя, которые только подвизаются на землѣ, нѣкогда равны будутъ онымъ блаженнѣйшимъ духамъ.

Но мы между тѣмъ обратимся къ душѣ, и всемъ сердцемъ искренно возлюбимъ Бога и ближняго. Разширимся въ дѣйствіи любви, чтобы возвыситься на высоту славы. Будемъ сострадательны по любви къ ближнему, чтобы соединиться чрезъ познаніе съ Богомъ. Будемъ уничижать себя на землѣ до меньшей братіи, чтобы на небѣ имѣть равенство съ Ангелами; потому что мужъ, который своимъ подобіемъ указываетъ на Искушителя, измѣрилъ широту зданія одною тростію, и высоту тоже одною тростію. Итакъ пылъ измѣряетъ нравы, об-суживаетъ дѣла, прозираетъ помысленія, чтобы послѣ дать безконечное возданіе, Іисусъ Христосъ, Единородный (Сынъ) Отца, Который съ Нимъ живетъ и царствуетъ въ единеніи со Святимъ Духомъ, чрезъ все вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТІЯ.

Въ объясненіи трехъ стиховъ преимущественно описывается зданіе Церкви, устроенное изъ всѣхъ Праведниковъ обоихъ Завѣтовъ.

1. Описывается мужъ, у котораго въ рукѣ трость мѣрительная. *И вииде во врата зрящая на востокъ* (Езек. XL, 6). Но кто другой означается наименованіемъ сихъ вратъ, если не Самъ Господь и Искупитель нашъ, Который содѣлался для насъ дверію въ царство небесное? Такъ какъ Онъ Самъ говоритъ: *никтоже прїидеть ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV, 6). Но когда мы сказали, что тотъ же самый мужъ, съ мѣрительными инструментами, представляетъ образъ Господа: то намъ надобно спросить, какимъ образомъ согласить, чтобъ одинъ и тотъ же Господь могъ быть означаемъ, и чрезъ мужа, и чрезъ врата, тогда какъ мужъ входитъ во врата? Уже ли же онъ входитъ въ себя Самаго?—Точно такъ; потому что и въ Евангеліи Онъ Самъ свидѣтельствуеть, говоря: *не входяи дверми во дворъ овчій, но прелазя ииудъ, той татъ есть и разбойникъ: а входяи дверми пастырь есть овцамъ* (Іоан. X, 1. 2). А чрезъ нѣсколько послѣ говоритъ: *Азъ есмь дверь* (Тамъ же, ст. 9). И еще

присовокупляеть: *Азъ есмь пастырь добрый* (Тамъ же, ст. 14). Итакъ, если пастырь входитъ чрезъ дверь, а дверь—Онъ Самъ, Самъ пастырь: то безъ сомнѣнiя Онъ входитъ чрезъ Себя Самаго. Вотъ, желая объяснить смыслъ Иезикииля, мы присоединяемъ къ нему и вопросъ изъ Евангелiя. Итакъ намъ надобно спросить, какимъ образомъ и Самъ Онъ входитъ, и чрезъ Себя Самаго входитъ? Ибо Господь и Искушитель нашъ со святою Церковiю, которую искушилъ, по плоти едно существо, по свидѣтельству Павла, который говоритъ: *испомяю лишенiе скорбей Христовыхъ во плоти моей за тѣло Ею, еже есть Церковь* (Колос. I, 24). Этой главѣ своей радуется тѣло, то есть, святая Церковь, когда чрезъ Псалмопѣвца говоритъ: *и нынѣ се вознесе главу мою на враги моя* (Псал. XXVI, 6). Такъ какъ нынѣ когда должна быть вознесена и сама она: то нынѣ уже радуется главѣ своей, вознесенной на небѣ надъ врагами ея. Итакъ, когда всѣ избранные переходятъ къ жизни; то потому, что члены Его чрезъ Него входятъ къ Нему, Онъ Самъ чрезъ Себя входитъ къ Себѣ. Ибо Самъ Онъ есть Тотъ, Который въ членахъ своихъ входитъ, Самъ глава, къ которой входящiе члены приходятъ. Это многообразно внушаетъ Пророкъ Иезикииль, который говоритъ, что мужъ пришелъ къ воротамъ, и показываесть,

что значать эти ворота, говоря: *зрящая на востокъ* (къ пути восточному). Ибо путь для насъ есть Самъ Тотъ, Кто сказалъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Иоан. XIV, 6). Самъ Онъ и восточный путь, о которомъ написано: *се мужъ, востокъ имя Ему* (Захар. VI, 12). Итакъ ворота обращены къ востоку, потому что означаютъ Того, Кто проложилъ намъ путь къ восхожденію свѣта.

2. Можно разумѣть подъ именемъ воротъ и всякаго проновѣдника; потому что, кто своими устами отверзаетъ намъ дверь въ царство небесное, тотъ служитъ воротами. Поэтому и двѣнадцать воротъ описываются, какъ въ Апокалипсисѣ Іоанна (XXII, 21), такъ и въ послѣднемъ видѣніи сего Пророка. Не не прилично еще разумѣть подъ именемъ воротъ знаніе Св. Писанія, которое, открывая намъ смыслъ, отверзаетъ дверь въ царство небесное. Можемъ разумѣть подъ именемъ воротъ даже вѣру, которую приписываемъ мы первою, чтобы взойти въ зданія добродѣтелей. Поэтому здѣсь ясно присовокупляется: *и возшелъ черезъ ступени ихъ* (воротъ) (Іезіе. XI, 6) (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et ascendit per gradus ejus (portae)*. Въ Славянскомъ переводѣ эта мысль слита съ предыдущею, и выражена такъ: *и сниде во врата зряща на востокъ седмю степенми*.

3. Ибо что значатъ ступени сихъ воротъ, если не заслуги добродѣтелей? Ибо, въ познаніи ли Посредника Бога и челоуѣковъ, челоуѣка Іисуса Христа, въ знаніи ли Божественнаго Слова, даже въ самой вѣрѣ, которую мы принимаемъ, мы восходимъ по степенямъ къ высшимъ приращеніямъ. Ибо никто вдругъ не бываетъ совершеннымъ, но въ добромъ житіи всякой начинаетъ съ меньшаго, чтобы восходить къ великому. Объ этихъ степеняхъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *Богъ въ степеняхъ ея* (Церкви) *будетъ познаваемъ, когда будетъ принимать ее* (а) (Псал. XLVII, 4). Ибо когда Господь принимаетъ святуу Церковь, тогда познается въ степеняхъ ея, потому что слава Его проявляется чрезъ ея приращенія. Ибо на сколько святая Церковь успѣетъ въ возвышенія, на столько Богъ дѣлается вѣдомымъ для людей въ силахъ Его. И объ этихъ степеняхъ блаженный Іовъ говоритъ: *чрезъ ось отдѣльные степени мои возыщу Его* (Іов. XXXI,

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *Deus in gradibus eius dignoscetur, dum suscipiet eam*. Славянскій переводъ: *Богъ въ степенехъ сво знаемъ естъ, егда заступаетъ и*, и русскій: *Богъ въ чертогахъ Его знаемъ, какъ земитникъ, показались не сдѣланными съ объясненіемъ Святыяго*.

37). (а). Потому что всемогущаго Господа чрезъ всѣ свои отдѣльныя степени возвѣщаетъ тотъ, кто чрезъ приумноженія добродѣтелей, которыя онъ пріемлетъ, всегда воздастъ славу своего благоговѣнія. Если бы не было степеней въ восхожденіи сердечномъ, то Псалмопѣвецъ не сталъ бы говорить: *пойдутъ отъ силы въ силу* (Псал. LXXXIII, 8).

4. Не дивно, если есть степени отъ силы въ силу, когда каждая отдѣльная сила приумножается какъ бы нѣкоторыми степенями, и такимъ образомъ чрезъ приумноженія заслугъ возводится къ высшему. Ибо иное значать начала добродѣтели, иное усилѣхъ (въ ней), иное совершенство. Ибо, если бы самая вѣра не была возводима къ совершенству своему чрезъ нѣкоторые степени; то святыя Апостолы не стали бы говорить: *приложи намъ вѣру* (Лук. XVII, 5). И къ Иисусу приходитъ нѣкто, который желалъ изцѣленія сына своего, но вопрошенный о томъ, вѣруетъ ли онъ, отвѣтствуетъ: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX, 24). Прошу обсудить то, что говорится. Если онъ вѣрвалъ, то почему называлъ (свою вѣру) невѣріемъ?

а) Опять буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *per singulos gradus meos pronuncabo illum.*

А если онъ сознавалъ, что имѣеть невѣріе, то ка-кимъ образомъ вѣровалъ? Но послѣдку вѣра чрезъ сокровенное вдохновеніе благодати растетъ по сте-пенямъ заслугъ своихъ: то въ одно и тоже время тотъ, кто еще не совершенно вѣровалъ, и вѣро-валъ, и вмѣстѣ былъ невѣрующимъ.

5. Эти именно степени Господь описываетъ подъ именемъ жатвы, говоря: *такъ сѣть царствіе Божіе, якоже челоуѣкъ встаетъ сѣмя въ землю: и спитъ, и востаетъ поцію и дію: и сѣмя про-зрѣваетъ и растетъ, якоже не вѣсть онъ. Отъ се-бе бо земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, также исполняетъ пшеницу въ класъ. Егда же со-зрѣетъ плодъ, абіе послѣтъ серъ, яко маста жлт-ва* (Марк. IV, 26—29). Человѣкъ бросаетъ сѣмя въ землю, когда пасаждаетъ въ сердцѣ своемъ доб-рое намѣреніе (рѣшимость). И послѣ того, какъ бросилъ сѣмя, спитъ, потому что въ надеждѣ доб-раго дѣла успокоивается. Но онъ встаетъ ночью и днемъ, потому что усовершенствуется среди несчастія и счастья. А сѣмя прозрѣваетъ и растетъ, когда онъ о томъ не знаетъ; потому что и тогда, когда еще онъ не можетъ измѣрить своихъ паранцій, однаж-ды начата добродѣтель ведется къ совершенству. И земля сама собою плодитъ; потому что по пред-варяющей благодати душа челоуѣка охотно встаетъ

дѣя плодоприношенія добраго дѣланія. Но эта самая земля по себѣ производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ. Потому что производитъ зелень значитъ имѣть еще нѣжность добраго начала. Но зелень переходитъ въ колосъ, когда добродѣтель, укоренившаяся въ душѣ, переходитъ въ совершенство добраго дѣланія. Полное же зерно въ колосѣ производитъ, когда добродѣтель достигаетъ уже такого совершенства, что можетъ быть дѣломъ прочнымъ и совершеннымъ. И когда созрѣетъ плодъ, тотчасъ посылаетъ серпъ; потому что настала жатва. Ибо всемогущій Богъ посылаетъ серпъ къ произведенному плоду, и срѣзываетъ свою жатву тогда, когда, доведши кого либо до совершенныхъ дѣлъ, произнесеннымъ опредѣленіемъ пресѣкаетъ временную жизнь его, чтобы перемѣстить зерно свое въ небесныя житницы. Итакъ когда мы начинаемъ имѣть добрыя желанія, тогда бросаемъ сѣмя въ землю. Когда же начинаемъ дѣйствовать праведно, тогда мы зелень. А когда возрастаемъ до совершенства въ добромъ дѣланіи, тогда мы переходимъ въ колосъ. И когда укрепляемся въ совершенствѣ этого самаго добраго дѣланія, тогда мы уже приносимъ полное зерно въ колосѣ.

6. Ибо зеленью былъ Петръ, который, во время страданія по любви слѣдуя за Господомъ, убоился исповѣдать Его на вопросъ служанки (Лук. XXII, 57). Ибо зелень была еще въ умѣ, потому что онъ вѣровать въ Искушителя вѣдческихъ, но будучи еще весьма колеблемымъ былъ пошираемъ погою страха. Онъ возрасъ уже въ колосъ, когда по благовѣстію Ангела увидѣлъ въ Галилеи живымъ Того, Кого страшился исповѣдать умирающаго. Но онъ содѣлался полнымъ зерномъ въ колосѣ, когда при сошествіи свыше Духа, и при укрѣпленіи въ любви къ Нему (Искушительно) своего духа, содѣлался твердымъ до того, что битый презиралъ силы преслѣдующихъ, и подъ ударами свободно проповѣдывалъ Искушителя своего (Дѣян. V, 29). Итакъ никто, видящій себя еще въ зелени ума къ доброду предположенію, не долженъ отчаиваться; потому что жито Божіе начинается съ зелени, чтобы быть зерномъ.—Итакъ мужъ, имѣющій инструменты мѣрительныя, приходитъ къ воротамъ; потому что Господь и Искушитель нашъ при входѣ Своихъ членовъ приводится къ Себѣ. И Онъ восходитъ по степенямъ ихъ (воротъ); потому что при шагѣ усовершенствованія Онъ тѣмъ болѣе возвышается для насъ, чѣмъ яснѣе познается высокимъ и непостижимымъ. Онъ Самъ называется восходящимъ по

степенямъ нашихъ добродѣтелей; потому что тѣмъ высшимъ Онъ показывается намъ, чѣмъ далѣе наша душа отдѣляется отъ предметовъ дольнихъ.— Далѣе слѣдуетъ: *и измѣрилъ порою воротъ тростію единою въ широту, то есть, одинъ порою одною тростію въ широту* (Іезек. XL, 6) (а).

7. Почему послѣ того, какъ сказано, *порою воротъ*, тотчасъ пресокупляется: *одинъ порою*, если не потому, что ясно внушаетъ, что будетъ еще сказано: есть еще ниже другой порою? Но ворота поднимаются вверхъ съ порога, чтобы быть воротами. Итакъ, если ворота есть Господь: то кто служить пороюмъ этихъ воротъ, если не тѣ древніе отцы, отъ рода коихъ благоволилъ воплотиться Господь?—Такъ какъ чрезъ Павла говорится: *иже отцы, и отъ нихже Христосъ по плоти, сынъ надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 5) Но надобно замѣтить въ этой мысли Павла, что въ ней названы боги и прочіе изъ людей, какъ Моисею говорится: *се дахъ тя бога Фараону* (Исх. VIII, 1). И чрезъ Псалмопѣвца говорится: *Азъ рѣхъ, боги есте*

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et mensus est limen portae calamo uno in latitudinem, id est, limen unum calamo uno in latitudinem.*

(Иса. LXXXI, 6). И еще: *Богъ ста въ сонмъ бо-говъ* (Тамъ же, ст. 1). Но иное значитъ называться Богомъ по имени, а иное,—по естеству. И если Моисей былъ богомъ для Фараона, то называется богомъ среди всѣхъ, но не *надъ всеми*. Но воплотившійся во чрствѣ Дѣвы называется Богомъ *надъ всеми*. Итакъ порогомъ воротъ служатъ древніе отцы, отъ которыхъ радился Тотъ, Кто отверзъ намъ входъ въ царство небесное. Но порогъ воротъ измѣряется одною тростию; потому что самце древніе отцы, которые могли проновѣдывать нашего Искуителя и прочествомъ, и добродѣтельною жизнью, имѣли какъ бы шесть локтей въ совершеніи дѣла, и цядень въ началѣ созерцанія. Послику же и совершенное дѣланіе, и начатое созерцаніе возвысило жизнь ихъ въ единеніе вѣры, то мѣра порога заключалась въ одной трости. — Далѣе слѣдуетъ: *и спальню одною тростию въ долошу, и одною тростию въ широту* (а).

8. Помыслимъ, что обыкновенно совершается въ спальнѣ, и оттолѣ сдѣлаемъ заключеніе къ тому, что совершается въ святой Церкви. Въ спаль-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et thalamum uno calamo in longum, et uno calamo in latum,*

нѣ совокупляются жепныхъ и невѣста, и соединяются взаимно между собою въ любви. Итакъ что суть снальны въ святой Церкви, если не сердца тѣхъ, въ которыхъ душа любовію сочетается съ невидимымъ женихомъ такъ, что горитъ желаніемъ Его, ничего уже не желаетъ въ мірѣ, продолжительность настоящей жизни считаетъ за наказаніе, поспѣшаетъ вытти изъ нея, и объятіями любви усновоються въ видѣніи небснаго жениха? Итакъ такая душа не принимаетъ никакого утѣшенія настоящей жизни, по сердечно вздыхаетъ о томъ, кого любить, волнуется, стремится, рвется къ нему; для ней самое здоровье тѣлесное дѣлается малоцѣннымъ; потому что она пронзена любовію; поэтому и въ Пѣсни пѣсней она говоритъ: *уазвлена есмь любовію азъ* (Пѣсн. пѣн. II, 5). Но худое здоровье того сердца, которое незнакомо съ болью отъ этой раны. Когда же начлетъ уже дышать желаніемъ небснаго, и чувствовать рану любви, тогда здоровѣе становится отъ раны та душа, которая больна была отъ здоровья.

9. Но для души, крѣпко любящей жениха своего, есть одно обычное утѣшеніе въ медлительности настоящей жизни, если чрезъ то, что сама она разлучается отъ видѣнія Его, души другихъ дѣлають уснѣхъ по слову ея, и воспламеняются огнемъ

любви къ небесному жениху. Она скорбитъ, потому что видитъ, что разлучена; для ней печально все, что она видитъ; потому что еще не видитъ Того, Кого желаетъ видѣть. Но не малое утѣшеніе, какъ я сказала, составляетъ то, если во время сильной скорби души о разлукѣ чрезъ нея собираются многіе, чтобы медлительно видѣть Того со многими, Кого скорѣе желала видѣть одна. Поэтому опять въ Пѣсни пѣсней невѣста говорить: *подкрѣпите меня цвѣтами, и стисните меня яблоками, потому что я страдаю любовію* (Пѣсн. пѣсн. II, 5) (а). Ибо что значать цвѣты, если не души, уже начинающія доброе дѣло, и испускающія запахъ желанія небеснаго? Что значать яблоки отъ цвѣтовъ, если не совершенныя уже добрыхъ (людей) души, которыя достигаютъ плода добраго дѣланія отъ начала святой рѣшимости? Итакъ душа, страдающая любовію, желаетъ быть подкрѣвленной цвѣтами, и стиснутою яблоками потому что, если ей не дозволяется еще видѣть Того, Кого желаетъ, то великимъ утѣшеніемъ служитъ для ней то, если она радуется уснѣхамъ другихъ. Итакъ душа, страдающая святою любовію, подкрѣпляется цвѣтами и

а) Буквальшии переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *fulcite me floribus, et stipate me malis, quia amore languo.*

яблоками для того, чтобъ успокоиваться на добромъ дѣланіи ближняго, не имѣя еще возможности взирать на лице Божіе.

10. Прошу обсудить, какова была спальня Павла, который говорилъ: *мнѣ еже жити, Христость: и еже умрети, приобритеніе есть* (илп. I, 21). На сколько соединялъ себя любовью со всемогущимъ Богомъ тотъ, который считалъ для себя жизнью только Христа, а смерть приобрѣтеніемъ? Поэтому онъ еще говоритъ: *желаніе имый разрѣшиться, и со Христомъ быти, много паче лучше* (Тамъ же, ст. 23). Но вотъ мы увидимъ, какою любовью страждешь ты, который желашь разрѣшиться. Между тѣмъ, какъ ты видишь себя разлученнымъ, скажи, пожалуй, почему ты не желашь быть подерѣвленнымъ двѣтами?—Опъ рѣшительно желаетъ, потому что далѣе слѣдуетъ: *а еже пребывати во плоти, нужнѣесть есть васъ ради* (Тамъ же, ст. 24). А преуспѣвающимъ ученикамъ говоритъ: *кто бо намъ званіе или радость или вѣнецъ похваленія; не и вы ли предъ Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ* (1 Солуп. II, 19).

11. Поэтому-то говорится, что эта спальня мѣрою въ одну трость длины, и въ одну трость широты. Потому что долгота указываетъ на терпѣливость ожиданія, а широта на обширность люб-

ви. Слѣдовательно всякій имѣть спальню на столько въ долготу, на сколько можетъ имѣть и въ широту; потому что душа, пламенѣющая желаніемъ небеснымъ, на сколько будетъ имѣть любви къ пазиданію ближняго, на столько будетъ имѣть и терпѣлія въ ожиданіи Бога, и терпѣливо переносить медленность долготы; потому что широта любви распространяется на преспѣваніи ближняго. Долгота ещё можетъ означать продолжительность терпѣнія, оказываемаго къ ближнему. А послѣнку широта означаетъ любовь, которая отверзаетъ лоно души, и принимаетъ на него въ любовь какъ друзей, такъ вмѣстѣ и враговъ: то долготы спальни такова, какова широта; потому что на сколько душа расширена будетъ любовію, на столько будетъ и терпѣлива въ ожиданіи. Ибо каждый терпитъ ближняго на столько, на сколько любитъ его. Ибо если ты любишь, то терпишь; а если пересташь любить, то пересташь и терпѣть. Такъ какъ мы не любимъ того, кого не терпимъ; потому что при усиленіи отвращенія скоро приводятся на память дѣла ближняго, которыхъ для насъ не смягчатъ неро любви. — Далѣе слѣдуетъ: *и между спальнями пять лакотъ* (а).

а) Опять буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et inter thala-*

12. Пророкъ выше сказалъ объ одной снальгѣ, а послѣ говоритъ, что по пяти лакотъ между снальными, именно потому, что многія снальни составляютъ одну снальню, такъ и многія Церкви называются одною Церковію. Поэтому и въ Апокалипсисѣ Іоанна описываются семь Церквей, чрезъ которыя означается одна вселенская. Итакъ тѣ, которые въ святой Церкви, какъ сказали мы, жаждутъ отъ пламенной любви видѣть Бога, и уже соединяются съ Нимъ чрезъ желаніе, называются снальными. Но есть въ ней нѣкоторые, не имѣя силы проникать въ утонченное, и стѣсняемые еще пятью тѣлесными чувствами, на столько менѣе любятъ Того, Кто сотворилъ все, на сколько обширнѣе разсѣваются по тому, что сотворено. И хотя они уже желаютъ упражняться въ страхѣ Божіемъ, и простирать любовь на ближняго, тѣлесно творить добрыя дѣла, искунать грѣхи милостынями: но послѣдку они не умѣютъ пламенѣть внутреннею любовію къ небесному желанію, то удерживаются еще какъ бы побѣждаемые тѣлесными чувствами. Итакъ они

mos, quinque cubitos Въ Славянскомъ переводѣ, какъ предыдущія мысли, такъ и послѣдующія такъ темны, что мыслящему читателю нѣтъ никакой возможности составить себѣ ясное понятіе о дѣлѣ, описываемомъ Пророкомъ.

не спальни, но промежутки между спальнями; потому что чрезъ руководство тѣхъ, которые рѣшительно любятъ видѣніе Бога, и сами направляются къ усовершенствованію души. Слѣдовательно, между спальнями пять лапотъ; потому что тѣ, которые еще не возникаютъ къ таинственному разумѣнію отъ пяти вышнихъ чувствъ, когда между ними есть такіе, которые горятъ духомъ любви, преусиѣваютъ въ устроеніи вѣры, какъ бы помѣщаемые между спальнями, а отъ мѣры небесаго зданія не отдѣлены. Ибо они и не много отвлекаютъ себя отъ пожеланія тѣлесныхъ чувствъ, и разширеннымъ пространствомъ души, послѣдую любви, которую видятъ, примикаютъ оттуда и отсюда къ спальнямъ. А что они описаны не шестью локтями, но пятью; то этимъ еще обозначается самое несовершенство ихъ.

13. Впрочемъ они за доброе желаніе значатся въ мѣрѣ духовнаго зданія; потому что и голосомъ святой Церкви чрезъ Псалмопѣвца говорится: *несодѣланное мое видѣсть очи твои, и въ книзь твоихъ вси напишутся* (Псал. СXXXVIII, 16). Поэтому и еще тотъ же Псалмопѣвецъ говоритъ: *благословиль есть (вся) боящіяся Господа, малыя съ великими* (Псал. СXIII, 21). Итакъ они, хотя несовершенны и малы, однако же по силѣ своего по-

знанія любятъ и Бога и ближняго, а потому не перадытъ о дѣланіи добра, которос могутъ. Они хотя еще не достигають дарованій духовныхъ, такъ чтобъ или дойти до совершенной дѣятельности, или до пламеннаго душевнаго созерцанія, однако же не отступаютъ отъ любви къ Богу и ближнему, на сколько могутъ понимать ее сердцемъ. Поэтому-то и они, хотя и на ниснемъ мѣстѣ, положены впрочемъ въ зданіи святой Церкви; потому что хотя они быть можетъ меньшіе въ отношеніи къ учепію, къ пророчеству, къ благодати чудесъ, къ рѣшительному презрѣнію міра, однако же стоятъ на основаніи страха и любви, на которомъ утверждаются; потому что, хотя они не горять огнемъ желанія небеснаго, однако же одушевляются теплотворомъ любви въ самыхъ внѣшнихъ дѣлахъ, которыхъ исполняютъ достаточно, и содержатся между зданіями преимуществующихъ предъ ними ближнихъ. Поэтому и справедливо въ Пѣснѣ пѣсней невѣста говоритъ: *одръ сотвори себѣ Царь Соломонъ отъ древесъ ливанскихъ. Столпы его сотвори серебряны, и воскленіе его злато: восходъ его багрянъ, внутрь его каменіе постлано, любовь отъ дочерей Иерусалимскихъ* (Пѣсн. пѣсн. III, 9. 10). Невѣроятно, чтобы Соломонъ, Царь толкаго величія, который изобилывалъ такими несмѣтными богатствами, что не могъ

знать цѣны вѣсу своего золота, и не имѣлъ смѣты во дни оны серебру, устроилъ одръ для себя деревянный. Но этотъ Соломонъ есть именно тотъ Миротворецъ, Который устроилъ для себя одръ изъ дерева Ливанскихъ. Потому что дерева съ Ливана кедровыя весьма прочны.

14. Итакъ одромъ нашего Царя служитъ святая Церковь, которая устроена изъ крѣпкихъ отцовъ, т. е. изъ прочныхъ душъ. Она правильно называется одромъ, потому что ежедневно переноситъ души къ вѣчному сожитію съ Создателемъ своимъ. У этого одра столпы сдѣланы серебряныя, потому что проповѣдники святой Церкви сіяютъ свѣтомъ слова. Между этими серебряными столпами восклоненіе (возглавіе) золотое, такъ какъ чрезъ то, что ясно говорится святыми проповѣдниками, души слушателей находятъ блескъ внутренней ясности, на которую восклоняются. Ибо чрезъ то, что они вразумительно и ясно понимаютъ, успокоиваются на томъ, что проясняется въ сердцѣ. Итакъ столпы у ней серебряныя, а восклоненіе сдѣлано золотое; потому что при свѣтѣ слова обрѣтается въ душѣ ясность покоя. Потому что тотъ внутренній блескъ освѣщаетъ душу такъ, что она чрезъ вниманіе успокоивается тамъ, гдѣ не требуется благодати проповѣданія. Объ этой самой святой Церкви написано:

крыль голубиных посребрених, и мездорамія ея въ блещаніи злата (Исаа. I.XVII, 14). Ибо она, исполненная здѣсь духомъ кротости, какъ бы голубица, имѣетъ крылья покрытыя серебромъ, а на задней части спинны своей содержитъ видъ золота; потому что здѣсь она облакаетъ проповѣдниковъ своихъ блескомъ слова; въ послѣднемъ же вѣкѣ показывается сіяніе славы на себѣ самой. Но каковъ долженъ быть восходъ къ тому, что ясно открывается внутри, она (Церковь) присовокупляетъ, когда о томъ же самомъ одрѣ тотчасъ говоритъ: *восходъ ея багряны* (Иѣс. пѣсн. III, 10). Истинно, она багрина, потому что омочается въ крови, и справедливо является въ кровавомъ цвѣтѣ. И послѣдуя несмѣтное множество вѣрующихъ въ началѣ рождающейся Церкви перешло въ царство черезъ кровь мученичества: то Царь пань содѣлалъ восходъ на одрѣ багрянымъ; потому что до ясности, усматриваемой внутри, достигается чрезъ пролитіе крови.

15. Итакъ что мы, несчастные и лишеныя всякаго мужества, что будемъ дѣлать? Вотъ, въ этомъ одрѣ мы не можемъ быть столпами, потому что въ насъ нѣтъ ни мужества на дѣлѣ, ни блеска проповѣданія. Золотаго возглавія мы не имѣемъ; потому что еще не видимъ, какъ слѣдуетъ, чрезъ духовное разумѣніе покоя внутренней славы. Мы

не багряный восходъ; потому что не имѣемъ силы пролить кровь за нашего Искушителя. И такъ что намъ дѣлать? Чего намъ надѣяться, если никто не достигаетъ царства, развѣ того, кто одаренъ высшими силами? Но есть и для насъ утѣшеніе. Возлюбимъ, на сколько можемъ, Бога, возлюбимъ и ближняго; и мы будемъ принадлежать къ одру Божию, потому что опъ, какъ тамъ написано: *устланъ среднею любовію* (а). Имѣй только любовь, и безъ сомнѣнія достигнешь туда, гдѣ и столпы серебряныя ставятся, и багряный восходъ содержится. Такъ какъ это говорится ради нашей слабости, то ясно показывается, когда тамъ тотчасъ присовокупляется: *ради дочерей Иерусалимскихъ* (б). Ибо слово Божіе, не говоря о сынахъ, и говоря о дочеряхъ; что другое обозначило женскимъ поломъ, если не слабость души? И такъ что тамъ говорится о помѣщенія посредствующей любви среди посребренныхъ столповъ, золотого возглавія, и багрянаго восхода, *ради дочерей Иерусалимскихъ*: то здѣсь означается нитью локтями между снальными; потому что и тѣ, которые слабы силами, если съ любовію не отказывают-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ; *media charitate construit (scilicet Salamo)*.

б) *Propter filias Ierusalem.*

ся творить добрыя дѣла, которыя могутъ, не отчуждены отъ зданія Божія.—За тѣмъ слѣдуетъ: *и порогъ воротъ по внутреннему крыльцу воротъ, одною тростию* (а).

16. Когда о порогѣ, который теперь только описывается, говорится, что онъ находится внутри по крыльцу воротъ: то ясно показывается, что порогъ, описанный прежде, былъ виѣшній. Но если ворота означаютъ Господа, то поищемъ, кто служить порогомъ воротъ внутреннимъ и виѣшнимъ. Ибо чрезъ порогъ всякой входитъ въ ворота. И что значать эти два порога, если не отцы Ветхаго Завѣта, и отцы Новаго Завѣта? Потому что не только эти, отъ которыхъ благоизволилъ Господь воплотиться, но и всѣ отцы Ветхаго Завѣта были порогомъ воротъ Его; такъ какъ они, сподобившись проповѣдать Его и уновать на Него, открывали входъ вѣры для всѣхъ грядущихъ къ Нему; и всѣ, которые чрезъ нихъ увѣровали въ Господа, вошли какъ бы черезъ порогъ въ ворота Его. Но почему прежде говорится о виѣшнемъ порогѣ, а послѣ о внутреннемъ, если не потому, что прежде были отцы Ветхаго Завѣта, а послѣ учителя Новаго За-

а) *Et limen portae juxta vestibulum portae intrinsecus, castato uno.*

вѣта? По справедливо виѣшній порогъ означаетъ отцовъ Ветхаго Заѣта; потому что ихъ проповѣдію были наказуемы дѣла печестія. А чрезъ ученіе новыхъ отцовъ обуздывается даже духъ въ недовольныхъ помыслахъ, такъ что даже совершенный является виновнымъ на судѣ сердца. Потому что тѣ старались удерживать души слушателей отъ преступленій, отъ жестокостей, отъ хищничества; а эти, возбрания не только дѣла развратныя, но и помыслы недозволяемые, чѣмъ другимъ содѣлались для насъ, если не внутреннимъ порогомъ? Поэтому-то и сама Истина говоритъ: *смышите, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо еще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣвайся на брата своего осуде, повиненъ есть суду* (Мат. V, 21, 22). И справедливо виѣшній порогъ означаетъ тѣхъ отцовъ, которые долго стояли по промежуткамъ времени отъ самаго воплощенія нашего Испытателя. А именно, страданіе Церкви началось уже отъ крови Авелевой, и одна есть Церковь избранныхъ, предшествующихъ и послѣдующихъ. Но послѣу ученикамъ говорится: *мнози Пророцы и Царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша* (Лук. X, 24): то значить, что древніе отцы стояли какъ бы впѣ, и тѣлесно не видѣли явленія нашего Испытателя. Итакъ они бы-

ли виѣ, однакоже не отдѣлены отъ Церкви; потому что въ умѣ, въ дѣлахъ, въ проповѣданіи, они уже содержали тѣ таинства вѣры, въразѣ на ту высоту святой Церкви, которую мы видимъ уже не чаишемъ, но въ исполненіи. Пбо какъ мы спасены въ прошедшемъ страданіи нашего Искушителя, такъ и они чрезъ вѣру въ тоже самое (страданіе) грядущее. Слѣдовательно, они виѣ, но не виѣ таинства, а виѣ времени.

17. Поэтому и въ устроеніи Скинии зановѣдано было, чтобы внутри были поставлены столпы серебряные, а снаружи кругомъ были вколачиваемы колья мѣдные, на которыхъ должна была держаться привязанная палатка. Итакъ внутри ставятся столпы серебряные, а снаружи вколачиваются колья мѣдные, а на нихъ были привязаны веревки для того, чтобы палатка стояла неподвижно; такъ какъ для того, чтобъ святыя Апостолы были непоколебимы во свѣтѣ слова своего, чтобы вся Сннія, т. е. святая Церковь неподвижно стояла въ цѣлости вѣры, отцы Ветхаго Завета и Пророки поставлены совнѣ, какъ бы колья, для того, чтобъ они веревками словъ своихъ подѣрживали души Проповѣдниковъ въ непоколебимости, и это жилище Божіе связывали въ стояніи вѣры. Итакъ виѣ находятся тѣ колья, которые были прежде времени сей святой Церкви. Но

не смотря на то, ихъ связываютъ тѣ, которые находятся внутри ея; потому что, предсказывая объ имѣющихъ открытыя небесныхъ таинствахъ, они содѣлали ихъ вѣроятными для всѣхъ, послѣ того, какъ онѣ открыты. Итакъ для того, чтобы столпы внутри стояли неподвижно, ихъ совиѣ колья поддерживаютъ веревками; потому что для того, чтобы святые Апостолы совершенно вѣровали таинству воплощенія Господня, ихъ поддержала проповѣдь тѣхъ, которые могли и предвидѣть оное, и предсказывать о немъ прежде, нежели оно совершилось. Поэтому-то справедливо и самъ первый изъ Апостоловъ, именно великій столпъ истинной Скъпіи, говорить: *имама извѣстнѣйшее пророческое слово, смуже внимающе яко свѣтилу сіяющую въ темнѣхъ мѣстѣ* (2 Петр. I, 19). Этими словами оны показывается, что хотя она (истинная Скъпія) возвысилась верхомъ выше, но тамъ остается привязанною въ вѣрѣ. Впрочемъ этотъ свѣтильникъ пророческаго слова, хотя для разумѣвающихъ уже свѣтитъ, но для не разумѣвающихъ остается еще покрытымъ мракомъ аллегорій. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца объ этихъ самыхъ изреченіяхъ Пророческихъ говорится: *темна вода во облацехъ воздушныхъ* (Псал. XVII, 12), именно потому, что знаніе въ Пророкахъ покрыто мракомъ. Не безъ осно-

ванія столпы устроены серебряныя, а колья мѣдныя; потому что о томъ, о чемъ уже ясно проповѣдаютъ Апостолы, Пророки темно говорили подъ таинственнымъ смысломъ. Поэтому означены металломъ мѣди тѣ, которые не были ясными въ проповѣдяхъ своихъ. Но святые Апостолы за то, что имѣли свѣтъ въ проповѣди о таинствѣ нашего Испытателя, называли серебряными столпами. И надобно замѣтить, что серебро звучитъ и сіяетъ, а мѣдь звучитъ, а не сіяетъ; потому что проповѣдники Новаго Завѣта ясно говорили о томъ, на что могли указывать. А проповѣдники Вѣтхаго Завѣта, потому что произносили темныя изреченія чрезъ тѣнь иносказаній о небесномъ таинствѣ, издавали какъ бы звукъ безъ сіянія. Итакъ, что тамъ означается чрезъ колья и столпы, то здѣсь — чрезъ порогъ внѣшній и порогъ внутренній.

18. Но если мы въ этомъ мѣстѣ признаемъ за ворота Св. Писаніе: то и оно имѣетъ два порога — внѣшній и внутренній; потому что раздѣляется на буквальный смыслъ и иносказательный. Потому что внѣшній порогъ Св. Писанія есть литтера, а внутренній порогъ его — аллегорія. Такъ какъ мы чрезъ букву переходимъ къ аллегоріи; то какъ бы переходимъ отъ порога внѣшняго къ порогу внутреннему. И есть въ немъ (Писаніи) много такого, что по бук-

вѣ пазидаеть дуну такъ, что душа слушающаго чрезъ то, что дѣлается совнѣ, увлекается внутрь. Потому что тамъ мы находимъ проповѣди дѣла и примѣры добродѣтели; тамъ заповѣдуются, что намъ должно дѣлать даже тѣлеснымъ образомъ; тамъ то, что поставляется въ обязанность для исполненія, показывается на дѣлѣ святыхъ и сильныхъ мужей такъ, что послѣ того, какъ испѣйшія заповѣди и примѣры праведниковъ пастроаютъ насъ къ доброму житію, мы устремляемся тогда душою къ порогу внутреннему, т. е. къ таинственному смыслу внутренняго созерцація, если можемъ. Заботьтесь, прошу, возлюбленнѣйшіе братіе, размыслиять о словахъ Божіихъ, не презирайте посланій нашего Пискуителя, къ намъ паписанныхъ. ^{Весьма} много значить то, чтобы чрезъ нихъ душа возникала къ теплотѣ, дабы не оцепенѣвать отъ холода своего нечестія.

19. Когда мы познаемъ, что предшествовавшіе праведники мужественно то содѣлали, и сами полагаемся къ мужеству на добрыя дѣла: тогда духъ читающаго загорается отъ пламени святыхъ примѣровъ. Онъ видитъ, какія доблести совершенны ими, и сильно досадуеть на себя, что тому не послѣдуетъ. Поэтому справедливо голосомъ жениха къ певѣстѣ въ Пѣсни пѣсеней говорится: *яко столг*

Давидовъ вся твоя, созданъ въ *Θαμίαα* (а): тысяча щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ (Пѣсн. пѣсн. IV, 4). Ибо въ выѣ (шеѣ) горло, а въ горлѣ голосъ.

20. Итакъ что означается чрезъ выю святой Церкви, если не священныя ея вѣщанія? Если упоминается въ пей о тысячѣ висящихъ щитовъ: то чрезъ это опредѣленное число показывается число неопредѣленное; потому что все наше укрѣпленіе содержится въ священномъ вѣщаніи. Потому что тамъ заповѣди Божіи, тамъ примѣры праведниковъ. Ибо если душа не имѣетъ расположенія къ своему Создателю, то пусть слушаетъ, что говорится: *возлюбими Господа Бога твоего всею сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею* (Мат. XXII, 37). Если она питаетъ ненависть къ ближнему: то пусть слушаетъ, что говорится: *возлюбими искренно твоего, яко самъ себе* (Тамъ же, ст. 39). Если она желаетъ чужой собственности, то пусть слышитъ, что тамъ написано: *не пожелаи вещи ближняго твоего* (Исх. XX, 17). Если душа воспаляется гнѣвомъ на обиду, нанесенную со

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ эта мысль читается такъ: *quae oedificata est cum propugnaculis suis*, т. е. который (столпъ) устроенъ съ своими укрѣпленіями.

стороны ближняго словомъ, или дѣломъ: то пусть слушаетъ, что говорится: *да не отмщастъ рука твоя, и да не враждуютъ на сыны людей своихъ* (Левит. XIX, 18). Если душа увлекается злымъ пожеланіемъ плоти: то, дабы глазъ не послѣдовать за мыслию, пусть слушаетъ, что не много выше сказано: *иже воззритъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ* (Мат. V, 28). Допускаетъ ли кто душѣ своей расслабѣвать до ненависти противъ врага? Пусть слушаетъ, что тамъ написано: *любите враги ваши, добро творите ненавидящимъ васъ* (Мат. V, 44). А тотъ, кто чужаго уже не похищаетъ, но еще быть можетъ, безпорядочно скупъ на свою собственность, пусть слушаетъ, что тамъ говорится: *продадите имънія ваши, и дадите милостыню* (Лук. XII, 33). Желаетъ ли душа слабого наслаждаться Богомъ и вмѣстѣ вѣкомъ? Пусть слышитъ, что тамъ написано: *никтоже можетъ двѣма господинама работати* (Мат. VI, 24). Ипой удерживаетъ достояніе не для необходимости содержанія, но ради прихоти пожеланія. Пусть оны слышитъ, что тамъ говорится: *иже не отречетъ всего своего имънія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. XIV, 33). Ибо нѣкоторые оставляютъ все, а многіе отказываются даже отъ владѣнія; потому что владѣемымъ пользуются

ся такъ, что не имѣють къ нему никакаго пристрастія. Желаетъ ли кто лѣниться, и убѣгаетъ труда ради Господа даже тогда, когда имѣеть силы? Пусть слышнть, что тамъ написано: *уже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. XI, 23). Итакъ на выи святой Церкви, т. е. на проповѣди священнаго Писанія, которое по своей крѣпости и высотѣ называється подобнымъ башнѣ Давидовой, висятъ тысячи щитовъ; потому что сколько тамъ заповѣдей, столько и зацѣтъ для нашихъ груди.

21. Итакъ, пужно ли намъ во смиреніи сохранять невинность даже обиженнымъ отъ близкаго? Представимъ Авеля (Быт. IV, 8), о которомъ пишется, что онъ убитъ братомъ, а не пишется, чтобъ онъ съ нимъ препирался. Потребна ли чистота души даже въ супружескомъ союзѣ? — Надобно подражать Эноху, который и въ супружескомъ состояніи ходилъ предъ Богомъ, *и не обрѣташея, зане преложилъ его Богъ* (Быт. V, 24). Рѣшаемся ли мы предпочитать заповѣди Божіи настоящей нашей польвѣ? — Представимъ Ноя, который оставивъ домашнюю заботу, по повелѣнію Господню, въ сотыхъ годахъ занялся строеніемъ ковчега (Быт. VI, 14). Усиливаемся ли мы достигнуть добродѣтели послушанія? Должны взирать на Авраама (Быт. XII, 5), который, оставивъ домъ, знакомыхъ, отечество, по

послушанію пошелъ въ страну, которая обѣщана ему въ наслѣдство, и пошелъ не зная, куда идти (Евр. XI, 8); который ради вѣчнаго наслѣдія готовъ былъ принести въ жертву возлюбленнаго своего, рожденнаго по обѣтованію наслѣдника. А посліку онъ не усумился пожертвовать Господу единому (сына): то въ сѣмени получили все мпожество языковъ (Быт. XXII, 16. 17). Правится ли кому простота правовъ? Пусть представитъ Исаака, котораго въ очахъ всемогущаго Бога украшала кротость его жизни (Быт. XXIV и слѣд.). На вопросъ: какъ должно пріобрѣтать многотрудное мужество?— Пусть приводятъ на память Іакова (Быт. XXIX, 20. XXX, 29), который послѣ того, какъ сумѣлъ мужественно прослужить челоуѣку, достигъ до такой силы, что не могъ быть преобѣжденъ отъ борющагося съ нимъ Ангела (Быт. XXXII, 25). Стараемся ли мы преобѣждать прелесть плоти?— Пусть приходитъ на память Іосифъ, который во время искушенія его госпожею старался сохранить цѣломудріе даже съ опасностію жизни (Быт. XXXIX, 12. 20). Отъ этого произошло то, что такъ какъ онъ хорошо умѣлъ управлять своими членами, содѣлавъ былъ управителемъ и пады всѣмъ Египтомъ. Желаемъ ли мы стяжать кротость и терпѣніе?— Будемъ представлять себѣ Моисея (Числ. XII, 3),

который, управляя шестьюстами тысячъ вооруженныхъ, исключая дѣтей и женъ, по описанію былъ *человѣкомъ кроткимъ злыю паче всѣхъ чловѣкъ сущихъ на землѣ*. Возгарася ли ревностію правды противъ пороковъ?—Пусть представляется Финесъ (Числ. XXV, 7. 8. 11), который, мечемъ проколовъ насквозь имѣвшихъ соитіе, возвратилъ народъ къ чистотѣ, и гнѣвныи умиловилъ гнѣвъ Божій. Желаетъ ли мы въ сомнѣніяхъ напередъ имѣть надежду на всемогущаго Бога? Будемъ намятовать объ Иисусѣ Навинѣ (III, 5. 8), который когда вступалъ въ сомнительныя битвы съ вѣрною мыслию, достигалъ побѣды безъ сомнѣнія. Желаетъ ли оставить сердечныя непріятности, и проявить душу въ благости? Вспомнимъ о Самуилѣ (1 Цар. VIII, 5), который, будучи лишенъ народомъ власти, на прошеніе тогоже самаго народа о молитвѣ за него Господу отвѣчалъ, говоря: *да никакъже ми соотрѣшати Господу, оставити еже молитися о васъ ко Господу* (Тамъ же, XII, 23). Потому что святой мужъ вѣрилъ, что онъ учинитъ преступленіе, если не воздастъ въ молитвѣ благодатною любовію тѣмъ, которыхъ, какъ враговъ, терпѣлъ до низложенія. Онъ же опять, когда по повелѣнію Господа былъ посылаетъ помазать Давида въ Царя, отвѣчалъ: *како поиду; и услышитъ Саулъ, и убіетъ мя* (Тамъ

же, XVI, 2). И не смотря на то, что зная, что на этого самого Саула Богъ прогнѣвался, предася такой скорби, что ему лично Господь сказать: *доколы ты плачешь о Сауль, Азъ же уничижихъ его* (Тамъ же, 1). Итакъ помыслимъ, какой жаръ любви воспламенялъ душу того, кто плакалъ даже о томъ, отъ кого опасался быть убитымъ. Желаемъ ли мы остерегаться того, кого боимся?—Намъ основательно надобно подумать о томъ, дабы при открывшемся удобномъ мѣстѣ самимъ не воздать злою за зло тому, кого мы бѣгаемъ. Поэтому вспомнимъ о Давидѣ, который и нашель и могъ бы убитъ Царя, преслѣдующаго его, и однако же, въ самомъ разгарѣ гнѣва, онъ избралъ добро, которое самъ долженъ былъ дѣлать, а не зло, которое тотъ долженъ былъ потерпѣть заслуженно, говоря: *да не будетъ ми оубъ Господа нанести руку мою на Христа Господня* (1 Цар. XXIV, 7. XXVI, 11). И когда тотъ же Саулъ послѣ былъ убитъ врагами, то онъ (Давидъ) плакалъ о смерти той, отъ кого при жизни терпѣлъ преслѣдованія (2 Цар. I, 17). Рѣшаемъ ли мы свободно говорить о заблужденіяхъ могущимъ міра сего?—Приведемъ на память авторитетъ Іоанна, который, обличая нечестіе Ирода, не убоился быть убитымъ за правоту слова (Марк. VI, 18. 27). А поелику Христосъ есть истина, слѣдо-

вательно опъ (Іоаннъ) положить душу за Христа, потому что за истину. Спѣшимъ ли мы уже плоть свою предать за Бога смерти? Да приходитъ на память Петръ (Дѣян. V, 41), который среди бичеваній радуется, который израненный противостоятъ начальникамъ, который за жизнь презираетъ свою жизнь. Располагаемся ли мы по желанію смерти презирать несчастія?—Представимъ Павла, который, будучи готовъ, не только быть связаннымъ, но и умереть за Христа, не такъ дорожитъ своею жизнію, какъ собою (Дѣян. XX, 22—24). Желаетъ ли мы, чтобы сердце наше горѣло огнемъ любви? Обсудимъ слова Іоанна, у котораго все, что онъ говоритъ, курится отъ огня любви (1 Іоан. 1 и дальѣ).

22. Итакъ, поелику мы во гласѣ Св. Писанія находимъ, когда желаемъ, подкрѣпленія для каждой добродѣтели: то *тысяча щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ* (Пѣсн. пѣсн. IV, 4). Ибо если мы желаемъ сражаться противъ духовъ печестія: то должны отыскивать защитительное оружіе на выи Церкви, которая воздвигнута для насъ, яко столпъ Давидовъ, т. е. въ Божественномъ Писаніи, чтобы по опредѣленію заповѣди взимать силу помощи противъ пороковъ. Ибо вотъ—если мы спѣшимъ укрѣпиться противъ властей воздушныхъ: то на этомъ

столпѣ находимъ вооруженіе для души нашей, чтобѣ оттуда взять заповѣди Создателя и примѣры предшествовавшихъ (отцевъ), которыми непобѣдимо можемъ вооружиться противъ враговъ нашихъ. Когда ты желаешь исполнить какую либо добродѣтель,— и эту видишь уже исполненною отцами тамъ же, гдѣ находишь свое вооруженіе, которымъ укрѣпляешься противъ духовныхъ воителей. Послику на немъ виситъ тысяча щитовъ: то желающій сражаться шель беретъ ихъ, и ими укрѣпляетъ грудь, и бросаетъ стрѣлы словъ.

23. И надобно замѣтить, что оиѣ (столпѣ) устроены съ своими укрѣпленіями. Потому что укрѣпленія производятъ тоже, что и щиты, такъ какъ тѣ и другіе защищаютъ сражающагося. Но между тѣми и другими различіе состоитъ въ томъ, что щитъ для своей обороны мы можемъ двигать, куда захотимъ; а укрѣпленіемъ мы можемъ защищаться, но передвигать его не можемъ. Щитъ въ рукѣ, а укрѣпленія нельзя держать. Итакъ что за различіе между укрѣпленіями и щитами, если не то, что въ Св. Писаніи мы читаемъ и о чудесахъ предшествовавшихъ отцевъ, и слушаемъ о подвигахъ въ добрыхъ дѣлахъ? Ибо тамъ мы познаемъ, что иной могъ раздѣлять море, иной—останавливать солнце, иной—воскрешать умершаго, иной— словомъ воз-

становлять разбитаго параличемъ, иной — тѣнию издѣлять больныхъ, иной своими платками и полотенцами прекращать болѣзни (Дѣян. XIX, 12). Но всѣ они были кротки и долготерпѣливы, и пламенѣли ревностію къ правдѣ; богаты проповѣдію слова, и вмѣстѣ щедростію милосердія. Итакъ они истину своей проповѣди о Богѣ свидѣтельствуютъ чудесами, потому что они не содѣвали бы ихъ чрезъ Него, если бы не говорили истины о Немъ. А какъ они были благочестивы, какъ смиренны, какъ благосклонны, объ этомъ свидѣтельствуютъ дѣянія ихъ. Итакъ, если мы испытываемъ самихъ себя въ вѣрѣ, которую приняли отъ проповѣди ихъ: то должны обращать вниманіе на чудеса проповѣдавшихъ, и утверждаться въ вѣрѣ, которую отъ нихъ приняли. Слѣдовательно, что суть чудеса ихъ, если не наши укрѣпленія? Потому что чрезъ нихъ, хотя мы и можемъ укрѣпляться, однако же не держимъ ихъ въ рукѣ нашего произволенія, такъ какъ не имѣемъ силы творить таковыхъ. Но щить въ рукѣ, и защищаетъ; потому что добродѣтель терпѣнія, добродѣтель милосердія, по предваряющей насъ благодати, и во власти состоитъ произволенія, и закрываетъ отъ опасности со стороны противной. Итакъ столь нашъ устроень съ своими укрѣпленіями; на немъ виситъ тысяча щитовъ: потому что въ Св. Писа-

ни мы и скрываемся отъ стрѣлъ супостата подъ чудесаши отцевъ, и имѣемъ еще въ рукѣ дѣланія щиты святой жизни. Но надобно замѣтить, что порогъ воротъ измѣряется одною тростию. А трость имѣеть длину въ шесть лакотъ съ пядію, именно потому, что въ Св. Писаніи содержится ученіе и о совершенномъ дѣланіи, и о началѣ высшаго созерцапія. Но если въ этомъ мѣстѣ принять за ворота каждаго проповѣдника: то вѣншній порогъ въ воротахъ есть жизнь дѣятельная, а внутренній порогъ — жизнь созерцательная. Потому что чрезъ ту ходятъ въ вѣрѣ, а чрезъ эту спѣшатъ къ надеждѣ. Та совнѣ ведетъ, чтобы каждый жилъ хорошо; эта внутренно вводитъ, чтобы изъ доброй жизни достигали вѣчныхъ радостей. Этого достаточно намъ для сегодняшней бесѣды. Такъ какъ мы, уклоняясь къ другому, говорили чрезмѣрно долго: то оставимъ то, что слѣдуетъ далѣе, для другаго собесѣдованія, возстановляя силы молчаніемъ, уповая на Слово, Которое живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единствѣ со Святымъ Духомъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. •Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Она заключаетъ въ себѣ четыре стиха — отъ девятого до двѣнадцатаго — объясненныхъ аллегорически или нравственно.

1. Мужъ, коего видѣ былъ какъ бы видѣ мѣди, *измѣрилъ входъ воротъ восемью локтями, а фронтонъ ихъ двумя локтями* (Исзк. XI, 9) (а). И чтобы мы не думали, будто входъ воротъ накладывается внѣ воротъ, присовокупляется: *входъ же воротъ былъ внутри* (Тамъ же). Что же означается внутреннимъ входомъ, если не широта вѣчной жизни, которая въ душѣ уже начинается чрезъ надежду даже среди тѣснотъ настоящей жизни? О ней чрезъ Псалмоцѣвца говорится: *входите во врата Его со славословіемъ, во двори Его съ хвалою* (Псал. XCIX, 4) (б). Ибо когда мы со слезами исповѣдуемъ грѣхи свои, тогда входимъ во врата жизни тѣсной. Когда же послѣ нилъ переводимся въ жизнь

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *mensus est uestibulum portae octo cubitorum, et frontem ejus duobus cubitis. Uestibulum autem portae erat intrinsecus.*

б) По русскому переводу.

вѣчную; тогда входимъ чрезъ врата во двory наши со славословіемъ; потому что тамъ уже не будетъ тѣсноты, когда насъ обьметъ радость непрестаемаго блаженства. По причинѣ тѣсноты нашего исневѣданія Истина говоритъ: *видите узкими вратами* (Мат. VII, 13). И когда Псалмопѣвецъ вообразилъ, что онъ принимается въ широту вѣчной радости, говорилъ: *поставилъ еси на пространньи поль мои* (Псал. XXX, 9). Слѣдовательно, онъ чрезъ ворота стремится ко двору, потому что къ широтѣ торжества переходятъ изъ тѣсноты исневѣданія. Итакъ тѣ радости, которыя у Давида называются дворами, у Іезекииля называются входомъ внутреннимъ. Поэтому этотъ самый входъ называется измѣреннымъ осмью локтями. Ибо тамъ должны быть приняты всѣ тѣ, которые здѣсь и подвизаются въ совершеніи дѣлъ, и стремятся къ вѣчнымъ радостямъ чрезъ благодать созерцанія.

2. Не безъ основанія видимая мѣра полагается въ восемь лакотъ; потому что на семь дней развертывается все время. Ибо вѣчный день, который послѣдуетъ по исполненіи перемѣняемости семи дней, именно есть осмой. Поэтому и Псалмопѣвецъ, разсуждая о днѣ воскресенія, такъ какъ онъ намѣренъ быть говорить о строгости послѣдняго суда, предносилъ заглавіе, говори: *въ конецъ, въ пыльъ о*

осмомъ псаломъ Давиду (Псал. VI, 1). Ибо для того, чтобы показать, о какомъ осмомъ днѣ, чрезвычайно страшномъ, говоритъ онъ, въ началѣ псалма говоритъ: *Господи, да не яростию своею обличити мене, иже твоемъ Твоимъ накажени мене* (Тамъ же, ст. 2). Ибо кто исправляется только розгами, и отъ выговоровъ дѣлается лучшимъ, тотъ наказывается въ кротости, а не во гнѣвѣ. Но на строгомъ ономъ испытаніи всякое обличеніе есть ярость и гнѣвъ, потому что послѣ осужденія нѣтъ прощенія. Причиной сего осмеричнаго числа служить то, что Господь благоволилъ воскреснуть отъ смерти послѣ субботы. Потому что день Господень, который есть третій отъ смерти Господней, отъ сотворенія дней считается осмымъ, потому что слѣдуетъ за седьмымъ. Поэтому и самое истинное страданіе нашего Искупителя, и истинное воскресеніе, прообразовали нѣчто о Его тѣлѣ въ дняхъ страданія Его. Ибо въ шестой день недѣльный Онъ пострадалъ, въ субботу Онъ поконился во гробѣ, а въ воскресный день воскресъ отъ смерти. Такъ какъ настоящая жизнь для насъ есть еще шестой день недѣльный, потому что проводится въ скорбяхъ, и терпимъ мученія въ тѣснотахъ. Но въ субботу мы поконимся какъ бы во гробѣ, потому что находимъ успокоеніе души послѣ тѣла. Но въ день воскрес-

ный, именно въ третій отъ страданій, осмой, какъ сказали мы, отъ сотворенія, мы уже тѣломъ воскресаемъ отъ смерти, и въ славѣ души мы будемъ радоваться даже съ плотію. Итакъ, что Спаситель нашъ дивно устроилъ въ Себѣ, то истинно обозначить въ насъ, такъ чтобы насъ пресметвенно обыманн, и скорбь въ шестой, и успокоеніе въ седьмой, и слава въ осмой. Поэтому чрезъ Соломона говорится: *даждь часть седмимъ, и осмимъ: яко не вѣси, что будетъ лукаво на земли* (Екклес. XI, 2). Ибо мы даемъ часть седмимъ и осмимъ тогда, когда тѣмъ, что разворачивается въ семи дняхъ, располагаемъ такъ, чтобы чрезъ это достигнуть благъ вѣчныхъ чтобы, дѣлая это съ крайнею осторожностію, послѣ избѣжать гнѣва грядущаго страшнаго суда. Итакъ восемью локтями измѣряется входъ внутренній; потому что чрезъ свѣтъ, который слѣдуетъ за семью дцями, открывается намъ широта вѣчности.

3. Но никто въ цей не приходитъ, если онъ здѣсь не будетъ содержать въ благоговѣйномъ сердцѣ любви къ Богу и-ближнему. Поэтому и при-совокупляется; *а фронтонъ его двумя локтями*. Такъ какъ фронтонъ воротъ есть доброе пренровожденіе настоящей жизни. Ибо, какъ подъ входомъ внутреннимъ должно разумѣть вѣчное усно-

конец, такъ фронтономъ воротъ необходимо означаетъ качество видимой жизни. Итакъ фронтонъ воротъ измѣряется двумя локтями; потому что кто здѣсь озаботится сохраненіемъ любви къ Богу и ближнему, тотъ достигнетъ двора вѣчности. Поэтому для того, чтобы жизнь наша имѣла мѣру въ два локтя, она ежедневно должна простираться на любовь къ Богу и вмѣстѣ къ ближнему. Ибо не истинная та любовь, которая имѣетъ менѣе двухъ локтей. Почему Моисей, изображая добродѣтели избранныхъ цвѣтами одеждъ, повелѣваетъ въ украшеніи Первосвященника употреблять червленъ дважды намоченную (Исх. XXVIII, 5). Ибо что означаетъ червленю, если не любовь, которая всегда горитъ пламенемъ расположенія. Но червленъ дважды омочается, когда наша любовь горитъ не только благоговѣніемъ къ Богу, но и расположеніемъ къ ближнему. Ибо кто любитъ Бога такъ, что оставляетъ попеченіе о вѣренномъ ему ближнемъ, въ томъ червленъ еще однажды намоченъ. И кто любитъ ближняго такъ, что уменьшаетъ стремленіе, которымъ долженъ пламенѣть къ Богу, въ томъ нѣтъ еще цвѣта сугубо намоченнаго. Итакъ мы должны любить и тѣхъ, съ которыми живемъ, и всѣмъ сердцемъ стремиться къ Тому, въ Комъ истинно должны мы жить. Ибо вотъ къ вѣрѣ и къ

слушанію слова всемогущаго Бога мы, которые по видимому имѣемъ благочестивое настроеніе, сошлись изъ различнаго качества міра, и собрались къ соединенію съ святою Церковію изъ непохожихъ однѣ на другія неравностей, такъ что по видимому ясно совершилось то, что объ обѣтованіи Церкви говорится чрезъ Исаію: *и настися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ, и рысь почиетъ съ козлищемъ* (Исаіи XI, 6). Ибо по внутренней святой любви волкъ настися съ агнцемъ; потому что тѣ, которые въ мірѣ были хищниками, въ мирѣ живутъ съ тихими и кроткими. И рысь почиваетъ съ козлищемъ; потому что тотъ, кто былъ изнечренъ пятнами грѣховъ своихъ, согласуется въ смиреніи съ тѣмъ, кто презираетъ себя и признаетъ себя грѣшникомъ. Тамъ еще присовокупляется: *и телець и юнецъ и левъ вкупѣ настися будутъ* (Тамъ же); потому что тотъ, кто сокрушеннымъ сердцемъ готовъ на ежедневное жертвоприношеніе себя Богу, и другой, который, какъ левъ жестоко явился отъ свирѣпости, и третій, который, какъ овца, продолжалъ жизнь въ простотѣ своей невинности, сошлись въ овчарняхъ святой Церкви. **Вотъ** какова любовь, которая различія души зажигаетъ, сжигаетъ, расплавляетъ, и превращаетъ какъ бы въ одинъ видъ золота. Но при таковой избранныхъ взаимной любви, имъ необходимо пос-

прѣшать къ Тому, на Кого съ вѣчною радостію взирать на небѣ они заслуживаютъ. Ибо единъ есть Господь и Искунитель нашъ, Который и здѣсь связываетъ сердца избранныхъ своихъ единоплеменемъ, и всегда побуждаетъ ихъ чрезъ внутреннія желанія къ любви вышней.) Поэтому и тамъ присовокупляется: *и отроча мало поведетъ я* (Ис. XI, 6). Кто это малое отроча, если не Тотъ, о Комъ написано: *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ* (Ис. IX, 6). Онъ вмѣстѣ и грозитъ насомымъ; потому что, дабы мы не прилѣпляли сердецъ нашихъ къ вещамъ земнымъ, Онъ ежедневно воспаляетъ ихъ желаніемъ внутреннимъ. И эта самая угроза Его состоитъ въ непрестанномъ воспламененіи насъ къ любви Его, дабы мы, взаимно любя другъ друга, не остановились душею въ этомъ изгнаніи, дабы покой сей жизни не понравился намъ такъ, чтобы доводилъ насъ до забвенія объ отечествѣ, дабы душа, услажденная счастіемъ, не разслабѣвала. Поэтому Онъ и къ дарамъ Своимъ примѣшиваетъ наказанія, дабы для насъ все, что услаждало насъ, дѣлалось горькимъ, и въ душѣ возгарался тотъ огонь, который всегда къ небесному желанію насъ беспокоитъ, возбуждаетъ, и, такъ сказать, увеселительно угрызаетъ, пріятно мучитъ, весело печалитъ. Итакъ отроча малое грозитъ намъ; потому что Тотъ, Кто

не много быть униженъ предъ Ангелами, по любви оказанной намъ, не дозволяетъ намъ прилѣплять души къ эгому міру. Итакъ дважды омочена въ насъ червленъ, если мы и здѣсь любимъ ближнихъ своихъ, какъ себя . самихъ, и къ Виновнику всего поспѣшаемъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ любимъ. Итакъ, если жизнь наша дважды омочается совершенною любовію, то фронтонъ воротъ измѣряется въ насъ двумя локтями. Поэтому, учитель ли озачается именемъ воротъ, или Св. Писаніе, или вѣрнѣе вѣра; въ мѣрѣ того и другаго локтя не непрлично разумѣть любовь, которую истинно проповѣдуетъ тотъ, кто учитъ любви къ Богу и ближнему; и самое знаніе несомнѣнно то, которое любовь устрелетъ; и вѣра крѣпка та, которая выражается въ любви къ Богу и ближнему.—Далѣе слѣдуетъ: *далѣе спальни воротъ къ пути восточному, три съ одной стороны, и три съ другой, и мѣра едина трехъ* (Іезъ. XI, 10) (а).

4. Что значать спальни, и что путь восточный, мы уже сказали выше (Бесѣд. III, числ. 8 и слѣдующ.),

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *Porro thalami portae ad viam orienta'em, tres hinc, et tres inde, et mensura una trium.*

и повторять то еще считаемъ не необходимымъ. Но намъ надобно спросить, что значить сказанное: *три съ одной стороны, и три съ другой*. Потому что спальни къ пути восточному сѣтъ сердца кипящихъ въ любви къ Богу. Извѣстно, что все избранныя, какъ тѣ, которые были въ Ветхомъ Заветѣ, такъ и тѣ, которые послѣдовали за ними въ Новомъ Заветѣ, пламенѣли любовію къ Троицѣ. Ибо они не истинно любили бы Бога, если бы не получали благодати Его Троицы, которая есть Богъ. Итакъ по пути восточному три спальни съ одной стороны, и три съ другою; потому что, когда Господь благоволилъ воплотиться между ветхозавѣтными и новозавѣтными отцами, то явился какъ бы восточнымъ путемъ въ срединѣ спаленъ, которыя спальни украшены по истинному виду добродѣтелей въ познаніи Троицы. Но если мы отнесемъ тоже самое число къ добродѣтелямъ избранныхъ: то три добродѣтели, безъ которыхъ тотъ, кто можетъ что либо совершить, спастися не можетъ,—именно, вѣра, надежда и любовь. А поедику таже самая вѣра, надежда и любовь была въ древнихъ отцахъ, которая и въ новыхъ учителяхъ: то по восточному пути описываются три спальни съ одной стороны, и три съ другою.

5. Или вѣриѣ потому, что три было раздѣленія ветхозавѣтныхъ отцовъ, и три послѣдовало новозавѣтныхъ подѣ благодатию. Потому что ветхозавѣтный народъ имѣлъ отцовъ прежде закона, потомъ подѣ закономъ, и послѣ—Пророковъ. Въ новозавѣтномъ же народѣ сперва увѣрвали начатки Евреевъ, затѣмъ послѣдовала въ вѣрѣ полнота язычниковъ, и затѣмъ па кончинѣ вѣка остатокъ Евреевъ спасется (Рим. IX, 27). Итакъ, послѣ вочлощеніе Госнода и изъ первой части имѣю отцовъ прежде закона, отцовъ подѣ закономъ, и наконецъ Пророковъ, и изъ послѣдней—вѣрующихъ изъ Евреевъ, вѣрующихъ изъ язычниковъ, и наконецъ собереть остатки Евреевъ: то восточный путь называется имѣющимъ три спальни съ одной стороны, и три съ другой. Но и то мы не непрелично принимаемъ, если скажемъ, что есть три разряда вѣрующихъ. Ибо, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ, иной разрядъ Проповѣдующихъ, иной воздержниковъ, и иной добрыхъ супруговъ. Поэтому и тотъ же Пророкъ въ предыдущей части видитъ освобожденными трехъ мужей: Ноя, Данила и Юва (Іезик. XIV, 14), которыми тремя означены именно: Проповѣдники, воздержники и супруги. Ибо Ной управлять ковчегомъ на волнахъ, и потому представлять образъ правителей (Быт. VII, 1. 2 и далѣе). Даниль въ

царскомъ дворцѣ преданъ былъ воздержанію, и потому означалъ жизнь воздержниковъ (Дан. 1, 16). Но Іовъ состоялъ въ супружествѣ, и имѣя поначеніе о своемъ домѣ, благоугодилъ Богу; онъ достойно образуетъ разрядъ добрыхъ супруговъ (Іов. 1, 8). Итакъ, послѣ и прежде пришествія Ходатая были, какъ проповѣдники, такъ и воздержники и добрые супруги, которые ожидали того же пришествия Его, и съ великою жаждою желанія хотѣли видѣть Его, и послѣ, какъ мы видимъ, есть и проповѣдники, и воздержники, и добрые супруги, которые уже не ожидаютъ воплощенія нашего Искупителя, но видѣнія въ славѣ величія Его: то восточный путь имѣетъ три спальни съ одной стороны, и три съ другой, по слову Псалмопѣвца, который о томъ же самомъ пути, именно Искупителѣ нашемъ, говоритъ: *окрестъ Его селеніе Его* (Псал. XVII, 12).

6. Но съ особеннымъ вниманіемъ намъ надобно обсудить, что говорится: *и мѣра едина трехъ*. Ибо, когда далеко отстоитъ превосходство проповѣдниковъ отъ воздержниковъ и молчальниковъ, и далеко отстоитъ превосходство воздержниковъ отъ супруговъ: то что значитъ выраженіе: *мѣра едина трехъ*? Потому что супруги, хотя и хорошо живутъ, и желаютъ видѣть всемогущаго Бога, но за-

няты домашними заботами, и по необходимости раздѣляютъ сердце между тѣмъ и другимъ. Но воздержники удалены отъ заботъ міра сего, и пожеланіе плоти обуздываютъ даже отъ дозволеннаго супружества, чужды и заботы о супругѣ, попеченія о дѣтяхъ, вредныхъ и запутанныхъ помысленій о семейной жизни. Провѣдники же не только сами воздерживаются отъ пороковъ, но и другимъ запрещаютъ грѣшнить, приводятъ къ вѣрѣ, и располагаютъ къ добродѣтельной жизни. Какимъ же образомъ мѣра ихъ одна, когда качество жизни ихъ не одно? Но мѣра одна у трехъ потому, что, хотя въ нихъ различіе заслугъ велико, но разстоянія въ вѣрѣ, въ которой они подвизаются, нѣтъ. Ибо одна и таже вѣра, которая тѣхъ укрѣпляетъ въ великихъ подвигахъ, а слабость этихъ — въ малыхъ поддерживаетъ. Или вѣрише одна мѣра у трехъ потому, что въ послѣднемъ воздаяніи, хотя и не будетъ у всѣхъ одного и тогоже достоинства, однако же для всѣхъ будетъ одна жизнь блаженная. Поэтому и лично Госнодь говоритъ: *въ дому Отца Моего обители мнози суть* (Іоан. XIV, 2). Впрочемъ тѣ, которые введены были въ виноградникъ, хотя пришли и не въ одни часы, получили по одному денарію (Мат. XX, 9). Какимъ же образомъ согласить многіе часы труда съ однимъ денаріемъ,

если не такимъ, что, хотя достоинства блаженныхъ будутъ различны, однакожь одинъ покой вѣчнаго воздаянiя? Пбо заслуга каждаго будетъ различна, но различiя въ радостяхъ не будетъ; потому что, хотя одинъ менѣе, а другой болѣе, будутъ восхищаться, однако же всѣхъ будетъ обимать одна радость о видѣнiи своего Создателя.

7. Тоже самое надобно думать, какъ о Ветхозавѣтныхъ, такъ и о Новозавѣтныхъ отцахъ; потому что, когда восточный путь имѣеть три спальни съ одной стороны, и три съ другой, то мѣра одна для трехъ, такъ какъ таже самая вѣра и таже самая заслуга поддерживала сердца предшествовавшихъ, которая наполняла сердца послѣдовавшихъ, состоящихъ подъ Новымъ Заветомъ, какъ и чрезъ Павла говорится: *илуце же тойже духъ въры, по писанному: въровахъ, тѣмже возлагалхъ: и мы въруемъ, тѣмже и млаглемъ* (2 Кор. IV, 13. см. Псал. CXV, 1). Потому что духовные оные отцы вѣровали, что Богъ есть Троица, такъ, какъ ясно говориши о тойже самой Троицѣ отцы новые. Ибо Исаия слышалъ Ангельскiе гласы, поющiе на небѣ: *святъ, святъ, святъ, Господь Боиъ Саваоѣ* (Ис. VI, 3). Для того, чтобы указать на троичность Лиць, трижды говорится *святъ*, но чтобы ясно было, что существо Троицы едино, не говорится: *Господа Са-*

ваоовъ, но: *Господь Богъ Саваоовъ*. Этоже самое имя въ умѣ, и Давидъ подобнымъ образомъ говорить: *благослови ны Боже, Боже нашъ, благослови ны Боже* (Псал. LXVI, 8). Сказавъ трижды «Боже», онъ для того, чтобы показать единство Его присовокупить: *и да убоятся Его вси концы земли*. И Павелъ говорить: *яко изъ Того, и Тьмъ и въ Немъ всяческая* (Рим. XI, 36). Изъ Того, именно изъ Отца; Тьмъ—Сыномъ; въ Немъ—Духъ Святомъ. Онъ, сказавъ трижды—изъ Того, Тьмъ и въ Немъ,—присовокупить: *Тому слава во вѣки. Аминь* (Тамъ же). Ибо тотъ, кто не сказалъ — Тьмъ,—но Тому, говоря трижды — Тотъ, различилъ лица, а присовокупляя: *Тому слава*, не раздѣлилъ существа. Итакъ, послыку едина есть вѣра древнихъ и новыхъ отцевъ: то справедливо говорится, что одна мѣра для трехъ спаленъ. Это повторяется другими словами, когда присовокупляется: *и мѣра едина фронтоновъ съ той и другой стороны (а)*.

8. Ибо съ той и другой стороны одна мѣра фронтоновъ потому, что отцы наши, какъ прежде отъ Ветхаго, такъ нынѣ отъ Новаго Завета идущіе, сходятся въ одной вѣрѣ Ходатая. Они потому, что полны любовію, воздержаніемъ укрощаютъ

(а) *Et mensura una frontium ex utraque parte.*

плоть свою, совершаютъ чудеса, являютъ доблести; поелику же ихъ добродѣтели видны намъ совнѣ, то не несправедливо называются фронтонами сего небснаго зданія. Ибо все, что нынѣ ясно открывається, есть фронтонъ, такъ что оно есть преддверіе того зданія, которое сохраняется для пасъ внутри. Поэтому и святой Церкви въ Пѣсни пѣсней говорится: *какъ кора краснаго яблока ланиты твои, безъ сокровенныхъ твоихъ* (Пѣсн. пѣсн. VI, 6) (а). Потому что ланиты святой Церкви суть духовные отцы, которые нынѣ блистаютъ въ ней чудесами, и какъ бы на лицѣ ся являютъ почтенными. Ибо когда мы видимъ, что многіе творятъ дивное, пророчествуютъ о будущемъ, рѣшительно оставляютъ міръ, пламенѣютъ желаніями небсными: то ланиты святой Церкви краснѣютъ, какъ кора краснаго яблока. Но что значить все то, чему мы удивляемся, въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ написано: *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9)? И такъ хорошо, когда онъ удивлялся лани-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлѣвника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *sicut cortex mali punici genae tuae, absque occultis tuis*. Въ Славянскомъ переводѣ эта же мысль выражена такъ: *яко обращеніе шибка ланиты твоя, кромѣ замолчания твоего*.

тамъ Церкви, присовокупить: *безъ сокровенныхъ тайнъ* (Пѣсн. пѣсн. VI, 6). Ясно какъ бы такъ было сказано: хотя въ тебѣ велико и то, что не сокрыто, по рѣшительно неизреченно то, что сокрыто. — Далѣе слѣдуетъ: *и размотри широту входа вратняго десяти локтей, широту (а) же вратняго тринадцати локтей* (Езрик. XI, 11).

9. Выше мы уже многое сказали о знаменованіи воротъ; но мы должны держаться одного чего либо, чрезъ что можно было бы проникать и въ прочее благоразуміемъ читателя. Сказано, что подъ названіемъ воротъ можно разумѣть Св. Писаніе. Но намъ надобно тщательно обсудить, почему широта входа вратняго десяти локтей, а долготы тринадцати. Но въ этомъ мѣстѣ долготою воротъ называется высота, такъ какъ мы называемъ долгимъ того, кого видимъ высокимъ. Ибо долготою воротъ нельзя назвать поперечника, косога широта показывается въ десять локтей. Итакъ что значить широта входа вратняго, если не законъ Ветхаго Завета; и что долгота воротъ, если не благодать Новаго Завета? Послѣку Св. Писаніе, когда чрезъ Ветхій Заветъ обуздывало преступленія дѣль, пред-

а) Съ Латинскаго подлинника надобно читать: *и оолготу*.

писывало давать десятины (Второз. XII, 6), лежало чрезъ низкия заповѣди какъ бы на широтѣ влода. Но когда оно чрезъ Новый Заветъ обуздано печестивые помыслы, и заповѣдало оставлять все, и ради Бога презирать жизнь тѣла съ настоящимъ вѣкомъ (Мат. XV, 19. Марк. VII, 21. Лук. IX, 24): тогда наши ворота какъ бы поднялись на высоту долготы. Потому что Израильскому народу чрезъ законъ даны меньшія заповѣди; поэтому Моисей тому же народу говорилъ на долинь (Исх. XIX, 7 и далѣе). Святымъ Апостоламъ Господь далъ высшія (заповѣди); поэтому и учили ихъ заповѣдямъ жизни на горѣ. Но Искупитель нашъ чрезъ Евангеліе говоритъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или Пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити* (Мат. V, 17). Ибо исполнить законъ приходитъ Тотъ, Кто къ правдѣ закона присовокупилъ благодать, чтобы заповѣдусмое тѣмъ въ меньшемъ Онъ помогаль совершать въ выснемъ, и обуздываемое тѣмъ въ дѣлѣ, Онъ отсѣкаль отъ сердца. Итакъ выразумленный законъ, лежащій на широтѣ, сталъ на высоту. Ибо самое познаніе Бога, бывшее при ономъ въ отцахъ духовныхъ, не было извѣстно всему Еврейскому народу. Такъ какъ всемогущаго Бога, именно Святую Троицу, народъ не зналь, когда Пророки проповѣдали. Онъ въ законѣ держался

только десятословія, не зная вѣры въ Троицу. И такъ широта входа вратнаго измѣряется десятию локтями; потому что грубый опый народъ, не зная высоты вѣры, служилъ заповѣдямъ десятословія. Но долгота воротъ измѣряется тринадцатию локтями; потому что чрезъ Новый Заветъ въ сердце вѣрующаго народа надъ заповѣдями десятословія, которыя онъ вѣрно соблюдалъ, возрасло познаніе Троицы. И заповѣди закона усовершенны вѣрою, что всемогущій Господь есть Троица.

10. Здѣсь разумно можетъ быть предложенъ вопросъ: почему (Пророкъ) объ этой широтѣ входа вратнаго, о которой выше сказалъ, что она измѣряется одною тростию, ниже присовокушилъ, что она измѣряется десятию локтями; а потомъ присовокушается, что долгота воротъ измѣряется тринадцатию локтями? Ибо одна трость, какъ уже часто было говорено, имѣетъ шесть локтей и пядень; но десять локтей содержать въ себѣ мѣру, уже большую трости, а тринадцать болѣе, нежели десять. И такъ что значить, что прежде входъ вратный измѣряется одною тростию, послѣ широта его измѣряется десятию локтями, наконецъ и долгота воротъ—тринадцатию локтями, если не то, что святые отцы, о которыхъ по Св. Писанію знаемъ, что они были прежде закона, хотя знали единого все-

могущаго Бога, именно Св. Троицу, но о тойже самой Троицѣ, которую знали, не проповѣдали? Они, повинуясь повелѣніямъ Его, и соблюдая чистоту жизни, имѣли дѣятельнаго совершенства какъ бы на шесть локтей трости, и что видя Ангеловъ, имѣли видень созерцаціи. По дарованіи же закона, оный грубый народъ Еврейскій старался соблюдать заповѣди десятословія, но не былъ наученъ познанію Святыя Троицы. И хотя духовные отцы совершенно знали Ее, однако же великая толпа Синагоги, ни тайнства Троицы найти не могла, ни умѣла искать оное.

11. Но по пришествіи благодати чрезъ Новый Заветъ, всякой вѣрующей народъ позналъ, что единый Богъ есть Троица, и въ познаніи Его исполнилъ добродѣтель десятословія. Слѣдовательно, входъ вратній прежде измѣряется одною тростию, послѣ широта его—десятью локтями, и набоонецъ высота воротъ—тринадцатую локтями; потому что и у святыхъ отцовъ, жившихъ до закона, не было недостатка въ жизни дѣятельной и созерцательной, и подъ десятословіемъ закона, народъ, не зная тайнства Божественнаго существа, служилъ въ широтѣ заповѣдей. И нынѣ подъ благодатию, по вѣрномъ соблюденіи заповѣдей десятословія, всякой, приходящій къ вѣрѣ, познаетъ тайнство Святыя Троицы.

12. Въ этомъ дѣлѣ намъ надобно еще знать и то, что и чрезъ наращенія время возрастало знаніе духовныхъ отцовъ. Ибо Моисей болѣе, нежели Авраамъ, Пророки болѣе, нежели Моисей, Апостолы болѣе, нежели Пророки, были научены вѣдѣнію всемогущаго Бога. Я ошибаюсь, если этого не говорить само Писаніе. Но оно говоритъ: *доидеже научатся мнози, и умощитя видѣніе* (Дан. XII, 4). А то самое, что мы сказали объ Авраамѣ, Моисеѣ, Пророкахъ и Апостолахъ, мы докажемъ, если можемъ, словами тогоже самаго Писанія. Ибо кто не знаетъ, что Авраамъ бесѣдовалъ съ Богомъ (Быт. XII и слѣдующ.)? И не смотря на то, къ Моисею Господь говоритъ: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковъ, Богъ сынъ ихъ; и имене Моего Господь, не явихъ имъ* (Исх. III, 6. VI, 3). Вотъ Моисею болѣе, нежели Аврааму, былъ извѣстенъ Тотъ, Кто открываетъ о Себѣ Моисею то, чего, по словамъ Его, Онъ не открывалъ Аврааму. Но посмотримъ, могли ли Пророки имѣть Божественнаго вѣдѣнія болѣе, нежели Моисей. Псалмопѣвецъ ясно говоритъ: *коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть* (Псал. CXVIII, 97). И присовокупляетъ: *паче всѣхъ учащихъ мя разумѣхъ, яко свидѣнія твоя поученіе мое есть* (Тамъ же, ст. 99). И еще: *паче старецъ разумѣхъ*

(Тамъ же, ст. 100). Итакъ онъ говоритъ, что размышляеть о законѣ, и свидѣтельствуеть, что онъ разумѣлъ *наше всѣхъ ученикъхъ, и наше старцевъ*; потому что открываегъ, что онъ получилъ Божественнаго вѣдѣнія болѣе, нежели Моисей. Но какъ мы докажемъ, что святые Апостолы научены были большому, нежели Пророки? Пегина прямо говоритъ: *мнози Пророцы и Царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Лук. X, 24). Итакъ (Апостолы) имѣли Божественнаго вѣдѣнія болѣе, нежели Пророки; потому что то, что сн видѣли только духомъ, тѣ видѣли уже тѣлесно. Итакъ исполнилось то предсказаніе Давида, о которомъ мы выше сказали: *доидеже научатся мнози, и умножится вѣдѣніе* (Дав. XII, 4). Итакъ мѣра трости, которая шести лакотъ съ пядію, распространяется на десять лакотъ; и мѣра десяти лакотъ наконецъ доходитъ до тринадцати; потому что, чѣмъ ближе міръ приводится къ концу, тѣмъ щедрѣе открывається намъ входъ къ вѣчному вѣдѣнію. Далѣе слѣдуетъ: *и край предѣ спальнями локтя единого* (Гезик. XL, 12) (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et marginem ante thalamos cubiti unius.*

13. Какъ часто мы говорили, что спальни суть сердца избранныхъ, пламенѣющія любовію къ всемогущему Богу. Итакъ что выражается чрезъ край предъ спальнями, если не вѣра? Потому что, если прежде нѣтъ ея, то никакъ нельзя достигнуть духовной любви. Ибо не любовь предшествуетъ вѣрѣ, но вѣра любви. Такъ какъ никто не можетъ любить то, чему не повѣрять. Итакъ край предъ спальнями есть вѣра предъ жаромъ любви; потому что, какъ сказано, если ты не повѣришь тому, что слышишь, то никакъ не можешь воспламениться къ любви того, что слышишь. Но край предъ спальнями локтя единаго; потому что вѣра соединяетъ сердца слушающихъ въ любви къ Богу тогда, когда не раздѣлена заблужденіями и расколами, но пребываетъ въ единеніи, такъ что именно край локтя единаго доводитъ душу до спальни; потому что видъ небеснаго жениха, о которомъ здѣсь проповѣдуетъ, послѣ показываетъ въ небесныхъ (селеніяхъ). Здѣсь хорошо еще присовокупляется: *и локоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ.*

14. Но съ обѣихъ сторонъ говорится такъ, какъ говорилося: у того и другихъ, т. е. у входа и воротъ. Потому что мы сказали, что шпротою входа и долгою воротъ означается Ветхій и Новый Завѣтъ. Наконецъ же присовокупляется, что

лакоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ: потому что именно какъ Ветхій Завѣтъ предвозвѣститъ намъ единого Ходатая Бога и человѣковъ, такъ и Новый Завѣтъ возвѣщаетъ намъ о грядущемъ въ вѣчной славѣ Тоть же, Кого уже мы знаемъ воплотившимся ради насъ. Итакъ лакоть единъ есть конца того и другаго; потому что и во плоти явился Тотъ, о Комъ предсказывалъ законъ, и въ славѣ величія явится Тотъ, о Комъ нынѣ говоритъ Новый Завѣтъ. И тогда будетъ конецъ тому и другому, когда видимый въ силѣ Божества своего исполнитъ все, что было предсказано. Ибо написано: *кончина закону Христосъ въ правду всякому отрующему* (Рим. X, 4). Конецъ не тотъ, который полагаетъ предѣлъ, но который исполняетъ. Ибо Онъ исполнилъ законъ тогда, когда явился во плоти такъ, какъ предсказывалъ законъ. Но Новый Завѣтъ говоритъ еще многое о судѣ Его, многое о царствѣ Его, чего еще мы не видимъ въ исполненіи. Вотъ ежедневно читается Евангеліе, предсказывается жизнь будущая. Итакъ будетъ конецъ и Новому Завѣту тогда, когда Господь исполнитъ то, что обѣтовалъ о Себѣ.

15. Но Новый Завѣтъ окончится потому, что исполнится. Ибо когда будетъ видимъ Самъ Тотъ, о Комъ говорится, тогда слова Завѣта Его преста-

нуть. Поэтому и святой Церкви, возвѣщающей день истиннаго свѣта, какъ бы время весеннее, голосомъ Жениха говорится: *востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, яко се зима прейде, дождь отыде, отыде себѣ: цвѣти явшася на землѣ* (Пѣсн. пѣсп. II, 10—12). Ибо какъ святая Церковь, такъ и всякая избранная душа, для небеснаго жениха близка любовію, голубица по духу, красива по изяществу нравовъ. Когда она уже выводится изъ поврежденія плоти, тогда безъ сомнѣнія для ней зима проходить; потому что цепенѣіе настоящей жизни отходить. Проходить и отходить дождь; потому что, когда она выводится къ созерцанію всемогущаго Бога въ Его сущности, тогда уже нѣтъ надобности въ капляхъ словъ, чтобы напаялъ ее дождь проповѣданія. Ибо она то, чего не могла слышать, ясно увидитъ. Поэтому и тамъ присоветуется: *время обрѣзанія приспѣ* (Пѣсн. пѣсп. II, 12). Потому что при обрѣзываніи безплодныя лозы отсѣкаются, чтобы приносили обильнѣйшій плодъ тѣ, которыя имѣютъ силу. Итакъ время нашего обрѣзыванія приспѣваетъ тогда, когда мы оставляемъ безплодное и вредное поврежденіе плоти, чтобъ имѣть силу достигнуть плода душевнаго. Этимъ обильнѣйшимъ плодомъ для насъ будетъ видѣніе Единаго. Итакъ лавоть единъ конца съ обѣихъ сто-

рошъ; потому что Единъ есть Тотъ. Кто сказалъ: *Единъ есмь Азъ, доидеже преиду* (Псал. СХІ, 10). Онъ Единъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ владычествуетъ на небѣ, какъ одинокая птица на зданіи (Псал. СІ, 8). Какъ Онъ исполнилъ законъ чрезъ таинство воплощенія и совершеннаго вочеловѣченія Своего: такъ исполнить обѣтованія Новаго Завѣта чрезъ явленіе славы величія Своего.

16. Объ этомъ единомъ локтѣ говорила памъ и мѣра ковчега. Ибо ковчегъ, который повелѣвалось устроить въ три ста локтей долины, въ шестьдесятъ (а) ширины, и въ тридцать высоты (Быт. VI, 15), завершивался однимъ локтемъ. Ибо что предобразуется ковчегомъ, если не святая Церковь, которая снизу широка, а вверху узка? Она отъ трехъ сотъ, шестидесяти, и тридцати локтей сводится къ одному локтю; потому что отъ той широты, которую святая Церковь имѣетъ въ членахъ своихъ, еще слабыхъ, мало по малу суживается, и стремясь вверхъ, стремится къ Единому. Ибо самый разумъ требуетъ, чтобы мы вѣрили, что на оной широтѣ ковчега всѣ звѣри, всѣ четвероногія и ползающія были въ нижнихъ этажахъ, а люди и летающія въ верхнихъ. Ибо въ верхней части было

а) По Славянскому переводу, *пятидесяти*.

съ боку окна, изъ котораго человекъ выпускалъ ворона и голубя, для того, чтобъ узнать, изсякли ли уже воды потопа. А послѣку этотъ ковчегъ завершёнъ былъ однимъ локтемъ; то люди и лѣтающія были близъ этого локтя. Итакъ справедливо ковчегомъ означается вся Церковь, которая широка во многихъ своихъ, еще плотскихъ членахъ, но тѣсна въ немногихъ духовныхъ. А послѣку она собирается къ Единному Человѣку, Который безъ грѣха; то какъ бы завершвается однимъ локтемъ.

17. Ибо мы видимъ, что многіе внутри тойже самой святой Церкви гордятся, предаются удовольствію плоти, жадны бываютъ къ приобрѣтенію земныхъ благъ, по жадности преплываютъ моря, необузданно предаются гнѣву, проводятъ время въ тяжбахъ, вредятъ ближнимъ, которыхъ сильнѣе. Но послѣку святая Церковь еще терпитъ ихъ для того, чтобы они исправились: то они на широтѣ ковчега остаются внизу, какъ бы звѣри. Видимъ, что другіе чужаго уже не желаютъ, нанесенную обиду переносятъ равнодушно, собственностію своею довольны, живутъ смиренно. Но послѣку таковыхъ уже немного, то ковчегъ суживается. Видимъ и еще другихъ, которые имѣніе оставляютъ, рѣшительно не заботятся о земныхъ благахъ, враговъ любятъ, плоть отъ всякихъ пожеланій отвращаютъ,

всѣ движенія стѣсняють судомъ разума, по желанію небснаго расправляютъ крылья къ созерцанію. Но послѣку таковыя всеьма рѣдки, то ковчегъ подводится уже близько къ локтю, гдѣ содержатся люди и летающія. Впрочемъ, если бы спросить, кто изъ нихъ можетъ быть безъ грѣха, то не пайдется ни одного. Итакъ кто человѣкъ безъ грѣха, если не Тотъ, Кто не былъ зачатъ во грѣхѣ? Итакъ ковчегъ завершивається однимъ локтемъ; потому что одинъ Виновникъ и Испушитель святой Церкви безъ грѣха, къ Которому и чрезъ Котораго стремятся всѣ тѣ, которые признали себя грѣшниками. Итакъ да будетъ сказано о входѣ и воротахъ: *и локоть единъ коща съ обнихъ сторонъ*; потому что, когда одинъ Посредникъ Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Исусъ, явится во славу своей, тогда исполнить все, что предсказано и обѣтовано въ томъ и другомъ Завѣтѣ.

18. Если же въ этомъ мѣстѣ выраженіе — *съ обнихъ сторонъ* — напоминаетъ о браѣ и спальняхъ: то и это не противорѣчитъ сей мысли; потому что, когда будетъ намъ явлена слава нашего Испушителя, тогда кончится вѣра, такъ какъ человѣкъ начнетъ уже видѣть то, чему вѣровалъ. Достигаютъ предѣла своего и спальни; потому что сердца вѣрующихъ безтѣлесно несравненно скорѣе достигаютъ совер-

всѣ движенія стѣсняютъ судомъ разума, по желанію небснаго расправляютъ крылья къ созерцанію. Но послѣнку таковыя весьма рѣдки, то ковчегъ подводится уже близко къ локтю, гдѣ содержатся люди и летающія. Впрочемъ, если бы спросить, кто изъ нихъ можетъ быть безъ грѣха, то не найдется ни одного. Итакъ кто человѣкъ безъ грѣха, если не Тотъ, Кто не былъ зачатъ во грѣхѣ? Итакъ ковчегъ завершвается однимъ локтемъ; потому что одинъ Виножникъ и Искушитель святой Церкви безъ грѣха, къ Которому и чрезъ Котораго стремятся всѣ тѣ, которые признали себя грѣшниками. Итакъ да будетъ сказано о входѣ и воротахъ: *и локоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ*; потому что, когда одинъ Посредникъ Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, явится во славу своей, тогда исполнитъ все, что предсказано и обѣтовано въ томъ и другомъ Заветѣ.

18. Если же въ этомъ мѣстѣ выраженіе — *съ обѣихъ сторонъ* — напоминаетъ о краѣ и спальняхъ: то и это не противорѣчитъ сей мысли; потому что, когда будетъ намъ явлена слава нашего Искушителя, тогда кончится вѣра, такъ какъ человѣкъ начнетъ уже видѣть то, чему вѣровалъ. Достигаютъ предѣла своего и спальни; потому что сердца вѣрующихъ безтѣлесно несравненно скорѣе достигаютъ совер-

шенства въ любви къ Нему. И такъ *лакошь единъ конца съ обьихъ сторонъ*; потому что видѣніе еди-наго Господа и Спасителя заканчиваетъ въ избран-ныхъ Его вѣру, и доводитъ до совершенства лю-бовь.

19. Надобно подумать, кто мы, которые объ этомъ разсуждаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы при-шли изъ язычниковъ; нѣтъ сомнѣній, что предки на-ши были поклонниками деревъ и камней. Откуда же намъ это, что мы изслѣдываемъ тѣ весьма глу-бокія таинства Пророка Іезикиіа, которыхъ нынѣ даже Евреи не знаютъ? И такъ да будетъ благода-реніе отъ насъ Едипому, Который на дѣлѣ испол-нилъ все то, что написано о Немъ въ Св. Писа-ніи, чтобы видимо ясно было то, чего нельзя было разумѣть по слуху. Потому что тамъ воплощеніе, тамъ страданіе, тамъ смерть, тамъ содержатся воскр-есеніе Его и вознесеніе. Но кто изъ насъ повѣ-рялъ бы этому по слуху, если бы не зналъ собы-тій? И такъ запечатанную книгу, какъ читается въ Апокалипсисѣ Іоанна (V, 3. 5), которой никто не могъ раскрыть и прочесть, раскрылъ Левъ отъ ко-лѣна Іудова; потому что открылъ намъ всѣ свои таинства въ Своемъ страданіи и воскресеніи. И чрезъ то, что перенесъ зла отъ нашей слабости, явилъ намъ блага Своего могущества и славы.

20. Ибо Онъ содѣлался плотию, чтобы насъ содѣлать духовными; благосклонно преклонился, чтобы насъ поднять; вышелъ, чтобы ввести; явился видимымъ, чтобы показать невидимое; претерпѣлъ мученія, чтобы даровать здравіе; выдержалъ поношенія и насмѣлки, чтобы освободить отъ вѣчнаго поношенія; умеръ, чтобы даровать жизнь. Итакъ дадимъ благодареніе животворящему и умершему, и боже животворящему потому, что умершему. Поэтому Псалмъ, ясно созерцая наше спасеніе и страданіе Его, говоритъ: *да совершитъ дѣло Свое, дѣло чуждое Ему; да дѣлаетъ дѣло Свое, дѣло есть отстраненное отъ Него* (Псх XXVIII, 21) (а). Ибо дѣло Божіе состоитъ въ собраніи душъ, которыя Онъ сотворилъ, и опять призвать ихъ въ радости вѣчнаго свѣта. Терпѣть же біенія и оцѣванія, крестъ, смерть и погребеніе, не есть дѣло Божіе по существу Его, но дѣло чловѣка-грѣшника, который все это заслужилъ грѣхомъ. *По пути наши Самъ вознесе на тѣль Своемъ на дрво* (1 Петр. II, 24).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *ut faciat opus suum, alienum opus ejus; ut operetur opus suum, peregrinum est opus ejus ab eo*. Въ Славянскомъ переводѣ эта мысль выражена такъ: *съ яростію сотворитъ дѣла своя, горести тѣло. Ярость же ея чуждо употребится, и поубленіе ея странно*.

И Тотъ, Кто по естеству Своему всегда пребываетъ неосязаемымъ, благопозволилъ быть осязаемымъ и биемымъ въ естествѣ нашемъ; потому что, если бы Онъ не принялъ того, что свойственно нашей слабости, то никогда не возмыслилъ бы насъ до могущества Своей силы. Итакъ, чтобы совершить дѣло Свое, Онъ дѣлаетъ *дѣло чуждое Его*; и чтобы сдѣлать дѣло Свое, — это дѣло отчужденное отъ Него; потому что воплощенный Богъ для того, чтобы собрать насъ къ оправданію своему, благопозволилъ быть мучимымъ за насъ, какъ человѣкъ грѣшникъ. И Онъ совершилъ дѣло чуждое для того, чтобы совершить собственное Свое; потому что чрезъ то, что перенесъ въ слабости наши несчастія, насъ, которые есмы творенія Его, перевелъ къ славѣ силы Своей, въ которой Онъ живетъ и царствуетъ съ Богомъ Отцемъ, въ единствѣ со Святымъ Духомъ, Богъ чрезъ все вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ

Продолжается изъясненіе съ послѣдней части двѣнадцатаго стиха до стиха семнадцатаго сороковой главы Іезикиіи, и преимущественно разсуждается о созерцаніи.

1. Сказавъ выше о спальняхъ, Пророкъ при-
совокупляетъ, что спальни были шести лакоть отсю-
да и оттуда. При этомъ рождается важный для насъ
вопросъ: почему онъ выше сказалъ, что спальня
измѣрена одною тростию, о которой трости сказалъ,
что она имѣетъ именно шесть лакоть и пядень, а
ниже говорить, что спальни имѣютъ мѣру только
шесть лакоть? Ибо, если онѣ измѣряются не трост-
тлю, а шестью локтями; то недостаетъ пяди, ко-
торая по высшему сказанію заключалась въ мѣрѣ
трости. Но если спальни суть чувства и помышле-
нія вѣрующихъ, которыми чистыя души единятся
въ любви къ своему Создателю, а чрезъ шесть лакоть
выражается совершенная дѣятельность, а пядю на-
чаю созерцанія: то мы должны обратить вниманіе
на членовъ святой вселенской Церкви, и скоро най-
демъ, что есть въ ней спальни, имѣющія мѣру одной
трости, и есть другія, только шестилакотныя. Ибо
нѣкоторые вѣрующіе въ ней любятъ всемогущаго
Бога такъ, что и въ дѣлѣ бываютъ совершенны, и
въ созерцаніи опыты. Эти пленно имѣютъ мѣру
трости; потому что обладаютъ и шестью локтями дѣя-
тельности, и пядю созерцанія. Нѣкоторые же хо-
тя любятъ всемогущаго Бога, и исправно упраж-
няются въ добрыхъ дѣлахъ, но не умѣютъ созерцать
Его величіе тончайшимъ разсудкомъ. Они любятъ,

но не умѣютъ отыскивать радости въ Его видѣніи. Эти-то имѣютъ шесть локтей, а пяди не имѣютъ; потому что любовію они уже соединены съ Пимъ, но по созерцанію разъединены. Впрочемъ объ этихъ спальныхъ послѣ разсказа говорится, что онѣ локтя единаго съ той и другой стороны; именно потому, что въ любви къ нашему Создателю и Испушителю вѣрующія души совокупились изъ Іудейскаго народа и изъ язычества.

2. Поэтому, когда тотъ же Испушитель нашъ сѣдя на жребяти входитъ въ Іерусалимъ, какъ свидѣтельствуегь Евангелистъ, *мнози ризы своя постлаша по пути: друзіи же ваіа рѣзашу отъ древіа, и постлаша по пути. И предходѣци и ослѣдъ трядущіи вопіаху, глаголюще: осанна, благословенъ трядый во имя Господне* (Марк. XI, 7--9). Ибо Спаситель нашъ, сѣдя на жребяти, входитъ во Іерусалимъ, когда управляя душою всякаго вѣрующаго, именно своимъ рабочимъ живогнымъ, ведетъ ее къ видѣнію внутренняго мира. На рабочемъ животномъ сидитъ такъ же, когда вообще управляетъ Святою Церковію и воспламеняетъ ее къ желанію вѣчнаго мира. Но многіе постлаютъ по пути одежды свои; потому что укрощаютъ тѣла свои воздержаніемъ, чтобы приготовить путь къ душѣ, или доставить примѣры послѣдующимъ. Другіе же рѣжутъ

вѣтви или листья съ деревь, и постилають по пути; потому что въ ученіи истины заимствуютъ слова и мысли отцовъ изъ ихъ писаній, и для со смиренною проповѣдію подбрасываютъ ихъ на пути Божіемъ душѣ слушателя. Что даже и мы недостойные иногда дѣлаемъ. Ибо когда мы въ рѣчи увѣщанія заимствуемъ мысли у отцовъ; тогда отсѣкаемъ вѣтви отъ деревь, чтобы постилатъ ихъ по пути всемогущаго Бога. Но предыдущіе и послѣдующіе зывали: осанна. Потому что Иудейскій народъ предшествовалъ, а языческій послѣдовалъ. А поелику все избранныя, какъ тѣ, которые могли быть въ Иудей, такъ и тѣ, которые нынѣ существуютъ въ Церкви, и вѣровали и вѣруютъ въ Посредника между Богомъ и людьми: то предыдущіе и послѣдующіе зываютъ: осанна. Осанна же на Латинскомъ языкѣ значитъ — спаси насъ. Ибо отъ Него какъ прежніе просили спасенія, такъ и нынѣшніе просятъ; и благословеннымъ неповѣдуютъ Того, Кто идетъ во имя Господне; потому что одна надежда, одна вѣра, какъ у предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ народовъ. Ибо какъ тѣ спасены ожидаемымъ страданіемъ и воскресеніемъ Его, такъ и мы спасаемся прошеднимъ страданіемъ и на вѣки пребывающимъ воскресеніемъ Его. Такъ какъ въ Кого вѣровали и Кого любили грядущаго предъ нами изъ Иудейскаго народа, въ

Того же и мы вѣруемъ принадлежнаго, и любимъ Его, и плачемъ желаніемъ, чтобы видѣть Его лицомъ къ лицу. Итакъ снаныи Его съ обѣихъ сторонъ; потому что сердца любящихъ вѣру въ Него соединяются и изъ первой части вѣка, и изъ послѣдней. — Далѣе слѣдуетъ: *и измирилъ ворота отъ кровли снаныи даже до кровли ихъ, широту двадцати и пяти локтей* (Іезик. XL, 13) (а).

3. Мы уже часто говорили, что воротами означается вѣра, а чрезъ эту же вѣру можно разумѣть Самаго Господа и Искунителя нашего, Ходатая Бога и чловѣковъ, Исуса Христа; потому что чрезъ вѣру въ Него открывається входъ къ жизни. Но и Св. Писаніе, которое открывається намъ ту же самую вѣру въ познаніи нашего Искунителя, не несправедливо мы принимаемъ за ворота; потому что чрезъ надлежащее разумѣніе его мы входимъ въ разумѣніе невидимаго. Итакъ, если въ этомъ мѣстѣ, какъ сказали мы впереди, подъ воротами разумѣется Писаніе: то надобно спросить, что означается кровлею снаныи, и что кровлею воротъ. Но снаныи

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et mensus est portam a tecto th'auri usque ad tectum ejus, latitudinem viginti et quinque cubitorum.*

имѣеть кровлю; потому что душа любящихъ сокрыта, и жаръ любви еще въ тайнѣ. И ворота имѣють кровлю; потому что все Писаніе хотя и для насъ написано, но не все бываетъ разумѣваемо нами.

4. Потому что многое въ немъ такъ ясно написано, что понятно для дѣтей; а нѣкоторое закрывается такими темными мыслями, что требуетъ напряженія мужей, такъ какъ съ трудомъ понятое болѣе пріятно. Нѣкоторое же въ немъ такъ заперто, что когда мы не разумѣемъ онаго, тогда, сознавая слабость слѣпоты своей, мы болѣе усилваемъ въ смиреніи, нежели въ разумѣніи. Ибо есть нѣкоторыя мѣста, которыя говорятъ о небесномъ такъ, что это понятно только однимъ божіимъ высшимъ гражданамъ, пребывающимъ въ своемъ отечествѣ, а намъ странствующимъ еще не открыто. Ибо, если кто либо направляетъ путь къ неизвѣстному городу, многое слышитъ о немъ на пути: то хотя ничто понимаетъ по разуму, но нѣкоторыхъ вещей, послышку еще не видитъ, рѣшительно не знаетъ; но сами граждане, которые живутъ въ немъ, видятъ и то, чего о немъ не говорится, разумѣють и то, что говорится о немъ. Итакъ мы еще на пути; многое слышимъ объ ономъ небесномъ отечествѣ; иное уже разумѣемъ духомъ и разумомъ, а иное чтимъ, не разумѣя онаго. Поэтому о

томъ же Св. Писаніи написано: *простираяя небо яко кожу. Покрываая водами превиспрежняа своя* (Псал. СШ, 3). Небо простирается какъ кожа, потому что священное Писаніе въ объясненіяхъ расширяется устами смертныхъ. Но есть на небѣ воды, именно выснія толпы, т. е. сонмы Ангеловъ, которыми покрываются горнія селенія того же неба; такъ какъ то, что въ Священномъ Писаніи высоко и темно, ясно только для духовъ Ангельскихъ, а для насъ остается еще неизвѣстнымъ. Итакъ спальня имѣетъ кровлю; потому что ближній не знаетъ еще, сколько бываетъ любимъ отъ ближняго. И ворота, т. е. Св. Писаніе, имѣютъ кровлю; потому что мы еще не можемъ проникнуть разумомъ во все, что слышимъ о небесномъ.

5. Итакъ намъ, остается ежедневно ходить въ преснѣяніи любви на основаніи того, что разумѣемъ. И хотя наши ближніи не видятъ въ насъ, сколько они любимы нами, и въ священномъ Писаніи мы смиренно чтимъ то, чего еще не разумѣемъ: однако мы должны расширяться чрезъ добрую дѣятельность на основаніи того, до чего достигли разумѣніемъ. Поэтому и говорится: *и измѣрилъ еорота отъ кровли спальни даже до кровли ихъ, широту двадцати и пяти локтей.* Ибо мы одарены пятью тѣлесными чувствами, именно, вп-

дѣніемъ, вкусомъ, обоняніемъ, слухомъ и осязаніемъ. Но тоже нятѣричное число, помноженное само на себя, возрастаетъ въ число двадцать и пять. Исполнить же внѣшнимъ образомъ какую либо изъ небеспыхъ заповѣдей мы не можемъ безъ оныхъ няти тѣлесныхъ чувствъ. Надъ этими своими обязанностями начальствуетъ внутренній судія — душа, и какъ бы по доносу и услужливости тѣхъ же самыхъ обязанностей знаетъ, что можно дѣлать внѣшнимъ образомъ по правдѣ, или милосердію. Итакъ, когда душа наполняется страхомъ всемогущаго Господа, тогда необходимо бываетъ, чтобы пять нашихъ чувствъ служили намъ въ доброй дѣятельности, какъ бы подвластные чины. Когда мы начнемъ дѣлать чрезъ нихъ что либо по милосердію, тогда самое милосердіе ежедневно болѣе и болѣе раскрывается, и какъ бы нѣкоторыя объятія распространяются на доброе дѣло. Итакъ пять чувствъ помножаются сами на себя, когда то, что чрезъ нихъ дѣлается, ежедневно умножается усилѣхомъ въ добромъ дѣлѣ. Поэтому и широта называется имѣющею двадцать пять локотъ, потому что страхъ, упрямство и лѣность, есть тѣснота. Ибо кто боятся дать хлѣба бѣдному потому, чтобъ у него самого не было недостатка, тотъ находится еще въ тѣснотѣ страха. Кто не дастъ одежды зябнущему по-

•

тому, что однихъ желаетъ имѣть ее; тотъ обмыает-
ся еще тѣсною своего упримства. Кто не дѣла-
етъ добра потому, что по безразличной теплотѣ ду-
ши лѣнится; для того самое его оцененіе есть
тѣснота. Но позаботиться о бѣдникѣ, выслушать проз-
бу, дать щедрую помощь, оказать защиту, и за защиту
того же бѣдника противящагося не бояться ни чьей
вражды, есть великая широта души. И такъ пусть из-
мѣряется между спальнею и воротами та широта, ко-
торая между ними паходится, двадцатью пятью лок-
тями; потому что дѣйствіемъ виѣннихъ чувствъ до-
казывается и познается, какое изобиліе доброты
скрывается внутри. Ибо что ты узнать уже о Св.
Писаніи, и сколько внутренно любишь ближняго: то
ты являешь на широтѣ добраго дѣла.

6. И такъ пусть открывается широта между
спальнею и воротами въ двадцать пять локтей; по-
тому что между любвію и знаніемъ свидѣтелемъ
служитъ добрая дѣятельность. Если сей (последней)
въ тебѣ не будетъ, то рѣшительно извѣстно, что
ты ни Бога не позналъ, ни ближняго ни любишь;
т. е. ты ни воротъ не имѣешь священнаго слова,
ни спальни любви. И замѣчательно, что простраи-
ство отъ кровли спальни до кровли воротъ назы-
вается промѣреннымъ. Ибо тѣмъ, что въ Св. Пи-
саніи для насъ прикровено, доказывается наше сми-

ршіе; потому что, чего мы въ немъ не разумѣемъ, того не должны съ гордостію оуждать, но должны чтить со смиреніемъ. Поэтому и о Господѣ написано: *вѣжди Ею испытаеть сныи челоовическія* (Псал. X, 4). Потому что вѣжди Его суть суды Его, которые нѣчто отъ насъ закрываютъ, а нѣчто открываютъ. Открывая что либо, они насъ испытываютъ, не гордимся ли мы разумѣніемъ. Закрывая испытываютъ, не презираемъ ли мы того, чего разумѣть не можемъ. А чрезъ то, что мы не говоримъ о своей любви ближнимъ нашимъ, мы истинно испытываемся предъ очами Южінми. Пбо у нѣкоторыхъ любовь на устахъ вымысленная, а у нѣкоторыхъ въ сердцахъ истинная. И часто за любовь выдается то, чѣмъ она не есть, а не показывается то, чѣмъ она есть. И такъ о любви нашей къ ближнему болѣе говоритъ добрая дѣятельность, нежели языкъ, такъ что ближній нашъ въ самомъ добромъ дѣлѣ видитъ, что его любятъ. И когда мы не можемъ дѣлать столько, сколько желаемъ, тогда для всемогущаго Бога бываетъ достаточно внутренняго нашего благорасположенія. И такъ отъ кровли спальни до кровли воротъ должна быть великая широта, чтобы намъ всегда дѣлать добро отъ сокровенной нашей любви къ ближнему даже до смире-

нiя въ знанiи, и къ Богу, на сколько мы разумѣемъ и можемъ.

7. Подъ воротами можно еще разумѣть самый уже входъ въ царство небесное. Нынѣ спальни имѣють кровлю, и ворота имѣють кровлю; потому что неизвѣстно, какова наша любовь къ Богу и ближнему, и неизвѣстно, когда мы изъ сего вѣка введемы будемъ въ покой вѣчной жизни. Ибо Создатель нашъ благоволилъ, чтобы день нашей смерти былъ намъ неизвѣстенъ, для того, чтобы всегда неизвѣстный онъ всегда былъ считаемъ близкимъ; и тѣмъ ревностиѣ всякой былъ въ дѣланiи, чѣмъ неизвѣстнѣе о призванiи. Почему и широта отъ спальни до воротъ простирается на двадцать пять локотъ; потому что мы должны многообразно и непрестанно дѣлать все, что можемъ, по любви, которую мы однажды начали питать къ Богу и ближнему, до входа въ царство. Итакъ отъ кровли спальни до кровли воротъ великая широта. Потому что, отъ благодати, которою мы начинаемъ любить Бога, до самой той любви, которая отверзаетъ намъ входъ въ царство небесное, мы должны расширять самихъ себя въ великомъ подвигѣ добрыхъ дѣлъ, — терпѣливо переносить несчастiя, охотно творить добро, любить даже тѣхъ, отъ кого терпимъ (обиды), раз-

давать то, что имѣемъ, и не домогаться того, чего не имѣемъ, любить ближнихъ, какъ самихъ себя, счастіе ихъ считать нашимъ счастіемъ, несчастія ихъ оплакивать какъ бы наши несчастія. И такъ великая широта въ той душѣ, въ которой нѣтъ тѣсноты ненависти. Эту широту начали мы съ любви къ Богу и ближнему, и узнали чрезъ священные заповѣди. Ибо и самыя двадцать пять локтей широты мы не непримично разумѣемъ, если захотимъ обследовать ихъ по Св. Писанію. Пророкъ сказалъ, что снальни измѣрныи шестью локтями, а въ шестый день сотворенъ человѣкъ (Быт. I, 27); и въ этотъ день, по сказанію, Господь окончилъ дѣла Свои. Поэтому шестеричное число обыкновенно принимается за совершенство. А послѣку мы узнали о всякомъ добромъ дѣлѣ чрезъ четыре книги святаго Евангелія: то, если шесть помножимъ на четыре, мы доходимъ до двадцати четырехъ. Къ этому числу присовокупляется единица, потому что единъ есть Тотъ, чрезъ Кого совершаются все добрыя дѣла. Слѣдовательно, эта широта должна была быть объяснена двадцатью пятью ⁶ локтями; потому что всякое доброе дѣло, какъ мы сказали, познается чрезъ четыре книги святаго Евангелія, и завершается въ познаніи и исповѣданіи единого Бо-

га.—Далѣе слѣдуетъ: *и дверь противъ двери* (Гезик. XI., 13) (а).

8. Въ этомъ мѣстѣ *противъ* полагается не для противоположности, но для прятоты. Ибо дверь противъ двери значитъ, когда прямымъ путемъ совнѣ достигается до внутренняго входа. Но въ познаніи всемогущаго Бога первая наша дверь есть вѣра, а вторая видѣніе Его, къ которому мы приходимъ путемъ чрезъ вѣру. Ибо въ этой жизни мы входимъ въ эту, чтобы послѣ дойти до той. Итакъ дверь противъ двери; потому что чрезъ входъ вѣры открывается входъ къ видѣнію Бога. Но если бы кто захотѣлъ въ этой жизни войти въ ту и другую изъ этихъ дверей, то и это не противорѣчитъ здравому разумѣнію. Ибо мы часто желаемъ размышлять о невидимомъ естествѣ всемогущаго Бога, но никакъ не можемъ; и душа, утомленная самими затрудненіями, возвращается къ самой себѣ, и дѣлаетъ ступени восхожденія себѣ отъ самой себя, чтобы сперва обмыслить, если можетъ, саму себя, и потомъ,

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et ostium contra ostium*. Въ Славянскомъ переводѣ таже мысль выражена такъ: *сія врата ко вратамъ*.

на сколько можетъ, обсудить то естество, которое выше ея. Но если умъ нашъ будетъ разсѣянъ по плотскимъ образамъ, то рѣшительно бываетъ недостаточенъ даже для того, чтобъ обсудить естество души; потому что сколькими водится мыслями, какъ бы столькими же ослѣпляется пренятствіями.

9. Итакъ первая степень состоитъ въ томъ, чтобъ онъ имѣлъ самособранность; вторая въ томъ, чтобъ онъ видѣлъ, каковъ онъ самособранный; третья въ томъ, чтобъ онъ поднялся выше самаго себя, и съ напряженіемъ подчинился созерцанію невидимаго Виновника. Но онъ никакъ не можетъ имѣть самособранности, если прежде не научился устранять отъ взоровъ своихъ мечты земныхъ и небесныхъ образовъ, отклонять и отбрасывать все то, что приходитъ въ размысленіе его со стороны тѣлеснаго видѣнія, слуха, обонія, осязанія и вкуса, поколюку онъ отыскиваетъ себя внутри таковымъ, каковъ онъ есть безъ нихъ. Ибо когда онъ по нимъ размысливаетъ, тогда какъ бы нѣкоторыя тѣни тѣль переворачиваетъ внутри. Итакъ надобно рукою рѣшимости устранить все отъ очей ума, такъ какъ душа разсматриваетъ себя таковою, каковою сотворена она отъ Бога выше тѣла, чтобъ оживотворенная свыше животворила внизу то, чѣмъ управ-

..ляетъ. Она такъ и влита въ тѣло, что не раздѣлена частями по частямъ членовъ. Ибо если тѣло въ какомъ либо мѣстѣ поражается, то она вся болитъ. Но я удивляюсь только тому, что она, председательствуя въ членахъ одною и тою же животворностию, будучи сама по естеству не различна, различное впрочемъ дѣлаетъ чрезъ тѣло. Потому что она глазами видѣть, ушами слышать, нозрями обонять, устами вкушать, всѣми членами осязаетъ, и осязаніемъ различаетъ мягкое отъ жесткаго. И когда она чрезъ чувства дѣйствуетъ столь различно, сама она не различна, но одна распоряжается такъ, какъ сотворена. И такъ когда душа обсуживаетъ саму себя безъ образовъ тѣлесныхъ, тогда она вошла уже въ первую дверь. Но отъ этой двери она стремится къ другой, чтобы видѣть нѣчто отъ естества всемогущаго Бога. И такъ душа въ тѣлѣ есть жизнь тѣла, а Богъ, животворящій все, есть жизнь души. И такъ, если столь величественна жизнь животворенная, что не можетъ быть постижима, то кто можетъ понять разумомъ, сколь величественна жизнь животворящая? Но разсуждать объ этомъ самомъ и разсматривать уже значить нѣкоторымъ образомъ входить; потому что душа отъ своей оцѣнки заключаетъ, что она должна думать о неопредѣ-

номъ Духѣ, Который непостижимо управляетъ тѣмъ, что непостижимо сотворить.

10. Ибо Создатель нашъ далеко несравненно владычествуетъ надъ своею тварію, и нѣкоторыя творенія производитъ для того, чтобъ они были, но не жили; а нѣкоторыя для того, чтобъ они были и жили, но не имѣли возможности судить что либо о жизни; нѣкоторыя же для того, чтобъ они были, жили и разсуждали. И производитъ одинъ все, но во всемъ нераздѣленъ (1 Кор. XII, 6). Ибо Онъ есть истинно верховный, и никогда Самъ Себѣ неравный. Душа же, хотя по естеству не различна отъ себя самой, однако же чрезъ помысленіе различна. Ибо въ тотъ моментъ и пріемъ, въ который она размысливаетъ о зрѣніи, забываетъ мыслить о слухѣ; а въ тотъ моментъ и пріемъ, въ который она мыслить о слухѣ или вкусѣ, не можетъ мыслить объ обоняніи; потому что чрезъ вниманіе и забвеніе она всегда бываетъ не похожа сама на себя, такъ что содержитъ въ мысли то то, то другое. По всемогущій Богъ, такъ какъ равенъ Самому Себѣ, видитъ тою силою, которою все слышитъ, тою силою творитъ, которою судитъ сотворенное. Итакъ для Него видѣть значитъ вмѣстѣ и управлять, а управлять значитъ видѣть. Онъ не иною мыслию помогаетъ праведникамъ, и иною осуждаетъ нечестивыхъ,

но одною и тою же силою единственнаго Своего естества, всегда распоряжается различнымъ въ различныхъ. Но почему мы удивляемся этому въ могуществѣ Создателя, когда мы видимъ слѣды Его силы даже въ твореніяхъ? Потому что сущность грязи и воска различна. Но солнечный лучъ неразличенъ, и однако же, не будучи различенъ, производитъ различное въ грязи и воскѣ; потому что однимъ и тѣмъ же жаромъ огня своего грязь приводитъ въ твердое состояніе, а воскъ расплавляетъ. Но быть можетъ, это заключается въ сущности грязи или воска, а не въ самой сущности солнца, которая въ различныхъ сущностяхъ производитъ, по видимому, различное. Но всемогущій Богъ въ Себѣ Самомъ имѣетъ свойство распоряжаться измѣняемымъ безъ измѣненія, дѣлать различное безъ различія въ Себѣ, образовывать разнообразное безъ послѣдовательности мыслей. Итакъ чрезвычайное различно производитъ различное иногда перазличный въ Себѣ Богъ, Который и вездѣ есть, и вездѣ цѣлый. Ибо говорятъ: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (I.XVI, 1). И написано о Немъ: *Кто измѣри небо пядію, и всю землю хорстїю* (Ис. XL, 12)?

11. Изъ этого необходимо вытекаетъ, что Тотъ, Кто сидитъ на небѣ, какъ на престолѣ, находится

выше и внутри. А кто измѣряетъ небо пядію, и землю горстію, Тотъ находится и внѣ, и выше, и ниже. Итакъ всемогущій Богъ, чтобы показать, что Онъ внутри и выше всего, Самъ сказалъ, что небо есть престолъ для Него. Но для того, чтобы показать, что Онъ все окружаетъ, утверждаетъ, что небо мѣряетъ Онъ пядію, а землю содержитъ въ горсти. Итакъ Онъ есть внутренній и внѣшній, нижній и верхній; по управленію верхній, по пошленію нижній; по наполненію внутренній, по окруженію внѣшній. Онъ внутри существуетъ такъ, что есть и вовнѣ; такъ окружаетъ, что проникаетъ; такъ управляетъ, что носитъ; такъ носитъ, что владываетъ. Итакъ, когда душа, возвышенная до самой себя разумѣетъ свою мѣру, и познаетъ, что она выше всего тѣлеснаго, а отъ разумѣнія себя стремится къ разумѣнію Виновника: тогда что это значить, если не то, что она видитъ дверь противъ двери? Почему и Виновнику всего Пророкъ говоритъ: *чудно для меня видѣніе Твое* (Псал. СXXXVIII, 6); потому что, если душа, сколько бы ни усиливалась, не можетъ совершенно понять саму себя, то сколько болѣе (не можетъ понять) величіе Того, Кто могъ сотворить самую душу? И когда (Пророкъ) трудился въ разумѣніи вѣдѣнія Божія, тогда уставая и изнемогая присовокупилъ: *высоко, не по-*

стиаю его (Тамъ же, по русскому переводу). По когда мы, старалсь и напргалсь, жлаемь видѣть хотя что либо изъ невидимаго естества; тогда мы устасмь, отстасмь и возвращаемся назадъ; и хотя мы не можемь проникнуть во внутреннее, однакоже мы уже видимь отъ вѣшней двери дверь внутреннюю. Ибо самый трудъ размышленія есть дверь, потому что открываетъ пѣчто изъ того, что внутри, хотя войти туда еще нельзя. — Далѣе слѣдуетъ: *и сдѣлаш фронтонь въ шестидесятъ лакотъ, и къ фронтону притворъ воротъ со всѣхъ сторонъ во-кругъ* (Иезик. XL, 14). (а).

12. Мы уже часто говорили, что шестеричнымъ числомъ означается совершенство добраго дѣла (Кн. II. бесѣд. 2. числ. 7 и слѣд.); не тому послѣдуя, что старалсь утверждать мудрые вѣка сего, утверждая, будто шестеричное число совершенно потому, что составляется по счисленію въ своемъ порядкѣ, такъ что когда считаются одинъ, два, три, тогда составляется шестеричное число; или потому,

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et fecit frontes per sexaginta cubitos, et ad frontem atrium portae undique per circuitum*. А въ Славянскомъ переводѣ такъ: *и испокровское Елама вратъ шестидесяти локтеи (шестидесяти пяди) и все двора окрестъ*.

что раздѣляется на три части, т. е. на шестую, третью и половину, именно въ одной, двухъ и трехъ; по мы шестеричное число называемъ совершеннымъ потому, что, какъ нѣсколько выше было сказано, въ шесть дней совершилъ Богъ всѣ дѣла Свой (Быт. I, 21, II, 1). По повелѣнью Онъ далъ грѣшному человѣку законъ, который написанъ въ десяти заповѣдяхъ, а шесть помноженныхъ на десять возрастаютъ въ шестидесять: то справедливо шестидесятью локтями означаетъ совершенство добрыхъ дѣлъ. Это ясно показываетъ въ Евангелии и Господь, Который, излагая притчу о сѣмени, сказалъ: *иное упало на добрую землю; и дало плодъ, который возшелъ и выросъ, и принесло, иное тридцать, иное шестидесять, а иное сто* (Марк. IV, 8). Ибо плодъ доброй земли приноситъ тридцать, когда умъ утвердится въ совершенствѣ вѣры въ Троицу. Приноситъ шестидесять, когда творить совершенныя дѣла доброй жизни. Но приноситъ сто, когда достигаетъ созерцанія вѣчной жизни. Ибо настоящая наша жизнь есть лѣвая, а правая есть жизнь будущая. И справедливо созерцаніе вѣчной жизни означаетъ числомъ сотымъ, потому что, когда мы послѣ тридцати и шестидесяти по счету доходимъ до числа сотаго: то это число сотое переходитъ на правую (руку). Итакъ вѣра и дѣятельность еще на

лѣвой сторопѣ; потому что мы, находясь еще здѣсь, и вѣруемъ тому, чего не видимъ, и дѣйствуемъ для того, чтобы видѣть. Но когда душа погружится въ созерцаніе вѣчной жизни; тогда она какъ бы по счету переходитъ на правую руку. Итакъ сдѣлать фронтоны въ шестьдесятъ локоть. Послѣду шестидесятымъ числомъ означается совершенство: то что означается фронтонами зданія, если не самыя дѣла, которыя совнѣ бывають видимы? Ибо сказать слово поученія, дать пищу алчущимъ, одежду зябнущимъ, и за доброе дѣло терпѣливо перепосеть оскорбленія,—эти дѣла что суть другое, если не фронтоны небснаго зданія? Потому что красота внѣшнихъ дѣлъ украшаетъ жилище Божіе, которое скрывается еще внутри. Но эти фронтоны имѣють притворъ совѣхъ сторопѣ вокругъ; потому что въ немъ великія дѣла, если ихъ въ сердцѣ расширяеть широта любви. Потому что о любви написано: *широка заповѣдь Твоя зело* (Псал. СХVІІІ, 96). О ней Псалмопѣвецъ еще говоритъ: *поставиль еси на пространствѣ нозѣ мои* (Псал. XXX, 9).

13. Но вотъ, когда я говорю, мнѣ приходитъ на мысль, какъ широка любовь. Любовію достигаютъ до Бога, и лично Петипа говоритъ: *видите узкими враты* (Мат. VII, 13). И еще слышу Псалмопѣвца говорящаго: *за словеса устенъ Твоихъ азъ*

сохранихъ пути жестоки (Псал. XVI, 4). И въ Евангеліи Госнодь говоритъ: *иже бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мат. XI, 30). Итакъ какимъ образомъ широка любовь, если ворота тѣсны? Какимъ образомъ иже благо и бремя легко, если за заповѣди Божіи подвергаются путямъ жестокимъ? Но эти вопросы скоро рѣшается намъ сама любовь; потому что и тѣсенъ путь Божій для начинающихъ, и широкъ уже для совершенно живущихъ. И жестоко то, что мы духовно предлагаемъ душѣ непрекоръ ся привычки; и однако же бремя Божіе легко, послѣ того, какъ мы начнемъ нести его такъ, что по любви къ нему правится даже гоненіе, и всякая напасть за него становится сладостію души, такъ какъ и святые Апостолы радовались, что за Госнода претерпѣли біеніе (Дѣян. V, 41). Итакъ самыя тѣсныя ворота для любящихъ широки; самыя жестокіе пути для духовно бѣгущихъ мягки бываютъ и ровны. Ибо когда душа знаетъ, что она за временныя скорби получитъ вѣчныя радости, тогда начинается любить и то, чѣмъ огорчается. Итакъ притворъ предъ фронтами есть широта любви въ совершенствѣ дѣла.

14. И надобно замѣтить, что говорится: *со остьхъ сторовъ вокругъ*, для того, чтобы человекъ именно чрезъ все, что онъ дѣлаетъ, всегда разширялся въ

широтѣ любви, дабы не отѣсняли его ни страхъ, ни ненависть. Итакъ, если кто говоритъ о словѣ Божіемъ, и не имѣеть въ сердцѣ той любви, которую проповѣдуетъ: то онъ имѣеть фронтонъ зданія, но притвора предъ фронтономъ не имѣеть. Если кто щедро раздаетъ милостыню бѣднымъ, и чрезъ нее быть можетъ питаетъ въ сердцѣ гордость, помагаеть недостаточности ближняго не изъ любви, но по тайной гордости: то онъ хотя показываеть фронтонъ на зданіи, но подлѣ фронта на не устроилъ притвора. Если кто терпнтъ поношенія, паношима отъ ближняго, и дѣлаема ему обиды терпнтъ молча: то велико терпѣніе, которое онъ показываеть, но подъ условіемъ, если онъ не имѣеть скорби въ сердцѣ, если для спокойствія кротости желаетъ пользы даже тому, кто причинилъ ему вредъ. Ибо, если имѣющій виѣшнее терпѣніе кростъ внутри скорби, и не любитъ того, кого терпнтъ: то онъ хотя имѣеть фронтонъ на зданіи, но притвора предъ фронтономъ не имѣеть; потому что, кто поддался тѣснотѣ ненависти, тотъ рѣшительно потерялъ широту любви. Ибо, какъ уже сказали мы въ первой части (Бесѣд. IX, преимущественно подъ числомъ 22 и слѣд.), истинное терпѣніе есть то, которое даже любитъ того, кого терпнтъ. Такъ какъ терпѣть, и ненавидѣть, не есть добродѣтель кротости, по

прикровеніе злобы. И замѣчательно, что этотъ самый притворъ называется притворомъ воротъ. Потому что врата наши суть входъ въ царство. И совершенно любить Бога и ближняго значить уже стремиться къ входу царства. Пбо на сколько кто любитъ, на столько приближается ко входу. А на сколько кто небрежетъ о любви, на столько отказывается отъ входа; потому что не усиливается видѣть то, чего желаетъ. Пбо мы тогда имѣемъ притворъ воротъ, когда изъ широты любви желаніемъ уже входимъ въ высшую жизнь, которой достигнуть еще не можемъ. Итакъ, когда совершается доброе дѣло въ отношеніи къ ближнему, тогда остается еще различить намѣреніе того же самаго добраго дѣла, ищетъ ли душа воздаянія отъ настоящей благодати, или она простираетъ надежду свою къ будущему обѣтованію, такъ что за временное надѣется вѣчнаго, за земное небеснаго. Пбо надежда на небесное укрѣпляетъ душу, дабы она не колебалась отъ волненій земныхъ тревогъ. О чемъ и чрезъ Павла говорится: *которая (надежда) для души есть какъ бы якорь надежный и твердый, досягающій даже до внутренняго за завѣсу* (Евр. VI, 19. по русск. переводу). Объ этомъ внутреннѣйшемъ и здѣсь присовокупляется: *и предъ лицомъ воротъ, которыя достигли до лица преддвѣ-*

рія воротъ внутреннихъ, пятьдесятъ локтей (Сезик. XI, 15) (а).

15. Тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ говорится — *предъ лицемъ воротъ* — описывается не видѣнное, но внутреннее мѣсто предъ воротами, когда повѣствуется, что оно достигаетъ до лица преддверія воротъ внутреннихъ. Поэтому-то это мѣсто называется имѣющимъ мѣру въ пятьдесятъ локоть. Такъ какъ пятидесятиричнымъ числомъ означаетъ вѣчное успокоеніе. Ибо седмичное число имѣетъ свое совершенство, потому что имъ закончено число дней. И закономъ суббота дана на покой (Исх. XX, 8. 10). Но самое седмичное число, помноженное само на себя, возвышается въ сорокъ девять; съ прибавкою единицы оно доходитъ до пятидесяти, потому что все наше совершенство будетъ состоять въ видѣніи Того Единого, въ видѣніи Котораго уже не будетъ недостатка ни въ спасеніи, ни въ радости. Поэтому и Юбилей, т. е. пятидесятый годъ, данъ на успо-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et ante faciem portae, quae pertingebat usque ad faciem uestibuli portae interioris, quinquaginta cubitos.* Въ Славянскомъ переводѣ тотъ же самый текстъ читается такъ: *и непокровенное вратъ отвѣтъ, въ непокровенное (вратъ) слама вратъ внутрь уду пятьдесятъ локтей.*

коеніе; потому что, кто достигнетъ вѣчныхъ радостей всемогущаго Бога, тотъ не будетъ имѣть ни труда, ни скорби.

16. Но замѣчательно, что мѣсто, которое описывается простиралющимся на пятьдесятъ локоть, называется достигающимъ до лица преддверія воротъ внутреннихъ. Слѣдовательно, въ этомъ мѣстѣ Пророкъ повѣствуетъ уже не о самомъ преддверіи воротъ внутреннихъ, но о томъ внутреннемъ мѣстѣ, которое простирается къ преддверію воротъ внутреннихъ. Такъ какъ чрезъ это мѣсто, какъ мы сказали, означается наша надежда, которая, желая вѣчнаго успокоенія, ведетъ душу къ преддверію воротъ внутреннихъ. Ибо тѣмъ самымъ, что мы желаемъ небснаго, что жаждемъ обѣтованныхъ радостей, что желаемъ успокоенія вѣчной жизни, мы уже приближаемся къ лицу внутренняго преддверія. И такъ пусть означается воротами вѣра, притворомъ любовь, а мѣстомъ, которое приближаетъ къ лицу преддверія воротъ внутреннихъ, пусть означается надежда, безъ которыхъ трехъ добродѣтей могущій уже пользоваться разумомъ не можетъ взойти въ небсное зданіе. И такъ надобно имѣть вѣру въ воротахъ, которыя приводятъ къ разумѣнію; любовь въ притворѣ, который даетъ просторъ любви; надежду въ томъ мѣстѣ, которое измѣряется пятиде-

сятью локтями; потому что оно чрезъ желанія и воздыханія вводитъ душу въ потасипныя радости покоя. Изъ этого покоя хотя мы еще не видимъ свѣта истины, каковъ онъ есть, однакоже чрезъ щели разумѣнія нѣчто уже видимъ. Поэтому и присовокупляется: *и окна косвенныя въ спальняхъ* (Іезик. XL, 16) (а).

17. Въ косвенныхъ окнахъ тѣсна та часть, чрезъ которую входитъ свѣтъ, но широка часть внутренняя, которая принимаетъ свѣтъ; потому что души созерцающихъ, хотя тошко видятъ и нѣчто отъ истиннаго свѣта, однако же сами въ себѣ крайне разширяются. Онѣ едва могутъ понять даже малое изъ самаго того, что видятъ. Потому что весьма мало то, что созерцающіе видятъ изъ вѣчности: но отъ этого самаго малаго разширяется лоподушь для приращенія рвенія и любви; и онѣ бываютъ обширны оттуда, откуда допускаютъ къ себѣ свѣтъ истины, какъ бы чрезъ тѣсноты. Это величіе созерцанія, такъ какъ оно можетъ быть доступно только любящимъ, называется косвенными окнами въ спальняхъ, или въ тѣхъ (комнатахъ), которыя на-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ: *et fenestras obliquas in thalamis*. Въ Славянскомъ же переводѣ читается такъ: *и оюна сокроуена въ оспимъ*.

ходятся подлѣ снадепъ, уже не внѣ (зданія), но внутри (его). Пбо обѣ этихъ же самыхъ окнахъ присовокупляется: *и на фронтонахъ ихъ, которые были внутри воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ* (а).

18. Пбо онѣ (окна) были въ спальняхъ, были и во фронтонахъ тѣхъ (комнатъ), которыя были устроены внутри воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ; потому что кто имѣетъ внутри сердце, тотъ и принимаетъ свѣтъ созерцанія. Пбо тѣ, которые еще немѣренно предаются помысламъ о внѣшнемъ, не знаютъ, что за щелч созерцанія вѣчнаго свѣта. Такъ какъ не принимается вліяніе онаго безтѣлеснаго свѣта вмѣстѣ съ образами вещей тѣлесныхъ; потому что, когда только одно видимое занимаетъ мисли, тогда невидимому свѣту пѣтъ пропуску въ душу. Но кто уже стремится къ свѣту созерцанія, тому крайне надобно заботиться о томъ, чтобы всегда сохранять душу въ смиреніи, никогда не превозноситься тою благодатию, которою онъ вливается, и обесуждать, каковы должны быть самыя косвенныя окна, которыя означаютъ души созерцающихъ. Пбо чрезъ косвенныя окна входитъ свѣтъ, но не входитъ

а) *Et in frontibus eorum, quae erant intra portam undique per circuitum*

воръ; потому что тѣ, которые истинно суть созерцатели, всегда содержатъ мысли въ смиреніи, и въ души ихъ разумніе созерцанія входятъ, но не входятъ киченіе гордости. Слѣдовательно, и открыты окна, и защищены; потому что, и открыта въ душахъ ихъ та благодать, которою онѣ наполняются, и однакожь онѣ не дозволяютъ входить въ себя врагу чрезъ гордость.

19. Но замѣчательно, что о косвенныхъ окнахъ говорится, что онѣ внутри воротъ со всѣхъ сторонъ. Ибо благодать созерцанія не дается высокимъ такъ, чтобы не давалась низкимъ; но часто получаютъ ее высокіе, часто низкіе, часто отшельники, а иногда и живущіе въ супружествѣ. Итакъ, если нѣтъ ни одной обязанности вѣрующихъ, которая могла бы не допускать благодати созерцанія: то всякоі, имѣющей внутри сердце, можетъ быть озаряема и свѣтомъ созерцанія; потому что внутри воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ устроены косвенныя окна, чтобы никто не превозносился этою благодатию, какъ исключительностію. Никто не долженъ думать, будто онъ имѣетъ частный даръ истиннаго свѣта; потому что въ томъ, что онъ считаетъ своею особенностію, часто бываетъ богаче другон, который и не думалъ, что онъ имѣетъ въ себѣ что либо добраго. Поэтому и здѣсь еще хорошо приевокупляется: *по-*

добрымъ же образомъ были и въ преддверіяхъ окна кругомъ внутри (а).

20. Послѣ того, какъ (Пророкъ) сказалъ объ окнахъ во фронтонахъ, присовокупляетъ объ окнахъ въ преддверіяхъ кругомъ внутри; потому что благодать созерцанія имѣютъ не только высокіе члены святой Церкви, которые отличаются отъ другихъ, но большею частію получаютъ этотъ даръ даже тѣ члены, которые хотя желаніемъ возвышаются къ горнему, но по обязанности лежатъ еще внизу. Ибо если бы всемогущій Богъ не изливалъ свѣта созерцанія и на тѣхъ, которые кажутся презрѣнными: то не было бы окопъ въ преддверіяхъ. И такъ мы видимъ, что одни, поставленные на высшихъ мѣстахъ святой Церкви, высоко говорятъ о небесномъ, съ дивнымъ усердіемъ открываютъ тайны вышняго отечества, на сколько достаточенъ ихъ просвѣщенный умъ; они суть окна во фронтонахъ. Но другіе содержатся въ лонѣ святой Церкви, и кажутся презрѣнными въ глазахъ человѣческихъ, но сами въ себѣ они упражняются въ приобрѣтеніи мудрости, стремятся къ небесному, и желаютъ, на сколько

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *similiter autem erant et in vestibulis fenestras per gyrum intrinsecus.*

могутъ, вѣчныхъ радостей; слѣдовательно, они суть косвенныя окна, но въ преддверіяхъ.

21. Но хорошо говорится: *кругомъ*; потому что всякое розысканіе предметовъ сокровенныхъ имѣеть кругъ, когда въ размысленіи своемъ разумъ спрашиваетъ: то ли ты думаешь? или другое? Онъ какъ бы кругомъ ходитъ, чтобъ отыскать то, чего желаетъ. Когда въ познаніе пачнетъ проникать свѣтъ неописанный, тогда до него (разума) доходить лучъ истины, какъ бы чрезъ косвенное окно. Потому что въ нашемъ созерцаніи мы многое доводимъ до совершенства чрезъ кругообразное обхожденіе размысленіями, такъ какъ часто ищемъ примѣровъ добрыхъ (людей), чтобы сдѣлать преслѣваніе въ нравственности. Ибо, когда душа уже задумываетъ перейти къ лучшему, тогда она отыскиваетъ, что можно слышать лучшаго о другихъ, перечитывая жизнеописаніе или же того, завтра другаго Святаго. Почему я нѣкто избранный, который въ широкомъ доми святой Церкви обращалъ умственные очи на весь міръ, говорилъ: *обидохъ, и пожрохъ въ селеніи Ею (Бога) жертву хваленія* (Псал. XXVI, 6). Вотъ онъ для того, чтобы принести жертву хваленія, обходилъ; потому что, если бы не обращалъ вниманія туда и сюда для изслѣдованія жизни добрыхъ (людей), то самъ не дошелъ бы до жерт-

воприношенія хваленія. Но когда святые мужи внутри святой Церкви возводятся на высшія мѣста, тогда ихъ жизнь поставляется какъ бы предъ зеркаломъ, дабы всѣ видѣли добрыя дѣла ихъ, которыми подражать должны. Поэтому и еще хорошо присовокупляется: *и предъ фронтонами изображеніе пальмъ* (а).

22. Что означается пальмами, если не награды за побѣду? Потому что онѣ обыкновенно даются побѣждающимъ. Поэтому и о тѣхъ, которые на сраженіи мученичества побѣдили древняго врага, и уже какъ побѣдители радовались въ отечествѣ, написано: *съ пальмовыми ортами въ рукахъ своихъ. И восклицали громкимъ гласомъ, говоря: спасеніе Богу нашему сидящему на престоли, и Ангелу* (Апок. VII, 9. 10. по руск. перев.). Потому что имѣть въ рукахъ пальмы значитъ на дѣлѣ одержать побѣды. За это дѣло дается пальма тамъ, гдѣ радуются уже безъ сраженія. Поэтому и здѣсь не говорится: пальмы предъ фронтонами, но: *предъ фронтонами изображеніе пальмъ*. Ибо пальма побѣды будетъ видима тамъ, гдѣ начнется радость уже безъ конечная. Ибо мы здѣсь часто видимъ, что многіе

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ: *et ante frontes pictura palmarum.*

святые мужи дѣлають дивныя дѣла, являютъ силы многія, прокаженныхъ очищаютъ, бѣсовъ изгоняють, прикосновеніемъ изцѣляютъ тѣлесныя болѣзни, по духу пророчества предсказываютъ будущее. Все это еще не пальмы, но только изображеніе пальмъ. Потому что это дается иногда и нечестивымъ. Почему и чрезъ Евангеліе Истина говоритъ: *мнози ркутъ Миѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бьси изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ; и тогда исповьмъ имъ; яко николи же знахъ васъ. Отыдите отъ Мене дѣлающіе беззаконіе* (Мат. VII, 22. 23). Но одинъ есть признакъ избранія—твердость любви, какъ написано: *о семъ разумють вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Но когда избранные творять эти чудеса, тогда творять ихъ различно отъ нечестивыхъ; потому что то, что избранные стараются дѣлать по любви, нечестивые по тщеславію. Но и для самыхъ избранныхъ эти чудеса, которыя творять они по любви, не суть уже пальмы, но еще изображеніе пальмъ; потому что имъ совнѣ открывается, каковыми они признаются внутри у всемогущаго Господа. Но пальма будетъ для нихъ тамъ, гдѣ уже не будетъ боренія со смертію. Пбо прославленный Провѣдникъ вѣдѣлъ, что

*

дѣйствительная пальма дается побѣждающимъ тогда, когда послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, какъ онъ говоритъ: *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало?* (1 Кор. XV, 53—55). Итакъ совершенная побѣда будетъ тогда, когда рѣшительно будетъ поглощена смерть. Но во всемъ томъ, что только мы видимъ дивнаго въ являемыхъ знаменіяхъ, мы видимъ не самую уже побѣду, но только изображенія побѣды. Итакъ, поелику силы и знаменія даются большею частію святымъ и поставленнымъ на внешнихъ мѣстахъ для того, чтобы другіе были приглашаемы къ добрымъ дѣламъ: то предъ фронтонами внутренняго зданія показывается изображеніе пальмъ. На сегодняшній день этого собесѣдованія достаточно, чтобы перейти къ послѣдующему за тѣмъ съ большими силами, при помощи Господа нашего Иисуса Христа, Который живетъ и царствуетъ съ Богомъ Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ чрезъ все вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Объясняются только три стиха, и показывается, какое проявлено совершенство въ Христіанахъ, особенно же въ Апостолахъ.

1. Послѣ того, какъ Пророкъ, говоря о ковенныхъ обнахъ, многое сказалъ о благодати созерцанія, говоритъ, что онъ былъ выведенъ вовнъ, и приноминаеть, что видѣлъ сокровищницы. Этими сокровищницами, что другое означается, если не знаніе учителей? Но въ этомъ дѣлѣ справедливо можно спросить: поелику святые учителя учатъ духовному и внутреннему; то почему Пророкъ говоритъ, что онъ выведенъ былъ вовнъ, и вовнѣ видѣлъ сокровищницы? Но надобно знать, что иное есть созерцаніе то, которое видятъ столько, сколько не можетъ высказать, а иное — знаніе и ученость, которая видятъ столько, сколько можетъ выразить языкомъ. Потому что въ еравненіи съ тѣмъ свѣтомъ, котораго нельзя выразить словомъ, этотъ какъ бы весь вовнѣ, потому что можетъ быть выраженъ въ словѣ. Итакъ (Пророкъ) говоритъ: *и вывелъ меня въ притворъ внѣшній, и вотъ сокровищницы, и полъ устланъ камнемъ въ притворъ вокругъ* (Иезек. XI., 17). (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et eduxit me ad atrium*

2. Послѣву Греческое слово *φιλαττειν* значитъ сохрѣпать, а *газе* на персидскомъ языкѣ называется богатство: то газофилакїею обыкновенно называется то мѣсто, въ которомъ храпятся богатства. Итакъ что называется газофилакїею, если, какъ сказали мы выше, не сердца учителей, полныя мудрости и вѣдѣнія? Потому что, по слову Павла, *овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Духъ* (1 Кор. XII, 8). Ибо есть нѣкоторые, которые по дару благодати разумѣютъ и то, чего не слышали въ объясненіи отъ учителей; они именно получили слово премудрости. И есть нѣкоторые, которые сами по себѣ не могутъ разумѣть слышаннаго, по удерживаютъ (въ памяти) то, что прочтутъ въ изъясненіяхъ, и съ знаніемъ дѣла произносятъ то, чему научились чрезъ чтеніе. Поэтому кто они, если не полныя словомъ разума? Хотя это можно разумѣть и иначе; потому что премудрость относится къ жизни, а разумъ къ ученію. Итакъ кто хорошо живетъ, и мудро проповѣдуетъ, тотъ справедливо называется сокровищницею духовнаго зданія; потому что устами его раздаются небесныя богатства. Учитель языковъ ви-

exterioris, et ecce gasophylacia, et pavementum stratam lapide in atrium per circuitum.

дѣль, что этими богатствами изобилуютъ ученики его, когда говорилъ: *обогадитесь о Демъ, во всякомъ словѣ, и всякомъ разумѣ* (1 Кор. I, 5). Итакъ въ зданіи святой Церкви устроены сокровищницы; потому что они изобилуютъ богатствомъ знанія, высказываемаго учителями. Что это богатство истинное, объ этомъ лично говоритъ сама Истина, когда говоритъ о богатствѣ преходящемъ: *прелесть богатства заграждаетъ слово* (Мат. XIII; 22). Ибо премудрость и знаніе духовнаго ученія суть истинныя богатства, въ сравненіи съ которыми преходящія (богатства) называются ложными. Объ этомъ богатствѣ чрезъ Соломона говорится: *сокровище возжеланно почитъ во устьхъ мудраго* (Притч. XXI, 20). Но исключая того, что духовное богатство ведетъ къ вѣчному отечеству, въ немъ есть великое различіе отъ богатства земнаго; потому что духовное богатство, отъ употребленія въ расходъ умножается, а земное богатство, или употребляется въ расходъ и уменьшается, или удерживается и бываетъ безполезнымъ. Поэтому тѣ, которые имѣютъ въ себѣ истинное богатство, справедливо называются сокровищницами.

3. И самыя сокровищницы имѣютъ поль во-кругъ; потому что къ нимъ присоединяется и подчиняется смиреніе слушателей. Этотъ поль спра-

ведливо называется усталымъ камнемъ въ притворѣ вокругъ; потому что въ широту любви взаимно соединены однѣ съ другими души вѣрующія. Онѣ называются и камнями по твердости вѣры, и усталыми на полу, по едипству смиренія. Апостоль Петръ видѣлъ эти души вѣрующихъ твердыми въ вѣрѣ, когда говоритъ: *и сами яко каменіе живо зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Петр. II, 5). Объ этихъ камняхъ святой Церкви Господь чрезъ Исаію говоритъ: *положу забрала твоя іаснісь, и врата твоя каменія кристалла, и огражденіе твое каменія избранная. И вси сыны твоя научены Богомъ* (Ис. LIV, 12). Ибо всемогущій Богъ положилъ забралами (укрѣпленіями) святой Церкви іаснісь, камень зеленаго цвѣта; потому что души проповѣдниковъ ея укрѣпляютъ любовію вѣчной зелести такъ, что они презираютъ все преходящее, ничего не желаютъ въ этомъ мірѣ, который замыкается копцемъ, презираютъ всѣ радости его, какъ сухія. Поэтому и пастырь Церкви, призывая своихъ слушателей на паству вѣчной зелести, о Богѣ говоритъ: *по великой Своей милости, воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ изъ мертвыхъ, возродившій насъ къ упованію живому, къ насмѣдію нетлнному, непорочному, неуыдаемому, хранящемуся на небесахъ* (1 Петр. I, 3. 4).

4. Итакъ ворота сей святой Церкви постав-
ляются на рѣзные камни; потому что тѣ, по гла-
су когорыхъ мы входимъ въ жизнь вѣчную, пока-
зывая въ самихъ себѣ святыхъ дѣла, которыя запо-
вѣданы свыше, какъ бы въ себѣ удержали рѣзбу.
Ибо ворота не были бы рѣзные, но были бы про-
стыя, если бы онѣ проявляли только слово, но свя-
тыхъ дѣлъ въ себѣ не показывали. Но гдѣ они
показываютъ, что сами живутъ по тому, что го-
ворять другимъ; тамъ они — и ворота, потому что
вводятъ внутрь, — и рѣзные, потому что жизнью со-
храняютъ то, что говорятъ другимъ. Мы видимъ,
что всѣ отдѣльныя части сей святой Церкви по-
ставлены на избранные камни, когда въ ней ви-
димъ всѣхъ вѣрующихъ твердыми въ вѣрѣ и люб-
ви. Онъ (Пророкъ Исаія), чтобы показать, кого на-
звать камнями, присоветовалъ: *и вся сыны твоя
научены Богомъ* (Ис. LIV, 13). Итакъ что видѣлъ
Исаія во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ Церкви из-
бранные камни, то Іезикииль выразилъ чрезъ полъ,
устлапный камнемъ вокругъ; потому что о сокро-
вищницахъ еще присоветовалъ: *тридцать сокро-
вищницъ въ окружности пола* (а).

(а) *Triginta galophylacia in circuitu pavimenti.*

5. Десятиричное число всегда принимается за совершенство, потому что въ десяти заповѣдяхъ содержится соблюденіе закона. Ибо дѣятельная и созерцательная жизнь вмѣстѣ соединены въ заповѣдяхъ десятословія; потому что въ немъ заповѣдуются сохранять и любовь къ Богу, и любовь къ ближнему. Потому что любовь къ Богу относится къ созерцательной жизни, а любовь къ ближнему — къ дѣятельной. Но каждый учитель для того, чтобы вполне разшириться въ жизнь дѣятельную, и бдительно возноситься въ созерцательную, долженъ быть совершенъ въ вѣрѣ во Святую Троицу. Поэтому и этихъ самыхъ сокровищницъ насчитывается тридцать, такъ что, когда десять помножаются на три, тогда жизнь и языкъ учителя утверждается въ Троицѣ.

6. Но въ этомъ дѣлѣ намъ тщательно должно разсмотрѣть то, что Пророкъ, описавъ сокровищницы, присовокупилъ: *поль кругомъ*. И ниже прибавилъ: *сокровищницы въ окружности поля*. Покодику надобно видѣть, что есть и сокровищницы въ окружности поля, и есть поль въ окружности сокровищницъ. Потому что поль и сокровищницы раздѣлены въ такомъ порядкѣ, что сокровищницы были помѣщены между поломъ, и поль насланъ между сокровищницами. Это, братіе, не безъ великаго таинства, что въ окружности сокровищницъ

говорится о полѣ, и въ окружности поля повѣствуется о сокровищницахъ. Ибо полѣ имѣеть въ окружности сокровищницы потому, что языкъ учителей ежедневно устрояеть и хранитъ жизнь слушающихъ. Такъ какъ добрые учителя въ словахъ святаго наставленія иногда побужденіями пріятности, иногда жестокостію обличенія заботятся о томъ, чтобы защитить жизнь своихъ слушателей отъ пороковъ. Но и самыя сокровищницы имѣють въ окружности цолъ; потому что часто и сердце учителей подвергается искушеніямъ пороковъ, такъ что иногда увлекается самоуниженіемъ и гордостію, иногда воспламеняется гнѣвомъ. Но когда они обсуживаютъ жизнь добрыхъ слушателей, и думаютъ, что она усовершилась по ихъ увѣщаніямъ: тогда они краснѣють отъ того, что сами не таковы, каковыми другіе содѣлались чрезъ нихъ при помощи Божіей, и утверждаютъ предъ собою въ умѣ, какъ они вполнѣ подвергаются осужденію. Ибо когда собственныя свои слова приходятъ учителямъ на память, тогда они краснѣють, что не исполняютъ того, что говорить. По-этому и чрезъ Соломона говорится: *душа трудящагося трудится для себя, потому что уста его принудили его* (къ тому) (Притч. XVI, 26) (а). Такъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *anima laborantis laborat sibi quia compulit eum os suum.*

какъ уста наши принуждаютъ насъ къ труду, когда тѣмъ, что говоримъ, удерживаемся отъ пороковъ; потому что крайне гнусно для насъ падать по небреженію туда, откуда мы старались проповѣдію извлечь другихъ. Итакъ сокровищницы имѣютъ въ окружности поль; потому что надежною стражею учителей служить честная жизнь слушателей. И собственное ихъ слово бываетъ имъ помощію; потому что они стыдятся того, что не противостоятъ порокамъ, которые другихъ вооружили противъ пороковъ.

7. Доколѣ человекъ живетъ въ этой жизни, доколѣ что другое онъ дѣлаетъ, какъ не стоитъ въ боевомъ порядкѣ противъ злыхъ духовъ? такъ какъ мы выше сказали, что душа учителя, быть можетъ, возбуждается нѣкоторою гордостію. Но онъ, или для того, чтобы самому не погибнуть, или для того, чтобы примѣромъ своимъ не увлечь другихъ къ гибели, бодренно и поспѣшно озирается во кругъ, въ помышленіяхъ чувствуетъ угрызеніе; приведши на память жизнь своихъ слушателей, смиряетъ самого себя, и всѣ возможные способы употребляетъ къ тому, дабы гордость не овладѣла душою, дабы она не управляла дѣятельностію. Потому что написано: *начало (всякаго) грѣха гордыня* (Сирах. X, 15). Итакъ, кто будетъ плодомъ добраго дѣланія предъ очами

Божіими, если онъ съ корня загнилъ гордостію? Часто, какъ сказано выше, душа его искушается гнѣвомъ; но очень скоро онъ осматриваясь приходитъ въ самого себя, и стѣсняя себя тяжестію науки, дѣйствуетъ такъ, чтобы волненіе души не переходило въ слово, чтобы не звучало въ голосѣ. И бываетъ, что гнѣвъ возмущенной души тамъ разсудкомъ задушаемый умираетъ, гдѣ по перадѣнію получилъ начало. Отъ этого происходитъ, что душа раждаетъ добродѣтель отъ зачатого порока; потому что, хотя она не хотѣла твердо стоять, чтобы не увлечься движеніемъ, однако же въ движеніи храбро препобѣдила саму себя. Поэтому чрезъ Соломона хорошо говорится: *лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣпкаго; удерживавшій же гнѣвъ, паче вземлющаго градъ* (Прптч. XVI, 32). И справедливо терпѣливый предпочитается завоевателю городовъ; потому что въ томъ дѣлѣ побѣды человекъ есть побѣдитель людей, а въ этомъ дѣлѣ кротости терпѣнія душа есть побѣдительница самой себя.—Далѣе слѣдуетъ: *и полъ на фронтонъ воротъ по долготѣ воротъ былъ внизу* (Іезнк. XI, 18) (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et pavementum in fronte portarum secundum longitudinem portarum erat inferius.*

8. Если длину воротъ отнесемъ мы къ тому мѣсту, на которомъ были устроены ворота, то по длине воротъ полъ былъ внизу; потому что, сколько пространства могло занимать мѣсто воротъ, на столько простирался и полъ, который былъ внизу. Итакъ длина пола не была различна отъ воротъ, но равенства пола съ воротами не было. Итакъ что это значить, что полъ съ воротами равно былъ долготъ, но не былъ равенъ, если не то, что жизнь народа далеко отстоитъ отъ жизни учащихся? Потому что, хотя онъ, стремясь къ царству небесному, имѣетъ одну и ту же терпѣливость надежды, впрочемъ не имѣетъ одной и той же ревности къ жизни. Итакъ пусть полъ простирался на подобную длину; потому что слушатели удерживаютъ въ себѣ ту самую вѣру, ту самую надежду, которую, какъ извѣстно, имѣютъ проповѣдники. Но полъ пусть лежитъ внизу, чтобы все слушатели знали, что ихъ проповѣдники далеко превосходятъ ихъ по своимъ заслугамъ. Но если мы, какъ сказали выше, должны подъ длиной воротъ разумѣть самую высоту ихъ: то, какъ нѣсколько послѣ написано, когда къ воротамъ восходили по ступенямъ, полъ на столько лежитъ внизу, на сколько каждая ворота поднимаются на высоту. Потому что, чѣмъ святѣ жизнь учителя, тѣмъ смиреннѣе бываетъ чувство слушателя. Онъ и

самъ себя презираеть, когда обсуживаетъ жизнь своего проповѣдника, висящую на великую высоту. Ибо подражать ему въ многомъ, можетъ быть, и можетъ, но въ другомъ не можетъ. Въ чемъ можетъ, онъ усиѣваетъ, а въ чемъ не можетъ, онъ смиряется. Следовательно, и то самое служитъ ему къ преснѣянiю, что неподражаемо въ преснѣянiи.

9. Ибо вотъ, если мы обсуживаемъ тѣ слова и дѣла нашихъ проповѣдниковъ, о которыхъ читаемъ; то познаемъ, на какую высоту были подняты ворота. Ибо умалчивая о явленiи знаменiй, скажемъ о добродѣтеляхъ сердечныхъ. Извѣстно о Павлѣ, который говоритъ, что онъ закономъ умеръ для закона, потому что вѣру во Христа проповѣдывалъ ему и самый законъ (Гал. III, 24), — что онъ по великой ревности къ вѣрѣ не захотѣлъ по плоти держаться заповѣдей закона, запретилъ обрѣзанiе въ язычникахъ. И когда Апостоль Петръ хотѣлъ было соблюдать еще обычай законнаго обрѣзанiя: тогда онъ (Павель) лично противостоялъ ему, и сказалъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ подверженъ былъ нареканiю (Гал. II, 11). И высказывая эту свою ревность ученикамъ, называетъ (поступокъ Петра) не только простукомъ, но—что болѣе—лицемѣриемъ, т. е. притворствомъ, говоря: *когда Петръ пришелъ въ Антиохiю, тогда я лично противостоялъ ему; ибо*

онъ подверженъ былъ нареканію. И пѣсколько послѣ: амьстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудеи (Гал. II, 11. 13). По тотъ же Апостольскій первенецъ (Петръ), давая многія наставленія ученикамъ, и узнавъ, что они увлекаются нѣкоторыми писаніями Павла, говоритъ: *какъ и возлюбленный братъ нашъ Павелъ, по мудрости ему данной, написалъ вамъ; такъ какъ онъ говоритъ о семъ и во всѣхъ своихъ посланіяхъ, въ которыхъ есть нѣчто и неудобовразумительное; что неспяжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаются; подобно какъ и прочія Писанія* (1 Петр. III, 15. 16). Вотъ (Павель) въ своихъ посланіяхъ написалъ, что Петръ подверженъ былъ нареканію, и вотъ Петръ въ своихъ посланіяхъ утверждаетъ, что Павелъ дивенъ въ томъ, что онъ написалъ. Извѣстно, что если бы Петръ не прочиталъ посланій Павла, то не сталъ бы хвалить ихъ. А если онъ прочиталъ ихъ, то замѣтилъ, что въ нихъ самъ онъ назывался подверженнымъ нареканію. Итакъ другъ истины похвалилъ даже то, что его обличили; ему понравилось даже то самое, о чемъ онъ думалъ иначе, нежели какъ слѣдовало думать. И онъ согласился съ меньшимъ братомъ, и въ этомъ самомъ дѣлѣ содѣлался послѣдователемъ меньшаго себя, чтобы тому, кто былъ первымъ въ сонмѣ Апостоловъ, быть первымъ

и въ смиреніи. Итакъ обсудите, возлюбленнѣйшіе братія, на какой высотѣ души стоялъ тотъ, кто хвалилъ тѣ посланія, въ которыхъ написано, что онъ подверженъ нареканію. Какая кротость, какое снокойствіе духа, какая твердость души, и не возмущаемость помышленія? Вотъ онъ отъ меньшаго себя обличается, и не обижается тѣмъ, что его обличаютъ. Не припоминаеть того, что онъ первый призвалъ къ апостольству, ни того, что онъ получилъ ключи царствія небснаго, ни того, что, если онъ разрѣшитъ какіе либо грѣхи на землѣ, то они будутъ разрѣшены и на небѣ (Мат. IV, 18. XVI, 19 и дал.), ни того, что ходилъ по морю (Мат. XIV, 29), ни того, что онъ однимъ словомъ во имя Іисуса возставлялъ расслабленныхъ (Дѣян. IX, 33. 34), ни того, что врачевалъ больныхъ тѣлю своего тѣла (Дѣян. V, 15), ни того, что словомъ убивалъ лжецовъ (Дѣян. V, 10), ни того, что молитвою воскрешалъ мертвыхъ (Дѣян. IX, 40). Итакъ для того, чтобы безъ негодованія выслушать слова обличенія, онъ какъ бы забылъ всѣ полученные имъ дары, чтобъ удержать одинъ даръ крѣпкаго смиренія. Итакъ кто изъ насъ, спрашиваю я, явивши хотя какое либо изъ послѣднихъ знаменій, будучи обличенъ отъ меньшаго, терпѣливо выслушалъ бы слова обличенія? Мы не сдѣлали никакого чуда, но

если бы кто сталъ укорять насъ за какое либо наше дѣйствіе, то мы тотчасъ разсердимся, тѣмъ считая самихъ себя за людей великихъ, припоминая себѣ даже и тѣ добродѣтели, которыхъ не имѣемъ. Напротивъ того Петръ съ добродѣтелями быть смиренъ при обличеніи, но ворота поднялись на высоту. Но мы не можемъ подражать этому, столь высокому смиренію; и какъ полъ, далеко лежимъ внизу.

10. Но нѣкоторые думаютъ, будто Павелъ обличалъ не Петра, первенца изъ Апостоловъ, но кого-то другаго, называвшагося тѣмъ же именемъ. Если бы они съ большимъ вниманіемъ прочли слова Павловы, то не стали бы говорить этого. Ибо Павелъ, начиная рѣчь: *когда Петръ пришелъ въ Антиохію, тогда я лично противостоялъ ему* (Гал. II, 11), для того, чтобы показать, о какомъ Петрѣ онъ говорилъ, въ самомъ началѣ своего повѣствованія сказалъ: *мы въѣхавъ въ Иерусалимъ, для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ. Но Тотъ, Кто содѣйствовалъ Петру въ Апостолство къ обрѣзаннымъ, содѣйствовалъ и мы къ язычникамъ* (Гал. II, 7. 8). Слѣдовательно, ясно, о какомъ Петрѣ говоритъ Павелъ, и Апостоломъ называя его, и повѣствуя, что онъ былъ начальствующимъ въ Евангелии обрѣзанія.

11. И были люди, которые говорили, будто второе посланіе Петра, въ которомъ похвалены посланія Павловы, не его посланіе. Но если бы они захотѣли обсудить слова тогоже самаго посланія, то стали бы думать совсѣмъ иначе. Потому что въ немъ написано: *гласу пришедшу къ Нему такову отъ величныя славы: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже Азъ благоизволихъ.* И присовокупляется: *и сей гласъ мы слышавомъ въ небесе сшедшъ, съ Нимъ суща на горѣ святѣй* (2 Петр. I, 17. 18). Итакъ пусть они прочтутъ Евангеліе, и тотчасъ узнаютъ, что когда этотъ голосъ сходилъ съ неба, тогда Апостоль Петръ стоялъ съ Господомъ на горѣ. Слѣдовательно, это посланіе написалъ тотъ, кто слышалъ на горѣ этотъ гласъ о Господѣ.

12. Но послѣку мы немного сказали о Петрѣ, то теперь, если угодно, обратимся къ кротости Павла, и по возможности обсудимъ, какъ былъ кротокъ и терпѣливъ тотъ, кто былъ столь пламененъ въ ревности проповѣданія, что не пощадилъ и перваго изъ Апостоловъ. Но мы умолчимъ о томъ, что онъ трижды былъ битъ розгами, что однажды побивали его камнями, что три раза терпѣлъ онъ кораблекрушеніе, что ночь и день пробылъ онъ въ глубинѣ морской, что отъ Иудеевъ пять разъ дано ему было по сороку ударовъ безъ одного (2 Кор.

ХІ, 24. 25). Ибо менѣе подвигаютъ душу на гнѣвъ тѣ бѣды, которыя наносятся намъ отъ открытыхъ враговъ: гораздо большѣе бываетъ то, что мы терпимъ отъ своихъ. Поэтому-то и Сама Истина, жалуюсь чрезъ Псалмопѣвца на своего предателя, говорить: *яко аще бы врагъ поносилъ Ми, претерпѣлъ быхъ убо. Ты же человекъ равнодушне, владыко Мой и знаемый Мой, иже купно наслаждался еси со Мною брашенъ* (Псал. LIV, 13—15). Итакъ разсудимъ по возможности, что Апостолъ Павелъ былъ столько терпѣливъ среди гонителей, сколько былъ вротокъ среди учениковъ. Пришедъ въ Коринѳъ, онъ отвлекъ Коринѳянъ отъ служенія идоламъ, научилъ ихъ вѣдѣнію истиннаго Бога, и возвѣстилъ имъ о радостяхъ вѣчной жизни. И когда собиралъ великое множество народа къ вѣрѣ, тогда переносилъ тамъ такую нужду, что зарабатывалъ содержаніе себѣ съ большимъ затрудненіемъ. Онъ не получалъ и земнаго хлѣба отъ тѣхъ учениковъ, которымъ проповѣдывалъ хлѣбъ небесный. Словомъ онъ крѣпко стоялъ за жизнь слушающихъ, трудомъ рукъ стоялъ за жизнь своего тѣла (1 Коринѳ. IV, 12. 1 Солуп. II, 9. 2 Солуп. III, 8). Даже изъ другихъ странъ были присылаемы ему отъ учениковъ пособія, чтобъ онъ безбѣдно могъ проповѣдывать Коринѳянамъ. Потому что послѣ самъ онъ чрезъ посланіе къ тѣмъ же

Коринтянамъ говоритъ: *пришедъ къ вамъ, и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому. Скудость бо мою исполниша братія, пришедшіе отъ Македоніи* (2 Коринѣ. XI, 8. 9). Къ великому стыду ихъ онъ впереди сказалъ: *я ввѣдиль друіа Церкви въ убытокъ, заимствѣя отъ нихъ содержаніе, когда служилъ вамъ* (2 Коринѣ. XI, 8. по рускому переводу). И такъ представимъ себѣ, сколько можемъ, какова была кротость еѣго, — проповѣдывать о хлѣбѣ душевномъ, и не получать хлѣба тѣлеснаго; настраивать сердца слушающихъ къ богатству вѣчному, и голодать среди тѣхъ же самыхъ вѣрующихъ и богатыхъ учениковъ; среди сытыхъ терпѣть голодъ, впрочемъ не говорить о томъ, что было претерпѣваемо; и однакожь не скорбѣть; видѣть жестокія въ отношеніи къ нему сердца упорныхъ слушателей, но не прекращать проповѣди. Ибо онъ, по свидѣльству Дѣяній Апостольскихъ, годъ и шесть мѣсяцевъ проповѣдывалъ въ этомъ самомъ городѣ (Дѣян. XVIII, 11). И когда отъ этихъ самихъ Коринтянъ удалился, тогда написалъ имъ послѣ, что онъ перенесъ у нихъ (2 Коринѣ. XI, 23 и далѣе). Но почему онъ никогда не говоритъ имъ этого, когда жилъ среди ихъ? Именно поэтому, чтобы по приказанію не было дѣлаемо то, чего въ отношеніи къ нему не было дѣлаемо по доброй

волѣ; и когда бы сдѣлалось извѣстнымъ ихъ милосердіе, тогда осталась бы неизвѣстною ихъ волѣ. Почему же онъ пишетъ объ этомъ гораздо долго спустя? Потому, чтобы не на всегда оставлять неисправимыми учениковъ, и чтобы они не были таковыми же къ другимъ братіямъ, каковы были по скуности въ отношеніи къ учителю. Въ этомъ Павелъ, истинный учитель язычниковъ, не заботясь о себѣ, а стараясь о другихъ, вѣрно исполнилъ то, что онъ проповѣдывалъ: *никто же своего си да ищетъ; но еже ближняго кѣждо. Не искій своя пользы, но пользы многихъ, чтобы они спаслись* (1 Коринѳ. X, 24. 33). Итакъ какова сила кротости? Каково спокойствіе духа? Кто же изъ насъ не сталъ бы тотчасъ отчаиваться въ жизни того, кого хотя одного богатаго обратилъ бы онъ къ служенію всемогущему Богу, и видѣлъ бы себя нуждающимся, а того не дающимъ ему пособія къ жизни? Кто не сказалъ бы, что онъ трудился напрасно? Кто не разсердился бы отъ увѣщанія того, кого не видалъ бы приносящимъ плодъ добраго дѣла воцервухъ въ отношеніи къ нему самому?

13. Но Павелъ по кротости твердо выстоялъ на вершинѣ добродѣтелей, проповѣдалъ, любилъ, и выполнилъ то доброе дѣло, которое началъ, а терпѣніемъ и постоянствомъ довелъ сердца учениковъ

до милосердія (2 Коринѣ. IX, 3. 4. и д.). Ибо показывая, что онъ послѣ узналъ объ ихъ преслѣнаніи, въ томъ же самомъ посланіи написалъ: *излишне писать вамъ о вспоможеніи святымъ. Ибо я знаю усердіе ваше, и потому хваюсь вами предъ Македонянами; что Ахайя готова еще съ прошедшаго года: и ревность ваша поощрила многихъ* (2 Коринѣ. IX, 1. 2). О нихъ же еще онъ говоритъ: (вы), *которые не только намъ сіе дѣло, но желали то же еще съ прошедшаго года* (2 Коринѣ. VIII, 10). Ибо, отъ того онъ требовалъ не столько дѣлъ, сколько добрыхъ расположеній, въ тѣхъ безъ сомнѣнія похваляетъ болѣе добрыя расположенія, нежели дѣла. Впрочемъ надобно замѣтить, что самая эта похвала имѣетъ обличеніе, когда говорится; *съ прошедшаго года*. Хотя они дѣлали добро, но медленно; и потому учитель похваляетъ оное, но не безъ укоризны. Потому что онъ есть врачъ, который прикладываетъ къ ранѣ такое лѣкарство, которое и заживляетъ то, что оцѣщено, и цѣлитъ то, что загнило. Но перепояся это и проповѣдуя, онъ окончилъ то, что началъ. И дивною силою великодушія умягчилъ жестокость учениковъ до нѣжности милосердія, потому что долгота воротъ поднялась на высоту. Но мы слабые недостойны того, чтобы подражать великодушію толстою бротости, потому именно,

что мы полъ, и въ презрѣнїи лежимъ въ своихъ обычаяхъ.

14. Но вотъ, когда я говорю о двухъ вождяхъ небеснаго воинства, мнѣ приходитъ на память мученикъ Стефанъ, который держась за имя Создателя своего, былъ выведенъ на средину гонителей, стоялъ безстрашно, училъ надежно, и въ порывѣ ревности по истинѣ сильно обличалъ своихъ притѣснителей, говоря: *вы присно Духу Святому противитесь* (Дѣян. VII, 51). И когда тѣ побѣжали за камнями, и начали побивать его камнями; тогда онъ преклонивъ колѣна, молился за тѣхъ же самыхъ гонителей, говоря: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. VII, 60). Итакъ какова эта доблесть, — кипѣть ревностію такъ, чтобы смѣло говорить обличенія тѣмъ, у кого онъ былъ во власти, за ихъ вѣроломство; и любить такъ, чтобы даже при смерти молиться за тѣхъ, которые умерщвляли его? Потому что онъ ревновалъ такъ, какъ будто рѣшительно не имѣлъ кротости; и пребылъ кроткимъ въ любви къ нимъ такъ, какъ будто рѣшительно не горячился противъ нихъ. Помыслимъ между тѣмъ, гдѣ лежитъ виновность нашей совѣсти. Ибо кто изъ насъ, получивъ хотя словесное цоцошеніе, не платитъ ему тотчасъ же поношеніемъ, не сотрясается весь до основанія, не про-

является въ ненависти, не забываетъ заповѣди о любви? Но блаженный Стефанъ могъ это совершить по благодати всемогущаго Бога, потому что онъ былъ воротами, поднимающимися на высоту. Но мы несчастные подражать этому своею силою не можемъ потому, что глубоко лежимъ внизу, какъ полъ.

15. Но что мы съ своимъ удивленіемъ бесѣдуемъ о жизни Святыхъ, когда и самыя древніе отцы, разсуждая о жизни Проповѣдниковъ святой Церкви, чрезвычайно удивлялись? Не ихъ ли жизни удивлялся Псалмопѣвецъ, когда говорилъ: *мнѣ же злыя честны быша друзи Твои, Боже, злыя утвердишася владычества ихъ* (Псал. СXXXVIII, 17)? Спроси, что объ этихъ друзьяхъ Его говоритъ Евангеліе, въ которомъ Истина проповѣдникамъ вѣщаетъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. XV, 14). И Исаія, взирая на жизнь ихъ говоритъ: *кѣи суть, иже яко облацы летятъ, и яко голуби къ окнамъ своимъ* (Исаіи LX, 8) (а). Святые Проповѣдники справед-

а) Въ Славянскомъ переводѣ последнее полустипіе значится такъ: *яко голуби со птицы ко мнѣ*. Въ Латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *et quasi columbae ad fenestras suas*. Последняя мысль умѣстнѣе въ дальнѣйшемъ объясненіи Святителя. И потому она буквально переведена съ Латинскаго подлинника.

ливо названы облаками, потому что они словами дождятъ, а чудесами сіяютъ. О нихъ говорится, что они и лѣтять, *яко облаци*; потому что и на землѣ живя, они были внѣ земли по всему, что они создѣлали. Поэтому и чрезъ одинъ, таковой облакъ говорится: *во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуемъ* (2 Коринѳ. X, 3). Ибо прежніе отцы вступали въ супружества, рождали дѣтей, владѣли имуществомъ, занимались заботами о семействѣ. Но этихъ провидящіе по духу пророчества называютъ уже отказавшимися отъ имущества, не желающими супружествъ, не рождающими дѣтей, на землѣ ничего не имущими, ничего не имѣющими, не ходящими по землѣ, подобно людямъ, но летающими, подобно облакамъ. Ибо они летаютъ, потому что умомъ созерцаютъ то, что есть на небѣ. Они какъ будто не прикасаются къ землѣ, потому что ничего на ней не желаютъ. Они и къ обнамъ своимъ несутся, какъ голуби, потому что по духу своей кротости не проявляютъ чрезъ взоры никакого пожеланія въ этомъ мірѣ. Итакъ помыслимъ, какой высоты тѣ ворота духовнаго зданія, которымъ дивятся даже отцы духовные. Поэтому при удивленіи имъ какъ необходимо смириться намъ, которые составляемъ полъ?— Но поелику подъ названіемъ долготы воротъ мы слышали о высотѣ ихъ: то теперь постараемся уз-

нать что либо о широтѣ ихъ. — Далѣе слѣдуетъ: и измѣрили широту отъ лица воротъ нижнихъ до фронтона притвора внутренняго со вѣбнней стороны, сто локтей къ востоку и северу (Іезиқ. XI, 19). (а).

16. Если мы въ этихъ словахъ примемъ за ворота тотъ входъ, которымъ входимъ къ познанію Господа: то нижними воротами служитъ вѣра, а притворомъ внутреннимъ созерцаніе. Но нижнія ворота имѣютъ широту съ лица; именно потому, что вѣра по широтѣ любви своей имѣетъ дѣятельность, которая бываетъ видима ближними. Когда мы видимъ на эту дѣятельность, мужественно исполняемую совершеннѣйшими насъ; тогда мы, которые стѣсняемся въ добрыхъ дѣлахъ, беремъ съ нихъ примѣры для великой дѣятельности. И каждое святое дѣло для насъ дѣлается какъ бы нѣкоторымъ расширеніемъ пути, который прежде былъ тѣснѣнъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et mensus est latitudinem a facie portae inferioris, usque ad frontem atrii interioris extrinsecus, centum cubitos ad Orientem et ad Aquilonem.* Въ Славянскомъ же переводѣ тотъ же самый текстъ читается такъ: и размѣри широту двора отъ непокровеннаго вратъ вѣншихъ внутрь къ непокровенному вратъ зрящихъ вѣн лактей сто зрящихъ на востокъ: и введе мя на Северь.

по неудобности. Но и внутренній притворъ имѣтъ фронтонъ; потому что созерцательная жизнь чрезъ нѣкоторые признаки желаній и дыханій проявляетъ, сколько внутри видитъ того, что только любить. Но десятиричное число, помноженное само на себя, возрастаетъ въ сотенное. Поэтому справедливо сотнею означается великое совершенство, какъ говоритъ Истина объ избранныхъ: *всякъ, иже оставитъ дома, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имени Моего ради, сторицею прииметъ, и животъ вѣчный наследитъ* (Мат. XIX, 29). Ибо каждый святой не для того оставляетъ земное, чтобъ имѣть возможность приобрести его болѣе въ этомъ мірѣ; потому что кто оставляетъ землю по земному посланію, тотъ не оставляетъ земли, но пристрастенъ къ ней. И тотъ, кто оставляетъ одну жену, не получить сотню (женъ); по сотеннымъ числомъ означается совершенство, и послѣ него обѣщается жизнь вѣчная; потому что, кто ради имени Божія презираетъ временное и земное, тотъ и здѣсь достигаетъ такого совершенства души, что уже не желаетъ того, что презираетъ, и достигаетъ славы вѣчной жизни въ будущемъ вѣкѣ. Слѣдовательно, сотню получаетъ за то, что далъ, тотъ, кто, достигая духа совершенства, не нуждается въ земномъ,

хотя и не имѣеть его. Ибо бѣднѣ тотъ, кто нуждается въ томъ, чего не имѣеть. Потому что тотъ богатъ, кто и не нуждается въ томъ, чего не имѣеть. Бѣдность состоитъ въ недостаткѣ души, а не въ количествѣ имѣнія. Такъ какъ не бѣднѣ тотъ, кто свыкса съ бѣдностію. Итакъ мужъ измѣрилъ широту отъ лицевой стороны вѣнпнихъ воротъ до фронтона внутренняго притвора совѣ, во сто локтей; потому что Искупитель нашъ ежедневно чрезъ Наславниковъ и учителей измѣряетъ жизнь вѣрующихъ мѣрою совершенства, или по вѣрѣ, проявляемой въ доброй дѣятельности, или по созерцанію, скрываемому въ святыхъ желаніяхъ.]

17. Ибо многіе вѣрующіе, по видимому, творятъ дѣла великія, но не подходятъ подъ мѣру во сто локтей; потому что чрезъ дѣла свои домогаются земной славы. А нѣкоторые, по видимому, крѣпко постыятся, постоянно плачутъ, но и ихъ мѣра не подходитъ подъ мѣру во сто локтей; потому что они чрезъ то, что дѣлають, домогаются благорасположенія отъ суда человѣческаго. Итакъ кто подходитъ подъ мѣру во сто локтей, если не тотъ, кого добрая дѣятельность имѣеть вѣрное направленіе, такъ что онъ въ томъ, что дѣлаеть, не уклоняется ни къ пожеланію земныхъ выгодъ, ни къ преходящимъ похваламъ?

18. Ибо вотъ, быть милосердымъ къ ближнимъ, щедро раздавать имѣніе, поспѣшно помогать нуждающимся — есть широта съ лицевой стороны воротъ внутреннихъ. Но если ты, раздавая свое, не желалъ чужаго, если не домогаешься земной славы за самое доброе дѣло; то ты приходишь подъ мѣру числа сотеннаго, т. е. совершенства. Ибо тотъ, кто, по видимому, милосердо раздаетъ свою собственность, и—быть можетъ—охотно похищаетъ чужую, не знаетъ еще, что за путь совершенства, не отыскалъ еще, откуда начинается направленіе къ совершенству, потому что не отыскалъ еще самаго начала его. Потому что онъ долженъ былъ прежде изкоренить изъ сердца страсть, а послѣ уже раздавать то, чѣмъ онъ праведно владѣеть. Поэтому написано: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Псал. XXXVI, 37). Но можетъ ли быть что либо добраго въ дѣлѣ того, кто еще не уклонился отъ зла? И есть люди, которые, какъ сказано, воздерживаются отъ пища, изнуряютъ плоть, но при первомъ побужденіи сознаются, что они еще не равнодушны къ славѣ міра. Эти люди показываютъ фронтонъ притвора внутренняго, но не подходятъ подъ мѣру во сто локтей.

19. Поэтому въ числѣ совершенства суть тѣ, о которыхъ чрезъ Павла говорится: *уже плоть рас-*

нѣша со страстьми и похотьми (Гал. V, 24). И надобно замѣтить, что не говорится, что оное (совершенство) измѣряется со внутри, но совнѣ; именно потому, что Иисусителъ нашъ, одобряя или осуждая чрезъ насъ дѣла человѣческія, мѣряетъ ихъ не совнутри, а совнѣ. Поэтому и чрезъ Евангеліе Онъ говоритъ: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѣ. VII, 16). Такъ какъ мы познаемъ душу дѣлающаго, который не видимъ, чрезъ то, что видимъ, или совнѣ мѣряемъ фронтонъ притвора внутренняго. Потому что, когда мы видимъ однихъ, раздающими милостыню, помогающими несчастнымъ, защищающими притѣсненныхъ, не желающихъ никакой славы въ этомъ мірѣ, не пристрастными ни къ какимъ выгодамъ міра сего, а другихъ—обуздывающихъ плоть, плачущими, занимающимися Словомъ Божиимъ, не желающихъ никакой преходящей почести: тогда что другое мы должны думать о нихъ, кромѣ того, что они совершенны, что они святы? Слѣдовательно, такъ какъ видимъ ихъ совершенными чрезъ то, что видимъ: то мы совнѣ мѣряемъ жизнь ихъ еотною локтей.

20. А послѣку на эту высоту совершенства вошли многіе изъ Іудейства, и многіе изъ язычества: то справедливо присовокупляется: *къ Востоку и Сѣверу*. Потому что Іудейскій народъ, отъ плоч

ти котораго родился Тотъ, Кто справедливо называется солнцемъ правды, справедливо названъ Востокомъ. О Немъ чрезъ Пророка говорится: *и возсілетъ вамъ болицмся имене Моего Солнце правды* (Малах. IV, 2). А Сѣверомъ изображается язычество, которое долго цѣпенѣло отъ холода своего вѣроломства, и въ серцѣ котораго царствовали тотъ, кто по свидѣтельству Пророка сказалъ самъ себѣ: *поставлю престолъ мой къ Сѣверу* (Исаи XIV, 13). Итакъ, поелику воплощенный всемогущій Богъ содѣлалъ внутри святой Церкви совершенными, однихъ изъ Іудей, другихъ изъ язычества: то Онъ и отмѣрилъ сто локтей, не только къ Востоку, но и къ Сѣверу.

21. Но поелику подъ именемъ Сѣвера зашла у насъ рѣчь о язычествѣ: то нужно обсудить, сколько излито на насъ милосердія отъ нашего Создателя. Ибо всѣ мы обратились изъ язычества. Древніе наши идолы служили деревьямъ и камнямъ, и оставивъ Бога, Которымъ сотворены, поклонялись богамъ, которыхъ сами творили. Но мы по благодати всемогущаго Бога изведены изъ тьмы къ свѣту. Итакъ вспомнимъ, изъ какой тьмы вышли мы, чтобы чувствовать благодарность за тотъ свѣтъ, который получили. Такъ какъ Божественнаго милосердія не разумѣетъ тотъ, кто не воспоминаетъ о своемъ не-

счастіи. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца къ Богу говорится: *удиви милости Твоя, (Боже), спасаая уповающія на Тя* (Псал. XVI, 7). Потому что Богъ удивляетъ на насъ милости Свой тогда, когда мы приводимъ себѣ на память свои несчастія, такъ какъ, вспоминая о томъ, чѣмъ мы были, мы разумѣемъ и то, кому мы обязаны за то, что мы теперь. И такъ съ радостію будемъ мы пѣть Создателю нашему, потому что высвободили душевные выи изъ служенія твари. Будемъ радоваться тому, что на насъ исполнилось пророчество Исаи: *и узда заблужденія, которая была въ челюстяхъ народовъ, будетъ вамъ тѣсною, какъ гласъ священнаго торжества* (Ис. XXX, 23. 29) (а). Потому что узда заблужденія стѣсняла челюсти народовъ, когда язычество, стѣненное идолослуженіемъ, не умѣло воздавать хвалу исповѣданія истинному Богу. Но эта самая узда заблужденія обратилась уже для насъ въ пѣснь, когда съ радостію мы поемъ и воспѣваемъ; *вси бози языкъ бѣсове: Господь же небеса сотвори* (Псал. XCV, 5); и еще: *идоли языкъ серебра и злато, дыла рукъ человѣче-*

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et frenum erroris, quod erat in maxillis populorum, canticum erit vobis, sicut vox sanctificatae sollemnitatis.*

скихъ: уста имутъ, и не возмалолуютъ: очи имутъ, и не узрятъ: уши имутъ, и не услышатъ: ноздри имутъ, и не обоняютъ: руки имутъ, и не осяжутъ: нозь имутъ, и не пойдутъ (Псал. СХІІІ, 12—15). И такъ когда мы ноя говоримъ это всемогущему Господу, тогда мы самую узду нашего заблужденія, которая связывала уста наши для хвалы Бога, превращаемъ въ пѣснь истинному Господу. Но хорошо говорится: *какъ гласъ священнаго торжества*; потому что, воздавая хвалу исповѣданія Богу, мы радуемся въ священномъ торжествѣ. И такъ будемъ соотвѣтствовать толикому милосердію Испытателя нашего правами, и зная свѣтъ, будемъ уклоняться отъ тьмы нечестивыхъ дѣлъ.

22. Что же есть въ этомъ мірѣ,—спрашиваю,— что можетъ еще нравиться? Повсюду мы видимъ плачь, отовсюду слышимъ воздыханія. Города разрушены, лагеря разбиты, поля опустошены, земля превращена въ пустыню. Въ поляхъ не осталось ни одного земледѣльца, въ городахъ почти ни одного жителя; и самые малые остатки рода человѣческаго ежедневно и безъ престоимости добиваются. И конца не видно карамъ небеснаго правосудія; потому что и подъ барами пѣтъ исправленія въ преступной жизни. Однихъ видимъ мы отводимыми въ плѣнъ, другихъ — лишенными членовъ, третьихъ убитыми.

Итакъ, братіе мои, чтожь останея въ этой жизни, что еще могло бы правиться? Если же и такой міръ мы еще любимъ, то мы уже любимъ не радости, а рапы. Мы видимъ, что сталося съ тѣмъ самымъ Римомъ, который нѣкогда казался господствующимъ надъ міромъ. Безчисленными бѣдствіями, опустошеніемъ гражданъ, нападешіемъ враговъ, множествомъ развалинъ, онъ многообразно сокрушенъ до того, что мы видимъ исполненіе на немъ того, что тѣмъ же самымъ Пророкомъ нѣсколько выше говорится противъ города Самаріи: *настави конобъ, настави, и влей въ онъ воду, и собери куски его въ немъ.* (Иезиъ. XXIV, 4); и нѣсколько послѣ: *возврѣ, и воскиитъ, и сваршася кости его посреди еіо* (Тамъ же, ст. 5); и еще: *умножу дрова, и возитищу огнь, яко да истаютъ мяса, и оскуднѣетъ юха, и кости истаютъ, и станетъ на главняхъ еіо, (тоицъ) разгорися, яко да изгоритъ, и распалится, и сгоритъ мѣдь еіо* (Тамъ же, ст. 10. 11). Пбо для насъ наставленъ конобъ тогда, когда устроены этотъ городъ. Вода влита въ него, и куски его собраны тогда, когда въ него отвсюду стекались народы, которые, какъ горячая вода, кишѣли отъ дѣятельности міра, и, какъ бы куски мясь, варились въ немъ отъ его жара. О немъ хорошо говорится: *возврѣ, и воскиитъ, и сваршася кости еіо посреди еіо; потому*

что, хотя прежде въ немъ страшно кипѣла дѣятельность славы вѣка сего, но послѣ самая слава исчезла съ своими искателями. Ибо чрезъ кости означаются сильные вѣка сего, а чрезъ мяса-народы; потому что, какъ мяса держатся на костяхъ, такъ слабость народовъ управляется сильными вѣка сего. Но вотъ у него уже отняты все сильные вѣка сего; слѣдовательно, кости выварены. Вотъ народы отпали, — мяса его истаяли. Пусть же говорится: *умножу дрова, и возинищу огонь, яко да истаютъ мяса, и оскудѣетъ юха, и кости истаютъ*. Ибо гдѣ сенать? Гдѣ народъ? Кости высохли, мяса изварилась, великая въ немъ гордость временныхъ достоинствъ исчезла. Изварился весь составъ его. И не смотря на то, не многихъ оставшихся насъ самихъ ежедневно еще умерщвляютъ мечи, ежедневно тѣсятъ еще безчисленные налоги. Итакъ пусть еще говорится: *и станетъ на главняхъ его (тощъ) разнотся*. Такъ какъ сената нѣтъ, народъ изгнѣнъ; и не смотря на то, среди не многихъ, которые остались, ежедневно умножаются скорби и воздыханія: то Римъ горитъ уже послѣ опустошенія. Но что говоримъ мы это о людяхъ, когда видимъ даже самыя зданія разрушающимися отъ учащающихся землетрясеній? Поэтому о городѣ, уже опустошенномъ, приснособительно присовокупляется: *яко да из-*

воритъ, и распадется, и сгоритъ мѣдь его. Пбо истребляется уже и самый тотъ конобъ, въ которомъ были истребляемы мяса и кости; потому что послѣ того, какъ не стало людей, падають и стѣны. Гдѣ же тѣ, которые нѣкогда блаженствовали въ славѣ его? Гдѣ ихъ пышность? Гдѣ гордость? Гдѣ частая и неумѣренная радость? •

23. На немъ исполнилось то, что говорится чрезъ Пророка противъ разрушенной Циневин: *идѣ есть виталище львовъ, и пажить суцая львичищемъ* (Паум. II, 11)? Не были ли львами вожди его и начальники, которые, рискуя по различнымъ провинціямъ міра, отыскивали добычи свирѣпствомъ и умерщвленіемъ?—Здѣсь львиные дѣти находили пажити; потому что дѣти, отроки, юности, сыны людей вѣка сего бѣгали туда и сюда, когда хотѣли имѣть усцѣхъ въ этомъ мірѣ. Но вотъ онъ (Римъ) опустошенъ; вотъ онъ сокрушенъ, вотъ наполненъ стѣбнаниями. Никто уже не бѣжитъ къ нему, чтобъ имѣть усцѣхъ въ этомъ мірѣ; никого уже изъ сильныхъ и насилующихъ не осталось въ немъ, кто бы притѣсненіемъ добывалъ добычу. Итакъ мы скажемъ: *идѣ есть виталище львовъ, и пажить суцая львичищемъ?* Съ нимъ случилось то, что Пророкомъ сказано объ Иудѣ: *разшири обросненіе твое* (цѣпешъ тею), *яко орелъ* (Мих. I, 16). Потому что у чело-

вѣка плешь обыкновенно бываетъ только на голо-
вѣ, а у орла плешь бываетъ на всемъ тѣлѣ, такъ
какъ во время чрезвычайной его старости пухъ его
и перья выпадаютъ изъ всѣхъ членовъ его. Слѣдо-
вательно, онъ (Римъ) расширяетъ плешь свою,
какъ орелъ, потому что потерялъ пухъ въ лишне-
шн народа. Выпали перья и пухъ крыльевъ, на ко-
торыхъ онъ обыкновенно леталъ на добычу; пото-
му что истреблены всѣ тѣ его сильныя, чрезъ кото-
рыхъ онъ похищалъ чужое.

· 24. Но мы знаемъ, что сказанное нами о па-
деніи города Рима совершилось почти во всѣхъ
странахъ міра. Ибо нѣмныя мѣста опустошены отъ
убійства, другія истреблены мечемъ, третьи измуче-
ны голодомъ, четвертыя поглощены зѣніями земли.
Поэтому презрѣмъ всецѣло этотъ настоящій вѣкъ,
уже уничтожаемый; покончимъ пожеланія міра по
крайней мѣрѣ съ кончиною міра; послѣдуемъ по
возможности дѣяніямъ добрыхъ (людей). Ибо у Во-
стока и Сѣвера много есть такихъ, которые по со-
вершенству жизни имѣютъ мѣру во сто локтей. Ибо
изъ Иудей и язычества, какъ сказано, они возрасли
до вершины совершенства. Хотя чрезъ Востокъ и
Сѣверъ могутъ быть еще разумѣваемы праведники
и грѣшники. Но чрезъ Сѣверъ мы правильно раз-
умѣемъ грѣшниковъ, которые, падши отъ холода

души, цѣпенѣли подѣ тѣнію грѣха своего. Но по велику милосердіе всемогущаго Бога даже таковыхъ призываетъ къ покаянію, омываетъ ихъ сокрушеніемъ и слезами, обогащаетъ добродѣтелями, и возвышаетъ до славы совершенства: то сто локтей отмѣряются не только къ Востоку, но и къ Сѣверу, когда съ праведниками чрезъ дары и могущество приходятъ къ совершенству и грѣшники, по милосердію Господа нашего Іисуса Христа, Который съ Отцемъ и Святымъ Духомъ живетъ и царствуетъ, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

В БЕСѢДА СЕДМАЯ.

Она содержитъ въ себѣ изъясненіе семи стиховъ, отъ 20 до 27, и вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ многія правила правевенныя, о дарахъ Святаго Духа, о ведущихъ къ нимъ степеняхъ, объ истинномъ совершенствѣ и необходимости добрыхъ дѣлъ.

1. Велико должно быть раздѣленіе читающихъ, когда они вѣрятъ, что въ Священномъ Писаніи каждое произносимое слово не всегда означаетъ одишъ и тотъ же предметъ; такъ, на примѣръ, солнце, иног-

да принимается въ хорошемъ смыслѣ, а иногда въ дурномъ. Ибо именемъ солнца иногда означается Самъ Искупитель нашъ, а иногда гоненіе. Такъ, по свидѣтельству книги Премудрости, нечестивые въ адѣ скажутъ: *заблудихомъ отъ пути истиннаго, и солнце правды не возсія намъ* (Прем., Сол. V, 6). А о брошенныхъ сѣменахъ Господь говоритъ: *солнцу возсіявшу присвятуша* (Матѳ. XIII, 6), именно потому, что во время гоненія засыхаютъ слова провѣди въ сердцахъ нечестивыхъ. Такъ левъ означаетъ Господа, какъ написано: *се побѣдилъ есть левъ, иже сый отъ колѣна Иудова* (Апок. V, 5). Такъ именемъ льва выражается подобіе діавола, какъ говоритъ первоверховный Апостоль: *супостатъ вашъ діаволъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Такъ именемъ вола означается мудрый, какъ написано: *да не ореши юнцемъ (воломъ) и ослятемъ вкутъ* (Второз. XXII, 10), не соединяй для проповѣди мудраго съ глупымъ. Но чрезъ вола же означается и глупый; такъ о томъ, кто плѣненъ гнусною любовію, говорится: *онъ же абіе послѣдова ей обзюродльвъ, и якоже волъ на заколеніе ведется* (Притч. VII, 22), т. е. какъ глупый ведется на смерть. Итакъ это я сказать для того, чтобы не думали, будто уже ворота, упоминаемая у Пророка сего, не значать что либо другое, по-

тому только, что я изъяснилъ, что ворота означаютъ Госнода, или проповѣдниковъ, или Священное Писаніе, или вѣру. Ибо когда Пророкъ говорилъ объ однихъ воротахъ, тогда правильно была разумѣваема вѣра. Но когда упоминается о другихъ воротахъ, тогда можно разумѣть уста Проповѣдниковъ, чрезъ которыя познается истинная жизнь, и чрезъ которыя восходятъ къ познанію духовныхъ таинствъ. Ибо о воротахъ, которыя, по нашему мнѣнію, означаютъ вѣру, намъ надобно замѣтить, что онѣ называются нижними. Такъ какъ, доколѣ мы живемъ въ этой жизни, доколѣ стоимъ еще какъ бы панизу. И вѣра по справедливости называется нижними воротами; потому что она открываетъ намъ на землѣ познаніе Бога. Итакъ теперь говорится: *измѣрилъ и ворота, обращенныя на путь северный входа въшишию, какъ въ домоту, такъ и въ широту. И спальни ихъ три съ этой стороны, и три съ той; и фронтоны ихъ, и входъ ихъ по мѣрѣ воротъ первыхъ; пятьдесятъ локтей домоту ихъ, и широту ихъ въ двадцать пять локтей. Окна же ихъ, и входъ, и резьба, по мѣрѣ воротъ, обращенныхъ къ Востоку; и семь ступеней было въ восходъ ихъ, и входъ предъ ними* (Езек. XL, 20—22). (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *portam quoque, quae*

2. О воротахъ, обращенныхъ на путь сѣверный входа внѣшняго, повторяется тоже самое, что уже выше сказано о другихъ воротахъ, и присовокупляется еще другое, чего не говоритъ Пророкъ о прежнихъ воротахъ. Итакъ, чтобы обширно разсуждать о томъ, о чемъ еще не было разсуждаемо, мы должны кратко повторить то, что уже сказано. Ибо ворота обращаются на путь сѣверный, когда каждый проповѣдникъ познаетъ жизнь грѣшника, и чрезъ слово проповѣди открываетъ ему жизнь внутреннюю. Эти ворота называются воротами входа внѣшняго. Потому что внѣшнй входъ есть жизнь настоящая, въ которой все, что дѣлается тѣлесно, и видимо бываетъ тѣлесно. Онѣ измѣряются какъ въ длину, такъ и въ широту; потому что, когда грѣшникъ приводимъ бываетъ къ вѣрѣ, тогда проповѣднику необходимо обсудить, на сколько тотъ отъ увѣщанія его успѣетъ, какъ въ длину надежды,

respiciebat ad uiam Aquilonis atrii exterioris mensus est tam in longitudine, quam in latitudine. Et thalamos ejus tres hinc, et tres inde, et frontes ejus, et uestibulum ejus secundum mensuram portae prioris: quinquaginta cubitorum longitudinem ejus, et latitudinem uiginti et quinque cubitorum. Fenestrae autem ejus, et uestibulum, et sculpturae secundum mensuram portae, quae respiciebat ad Orientem; et septem graduu iterat ascensus ejus, et uestibulum ante eam.

такъ и въ широтѣ любви. Кто обращается къ Богу, и еще надѣется на блага настоящей жизни, тотъ не имѣеть долготы, потому что коротка та жизнь, на которую положили онъ надежду. Если онъ стѣсняется еще пожеланіемъ земныхъ вещей, и завистию къ ближнему: то онъ не имѣеть широты; потому что не умѣеть ни презирать земное, ни расширяться любовію къ ближнему. Но когда каждый обратившійся (къ Богу) долготерпѣливо надѣется радостей вѣчной жизни, съ любовію переноситъ обиды отъ ближнихъ, и даже не желаетъ того, чего не имѣеть; тогда ворота имѣють и долготу, и широту; потому что славою Проповѣдника служить усѣхъ слушателя.] Поэтому нѣкоторымъ чрезъ великаго учителя говорится: *радосте и вниче мой* (Филипп. IV, 1). И еще: *мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господь* (1 Солун. III, 8). И еще: *кто намъ упованіе или радость или вниецъ похваленія; не и вы ли предъ Господемъ* (1 Солун. II, 19)? Итакъ есть долгота и широта воротъ обращенныхъ къ Сѣверу; потому что, когда Проповѣдникъ обратитъ къ вѣрѣ какого либо невѣрующаго, цѣпенѣющаго въ холодѣ грѣха своего, тогда онъ составляетъ собственную свою славу чрезъ то, что направляетъ его въ долготу надежды и расширяетъ широту въ любви. А поелику всѣ слушатели въ познаніи святой Троицы

по слову проповѣди дѣлають успѣхъ и въ любви къ Тойже Троицѣ: то эти же самыя ворота имѣють три спальни съ одной стороны, и три съ другой; потому что все то, что Создатель говоритъ о Троицѣ чрезъ Новый Заветъ, отрываетъ и въ Ветхомъ Заветѣ. И сердце слушающихъ въ любви къ небесному отечеству достигаетъ такого совершенства, что душа, прильпивъ къ Богу, какъ невеста съ женихомъ сидитъ уже въ нѣкоторой спальнѣ, и рѣшительно отвращается земныхъ пожеланій.

3. Или върѣе, какъ выше сказано (Бесѣд. IV, ч. 5). такъ. — Послику три чина людей добрыхъ; именно — добрыхъ супруговъ, воздержниковъ и Проповѣдниковъ; и послику иные и въ супружествѣ стремятся любовію къ небесному отечеству, иные же въ надеждѣ вѣчной радости изнуряють плоть свою, избѣгають веѣхъ земныхъ дѣлъ, и не заботываются въ попеченіи вѣка сего, а иные и земныя блага презирають, и проповѣдуютъ о тѣхъ небесныхъ радостяхъ, которыя узнали: то что суть они, если не спальни въ духовномъ зданіи, въ помысленіи и размысленіи конхъ душа сочетается съ небеснымъ Женихомъ? Послику эти три чина не только Церковь имѣетъ изъ язычниковъ, но нѣкогда имѣла ихъ и Синагога, когда великое множество людей духовныхъ пламенно ожидало благодати Искупителя: то ворота небеснаго

зданія имѣютъ три снальни по сю сторону, и три по ту; такъ какъ каждый проповѣдникъ, призывая слушателя къ горнему отечеству, показываетъ, что небеснымъ желаніемъ горѣли и новозавѣтные отцы, и ветхозавѣтные. Ибо примѣры болышею частию сильнѣе убѣждаютъ, нежели слова умозаключенія; и когда Проповѣдникъ говоритъ, каковы были по любви къ всемогущему Богу въ Новомъ Завѣтѣ, иные въ супружествѣ, или воздержаніи, или проповѣдничествѣ, или иные въ Ветхомъ, тогда показываетъ, что ворота—слова его—имѣютъ по три снальни съ той и другой стороны. Эти ворота имѣютъ и фронтоны, потому что въ жизни проповѣдника есть открытыя дѣла, которыя бывають видимы. Имѣютъ предъ фронтономъ и входъ; потому что, прежде нежели ступить онъ располагать къ добрымъ дѣламъ, проповѣдуетъ вѣру, чрезъ которую душа смиренно ступая восходитъ на высоту добрыхъ дѣлъ. Все это по мѣрѣ первыхъ воротъ; потому что присовокупляется: *пятидесяти лактей долѣта ихъ: а широта ихъ двудесяти и пяти лактей* (Езек. XI. 21).

4. Вы помните, что мы подробно говорили о семь выше (Бес. V, ч. 11). Тамъ мы сказали, что пятидесятеричнымъ числомъ означается покой; потому что и пятидесятый годъ данъ былъ древнему народу на покой, почему и названъ юбилеемъ; а

седмичное число, чрезъ которое развивается все это время, помноженное на семь, возвышается въ сорокъ девять. Къ этому числу прибавляется единица, потому что вѣчный покой состоитъ въ созерцаціи Единаго. Тоже пятидесятиричное число служитъ для насъ долгою, потому что никто не можетъ достигнуть онаго покоя, если только не можетъ долготерпѣливо стремиться къ этой своей надеждѣ. Что мы пятидесятиричнымъ числомъ призываемся въ вѣчному покою, этому научаетъ насъ и то, что въ Скиини заповѣдано быть десяти завѣсамъ, которыя должны были имѣть по пятидесяти петель, и по пятидесяти золотыхъ крючковъ съ боку и сверху (Исход. XXVI, 1 и далѣе). Ибо завѣсами святой Скиини служатъ всѣ тѣ, которые преуспѣваютъ въ украшеніи святой Церкви различными цвѣтами добродѣтелей. Они и внутреннее скрываютъ, и виѣшнее вполне украшаютъ, потому что ихъ жизнь, на сколько бываетъ видима, служитъ украшеніемъ; а внутренній ихъ смыслъ сокрытъ, когда въ нихъ и въ-которымъ образомъ покрывается то небесное, которое они хранятъ въ душѣ, и котораго высказать не могутъ. Но справедливо, что завѣсъ десять; потому что самыя сердца Святыхъ возвысились до совершенства чрезъ соблюденіе десятословія. Но гіацинтовыхъ петель при завѣсахъ заповѣдано сдѣлать пять-

десять. Гиацинтъ имѣетъ цвѣтъ небесный. Итакъ петли завѣсь суть небесныя заповѣди, которыми связываются души для того, чтобъ онѣ облегченныя снизу висѣля наверху. Эти именно петли имѣютъ золотыя крючки, т. е. разумъ, блистающій истинною мудростію. Этотъ разумъ справедливо означается крючками; потому что долженъ быть во всемъ осмотрителенъ, и укрѣпленъ бдительностію осторожной заботливости.

5. И замѣчательно, что повелѣвается, чтобъ петли, или крючки были съ боку и сверху; потому что небесныя заповѣди и духовный разумъ, не только должны поддерживать насъ вверху въ любви къ Богу, но и соединять любовію съ ближнимъ. Ибо тѣмъ, что мы любимъ своего Создателя, мы какъ бы висимъ на воздухѣ на верхнихъ петляхъ. А тѣмъ, что мы любимъ ближнихъ, какъ самихъ себя, имѣемъ петли и крючки съ боку, чтобъ завѣсы Свиницъ, т. е. души вѣрующихъ, соединены были любовію, а не были раздѣляемы ненавистію. Поэтому и здѣсь послѣ долготы въ пятьдесятъ лакотъ тотчасъ присовокупляется широта въ двадцать нить лакотъ, которая широта относится именно къ любви ближняго. Ибо она распространяется на любовь братіи, и въ отношеніи къ нимъ дѣлаетъ всякое доброе дѣло, какое можетъ. Но всѣ добрыя дѣла, которыя со-

вершаются тѣлесно, выражаются пятью чувствами тѣлесными, именно, видѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, вкусомъ, обоняніемъ. Но пятиричное число, помноженное само на себя, даетъ двадцать пять; потому что добрыя дѣла, когда начинаютъ совершаться, горячестію побуждаютъ душу къ умноженію, и сами чрезъ себя множатся. Поэтому онѣ производятъ и широту въ душѣ, чтобъ она не была тѣсна ни отъ теплоты, ни горячести, но расширялась въ добрыхъ дѣлахъ любовію. Пбо всякая слабость теплоты есть тѣснота, а всякое благорасположеніе любви есть великая широта. Такъ какъ хотя и нѣтъ вещей, которыя слѣдовало бы дать нуждающемуся ближнему, однакожь широка сущность доброй воли, которая достаточествуетъ къ воздаянію царства, какъ написано: *на земли миръ, во чловѣцехъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Далѣе слѣдуетъ: *окна же ихъ, и преддверіе, и рѣзьба по мѣтѣ воротъ обращенныхъ къ Востоку* (Іезик. XI., 22) (а).

6. Все это выше пространно уже сказано, и потому слово не должно быть замѣляемо продолжи-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *fenestras autem ejus, et vestibulum, et sculpturas secundum mensuram portae, quae respiciebat ad orientem.*

тельнымъ изъясненіемъ. Впрочемъ весьма замѣчательно то, что ворота къ сѣверу, по словамъ Пророка, имѣютъ все то, что имѣютъ ворота къ Востоку, именно, окна созерцанія, преддверіе смиренія, рѣзьбу добраго дѣланія. Ибо всѣ тѣ, которые устояли въ невидности чрезъ то, что въ обращеніи соединились съ Богомъ, имѣютъ ворота къ Востоку, потому что имъ открытъ входъ въ царство небесное тѣмъ свѣтомъ, который они получили. А всѣ тѣ, которые послѣ падши во грѣхи пострадали отъ холода своей безчувственности, но обращаясь къ покаянію отогрѣваются для любви небеснаго отечества, имѣютъ ворота къ Сѣверу; потому что и имъ, послѣ холода грѣха ихъ, открывается по милосердію входъ Царства небеснаго. Итакъ говорится, что ворота къ Сѣверу имѣютъ тоже, что имѣютъ и ворота къ Востоку, потому, что и обратившіеся грѣшники такъ богатѣютъ добродѣтелями, какъ богаты тѣ, которые избѣжали паденія въ грѣхъ. Поэтому и голосомъ Псалмопѣвца чрезъ Господа говорится: *пепель яко хлѣбъ ядохъ* (Псал. СІ. 10); потому что Онъ принимаетъ кающихся такъ же, какъ и праведниковъ. Потому что о грѣшникахъ написано: *дерево во вретницѣхъ и пепель покаются быша* (Мат. ХІ, 21). Итакъ пепель спѣдается какъ хлѣбъ тогда, когда

чрезъ покаяніе возвращается къ благодати Создателя своего грѣшникъ, какъ праведникъ. Итакъ ворота къ Сѣверу имѣють окна, имѣють предверіе, имѣють рѣзьбу; потому что, когда грѣшникъ послѣ преступленій возвращается къ жизни, тогда часто получаетъ свѣтъ созерцанія, и отъ самаго намятованія о своемъ нечестіи получаетъ благодать великаго смиренія и ретивость къ доброму дѣланію, такъ что все зановѣдываемое для исполненія въ жизни его кажется какъ бы вырѣзаннымъ. — *Но семь было ступеней входа ихъ, и притворъ предъ ними* (Іезія. XI., 22). (а).

7. семью ступенями восходятъ къ воротамъ; потому что входъ небесной жизни открывается намъ семиобразною благодатию Духа Святаго. Исаія, нечисля эту семиобразную благодать въ самой нашей Главѣ, или въ Его тѣлѣ, которое составляемъ мы, говоритъ: *и почиетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣднїя, и благочестія: исполнитъ Его Духъ слава Божія* (Ис. XI, 2. 3). Говоря о небесномъ, онъ пересчиталъ эти ступени съ верху внизъ болѣе, нежели съ низу вверхъ, именно: премудрость, разумъ.

а) *Septem uero graduum erat ascensus ejus, et vestibulum ante eam.*

совѣтъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе, страхъ. А послѣднее написано: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. IX, 10): то влѣ всякаго сомнѣнія, что отъ страха восходятъ къ премудрости, а не отъ премудрости возвращаются къ страху, потому что премудрость имѣеть совершенную любовь. И написано: *совершена любви волю илзняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18). И такъ, послѣднее Пророкъ велѣ рѣчь отъ небснаго къ земному; то началъ отъ премудрости и снисшелъ до страха. Но мы, стремящіеся отъ земнаго къ небсному, перечедемъ тѣ же ступени снизу вверхъ, такъ чтобъ имѣть возможность отъ страха дойти до премудрости. Ибо въ нашемъ умѣ первая степенъ восхожденія есть страхъ Господень; вторая—благочестіе; третья—вѣдѣніе; четвертая—крѣпость; пятая—совѣтъ; шестая—разумъ; седьмая — премудрость. Ибо страхъ Господень въ умѣ. Но каковъ этотъ страхъ, если съ нимъ нѣтъ благочестія? Кто не знаетъ состраданія къ ближнему, кто притворно сочувствуетъ его несчастіямъ: въ томъ нѣтъ никакого страха предъ счами всемогущаго Бога, потому что онъ не возмншается до благочестія. Но благочестіе обыкновенно ошибается часто въ неупорядоченномъ милосердіи, еслн, быть можетъ, падеть то, чего не должно падеть. Ибо грѣхи, которые могутъ низвергать въ геенскіе огни,

должны быть исправляемы дозою вразумленія. Но неупорядоченное благочестіе, дѣлая пощаду во времени, влечетъ къ наказанію вѣчному. Поэтому для того, чтобы благочестіе было истинное и упорядоченное, оно должно быть возвышаемо на слѣдующую степень, т. е. вѣдѣнія, дабы знать, какъ то, что должно наказывать по правосудію, такъ и то, что надобно простить по милосердію. Но что, если кто знаетъ, что онъ долженъ дѣлать, но не имѣетъ силы для этого дѣла? Поэтому наше вѣдѣніе должно возрастать до крѣпости, чтобы оно, видя, что надобно дѣлать, имѣло возможность дѣлать то крѣпостію души, дабы не трепетать отъ страха, и предавшись ужасу не лишиться силы защищать добро, которое оно чувствуетъ. Но часто крѣпость, если будетъ не предусмотрительна, и противъ пороковъ не осмотрительна, сама по своей опрометчивости попусту упадетъ. Поэтому она должна возвышаться до совѣта, чтобы предвидя напередъ укрѣпить все, что можетъ она мужественно дѣлать. Но совѣта быть не можетъ, если нѣтъ разума. Потому что, кто не разумѣетъ зиа, которое тяготитъ дѣйствующаго, тотъ какъ можетъ укрѣпить добро, которому помогаетъ? Итакъ отъ совѣта мы должны восходить къ разуму. Но что, если разумъ, хотя и будетъ бодрствовать съ великою топкостію, и не будетъ знать

умѣренности чрезъ благовременность? Поэтому отъ разума надобно восходить къ премудрости, дабы премудрость благовременно располагала тѣмъ, что вѣрно отыскалъ разумъ. — Итакъ, послѣку мы чрезъ страхъ возбуждаемся къ благочестію, чрезъ благочестіе ведемся къ вѣдѣнію, чрезъ вѣдѣніе получаемъ силу въ крѣпости, чрезъ крѣпость стремимся къ совѣту, чрезъ совѣтъ достигаемъ разума, чрезъ разумъ доходимъ до зрѣлой премудрости: то семью ступенями восходимъ къ воротамъ, чрезъ которыя открывается намъ входъ въ жизнь духовную.

Но хорошо говорится, что притворъ былъ предъ ними; потому что, кто прежде не будетъ имѣть смиренія, тотъ не взоидетъ на эти ступени даровъ духовныхъ, какъ написано: *на кого воззрю (а): токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. LXVI, 2). Объ этомъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *восхожденія въ сердце своею положи во юдолю плачевную* (Псал. LXXXIII, 6). Потому что юдоль есть мѣсто униженное, и каждый грѣшникъ, смиренно въ слезахъ сокрушаяся сердцемъ, успѣваетъ въ восхожденіи къ добродѣтелямъ. Онъ (Псалмопѣвецъ) еще говорить: *посылай источ-*

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ сказано: *super quiet requiescet spiritus meus*, т. е. на комъ почиетъ духъ мой.

ники въ добрехъ (Псал. СIII, 10); потому что всемогущій Богъ смиреннѣе сообщаетъ дары духовной благодати.

9. Подъ притворомъ можно еще разумѣть вѣру. Потому что она предъ ступенями и вратами, такъ какъ мы прежде приходимъ къ вѣрѣ, чтобы постѣ чрезъ ступени даровъ духовныхъ войти во врата небесной жизни. Ибо не чрезъ добродѣтели приходятъ къ вѣрѣ, но чрезъ вѣру достигаютъ добродѣтелей. Корнилій сотникъ, коего милостыни прежде крещенія, по свидѣтельствѣ Ангела, похвалены, не дѣлами дошелъ до вѣры, но вѣрою достигъ дѣлъ (Дѣян. X, 1 и далѣе). Ибо и ему чрезъ Ангела говорится: *молитвы твоя и милостыни твоя въздѣла на память предъ Богомъ* (ст. 4). Если онъ не вѣровалъ истинному Богу и прежде крещенія, то кому онъ молился? Или какимъ образомъ выслушивать его всемогущій Богъ, если онъ не просилъ у Него усовершенствованія себя въ добрѣ? И такъ онъ зналъ Создателя всего Бога, но не зналъ, что воплотился всемогущій Сынъ Его. Ибо онъ не могъ дѣлать добра, если бы прежде не вѣровалъ. Такъ какъ написано: *безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. XI, 6). И такъ имѣлъ вѣру тотъ, коего молитвы и милостыни могли быть угодными Богу. Но добрыми дѣлами заслужить то, чтобы совершенно познать Бога, и вѣ-

ровать таинству воплощенія Его, по колюку достигъ таинства крещенія. И такъ чрезъ вѣру дошелъ онъ до дѣла, а чрезъ дѣла утверждень въ вѣрѣ. И такъ притворъ предъ ступенями; потому что кто прежде увѣровавъ, тотъ послѣ по ступенямъ добродѣтели восходить къ отверстію воротъ. Далѣе слѣдуетъ: *и врата притвора внутренняго противъ воротъ съверныхъ и восточныхъ* (Іезек. XL, 23) (а).

10. Въ этомъ мѣстѣ частица *противъ* полагается не для выраженія противоположности, но для выраженія прямоты; ибо ворота внутренняго притвора показаны были расположенными такъ, что ворота съверныя и восточныя были направлены къ нимъ прямымъ входомъ. И такъ что значить, что внутреннія ворота показываются устроенными по прямому направленію противъ воротъ восточныхъ и съверныхъ, если не то, — какъ ясно дастся разумѣть, — что входъ царства небеснаго равно открытъ, какъ для Гудейскаго и языческаго народа, такъ и для праведниковъ и грѣшниковъ, послѣ грѣховъ обратившихся? Ибо милосердіе Создателя нашего щедро. И внутреннія ворота обращены не только къ воротамъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et porta atrii interioris contra portam Aquilonis et Orientalem.*

Востока, но и Сѣвера; потому что радости внутренняго притвора открыты, не только тѣмъ, которые пребываютъ въ невинности, но и грѣшникамъ, осуждающимъ чрезъ покаяніе грѣхи свои, чтобъ они знали о неизреченныхъ тайнствахъ отечества небеснаго, зная жажду, каждая стремились, стремясь достигали ихъ. Объ этихъ тайнахъ внутренней радости зналъ тотъ, кто говоритъ: *возжажда душа моя къ Богу крепкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. ХLI, 3). Проповѣдникъ язычниковъ стремился къ этому входу царства небеснаго, когда говорилъ: *желаніе имый разрѣшиться, и со Христомъ быти* (Филип. I, 23). Объ этихъ тайнахъ внутренняго восторга знала та невѣста, которая говорила: *братъ мой посла руку свою сквозь скважню, и чрево мое вострепета отъ него* (Пѣсн. пѣсн. V, 4). Ибо братъ посылаетъ руку свою чрезъ скважню тогда, когда Господь Своєю силою побуждаетъ душу нашу чрезъ тонкое вразумленіе. И чрево отъ соприкосновенія къ ней трепещеть; потому что слабость наша сама возмущается отъ своего восторга чрезъ то, что касается разумѣнію небесной радости, и въ душѣ бываетъ страхъ съ радостію, потому что она уже чувствуетъ, что любитъ изъ небесной радости, и еще боится, какъ бы не лишиться того, что едва тонко чувствуетъ. Итакъ что остается намъ, если не

то, чтобы всё, знающіе объ оныхъ радостяхъ небеснаго отечества, направляли себя къ теченію усовершенствованія жизни? Поэтому и здѣсь кстати при-совокупляется: *и размотри двѣрь отъ вратъ до вратъ лактей сто* (Іезик. XL, 23).

11. Мы уже выше сказали, (Всѣд. VI, ч. 16), что сотенное число, составленное изъ умноженія десяти на десять, есть число совершенное. Поэтому тотъ, кто видитъ входъ двора внутренняго, по необходимости долженъ стремиться къ нему чрезъ жизнь усовершенствованія, и отъ воротъ начинанія доходить до входа совершенства. Итакъ пусть измѣряется внутренній притворъ, простирающійся отъ внѣшнихъ воротъ до воротъ внутреннихъ на сто локтей, дабы тотъ, кто любя началъ входить, имѣлъ въ умѣ широту совершенства, поколику его въ томъ, кого онъ любить, ни несчастія не стѣснять, ни счастье не надмать, но онъ бѣжитъ чрезъ притворъ совершенства, презирая все преходящее, доколѣ не достигнетъ сокровенныхъ радостей. Ибо есть много такихъ, которые вошли уже на семиступенный входъ воротъ внѣшнихъ, по нѣкоторому способу вышняго распределенія, по страху Божию—смиренны, по ревности къ благочестію—милосерды, по вѣдѣнію разборчивы, по крѣпости души—свободны, по совѣту—осторожны, по разуму—предусмотрительны, по прсмуд-

рости зрѣлы: но, будучи еще обязаны нѣкоторыми необходимостями, они порабощаются заботамъ міра сего, и отсюда уже много отрясли душу, тамъ еще содержатся въ неволѣ. И когда они несутъ возложенныя на нихъ тяжести земнаго занятія, тогда мѣнѣе упражняются въ небесныхъ зановѣдяхъ. Сердечно стремиться къ вѣчному отечеству не достаетъ у нихъ времени; самыя желанія ихъ нѣкоторымъ образомъ въ нихъ ослабѣваютъ, потому именно, что душа, встрѣтивъ препятствія въ заботахъ временныхъ, не имѣетъ возможности любить истинныя радости, дознавныя ею, на столько, на сколько ей хочется. Они большею частію высвобождаютъ выи души изъ подъ ига міра, все оставляютъ, слагаютъ съ себя тяжести земнаго попеченія, и для того, чтобы ширѣе развернуть душу къ желанію небеснаго, стремятся къ жизни уединенной, и будучи напряжены въ святыхъ молитвахъ, предапы священнымъ размышленіямъ, изнуряютъ себя ежедневнымъ плачемъ, и обветшалость сердца выжигаютъ огнемъ любви, и обновляются въ восхожденіи къ небесной радости. Воспламенившись этимъ самымъ своимъ желаніемъ, они большею частію желаютъ уже вытти изъ тѣла, и послѣ плача не хотятъ возвращаться къ настоящей жизни. Впрочемъ они разнообразятся, такъ что разнообразная любовь самымъ своимъ разнообразіемъ дѣ-

ласть уснѣхъ, и по пламенному желанію какъ бы
ростеть отъ того, въ чемъ ей отказываютъ. Такъ въ
странѣ Гадаринской освобожденный отъ легіона де-
моновъ хотѣлъ уже итти съ Господомъ, однакожь
ему говорится: *возвратися въ домъ твой, и повѣ-
дай, елика ти сотвори Богъ* (Лук. VIII, 39). Такъ
невѣста въ Пѣсни пѣсней томимая святыми жела-
ніями говорить: *на ложи моелъ въ нощехъ, искахъ,
Еюже возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣ-
тохъ Ею* (Пѣсн, пѣсн. III, 1). Ибо на ложѣ душа
ищетъ возлюбленнаго, когда въ самой своей празд-
ности и отдохновеніи, котораго домогается, желаетъ
видѣть Господа, желаетъ вытти къ Нему, рвется къ
высвобожденію себя изъ мрака настоящей жизни. Но
она ищетъ Его, и не находитъ; потому что, хотя
она съ великою любовію желаетъ, но ей еще не доз-
воляется видѣть Того, Кого она любитъ.

12. Поэтому таковыя души Святыхъ что дру-
гое дѣлаютъ въ этомъ желаніи, если не то, что уже
бѣгутъ къ воротамъ отъ внѣшнихъ воротъ чрезъ
внутренній притворъ? Съ ними часто случается, что
видя себя поощряемыми великимъ дѣиствіемъ небесной
благодати, они считаютъ себя уже совершенными, и ду-
маютъ, будто они послушны; но послѣку никого нѣтъ,
кто предписывать бы имъ жестокое, то они думаютъ,
будто они терпѣливы, тогда какъ никто не испы-

тывается ихъ поношеніями и неспрiятностями. И большею частію случается то, что они даже противъ воли принимаютъ духовное служеніе, и подводятся подъ управленіе вѣрующихъ. Тѣ, которые со всѣхъ сторонъ были потрясены великими несчастіями, приведенные въ смущеніе души признаютъ себя несовершенными; а тѣ, которые не были подвергнуты такому потрясенію, подумали, будто они совершенны. Отъ этого происходитъ, что они доводятся до самособранности, и молча сами предъ собою стыдятся упрека своей слабости, и, будучи подкрѣплены самымъ стыдомъ своимъ, противопоставляютъ несчастіямъ терпѣніе, и тѣ, которые прежде въ праздности коснѣли отъ самой своей безопасности, дѣлаютъ успѣхъ отъ несчастія. И начинаютъ быть дѣйствительно таковыми, каковыми прежде считали себя напрасно. Итакъ они, когда расходятся по притвору усердія къ добру отъ внѣшнихъ воротъ до воротъ внутреннихъ, измѣряются этимъ самымъ притворомъ во сто локтей; потому что разстановкою и святымъ упражненіемъ они ежедневно преуспѣваютъ въ совершенствѣ. Ибо преуспѣвать въ душѣ посредствомъ ежедневныхъ желаній значить, какъ бы внутреннему притвору измѣряться сотнею локтей. Итакъ отъ воротъ до воротъ сто локтей для того, чтобы нѣкоторая медленность въ шествіи служила какъ бы са-

мою разстановкою жизни, чрезъ которую ежедневно возрастаютъ въ добродѣтеляхъ, чтобы съ большимъ совершенствомъ достигнуть внутренняго входа. Далѣе слѣдуетъ: *и вывелъ меня къ пути южному, и вотъ ворота, обращенныя на Югъ; и измѣрилъ фронтонъ ихъ, и крыльцо ихъ по мѣрамъ прежнимъ; и окна ихъ, и крыльца въ окружности, какъ окна прочія, пятидесяти локтей долготу, и широту въ двадцать пять локтей. И чрезъ семь ступеней восходиши къ нимъ, и крыльцо предъ дверьми ихъ* (Езек. XL, 24—26) (а).

13. Все это уже сказано въ воротахъ восточныхъ и сѣверныхъ; и нѣтъ надобности часто повторять то, что мы сказали при объясненіи однажды и дважды. Впрочемъ намъ надобно замѣтить, что въ духовномъ зданіи одинъ входъ открытъ съ Востока, другой съ Сѣвера, третій съ Юга. Ибо какъ холодомъ Сѣвера означаются грѣшники, такъ Юж-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et eduxit me ad viam australem, et ecce porta, quae respiciebat ad Austrum, et mensus est frontem eius, et vestibulum ejus juxta mensuras superiores; et fenestras ejus, et vestibula in circuitu, sicut fenestras caeteras, quinquaginta cubitorum longitudinem et latitudinem viginti quinque cubitorum. Et in gradibus septem ascendebatur ad eam, et vestibulum ante fores ejus.*

нимъ путемъ означаются горящіе духомъ, которые, будучи воспламенены жаромъ Духа Святаго, возрастаютъ въ добродѣтеляхъ какъ бы при полуденномъ солнцѣ. Итакъ пусть будутъ отверсты врата съ Востока, чтобы тѣ, которые хорошо начали таинства вѣры, и послѣ не погружались въ глубину пороковъ, приходили къ сокровеннымъ радостямъ. Пусть будутъ отверсты ворота съ Сѣвера, дабы тѣ, которые послѣ начала теплоты и свѣта пали въ холодъ и тьму грѣховъ своихъ, возвращались къ помилованію чрезъ сокрушеніе покаянія, и познавали, какая истинная радость внутренняго воздаянія. Пусть будутъ отверсты врата съ Юга, дабы тѣ, которые горятъ отъ святыхъ желаній подвиговъ, ежедневно проникали духовнымъ разумѣніемъ въ таинства внутренней радости. Но между тѣмъ можно предложить вопросъ: если четыре страны міра сего, то почему въ этомъ зданіи внѣшняго двора говорится не о четырехъ воротахъ, а о трехъ?—Этого справедливо надобно было бы требовать, если бы Пророкъ видѣлъ не духовное, а тѣлесное зданіе. Ибо святая Церковь, т. е. духовное зданіе, для достиженія сокровенныхъ радостей имѣетъ только трое воротъ, именно: вѣру, надежду и любовь; одинъ (ворота) съ Востока, другія съ Сѣвера, третьи съ Юга. Потому что воротами

съ Востока служитъ вѣра, такъ какъ чрезъ нее въ душѣ рождается истинный свѣтъ. Воротами съ Сѣвера служитъ надежда, такъ какъ всякій, падшій въ грѣхи, рѣшительно лишается милосердія, если отчаевается въ прощеніи. Воротами съ Юга служитъ любовь, такъ какъ она горяча. Ибо въ полуденной странѣ солнце возвышается вверхъ вертикально, потому что свѣтъ вѣры любовію возвышается въ направленіи къ Богу и ближнему. Итакъ тремя воротами входятъ во внутренній дворъ; потому что чрезъ вѣру, надежду и любовь доходятъ до сокровенныхъ радостей. Но рождается другой вопросъ: почему о воротахъ внутренняго двора говорится, что онѣ направлены прямо противъ востокъ и Сѣвера, и умалчивается, что онѣ направлены прямо къ Югу? Но поелику мы сказали, что Востокомъ означаются начинающіе, а Сѣверомъ падшіе: то надобно было ясно сказать, какъ о начинающихъ, которымъ солнце свѣтитъ ни тепло ни холодно, такъ и о падшихъ, но обратившихся, что имъ отворены ворота двора внутренняго, дабы мы были извѣстны о тѣхъ, о которыхъ можно было сомнѣваться. Но этого не слѣдовало говорить о воротахъ южныхъ; потому что всякой знаетъ, что тѣ достигаютъ внутреннихъ радостей, которые по горячести духа постоянны въ добродѣтеляхъ.

Потому что Священное Писаніе обыкновенно говоритъ ясно о томъ, о чемъ можно было бы сомнѣваться, и молчитъ о томъ, что извѣстно, какъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *и прогнѣваша Моисея въ стану, Аарона святаго Господня* (Псал. CV, 16). Потому что Ааропъ, по настоянію народа, сдѣлалъ идола, и справедливо можно было сомнѣваться въ жизни его. Итакъ Моисей не называется святымъ, потому что всѣмъ извѣстно, что онъ святъ; но Аарона (Пророкъ) называетъ святымъ Господнимъ для того, чтобъ уничтожить въ насъ сомнѣніе въ жизни его. Далѣе слѣдуетъ: *и рѣзныя пальмы бы- м, одна отсюда, другая оттуда на фронтонахъ ихъ* (Іезик. XL, 26).

14. Что это значить, что прежде упоминалось о написаніи пальмъ на фронтонахъ, а теперь говорится, что на фронтонахъ рѣзныя пальмы? Потому что въ рѣзбѣ камней являются дѣла снаружи. Но, какъ мы уже выше сказали, что живописство пальмъ служить показаніемъ знаменій. А теперь говорится о вырѣзаніи пальмъ для того, чтобъ обозначить доказательство добрыхъ дѣлъ. Ибо самымъ верховнымъ проповѣдникамъ говорится: *да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Мат. V, 16). Итакъ тѣ, которые

показываютъ свѣтыя дѣянiя вырѣзаннѣми въ жизни ихъ, имѣють на фронтонѣ вырѣзаннѣя пальмы; потому что они теперь уже въ свѣтыхъ дѣлахъ своихъ показываютъ, какова въ послѣдствiи послѣдуетъ за ними побѣда. Но послѣку мы сказали, что воротами съ Востока означается вѣра, воротами съ Сѣвера—надежда, а воротами съ Юга—любовь; то намъ надобно замѣтить, что на воротахъ восточныхъ упоминается о живописности пальмъ, а о воротахъ къ Сѣверу и Югу говорится о вырѣзанiи ихъ (пальмъ); потому что часто случается, что тѣ, которые положили только начало, не упражняютъ себя въ дѣлахъ прочныхъ и великихъ; а тѣ, которые послѣ паденiй обращаются къ добродѣтелямъ, большею частiю упражняются въ великихъ подвигахъ, чтобъ имѣть возможность прикрыть предъ очами всемогущаго Бога преступленiя свои. И тѣ, которые по горячности духа возрасли въ добродѣтеляхъ, сiяють какъ полдень въ свѣтыхъ дѣянiяхъ. Поэтому на восточныхъ воротахъ живопись, а на сѣверныхъ и южныхъ воротахъ рѣзба; потому что то знаменiе побѣды, которое показывается въ полагающихъ начало, въ обращающихся и ревностныхъ держится прочиѣе и крѣпче.

15. И весьма замѣчательно, что говорится: *отсюда и оттуда*. Пбо все мы, стремящiеся ко

входу жизни, должны имѣть пальму и съ правой и съ лѣвой стороны. Такъ какъ выраженіемъ: *отсюда и оттуда* означается та и другая сторона. И такъ съ правой стороны имѣеть пальму тотъ, кого не надмѣваетъ счастье, а съ лѣвой стороны имѣеть пальму тотъ, кого не доводятъ до отчаянія несчастія. Какъ бы съ той и другой стороны носилъ пальму Павелъ, когда говорилъ: *съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ; въ чести и безчестіи, среди порицаній и похвалъ, считаясь обманщицами, но будучи истинны* (2 Кор. VI, 7—8. По рускому переводу). Его ни несчастія не колебали, ни счастье не надмѣвало. Слѣдовательно, онъ несъ пальму съ той и другой стороны; потому что въ несчастіи пребылъ твердъ, а въ счастіи смиренъ. Такъ какъ надмѣвающийся въ счастіи не умѣеть держать въ правой рукѣ пальмы. А кто малодушествуетъ въ несчастіи, тотъ не умѣеть носить пальмы съ лѣвой стороны. И такъ для того, чтобы пальма была носима на фронтоѣ съ той и другой стороны, въ душахъ нашихъ всегда должны быть—и упованіе въ несчастіяхъ, и страхъ въ счастіи, дабы или несчастія не довели до отчаянія, или счастье не надмгло души до самонадѣянности. Поэтому-то оный же славный проповѣдникъ говорилъ: *въмъ и смиритися, въмъ и избыточес-*

твовати: во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщаются и алкаютъ, и избыточествовати и лишатися: вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусъ Христъ (Филип. IV, 12. 13).

16. Ужели, братіе, есть какое либо искусство въ томъ, чтобы жить и въ скудости, и въ изобиліи, насыщаться и алкать, быть въ обиліи и недостаткѣ, что такой проповѣдникъ считаетъ за важное дать знать о семъ? Рѣшительно искусство, и дивное знаніе той науки, которой намъ надобно учиться съ полнымъ напряженіемъ сердца. Ибо кого бѣдность не сокрушаетъ, отъ дѣйствія благодати не отвлекаетъ, къ пожеланію вещей временныхъ не возбуждаетъ, тотъ умѣетъ смиряться. Въ этомъ мѣстѣ Апостолъ называетъ смиреніемъ терпѣніе бѣдности. Потому что тотчасъ въ противоположность присовокупляетъ: *вѣмъ и избыточествовати*. Кто не надмѣвается отъ полученныхъ благъ, кто не бросаетъ ихъ для пріобрѣтенія суетной славы, кто не владѣетъ однимъ тѣмъ, что получилъ, но милосердо раздѣляетъ это съ нуждающимися; тотъ умѣетъ *избыточествовати*. Кто, имѣя продовольствіе, пользуется имъ не для пресыщенія чрева, но для возстановленія добродѣтели, не употребляетъ для плоти болѣе того, сколько требуетъ необходимость, тотъ умѣетъ *насыщаться*. Кто терпитъ недоста-

токъ въ ежедневной пищѣ безъ ропота, и ничего не дѣлаеть такого, что могло бы ради необходимости въ пропитаніи запутать душу въ грѣхъ, тотъ умѣеть *алкати*. Итакъ кого ни въ изобиліи не надмѣваетъ гордость, ни въ крайности не беспокоитъ пожеланіе; тотъ умѣеть и *избыточествовати* и *мишати*. Когда онъ тотчасъ присовокупилъ: *вся могу*, тогда для того, чтобы мы не приняли словъ его за выраженіе гордости, присовокупилъ: *о укрѣпляющемъ мя*. Вотъ вѣтвь поднялась вверхъ; но поелику держалась на корнѣ, то осталась въ зелени. Поднимаясь вверхъ, она могла бы засохнуть, если бы отдѣлилась отъ корня. Но онъ (Павелъ) ничего себѣ не приписываетъ; потому что признается, что онъ все можетъ не самъ по себѣ, но въ Того, Кто укрѣпляетъ его. Итакъ отсюда и оттуда имѣеть пальму тотъ славный Проповѣдникъ, котораго ни изобиліе не увлекаетъ въ гордость, ни бѣдность къ жадности.

17. Итакъ, братіе, научимся быть благодарными не только въ счастіи, но и въ несчастіи. Ибо Создатель нашъ по своей благодати содѣлался для насъ отцемъ, и воспитываетъ насъ, усыновленныхъ дѣтей, для наслѣдія царства небеснаго. И не только поощряетъ къ тому дарами, но и вразумляетъ розгами. Поэтому научимся *избыточествовати* такъ,

чтобы все, получаемое отъ Него, раздѣлять съ нуждающимися. И избытокъ не долженъ надмѣвать души, дабы она не радовалась тому, что у ней есть то, чего нѣтъ у другаго, и не радовалась частному благу, но общему. / Отъ частной радости къ общей Истина призываетъ учениковъ, когда увѣщаетъ ихъ возвратившихся съ проповѣди, и обрадовавшихся по-виновепію имъ бѣсовъ, говоря: *о семъ не радуйтесь, яко души вамъ повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небсехъ* (Лук. X, 20). Ибо не всѣ избранные изгоняютъ бѣсовъ: но имена всѣхъ избранныхъ написаны на небесахъ. Слѣдовательно, ученикамъ дается наставленіе, чтобы они отложили свою частную радость, а радовались бы общою радостію о вѣчномъ блаженствѣ. И такъ кто радуется тому, чего другой не имѣетъ, тотъ, отъ самаго своего избытка содѣлавшись худшимъ, имѣетъ радость частную. Противъ желанія сего избыточества увѣщаетъ насъ Іоаннъ, говоря: *не любите міра, ни яже въ мѣртъ* (1 Іоан. II, 15). Онъ тотчасъ присовокупляетъ причину, почему: *аще кто любитъ мѣртъ, нѣтъ любви Отци въ немъ* (Тамъ же). Ибо никто же можетъ двумя господиима работати (Мат. VI, 24), потому что не можетъ въ одно и то же время любить и преходящее и вѣчное. Если мы любимъ вѣчность, то временнымъ владѣемъ для пользы, но безъ

пристрастія. Іоаннъ эту же самую причину присовокупляетъ, говоря: *яко все, еже въ міръ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. II, 16).

18. Ибо люди желаютъ имѣть что либо болѣе, нежели сколько необходимо, для того, чтобъ имѣніемъ гордиться, и мечтать въ помыслахъ о себѣ, что другой этого не имѣетъ. Поэтому кто таковъ, тотъ еще не научился умѣнью *избыточествовати*. Но часто собираемое жадностію по пристрастію считается необходимостію, и когда было бы достаточно меньшаго, скорбятъ, что нѣтъ большаго, и неосторожная душа терпитъ какъ бы нѣкоторую необходимость, которую раждаетъ. И когда излишне то, чего она желаетъ, тогда она извиняетъ нѣкоторымъ образомъ предъ собою свою жадность. Итакъ избыточество стоитъ рядомъ съ гордостію. Если же когда перехватила его прихоть, то его постигло, такъ сказать, какъ бы чужеземное плѣненіе. Итакъ, если мы хотимъ знать искусство *избыточествовати*: то намъ необходимо избѣгать не только тѣхъ пороковъ, которые въ сосѣдствѣ съ нимъ, но и тѣхъ, которые приходятъ издалека. Научимся терпѣть бѣдность такъ, чтобъ и не домогаться съ виновностію имѣть то, чего не имѣемъ, и не считать счастливymi тѣхъ, которыхъ видимъ чрезвычайно богатыми. Весьма из-

лишне то, что напередъ приготовляютъ для себя, какъ бы на расходы настоящей жизни. Они несутъ много; но на краткомъ пути лучшая для насъ спутница въ шествіи бѣдность, которая не стѣсняетъ души, когда пѣтъ у пей земнаго достатка, за который мы должны дать отчетъ вѣчному Судіи. Мы свободнѣе идемъ къ отечеству, потому что на пути какъ бы не имѣемъ тяжести.

19. Будемъ учиться и пасыщению, дабы въ принятіи тѣлесныхъ яствъ не служить болѣе щекотанію горла, нежели необходимости. Ибо пожеланіе требуетъ большаго, нежели необходимость. И часто, когда мы стараемся удовлетворить требованію тѣла, подкрадывается наслажденіе, и превышаетъ мѣру возобновленія. Отъ этого происходитъ, что преступленіе переходитъ къ преступленію; потому что другое искушеніе плоти раждается большею частію оттуда, откуда неумѣреннѣе служатъ тѣлу въ возобновленіи его. Ибо отъ грѣха перваго человѣка, по слабости естества, мы раждаемся въ этомъ мірѣ съ пацними искушеніями. И тѣло иногда бываетъ нашимъ помощникомъ въ добромъ дѣлѣ, а иногда прельстительницею на зло. Поэтому, если мы даемъ ему болѣе, нежели сколько должны давать, то мы питаемъ врага. А если отказываемъ въ необходимости его, сколько мы должны, то убиваемъ гражданина. Итакъ

тѣло должно быть насыщаемо, но до такой степени, чтобы оно не ослабѣвало въ сотрудничествѣ намъ въ добромъ дѣлѣ. Ибо кто удовлетворяетъ его настолько, что этимъ гордится, тотъ рѣшительно не умѣетъ *насыщаться*. Поэтому есть великое искусство въ насыщеніи, дабы кто либо чрезъ насыщеніе тѣла не вырывался къ нечестію мерзости.— Будемъ учиться *алкати* для того, чтобы намъ здѣсь правилась наша бѣдность по слѣдующему за нею избытку, дабы необходимая потребность чрева не увлекала насъ къ преступленію, дабы нужда не приумножала грѣха для самой души; и чтобы сердце не имѣло негодованія, и языкъ не позволялъ себѣ ронота, когда тѣло томится голодомъ, душа возбуждается къ пожеланію, и желаетъ предвидѣть съ преступленіемъ, откуда бы можно было удовлетворить тѣлу въ его необходимости. Итакъ кто въ нуждѣ своего тѣла осматривается туда и сюда, и хранитъ себя отъ грѣховнаго соблазна, тотъ умѣетъ алкати.

20. Итакъ, возлюблѣннѣйшіе братіе, послѣку мы чрезъ вѣру, надежду и любовь желаемъ войти во внутренній дворъ жизни тремя воротами: то удаляясь гнѣва и жадности въ несчастіи, и не предаваясь гордости и неумѣренной радости въ счастіи, будемъ держать пальмы отсюда и оттуда. Можно еще возвратитъ много гражданина небеснаго отече-

ства, и показать, какъ онъ долженъ держать пальму отсюда и оттуда. Ибо блаженный Иовъ, когда имѣлъ подъ рукою многихъ мужей Востока, когда все улыбалось ему счастьемъ, дѣтей было много, семейство умножалось, стада распложались, устоять въ такомъ страхѣ ко всемогущему Богу, что среди наблюденія за подчиненностію, среди дѣлъ правосудія, среди многихъ послушаній смиренія, будучи внимателенъ къ дѣламъ милосердія, усерденъ къ жертвоприношеніямъ, приносилъ всесоженія за каждаго изъ дѣтей своихъ, дабы никто изъ нихъ не грѣшилъ даже въ сердцахъ (Иов. I, 2 и далѣе). Обсудимъ же, какая была бдительность надъ добрымъ дѣломъ у того, кто жертвоприношеніями очищалъ даже тайные грѣхи въ своихъ дѣтяхъ. Но какъ онъ былъ праведенъ, объ этомъ было извѣстно въ его счастьи, но рѣшительно неизвѣстно было, могъ ли онъ устоять въ той же праведности и среди несчастій. Поэтому надобно было затронуть его несчастіемъ для того, чтобъ этотъ святой мужъ въ счастьи былъ допрошенъ несчастіями, чтобы тотъ, кто былъ извѣстенъ всемогущему Господу, чрезъ несчастія сдѣлался извѣстнымъ и намъ, и самому себѣ. Итакъ по распоряженію Господню, у него уведены стада, перебиты сторожа, разрушенъ домъ, истреблены дѣти, поражено тѣло отъ подошвы ноги до маковки. Оста-

лась невредимою жена, которая стрѣлами словъ умножала бы раны его. Но святой мужъ, здравый въ ранахъ, благоразумно учитъ ее, и отвѣчаетъ ей, говоря: *аще благая пріяхоуъ отъ руки Господни, злыхъ ми не стертимъ* (Іов. II, 10)? Приходятъ и друзья—утѣшить, но тотчасъ пускаются въ поношенія и къ рапамъ болѣзни прилагаютъ еще раны словесныя. Они называютъ его немилосердымъ, упрекаютъ въ хищничество, обвиняютъ въ насиліи, считаютъ притѣснителемъ бѣдныхъ. Итакъ что дѣлалъ воинъ Божій среди болѣзненныхъ рапъ и укоряемый горькими словами? Вотъ наказанія Божіи и слова человѣческія вмѣстѣ гнѣтутъ пораженную душу къ отчаянію; но полный силою духа, лежащій въ ранахъ тѣлесныхъ, стоящій крѣпостію души, противъ нападенія отчаянія вывелъ на память тѣ добрыя дѣла, которыя онъ творилъ. Что онъ былъ милосердъ, говоритъ: *око быхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. XXIX, 15). И еще: *азъ быхъ отецъ немощнымъ* (Тамъ же, ст. 16). Что онъ былъ стражемъ подчиненности, и благосклоннымъ, говоритъ: *вселяхся якоже царь посреди храбрыхъ, аки утѣшаяи печальныхъ* (Тамъ же, ст. 25). Въ доказательство смиренія своего говоритъ: *аще презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прящимся имъ предо мною* (Іов. XXXI, 13). Въ доказательство страннопріимства своего онъ гово-

ритъ: *аще презрѣхъ нага помябающа* (странствующаго): *и не облекохъ ею* (Тамъ же, ст. 19). Въ доказательство своей щедрости на дары, онъ говоритъ: *немощнѣи же аще не благословиша мя, отъ стрѣженія же лицевъ моихъ сокрушася плещы ихъ* (Тамъ же, ст. 20). Что онъ никого не притѣснялъ, въ томъ свидѣтельствуется, говоря: *аще воздвигохъ на сироту руку, надѣяся, яко многа помощь мнѣ есть* (Тамъ же, ст. 21). Что онъ никогда не радовался паденію врага, объ этомъ говоритъ: *аще же обрадовахся о паденіи врагъ моихъ* (Тамъ же, ст. 29). Что онъ былъ терпѣливъ, и переносилъ добродушно поношеніе отъ своихъ подручныхъ, объ этомъ говоритъ: *аще же и многажды рѣша рабыни моя, кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися* (Тамъ же, ст. 31)? Итакъ что это значить, что святой мужъ пересчитываетъ столько своихъ добродѣтелей среди бѣдствій? Что значить, что онъ своими устами хвалить тѣ дѣла, которыя содѣлалъ, если не то, что онъ среди ранъ и словъ, которыя могли нудить его къ отчаянію, направляетъ духъ къ надеждѣ? И тотъ, кто былъ смиренъ въ счастья, по вызовѣ на память своихъ добродѣтелей, остался несокрушимымъ въ несчастіи. Ибо тѣ слова среди толкихъ бѣдъ не могли ли бы приклонить духъ его къ отчаянію, если бы онъ не вызвалъ къ себѣ на па-

мить тѣ добродѣтели, которыя выполнялъ? Итакъ святой мужъ видѣлъ, что душа его по выслушаніи столькихъ укоризнъ близка къ отчаянію, и дивно постарался о подрѣпленіи себя въ несомнѣнной надеждѣ своими добрыми дѣлами. Такимъ образомъ исполняется то, что написано: *въ день блазыхъ не забывай о злыхъ, въ день же злыхъ не забывай о блазыхъ* (Сир. XI, 25). (а). Ибо если мы, имѣя блага, воспоминаемъ о бѣдахъ, или тѣхъ, которыя мы уже претерпѣли, или тѣхъ, которыя еще можемъ претерпѣть; то полученныя блага не надмѣваютъ души, потому что радость о нихъ стѣсняется страхомъ памятованія о злыхъ. И если подвергнешь несчастіямъ, мы воспоминаемъ о благахъ, которыя мы или уже получили, или еще надѣемся получить: то тяжесть золь не подавляетъ души до отчаянія, потому что ее поддерживають въ надеждѣ память о благахъ. Итакъ, возлюбленнѣйшіе братіе, если мы по заповѣдямъ Господнимъ и примѣрамъ Святыхъ ше-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ *in die bonorum ne immemor sis malorum, et in die malorum ne immemor sis bonorum*. Въ Славянскомъ же переводѣ онъ читается такъ: *въ день блазыхъ забвеніе злыхъ, въ день же злыхъ не воспоманутся блазая*. Но параллельное мѣсто (Сирах. XVIII, 25) ручается за переводъ Латинскій, а не за Славянскій.

ствуемъ такъ, что пась ни счастье не надмѣваетъ, ни несчастье не сокрушаетъ: то мы показываемъ, что предъ очами всемогущаго Бога имѣемъ пальмы отсюда и оттуда. Ему подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

Изъясняются стихи отъ 27 до 38 включительно, многіе кратко, а другіе подробно, и преимущественно обосновывается догматъ о воскресеніи.

1. Слова Пророка, которыя, по милосердію Господню, должны быть произнесены любви вашей сего дня, требуютъ болѣе прочтенія, нежели объяшенія. Потому что въ трехъ внутреннихъ воротахъ опѣ значатся тѣ же самыя, которыя во второй уже, или третій разъ высказаны о внѣшнихъ. Но не многая есть перемѣна въ описаніи ихъ. Поэтому необходимо намъ, тѣ, о которыхъ уже сказано, пробѣжать чрезъ чтеніе, для того, чтобы тѣ, о которыхъ еще не сказано, можно было объяснить подробнѣе. Итакъ теперь говорится: *и врата внутренняго двора на путь къ югу, и намъриль отъ воротъ до во-*

рѣтъ на пути южномъ сто локтей. И воелъ меня во дворъ внутренній къ воротамъ южнымъ, и измѣрилъ ворота по мѣрамъ прежнимъ, спальню ихъ, и фронтонъ ихъ, и входъ ихъ по тѣмъ же мѣрамъ, и окна ихъ, и входъ ихъ вокругъ пятидесяти локтей долготы, и широты двадцати пяти локтей, и входъ чрезъ кругъ (Език. XI, 27—30) (а).

Вы помните, что все это было сказано и обьяснено выше (особенно въ предыдущей бесѣдѣ). Но еще не сказано того, что присовокупляется о томъ же самомъ входѣ: *долготою двадцать пять локтей, и широтою пять локтей, и притворъ его къ двору внѣшнему (Език. XI, 30. 31) (б).*

И опять повторяется то, что уже было сказано выше: *и пальма на фронтонъ (тамъ же) (в).* И тотчасъ присовокупляется то, чего еще не было сказано: *и восемь было ступеней, по которымъ входили на него (тамъ же) (г).* И то, что написано о южныхъ вратахъ, повѣствуется и о восточныхъ вратахъ въ одномъ и томъ же порядкѣ. Ибо тотчасъ присовокупляется: *и воелъ меня въ при-*

(а)+(б)+(в)+(г)+(д). Всѣ эти тексты буквально переведены съ Латинскаго подлинника, которыхъ здѣсь не выписываю, какъ прежде, за множествомъ ихъ. Знающіе Латинскій языкъ сами могутъ прочесть ихъ, а для незнающихъ они не нужны.

творъ внутренній чрезъ врата восточныя, и измѣрилъ ворота по мѣрамъ прежнимъ, чертогъ ихъ, и фронтоны ихъ, и преддверіе ихъ, и окна ихъ, и входы ихъ вскружъ долиною въ пятьдесятъ локтей, и шириною въ двадцать пять локтей. И переднюю комнату его, т. е. внутреннюю притвору, и пальмы рѣзныя на фронтоны ихъ отсюда и оттуда, и въ восемь ступеней восходъ ихъ (Іезик. XL, 32—34). (д). Тоже самое, что сказано о воротахъ южныхъ и восточныхъ, тѣмже словами повторяется и о воротахъ сѣверныхъ. Ибо присовокупляется: и овелъ меня во врата сѣверныя, и измѣрилъ по мѣрамъ прежнимъ, чертогъ ихъ, и фронтоны ихъ, и преддверіе ихъ, и окна ихъ вокругъ, въ долготу пятьдесятъ локтей, и въ широту двадцать пять локтей. И преддверіе ихъ было обращено ко вѣншему двору, и рѣзныя пальмы ихъ отсюда и оттуда, и въ восемь ступеней восходъ ихъ (Іезик. XL, 35—37) (а).

2. Итакъ мы обширно сказали выше (бесѣд. VI и VII), что означается внутреннимъ притворомъ, что чертогомъ, что фронтонами, что преддверіемъ, что окнами, что долготою и широтою, что рѣзбою пальмъ, и пѣтъ надобности опять повторять одно и то же, но займемся только тѣмъ, чего

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника.

еще не было сказано. Поэтому теперь намъ надобно спросить, что значать тѣ трое внутреннихъ воротъ, или, что значить, что предверія этихъ самыхъ воротъ измѣряются въ длину двадцатью пятью локтями, а въ широту пятью локтями; или, почему входъ къ нимъ устроенъ не въ семь ступеней, какъ было сказано о воротахъ внѣшнихъ, но въ восемь. Ибо тѣхъ воротъ внутренняго притвора, о которыхъ сказано выше, у этихъ трехъ внутреннихъ воротъ нѣтъ, потому что о тѣхъ говорится, что онѣ обращены къ воротамъ востока и сѣвера, а объ этихъ отдѣльно упоминается, что онѣ устроены внутри къ югу, или востоку и сѣверу. Поэтому тѣми вѣрно означается входъ внутренній; потому что, какъ уже прежде сказано, онѣ отверзаются, или для Иудеевъ и язычниковъ, или начинающихъ и иреусиѣвающихъ въ добръ, или для падающихъ, но послѣ паденія востающихъ чрезъ покаяніе. Но теперь, послѣ того какъ описаны отдѣльныя ворота на востокъ, сѣверъ и югъ, почему опять описываются отдѣльныя ворота внутренняго притвора на югъ и востокъ и сѣверъ? При спосѣшествованіи Господнемъ нужно съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдовать сосудъ толикой глубины. Ибо, если мы подъ именемъ воротъ будемъ разумѣть святыхъ проповѣдниковъ; то намъ

надобно знать, что едина Церковь у проповѣдниковъ Ветхаго и Новаго Завѣта. А ворота имѣютъ семь или восемь ступеней потому, что они согласно проповѣдуютъ семиобразную благодать Святаго Духа, осмою же ступенью возвѣщаютъ награду вѣчнаго воздаянiя. Поэтому написано: *даждь часть седмимъ и осмимъ* (Екклес. XI, 2). Итакъ что мы можемъ назвать вишними воротами, если не древнихъ отцовъ, которые заповѣдями закона умѣли наблюдать болѣе за дѣлами народа, нежели за сердцами? дабы внутреннiя вотота принять за проповѣдниковъ Святой Церкви, которые духовными увѣщанiями охраняютъ сердца учениковъ своихъ, дабы они даже въ помыслахъ не услаждались тѣмъ зломъ, котораго не дѣлаютъ. Ибо говорится, что чрезъ тѣ восходили на семь ступеней, потому что и въ исполненiи закона былъ день седьмой, и въ Новомъ Завѣтѣ есть день осмый по таинству; онъ именно называется днемъ Господнимъ, который есть третiй отъ страданiя, но восьмой отъ созданiя, потому что слѣдуетъ за седьмымъ.

3. Но если мы разумѣемъ, что именемъ воротъ означаются только святые Апостолы, которые именно первые для насъ проповѣдники святой Церкви, и научили насъ крѣпко держаться вѣры, надежды и любви: то и они для насъ въ отношенiи

къ этимъ добродѣтелямъ суть ворота, потому что чрезъ эти самыя добродѣтели ведутъ насъ къ внутреннему разумѣнію премудрости. Но какъ же могутъ быть внѣшними воротами тѣ, которыхъ мы приписываемъ за внутреннія? И какъ могутъ быть внутренними воротами тѣ, которыхъ мы приписываемъ за внѣшнія? Въ этомъ дѣлѣ съ пользою можно думать, что они для насъ и внѣшнія ворота, и вмѣстѣ внутреннія. Когда они въ самомъ началѣ проповѣдуютъ намъ не высокое и таинственное, но только то, что особенно понятно: тогда они внѣшнія ворота. Но когда они говорятъ усовершенствовавшемуся глубокое и таинственное, тогда они ворота внутреннія. Посмотримъ, какъ открываются ворота внѣшнія: *я не могъ исворить съ вами, какъ съ дуговыми, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ. Я кормилъ васъ млекою, а не пицею* (1 Кор. III, 1). Посмотримъ, какъ отверзаются ворота внутреннія: *мудрость проповѣдуемъ мы между совершенными* (1 Кор. II, 6). Посмотримъ, однѣ ли и тѣже самыя ворота суть внутреннія и внѣшнія: *мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 14). И еще: *если мы выходимъ изъ границъ, то для Бога; если же скранны, то для васъ* (2 Кор. V, 14). Созерцая и бесѣдуя съ мудрыми, опъ выходитъ изъ границъ и служитъ воротами внутренни-

ми; а тѣмъ, что въ проповѣди тщательпо иприноровляется къ неразумнымъ, и не открываетъ того, какою заботливостію духа наполняется въ умѣ. когда проповѣдуетъ, показываятъ, что онъ служитъ воротами виѣшними. Итакъ для насъ и виѣшнія и внутреннія ворота суть тѣ, которые наставляють насъ и при первомъ входѣ вѣры, надежды и любви, и чрезъ высшее разумѣніе вводятъ насъ во внутреннее, когда намъ усовершившимся уже проповѣдуютъ о тайнствахъ царства небеснаго.

4. Поэтому и восходъ къ нимъ сперва описывается съ семью ступенями, а послѣ съ осемью. Ибо осемою ступенью означаютъ тайнства той жизни, которую въ тайнахъ ея разумѣють тѣ совершенные, которые вполне презирають настоящую жизнь, развивающуюся семидневнымъ кругомъ, которые читаются внутреннимъ созерцаіемъ. Итакъ ворота духовнаго зданія имѣють семь ступеней, потому что проповѣдуютъ своимъ слушателямъ страхъ Господень, благочестіе и вѣденіе, мужество и совѣтъ, разумъ и премудрость. Но когда онѣ заповѣдуютъ уже все оставить, когда увѣщаваютъ ничего не любить въ этомъ мірѣ, ни къ чему не пристращаться, когда убѣждаютъ напрягать вниманіе къ созерцаію небеснаго отечества, и улаждаться его тайнствами: тогда присовокупляютъ еще ступень, и переводятъ

во внутренность. Эта ступень, по учению Истины, показана одному, который послѣ перечня заповѣдей закона отвѣчалъ: *вся сія сохранилъ отъ юности моя* (Мат. XIX, 20). Ибо онъ стоялъ уже какъ бы на седьмой ступени, когда говорилъ, что онъ съ юности своей все исполнилъ. Но ему тотчасъ говорится: *еще единого не докончалъ: еще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имашаи с кровнице на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Лук. XVIII. 22. сп. Мат. XIX, 21). Хотя онъ въ этихъ словахъ увидѣлъ осмую ступень, но переступить на нее не захотѣлъ, потому что отошелъ съ печалію. Итакъ, кто прерѣвъ земныя блага насыщается созерцаціемъ вѣчности, прозрѣваетъ радости царства небснаго: тотъ, послѣ семи ступеней, которыя прошелъ страшась и дѣйствуя и приумножая разумніе премудрости, переступилъ на осмую ступень восхода внутреннихъ воротъ.

5. Осмеричнымъ же числомъ означается еще и день вѣчнаго суда, и воскресеніе тѣла. Поэтому и Псалмопѣвецъ, пиша *о осмомъ*, начинаетъ страхомъ суда, говоря: *Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеша мене* (Псал. VI, 2). Ибо нынѣ время милосердія, а съ того суда наступитъ день гнѣва. Въ этотъ именно

день окончится все то время, которое развивается семью днями. А поелику опъ слѣдуетъ за семью днями, то справедливо называется осмымъ. Въ этотъ день востанетъ изъ праха и плоть наша для воздаянiя отъ Истины за дѣла благiя, или злыя. Поэтому и закономъ повелѣвается совершать обрѣзанiе въ осмый день. Потому что чрезъ обрѣзываемый членъ параждается родъ смертныхъ и умножается число умирающихъ и раждаемыхъ. Но поелику по воскресенiи мертвыхъ не будетъ уже ни распространенiя плоти, ни смерти, ни рожденiя, какъ написало: *въ воскресенiе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божii на небеси суть* (Мат. XXII, 30): то и зановѣдано было отсѣкать въ осмый день крайнюю плоть. Ибо разумноженiе плоти не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ воскресшая плоть имѣетъ продолженiе вѣчное. Этого члена чужда была Матерь-Дѣва, которая безъ мужскаго смѣшенiя зачала во чревѣ Бога, Который своимъ воскресенiемъ первый показалъ намъ славу вѣчнаго отечества. *Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ; смерть Имъ ктому не обладаетъ* (Рим. VI, 9). И намъ показали примѣръ, чтобы мы вѣровали тому, что съ нашимъ тѣломъ въ послѣднiй день будетъ то, что, какъ намъ извѣстно, было съ Его тѣломъ въ день воскресенiя.

6. Но послѣднее у насъ зашла рѣчь о воскресеніи тѣла; то мы съ чрезвычайною скорбію и необыкновенною печалію узнаемъ, что нѣкоторые числятся членами Церкви, и сомнѣваются въ воскресеніи тѣла. Но древніе отцы несомнѣнно вѣровали, что оно будетъ, тогда какъ еще не имѣли ни одного примѣра этого самаго воскресенія. Следовательно, какого осужденія достойны тѣ, которые уже видѣли и примѣръ воскресенія Господня, и не смотря на то, не надѣются своего воскресенія? Держать залогъ, а вѣры не имѣютъ. Наполняютъ Церковь, но, сомнѣваясь въ своемъ воскресеніи, стоятъ съ пустою душою. Юбъ этомъ воскресеніи чрезъ блаженнаго Іова говорится: *въиъ, яко присносущевъ сѣтъ, яже имать икупити мя; и на земли воскуесити кѣжу мою терпящую сѣя, отъ Господа бо ми сѣя совершишася: яже азъ въ себѣ сѣемъ, яже очи мои видѣша, а не инъ* (Іов. XIX, 25—27). Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *предъ Нимъ припадуть вси низходящии въ землю* (Псал. XXI, 30). Ибо: мертвые низходятъ въ землю не духомъ, а тѣломъ. Следовательно, предъ лицемъ Господа припадуть тѣ, которые низшли въ землю, потому что по воскресеніи придутъ на судъ тѣ, которые теперь согниваютъ въ прахѣ. Поэтому онъ еще говоритъ: *възглагола Тебѣ душа моя, кѣль мисжиною*

Тебе плоть моя (Псал. LXII, 2). Душа жаждетъ видѣнія Бога, а плоть чего жаждетъ, если не воскресенія своего? Поэтому онъ опять говоритъ: *отъ имени духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся* (Псал. CIII, 29). И тотчасъ присовокупляетъ о воскресеніи тѣла: *послени духа Твоего, и созиждутся, и обновится лице земли* (Тамъ же, ст. 30). Поэтому и еще говоритъ: *воскреси Господи въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоя* (Псал. CXXXI, 8). Ибо воскресъ Господь въ покой свой, когда воскресилъ тѣло свое изъ гроба. Целѣ Него воскресаетъ и кивотъ, потому что воскресаетъ Церковь. Поэтому тѣмъ самымъ Пророкомъ, о которомъ мы говоримъ, написано: *кости сухія, слышите слово Господне. Се якожесть Адонай Господь костемъ емъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилю, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ Мой въ васъ, и оживете* (Іезик. XXXVII, 4 — 6). Поэтому другой Пророкъ видѣлъ, что родъ человѣческій на концѣ (міра) воскресаетъ чрезъ воскресеніе Господа, и говоритъ: *и цѣлуютъ ны по двою дню, въ день третій воскресемъ, и живи будемъ предъ Нимъ* (Ос. VI, 3). Поэтому-то Господь, когда говоритъ о Самомъ Себѣ, присовокупилъ: *не дивитесь сему: яко ядетъ часъ, въ онъ же: вси сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сы-*

на Божія, и изыдутъ, сотвориши блага, въ воскресенье живота: а сотвориши злая, въ воскресенье суда (Юан. V, 28—29). Поэтому Павелъ говорить: *отънюдуже* (съ небесъ) и Спасителя ждемъ Господа нашего Иисуса Христа: *Иже преобразитъ тѣло смирніа нашего, яко быти сему подобію тѣлу славы Ею* (Филип. III, 20—21). Поэтому онъ еще говорить: *аще бо вѣруемъ, яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершіа во Иисуса приведетъ съ Нимъ* (1 Солун. IV, 14). Онъ и еще говорить: *Христосъ начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Если мы не востанемъ отъ сна смертнаго, то какимъ образомъ признаемъ начаткомъ воскресеніе Господне?

7. Вотъ ветхозавѣтные и новозавѣтные отцы единодушно и согласно свидѣтельствуютъ о воскресеніи тѣла. Вотъ лично сама Истина прежде научила тому, что послѣ на дѣлѣ доказала, т. е. воскресеніе тѣла; и не смотря на то, слабость нѣкоторыхъ, стоящая въ домѣ вѣры, не имѣетъ вѣры. Но обыкновенно удивляются, какимъ образомъ можетъ оживотвориться плоть изъ праха. Пусть же они дивятся высотѣ неба, громадѣ земли, безднамъ водъ, — всему, что есть въ мірѣ, самымъ даже Ангеламъ, сотвореннымъ изъ ничего. Гораздо менѣе значитъ, сотворить что либо изъ чего-либо, нежели сотворить

все изъ ничего. Самые элементы, самые виды вещей, проповѣдуютъ намъ образъ воскресенія. Ибо солнце ежедневно предъ нашими глазами умираетъ, и ежедневно скрывается. Звѣзды въ утренніе часы для насъ умираютъ, а вечеромъ воскресаютъ. Сады въ весеннія времена мы видимъ наполненными листьями, цвѣтами и плодами; но въ зимнее время они не имѣютъ ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни плодовъ, и остаются какъ бы засохшими. Но при возвратѣ весенняго солнца, когда отъ корня поднимаются вверхъ соки, они опять одеваются своею красотою. И такъ почему не надѣются отъ людей того, что бываетъ видимо на деревьяхъ? Но часто смотрятъ на прахъ гниющаго тѣла съ отвращеніемъ и говорятъ: откуда могли бы возстановлены быть кости и мозги, откуда плоть и волосы? И такъ спрашивающіе объ этомъ пусть смотрятъ на малыя сѣмена великихъ деревьевъ, и, если могутъ, отвѣчаютъ: гдѣ скрывается въ нихъ такая громадность дерева, такое разнообразіе вѣтвей, такое множество и зеленость листьевъ, такой видъ цвѣтовъ, такое обиліе запаха и благоуханія плодовъ? Имѣютъ ли сѣмена деревьевъ тотъ запахъ и вкусъ, которые послѣ сами деревья даютъ въ плодахъ своихъ? И такъ, если изъ сѣмени дерево можетъ быть произведено то, чего нельзя видѣть: то почему отчаиваются въ прахъ человеческого тѣла, что изъ него

можетъ быть возобновлена такая форма, которая невидима?

8. Но часто предлагаютъ въ возраженіе пустой вопросникъ, по которому говорятъ: тѣло человѣка съѣлъ волкъ, волка сожралъ левъ, левъ умершій превратился въ прахъ; когда этотъ прахъ воскрешается, то какимъ образомъ тѣло человѣка отдѣляется отъ тѣла волка и льва? Этимъ людямъ что мы должны отвѣчать другое, если не то, чтобъ они прежде размыслили, какъ они пришли въ этотъ міръ, и тогда уразумѣютъ, какъ они воскреснутъ? Несомнѣнно, ты, человѣкъ, говорящій это, нѣкогда во чревѣ матери былъ нѣною кровью, потому что тамъ ты былъ маленькимъ и жиденькимъ шарикомъ, образовавшимся изъ сѣмени отца и крови матери. Скажи, пожалуйста, если ты знаешь, какъ эта влага сѣмени отвердѣла въ костяхъ, какъ въ мозгахъ осталась жидкою, какъ отвердѣла въ нервахъ, какъ возрасла въ мускулахъ, какъ растянулась въ кожѣ, какъ уразнообразилась въ волосахъ и ногтяхъ, такъ чтобы волосы были мягче мускуловъ, а ногти нѣжнѣе костей а грубѣе мускуловъ? Итакъ, если изъ одного сѣмени происходятъ столько и только разнообразныя по видамъ составныя части и не смотря на то, въ формѣ остаются соединенными: то что удивительнаго, если всемогущій Богъ во время онаго воскресенія

мертвыхъ можетъ отдѣлить тѣло человѣка отъ тѣла звѣрей, такъ что одинъ и тотъ же прахъ и не воскреснетъ,—какъ прахъ волка и льва, и воскреснетъ,—какъ прахъ человѣка? И такъ смотри, человѣкъ, какъ ты пришелъ къ жизни, и отнюдь не сомнѣвайся, какъ ты возвратишься къ жизни. Почему же ты хочешь постигнуть разумомъ то, какъ ты возвратишься, когда не знаешь, какъ пришелъ? Предоставь Создателю твоему то, чего не можешь постигнуть о тебѣ самомъ. Ибо извѣстно, что ты сотворенъ изъ земли, а земля изъ ничего; значить, и ты сотворенъ изъ ничего. Поэтому, чтобы тебѣ не отчаиваться въ воскресеніи твоего тѣла, обсуждай благоразумно, что для Бога менѣе значить возстановить то, что было, нежели сотворить то, чего не было.

9. Но если ты не можешь постигнуть разумомъ дѣйствія воскресенія: то обсуди, сколь многого ты не понимаешь, какъ оно бываетъ, и однако же не сомнѣваешься, что оно есть. Скажи, пожалуй, знаешь ли ты круги небесные, страны земныя, бездны водныя, гдѣ они оканчиваются, на чемъ повѣшены? Но мы знаемъ, что сотворенное изъ ничего виситъ ни на чемъ. Но если есть что либо, что называется ничемъ, то оно уже не есть ничто. А если ничто есть ничто, то громада міра виситъ ни на чемъ, и цѣль того *идь*, съ котораго бы должно имѣть свое нача-

ло то, что сотворено. И такъ какимъ образомъ есть *нидъ*, о которомъ мы знаемъ, что оно есть. Но быть можетъ, этого для тебя, человѣкъ, много; такъ обратись къ тебѣ самому. Известно, что ты сотворишь изъ духа и грязи, одного невидимаго, другой видимой; одной ощутительной, и другаго неощутительнаго. И такъ какимъ образомъ могли въ тебѣ перемѣшаться духъ и грязь, и изъ различнаго могла выйти вещь не различная, такъ что духъ и грязь совокуплены между собою въ такомъ согласіи, что когда тѣло разрушается, тогда и духъ изнемогаетъ, и когда духъ скорбитъ, тогда и тѣло худѣетъ? Но быть можетъ, ты еще не имѣешь силы разсматривать себя самаго. Разбери, пожалуй, если можешь, какимъ образомъ черное море раздѣлено жезломъ (Исх. XIV, 21), какимъ образомъ твердость камня излила воды отъ ударенія жезломъ (Числ. XX, 11), какимъ образомъ процвѣлъ сухой жезлъ Аароновъ (Числ. XVII, 8), какимъ образомъ произшедшая отъ него поколѣнія Дѣва зачала, какимъ образомъ она и въ рожденіи пребыла Дѣвою (Лук. I, 27 и далѣе III, 23 и далѣе); какимъ образомъ повелѣніемъ воскрешень четверодневный мертвецъ, съ связанными руками и ногами вышелъ изъ гроба, котораго (мертвца воскресшаго) Господь послѣ велѣлъ разрѣшить ученикамъ (Іоан. XI, 44 и далѣе); какимъ образомъ Тотъ же Иску-

питель нашъ, воскресшій съ истиннымъ тѣломъ и костями, взошелъ къ ученикамъ чрезъ запертыя двери (Іоан. XX, 26)?

10. Вотъ, ты не можешь и этого изслѣдывать, и однакоже вѣришь. Почему же, размышляя и изслѣдывая, сомнѣваешься въ славѣ воскресенія ты, который безъ изслѣдыванія увѣровать въ столь многія тайнства? Впрочемъ, если ты не вѣришь воскресенію тѣла, то всему вѣровать напрасно, потому что на этомъ зрѣлицѣ Ангеловъ ты хотя и кажешься быстро бѣгущимъ, но послѣ того, какъ окончишь бѣгъ, отказываешься отъ полученія награды. Поэтому чрезъ Павла говорится: *такъ тещите, да постигнете* (1 Кор. IX, 24). Опъ (Павелъ) еще говоритъ: *еще въ животъ семъ точію уповающе есмь во Христа, окаянныйи всѣхъ чловѣкъ есмь* (1 Кор. XV, 19). **Непостижимыя тайны Божественной силы не разумомъ должны быть изслѣдываемы, но вѣрою съ благоговѣніемъ должны быть принимаемы. Итакъ намъ надобно знать, что то не можетъ уже быть дивнымъ, что можетъ быть постижимо разумомъ человѣческимъ, но въ чудесахъ одна только и есть причина (дивнаго)—могущество Творящаго.**—Вотъ мы, заговорившись о воскресеніи тѣла, нѣсколько уклонились отъ порядка изъясненія. Итакъ возвратимся къ тому, что начали.

11. Внутреннія ворота имѣютъ преддверія, которыя имѣютъ мѣру двадцать пять локтей въ длину. Пбо, если мы восемь помножимъ на три, до получимъ двадцать четыре. Къ этому (числу) присложится единица для того, чтобы выходило двадцать пять. Пбо добрые слушатели, которые служатъ какъ бы нѣкоторыми преддверіями воротъ, имѣютъ терпѣливость вѣчной надежды, поддерживаютъ осмый день вѣрою въ Троицу. Поелику эта Троица единый есть Богъ: то они хотя и помножаютъ восемь на три, однако же крѣпко стоятъ въ исповѣданіи единого Бога. Преддверія ровны, потому что сердца добрыхъ слушателей смиренны. Они имѣютъ длину, потому что постоянно пребываютъ въ терпѣливости надежды. Длина ихъ имѣетъ мѣру въ двадцать пять локтей; потому что они вѣруютъ воскресенію чрезъ Троицу тѣла въ осмый день, и исповѣдуютъ, что эта же самая Святая Троица есть единый Богъ. Они имѣютъ еще пять локтей въ широту, потому что простотою жизни, которая руководится пятью чувствами, расширяютъ любовь къ ближнему около себя. И надобно замѣтить, что послѣ того, какъ другое было выше сказано о преддверіяхъ воротъ, преддверіе, имѣющее пять локтей въ широту, называется обращеннымъ къ вышней сторонѣ, именно потому, что есть слушатели, которые преусиѣвая болѣе и болѣе

въ добродѣтеляхъ, проникають въ уразумѣніе внутренней жизни, и есть нѣкоторые простаки, которые хотя хорошо живутъ, но по тѣлеснымъ чувствамъ. Поэтому они и называются обращенными ко внѣшней сторонѣ. Ибо они какъ бы вовнѣ смотрятъ, потому что хотя хорошо живутъ, но по тѣлеснымъ чувствамъ. Впрочемъ и обращенные ко внѣшней сторонѣ внутри суть; потому что они, хотя и не умѣютъ разумѣніемъ стать выше чувствъ тѣлесныхъ, однакожь смиренно блюдутъ вѣру и любовь. Слѣдовательно, они и внутри духовнаго зданія любовію, и какъ бы обращены къ внѣшней сторонѣ простою.

12. Чрезъ преддверіе, обращенное къ внѣшней сторонѣ, можетъ быть означена вѣра начинающихъ, а чрезъ преддверіе, обращенное ко внутренней сторонѣ, вѣра совершенныхъ, которые чрезъ нее уже славятся знаменіями и чудесами. Чрезъ преддверіе же внутреннее могутъ быть еще означены высшія заповѣди, а чрезъ преддверіе, обращенное ко внѣшней сторонѣ, заповѣди нисшія. Чрезъ преддверіе приходигъ къ ступенямъ и воротамъ, потому что чрезъ проповѣдуемыя заповѣди достигаютъ добродѣтелей и входа небесной благодати. Когда же дается повелѣніе однимъ, чтобъ они въ помышленіи своемъ содержали вѣчное, мудрствовали о небеспомъ; и когда

имъже говорится, чтобъ они проводили жизнь *во псалмьхъ и пннїихъ и пснєхъ духовныхъ* (Колос. III, 16): тогда открывается имъ какъ бы внутреннее преддверіе, которое имѣетъ мѣру въ пятьдесятъ локтей длины, и въ двадцать пять широты. Объ этихъ числахъ мы теперь умолчимъ, потому что впереди мы уже сказали о нихъ многое. Но когда другимъ дается заповѣдь: *мужъ отдавай женѣ должно: подобно и жена мужу* (1 Кор. VII, 3); тогда начнется какъ бы внѣшнее преддверіе. Оно хотя и обращено ко внѣшней сторонѣ, однако же внутри; потому что хотя грубый слушатель и дѣлаетъ то, что свойственно плоти, однакожь онъ не исключенъ изъ числа добрыхъ.

13. Юще воротами восточными можетъ быть означаемъ Господь, южными — Иудея, а сѣверными — обратившееся язычество. Мы называемъ вратами Господа потому, что чрезъ Него входимъ къ Нему. Воротами же не неприлично называемъ Иудею и язычество; потому что знаемъ, что входъ въ небесное зданіе открытъ прежде Евреямъ, а послѣ отцамъ, пришедшимъ изъ язычества. Но въ этомъ случаѣ рождается вопросъ: почему въ предыдущемъ повѣствованіи Пророка прежде описаны ворота восточныя, затѣмъ сѣверныя, и наконецъ южныя? А когда онъ сталъ повѣствовать о тѣхъ же самыхъ во-

ротахъ со внутренняго притвора; то прежде описалъ ворота южныя, потомъ восточныя, и въ третьихъ сѣверныя. Почему онъ не держался одного и тогоже порядка, который принялъ, но измѣнить его въ описаніи воротъ, такъ что прежде говорилъ о воротахъ восточныхъ, сѣверныхъ и южныхъ, а послѣ—о южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ? Но если именемъ сѣвера означается язычество: то всѣмъ внимательнымъ читателямъ извѣстно, что язычество было прежде Синагоги. Ибо самъ Еврей, отъ котораго Евреи получили свое названіе, избранъ изъ язычниковъ (Быт. X, 20—21). Следовательно, можно говорить о восточныхъ воротахъ прежде воротъ сѣверныхъ и южныхъ; потому что Господь, Который есть прежде всѣхъ вѣковъ, по Божеству своему рожденъ прежде язычества и Иудей. Но въ послѣдующемъ повѣствованіи можно говорить о воротахъ южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ; потому что Искушитель нашъ по естеству человѣческому благоизволилъ родиться среди Иудей и язычества, такъ какъ Онъ пришелъ въ концѣ Синагоги, и предъ началомъ той Церкви, которую собралъ изъ язычниковъ. Итакъ въ первомъ описаніи пусть восточныя ворота остаются впереди воротъ сѣверныхъ и южныхъ, а во второмъ восточныя ворота называются между воротами южными и

сѣверными; потому что и по Божеству предшествовалъ всему, и по человѣчеству явился среди всего, Тотъ, Кто содѣлался концемъ падавшей Иудей, и началомъ послѣдующаго за нею язычества. И такъ, послѣку мы, сколько по милости Божіей могли, разсмотрѣли то, чего еще не было сказано, а то, что часто было повторяемо, пробѣжали: то теперь перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ уже по порядку, такъ чтобъ и въ этомъ ничего не повторять изъ того, что сказано.—*И чрезъ каждую сокровищницу дверь на фронтоны воротъ* (Іезик. XL, 37) (а).

14. Выше мы сказали (бесѣд. VI, ч. I, и далѣе), что сокровищницами служатъ сердца учителей, которыя хранятъ богатства вѣденія. А фронтоны воротъ суть слова и дѣла проповѣдниковъ, по которымъ мы совѣй познаемъ, какъ они внутренно живутъ лично сами. Чрезъ каждую сокровищницу есть дверь на фронтоны воротъ; потому что каждый учитель открываетъ въ сердцѣ слушателя разумѣніе словъ и дѣлъ отеческихъ. Ибо когда мы разъясняемъ проповѣдь Апостола Петра, когда обсуживаемъ слова Павла, когда изъясняемъ Евангеліе Іоанна, и словами ихъ привлекаемъ своихъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника.

слушателей къ внутреннему разумѣнію: тогда что другое мы дѣлаемъ, если не отверзаемъ дверь на фронтоны воротъ? И такъ, пусть говорится: *чрезъ каждую сокровищницу дверь на фронтоны воротъ*; потому что, если учитель не подтверждаетъ словами Апостоловъ того, что говоритъ; то онъ не имѣетъ двери на фронтоны воротъ. А если онъ не имѣетъ этой двери, то уже не можетъ называться сокровищницею духовнаго зданія; потому что, если онъ не открываетъ смысла, то не учитель. А когда добрые слушатели чрезъ уста учащихся познаютъ слова и дѣла Апостоловъ: тогда они молча укоряютъ сами себя предъ самими собою за свои преступленія, и слезами омываютъ все то, что припомнили за собою худаго. Поэтому и здѣсь о двери на фронтонахъ воротъ присовокупляется: *тамъ омывали всеожженіе* (Тамъ же) (а).

15. Ибо тѣ, которые въ святомъ обращеніи чрезъ вѣру посвятили себя Господу, содѣлались всеожженіемъ для Господа. Но послѣку они еще много терпятъ въ себѣ отъ поврежденной своей плоти, потому что въ нихъ чистота сердца оскверняется еще нечистыми помыслами: то они ежедневно возвращаются къ слезамъ, удручаютъ себя непрестаемымъ

а) Тоже.

плачемъ. Ибо они обсуживаютъ слова и дѣла святыхъ отцовъ, и когда признаютъ себя недостойными, тогда омывають всеожженіе въ двери воротъ. Ибо вотъ кто либо по страху всемогущаго Господа далъ обѣтъ быть терпѣливымъ, никому не платить поношеніемъ за поношеніе, все переноситъ равнодушно; и не смотря на то, когда его неожиданно поразитъ изъ устъ ближняго нанесенное поношеніе, тогда онъ въ смущеніи говоритъ, быть можетъ, нѣчто такое, чего не долженъ быть говорить. Безъ сомнѣнія онъ уже есть всеожженіе, но еще не омытое. Быть можетъ, онъ показатъ терпѣніе противъ нанесенныхъ оскорбленій, промолчать; но не смотря на то, онъ скорбитъ отъ тѣхъ поношеній, которыя переноситъ, и душа его получаетъ язву въ любви. Ибо истинное терпѣніе есть то, которое даже любить того, отъ кого тернитъ. Ибо терпѣть, и ненавидѣть, не значитъ имѣть добродѣтель кротости, но прикрывать злобу. Итакъ онъ часто въ своемъ помыслѣ осуждаетъ себя, укоряетъ самаго себя за то, что скорбитъ; но не смотря на то, не можетъ преодолѣть себя, чтобы не скорбѣть. Слѣдовательно, онъ по добродѣтели обѣщанію есть всеожженіе, но по скорби, обнимающей его, еще не омытое. Другой рѣшился раздать все свое имѣніе нищимъ, не оставляя ничего для самаго себя, предать жизнь свою единому

вышнему правленію: по быть можетъ, въ то время, когда онъ раздастъ свое имѣніе бѣднымъ, приходитъ на умъ его помысль, который говоритъ: чѣмъ ты будешь жить, если все раздашь? Впрочемъ онъ не перестаетъ раздавать, но что прежде раздавалъ съ радостію, то послѣ раздастъ съ прискорбіемъ. Что значить душа его, если не всесоженіе милосердія, однако же оскверненное скорбію помысла? Онъ или совѣмъ не долженъ былъ на это рѣшиться, или послѣ рѣшимости отнюдь не сомнѣваться. Третій, презрѣвъ гордость міра, рѣшился убѣгать почестей и достоинствъ вѣка сего, пожелать имѣть послѣднее мѣсто среди людей, чтобы тѣмъ быть выше въ непрестающей славѣ, чѣмъ ниже казался въ переходящей жизни. Можетъ быть, онъ, когда нечаянно узнаетъ, что его презираетъ ближній, оскорбляется, почему его презираютъ. Хотя ему и хочется быть на низкомъ мѣстѣ, но не хочется казаться презрѣннымъ. Обѣтъ уже возвышаетъ его, но слабость тянетъ еще внизу. Поэтому онъ по обѣту есть уже всесоженіе, но по слабости еще не очищенное. Итакъ тѣ, которые произнесли самые лучшіе обѣты, имѣютъ еще нѣкоторую виновность въ своей слабости, когда по словамъ учителей уразумѣваютъ изреченія отцовъ, и познаютъ, какъ они виновны, и предаются слезамъ покаянія, омывають всесоженіе въ двери воротъ.

16. Но надобно знать, что есть различіе между жертвоприношеніемъ и всесоженіемъ; потому что всякое всесоженіе есть жертвоприношеніе, но не всякое жертвоприношеніе есть всесоженіе. Ибо въ жертвоприношеніи обыкновенно была приносима часть животнаго, а во всесоженіи—все животное. Поэтому всесоженіе на Латинскомъ языкѣ называется все сожженное (на Рускомъ языкѣ такъ же). Итакъ мы должны размыслить о томъ, что значить жертвоприношеніе, и что всесоженіе. Ибо когда кто либо изъ своей собственности часть жертвуетъ Богу, а часть не жертвуетъ, то это значить жертвоприношеніе. Но когда онъ пожертвуетъ Богу все, что имѣеть, все, чѣмъ живеть, все, о чемъ мудрствуетъ, тогда это значить всесоженіе. Ибо есть люди, которые еще пристрастны къ міру сему, и однако же вспомошествоють бѣднымъ изъ своихъ имуществъ, готовы на защиту притѣсенныхъ. Добрыми своими дѣлами они совершаютъ жертвоприношеніе; потому что и Богу приносятъ нѣчто въ жертву отъ трудовъ своихъ, и для себя нѣчто оставляютъ. И есть другіе, которые для себя ничего не оставляютъ, но смыслъ, языкъ, жизнь и сущность, которую получили, приносятъ въ жертву всемогущему Господу. Чтожь они приносятъ, если не всесоженіе; или вѣрнѣе, сами дѣлаются всесоженіемъ? Ибо Израильскій народъ первую жертву

принесъ въ Египтѣ, а вторую въ пустыни (Исх. XII, XIII). Итакъ, кто еще имѣетъ пристрастіе къ міру, но уже дѣлаетъ что либо доброе, тотъ приноситъ жертву Богу въ Египтѣ. А кто оставляетъ настоящій міръ, и дѣлаетъ добро, которое можетъ, тотъ, какъ бы оставивъ уже Египетъ, совершаетъ жертвоприношеніе въ пустынѣ; потому что, устранивъ отъ себя шумъ плотскихъ пожеланій, онъ въ спокойствіи души своей и въ уединеніи жертвуетъ Богу то, что дѣлаетъ. Итакъ хотя, какъ сказано, и всесоженіе есть жертвоприношеніе, однако же всесоженіе важнѣе жертвоприношенія; потому что душа, не стѣняемая наслажденіемъ міра сего, все, что имѣетъ, сожигаетъ на олтарѣ всемогущаго Бога.

17. Но намъ надобно знать, что есть люди, которые оставляя міръ, хотя приносятъ въ жертву все, что имѣютъ, но мало несутся о добрыхъ дѣлахъ, которыя совершаютъ; и хотя творимое ими добро есть всесоженіе, но такъ какъ они не умѣютъ плакать и осуждать самихъ себя, и не разжигаютъ себя любовію къ слезамъ, то ихъ всесоженіе не совершенно. Поэтому чрезъ Исаіюговѣвца говорится: *помянетъ (Господь) всяку жертву твою, и всесоженіе твое тучно буди* (Псал. XIX, 4). Потому что всесоженіе сухое есть то доброе дѣло, котораго не обвиваютъ молитвенныя слезы. А всесоженіе туч-

но бываетъ тогда, когда совершаемое доброе дѣло отъ смиреннаго сердца поливается слезами. Поэтому еще говорится: *всесожденія тучна възнесу Тебѣ* (Псал. LXV, 15). Ибо кто дѣлаетъ доброе дѣло, но не умѣетъ по любви ко всемогущему Богу и усердію къ Нему плакать: тотъ имѣетъ всесожденіе, но туча на всесожденіи не имѣетъ. Но кто творитъ добрыя дѣла, и сильно стремится уже къ видѣнію Создателя своего, спѣшитъ къ достиженію радостей вѣчнаго созерцанія, и по любви, которою пламенѣетъ, закаляетъ самаго себя въ слезахъ, тотъ приноситъ Господу всесожденія тучныя. Итакъ намъ надобно стараться и о томъ, чтобы рѣшительно отстать отъ злыхъ дѣлъ, и о томъ, чтобы творить добрыя дѣла, которыя можемъ, но и въ самыхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя творимъ, проникаться любовію вѣчнаго свѣта. Ибо эта самая любовь свѣта разгоняетъ мракъ сердца, такъ что мы яснѣе можемъ видѣть, не примѣшивается ли что либо нечистое къ тѣмъ добрымъ дѣламъ, которыя мы дѣлаемъ. Потому что намъ надобно обезживать свое дѣло, каково оно, какое помышленіе въ дѣлѣ, какое намѣреніе въ помышленіи. И когда замѣтимъ, что къ нашему доброму дѣлу примѣшалось нѣчто злое, или нечистое самоуслажденіе: тогда возвратимся къ слезамъ, станемъ измывать всесожденіе.

18. Но есть люди, которые посвятили самихъ себя на великіе подвиги для Госнода, и достигаютъ такого совершенства, что не уклоняются отъ нихъ никогда и ни при какой трудности, такъ какъ въ разсужденіи чистоты плоть никакъ не можетъ пизвергнуть души въ улажденіе нечистымъ помысломъ. Ибо хотя иногда она и побуждаетъ ее чрезъ напентываніе, но воставать ей не дозволяется, потому что ее пощраютъ силою разсудка. И въ разсуженіи терпѣніи, ни безпорядочное слово не выдетъ изъ усть, ни тайная скорбь не стѣснитъ души, такъ что въ раздавніи милостыни никакое подозрѣніе обѣдненія не пораждаетъ печали, и въ разсужденіи смиреніи никакое презрѣніе не тревожитъ души. Но когда они уже крѣпко установились въ томъ, чему правильно посвятили себя: тогда они приводятъ на память прежніе грѣхи, которые учились до доброй рѣшимости, и плачутъ отъ воспоминапія того, что беззаконно ими содѣяно. И такъ они по той жизни, которую проводятъ, суть всесожженіе, по по той жизни, которую вели прежде, нечистое. Поэтому они измываютъ всесожженія во входѣ воть, потому что въ разумѣніи, которое получили изъ отеческихъ изреченій, они показываютъ себя ежедневнымъ плачемъ, и слезами омываютъ ту жизнь, которую нѣкогда зачернили печестивыми дѣлами. И такъ между

тѣмъ и мы обратимъ взоры ума на жизнь протекшую, вспомнимъ, кто мы были, когда слѣдовали пожеланіямъ міра сего. И если мы уже всѣмъ сердцемъ служимъ Господу, то будемъ оплакивать то, что припомнимъ за собою грѣховнаго, въ слезахъ будемъ измывать всесоуженіе.

19. Вотъ мы обѣщали всемогущему Богу свою чистоту; но если печные помыслы оскверняютъ еще душу, то возвратимся къ слезамъ, будемъ измывать всесоуженіе. Вотъ мы рѣшились имѣть терпѣніе. Но если еще возмущаетъ насъ гнѣвъ, если затаенная скорбь мучить душу; то возвратимся къ слезамъ, будемъ измывать всесоуженіе. Вотъ, мы уже умѣемъ раздавать имѣніе, и занимать смиренное мѣсто въ этомъ мірѣ; но если еще какое либо опасеніе обѣдненія тяготитъ душу, если презрѣніе ближняго приводитъ насъ въ нѣкоторое смятеніе, то возвратимся къ слезамъ, будемъ измывать всесоуженіе. Ибо у нашего Создателя обширно лоно милосердія для принятія слезъ людей смиренныхъ. Гдѣ припаты слезы безчисленныхъ людей, тамъ найдутъ свое мѣсто и наши слезы. Помыслимъ, что говорится чрезъ другаго Пророка: *и будетъ немощный въ нихъ въ той день яко Давидъ, а домъ Давидовъ яко домъ Божій, якоже Ангелъ Господень предъ ними* (Захар. XII, 8). Этотъ день есть

дешь милосердія, который обѣщанъ намъ съ пришествія нашего Искушителя. Итакъ немощный будетъ яко Давидъ, потому что грѣшникъ обратится къ покаянію; а домъ Давидовъ яко домъ Божій, потому что всякій обратившійся содѣлывается жилищемъ своего Создателя, такъ что онъ якоже Ангель предъ ними, потому что онъ и другимъ будетъ возвѣщать о томъ милосердіи, которое опытно дозналъ на себѣ. Поэтому нѣсколько ниже и еще тамъ же говорится: *въ день тотъ будетъ источникъ дома Давидова открытымъ для живущихъ въ Иерусалимъ, въ омовеніе грѣшника, и женщины съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ* (Захар. XIII, 1) (а).

20. Потому что скрытый источникъ есть Единородный (Сынъ) Отчій,—невидимый Богъ. А источникъ открытый есть тотъ же Богъ воплощенный. Этотъ открытый источникъ справедливо называется принадлежащимъ къ дому Давидову, потому что Искушитель нашъ явился къ намъ изъ рода Давидова. Но Иерусалимъ значить видѣніе ми-

а). Переводъ этого текста съ Латинскаго подлинника, который согласуется съ дальпѣйшимъ объясненіемъ Святителя. Славянскій же переводъ совсѣмъ не гармонируетъ съ симъ послѣднимъ.

ра. Въ Иерусалимѣ же живутъ тѣ, которые устремляютъ вниманіе на видѣніе внутренняго мира. А грѣшникъ и женщина съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ есть или тотъ, кто грѣшитъ на дѣлѣ, или душа выпадающая въ нечистые помыслы. Ибо скверна женщины съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ такова, что она и не прикасается чужой плоти, и оскверняется своею плотію. Такъ, именно такъ бываетъ со всякою душою, которая хотя и не дѣлаетъ преступленія, однако же становится нечистою отъ нечистыхъ помысловъ. Поэтому и чрезъ другаго Пророка о душѣ, занятой нечистыми пожеланіями, подъ образомъ Иудей говорится: *всѣ ищущіе ее не отстаютъ, они найдутъ ее въ мѣсячныхъ ея* (Иерем. II, 24) (б). Потому что злые духи лица не отстаютъ, когда желаютъ нанести погибель, и не отражаются никакою правильностію добраго размысленія. Но они находятъ душу въ мѣсячныхъ ея (очищеніяхъ), когда ее, запятую скверными помыслами, удобно влекутъ къ развратному дѣлу. Итакъ пусть говорится: *въ день тотъ будетъ источникъ дома Давидова открытымъ для живущихъ въ Иерусалимѣ, въ омовеніе грѣшника, и женщины съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ* (Захар. XIII, 1); потому что для

б) Переводъ съ Латинскаго подлинника.

насъ уже открыть источникъ милосердія—Искупитель нашъ, Который благоволилъ воплотиться въ дому Давидовомъ, чтобъ омывать грѣшника отъ сквернаго дѣланія, и оскверненную душу очищать отъ нечистыхъ помысловъ. Итакъ источникъ открыть; потечемъ со слезами, измываемъ въ этомъ источникѣ благочестія.

21. Въ этомъ источникѣ вымылся даже самъ Давидъ, когда возвратился къ слезамъ покаянія послѣ пятенъ тяжкаго преступленія. Потому что онъ отыскивалъ самый источникъ, когда говорилъ: *воздаждь ми радость спасенія твоего, и духомъ владыиимъ утверди мя* (Псал. L, 14). Ибо Еврейское *Исусъ* по Латини называется *Спасителемъ* (по русски такъ же). И что значить, что онъ (Давидъ) просилъ возвратить ему радость Спасителя, если не то, что до преступленія онъ обыкновенно созерцалъ Его, а въ преступленіи лишился радости созерцанія Его? Поэтому справедливо послѣ покаянія онъ просилъ о возвращеніи ему радости видѣнія Его (Спасителя). Въ этомъ источникѣ милосердія измылась Марія Магдалина, которая прежде была извѣстная грѣшница, а послѣ смыла пятна слезами, и вытерла ихъ исправленіемъ правовъ (Лук. VII, 37, 38. и далѣе). Въ этомъ источникѣ милосердія измылся Петръ предъ всеми (Апостола-

ми) отъ своего отреченія, потому что горько плакалъ (Мат. XXVI, 75). Въ этомъ источникѣ милосердія омылся на кончинѣ своей разбѣившій, который, укоряя самаго себя въ смерти, омытъ былъ отъ виновности своей исповѣданіемъ Истины (Лук. XXIII, 41).

22. Итакъ почему лѣнны мы? Почему остаемся недвижими и холодными мы, которые знаемъ, что въ этомъ источникѣ благочестія уже омылись столь многіе? Ужели будемъ отчаиваться въ измѣненіи своемъ мы, которые имѣемъ въ залогъ столько примѣровъ милосердія? И ужели перестанемъ просить помилованія, и со слезами имѣть упованіе мы, которые получили въ залогъ своей надежды очищеніе столь многихъ (грѣшниковъ)? Ибо мы должны были бы отыскивать источникъ милосердія, хотя бы онъ былъ закрытъ. Теперь онъ открытъ, а мы нерадимъ. Обратимъ взоры вѣры на цѣлый міръ, и обсудимъ, сколько грѣшниковъ омывается слезами въ этомъ источникѣ милосердія во время дней и ночей, сколько возвращается изъ тьмы къ свѣту, сколько отъ зачерненія къ чистотѣ. Итакъ побѣдимъ съ таковыми изъ тьмы смерти къ водѣ жизни; обсудимъ, сколько мы нагрѣшили, сколько грѣшимъ ежедневно, и, чтобы явиться чистыми послѣ преступленій, вымоемъ всесожденіе. Для совершен-

нія этого есть благодать нашего Искупителя, Который живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЕДА ДВЯТАЯ.

Предлагаются для изъясненія пять стиховъ, отъ 39 до 43, и едва коснувшись буквального смысла, предлагаются духовный и нравственный, а преимущественно идетъ разсужденіе объ обязанности Пастыри.

Что будемъ говорить о таинственныхъ смыслахъ Пророка Іезикииля мы, которые едва понимаемъ самыя слова его Исторіи? Ибо вотъ онъ говоритъ: *и во входъ воротъ два стола съ той, и два стола съ той (стороны), чтобы заколатъ на нихъ всесожженіе, и за грѣхъ, и за проступокъ. И къ сторонѣ вѣнчаній, которая восходитъ ко входу воротъ, которыя ведутъ къ северу, два стола; и ко второй сторонѣ, предъ входомъ воротъ, два стола. Четыре стола отсюда, и четыре стола оттуда по сторонамъ воротъ. Восемь столовъ было, на которыхъ были заколаемы жертвы.* (Іезик. XL, 39—41) (а).

а) Буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника.

1. Въ этихъ именно словахъ проявляется густая темнота, говорится ли это объ однѣхъ какихъ либо воротахъ, или о двухъ, или о всѣхъ. Но когда описывается четверичное число столовъ по сторонамъ, и послѣ въ суммѣ заключенія говорится: *восемь столовъ было, на которыхъ были закаланы жертвы*: то ясно, что это говорить Духъ не о всѣхъ воротахъ, которыя описалъ прежде; потому что, если бы всѣ шесть воротъ, описанныя выше, имѣли по сторонамъ по четыре стола, то въ суммѣ было бы ихъ не восемь, а сорокъ восемь. Съ другой стороны, если это говорится объ однѣхъ (воротахъ); то наше разумѣнiе встрѣчаетъ великое затрудненiе въ томъ, что послѣ описаннаго входа воротъ, гдѣ упомянуты два стола съ этой, и два стола съ той, (стороны), упоминается еще о двухъ столахъ на сторонѣ внѣшней, которая восходитъ ко входу воротъ, ведущихъ къ сѣверу, и присовокупляется: *и къ второй сторонѣ предъ входомъ вратъ два стола*. Но если внутри входа воротъ было по сторонамъ по два стола, потому что присовокупляется: *и къ сторонѣ внѣшней два стола, и ко второй сторонѣ предъ входомъ два стола*, между которыми упоминается еще о воротахъ, обращенныхъ на путь къ сѣверу: то рѣшительно ясно, что одинъ входъ былъ внутренней, а другой внѣшней; потому что и преж-

де описываются ворота внутреннія, и послѣ въ этомъ мѣстѣ описываются внѣшнія сѣверныя ворота. Ибо, когда онъ (Пророкъ) выше описалъ трое воротъ, тогда упомянулъ, что есть трое другихъ внутренняго притвора, изъ коихъ о послѣднихъ — сѣверныхъ воротахъ сказалъ, но, какъ сказано, внутренняго притвора. Итакъ теперь, когда описываются два стола во входѣ воротъ съ одной стороны, и два стола съ другой, то рѣчь продолжается еще о тѣхъ же самыхъ внутреннихъ воротахъ, потому что тотчасъ присовокупляется, что *къ сторонѣ внѣшней, которая восходитъ ко входу воротъ, которыя ведутъ къ северу, два стола; и ко второй сторонѣ предъ входомъ воротъ два стола.* Слѣдовательно, описаны ворота внутреннія, что онѣ имѣютъ въ притворѣ по два стола по сторонамъ, и ворота внѣшнія подобнымъ образомъ по два. Но четыре стола съ этой стороны поставлены, и равно четыре стола съ другой, когда въ притворѣ воротъ внутреннихъ и при внѣшнихъ воротахъ сѣверныхъ описываются по два стола по сторонамъ, одни съ этой стороны, а другіе съ другой, которые въ общей суммѣ даютъ восемь, на которыхъ закалаютъ жертвы. Итакъ, разъяснивши это о внѣшнемъ повѣствованіи, обратимся къ духовному смыслу, который, по милости Господней, тѣмъ болѣе уже долженъ быть понятенъ, чѣмъ менѣе стѣсняетъ насъ невѣденіемъ внѣшняго описанія.

2. Ибо подѣ именемъ воротъ могутъ быть разумѣемы, какъ выше сказано, святые Проповѣдники, такъ какъ притворъ воротъ долженъ означать народъ. Когда этотъ народъ смиренно принимаетъ слова проповѣди, тогда въ немъ устрояются изъ добродѣтелей столы для жертвоприношенія. Еще ничто не препятствуетъ подѣ воротами разумѣть то, что чрезъ уста Проповѣдниковъ отърывается намъ разумѣніе Св. Писанія, такъ что притворомъ тѣхъ же воротъ для насъ служатъ слова проповѣди, которыя мы смиренно принимаемъ для того, чтобы послѣ дойти до разумѣнія Св. Писанія. Итакъ пусть для насъ внутренними воротами служитъ Новый Завѣтъ, а внѣшними Ветхій Завѣтъ; потому что, какъ тотъ открываетъ духовный смыслъ, такъ и этотъ соблюлъ въ исторіи букву Св. Писанія для душъ еще грубыхъ. Но внутреннія ворота имѣютъ уже въ великомъ множествѣ вѣрующихъ народовъ двѣ стороны, именно, любовь къ Богу и любовь къ ближнему. По съ той и съ другой стороны по два стола; потому что въ любви къ Богу необходимо держаться вѣры и чистоты жизни, а въ любви къ ближнему должны быть крайне хранимы терпѣніе и благорасположенность. Въ любви къ Богу необходима вѣра и чистота жизни; потому что ясно написано: *безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. XI, 6). И еще

написано: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Гак. II, 20, 26). А въ любви къ ближнему должны быть соблюдаемы нами терпѣніе и благорасположенность; потому что объ этой самой любви написано: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ* (1 Кор. XIII, 4). *Долготерпитъ* такъ, что равнодушно переноситъ зло, нанесенное отъ ближнихъ; а *милосердствуетъ* такъ, что свои блага охотно иждиваетъ на ближнихъ. И внѣшнія ворота, т. е. законъ, имѣютъ также двѣ стороны, духовныхъ отцевъ и плотской народъ. На той и другой (сторонѣ) имѣютъ по два стола; потому что въ духовныхъ отцахъ имѣютъ ученіе и пророчество, а въ плотскомъ народѣ имѣютъ обрѣзаніе и жертвоприношеніе. Итакъ на этихъ семи столахъ закалаются жертвы; потому что все, что принимается вѣрою, что выражаетъ жизнь въ примѣрѣ добрыхъ дѣлъ, что смиренно переноситъ терпѣніе, что щедро тратитъ благорасположенность, чему спасительно назидаетъ ученіе, къ чему увѣщиваетъ впередъ пророчество, къ чему обязывало внѣшнее обрѣзаніе, что содѣлывало жертвоприношеніе по набожности приносящаго, показываетъ, что это есть жертва въ очахъ всемогущаго Бога. Ибо даже въ законѣ что другое приносила народъ въ жертву чрезъ плотское жертвоприношеніе, если не преданность своего сердца? Но замѣчательно, что о четырехъ

только столахъ упоминается, что они были (устроены) для всесожженія, за которые (стола) мы принимаемъ именно тѣ, которые были въ притворѣ воротъ внутреннихъ, такъ что о прочихъ четырехъ (столахъ) мы должны думать, что они были устроены для жертвоприношенія, а не для всесожженія. Ибо всесожженіемъ, какъ я объяснилъ въ предыдущей бесѣдѣ, называется все сожженное. Хотя и законъ повелѣваетъ любить Бога и ближняго, хранить Божественныя заповѣди, обуздываетъ пожеланіе чужой собственности; однакоже не повелѣваетъ оставлять все. Но въ Новомъ Завѣтѣ Истина говоритъ намъ: *уже не отречется всего своего имнія, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. XIV, 33). И еще говоритъ: *кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (Лук. IX, 23). Итакъ столы внутреннихъ воротъ имѣютъ всесожженіе; потому что мы въ добродѣтеляхъ Новаго Завѣта, какъ бы чрезъ всесожженіе, сожигаемъ все, когда отрекаемся отъ всего, что принадлежитъ міру сему. Но столы вѣнскихъ воротъ имѣютъ жертвоприношеніе, но не имѣютъ всесожженія; потому что заповѣди закона повелѣваютъ отдавать десятины, но не повелѣваютъ отвергаться всего.

3. Но о четырехъ столахъ внутренняго притвора говорится: *чтобы закалатъ на нихъ всесож-*

жнїе, и за грѣхъ, и за проступокъ. Ибо между грѣхомъ и проступкомъ разница состоитъ въ томъ, что грѣхъ состоитъ въ твореніи зла, а проступокъ въ опущеніи того добра, котораго крѣпко должно держаться. Или яснѣе, грѣхъ состоитъ въ дѣлѣ, а проступокъ въ помышленіи. Поэтому справедливо на четырехъ столахъ внутреннихъ воротъ забалаетъя всесоуженіе, и за грѣхъ, и за проступокъ; потому что кто могъ вполне отречься этого настоящаго вѣка, и оставивъ все, содѣлаться всесоуженіемъ для Господа, тотъ уже самъ вѣрно знаетъ, и какъ оплачивать содѣянные грѣхи, и какъ оплачивать проступки помышленія, или что онъ сдѣлалъ худаго, или чего не сдѣлалъ добраго, которое долженъ былъ сдѣлать. Ибо тотъ, кто отказался отъ всего, уже свободнѣе разсматриваетъ въ слезахъ свои преступленія. И поелику земное попеченіе не мѣшаетъ душѣ его, то, плача о дѣлѣ и помышленіи, что другое онъ дѣлаетъ, если не приносить всемогущему Господу душу свою во всесоуженіе за дѣла и помышленія? •

4. Кажется, надобно обратить вниманіе и на то, что Пророкъ, сказавъ о внѣшней сторонѣ, и упомянувъ о входѣ воротъ, присовокупилъ: *которыя вѣдутъ къ стверу.* Ибо данный законъ держался на внѣшней стражѣ буквы. А входъ воротъ

есть самый историческій смыслъ того закона, который ведетъ къ страху Господню. Объ этихъ воротахъ говорится, что онѣ *ведутъ къ стверу*; потому что тотъ же законъ страхомъ смерти сжималъ холодныя сердца Іудейскаго народа. Ибо этотъ народъ бѣжалъ бы какъ бы по жару, если бы по любви сохранять заповѣди Господни. Но поелику онъ хранилъ букву подѣ страхомъ угрожавшей смерти, то и остался какъ бы въ оцѣпенѣніи отъ холода. Поэтому новымъ народамъ, любящимъ вѣчныя награды, но не боящимся временныхъ страданій, и уже горящимъ (любовію) говорится: *не пріяте духа работы паки въ боязни: но пріяте духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче* (Рим. VIII, 15). Итакъ пусть говорится: *четыре стола отсюда, и четыре стола оттуда по сторонамъ воротъ*. Ибо, когда въ душахъ людей добрыхъ хранится вѣра и чистота жизни, ученіе и пророчество; то наши ворота, т. е. разумъ Св. Писанія, имѣютъ въ сторонѣ четыре стола. И когда святая проповѣдь хранишь въ усовершенствующихся народахъ терпѣніе и благорасположенность, а прежде хранила въ плотскихъ людяхъ обрѣзаніе и жертвоприношеніе; тогда показываются и еще четыре стола какъ бы съ другой стороны. Всѣ эти восемь столовъ устроятся для жертвоприпо-

шенія; именно,—четыре внутреннихъ для всесоженія, а четыре ви́шнихъ для жертвоприпошенія. Потому что какъ тѣ, которые сохраняють въ святой Церкви вѣру, чистоту жизни, терпѣніе и благорасположенность, безъ сомнѣнія уже сіяють высокими добродѣтелями; такъ и тѣ, которые въ Синагонѣ познали ученіе и пророчество, инымъ жертвуя, а иное удерживая для самихъ себя, принесли всемогущему Богу жертву своей набожности. Но поелику выше сказано, что четыре стола внутренняго притвора устроены для того, чтобы на нихъ были закаланы жертвы всесоженія и за грѣхъ и за проступокъ: то ниже открывается, изъ чего были устроены самые столы, когда присовокупляется: *четыре же стола для всесоженія устроены изъ квадратныхъ камней* (Лезик. XL, 42) (а).

5. Ибо кого мы принимаемъ въ этомъ мѣстѣ за квадратные камни, если не всехъ тѣхъ святыхъ, которыхъ жизнь постоянно тверда и въ счастіи и въ несчастіи? Квадратный камень равно стоитъ, на какую бы сторону ни былъ поставленъ. И тотъ есть квадратный камень, кто въ счастіи не гордится, въ несчастіи не упываетъ, убѣжденіями къ злу не увлекается, и поношеніями за добрыя дѣла не обижается. Онъ стоитъ какъ бы на всякой

а). Переводъ съ Латинскаго подлинника.

сторонѣ, потому что не падаетъ ни при какой перемѣнѣ. Извѣстно, что когда Пророкъ узналъ объ отпаденіи Іудейскаго народа отъ вѣры, и предвидѣлъ, что въ Церкви возстанутъ святыя Апостолы, чрезъ которыхъ многіе изъ язычниковъ крѣпко будутъ утверждены въ вѣрѣ и жизни: то съ великимъ утѣшеніемъ говорилъ: *камни попадали, но мы устроимъ зданіе изъ квадратныхъ камней* (Ис. ІХ, 10) (а). Поелику онъ видѣлъ, что въ святой Церкви востанутъ Апостолы, мученики и учителя; то менѣе сожалѣлъ о паденіи камней, т. е. о гибели Іудеевъ, потому что предвидѣлъ, что зданіе всемогущаго Бога, т. е. Святая Церковь, будетъ устроена изъ квадратныхъ камней. Итакъ четыре стола устроятся изъ квадратныхъ камней; потому что вѣра и чистота жизни, терпѣніе и благорасположенность выданы изъ жизни святыхъ въ примѣръ послѣдующимъ народамъ съ тѣмъ, чтобы притворъ имѣлъ уже столы, т. е. чтобы народъ держался добродѣтелей жизни, которыми воспламенялъ бы на олтаре своего сердца жертвоприношеніе молитвы всемогущему Богу. Ибо что только добраго или сдѣлали, или дѣлаютъ добрые, вѣрующіе святой Церкви, народы, они преемственно приняли это въ примѣръ изъ жизни своихъ проповѣдниковъ. Отку-

а) Тоже.

да могъ бы имѣть этотъ притворъ столы, если бы не отыскалъ квадратныхъ камней? Хотите ли, возлюбленнѣйшіе братіе, чтобы мы кратко показали вамъ одинъ изъ квадратныхъ камней,—вѣру? *Мнѣ еже жизни Христосъ: и еже умерети, приобретение есть* (Филлп. I, 21). Хотите ли знать о чистотѣ жизни?—*Имже (Христомъ) мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14). Хотите ли слышать о терпѣніи?—*До нынѣшняго часа и алчю, и жажду, и множю, и стражду, и скитаюся, и труждаюся, дѣлающе своими руками: укоряю, благословляю: гонимъ терплю: хулимъ, утѣшаюся* (молимъ) (I Коринт. IV, 11—13). Хотите ли знать о благорасположенности? *Я съ удовольствіемъ буду издерживать свое, и истощать себя самаго за души ваши* (2 Кор. XII, 15, по руск. переводу). И чтобы мы не подумали, будто онъ соотвѣтствуетъ любви тѣхъ, за которыхъ желаетъ истощать себя, тотчасъ присовокупляетъ, тѣмъ же ученикамъ говоря: *не смотря на то, что при столь сильной любви моей къ вамъ, я меньше любилъ вами* (тамъ же). И такъ, когда вѣрующимъ народомъ познается жизнь святыхъ Проповѣдниковъ для подражанія ихъ добродѣтелямъ: тогда дѣйствительно въ притворѣ устроятся столы изъ квадратныхъ камней. Но и Синагога имѣла духов-

ныхъ отцезъ въ ученіи и пророчествѣ, отъ которыхъ заимствовала примѣръ жизни добродѣтельной. Но грубый народъ ея, служба болѣе по страху, нежели по любви, не хотѣлъ подражать жизни отцевъ, которую видѣлъ, и потому внѣшнія ворота, обращенныя къ сѣверу, не имѣють столовъ для всесоженія. Но послѣку мы свазали это въ правственномъ смыслѣ, то остается еще пересмотрѣть тѣже столы въ смыслѣ предобразовательномъ.

6. Ибо ворота наши имѣють во внутреннемъ притворѣ четыре стола; потому что святая Церковь научена проповѣдію четырехъ Евангелистовъ, ученіемъ которыхъ приучила сердце воспламеняться любовію къ всемогущему Богу, и припосить Ему въ жертву свои помышленія, что два изъ нихъ (столовъ) отсюда, и два оттуда; потому что два Евангелиста засвидѣтельствовали о Господѣ то, что видѣли, и два изложили въ повѣтствованіи то, что слышали отъ старшихъ. Или вѣрнѣе, четыре стола внутренняго притвора означаютъ то, что мы ясно видимъ, именно, что святая Церковь для наученія вѣрующихъ народовъ принимаетъ четыре чина правителей, которые по дару всемогущаго Бога перечисляетъ Павелъ, говоря; *той далъ естъ овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя* (Ефес. IV, 11.

сн. 1. Кор. XII, 28). Но пастырями и учителями онъ называетъ одинъ чинъ правителей, потому что тотъ истинно пасеть стадо Божіе, кто учитъ. И внѣшніи ворота имѣли четыре стола; потому именно, что Синагога содержала наблюденіе за внѣшнимъ повиновепіемъ (закону) чрезъ пачальниковъ, священниковъ, и старѣйшинъ народа, чрезъ книжниковъ и фариисевъ. Эти именно фариисей названы учителями закона. Или же во внѣшнихъ и внутреннихъ воротахъ по два стола отсюда, и по два отсюда потому, что въ пачалахъ своихъ святая Церковь имѣла Апостоловъ и Пророковъ. Пророками же мы называемъ не тѣхъ, которые были въ ветхозавѣтномъ народѣ, но тѣхъ, которые явились въ святой Церкви послѣ Апостоловъ. А въ послѣдующее время, которое продолжается доселѣ, она имѣетъ Евангелистовъ и учителей. Поелику же Евангелие означаетъ благоую вѣсть; то и Евангелистами мы называемъ тѣхъ, которые возвѣщаютъ грубымъ народамъ о благахъ небеснаго отечества. Эти именно Евангелисты и учителя, хотя были и въ прежнее время, однако же, по милости Господней, пребываютъ и доселѣ; потому что мы знаемъ, что и доселѣ еще и невѣрующіе народы привлекаются къ вѣрѣ, и всѣ вѣрующіе слушаютъ наставленія въ добрыхъ нравахъ отъ учителей. Но Апостолы и

Пророки съ этого настоящаго времени прекратились; и поэтому мы говоримъ, что эти столы нашихъ воротъ, т. е. святой Церкви, были какъ бы на другой сторонѣ.

7. И ворота, ведущія къ сѣверу, имѣютъ два стола отсюда, и два оттуда, тѣхъ же, о которыхъ мы сказали, первосвященниковъ и старѣйшинъ народа на высшей степени правленія, и книжниковъ и фарисеевъ, начальствовавшихъ надъ онымъ грубымъ народомъ на высшей степени. Но эти столы подлѣ тѣхъ воротъ, которыя обращены къ сѣверу; потому что, когда управляли эти четыре чина народомъ, тогда Синагога, свирѣпствуя въ преслѣдованіи нашего Искушителя, пала въ оцѣпенѣніе въ-роломства. Впрочемъ эти столы имѣли жертвоприношеніе, которое содержали только къ сѣверу; почему и пали въ оцѣпенѣніе холода, такъ какъ не были согрѣты пламенемъ духа. Но внутренніе столы имѣютъ всесожженіе; потому что, какъ въ сердцахъ Апостоловъ и Пророковъ, такъ въ душѣ Евангелистовъ и учителей, горѣлъ и горитъ огонь духа. Этотъ огонь, потому что всякое ихъ помысленіе въ добромъ дѣлѣ всецѣло обьмаетъ, пламенемъ любви къ Богу, какъ бы всесожженіе, рѣшительно все, что ему попадается, сожигаетъ. Ибо всесожженіе приносятъ тѣ, которые всецѣло воспаляются, или

въ добромъ дѣлѣ, или въ святомъ помышленіи.

8. Но эти столы устроены изъ квадратныхъ камней; потому что, когда въ сердцахъ своихъ ежедневно размышляютъ о словахъ Св. Писанія, тогда какъ бы изъ квадратныхъ камней устроятся (столы) для всесожженія молитвы Господу. Ибо слова Св. Писанія суть квадратные камни, потому что вездѣ стоятъ, такъ какъ ни съ какой стороны не бываютъ укоризненны. Во всемъ, что онѣ повѣствуютъ о прошедшемъ, во всемъ, что предсказываютъ въ будущемъ, во всякомъ проповѣданіи правственномъ, во всякомъ возвѣщеніи духовномъ, онѣ имѣютъ стояніе какъ бы на различныхъ сторонахъ, потому что не имѣютъ укоризненности. Итакъ сердца святыхъ суть столы Божіи, устроенные изъ квадратныхъ камней для всесожженія; потому что тѣ, которые всегда содержатъ въ умѣ слова Божіи, мысленно закаляютъ самихъ себя для плотской жизни ради Господа. Поэтому написано: *законъ Бога его въ сердце его, и не запутся стопы его* (Псал. XXXVI, 31). И еще говорится: *въ сердце моемъ скрытъ словеса Твоя, яко да не согрѣшу Тебѣ* (Псал. CXVIII, 11). Но поелику мы узнали, изъ чего эти столы устроены, то послушаемъ еще, какой они мѣры.—Далѣе слѣдуетъ: *въ долготу локоть единъ съ половиною, и въ широту локоть единъ съ половиною,*

а въ высоту локоть одинъ (Езпк. XI, 42). (а).

9. Это мѣсто нѣкто (б) пзъяснлль такъ: столы имѣють въ долготу и шпроту по одному локтю съ половиною, т. е. квадратъ, которые (локти) въ сложности составляютъ три локтя. Эти три локтя въ высоту имѣють одинъ локоть для того, чтобы таинства Троицы единого локотя, т. е. Божественнаго величїя, соблюдали мѣру. Этотъ смыслъ пзъясненїя не можетъ быть вѣренъ потому, что въ той верховной Троицѣ, которая все сотворила, все содержитъ, нѣтъ ничего половиннаго, и ничто единое не составляется изъ двухъ половинокъ. Пбо никакого уменьшенїя и усѣченїя не имѣеть то существо, которое, пребывая всегда не пзмѣняемымъ, не имѣеть ни утраты, ни приумноженїя. Мы же часто говорили, что долгота означаетъ долготерпѣнїе надежды, шпрота—объемъ любви. И такъ столы, устроенные для всесожеженїя, имѣють мѣру въ долготу одинъ локоть съ половиною; потому что святые отцы и учителя, которые простираются въ долготерпѣливости къ тайнамъ внутренней надежды, тѣмъ, что они живутъ добродѣтельно, хотя весьма совершенны въ отношенїи къ человѣческой мѣрѣ, по въ отношенїи къ тѣмъ Божественнымъ таинствамъ, которыя вио.нѣ не могутъ быть попи-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника.

б) Именно-Иеронимъ, (Ки. XII, г. Езпк. гл. 40).

маемы человекомъ, доколѣ живутъ въ этой смертной плоти, не совершенны. Итакъ они сами въ себѣ имѣютъ уже локоть, но въ отношеніи къ Богу не имѣютъ еще локтя; потому что, хотя они въ добродѣтеляхъ вполне совершенны, но о Богѣ имѣютъ еще познаніе только отъ части. Вотъ опять въ мѣрѣ стола встрѣчается Павелъ для свидѣтельства. Ибо онъ говоритъ: *всѣ мы совершенные должны такъ мыслить* (Флп. III, 15. по руск. переводу). Посмотримъ, совершенно ли онъ уже достигъ уразумѣнія таинъ въ томъ, что мыслить о Богѣ. *Я себя не почитаю достигшимъ* (Тамъ же, ст. 13. по руск. переводу). Онъ же еще говоритъ: *мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ; когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. XIII, 9. 10. по руск. переводу). И еще онъ же говоритъ: *теперь знаю я отчасти, тогда же познаю, подобно какъ я познаю* (тамъ же, ст. 12, по руск. переводу). Итакъ, если онъ совершенъ, и знаетъ отчасти; то въ отношеніи къ себѣ имѣетъ локоть, но только половину (локтя) выше себя. Итакъ пусть сердца святыхъ простираются въ совершенствѣ, которое имѣютъ, на одинъ локоть. Но поблику они не могутъ еще вполне видѣть того, на что устремляютъ взоръ надежды; то пусть на половинѣ локтя пресѣкается то, что они имѣютъ выше

одного локтя, такъ какъ въ этой жизни онѣ всегда должны считать себя не совершенными, и ретивѣе стремиться къ совершенству.

10. И въ широту стопы имѣютъ одинъ локоть съ половиною; потому что сердца святыхъ, будучи расширены въ объемѣ любви къ ближнему, котораго любятъ и видятъ, имѣютъ локоть. Ибо они могутъ вполне любить тѣхъ, которыхъ по чему либо вполне знаютъ. Но всемогущаго Бога онѣ хотя искренно любятъ, искренно чтутъ; однако же не могутъ любить столько, сколько должны, потому что не могутъ видѣть Того, Кого любить; а мѣра любви менѣе тамъ, гдѣ еще меньшая мѣра познанія. Следовательно, онѣ имѣютъ одинъ локоть съ половиною; потому что онѣ имѣютъ уже въ дунѣ дѣлать то, что гораздо менѣе важно, т. е. любовь къ ближнему; но то въ нихъ, что гораздо важнѣе, т. е. любовь къ Богу, Котораго не видятъ, еще не полно. Объ этой любви, которая здѣсь начинается, чтобы въ вѣчномъ отечествѣ достигнуть совершенства отъ видѣнія Господа, справедливо говоритъ Исаія: *живъ Господь, Кого отъ въ Сионъ, и щещь ея въ Иерусалимъ* (Ис. XXXI, 9). (а). Но быть щещю значить болѣе, нежели быть огнемъ; потому что огонь можетъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *vivit Dominus, cujus ignis est in Sion, et caminus ejus in Jerusalem.*

быть и малый, но въ печи пламя обшпрнѣе. Но Сиономъ пазывается созерданіе, а Іерусалимомъ видѣніе мира. Миръ же нашъ мы пачинаемъ видѣть здѣсь, чтобы послѣ тамъ видѣть его вполне. Итакъ любовь къ Господу зажигается въ Сионѣ огнь, въ Іерусалимѣ раскаляется печь; потому что мы горимъ пламенемъ любви къ Нему до нѣкоторой степени здѣсь, гдѣ видимъ Его отчасти; но вполне воспламенимся тамъ, гдѣ ясно увидимъ Того, Кого любимъ.

11. Но высота столовъ въ одинъ локоть. Ибо что значить высота святыхъ, если не вѣра въ невидимое? Вѣрою приимается за вѣрное то, чего не видятъ, и потому ею душа праведныхъ возводится на высоту для того, чтобы презирать все видимое на землѣ, и послѣдовать тому, что она слышитъ о невидимомъ на небѣ. Но высота столовъ имѣетъ одинъ локоть, потому что въ сердцахъ всѣхъ святыхъ есть единство вѣры. Единаго Бога въ Троицѣ исповѣдали и отцы Ветхаго Завѣта, и проповѣдники Новаго Завѣта. Поэтому высота столовъ имѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ локоть; потому что вѣра всѣхъ отцевъ согласуется въ великомъ для ней единствѣ. Но тѣ, которые, будучи уже совершенны въ высокихъ добродѣтеляхъ долготерпѣнія надежды, имѣютъ одинъ съ половиною локоть, а въ широту

любви имѣютъ мѣру одинъ локоть съ половиною, высоки, и благоговѣнно должны быть чтимы. Поэтому они должны принимать души юныхъ па лоно своего храненія, и въ очахъ Господа приносить ихъ какъ бы нѣкое всесоженіе и жертвоприношеніе. Поэтому далѣе говорится: *на которыхъ (столахъ) ставятъ сосуды, въ которыхъ приносится всесоженіе и жертва* (Езек. XI, 42). (а).

12. Ибо что суть души вѣрующихъ, если не тѣ священные сосуды, которые принимаютъ слова благочестія для того, чтобъ отъ сердець своихъ принести всесоженіе жизни и молитвы? Поэтому-то Павелъ, когда еще былъ грубъ въ призваніи вѣры, за то, что принялъ слова Господа, и былъ наполненъ небесною благодатію, называется сосудомъ, когда говорится: *сосудъ избранъ ми естъ* (Дѣян. IX, 15). Поэтому Пророкъ увѣщеваетъ Пастырей и учителей, говоря: *отлучитесь* (очиститесь) *носящіе сосуды Господни* (Ис. LI, 11). Ибо какъ бы столовые сосуды Господни носятъ тѣ, которые ученіемъ поддерживаютъ жизнь вѣрующихъ, чтобы современемъ довести ее до всесоженія и жертвы Господу. Но не надобно оставлять безъ вниманія и того, что говорится, что въ этихъ же самыхъ сосудахъ приписит-

а) Буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника.

ся и всесожженіе п жертва. Ибо всесожженіе, какъ и выше мы сказали (въ предыдущей бесѣдѣ), есть жертва, но жертва не всегда есть всесожженіе; потому что, когда нѣкая часть приносится въ жертву, а пѣкая остается, тогда совершается жертвоприношеніе, но не совершается всесожженія. Но въ великомъ множествѣ вѣрующихъ есть одни, которые оставляютъ все мірское, раздаютъ все свое имущество, не оставляютъ ничего для самихъ себя, ревностно стремятся къ вѣипому отечеству, и отъ полноты сердца въ слезахъ закаляютъ самихъ себя въ жертву (Богу). Они-то суть и тѣ сосуды на столѣ, въ которыхъ приносится жертва всесожженія. И есть другіе, которые некутея о собственномъ домѣ, заботятся о дѣтихъ, и блюдутъ для нихъ наслѣдство; но, памятуя о вѣчномъ судѣ, оказываютъ милосердіе къ бѣднымъ. въ определенной мѣрѣ даютъ имъ пропитаніе и одежду. Эти именно тѣ сосуды на столѣ, въ которыхъ приносится жертва, а не всесожженіе. Послику терпѣніе и ученіе святыхъ увѣщаніемъ п поддержкою, убѣжденіемъ и страхомъ, настраиваютъ сердца однихъ къ тому, чтобъ они оставили все, и всецѣло пламенѣли любовію къ Господу, а (сердца) другихъ настраиваютъ къ тому, чтобъ они, не имѣя возможности оставить все, по крайней мѣрѣ были милосерды на столько, на сколько могутъ, и сънощеніемъ о тѣлѣ совмѣ-

щали попеченіе о душѣ: то они (святые) посятъ со- суды стола Господня, устроеннаго изъ квадратныхъ камней, въ которыхъ приносятся всесожеженіе и жертва; потому что и совершенные, какъ сказано, оставивъ все, все сердце воспаляютъ любовію къ Господу, и несовершенные приносятъ жертвоприношеніе, потому что отчасти жертвуютъ.—Далѣе слѣдуетъ: *и закраина ихъ (столовъ) въ одну пядень, затвѣтая внутрь кругомъ* (Лезик. XI, 43. а).

13. Что это значитъ, что закраина столовъ имѣетъ мѣру въ пядень, если не то, что въ пядени рука простирается, и святые отцы и учителя проповѣдуютъ то, на что простираются дѣла слушателей? Ибо мы какъ бы руку простираемъ, когда разшаряемъ дѣла свои. Итакъ пусть говоритъ всякій учитель. пусть занимаетъ сердце слушающаго, пусть потрясаетъ праздную безчувственность. Когда онъ расположитъ слушателей этихъ къ добрымъ дѣламъ, тогда покажетъ, что онъ въ закраинахъ имѣетъ пядень. И надобно замѣтить, что въ пядени простираются персты-большой и малый. Что же означается большимъ и меньшимъ перстомъ, если не большая и меньшая дѣятельность? Итакъ пусть

а) Буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника.

стола въ закраинахъ имѣють пядень; поелику по проповѣди своихъ учителей надобно трудиться надъ великимъ такъ, чтобы не оставлять безъ вниманія и малаго. Такъ надобно быть внимательнымъ къ самымъ малостямъ, чтобы не быть лѣнивымъ для большихъ подвиговъ. Поэтому Истина чрезъ Евангеліе говоритъ: *горе вамъ, книжницы и фарисее мщельи, яко одесятствуете мятву, и копръ, и киминъ, и остависте вящшая закона, судъ и милость и вѣру: сія же подобаше творити, и оныхъ не оставляти* (Мат. XXIII, 23). Судомъ, и милостію, и вѣрою, указывается на большой перстъ дѣятельности. А мятвою, копромъ и киминомъ безъ сомнѣнія указывается на меньшій перстъ. Итакъ надобно было и это дѣлать, и того не оставлять; потому что, если мы хотимъ мѣрить свое дѣло пядію, то необходимо надобно простирать меньшій перстъ, какъ большой не долженъ быть пригибаемъ.

14. Но хорошо, что когда измѣряются закраины столовъ, и мѣра ихъ показывается въ пядень, съ присовокупленіемъ *въ одну*, для того, чтобы въ проповѣди учителей какъ единство въ вѣрѣ было удерживаемо, такъ и единеніе душъ было соблюдаемо на дѣлѣ, дабы чрезъ то доброе дѣло, которое дѣлаетъ одинъ, другой не имѣлъ понозновенія къ злу разногласія. Ибо мы должны творить добрыя

дѣла такъ, чтобы чрезъ нихъ же соблюдать единодушiе съ тѣми, съ которыми живемъ, на сколько можемъ безукоризненно, то есть, не оставляя того, что мы дѣлаемъ, по предупреждая благими убѣжденiями то зло разногласiя, котораго боимся. Такъ Павелъ, соблюдая единство въ дѣлахъ своихъ, предупреждалъ разногласiе, когда видѣлъ, что Коринфяне желали уже принять въ общенiе съ собою нѣкоего надшаго и отлученнаго отъ Церкви, говоря: *кого вы въ чемъ прощаете, того и я; ибо и я, если въ чемъ простилъ кого, то простилъ для васъ отъ лица Христова, дабы не сдѣлалъ намъ ущерба сатана* (2 Кор. II, 10. 11. по руск. переводу). Этотъ именно (сатана) обыкновенно пораждаеть зло изъ добра, и то, что дѣлается по любви, перевертывается въ разногласiе. Поэтому (Павелъ) тотчасъ присоветовалъ о немъ, говоря: *ибо намъ не безызвѣстны его умыслы* (Тамъ же, ст. 11. по руск. переводу). Но тотъ учитель, который чрезъ проповѣдуемое имъ добро настроиваетъ своихъ слушателей къ правильной дѣятельности, если не обязываетъ душъ дѣйствующихъ къ единомыслию, хотя и имѣеть иядень въ окраинахъ, по не имѣеть того единства иядени, о которой сказано.

15. Особенное же вниманiе надобно обратить на слова, что окраины этихъ же столовъ запыты

внутри. Ибо окраины столовъ загибаются внутри тогда, когда учителя тайнымъ размыслиемъ о томъ, что проповѣдуютъ, обращаются къ совѣсти, когда тонко испытываютъ самихъ себя, исполняютъ ли они то, о чемъ проповѣдуютъ. Когда же говорится, что окраины столовъ загнуты внутри; тогда справедливо еще присовокупляется: *кругомъ*, чтобъ они обсуждали себя не съ одной какой либо стороны, а съ другой оставляли самихъ себя безъ вниманія, но чтобы со всѣхъ сторонъ осматривали самихъ себя, и, сколько есть силъ, старались на дѣлѣ выполнять все то, чему учатъ, дабы зидителямъ чуждаго не быть разорителями своего, если проповѣдники притворно будутъ дѣлать добро.] О, учитель!—Вогъ ты служишь уже столомъ, носишь уже сосуды, уже въ сосудахъ вѣрующихъ поддерживаешь всѣхъ всеожженія и жертвы, но загибай закраину внутри, т. е. обращай слово къ (своему) сердцу. Слушай (самъ), что ты говоришь, исполняй самъ то, что проповѣдуешь. Иначе, если ты нерадишь объ исполненіи того, что проповѣдуешь; то ты для другихъ чрезъ сѣяніе готовишь жатву, а самъ, не принимая участія въ продовольствіи, голодаешь. Поэтому написано: *кого жатву владный поестъ* (Гов. V, 5, по переводу съ Латинскаго подлинника). Жатву же того проповѣдника, который хорошо говоритъ, но не дѣлаетъ, свѣ-

даетъ голодный, потому что тотъ, кто алчетъ хлѣба правды, и исполняетъ тѣ заповѣди, о которыхъ слышитъ, а самъ тотъ, кто потрудился въ сѣяніи, не имѣетъ нищи. Поэтому Соломонъ говоритъ: *скрываетъ лѣнивый руку въ нѣдро свое, не возможетъ принести ко устамъ* (Притч. XXVI, 15). Нѣтъ такого лѣнивца, который не думалъ бы потрудиться поднести руку къ устамъ, или кушать. Но лѣнивецъ, даже своей руки не поднимающій къ устамъ, есть тотъ, кто не хочетъ исполнять даже того, чему учитъ. Поэтому о хорошо проповѣдующихъ и худо дѣлающихъ еще говорится: *сыны Ефремовы вооруженные, стрѣляющіе изъ лука, обратились назадъ въ день битвы* (Псал. LVII, 9. по рускому переводу). Вооружены лукомъ и стрѣляютъ изъ него тѣ, которые предлагаютъ мысли Св. Писанія, и вѣрными словами истребляютъ пороки въ слушателяхъ; но обращаются назадъ въ день брани потому, что послѣ того, какъ они во время искушенія отъ пороковъ обращаются къ самимъ себѣ, то не хотятъ и груди своей имъ противопоставить, потому что въ борьбѣ съ искушеніями они не противостоятъ имъ. Поэтому еще говорится: *Ты обратилъ вспять остріе меча сво, и не укрѣпилъ его на брани* (Псал. LXXXVIII, 44. по рускому переводу). Потому что мечомъ для учителя служить Слово Божіе. Поэтому чрезъ Павла гово-

рится: *и мечь духовный, иже есть глаголь Божій* (Ефес. VI, 17). Итакъ всемогущій Богъ, когда видитъ, что учитель не хочетъ исполнять того, что проповѣдуетъ, тогда въ день брани обращаетъ вспять мечь своей помощи; потому что въ борьбѣ съ искушеніями не дозволяетъ быть для него помощію словамъ того ученія, которое дано отъ Него. Итакъ онъ (учитель) имѣетъ мечь, но сей не помогаетъ ему на брани; потому что, когда станеть наступать на него противоположность искушенія, тогда онъ забываетъ о томъ словѣ, которому училъ. Ибо вотъ, на примѣръ, учитель говоритъ слово о терпѣннѣ; по званію своего учительства онъ вынужденъ бываеъ сказать, какъ надобно соблюдать терпѣніе противъ панесепныхъ обидъ, противъ выслушанныхъ поношеній. Но когда самъ будетъ затронутъ или обидою, или поношеніемъ; тогда, забывъ чему онъ училъ, выходитъ изъ самаго себя, или въ обидѣ ближняго, или въ воздаяніи ему большихъ поношеній за поношенія. Между тѣмъ, какъ ему слѣдуетъ помнить, что онъ есть столъ Божій, охрану долженъ загибать внутрь, долженъ исполнять то, о чемъ проповѣдуетъ. Потому что написано: *въ терпѣннѣ вашемъ стяжите души ваша* (Лук. XXI, 19). И еще написано: *ученіе мужа познается чрезъ терпѣніе* (Притчей XI, 11. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинни-

ка). Итакъ если доказательствомъ ученія служить терпѣніе; то всякой ученой тѣмъ болѣе является ученымъ, чѣмъ болѣе будетъ терпѣливъ. Поэтому-то добрый оный ученикъ, который видѣлъ учителя возносящимся на высоту, по впушенію великой любви взывалъ, говоря: *отче мой, отче мой, колесница Израилева и кучеръ ея* (4 Цар. II, 12. по бубвальному переводу съ Латинскаго подлинника). Что значить, возлюбленнѣйшіе братіе, что Илія называется колесницею Израиля и кучеромъ, если не то, что вучеръ понуждаетъ, а колесница несетъ? Поэтому тотъ учитель, который и правы народа поддерживаеъ терпѣніемъ, и учитъ словами Св. Писанія, называется и колесницею и кучеромъ. Колесницею потому, что съ терпѣніемъ несетъ; кучеромъ потому, что увѣщаніемъ понуждаетъ. Колесницею потому, что терпитъ зло; а кучеромъ потому, что занимаетъ народъ добрыми наставленіями.

16. Но быть можетъ, учитель говоритъ слово противъ суетной славы, и дивно впусая, какъ должно уклоняться ея, чрезъ эти же самыя слова, въ которыхъ разсуждаетъ объ уклоненіи отъ этой суетной славы, желаетъ суетной славы. Итакъ, если онъ желаетъ получить то, что запрещаетъ; то онъ столь, не наклонившій закраины внутрь. Но столь Господень, устроенный изъ квадратныхъ камней, будетъ имѣть

заграну, загнутую внутрь, тогда, когда онъ научит-
ся самъ слушать то, что говорить. Потому что на-
писано: *не дѣлайте ничего по ревности, или по
тщеславію* (Филип. II, 3, по рускому переводу). И
имъ же знаменитый Провѣдникъ еще говоритъ: *не
тщемъ славы человеческой ни отъ васъ, ни отъ другихъ*
(1 Солуп. II, 6. по рускому переводу). Ибо что
значить домогательство преходящей славы за трудъ
провѣдничества, если не продажа дорогой вещи за
дешевую цѣну? [Но въ ученіи слова есть важная
опасность; потому что за словомъ учащихъ часто
послѣдуютъ похвалы слушающихъ; и когда учителя
отъ того, что сдѣлались хорошо извѣстными, не хо-
тятъ уже въ словахъ казаться худшими, тогда сю-
во ученія, которое они изъ любви къ всемогущему
Богу начали для приобрѣтенія душъ слушателей, пре-
вращаютъ послѣ въ трудъ для приобрѣтенія похвалъ.
Отъ этого происходитъ, что какъ всякой правиль-
ный трудъ, такъ слова священнаго ученія, теряютъ
всю цѣну на судѣ всемогущаго Бога, когда чрезъ
нихъ кто либо домогается преходящихъ похвалъ.] По-
этому Іудеѣ чрезъ Пророка говорится то, что на-
ходить въ ней самый неосторожный умъ, если толь-
ко послѣ ошибки осторожно обсудитъ свои помыш-
ленія: *оливковымъ деревомъ обильнымъ, красивымъ,
плодоноснымъ, виднымъ, назвалъ Господь имя твое.*

По гласу слова загорѣлся великій огнь на немъ, и сжежени кустарники ео (Перем. XI, 16. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника). Потому что оливковымъ деревомъ обильнымъ и красивымъ, плодоноснымъ и виднымъ Господь называетъ того, коего или усиліе въ дѣятельности одобряетъ, или святую ревность къ словамъ вѣденія. По по гласу слова загорѣлся огнь на немъ, потому что, когда начнутъ кого хвалить, тогда онъ, быть можетъ, начинаетъ стыдиться быть меньшимъ того, за кого его считаютъ, и усиливается быть тѣмъ, чѣмъ онъ называется. Ибо гласъ слова есть одобреніе ласкательствующаго. Поэтому написано: *уже аще благословитъ друа утро велиимъ гласомъ, отъ клеветуцаго ничимже разствовати возмнится* (Притч. XXVII, 4). И по голосу молвы загорѣлся великій огнь въ ней, потому что ^{большинствомъ} прославленія возгарается въ сердцѣ пламень любви къ похвалѣ. Но всѣ кустарники оливковаго дерева сгораютъ; потому что предъ очами всемогущаго Бога теряютъ всю цѣну, какъ добрыя дѣла, такъ и умныя проповѣди, когда происходятъ уже не отъ любви къ Господу, но отъ домогательства преходящей славы. Ибо часто къ помыслу доброму примѣшивается помысль недоброй такъ, что ихъ едва можетъ различать тотъ самый умъ, въ которомъ рождаются эти

помыслы. Поэтому славный Проповѣдникъ, когда тонко разсуждая, говоритъ: *слово Божіе живо и дѣйствено, и острѣ всякаго меча обоюдоостраго: оно прѣщааетъ до раздѣленія души и духа, тотчасъ присовокунивъ: до составъ и мозговъ и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя* (Евр. IV. 12 по русскому переводу).

17. Ибо слово Божіе различаетъ составы и мозги, потому что различаетъ помышленія и мысли сердечныя. Потому что чрезъ составы соединяются кости съ костями. И часто бываетъ, что мы, начавъ дѣло съ вѣрнымъ помышленіемъ, вдругъ уклоняемся къ любви похвалы, и дѣлаемъ ради похвалы то, что начали дѣлать ради истины; потому что помышленія соединяются съ помышленіями, дѣлаются въ духѣ какъ бы нѣкоторыми составами. Но кости, соединяемыя въ составѣ, имѣютъ мозги. Объ этомъ святой Проповѣдникъ яспѣе сказать, присовокунивъ: *и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя*. Ибо составы суть наши помышленія, а мозги — намѣренія. И часто бываетъ, что объ одномъ мы помышляемъ, а къ другому простираемъ намѣреніе чрезъ помышленіе. На примѣръ, если бы кто за условленную сумму денегъ сталъ защищать дѣло сироты или вдовы, и входя въ Церковь, сталъ бы говорить Богу въ своихъ молитвахъ: Ты (Господи) видишь, что

я защищаю дѣло сироты и вдовы: то безъ сомнѣнія зналъ бы, о чемъ помышляетъ, но не зналъ бы, къ чему стремится его помышленіе. Потому что объ одномъ опъ помышляетъ, а къ другому стремится. Опъ желаетъ не защищенія сироты и вдовы, но денежной награды. Уничтожь эту временную награду, и опъ не станетъ защищать, ни сироты, ни вдовы. Итакъ слово Божіе судить помышленія и намѣренія сердечныя; потому что не взираетъ на то, о чемъ ты помышляешь самъ въ себѣ, но взираетъ на то, что ты составляешь чрезъ мозгъ, т. е. на то, что ты желаешь получить чрезъ намѣренія. Итакъ учителю во время проповѣди, какъ бы столу Божію, остается всегда наклонять закраину внутрь, чтобъ или не начнать рѣчи съ худымъ намѣреніемъ, или не уклоняться къ другому желанію по увлеченію похвалъ, когда положить хорошее начало.

18. Но быть можетъ, у учителя есть слово о соблюденіи дисциплины. И часто такъ же случается, что опъ не умѣетъ вынолнять того правила дисциплины, о которомъ умѣетъ говорить; потому что, или увлеченный чрезмѣрною ревностію, не умѣряетъ себя кротостію; или, разнѣжившись чрезмѣрною кротостію, не воспламеняется надлежащею ревностію противъ пороковъ. Ибо мы съ особеннымъ вниманіемъ должны обсуживать то, что написано. На

сосудахъ Храма между вѣнками и плетеніями вычеканены волы и львы и Херувимы, а подъ волами и львами вѣсовые ремни (3 Цар. VII, 29). Потому что вѣнки служатъ символомъ побѣды, а плетенія— едиподушія въ согласіи; но Херувимами означаетъ полнота вѣденія. Ибо Священники и Учители между вѣнками и плетеніями, т. е. между рѣшимостію на доброе дѣло, съ которою они стремятся къ побѣдѣ, и согласіемъ любви, по которому они не противорѣчатъ взаимно другъ другу, имѣютъ символы въ волахъ и львахъ и Херувимахъ; потому что въ полнотѣ вѣденія, которую они имѣютъ, необходимо соблюдать и кротость воловъ, и свирѣпость львовъ, такъ какъ они въ проповѣдуемой ими дисциплинѣ должны быть и воспламеняемы святою ревностію, и растворяемы отеческою любовію. Подъ ними внизу висятъ ремни для того, чтобъ они тѣ обузданія, которыми связаны сами, заботливо простирали и на подчиненныхъ своихъ. Ибо висѣть ремнямъ подъ ними значить держать узы стражи для подчиненныхъ. Это правильно соблюдается тогда, когда ни кротость воловъ не превращается въ запальчивость ревности, ни свирѣпость львовъ не уклоняется къ кротости. Потому что равновѣсіе должно быть таково, чтобы не было перевѣсу, ни со стороны чрезмерной строгости, ни со стороны милосердія, для то-

го, чтобы, въ случаѣ безотчетнаго прощѣнія вины, виновный еще болѣе не запутывался въ виновности; и наоборотъ, чтобы, въ случаѣ непомярнаго обузданія виновности, исправляемый не дѣлался еще худшимъ отъ того, что не видитъ никакого снисхожденія къ себѣ. Инакъ нечестивымъ надобно показывать строгость въ видимости, а любовь въ сердцѣ, для того, чтобъ и строгая видимость обуздывала нечестующаго, и соблюденіе любви не теряло награды за кротость.

19. Вотъ, когда я говорю, толчетъ въ двери памяти Иосифъ, чтобы взойти ему для засвидѣльствованія того, что я говорю. Известно, что онъ, рассказывая сонъ, который онъ видѣлъ о своемъ возвышеніи, братьямъ, возбудилъ противъ себя ненависть тѣмъ, что пересказалъ съ невинностію (Быт. XXXVII, 5 и далѣе). Этими же братьями онъ проданъ Измаилитянамъ, (тамъ же, ст. 21); отведенный въ Египетъ, онъ, по дивному устроенію всемогущаго Господа, сдѣлался начальствующимъ надъ тѣмъ же Египтомъ (Быт. XLII, 41). И когда настала въ землѣ Ханаанской голодь, тогда братья прибыли въ Египетъ, нашли Иосифа начальствующимъ надъ Египтомъ, и воздали ему честь земными поклонами (Быт. XLII, 7). И поелику они не могли перемѣнить совѣта Божія, чтобы не да-

вать чести тому, кого продали: то отдали честь тому, кого продали. Тогда самъ мужъ Божій, исполненный духа правосудія, узнать братьевъ, не узнанный ими. Но воспомянувъ о преступленіи ихъ, и желая простить оное, рѣшилъ не воздавать братьямъ зломъ за зло, и не оставлять этого зла безъ исправленія. Ибо съ подозрительнымъ видомъ тотчасъ сказалъ: *соглядатаи есте, соглядатаи путии страны сея приидосте. Въ семъ явитесь: тако ми здравія фараона, не изыдете отсюда* (Быт. XLII, 9. 15). О, какое оружіе въ сердцѣ! Иноземцы шли, бѣгая отъ опасности голода, но продовольствія, котораго просили, не получали, и сверхъ того увидали, что ихъ заподозрѣли въ преступленіи. Между тѣмъ ихъ ведутъ въ тюрьму, и послѣ трехдневнаго заключенія опять допрашиваютъ съ тою же строгостію. Сердце ихъ уже потрясено; они уже воспоминаютъ о винѣ своей, и говорятъ между собою: *во грѣсахъ ссмы брата ради нашего, яко презрѣхомъ скорбныи души его, сѣда моляшеса намъ, и не послушахомъ его: и сего ради прииде на ны скорбныи* [sic] (Быт. XLII, 21). Но это тронуло сердце Іосифа любовію; онъ удаляется, слезами омываетъ то, что долженъ былъ дѣлать по правдѣ. Строгимъ [] возвращается къ братьямъ, чтобъ очистить отъ вповности мучимыя ихъ души. Послѣ

этого, одного связываютъ узами, прочіе отпускают-
ся съ продовольствіемъ, съ тѣмъ, чтобъ они при-
везли еще одного брата, названнаго ими меньшимъ
(Тамъ же, ст. 34. 35). Послѣ того является братъ.
Любовь при видѣ невиннаго брата потрясала ду-
шу; но въ видимости оставалась еще строгость, для
очищенія братьевъ виновныхъ. Хлѣбъ отымается,
въ мѣшокъ младшаго брата тайно влагается чаша,
послѣ того начинается слѣдствіе по воровству
(Быт. XLIV, 2). За ними посылаютъ, чтобъ они
воротились, приговариваютъ къ рабству того, у ко-
го будетъ найдена чаша. Ее находятъ въ мѣшкѣ
младшаго брата. Веніамина ведутъ назадъ, все о-
горченные братья за нимъ слѣдуютъ. О, мученія
милосердія! Мучить, и любить. Итакъ воротившись,
они, со слезами падши на землю, просятъ помил-
ованія. Ибо памятуя, что они поручились за него
(Веніамина) отцу, они пропикались невыносимою
скорбію. Тогда-то скрытая любовь, не имѣя болѣе
силы принуждать себя, выразилась наружу, и про-
явила слезы свои на лицѣ строгости (Быт. XLV, 1).
Изчезъ тотъ гнѣвъ, который былъ видимъ, и кото-
раго не было; явилось то милосердіе, которое бы-
ло, а не показывается. Такъ-то святыи мужъ и
простилъ братьямъ преступленіе, и отомстилъ за не-
го. Такъ-то онъ съ успіемъ сдержалъ милость, для

того, чтобы не быть любвеобильнымъ къ преступнымъ братьямъ безъ отмщенія, и не быть строгимъ безъ любви.

20. Вотъ примѣръ дисциплины для того, чтобы умѣть, и со строгостію щадить преступленія, и съ любовію пресѣкать оныя. Но тѣ, которые не имѣютъ духа разборчивости, или отпущаютъ грѣхи такъ, что не исправляютъ, или какъ бы исправляя бьютъ такъ, что не отпущаютъ. Итакъ учителю, которому необходимо говорить о строгости дисциплины, подобно знать, что онъ есть столъ Божій, и наклонять заграничу внутрь, для того, чтобы говоримое для наученія бдительно было исполняемо съ точностію. Если же онъ знаетъ за собою какіе либо недостатки, то по нихъ не долженъ молчать въ проповѣди. Потому что мѣсто требуетъ того, чтобы говорить. Итакъ онъ долженъ быть согласенъ съ своими словами; и если онъ не говоритъ потому, что не исполняетъ, то долженъ исполнять потому, что обязанъ говорить. Поэтому, гдѣ онъ видитъ себя исполняющимъ то, о чемъ говоритъ, тамъ долженъ увѣщевать слушателей, и воспламенять сердца ихъ ревностію къ добрымъ дѣламъ. Но гдѣ видитъ, что онъ еще не исполняетъ того, о чемъ говоритъ, тамъ и себя равно долженъ воспламенять къ тѣмъ добродѣтелямъ, къ которымъ увѣщеваетъ

слушателей, чтобъ и самъ учился на дѣлѣ исполнять то, о чемъ чрезъ него вѣщаетъ истина въ проповѣди. Ибо часто мы, побуждаемые словомъ ученія, изъ бесѣды научаемся тому, чего не знаемъ по опыту; и когда отъ признанія нашей лѣности рождается въ душѣ виновность, тогда потрясаетъ ту же самую душу сокрушеніе, нечаянно родившееся, и она, которая прежде предавалась ирадности, не издавая голоса, возбужденная своимъ голосомъ вспрядасть на дѣло. Но вотъ, когда закрапна стола простирается на пядень, то есть, [когда устами учителя произносится слово противъ пороковъ, и сердца слушателей располагаются къ добрымъ дѣламъ; тогда многіе изъ тѣхъ, которые слушаютъ его, сознаютъ, сколько или какія преступленія они учинили; и исповѣдуя ихъ, приходятъ къ нему же, и со слезами просятъ его быть очистителемъ грѣховъ ихъ, чтобы онъ молитвою загладилъ тѣ вины, которыя открылъ проповѣдію. Поэтому и присовокупляется: *на столахъ же мяса жертвенныхъ* (Гезик. XL, 43. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

21. Ибо святые учителя, возсылая молитвы къ всемогущему Богу за кающихся и исповѣдающихся грѣшниковъ, тѣмъ, что умоляютъ о прощеніи плотской ихъ жизни, служатъ столами Господними, поддерживающими мяса жертвенныя.

Но чтобы были такіе, за которыхъ, по обращеніи ихъ и раскаяніи, можно было бы молиться, надобно имъ грѣшникамъ проповѣдывать; и когда они начнутъ уже оставлять грѣхи, и поспѣшать къ невинности, тогда необходимо усиливать къ нимъ въ устахъ учителя проповѣдь, и словомъ ученія своего настоять на нѣкоторыхъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ, по дознанію (проповѣдника), глубже они пали, именно зная, что тѣмъ большую получить онъ (учитель) награду великаго воздаянія, чѣмъ болѣе отъ тяжкихъ грѣховъ освободитъ другихъ своими словами.

22. Между тѣмъ мнѣ хочется привести слова святаго Евангелія, коего священная исторія возвѣщаетъ о томъ, что дѣлается ежедневно, повѣствуя о чудѣ, которое совершено было. Ибо когда собрались къ Господу народы утомленные и голодные, тогда Господь сказалъ ученикамъ: *милосердую о народъ, яко уже три дни прѣсѣдаютъ мнѣ, и не имутъ чесо ясти. И аще отпущу ихъ не ядшихъ въ дома своя, ослабѣютъ на пути: мнози бо отъ нихъ издалеча пришли суть* (Марк. VIII, 2. 3). Народъ три дня находится при Господѣ, когда множество вѣрующихъ, очищая чрезъ покаяніе содѣянные ими грѣхи, обращается къ Богу дѣломъ, словомъ и помышленіемъ. Господь не хочетъ отпущать ихъ домой голодными, чтобъ они не ослабѣ-

ли на пути, именно потому, что обратившіеся грѣшники ослабѣваютъ на пути пастоящей жизни, если отпускаются безъ пищи святаго ученія въ нѣхъ совѣсти. Итакъ, чтобъ они не ослабѣвали на пути сего странствованія, должны быть питаемы сватымъ увѣщаніемъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ вышедшая изъ устъ Писины та мысль, что *мнози отъ нѣхъ издалеча пришли суть*. Одинъ посѣщилъ на служеніе всемогущему Богу, не испытывъ ничего обманчиваго и ничего изъ плотскаго поврежденія. Онъ пришелъ не издалеча, потому что по нещепорченности и невинности былъ близокъ. Другой не осквернивъ себя никакимъ безстыдствомъ, никакими преступленіями, но только испытавъ супружество, обратился къ духовному служенію. И этотъ пришелъ не издалеча, потому что, пользуясь супружествомъ дозволеннымъ, не блуждалъ по недозволенному (пути). Но третьи обращаются къ покаянію и возвращаются на служеніе всемогущему Богу, послѣ плотскихъ сквернъ, четвертые послѣ лжесвидѣтельствъ, пятые послѣ воровства, шестые послѣ насилій, седьмые послѣ совершенныхъ убійствъ: вотъ они-то именно и приходятъ издалеча. Ибо чѣмъ болѣе кто проблуждалъ въ нечестіи, тѣмъ далѣе ушелъ отъ всемогущаго Бога. Такъ какъ и блудный сынъ, оставивъ отца,

ушелъ въ дальнюю сторону, въ которой насъ свипей, потому что питалъ пороки (Лук. XV, 16). И такъ пусть дается продовольствіе и тѣмъ, которые приходятъ издавеча; потому что обратившимся грѣшникамъ должна быть доставляема пища святаго ученія для того, чтобъ они возобновляли тѣ силы въ Богѣ, которыхъ лишились въ беззаконіяхъ. (Часто учителямъ тѣмъ необходимѣе питать ихъ обильнѣйшею пицею ученія, чѣмъ тягчайшими пороками обремененные пришли они. И когда они начнутъ уже сознаваться въ учиненныхъ ими преступленіяхъ, и сознаваясь оставлять ихъ и омыватъ слезами: тогда свитымъ учителямъ необходимо усердно молиться о грѣхахъ ихъ, покоику столы Божіи поддерживаютъ мяса жертвенныя. Сколько разъ они это дѣлаютъ, столько разъ тѣмъ, что входятъ въ посредничество за чужіе грѣхи, очищаютъ предъ очами Божіими свои собственныя; потому что оправдываются тою самою любовію, по которой съ дивнымъ благочестіемъ они въ слезахъ закаляютъ себя за чужіе беззаконія. Не трудно должно быть для учителей проливать слезы за обратившихся грѣшниковъ, когда и самъ Тотъ, Кто сотворилъ все, содѣлавшись человекомъ, пролилъ кровь на креслѣ за наши беззаконія, Который живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единствѣ со Святимъ Духомъ Богъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕСЯТАЯ.

Святѣй Учитель, изъясняя четыре стиха,—отъ 44 до 48,—распространяется о вѣрѣ, надеждѣ и любви, и тѣмъ заканчиваетъ этотъ трудъ.

1. Пророкъ, по внушенію Святаго Духа, мудро разумѣя таинственные смыслы Св. Писанія, говоритъ: *дивны откровенія Твои, посему хранитѣ ихъ душа моя* (Исаи. СХVIII, 129. по рускому переводу). Опять онъ же говоритъ: *открой мнѣ глаза, чтобъ я видѣлъ чудеса закона Твоего* (Тамъ же, ст. 18. по тому же переводу). Ибо кто еще не разумѣетъ сокровеннаго изъ открытаго, тотъ имѣетъ глаза закрытыя. А кто уже разумѣетъ, тотъ открытыми очами видитъ чудеса отъ закона Божія; потому что, духовно разтрясая слова буквы, онъ уразумѣваетъ, какое величіе скрывается внутри. Не дивно ли то, когда одно звучитъ въ ухахъ, а другое, что не звучало, приходитъ на мысль? Поэтому, чему я уподоблю слово Св. Писанія, если не тому камню, въ которомъ скрывается огонь? Камень, который холоднымъ держится въ рукѣ, ударенный желѣзомъ, разсыпаетъ искры, и производитъ огонь возпламеняющій то, что прежде было въ рукѣ холод-

нымъ. Ибо такъ, именно такъ бываетъ съ словами Св. Писанія; онѣ хотя по повѣствованію буквы держутся холодными, но если ихъ, по внушенію Господню, ударить кто либо напряженнымъ вниманіемъ, то произведетъ огонь о тайственныхъ смыслахъ его, такъ что послѣ душа, которая прежде холодно слушала буквальный смыслъ, разгорается отъ духовнаго. Ибо вотъ Пророкъ говоритъ: *и внѣ воротъ внутреннихъ сокровищницы пѣвецъ въ притворѣ внутреннемъ, который былъ съ боку воротъ, обращенныхъ къ северу; и лице ихъ противъ пути южнаго одного, съ боку воротъ восточныхъ, которыхъ имѣли лицевую сторону къ пути северу* (Езек. XL, 44. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

2. Чья душа воспламенится любовію къ Богу отъ буквального смысла этихъ словъ, чтобъ не оставаться ей болѣе теплою отъ самаго ихъ чтенія? Но если добьемся мы до духовнаго смысла, скрывающагося въ буквѣ, то отъ этого явятся искры разумѣнія, и зажгутъ то, что прежде холодно звучало въ ушахъ сердца. Впрочемъ намъ для того, чтобы при помощи Господней открыть внутренній смыслъ, надобно прежде разсмотрѣть самое повѣствованіе по буквѣ. Ибо (Пророкъ) говоритъ, что были ворота внутреннія, и внѣ ихъ притворъ, который называет-

ся внутреннимъ; и потомъ описываются другія вoроты, то есть, сѣверныя, южныя и восточныя, для того, чтобы показать, что самый притворъ, о которомъ сказано, что онъ находится внѣ воротъ внутреннихъ, находится внутри отъ воротъ внѣшнихъ. Следовательно, этотъ притворъ и внѣ, и внутри: внѣ потому, что внѣ воротъ внутреннихъ; а внутри потому, что внутри воротъ внѣшнихъ. Повѣствуется еще, что въ этомъ же самомъ притворѣ были сокровищницы пѣвцевъ, о которыхъ говорится, что онѣ были помѣщены съ боку воротъ, обращенныхъ къ сѣверу. Но эти же самыя сокровищницы обращены были къ пути южному. И присовокупляется: *съ боку воротъ восточныхъ, которыя имѣли лицевую сторону къ пути сѣвера*. Изъ этихъ словъ ясно видно, что сокровищницы пѣвцевъ были помѣщены между стороною воротъ обращенныхъ къ сѣверу, и стороною воротъ восточныхъ, которыя ворота были обращены именно къ пути сѣвера. И такъ лицевая сторона сокровищницъ была противъ пути южнаго, но положеніе (ихъ) было между воротами восточными и сѣверными. Следовательно внутреннія вoроты имѣли съ одной стороны вoроты къ сѣверу, а съ другой стороны вoроты къ югу. По фронтономъ преддверія восточныя вoроты были выше, и притворъ, который былъ внѣ воротъ внут-

ренихъ, былъ въ такомъ положеніи, что онъ же былъ и внутреннимъ; ворота совѣь обьымаи его.

3. Мы кратко прослѣдншествогь буквальныйи смыслъ для того, чтобы не кратко оыскнвать въ немъ таинственные смыслы. Но въ первой части описаны трое воротъ, то есть, восточныя, сѣверныя и южныя; и тотчасъ же сказано о трехъ другихъ внутренняго притвора, то есть, южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ, а затѣмъ сказано о воротахъ притвора внутренняго, гдѣ упоминается о столахъ, устроенныхъ изъ квадратныхъ камней; и о воротахъ, обращенныхъ къ сѣверу, въ которыхъ были столы для жертвоприношенія, а не для всесожженія. Поэтому мы сказали, что внутреннимъ означается Церковь, а внѣшнимъ Синагога. Но послѣ того, Пророкъ опять начншасть описывать внутреннія ворота, и трое другихъ, то есть, сѣверныя, южныя и восточныя, и рассказываетъ, что въ внутреннемъ ихъ притворѣ, который былъ внѣ воротъ внутреннихъ, были сокровищницы, иѣвцы, Священники, храмъ, олтарь, жертвоприношенія. Послнку (Пророкъ) въ этихъ словахъ началъ повѣствовать о различномъ отъ того, что прежде говорилъ объ устройствѣ святой Церкви: то очевидно, что онъ перемѣнилъ смыслъ воротъ внутреннихъ. Ибо, еслибъ онъ говорилъ обо всемъ въ одномъ смыслѣ, то не сталъ бы повторять въ новомъ

порядкѣ того и другаго. Какъ можемъ мы сказать, что внѣ воротъ внутреннихъ есть притворъ, сокровищницы, пѣвцы, священники, храмъ, олтарь, жертвоприношенія, если въ этомъ мѣстѣ чрезъ эти самыя внутреннія ворота означается святая Церковь? Когда все это внутри ея: то какимъ образомъ оно внѣ воротъ внутреннихъ, если не внѣ Церкви? И такъ подъ внутренними воротами можно разумѣть, о которыхъ мы уже сказали далеко впереди, о которыхъ говорится, что онѣ имѣютъ лицевую сторону къ воротамъ сѣвера и востока, которыми, по нашему объясненію, означается входъ, ведущій ко внутреннимъ радостямъ небснаго отечества, такъ что и здѣсь тѣми воротами, о которыхъ говорится, что онѣ около входа, означается святая Церковь, а воротами внутренними—входъ въ царство небесное. Но дабы это нибудь не подумаль, будто я слова Св. Духа пасильственно склопяю къ своему разумѣнію, и не сказаъ, что я не долженъ измѣнять того значенія внутреннихъ воротъ, т. е. святой Церкви, о которомъ я сказаъ однажды, мы удержимъ то, что начали, такъ что и внутреннія ворота будутъ означать Церковь, которая доводитъ насъ до внутреннихъ радостей; и сокровищницы, пѣвцы, священники, храмъ, олтарь, жертвоприношенія, останутся въ притворѣ, который внѣ воротъ, и однако же не внѣ

Церкви. Ибо, если мы тонко разберемъ, то ничто не будетъ намъ препятствовать подъ внутренними воротами, какъ сказано, разумѣть святую Церковь. О ней теперь говорится: *и внѣ воротъ внутреннихъ сокровищницы тѣхъ въ притворѣ внутреннемъ.* Ибо два предмета, о которыхъ говорится: ворота внутреннія, и внѣ ихъ притворѣ внутренній; покольку этотъ самый притворѣ есть и внутренній и внѣшній, — въ отношеніи къ воротамъ внѣшній, а внутренній, какъ мы впереди сказали, въ отношеніи къ тѣмъ воротамъ, о которыхъ въ повѣствованіи (Пророкъ) сдѣлалъ присовокупленіе.

4. Ибо святая Церковь имѣетъ двѣ жизни: одну, которую проводитъ она во времени, другую, которую получаетъ она въ вѣчности; одну, въ которой она подвизается на землѣ, другую, въ которой она получаетъ воздаяніе на небѣ; одну, въ которой она собираетъ награды, а другую, въ которой она радуется уже о полученныхъ наградахъ; но въ той и другой жизни она приноситъ жертву. Здѣсь жертву сокрушенія, а тамъ жертву хвалы. Объ этой-то жертвѣ говорится: *жертва Богу духъ сокрущень* (Псал. L, 19). А о той написано: *тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожиаемая* (Тамъ же, ст. 21). И еще о ней (Псалмопѣвецъ) говоритъ: *яко да воспоетъ Тебѣ слава моя, и не*

уми твоя (не умолкнетъ) (Исаи. XXIX, 13). Но въ той и другой жертвѣ приносятся мяса; потому что приношеніе мяса здѣсь состоитъ въ изнуреніи плоти, тамъ приношеніе мяса состоитъ въ прославленіи Бога за славу воскресенія. Потому что тамъ плоть будетъ принесена какъ бы во всесоженіе тогда, когда она, получивъ вѣчную невредимость, не будетъ имѣть ничего противорѣчающаго, ничего смертнаго, такъ какъ она, всецѣло прощипнутая огнемъ любви къ Нему (Богу), безконечно пребудетъ въ прославленіи. Итакъ эти внутреннія вѣроты: т. е. въ святой Церкви, имѣютъ свою внутренность, именно ту жизнь, которая сокрыта еще отъ очей нашихъ. Онѣ имѣютъ въѣ себя видѣнный притворъ, т. е. жизнь настоящую, въ которой все доброе дѣлается для того, чтобы достигнуть блага безконечнаго.

5. Итакъ пусть во внутреннемъ притворѣ, который впрочемъ видѣ воротъ, будутъ сокровищницы иѣвцевъ; потому что всѣ избранные и совершенные, которые живутъ еще въ смертномъ тѣлѣ, пахотятся и внутри лона святой Церкви, и еще видѣ сокровенныхъ радостей внутренней жизни. Пусть сокровищницы иѣвцевъ остаются внутри и во видѣ; потому что сердца святыхъ, которыя по великой любви воспеваютъ свое желаніе къ всемогущему

Богу, и внутри суть, и еще не внутри; потому что, находясь въ лонѣ святой Церкви, онѣ и видятъ духомъ то, что внутренно сильно любятъ, и еще не вполне видятъ то, что любятъ. Итакъ пусть остаются сокровищницы во внутреннемъ притворѣ, но выѣвороть, такъ чтобъ онѣ и внутри уже были чрезъ желаніе, и еще не были внутри чрезъ полное исполненіе. Что же значать сокровищницы пѣвцевъ, если не святыя желанія любящихъ? Эти послѣдніе берегутъ въ душѣ Божественныя заповѣди, какъ пѣвчій сокровища; они блюдутъ ихъ съ пѣніемъ, потому что исполняютъ повелѣнія Божіи не по страху, а изъ любви; и для нихъ самихъ заповѣди священнаго Писанія служатъ пѣснями, потому что они исполняютъ ихъ не съ прискорбіемъ, а съ удовольствіемъ. Хотите ли слышать о сердцѣ праведника, какъ бы о сокровищницѣ какого либо пѣвца? — *Истина бяху мнѣ оправданія Твоя, на мѣстѣ пришестьствія моего* (Псал. СХVIII. 54). Оправданіями Божіими мы называемъ Божественныя заповѣди, потому что онѣ насъ оправдываютъ, если мы исполняемъ ихъ. Онѣ на мѣстѣ пришестьствія нашего бывають пѣты тогда, когда мы въ этомъ странствованіи настоящей жизни любимъ эти самыя заповѣди, и съ удовольствіемъ исполняемъ. Поэтому-то тотъ же Псалмопѣвецъ еще изъ сокровищницы пѣв-

цевъ говорить: *милость и судъ всею Тобою, Господи* (Псал. С, 1).

6. Милость Господню, которую отпущаются грѣхи, долженъ воспѣвать даже грѣшникъ, т. е. говорить о ней съ радостію и надѣяться на нее. Но кто праведенъ настолько, чтобы представлять себѣ вѣчный судъ Господень, и не трепетать, а рѣшаться скорѣе итти на этотъ судъ толикаго Судіи, поспѣшать и радоваться? Кто таковъ, тотъ великъ; потому что, воспѣвая милость и судъ Господа, онъ всею полнотою души любить всемогущаго Бога, Который милосердо отпущаетъ ему грѣхи, и потому не боится суда Его. Ибо *совершенная любовь, какъ* говоритъ Апостоль Іоаннь, *изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18). Поэтому онъ воспѣваетъ тотъ судъ, на который предстать не боится. Итакъ пусть будетъ душа его сокровищницею пѣвцевъ, чтобъ она, радуясь богатству милосердія, которое получаетъ, продолжала путь на тотъ судъ, котораго уже не боится. Посмотримъ, возлюбленнѣйшіе братіе, и на другую сокровищницу пѣвца, если угодно. Быть можетъ, и онъ воспѣваетъ судъ. Ибо что онъ говорить? *Азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста. Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ въплемъ правды, еяже воздастъ ми*

Господь въ день онъ, праведный Судія (2 Тим. IV, 6—8). Кто, припоминая о своихъ подвигахъ, о борьбѣ, которую выдержалъ, о вѣрѣ, которую сохранилъ, говоритъ, что ему на судѣ готовъ вѣнецъ, который надѣется получить болѣе въ воздаяніе въ оный день, нежели въ подарокъ: о томъ рѣшительно можно сказать, что онъ воспѣваетъ судъ, на который желаетъ явиться. Поэтому онъ и еще при-совокупляетъ: *не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его* (Тамъ же, ст. 8). Ибо никто не любитъ пришествія судіи, если онъ не увѣренъ, что имѣетъ рѣшительное оправданіе на судѣ. Итакъ сердца тѣхъ, которые любятъ пришествіе Судіи, суть сокровищницы пѣвцевъ; потому что предварительною благодатію и жизнію, подвигами святаго усилія праведники воспѣваютъ тотъ судъ, котораго страшатся всѣ печестивые.

7. Но любовь ваша помнить, что въ предыдущей бесѣдѣ мы сказали, что восточными воротами означается вѣра, сѣверными надежда, а южными любовь. Итакъ объ этихъ сокровищницахъ говорится, что онѣ находятся между воротами восточными и сѣверными. и обращены лицвою стороною къ пути южному; потому что сердца святыхъ, находясь между вѣрою и надеждою, обращаются лицомъ къ пути южному, такъ какъ онѣ горятъ огнемъ святой

любви. И о самыхъ восточныхъ воротахъ говорится, что онѣ обращены къ сѣверному пути; потому что, хотя чрезъ вѣру отпущаются намъ въ Крещеніи всѣ грѣхи, однако же, пока мы живемъ еще здѣсь, даже послѣ вѣры часто склонны бываемъ къ грѣхамъ. И когда жизнь наша послѣ принятой вѣры цѣлѣнѣтъ еще нѣкоторымъ образомъ отъ холода виновности; тогда какъ бы восточныя ворота обращаются къ пути сѣверному. Ибо кто можетъ прожить въ этой жизни, по принятіи вѣры, безъ грѣха, когда Іоаннъ говоритъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамъ, себе прелъцаемъ, и истины нѣтъ въ насъ* (1 Іоан. I. 8)? Согласно съ этими словами Іаковъ говоритъ: *много бо согрѣшаемъ вси* (Іак. III, 2). Но если прежніе грѣхи отпущены въ принятіи вѣры, и по принятіи вѣры мы еще чувствуемъ склонность къ грѣхамъ: то какое будетъ для насъ упованіе на оправданіе, какая надежда на жизнь вѣчную, если не то, чтобы пынѣ, когда еще находимся между воротами востока и сѣвера, возвышали взоры душевные къ пути южному, поколику жаръ любви освободить насъ, разогрѣтыхъ святою любовію, отъ грѣха холода и мороза? Итакъ пусть сокровищницы будутъ между воротами восточными и сѣверными; но пусть, какъ сказано, онѣ будутъ обращаемы лицевою стороною къ пути южному, для то-

го между прочимъ, чтобы мы, рожденные въ вѣрѣ, и послѣ того падшіе во грѣхѣ, имѣя надежду на милосердіе, упражняли самихъ себя въ разогрѣніи любви, и сердечныя взоры устремляли туда, откуда мы воспламеняемся огнемъ любви.

8. Впрочемъ можно разумѣть подъ сѣверными воротами язычество, подъ южнымъ путемъ Іудею, а подъ восточными воротами самаго Господа. Сѣверомъ не несправедливо образно представляется язычество, которое обдастъ холодомъ тотъ властитель, который сказалъ: *сяду на горь висоцъ, на юрахъ високихъ, яже къ сѣверу* (Ис. XIV, 13). И подъ южными воротами справедливо можно разумѣть Іудею, въ которой духовные отцы горѣли небесною любовью. Одинъ изъ нихъ говоритъ: *возврати, Господи, плыніе наше: яко потоки югомъ* (Псал. СХХV, 4). Хотя она имѣла плотской народъ, въ которомъ посила какъ бы холодъ сѣвера, но въ святыхъ своихъ учителяхъ и Пророкахъ она горѣла огнемъ любви къ Богу и ближнему. А восточныя ворота справедливо означаютъ Того, о Комъ написаю: *се мужъ, востокъ имя Ему* (Захар. VI, 12), и о Которомъ Захарія говоритъ: *посытилъ есть насъ востокъ свыше* (Лук. I, 78). Итакъ пусть остаются сокровищницы цѣвцевъ на сторонѣ воротъ сѣверныхъ; потому что, ^ѣне только въ Іудеи сердца

святыхъ духовно пламенѣли, но и во множествѣ язычества, обратившагося къ таинствамъ святой вѣры, горять сердца святыхъ любовію къ небесному отечеству, стремятся къ вѣчнымъ радостямъ, напрягаютъ усилія къ сообществу своихъ согражданъ на небѣ: однако же примѣры этой ревности, которую они получили въ даръ отъ Духа Святаго, они заимствуютъ отъ духовныхъ отцевъ Синагоги. Поэтому и самыя сокровищницы, устроенныя на сторонѣ сѣвера, имѣють лицевую сторону къ пути южному. Ибо вотъ мы пришли изъ язычниковъ; но въ томъ, что мы пламенѣемъ любовію Св. Духа, мызираемъ на отцевъ Іудей, которые въ своихъ изреченіяхъ ежедневно доставляютъ намъ примѣры святаго стремленія.

9. Не полуденнымъ ли какъ бы жаромъ горѣлъ тотъ, кто жаждалъ, говоря: *имже образомъ жагаетъ елень на источники водыя: сице жагаетъ душа моя къ Тебе, Божее; возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. ХLІ, 2. 3). Онъ же еще говоритъ: *пою и разумлю въ пути непорочнѣ, когда приидеши ко мнѣ* (Псал. С, 2). Этимъ же самымъ пламенемъ горѣлъ тотъ, который говорилъ: *нынѣ отпуцаемъ раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣсте очи мои спасеніе Твое* (Лук. II, 29. 30).

Итакъ, поелику мы пришли изъ язычества, по свя-
тыхъ отцевъ изъ Иудей считаемъ за образцы для се-
бя въ подражаніи ихъ любви Божественной; то мы
какъ бы нѣкія сокровищницы пѣвцевъ съ боку во-
ротъ, устроенныхъ на пути къ сѣверу, но лица обра-
щаемъ къ пути южному.

10. И замѣчательно, что о тѣхъ же самыхъ
сокровищницахъ говорится, что онѣ находятся ме-
жду воротами сѣверными и восточными; потому что,
именно послѣ воплощенія Господня, множество языч-
никовъ обратилось къ вѣрѣ, и между этими самыми
вѣрующими народами и таинствами Господня вопло-
щенія, которое они сердечно любятъ, возвышаются
сердца любящихъ. Итакъ пусть святая сокровищ-
ница имѣютъ съ одной стороны восточныя ворота,
а съ другой сѣверныя; потому что между самыми
таинствами ихъ искупленія, которыя они принима-
ютъ, и нѣкоторыми плотскими людьми, которыхъ тер-
пятъ даже внутри святой Церкви, многіе преуспѣ-
ваютъ въ крѣпкой любви къ Богу, отличаются до-
блестями, желаютъ пришествія вѣчнаго судія и ме-
жду тѣмъ, что они любятъ, и тѣмъ, что они пере-
носятъ, служатъ какъ бы нѣкоторыми сокровищ-
ницами, вмѣщающими въ душѣ богатство духа. Ме-
жду таинствъ, которыя любятъ, и нѣкоторыми не-
приятностями, которыя переносятъ, они не ослабѣ-

вають, потому что устремляютъ взоры къ пути южному. Ибо что такое мы терпимъ, чего прежде не претерпѣли отцы наши изъ любви ко Господу?

11. Но надобно замѣтить, что между воротами южными и сѣверными описываются ворота восточныя; потому что Господь и Искупитель нашъ родился въ Иудеи, и скоро устроилъ на вѣрѣ въ Него Церковь изъ язычниковъ. Ибо Онъ явился какъ бы между южными и сѣверными воротами; потому что изъ той пришелъ Онъ, а этихъ обратилъ къ служенію Себѣ. Поэтому и хорошо говорится, что эти же восточныя ворота обращены къ пути сѣвера; потому что родившійся Господь оставилъ Синагогу, и собралъ множество язычниковъ. И надобно замѣтить, что когда о сокровищницахъ было сказано: *и лице ихъ противъ пути южнаго*, тогда прибавлено—*одного*, для того, чтобъ именно мы ясно знали, что не другой путь къ небесному отечеству для насъ, пришедшихъ изъ язычества, и не другой для тѣхъ отцевъ, которые были въ Иудеи: но для насъ и тѣхъ одинъ и тотъ же путь есть тотъ, который ведетъ насъ къ вѣчнымъ радостямъ, который чрезъ Евангеліе говоритъ намъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. XIV, 16). О немъ Псалмонѣвецъ говоритъ: *познати на земли путь твой, во всѣхъ язы-*

цркъ спасеніе твое (Псал. LXVI, 3). Ибо что по еврейски называется Иисусомъ, то по Латыни называется спасеніемъ. Слѣдовательно, путь на землѣ познается потому, что Иисусъ, Богъ прежде вѣковъ, и человекъ на концѣ вѣковъ, явился язычникамъ. Итакъ одинъ есть путь и для тѣхъ, которые отъ юга, и для тѣхъ, которые взираютъ со стороны сѣверной; потому что для избранныхъ Иудеевъ и язычниковъ Господь и Искупитель нашъ, по уничтоженіи наказанія страха, содѣлался путемъ любви къ Отцу, и помощію въ шествіи къ Нему. Далѣе слѣдуетъ: *и сказалъ къ мнѣ: эта сокровищница, которая обращена къ пути полуденному, есть тѣхъ жрецовъ, которые стоятъ на стражѣ храма.* И тотчасъ присовокупляется: *далѣе сокровищница, обращенная къ пути сѣверному, будетъ тѣхъ жрецовъ, которые стоятъ на стражѣ олтаря* (Іезик. XI, 45 — 46. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

12. Въ этихъ словахъ Пророка намъ должно отыскать, какіе жрецы высшей степени, — тѣ ли, которые стоятъ на стражѣ храма, или тѣ, которые въ прислугѣ олтарю. Но послѣ присовокупляется: *олтарь былъ предъ лицемъ храма:* то ясно показывается, что высшей степени тѣ жрецы, которые стоятъ на стражѣ храма; потому что

вполнѣ завѣдываютъ олтаремъ, который внутри. А тѣ, которые стоятъ на стражѣ олтаря, который предъ лицемъ храма, тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе занимаются виѣшнимъ. Поэтому надобно намъ отыскать, кто суть тѣ жрецы, которые охраняютъ храмъ, и кто тѣ, о когорыхъ говорится, что они охраняютъ олтарь. Учитель языковъ, ниша вѣрующимъ, говоритъ: *храмъ Божій святъ есть; иже есте вы* (1 Кор. III, 17). Итакъ кто же суть тѣ жрецы, которые охраняютъ храмъ Божій, если не тѣ, которые молитвою, проповѣдію, наблюдениемъ за чистотою нравственности, защищаютъ святую Церковь отъ нападеній злыхъ духовъ, отъ вліаній нечестивыхъ (людей), отъ заблужденій еретическихъ? Не стражъ ли храма быть тотъ, кто, изчисляя подвиги своего страданія, говоритъ: *въ трудѣ и въ изнуреніи, часто во бдѣніи, въ гладѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ?* И тотчасъ присовокупляетъ: *кромя постороннихъ приключеній, ежедневное ко мнѣ стеченіе людей, забота о всѣхъ Церквахъ* (2 Кор. XI. 27—28. по рускому переводу). Прошу обсудить, съ какою заботливостію бодрствуетъ стражъ храма. Ибо вотъ онъ неизъяснимо страдаетъ самъ въ себѣ, и удѣляетъ заботливость сердца своего другимъ. Какого подвига, спрашиваю я, стоитъ то, чтобы болѣе думать о пользѣ ближнихъ, нежели о своемъ

бѣдствіи? Кто это достойно оцѣнить? Кто вѣрно обсудить? Онъ подвизается, скорбитъ, алчетъ, жаждетъ, терпитъ холодъ, постигается, не спитъ, и однако же бодренно помышляетъ о безпокойствѣ всѣхъ церквей. Вотъ искуснѣйшій стражъ храма, представленный въ примѣръ. Да подражаетъ ему, кто можетъ. Ибо терпѣть несчастія за истину, дѣлать добро ближнимъ, бодрствовать надъ спокойствіемъ душъ, отыскивать и предѹпреждать, дабы кто не цалъ въ вѣроломство, не предался гордости, не предался воровству, или нечистотѣ, — вотъ что значить оберегать храмъ Божій, т. е. святую Церковь.

13. Но есть жрецы высшей степени, которые прислуживаютъ олтарю, которые именно въ помощь высшимъ тонко слѣдятъ за грѣхами нечестующихъ, и исправляютъ жизнь плотскихъ людей, и доводятъ ихъ до того, что они слезами покаянія какъ бы въ жертвоприношеніи сожигаютъ ту плоть, которой прежде дозволяли жить въ грѣхѣ. Ибо тѣ, которые начальствуютъ надъ святыми церквями, не могутъ всего дѣлать лично сами. Но занимаясь сами дѣлами духовными, они, узнавъ о какихъ либо нечестивыхъ и плотскихъ дѣлахъ, поручаютъ другимъ обличить ихъ и исправить. Когда этими плотская жизнь исправляется, и исправляющимися доводится до расположенія къ воздержанію и молит-

вѣ; тогда плоть какъ бы уже на оltарѣ сожигается, такъ что предъ очами всемогущаго Бога возносится жертвоприношеніе оттуда, откуда прежде отвратительно пахло грѣхомъ.

14. Но здѣсь рождается вопросъ: послѣку выше сказано, что сокровищница имѣла лицевую сторону къ пути южному; то какъ же теперь говорится, что сокровищница, обращенная къ пути южному, для тѣхъ жрецовъ, которые стоятъ на стражѣ храма, а сокровищница, обращенная къ пути сѣверному, для жрецовъ, стоящихъ на стражѣ оltаря? Ибо, если та и другая имѣли лицевую сторону къ пути южному; то какъ же теперь говорится, что одна обращена къ пути южному, а другая къ сѣверному? Но въ этихъ словахъ мы познаемъ, что сокровищница тѣхъ жрецовъ, которые стояли на стражѣ храма, имѣла такое положеніе, что обращена была къ одному только пути южному; а сокровищница тѣхъ жрецовъ, которые стояли на стражѣ оltаря, имѣла въ притворѣ такое положеніе, что обращена была лицомъ и къ южному пути, и къ сѣверному; потому что она, и совокупно съ сокровищницею жрецовъ, содержавшихъ стражу храма, смотрѣла на южный путь, и однако же безъ сокровищницы этихъ же жрецовъ сокровищница тѣхъ жрецовъ, которые содержали стражу оltаря, смотрѣла на путь

сѣверный. Но что это значитъ, возлюбленнѣйшіе братіе? Что таинственнаго мы можемъ видѣть въ этихъ словахъ, если не то, что по предстоящему духовный слушатель уже разумѣтъ, что тѣ жрецы высшего чина, которые стѣяютъ на стражѣ храма, взираютъ на одинъ только путь полуденный, потому что, будучи заняты одними только упражненіями духовными, всегда тщательно устремляютъ вниманіе на то, что составляетъ сущность любви къ Богу; но тѣ жрецы низшаго чина, которые преимущественно занимаются истребленіемъ грѣховъ въ людяхъ нечестивыхъ, обращаютъ взоры и на путь сѣверный, для того, чтобы видѣть въ душѣ согрѣшающихъ, какой въ нихъ холодъ безчувственности, и словами обличенія доводя ихъ до слезъ покаянія, сожигать какъ бы мяса на алтарѣ Господнемъ? Взираютъ вмѣстѣ съ великими жрецами и на путь полуденный; потому что, сколько касается лично ихъ самихъ, они пламенѣютъ огнемъ любви, и объаты пламенемъ любви къ Богу. Но поелику часто исправляютъ грѣхи нечестивыхъ, то обращаютъ взоры и къ пути сѣверному. Впрочемъ о тѣхъ и другихъ чинахъ жрецовъ присовокупляется: *они суть сыны Садоковы, приступающіе отъ сыновъ Левитыхъ къ Господу, чтобы служить Ему* (Іезик. XL, 46. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

15. Садокъ по латыни значить праведный. Но кто праведенъ, если не Тотъ, Кому говорится: *праведенъ еси, Господи, и прави суди Твои* (Псал. СХVІІІ, 137)? Кто же сыны праведнаго, если не тѣ, о которыхъ написано: *елицы же прияша Ею, даде имъ область надомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Ею* (Юан. 1, 12)? Но Левій значить принятый. Кто же принять отъ Господа, если не вѣрный тотъ народъ, который чрезъ таинства вѣры отдѣленъ отъ невѣрующихъ? Слѣдовательно, всѣ тѣ, которые постоянно стремятся къ духовнымъ дѣламъ, суть праведники. И отъ сыновъ народа принятаго приступаютъ къ Господу, чтобы служить Ему; потому что даже изъ самыхъ вѣрующихъ избираются тѣ, которые приступали бы къ служенію всемогущему Богу, и для наученія народа имѣли бы небесную ревность.

16. Но намъ тщательно надобно изслѣдовать, кто суть тѣ, которые служатъ Господу. Ибо не всѣ тѣ, которые читаютъ, не всѣ тѣ, которые проповѣдуютъ, не всѣ тѣ, которые раздають собственность, не всѣ тѣ, которые чрезъ воздержаніе плоти обуздываютъ тѣло, служатъ Господу. Ибо тѣ, которые читая и проповѣдая, домогаются себѣ славы, щедро раздавая свою собственность, и умерщвляя тѣло воздержаніемъ, желаютъ себѣ прославленія отъ лю-

дей, служить себѣ, но не Господу. Противъ этого Господь чрезъ Псалмопѣвца говоритъ: *ходяи по пути непорочну, сей Ми служаше* (Псал. С, 6). Ибо тотъ имѣеть пятно на пути, кто въ добромъ дѣлѣ, которое творить, предполагаетъ себѣ награду въ земной славѣ, кто желаетъ получить награду въ этомъ мірѣ, и чернить въ очахъ Божіихъ видѣ добраго дѣла пятномъ недобраго намѣренія. Иной, на примѣръ, кипитъ ревностію строгости, сильно обличаетъ пороки нечестивыхъ; но если онъ имѣеть побужденіе къ этому дѣлу не въ любви къ всемогущему Богу, а въ собственной ревности, то въ этомъ служить себѣ, а не Господу. Другой съ кротостію переноситъ многое, несправедно содѣваемое, для того, чтобы не было видимо, что онъ гордъ. Слѣдовательно, онъ потому, что не хочетъ быть справедливымъ ради Господа, заботливостію о своей кротости служить себѣ, а не Господу. Игакъ остается, чтобы мы, трудимся ли въ служеніи слову, раздаемъ ли нашу собственность нуждающимся, укрощаемъ ли плоть воздержаніемъ, ревнуемъ ли, переносимъ ли иногда обиды съ терпѣніемъ и кротостію, съ особенною строгостію обсуживали свое намѣреніе, потому что все, что мы дѣлаемъ, должны дѣлать не для себя, но по усердію къ Господу. дабы тѣмъ, что мы дѣлаемъ, не служить болѣе

себѣ, нежели Господу. Ибо не Господу, а себѣ служили тѣ, о которыхъ Павелъ говоритъ: *ищутъ своею, а не того, чего требуетъ Иисусъ Христосъ* (Фил. II, 21 по русскому переводу). Но тотъ же Павелъ съ избранными братьями спѣшилъ служить не себѣ, но Господу, и жизнью и смертію, говоря: *никто изъ насъ не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя; а живемъ ли, живемъ для Господа; умираемъ ли, для Господа умираемъ; и потому живемъ мы, или умираемъ, всегда Господни* (Рим. XIV, 7. 8. по русскому переводу). Ибо святые для себя ни живутъ, ни умираютъ. Не живутъ для себя, потому что чрезъ все, что они дѣлаютъ, домогаются приращеній духовныхъ, и молясь, проповѣдуя, занимаясь святыми дѣлами, они желаютъ умножать число гражданъ небснаго отечества. Не умираютъ для себя, потому что въ виду людей они своею смертію прославляютъ Бога, къ Которому спѣшать достигнуть даже смертію. Итакъ въ смерти святыхъ надобно намъ обращать вниманіе не на то, сколько было имъ поношенія отъ невѣрныхъ, но на то, какая слава Господня возрасла въ сердца вѣрующихъ. Если бы они искали своей славы, то въ смерти вѣрно устрашились бы терпѣть столько безчестія. Но никто изъ нихъ ни живетъ для себя, ни умираетъ для себя, потому

что ни въ жизни ни въ смерти они не ищутъ своей славы. Посмотримъ, для себя ли умеръ тотъ самый первый Пастырь Церкви, который жилъ не для себя. Пусть вопросятъ товарища его Іоанна, и пусть сей на основаніи словъ Господнихъ говоритъ о смерти того же самаго пастыря: *сіе же рече, назнаменуя, кою смертію прославитъ Бога* (Іоан. XXI, 19). Следовательно, не для себя умеръ тотъ, кто смертію прославилъ Бога. Итакъ поучимся, братіе мои, тщательно обсуживать свое намѣреніе во всемъ, что мы дѣлаемъ, и не искать своего, если желаемъ служить всемогущему Богу. (Но послѣднее мы сказали, что изъ вѣрующаго народа избираются на служеніе всемогущему Богу сыны Садоковы: то ужели въ томъ же народѣ нѣтъ многихъ, которые оказались бы совершенно живущими по заповѣдямъ Божиимъ?—Рѣшительно есть; ибо присовокупляется: *и измѣрилъ притворъ въ длину сто локтей, и въ широту сто локтей, въ квадратъ* (Іезик. XL, 47. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника):

17. Мы часто уже говорили, что долгою означается долготерпѣніе надежды а широтою—обширность любви. Впередѣ же гораздо выше (бесѣд. VI, 18. 19) сказано, что сотое число, въ которомъ десять помножаются на десять, означаетъ **верхъ**

совершенства. И такъ что значить притворъ духовнаго зданія, если не обширность вѣрующихъ народовъ? Но не пусты въ сердцахъ вѣрующихъ и долготерпѣніе надежды и широта любви, ибо онѣ чрезъ вѣру совершаютъ то, что могутъ. Поэтому чрезъ Павла говорится: *во Христь Иисусъ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но въра дѣйствующая любовью* (Галат. V, 6. по рускѣму переводу). И такъ, если въ жизни вѣрующихъ до нѣкоторой степени во всѣхъ совершенно долготерпѣніе надежды, совершенна обширность любви, совершенна увѣренность вѣры, совершенна ревность къ подвигамъ: то притворъ храма имѣетъ квадратъ во сто локтей. Въ мѣрѣ же квадрата нѣтъ ни одной стороны болѣе, и нѣтъ ни одной менѣе, но всѣ вмѣстѣ четыре стороны имѣютъ равное протяженіе; потому что и сама тѣ добродѣтели, о которыхъ мы сказали, т. е. вѣру, надежду, любовь и дѣятельность, доколѣ мы живемъ въ этой жизни, мы находимъ въ себѣ самяхъ равными ихъ одну другой. Но любовь называется болшею надежды и вѣры потому, что послѣ того, какъ являются предъ лице нашего Создателя, надежда и вѣра преходятъ, а любовь остается. Ибо нынѣ, на сколько мы вѣруемъ, на столько любимъ; и на сколько любимъ, на столько надѣемся. О вѣрѣ же и дѣятельности Апостоль Іоаннь говорить:

малою, яко познахъ Ею (Бога), и заповѣди Ею не соблюдаеть, ложь есть (1 Юан. 11, 14). Потому что познаніе Бога принадлежитъ вѣрѣ, а соблюденіе заповѣдей—дѣятельности. Итакъ, когда есть сила, время и мѣсто для дѣятельности, тогда всякій трудится на столько, на сколько позналъ Бога; и показываетъ, что на столько позналъ Бога, на сколько творить добра ради Бога. Итакъ добродѣтели вѣрующаго народа измѣряются квадратомъ; потому что всякой, занимающійся дѣятельною жизнію, на столько вѣруетъ, на сколько надѣется, и и любитъ, и дѣйствуетъ; на столько надѣется, на сколько вѣруетъ, дѣйствуетъ и любитъ; на столько любитъ, на сколько вѣруетъ, надѣется и дѣйствуетъ; на столько дѣйствуетъ, на сколько вѣруетъ, любитъ и надѣется. Такъ какъ въ народѣ святой Церкви есть много и крѣпкихъ по вѣрѣ, и долготерпѣливыхъ по надеждѣ, и обширныхъ любовію, и ревностныхъ въ дѣятельности; то притворъ храма имѣетъ мѣру сто локтей въ квадратъ.

18. Ибо, чтобы намъ сказать что либо и о добродѣтеляхъ ихъ, то мы часто видимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ благоразумными по разумѣнію, стойкими въ несчастіи, справедливыми на дѣлѣ, умѣренными въ удовольствіяхъ, и мѣрно со всею ревностію держащихся отличія. Когда они держатся мудрости, му-

жества, правосудія и умѣренности, или, какъ нѣкоторымъ угодно перечислять ихъ, мудрости, умѣренности, мужества и правосудія, то мѣру духовнаго притвора имѣютъ въ квадратъ. Ибо вотъ самыя добродѣтели, которыя, по нашему слову, имѣютъ добрыя и вѣрующіе, состоятъ въ такомъ квадратѣ, что одна за другую не выступаетъ. Потому что великая добродѣтель есть мудрость; но если она менѣе умѣренна въ наслажденіяхъ, менѣе мужественна въ опасностяхъ, менѣе правосудна въ дѣлахъ, то вѣрно менѣе мудра. Велика добродѣтель есть умѣренность; но если она менѣе разумѣтъ, чѣмъ умѣрять себя, если менѣе можетъ выдерживать несчастія мужествомъ, и въ страхѣ упадаетъ духомъ, если она по своей опрометчивости рѣшается иногда на дѣла несправедливости, то менѣе умѣренна. Велика добродѣтель мужество; но если оно менѣе разумѣтъ, какія блага охранять, какому злу противостоять, если менѣе умѣрляетъ себя въ желаніи наслажденія, но побѣждается услажденіемъ, если менѣе держится дѣлъ справедливости, и препобѣждается иногда господствомъ несправедливости, то оно менѣе мужественно. Велика добродѣтель правосудіе; но если оно менѣе, нежели сколько должно, дѣлаетъ различіе между дѣлами справедливыми и несправедливыми, если менѣе умѣрляетъ сердце въ наслажденіи

міромъ, если менѣе укрѣпляетъ себя противъ несчастій, то менѣе правосудно. Итакъ пусть жизнь совершенныхъ вѣрующихъ измѣряется квадратомъ, и одна сторона духовнаго притвора пусть имѣетъ столько, сколько прочія другія; потому что всякой столько будетъ мудръ, сколько будетъ умѣренъ, мужественъ и справедливъ; столько умѣренъ, сколько мудръ, мужественъ и справедливъ; столько мужественъ, сколько мудръ, умѣренъ и справедливъ; столько справедливъ, сколько мудръ, умѣренъ и мужественъ. Между тѣмъ есть еще многіе между нами, которые живутъ по плоти. Эти хотя быть могутъ не знаютъ письмени, и заповѣдей Божіихъ читать не могутъ, однако же въ обращеніи со многими вѣрующими вѣрно видятъ тѣ добродѣтели, которымъ подражать должны. Вотъ въ Церкви раздаются звуки Святаго Евангелія и Апостоловъ, вотъ ежедневно представляются взорамъ всѣхъ примѣры людей добродѣтельныхъ. Они не могутъ говорить: мы не видали того, чему бы должны были подражать. Поэтому и присовокупляется: *и отарь предъ лицемъ храма* (Іезик. XL, 47. по буквальному переводу съ латинскаго подлинника).

19. Что есть храмъ, если не народъ вѣрующій? Такъ какъ чрезъ Павла ученикамъ Апостольскимъ говорится: *храмъ бо Божій святъ есть, иже*

есте вы (1 Кор. III, 17). И что значитъ оltарь Божій, если не душа людей добродѣтельныхъ? Они, памятуя о грѣхахъ своихъ, смываютъ пятна слезазами, плоть умерщвляютъ воздержаніемъ, ни въ какія дѣла міра сего не вмѣшиваются, раздають свое имѣніе бѣднымъ, и не желаютъ имѣть того, чего не имѣють. Поэтому справедливо сердце ихъ называется оltаремъ Божиимъ, на которомъ отъ скорби сокрушенія горитъ огонь, и сожигается плоть. И неужели мы, возлюбленнѣйшіе братіе, ежедневно не видимъ таковыхъ въ святомъ этомъ вѣрующемъ народѣ, какъ бы въ притворѣ храма? Ужели не взираемъ непрестанно на жизнь ихъ, предложенную въ примѣръ для насъ? И такъ оltарь предъ лицемъ храма, когда многіе поставлены на виду святой Церкви такіе, которые, памятуя о вѣчномъ судѣ, ежедневно въ плачѣ сокрушенія закалають самихъ себя въ жертвоприношеніе Богу. Они, какъ выше сказано, очищаютъ тѣла, поколику исполняютъ то, что говорится чрезъ учителя языковъ: *представьте тѣлеса ваша жертву живоу, святу, благоудобну Богови* (Рим. XII, 1). Потому что жертва убивается для того, чтобы быть принесенною. Но жертва живая есть тѣло, изнуренное ради Господа. Оно и жертвою называется, и живою, потому что и живо для добродѣтелей, и убито для пороковъ. Жертва

оно именно потому, что уже мертво для міра сего по дѣламъ нечестивымъ; а живо потому, что дѣлаегь всѣ добродѣтели, когорья можетъ.

20. По поеліку подѣ именемъ олтара у насъ привзошло слово о пламени сокрушенія: то я считаю необходимымъ показать, какое должно быть различіе этого самага сокрушенія. Потому что одно сокрушеніе есть то, которое раждается отъ страха, а другое то, которое раждается отъ любви; потому что иное значить—бѣгать отъ наказаній, и иное—желать награды. Поэтому-то закономъ повелѣвается, чтобы даже въ Скиини было два олтара, одинъ именно внѣшній, а другой внутренній; одинъ въ притворѣ, другой предѣ ковчегомъ; одинъ тотъ, который былъ сдѣланъ изъ мѣди, другой тотъ, который покрытъ золотомъ (Исх. XXXIX, 37. 38. XL. 5 и далѣе). Но на олтаре мѣдномъ сожигаются мяса, а на олтаре золотомъ курятся ароматы. Что это значить, возлюбленнѣйшіе братіе, что внѣ сожигаются мяса, внутри ароматы, если не то, что мы видимъ ежедневно; потому что два рода сокрушенія, такъ какъ одни мучатся еще отъ страха, а другіе уже изъ любви проливаютъ слезы? Ибо многіе, памятуя о грѣхахъ своихъ, когда устрашаются вѣчныхъ наказаній, тогда ежедневно обливаютъ себя слезами. Они убиваютъ то зло, которое сдѣлали, и ог-

немъ сокрущенія сожигаютъ тѣ пороки, которыхъ прираженія доселѣ еще ощущаютъ въ сердцѣ. Что жь они такое, если не мѣдный оltарь, на которомъ сожигаютъ мяса, потому что ими доселѣ еще очищаются дѣла плотскія?

21. Но другіе, будучи свободны отъ пороковъ, или уже омывши ихъ продолжительными слезами, горятъ пламенемъ любви въ слезахъ сокрушенія, сердечными очами видятъ впереди награды небеснаго отечества, желаютъ быть уже среди вышнихъ гражданъ. Продолжительность страствованія ихъ кажется имъ жестокимъ рабствомъ. Они желаютъ видѣть Царя въ славѣ Его, и ежедневно не перестаютъ плакать изъ любви къ Нему (Ис. XXXIII, 17). Что такое они, если не золотой оltарь, въ сердцѣ которыхъ зажжены ароматы, потому что горятъ добродѣтели? Хорошо же говорится о томъ же оltарѣ, что онъ имѣлъ положеніе предъ завѣсою *ковчега во святая святыхъ*. Потому что ковчегомъ завѣта содѣлался для насъ Самъ Тотъ, о Которомъ, какъ мы знаемъ, написано: *въ Немъже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колов. II, 3). Ковчегъ за завѣсой есть Искушитель нашъ на небѣ. Но оltарь золотой, на которомъ курится фиміамъ предъ завѣсою, суть сердца святыхъ, которыя, будучи воспламенены великими добродѣтелями изъ любви къ

Богу, пламенѣють святымъ стремленіемъ къ Тому, Кого еще не могутъ видѣть открытымъ лицомъ. Поелику между ковчегомъ и олтаремъ есть завѣса: то это значить, что то препятствіе нашего поврежденія, которое еще отдѣляетъ насъ отъ видѣнія Бога, не велико. Но доколѣ мы находимся еще предъ завѣсою, намъ должно горѣть, какъ бы возженному фіміаму, пламенемъ любви. Черезъ слезы сокрушенія мы не должны желать ничего земнаго, ничего преходящаго. Для насъ достаточно должно быть Того Единаго, Который все сотворилъ.— Прослѣдимъ по желанію все, чтобы собрать душу воедино. Не страхомъ уже наказаній, не воспоминаніемъ о порокахъ, но пламенемъ любви объятые, будемъ горѣть въ слезахъ съ запахомъ добродѣтелей.

22. Эта молитва избранныхъ была уже предвидѣна, когда въ похвалѣ невѣстѣ было сказано: *кто сія восходящая отъ пустыни, яко стебло дыма кадящее смирну и ливанъ, отъ востѣхъ благовоній мррорарца* (Пѣсн. пѣсн. III, 6)? Потому что святая Церковь избранныхъ, когда по пламенной любви вышится въ святыхъ молитвахъ надъ симъ міромъ, восходитъ чрезъ пустыню, которую оставляетъ пустою. Но какъ она восходитъ, сказано: *яко стебло дыма кадящее смирну и ливанъ*. Дымъ произходитъ отъ горенія, какъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *да ис-*

правится молитва моя, яко кадило (жертвокурѣніе) предъ Тобою (Псал. СХІ, 2). Дымъ обыкновенно выжимаетъ слезы. Слѣдовательно, дымъ изъ ароматовъ значить умилительную молитву, составленную изъ добродѣтелей любви. Впрочемъ эта молитва называется *стебломъ дыма*, потому что, умоляя объ одномъ только небесномъ, имѣетъ такое прямое направленіе, что рѣшительно не уклоняется въ прошенію земнаго и временнаго. И замѣчательно, что она называется, не лозою, но *стебломъ* (лозишкою), потому что иногда въ жару сокрушенія сила любви бываетъ такъ тонка, что ее не можетъ понять тотъ самый духъ, который заслужилъ имѣть ее чрезъ озареніе.

23. Но хорошо говорится: *кадящее смирну и ливанъ*. Ибо ладонъ по закону Господню зажигается при жертвоприношеніи. Смирною же бальзамируются тѣла умершихъ, дабы онѣ не были вредны отъ червей. Слѣдовательно, жертвоприношеніе смирны и ливана (ладона) приносятъ тѣ, которые и тѣло изнуряютъ для того, чтобы не обладали ими пороки поврежденія, и приносятъ благоухающую предъ лицемъ Господа жертву любви своей, и предають самихъ себя Богу въ святыхъ добродѣтеляхъ. Поэтому-то и тамъ присовокупляется: *отъ всѣхъ благовоній муроварца*. Благовоніе муроварца есть

добродѣтель хорошо дѣйствующаго. И надобно замѣтить, что добродѣтели хорошо дѣйствующихъ называются не мастями, но благовопіями. Ибо когда мы дѣлаемъ что либо доброе, тогда приносимъ въ жертву масти. А когда мы обсуживаемъ даже самое то добро, которое дѣлаемъ, и при тщательномъ обсужденіи обращаемъ вниманіе на то, чтобы въ немъ не было чего либо нехорошаго: тогда какъ бы изъ мастей изыскаемъ благовопія, чтобы тонѣе курить намъ предъ Господомъ молитву свою съ разборчивостію и любовію.

24. Вотъ, возлюбленнѣйшіе братіе, мы, по милости Божіей, прояснили это предъ вами, какъ могли. Но никто да не укоряетъ меня за то, если я послѣ сей бесѣды умолкну; потому что, какъ всѣ вы видите, наши напасти увеличились до чрезмѣрности: со всѣхъ сторонъ мы окружены мечами, со всѣхъ сторонъ угрожаетъ намъ опасность смерти. Одни возвращаются къ намъ съ оторванными руками, другіе плѣнены, о третѣихъ слышно, что они убиты. Я уже нахожусь вынужденнымъ удержать языкъ отъ объясненія, потому что скорбитъ душа моя о жизни моей (Іов. X, 1). Пусть уже никто не проситъ отъ меня объясненія святаго Писанія, потому что *обратишася въ плачь нусли моя, тѣнь же моя въ рыданіе мнѣ* (Іов. XXX, 31). Око сердца уже

не прозираеть въ проясненіе таинствъ, потому *что въздрема душа моя отъ умынія* (Псал. СХVIII, 28); Уже не сладостно для души чтеніе, *яко забыхъ съисти хлѣбъ мой отъ гласа въздыханія моего* (Псал. CI, 5). Но кому не хочется жить, тотъ можетъ ли възвѣщать о таинствахъ въ смыслахъ Св. Писанія? И я, которій ежедневно принужденъ бываю пить горькое, могу ли когда либо подносить питье сладкое? Что жъ теперь остается, если не то, чтобъ мы среди ударовъ, которые терпимъ за свои беззаконія, со слезами благодарили Господа? Ибо Онъ, Который сотворилъ насъ, содѣлался и Отцемъ для насъ чрезъ духа усыновленія, дарованнаго намъ. И Онъ иногда цитаеть дѣтей хлѣбомъ, а иногда вразумляетъ ихъ розгою; потому что чрезъ скорби и награды восцѣтываетъ ихъ къ наслѣдію нескончасемому. И такъ да будетъ слава всемогущему Господу нашему Иисусу Христу, Который живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

Конецъ,

и Богу слава, Емуже честь и держава всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.